

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ РУССКОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ИСЛАНДСКАЯ КАРТА РУССКИЙ АРКАН

ДИЛОГИЯ

Знаменитая диалогия, написанная в жанре альтернативной истории и «альтернативной географии», — впервые в одном томе!

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ РУССКОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ИСЛАНДСКАЯ КАРТА РУССКИЙ АРКАН

ДИЛОГИЯ

Землеиная диалогия, написанная в жанре альтернативной истории и «альтернативной географии», — впервые в одном томе!

Annotation

Дилогия популярного фантаста Александра Громова написана в жанре альтернативной истории и "альтернативной географии". К началу двадцать первого века императорская Россия, процветающее патриархальное государство, занимает одно из ведущих мест в мировой политике, споря за глобальное влияние с Великобританией, Францией, Германией и другими развитыми европейскими державами. А Америки просто нет - ни Северной, ни Южной: от западных до восточных пределов Евразии простирается один огромный океан... Граф Николай Николаевич Лопухин, тайный агент Третьего отделения, получает личный приказ императора - сопровождать наследника престола, направляющегося с официальным визитом в Японию. В ходе плавания Лопухину удается раскрыть международный заговор с целью устранения наследника. Теперь осталось только расстроить планы злоумышленников - в открытом море, без поддержки русского флота, под дулами корабельных орудий исландских пиратов, у которых появился новейший неуязвимый суперлинкор. Содержание: Исландская карта (роман) Русский аркан (роман)

- [Александр Громов](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ,](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,](#)

- [Александр Громов](#)
 - [ПРОЛОГ](#),
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#),
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#),
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#),
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#),
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#),
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#),
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#),
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#),
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#),
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#),
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#),
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#),
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#),
 - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#),
 - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#),
 - [ЭПИЛОГ](#),
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Александр Громов
ИСЛАНДСКАЯ КАРТА

ПРОЛОГ

Корабли шли на запад.

Их было три – две каравеллы, названные в честь известных в Палосе куртизанок, и одна каракка, чье имя пришлось переменить. Негоже Адмиралу моря Океана пускаться в великое предприятие на борту посудины с названием «Гальега» [«Галисийка». – Прим. авт.]. Владелец ломался, не желая давать каракке имя Пречистой Девы. Под нажимом уступил, ворча, что над ним будут смеяться во всех портах от Бадалоны до Сантандера. Да кому он нужен, этот баск Хуан де ла Коса! Право, в случае его отказа было бы даже неловко затруднять Святую Инквизицию разбором мелких предрассудков мелкого человечки...

А смеяться не станут. Как только из дымки на горизонте смутно проступят берега Катая или Сипанго, смех будет каким угодно, только не глумливым. И уж тем более когда корабли вернутся в Испанию с трюмами, полными золота, пряностей и азиатских диковин!

Так будет. Обязательно. Иначе зачем он восемь лет кряду вдохновлял, упрашивал, торговался, интриговал при дворе Фердинанда и Изабеллы? Чего ради доказывал в ученых диспутах то, что было очевидно еще Аристотелю? С какой стати потратил зрелые годы единственной – никто не даст другую – жизни на подготовку к великому делу, казавшемуся многим странной причудой, если не ловким жульничеством? Для чего унижался, вызывая насмешки пустоголовой золоченой знати, умолял, доказывал, жил на подачки?

Дело того стоило. Восемь лет – срок большой, но сделано, пожалуй, все, что можно. Титаническими усилиями и бесконечным терпением перевернут огромный замшелый валун, дальше он покатится под уклон сам собой, лишь подтолкни его легонько...

Так верилось.

Неужели ошибка?

Высокий сорокапятiletний человек сидел, сгорбившись, в каюте, больше похожей на конуру. Сквозь крохотное окошко виден был пенный след за кормой «Санта Марии». В кильватер шли «Пинта» и «Нинья». Океан слепил бликами. Было жарко. Адмирал расстегнул на

груди роскошный камзол, швырнул на грубый дощатый стол шляпу с пером. Лицо, когда-то приятное, загорело дочерна и обветрилось. Тяжелые думы прибавили морщин. В рыжеватой шевелюре прочно поселилась седина.

Неужели ошибка?!

Не может быть. Нет и нет. Неточность – да, но ошибки быть не может. Святая Дева не допустит.

Вечерело. Огромный диск солнца клонился к закату, чтобы погаснуть в море Мрака. Подходил к концу тридцать восьмой день плавания на запад.

Господь Вседержитель, спаси и защити! Не дай пропасть великому делу, совершаемому во имя Твое! Позволь рабу Твоему довести до конца начатое! Вразуми неразумных, укрепи малодушных, покарай непослушных десницею Твоею!..

Адмирал молился.

Молитва короткая, но жаркая, от чистого сердца. Сказано «амен» – и полегчало на душе. Но тяжелые мысли никуда не делись.

Что было не доделано там, в Испании? Что было сделано не так? Быть может, следовало умерить требования, выторговав взамен более ощутимую поддержку короны?

Нет, ошибки не было. Все равно пришлось бы пускаться в плавание с теми моряками, что есть. Нет лучших моряков у Арагона и Кастилии. В Португалии они есть, но король Жуан счел непомерными требования безвестного генуэзца...

Дело прошлое. Но и теперь сделано все, что можно! Одной лишь горячей речью укрощен первый бунт. Внесен раскол в команду и в опоре на верное меньшинство малой кровью подавлен второй бунт, гораздо более опасный. Назначено и дважды увеличено вознаграждение тому, кто первым увидит землю. Этот провонявший рыбой палосский босяк станет не просто обеспеченным на всю жизнь человеком, нет, он сделается вторым по значению лицом после губернатора новых земель! То есть он считает, что сделается... Нет иного способа внушить веру в успех, заставить матросов шумно спорить за очередность сидения в корзине на мачте, всматриваясь гноющимися зенками в пустынный горизонт. Олухи доверчивы. Придет удача, и все забудут об опрометчиво данном обещании, а один обиженный не в счет. Чего ради Адмиралу моря Океана и будущему

губернатору богатейших владений дарить за здорово живешь то, что по праву принадлежит ему, Кристобалью Колону, и его сыну Диего? Да, за здорово живешь! Бездельников приходится манить обещаниями щедрых подачек, чтобы они выполняли свои прямые обязанности. Не команда – сброд!

А ведь погода стоит прекрасная, дует попутный ветер. Ни одного серьезного шторма за тридцать восемь дней. Чего же они боятся? У олухов короткое дыхание, они хотят легких успехов. А еще они суеверны и твердят о бесконечности моря Мрака и безумии Адмирала. Поначалу шептались, теперь говорят в голос...

Господи, не оставь! Если верить картам, корабли уже вторую неделю должны идти по суше. Где она, суша? Тосканелли и Бехайм солгали!

Нет. Они лишь заблуждались, полагая Индию и Китай расположенными ближе к Иберии, чем они лежат на самом деле. Кабинетное знание лукаво, оно всегда нуждается в проверке со стороны тех, кто не боится поставить на кон все свое достояние и жизнь в придачу. Нужно просто плыть на запад, пока с верхушки мачты не раздастся радостный вопль: «Земля!»

Океан окрасился в багряные тона. Солнце садилось. Покинув тесную и жаркую каюту, Колон поднялся на палубу.

– Адмирал!

Хуан де ла Коса выглядел чернее тучи.

– Два слова, Адмирал. Прошу на корму. Я не хочу, чтобы нас слышали матросы.

Колон надменно кивнул. Каблуки его ботфорт размеренно простучали по палубному настилу. Проскрипели ступени трапа. Лишь двое на кормовой надстройке.

– Я вас слушаю, капитан.

– Адмирал, я вас умоляю, прикажите повернуть... Команда больше не хочет участвовать в безнадежном деле. Они твердят, что вы всех их погубите. Они опасны, Адмирал. Когда люди боятся всего, и с каждым днем все сильнее, они устают бояться. И в первую очередь в них исчезает страх совершить грех убийства. Вы меня понимаете, Адмирал?

– Отлично понимаю. Вы не в состоянии управлять экипажем. Но вам придется приложить к этому все силы, пока вы у меня в

подчинении. Скажите им... скажите, что я намерен плыть на запад еще три дня. Если через три дня мы не наткнемся ни на Китай, ни на Сипанго, я сам прикажу повернуть назад.

Вечерний ветерок веял прохладой, но на лбу и носу капитана дрожали крупные капли пота.

– Адмирал, я позволю себе напомнить... Вы клялись... Вы уже давали срок в три дня. Сегодня кончился пятый.

– Еще три дня. – В раздражении Колон притопнул ботфортом. – Слышите – три!

– У нас уже осталось меньше половины запаса провизии, да и та портится. Адмирал, у нас выпито больше половины воды и вина! На «Пинте» и «Нинье» с водой еще хуже. Через три дня возвращаться будет поздно! Вы нас погубите! Вы погубите корабль, а ведь это мой корабль!..

– Чепуха! Мы отклонимся к северу и поймем пассат, а вдобавок войдем в полосу попутного течения. Если надо, будем выдавать воду порциями. Но я клянусь вам, этого не понадобится. Если не завтра и не послезавтра, то на третий день вы увидите землю. Вы видели в море водоросли?

– Да, и сегодня их меньше, чем вчера...

– Это ничего не значит. Земля ждет нас на западе. Богатейшая земля!

– Вы все еще верите в это, Адмирал? – В голосе капитана послышалось отчаяние обреченного.

– Больше, чем когда-либо. Идите и выполняйте мои распоряжения.

Хуан де ла Коса молча отошел. Оставшись один на кормовой надстройке, Колон проскрежетал зубами. Они будут послушны! Его воля сломит их ослиное упрямство и приведет к успеху! Еще три дня... Да, через три дня и впрямь, пожалуй, придется повернуть носы каравелл на восток, если не покажется земля... И тогда – крах всем надеждам, напрасно прожитая жизнь... Господи, не допусти!

А де ла Коса ненадежен... И Пинсон... о, Алонсо Пинсон ненадежен вдвойне! Интересно, для чего минувшей ночью «Пинта» подошла впритирку к «Санта Марии»? Чего хотел хитрый Пинсон? О чем сговаривался с де ла Косой? Они думали, что Адмирал спит, но он

пробудился. Иногда разговор вполголоса тревожит сильнее, чем громкий крик, и будит спящего.

К сожалению, ничего толком не удалось подслушать. На прямой вопрос де ла Коса только и сказал: «Пинсон тревожится». Как будто это и так не ясно! А дальше? А дальше якобы ничего не было, и «Пинта» отстала...

Огненный диск упал в воду, и сразу посвежело и потемнело. В этих широтах темнеет быстро. Матросы на палубе затянули песню – как ни удивительно, веселую, хоть и похабную. Что бы это значило? Неужели махнули на все рукой, распрощались навеки с родимым Палосом и готовы идти хоть к дьяволу в пасть? Давно бы так. А может, капитан не так плох, как думалось? Любопытно знать, какие слова он нашел для команды?

– Адмирал, смотрите, «Пинта»! – Спешно взбираясь на кормовую надстройку, де ла Коса грохотал каблуками по трапу. За ним – еще кто-то...

На «Пинте» спустили прямой парус. «Пинта» делала поворот на шестнадцать румбов. За нею начала поворот и «Нинья».

Назад?!

Предатели!

Он догонит их и принудит к продолжению плавания на закат. Нет, к дьяволу трусов! Он пойдет на запад один. А дома Пинсона будет ждать королевское правосудие...

Колон не успел додумать эту мысль. На него накиннулись сзади. Он даже не успел схватиться за рукоять кинжала, всегда носимого под камзолом.

Был полет, и шумный всплеск, и соленый вкус воды...

И секундная досада на свою недогадливость. И возмущение, и ярость! Его, Адмирала моря Океана, выкинули за борт!

Тяжелые ботфорты тянули вниз. Колон вынырнул, набрал в легкие воздуха и сейчас же вновь ушел под воду. Извиваясь червяком, он погружался, пытаясь избавиться от камзола и содрать с ног ботфорты. Это ему удалось. Уже почти совсем задыхаясь, он пробкой взлетел на поверхность. Закричал.

«Санта Мария» ушла далеко вперед. Матросы на палубе старательно горланили песню. Когда их спросят, они ответят, что ничего не слышали. Нет-нет, совсем ничего! Потом каракка повернет и

для порядка порыщет тут и там якобы в поисках Адмирала, случайно выпавшего за борт. Или, быть может, утопившегося от отчаяния? Господи, спаси его грешную душу!

Разумеется, Адмирал не будет найден, несмотря на все старания.

Колон умел плавать с детства. Но полезное умение уже ничем не могло ему помочь.

Однако он плыл, не собираясь сдаваться. Сначала – за ушедшей далеко вперед «Санта Марией». Потом, когда судно повернуло, он не поплыл наперерез в безнадежной попытке спастись. Странная идея овладела им. Может быть, то, что не удалось трем кораблям с маловерными экипажами, удастся одному искренне верящему в успех пловцу? Ведь должна же лежать земля на западе, должна!

Восток был черен, как тело мавра, но еще светился закат. Ошибиться направлением было невозможно. А когда совсем стемнеет, любой моряк найдет верный путь по звездам.

В положенный срок зажглись созвездия. Адмирал моря Океана плыл, теряя силы, и знал, что не увидит рассвета. Но он упорно плыл на запад, ища землю, к которой не приблизился и на половину пути.

Никто не знает, что пресекло его жизнь – усталость или акулья пасть. Но догадывался ли он в миг последнего отчаяния о том, что пройдет еще без малого век, прежде чем море Мрака, иначе называемое Великой Атлантикой, будет наконец-то пересечено с востока на запад?

Вряд ли.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой появляется Нил с Енисея, граф Лопухин получает новое задание, а Еропка приходит в ужас

– Сто-о-ой!.. Держи-и-и!...

Крик взбудоражил мирную улицу. Прохожие начали оглядываться. Кое-где к оконным стеклам прилипли физиономии обывателей.

Когда начинают драть глотку, выкрикивая такие слова, да еще орут на всю улицу, дело ясное: начинается погоня за вором, и притом за неловким вором, скравшим что-то мелкое и не вовремя попавшимся на глаза приказчику. Почему мелкое? Потому что на Рогожском Валу нет крупной торговли. Первые этажи неказистых двухэтажных домиков, поставленных встык друг к другу, заняты хлебными, керосиновыми, скобяными и прочими лавками, недостойными важного наименования «магазин». Здесь не купцы, а купчики, по крайней мере по виду. Блеск им чужд. Иной купчина-старовер, имея стотысячный капитал, сам сидит в мясной лавке, метелочкой отгоняя мух от мясных туш. Таковы же и покупатели – публика скромная.

Здесь не встретишь ни холодного полированного мрамора, ни пугающе громадных стеклянных витрин, ни одетых по последней моде покупателей, подкатывающих к дверям магазинов на дорогих экипажах. Рогожские крепко держатся за старину. Шум Первопрестольной здесь слабеет. С тех пор как четыре века назад в этих краях пальнула пушка, развеяв в пространстве прах Самозванца, ничто всерьез не нарушало покоя обывателей. Знаменитые московские пожары – и те не натворили больших бед в этом уголке второго города империи. Бывает, грянет в небе гром, и богобоязненный мещанин перекрестится и пробормочет: «Осподи Сусе». Только-то и всего.

Теплый майский день был хорош. Прогремела над городом мимолетная гроза, вымыла свежую зелень деревьев и тротуары, обратила в жижу конский навоз на проезжей части и ушла греметь дальше на восток. Иссякла вода в водосточных трубах. Выглянуло солнце, и капли на листе засверкали поистине волшебю.

Радоваться бы в такой день! А тут – «держи-и!»

Прямо по середине улицы резво мчался мальчишка лет тринадцати. В его прижатой к груди руке имелся калач, цепко схваченный за румяную ручку. Вслед за мальчишкой из дверей хлебной лавки выскочил приказчик и немедленно огласил улицу воплем праведного негодования:

– Калач скрал! Хватай его, беса! Сто-о-ой!..

Немногочисленная публика проявила интерес. Один прохожий метнулся было наперерез мальчишке, но как-то неубедительно – как видно, сообразил, что поскользнуться на мокрых торцах да и растянуться ко всеобщей потехе – раз плюнуть, и состорожничал. Неудивительно, что воришка без труда избежал встречи с осторожным. Но приказчик, влекомый праведным гневом и гончим азартом, не боялся поскользнуться.

Был он низок и коротконог, грязный фартук туго охватывал выпуклый животик, зато смазные сапоги мелькали, как поршни парового двигателя, пущенного на полный ход. Догнать преследуемого, опередившего его сажень на восемь, он не мог, но и не отставал. Воздуха в его легких хватало и на бег, и на крик.

– Держи-и!..

Возле отходящей направо Вековой улицы погоня получила подкрепление. Сонный городской, видать, вздремнувший в своей будке во время ливня, а теперь проснувшийся и потягивающийся, узрев правонарушителя, окончательно пробудился и засвистел.

Свист заставил мальчишку метнуться влево. Ничто не могло быть удачнее такого маневра, поскольку как раз в этом месте середину улицы разделяла широкая полоса развороченной земли, присыпанной серым щебнем с уложенными на него черными от креозота шпалами – по улице протягивали рельсовый путь для конки. Тут же громоздились кучи вынутаго из мостовой камня, того же серого щебня, валялись сиротливо ломы и лопаты. Как видно, рабочие укрылись от грозы в каком-нибудь трактире и вовсе не спешили вернуться к работе, резонно полагая, что последняя и не волк, и не конкурент щам с требухой. Так что между мальчишкой и городовой сразу оказалась полоса препятствий. Преодолевать ее городской не стал, а вместо этого, не переставая свистеть, припустил по правой стороне улицы

параллельно преследуемому, надеясь настичь последнего впереди, где рельсовый путь был уже полностью собран и мостовая восстановлена.

В это время шагах в ста позади бегущих прозвучал негромкий, но звучный голос:

– Как полагаешь – уйдет?

Несомненно, голос принадлежал человеку, заинтересовавшемуся происходящим на улице. Правда, интерес был несколько отстраненный, академический.

– Не-е, барин, – сейчас же ответил другой голос, поглубже и несколько сиплый. – Куды ж ему уйти? Во двор нырнуть? Так ведь дворы тут везде глухие, сами знаете. Дальше еще хуже – ограда товарной станции, сразу не перемахнуть. И еще один городской на следующем перекрестке. Поймают мальчика, точно.

Разговор этот проходил в лаковой коляске на дутых шинах, что вывернула на Рогожский Вал с Владимирки. Рослый, серый в яблоках жеребец легко катил экипаж по гладким торцам. Верх коляски был поднят и блестел от дождевой влаги.

Обладателем звучного голоса был высокий подтянутый мужчина лет сорока или чуть меньше на вид, во фрачной паре, цилиндре и лаковых туфлях, защищенных кожаными галошами. Свою трость он поместил между колен. Лицо гладко выбритое, породистое, над тонкими нервными губами оставлены усики-шнурочки. Нос с легкой горбинкой. Темные глаза спокойны, задумчивы, глубины необычайной. Такие мужчины подчас безумно нравятся девицам на выданье, в чем – о чудо из чудес! – девиц всецело поддерживают их матушки. Сразу видно: не вертопрах какой-нибудь, а человек серьезный, со средствами и из хорошего общества. Положительно интересен и вообще положителен, с какой стороны ни глянь.

Его сосед справа был ростом пониже, но в плечах пошире, одет в недорогой серый костюм, явно купленный в магазине готового платья, имел на лице бороду лопатой, а само лицо простецкое, но с хитрецей – сразу видно, себе на уме человек.

Словом, хозяин и слуга.

Русский слуга, конечно. Британский камердинер разодет подчас не хуже господина, ступает и говорит с невыразимым достоинством и отправляется в погреб за вином так важно, как будто собирается держать речь в палате лордов. При этом господин никогда не посадит

его в экипаже подле себя, да слуга и сам не сядет. Он знает, что ему пристало сидеть на козлах рядом с кучером, и ни за что не покусится на пристойность. Верность и пунктуальность его превыше сомнений. Одна беда – в России слуги-англичане редко приходятся ко двору даже в роли гувернеров. От их невозмутимости и самодовольства русские впадают либо в ярость, либо в английский сплин с запойным финалом.

Французский слуга? О, этот совсем иной. В чем-то он стоит ближе к русскому человеку, но не наделен его упрямством. В смысле отхлебнуть без зазрения совести из хозяйских винных запасов, подтибрить мелочь или позабыть выполнить поручение – оба хороши. Зато если уж прижмет по-настоящему, на русского слугу надежды больше, чем на француза. Хотя и тут полной однозначности нет.

Немец попадаетея разный. Как правило, он исполнительен, но «от и до». Педант и подчас самодоволен почище англичанина. Если немец умен, что нередко и случается, то все равно ведет себя как тупой, поскольку не желает понимать, что половину слов хозяин не договаривает. Честностью он ниже англичанина, но выше русского и француза, не говоря уже об итальянце или греке.

Особняком стоит испанский слуга – чернокожий, курчавый, из колоний. Этот надоест суетой и уверениями в преданности хозяину. Но случись что – веры ему нет. С раба какой спрос? Бессмысленно доказывать ему, что слуга и раб – не одно и то же.

Совсем особая песня – русский слуга. Как правило, он ленив, вороват и вдобавок еще считает себя куда умнее барина. Последний тезис, по его мнению, несокрушим и ни в каких доказательствах не нуждается. При всем том русский слуга сплошь и рядом простит барину такое, за что иноземная прислуга подпалит среди ночи дом и метнется к норманнам в пираты. Само собой – если хозяин хоть за что-то достоин уважения. Иначе не хозяин он вовсе, а так, недоразумение. Русский слуга должен иметь возможность похвастаться своим баринком в разговоре со слугами других господ. Станет он на самом деле хвастаться или нет – вопрос второй.

Николай Николаевич Лопухин – вот как звали господина во фраке. Его бородатый слуга носил имя Ерофей и нимало не обижался, когда барин называл его попросту Еропкой. Однако именовать себя так он позволял лишь барину.

Без особой спешки коляска катила по Рогожскому Валу. Кучер на козлах не горячил жеребца. Расстояние между едущими и бегущими сокращалось медленно.

– Поймают мальчика, – с некоторым сожалением повторил Еропка. И сейчас же вывел мораль: – А не кради в другой раз!

– Уверен? – спросил Лопухин, усмехнувшись неведомо чему.

– Понятное дело, поймают!

– А если нет?

– Ну-у, барин...

– Спорить со мной хочешь? Гляди. Значит, так: если малец уйдет от погони, ты... – Лопухин задумался. – Что бы тебе назначить? Ага. Если мальчика не поймают, ты прочтешь «Одиссею». От корки до корки.

Слугу передернуло.

– Барин, за что? – возопил он негромко. – «Илиаду» одолел, так всерьез был виноват, а тут велик ли грех? Пустяк!

– А за страсть к спору, – отрезал Лопухин. – Старик Гомер тебе не помешает. Мировой шедевр, балда!

Жить в просвещенном двадцать первом веке в претендующей на просвещенность стране и увлекаться телесными наказаниями – себе дороже. А наказывать все ж надо. Николай Николаевич Лопухин не практиковал вычеты из жалованья. Вместо этого провинившемуся Еропке приходилось читать книги по выбору барина, да еще и беседовать с ним о прочитанном. Мало-помалу постигая мировую классику, слуга отучился слюнить страницы, шевелить губами во время чтения, использовать в качестве закладки сухую тарань или грязный носок, но библиофилом отнюдь не стал. Иной раз казалось, что он не прочь отведать батогов, только бы не читать.

Еропка пригорюнился, но только на один миг.

– Ну а коли поймают, тогда что?

– Предлагай, – великодушно разрешил Лопухин.

Зарываться было опасно – однако кто ж удержится от крайности, когда его пугают несносным древнегреческим слепцом! «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» А гневливость – один из смертных грехов, между прочим. Чего ее воспевать? Эх, жаль велеречивый тот грек был поражен всего лишь слепотой, а не немотой вдобавок!

– Если мальчика поймают, то вы, барин, определите его в ремесленное училище или в хороший дом на службу.

– Ты не захворал? – спросил Лопухин и посмотрел на слугу с удивлением. – Нет, серьезно? Откуда такое благородство? А, понял!.. хочешь и мне головную боль устроить?

Слуга развел руками и смолчал.

– Будь по-твоему, – решил Лопухин и подтолкнул тростью возницу: – Прибавь.

Серый жеребец, казалось, только и ждал сочного чмоканья губами и окрика «н-но-о!». Через мгновение он помчал вперед, как призовой рысак. Ветер ударил в лица.

– Хочешь еще пари? – крикнул Лопухин. – Он не московский и приехал не далее как вчера. Держим?

На этот раз Еропка решительно помотал головой.

– Не хочешь? Что так?

– Да ведь сразу видно, барин, что он деревенский. Лапти на ём. Не успел еще городскую обувь скрасть, стало быть, приехал недавно. Пожалуй, и впрямь вчера, а то и нынче.

– Ишь ты! – выразил Лопухин приятное удивление наблюдательностью слуги, и сейчас же взгляд его стал хищным.

Лаковая коляска поравнялась с приказчиком, уже тяжело дышащим и прекратившим кричать, но не разочаровавшимся в успехе погони, и легко обошла его. Изрытая земля слева кончилась, пошли рельсы и шпалы, и уже совсем близко впереди расстелилась вновь собранная торцовая мостовая, но уже вобравшая в себя рельсовые пути.

Беглец задыхался. Преследователи не приближались, но и не отставали, и свернуть было уже некуда. Силы, подточенные недоеданием, кончались, но страх все еще заставлял бежать.

Кончились канавка с рельсами и шпалами. Городовой теперь топтал сзади, совсем близко, шагах в пяти. Отчаявшись в чахлой своей удаче, мальчик теперь надеялся только на чудо.

И чудо случилось, вот что дивно! Послышался конский топот, и, высекая искры подковами, справа возник крупный серый жеребец, запряженный в блеснувшую на солнце коляску. Судьба сжалилась и одарила шансом. Прицепиться сзади и укатить от злого приказчика и страшного городского! Только бы изловчиться, не промахнуться только бы... Вон как гонит...

Однако все случилось не так, как полагал малолетний похититель калача. Когда он взял правее, чтобы, пропустив коляску впритирку с собой, наддать из последних сил и прицепиться сзади, чья-то сильная рука в белой перчатке, высунувшись из коляски, молниеносно схватила его за шиворот, как водяной уж хватает лягушонка, и столь же молниеносно втянула внутрь экипажа. Послышалось на удивление спокойное: «Гони!» – и мальчик сперва забарахтался было, а потом обмяк в сильных руках.

Полицейский свисток засверлил с новой силой. Тогда Лопухин поморщился и, придерживая пойманного одной рукой, а второй добыв из кармана горсть мелочи, бросил медь на мостовую. Весело звеня, монеты запрыгали по торцам. Свисток издал еще одну трель, короткую и какую-то неубедительную, и затих позади.

Схваченный малец сообразил две вещи: во-первых, быстроногому и на диво упрямому булочнику уплачено за калач, а во-вторых, сам он находится в полной власти этого господина с тонкими усиками и посмеивающимися глазами. Попал из огня да в полымя...

Но сердце готово было выскочить вон, и не хватало дыхания. В полной уверенности, что удерет, как только представится такая возможность, мальчик принялся глубоко дышать и глотать слюну. Временами в глазах становилось темно от усталости и голода, но он знал, что это пройдет. Если не отнимут калач – пройдет.

Тем временем между необыкновенным господином и его слугой шел такой разговор:

– Ну что, спорщик, попался? – говорил господин. – Читать тебе сочинение Гомера! Смирись и просвещайся.

– Барин, так нечестно! – с искусственной плаксивостью возражал слуга. – Не было такого уговора, чтобы вы ему помогали!

– Да ну? Спор шел о том, уйдет этот шкет от погони или не уйдет. Сам видишь, он ушел, а как ушел – в данном случае неважно. Калач – его; «Одиссея» – твоя. Будешь читать.

Слуга задохнулся от возмущения и не сразу нашел ответ. А когда нашел, заговорил вкрадчиво:

– И никуда он не ушел. Вы сами-то где служите, барин?

– Глупости! Воришки по части полиции.

– То-то городской перестал свистеть. Он вас узнал! А о воришках у нас уговора вовсе не было. Мы о чем спорили? Уйдет – не уйдет. Вы

сами сказали. Вот он от вас и не ушел. Так что не ваша правда, барин, и не моя.

Помедлив, Лопухин кивнул с неохотой.

Тут бы Еропке смолчать! Лопухин, ценящий деньги не более, чем они того заслуживают, зато очень ценящий свое время, пожалуй, вручил бы мальчишке рубль серебром да и отпустил восвояси, дав на прощание совет не опускаться до воровства.

И вся мировая история пошла бы иным путем. Уж история государства Российского – совершенно точно.

Но Еропку словно черт потянул за язык. Слуга решил внести полную ясность:

– Так что и я Гомера не читаю, и вы ничем не обязаны, – заключил он, имея вид победителя.

И сразу понял, что все испортил. Но о том, сколь великие последствия возымеет вскоре его опрометчивое заявление, Еропка, разумеется, не имел никакого понятия.

– В точности наоборот, – улыбнулся Лопухин. – Тебе придется читать «Одиссею». А мне придется принять участие в судьбе... как тебя зовут?

В один момент под взглядом внимательных, будто бы пронзающих насквозь глаз мальчик почувствовал: обладатель таких глаз имеет право задавать вопросы, и лучше ему не врать, а отвечать быстро и по существу.

– Нил...

– В судьбе Нила... Фамилия?

– Головатых я...

– В судьбе господина Нила Головатых, – закончил Лопухин. – Хорошая фамилия. Да ты ешь калач, не стесняйся.

Нил азартно вонзил в хлеб зубы. Сейчас ему казалось, что ничего вкуснее он в жизни не едал. А чудной господин обратился к слуге:

– Вымоешь, накормишь, купишь ему приличную одежду. И очень... повторяю, очень постарайся его не потерять. Вечером вернусь, тогда и решу, куда его пристроить.

Слуга кивнул.

– «Одиссею» найдешь в библиотеке. На прочтение, как обычно, неделя.

Даже Нилу, с урчанием уплетающему калач за обе щеки, стало жалко бородатого Еропку – так горестно он вздохнул. Но на барина вздохи слуги не действовали.

Коляска повернула направо и – не слишком скоро – налево. Нил доел калач и принялся соображать, не пора ли дать тягу. Но странный барин держал его по-прежнему цепко и притом как будто сам того не замечая.

На самой обычной московской улице (Нил разглядел название – Гончарная) коляска остановилась возле аккуратного двухэтажного особняка. Здесь путешествие кончилось, и Нил, сданный на попечение бородатого слуги, был введен в парадную дверь. Сам же барин, больше ни на кого и ни на что не обращая внимания, негромко сказал что-то кучеру и укатил в сторону Яузских ворот.

Введя Нила в маленький вестибюль, Еропка запер дверь на ключ и только тогда горестно вздохнул:

– И откуда ты взялся на мою голову, а?

Вопрос был из тех, что не требуют ответа, но молчание затянулось, и Нил подал голос:

– С Енисея мы. Село Горелово.

– Вот-вот, – трагичным голосом отозвался Еропка. – И ты, Нил с Енисея, стало быть, нарочно подгадал? Не мог в другое время и в другом месте калачи воровать? Приспичит же некоторым... Что, так сильно живот подвело?

Нил молча кивнул.

– Накормлю, – столь веско, будто решение накормить исходило от него, сказал слуга, без приязни взирая на задержанного, – но перво-наперво ты вымоешься. Айда. Вши есть? Нет? Все равно снимай свое рванье – и в печку. Эх, еще новую одежду тебе покупать...

– Дядя, а дядя, – тихонько попросил Нил, отчасти сытый калачом, но в равной мере испытывающий как желание съесть еще что-нибудь, так и тревогу, – отпустили бы вы меня, а?

Слуга фыркнул, как лошадь, и стал строг.

– Сбежать хочешь? Даже не пробуй.

– Поймаешь?

Ответ последовал за легким подзатыльником:

– Не тыкай. Поймаю. А не я, так граф поймает. От него не скроешься, даже и не мечтай. Уж если граф Лопухин решил кого-то

облагодетельствовать – хоть караул кричи, хоть в кулаки бейся – не поможет.

– Граф? – проговорил Нил с восхищением. И сейчас же усомнился: – А чего ж он тогда на извозчике катается, коли граф?

– Дурень ты. Какой такой извозчик? Нашему барину по должности положен экипаж от казны. По этой причине нет резона держать свой выезд.

– А-а, – уважительно протянул Нил.

– Бэ.

– А если барыня захочет прокатиться?

– Какая еще барыня? Вдовствует барин. И давно уже.

– А какой у него чин?

Еропка почесал в бороде и хмыкнул.

– Чин, положим, пока что не генеральский – статский советник, а вот должность особая. Секретная. Тебе ее знать и не полагается, понял? Но намекну. Видал на Таганской площади жандарма?

– Видал, – кивнул Нил.

– Ну и кому он честь отдавал, по-твоему? Мне? Тебе? Кучеру? Лошади?

Нил двигал ушами – впитывал новые сведения, или, как говорят англомены, информацию.

– Вона что, – сказал он наконец сдавленным голосом и озадаченно поскреб в затылке.

В кофейне грека Поплохиди на Спиридоновке было немногочисленно. В час, когда присутственные часы в казенных учреждениях подходят к концу, но еще не кончились, редко кто зайдет к приветливому греку выпить чашечку кофею по-турецки и не спеша выкурить настоящую австралийскую папироску.

Праздношатающиеся господа, подражая французам, предпочитают фланировать по Тверскому и Никитскому бульварам, вдыхая ароматы расцветающих лип. Дамы из общества завершают в

этот час визитами к портнихам и модисткам. Веселые, как жаворонки, гимназисты из тех, что не слишком спешат домой после занятий, интересуются больше кондитерскими лавками, чем кофейнями. Иногда лишь зайдет посидеть у Поплохиди одинокий студент, не пожалевший полтинника, или курсистка, или просто прохожий, которому позарез нужно убить время.

А зря! Ибо лучшего кофея не найти во всей Москве. Хитрый грек первым угадал моду на восточную негу и, надо сознаться, в меру сил сам ей способствовал. Кто хочет, может убедиться: кофею у Поплохиди томится в джезвах не на вульгарной плите, а в объятиях горячего песка, исходя плотной пеной и рождая ароматы, от которых кружится голова. Для истинных ценителей неги грек держит отдельные кабинеты с коврами, диванами и кальянами. Есть также небольшая общая зала, а в теплое время года Поплохиди выставляет полдюжины столиков на улицу под полосатый навес.

Вечером в кафе не протолкнуться. Стоит только золотому солнечному диску закатиться за крыши доходных домов на западной окраине Первопрестольной, как Спиридоновка оживает, и в кофейне редко отыщется свободный столик. Ходит сюда публика разная. Ходят дородные господа и нарядные дамы в модных шляпках, чей обод изображает трамвайное колесо как символ прогресса. Ходит публика помельче: армейские офицеры, титулярные советники, купцы средней руки, газетные репортеры и начинающие адвокаты. Захаживает шумная богема: взъерошенные художники, бледные актеры, разочаровавшиеся в жизни девицы без определенных занятий и поэты столь хитрых направлений, что русскому человеку их названия невозможно и выговорить. Случается, заглядывает публика в картузах и сапогах: железнодорожные кондукторы, мастеровые, приказчики, телеграфисты и просто всякий люд. Поплохиди рад всем, но умеет так рассадить гостей по ранжиру, чтобы не оскорбить самый взыскательный взгляд.

Но до вечера было еще далеко. Лишь два столика под полосатым тентом были заняты. За крайним правым, забыв остывший кофею, строчил в блокноте известный всей Москве репортер Легировский. За крайним левым сидели двое – элегантный сухощавый денди с острыми усиками над тонкими нервными губами и, как ни странно, мастеровой

в помятом картузе, стоптанных сапогах и застиранной косоворотке. Между ними шел разговор:

– Именно здесь? В номерах Сичкина?

– В том не может быть никаких сомнений. Второй этаж направо, не так ли?

– Верно. Второй направо.

– Номер восемнадцать? Его окна вы сейчас видите правее и выше моей головы?

– К чему эти вопросы, Николай Николаевич? Уже ясно, что мы с вами выслеживаем одну и ту же дичь. Барон Герц, не так ли?

– В данную минуту он один? – небрежным тоном осведомился денди, посчитав излишним отвечать на риторические вопросы.

– Нет, – помедлив, сообщил мастеровой.

– А-а. Так я и думал.

Оба одновременно отхлебнули кофею. Только денди взял чашечку двумя пальцами, картинно оттопырив мизинец, а мастеровой шумно пил из блюдца, держа его на весу за донышко.

– Не слишком ли вы переигрываете, Акакий Фразибулович? – спросил денди, слегка усмехнувшись.

– В самый раз. Я же не знал, что сам граф Лопухин явится к Поплохиди отбивать у меня хлеб. А ваших филеров я обманывал не раз и не десять. Кстати, что вы намерены предпринять?

– Вероятно, ничего. А вы?

– Смотря по обстоятельствам.

В этот момент денди зачем-то покосился вправо-влево и, кажется, на мгновение заинтересовался тенью, отбрасываемой газовым фонарем на брусчатую мостовую. Затем он не спеша вынул из кармана серебряный портсигар, достал папиросу, закурил и, очевидно по рассеянности, оставил портсигар раскрытым.

– Закройте, – нервно сказал мастеровой. – Он эти штучки с зеркалами насквозь видит. Стреляный воробей.

– Не учите рыбу плавать, – усмехнулся Лопухин. – Если не нравится, уступите мне свое место.

– Извините, не уступлю. Не обижайтесь.

– Я не обижаюсь. Я только был удивлен, увидев, что сам начальник московской сыскной полиции Акакий Фразибулович

Царапко решил потрянуть стариной. Простите мое любопытство, вы сами гримируетесь?

– Сам.

– Очень недурно. Вы меня почти обманули. Неужели и Поплохиди обманулся?

– Представьте себе, да.

– Я охотнее представлю, что у грека рыльце в пушку и от вас зависит, пойдет ли он по Владимирке, – тонко улыбаясь, проговорил Лопухин. – Наверное, тайная опиумокурильня в одном из кабинетов? Ну-ну, чужая тайна – это святое, мое дело сторона... А касательно барона Герца – не беспокойтесь. В конце концов, мы с вами делаем общее дело, и не все ли равно, кого из нас погладят по головке и кому дадут конфетку? Ведь претензии вашего ведомства к нему касаются ограбления банков и страховых обществ, не так ли?

– В Екатеринославе, Херсоне и Воронеже, – сумрачно кивнул Царапко. – А также в Харькове – неудачное. Банк «Базис».

– У мраксистов это называется экспроприациями, – сообщил Лопухин. – Якобы в фонд социальной революции. На самом деле львиная доля этих денег идет на личные расходы революционных вождей и в первую очередь Клары Мракс. В Женеве и Лондоне жизнь не из дешевых, а с пролетариев много не возьмешь. Хотя и с них берут...

– Мне это известно, – пробурчал Царапко. – Как и то, что барон Герц – личный эмиссар Клары Мракс. Вас, насколько я понимаю, интересует политическая деятельность этого господина?

– А вас – уголовщина? Как только вы соберете достаточно улик, вы тут же арестуете барона, не так ли?

– Именно. У вас имеется предписание отнять у меня дело?

– Отнюдь нет, – улыбнулся Лопухин. – Ни в коем случае. Я всего лишь хочу обратить ваше внимание на то, что дело это глубже простой уголовщины. Одно-два ограбления вы, без сомнения, докажете, но, стоит вам только арестовать барона, он запеленается как шелкопряд, и тогда из него ничего не вытянешь, кроме нити. А она длиной с версту. У нас нет столько времени. Мне нужны его связи.

– Удивительное совпадение: мне тоже.

– Тем лучше. Я предлагаю вам объединить усилия.

Теперь улыбнулся «мастеровой» – той самой саркастической улыбкой, которую не раз пускал в ход на допросах, показывая грабителям, вора́м, аферистам и содержателям притонов, что лучше бы им заткнуть фонтан вранья и давать признательные показания. Во избежание применения к задержанным более радикальных методов ведения следствия.

– Единение сыскной полиции и Третьего отделения? Оригинально!

– Не беспокойтесь, не навек. Притом только для того, чтобы не мешать друг другу.

– Так-так. Надо полагать, моего подопечного пасут и ваши люди, Николай Николаевич?

– Странно, что вы этого еще не заметили, Акакий Фразибулович... А наш подопечный неплохо устроился! Мот, кутила, игрок. По вечерам банчишко, шампанское, дамочки, веселье до утра... Нет, мраксисты не разлагаются – они взрослеют. Совсем новая маска. И место хорошее – почти под боком Жандармского управления. Люблю таких наглецов. Притом до Пресни рукой подать, и номера как раз для такого вот Ноздрева...

– Эх вы его приложили, – усмехнулся Царапко. – А ведь в точку. Прелюбопытнейший фрукт, доложу я вам. Никогда не знаешь, что он выкинет в следующую минуту...

– Ну, в данную-то минуту он выкидывает из окна какого-то безмозглого типа, – сказал Лопухин, даже не обернувшись на звон стекла, короткий вопль и удар тела о мостовую. – Не ваш ли это агент?

Позади него испуганные восклицания прохожих перекрыл пронзительный свисток городского, поспешавшего к месту происшествия. Туда же устремился репортер Легировский, чуя поживу десятка на два строк.

– Мой агент, – не стал отпираться Царапко. – Но почему вы решили, что он безмозглый?

– Головастых не выкидывают в окна, Акакий Фразибулович. В худшем случае их спускают с лестницы. И без особого шума. К чему весь этот гвалт? Теперь извольте любоваться: участок, протокол, разбирательство... А если ваш дурень убится или покалечился, то и уголовщина.

– Мои люди так просто не калечатся, Николай Николаевич. Смотрите, встает!

– Вижу. И все равно нам это совершенно не в масть. Скажите, квартальный надзиратель берет взятки?

– Несомненно.

– Я так и думал. Не торопитесь с ним, хорошо? Пусть за мзду спустит дело на тормозах.

– А вы не учите ученого. Закажите-ка лучше нам еще по чашечке кофею, ваша светлость. А я покамест обдумаю ваше предложение.

– Кофей с ликером или с коньячком?

– Со сливками и сахаром. Что за попытки сподить культурного рабочего, Николай Николаевич? Не ожидал от вас, честное слово.

Подозвав щелчком пальцев официанта, Лопухин сделал заказ. Официант кивнул кисточкой на феске и унесся. Очень скоро на столике появились две новые чашечки кофею, миниатюрный кувшинчик со сливками для гения сыска и рюмка шартреза для графа. Тем временем из номеров Сичкина трое дюжих полицейских не без труда вывели барона Герца. Барон был дезабилье, вырывался и кричал: «Хамы!» Один из полицейских, воровато оглянувшись, приложил барону кулаком по шее.

Растрепанного задержанного впихнули в извозчичью пролетку и увезли в участок. Незадачливый агент давно уже улетучился неизвестно куда. Разошлись, судача о происшествии, немногочисленные зеваки, захлопнулись окна чутких на скандалы обывателей. И вновь над Спиридоновкой повисло вялое спокойствие. Из арки напротив номеров Сичкина выбрел сонный дворник с метлой, широко зевнул, показав всей улице щербатую пасть громадных размеров, и надолго задумался, с чего начать: с рассыпанных по брусчатке осколков стекла или же с лошадиного навоза?

Граф раскурил новую папиросу.

– Кстати, Акакий Фразибулович, сделайте мне одно одолжение... Не в службу, а в дружбу. Есть у меня на примете один мальчонка... Пока еще ничего собой не представляет, и я хочу это исправить. Для начала определю его в ремесленное училище. А вы, со своей стороны, возьмите его в обучение. Парнишка, кажется, толковый, жизнь знает. Вдруг новый Бертильон во благовременьи вылупится?

– Скорее уж Ванька Каин, – хмыкнул Царапко. – Знаем мы таких. Обычное дело. Круглый сирота, конечно?

– Вот именно.

– Желаете вырастить из него идеального агента для рабочей среды? И не жалко вам мальчика, Николай Николаевич?

– Жалко, потому и прошу вас. Кем он станет без дома, семьи и дела? Вором с Хитровки? Пьяницей? Тем и другим вместе?

– Уговорили. – Начальник московской сысской полиции шумно допил остатки кофея из блюдечка. – Приводите завтра своего Бертильона, посмотрим. Но только чур! Я ничего не обещаю.

– Спасибо и на том, Акакий Фразибулович. Теперь касательно моего предложения о координации наших действий...

Давно уже ушел репортер Легировский – понес, должно быть, материал в редакцию, – а странная пара все еще сидела у Поплохиди. Наконец денди поднялся и, оставив на столике два серебряных рубля, неспешным шагом двинулся по Спиридоновке. Возле поворота на Большую Бронную он подозвал лихача на дутых шинах и укатил куда-то не торгуясь.

Что до «мастерового», то Акакий Фразибулович Царапко исчез во внутреннем дворе дома напротив номеров Сичкина. Через минуту он уже находился в одной из наемных квартир на втором этаже. Здесь король сыска задал только один вопрос:

– Записывали?

Отрицательный ответ удивил бы его крайне. Но удивляться не пришлось. Более того, снятые с фонографа восковые цилиндры уже были аккуратнейшим образом помещены в жестяные футляры и пронумерованы. Порядок в ведомстве Акакия Фразибуловича справедливо считался образцовым.

А техническое оснащение сысской полиции временами поражало его самого. Вот и сейчас Царапко невольно развел руками при виде приделанной к фонографу двухсаженной фибровой трубы, расширяющейся на конус. Направленное прослушивание и запись разговора – это надо же, до чего техника дошла! Через улицу! Через оконное стекло в номерах Сичкина! И весь посторонний уличный шум рупорному приемнику звука решительно неинтересен. Просто невероятно. Небось у Третьего отделения такого прибора еще нет, хотя они и переманили к себе способнейшего Лемендеева. Но он химик...

– Сейчас извольте прослушать запись? – почтительно осведомился румянощекий губернский секретарь, технический гений местного масштаба. Царапко мгновенно уловил всю гамму его чувств: от с трудом скрываемого желания похвастаться до боязни за качество записи. И то сказать: качество обычно бывает такое, что лишь очень опытное ухо в состоянии разобрать, кто что сказал, да и то не всегда. Недаром звукозапись до сих пор не может являться доказательством в суде присяжных... Пока не может.

– После, – отрезал Акакий Фразибулович, грешным делом подумавши: «Не то записывали. Надо было писать наш с Лопухиным разговор. Слово там, слово тут, глядишь – набрался бы интересный матерьяльчик... Да, за техникой – будущее...»

Но мысль о чудесах прогресса, едва мелькнув, сразу покинула Акакия Фразибуловича. Сейчас его занимало совсем другое. Во благо или во вред пойдет совместная работа с Третьим отделением? И как сделать, чтобы во благо. И какие ключики подобрать к небезызвестному в узких кругах Николаю Лопухину...

Он не мог еще знать, что ему не придется сотрудничать с Лопухиным. И самому Лопухину предстояло узнать об этом лишь через полчаса. Зато оба знали очень хорошо: человек лишь предполагает; располагает же им кто-то совсем другой.

Если кто-нибудь напоет вам, будто в «царской охранке», как называют Третье отделение озлобленные на весь свет борцы за народное счастье, служат лишь филеры с одинаковыми неприметными лицами, смело наплюйте клеветнику в лицо, если только это не дама. Если дама – напомните ей, что указ об отмене крепостного права, изданный холодным летом 1953 года, вряд ли вышел бы и десятилетием позже без прямой поддержки тогдашнего шефа жандармов. Равно и указ о пожаловании избирательного права женщинам, доказавшим службой, научной работой, меценатством или благотворительностью свое интеллектуальное и моральное равенство с

мужчинами. Если вам желательно окоротить нигилистку, наивно поинтересуйтесь у нее, как давно она добилась для себя избирательного права. Не ждите только, что потом вы останетесь с этой дамой в добрых отношениях.

Что филеры! Дельный человек под толковым руководством служит по той части, к каковой более всего приспособлен. И занимается Третье отделение личной канцелярии Е.И.В. не только и не столько мраксистскими кружками. У Третьего отделения есть множество других забот.

– Голубчик, я вас второй час по всему городу ищу! – жалобно возопил шеф московского отделения Отдельного корпуса жандармов генерал Рябчиков. – Всех свободных агентов разогнал на поиски. Ну нельзя же так, Николай Николаевич! Беда мне с вами! Вот извольте полюбоваться: вторая шифрованная телеграмма от самого! – Генерал со значением вздел вверх указательный палец. – И все то же: где Лопухин? Из-под земли вынуть Лопухина и телеграфировать немедленно!

– Позвольте ознакомиться, ваше высокопревосходительство? – кротко, но твердо осведомился граф, завладевая листком. Расшифрованный и аккуратно распечатанный на машинке текст телеграммы гласил:

**ЛОПУХИНУ ТЧК С ПОЛУЧЕНИЕМ СЕГО ПРОШУ ВАС
НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО ВЫЕХАТЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ПО
ДЕЛУ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ
ТЧК СУТГОФ**

Пожав плечами, граф вернул листок Рябчикову.

– Не можете ли вы объяснить мне, что сие означает?

– Головную боль мне это означает, Николай Николаевич! Поделом старому дураку, и виноватить некого, сам виноват! Не скрою от вас, некоторое время назад ко мне обращались... э-э... из сфер... вы понимаете?... с просьбой рекомендовать талантливую и энергичную работницу, достаточно молодую, но в чинах, и чтобы непременно хорошей фамилии... уф-ф!.. для выполнения крайне ответственной миссии. – Рябчиков вытер платочком лоб и шею. – Ну, я и назвал вас. Простите, скрыл до поры. Теперь останусь без лучшего помощника. Э-эх! – Генерал махнул рукой. – Вы, конечно, тотчас едете?

– Как только выправлю железнодорожные билеты, Карп Карлович, – без энтузиазма отозвался Лопухин. – Если Сутгоф пишет

«предписываю», надо ехать. Если он пишет «прошу», надо лететь стрелой.

– Именно. Купе первого класса на «Красной Стреле» вам уже забронировано. В Петербурге вас встретят. М-м... что-то не так?

– Мне нужны два купе, рядом. Второе за мой кошт.

– Я тотчас же распоряжусь. Текущие дела сдайте Разуваеву. Знаю, он молод, но терпелив, не горяч... Полагаю, справится. И вы того же мнения? Вот и чудесно... Еще что-нибудь?

– Я не смею настаивать, Карп Карлович, но если возможно обрисовать мне хотя бы в общих чертах суть моей миссии...

– Не уполномочен, Николай Николаевич, не уполномочен. Рад бы, но увы. Одно лишь скажу: не знаю, завидовать вам или наоборот. Миссия ваша не из простых. Надеюсь на присущую вам решительность... и деликатность.

Граф слегка приподнял одну бровь, но ничего не сказал.

– Итак, с Богом, Николай Николаевич! Как я без вас обойдусь? Э-хе-хе...

На шестом часу пребывания в графском особнячке Нил не только еще не удрал, но и не принял твердого решения сделать это.

После мытья, когда бородатый графский слуга поместил его в просторнейшее корыто, именуемое ванной и наполненное нагретой в дровяной колонке водою, а затем, намылив, жестоко отдраил мочалкой с головы до ног, для Нила наступила пора блаженства. Во-первых, он был отконвоирован на кухню, где и накормлен добродушной толстой кухаркой. Во-вторых, после сытного и вкусного обеда Еропка отвел его в просторную на удивление людскую и, указав на старый диван, велел спать. И объевшийся Нил немедленно погрузился в сон.

Впрочем, часа через два, судя по тому, как передвинулись стрелки на больших напольных часах, он был разбужен. Как оказалось – для допроса.

И допрос сейчас же состоялся, стоило лишь Нилу продрать глаза и облачиться в поношенную гимназическую форму. Выполняя распоряжение барина одеть мальчика, ленивый слуга не сильно потрудился, добредя всего-навсего до комиссионной лавочки на углу Яузской и Тетеринского.

Кое-где висело, а кое-где и жало – и все равно новая одежда показалась роскошной. Нил пофыркал только для виду – и мы, мол, не лыком шиты, фасон понимаем. Очень не новыми оказались и ботинки, но для привыкших к лаптям ног так было даже лучше. Обувшись, Нил ощутил, что до кровавых пузырей дело, пожалуй, не дойдет.

– Воруешь недавно, конечно? – строго выпрашивал Еропка. – Оно и видно – навыка нету. Что ж ты не бросил калач, когда за тобой гнались? Авось отстали бы. Растерялся?

Нил помотал головой.

– Не. Очень есть хотел. Вы, дядя Ерофей, не подумайте на меня чего лишнего, я только еду ворую... Вот истинный крест!

– Все равно дурак, – осудил Еропка. – Попадешься – не всякий пожалует. Родители померли, конечно?

Вздыхнув, Нил ответил кивком.

– От чумы?

– Угу. От язвы. Оба в один день, и тятка, и мамка.

– А ты, значит, бежать? Погоди, как ты карантины-то обошел?

– Так их уж сняли, как я уходил. Ко мне язва не пристала. У нас в Горелово только семь человек померло. Дохтур ажно удивлялся.

– Ну?

– Что? – испугался Нил.

– Дальше рассказывай. Почему не остался дома при хозяйстве?

Нил снова вздохнул.

– Хозяйство дядька отнял. Мамкин брат, значит. А меня из дому выгнал и на дорогу вот столечко не дал.

Еропка крикнул и вполголоса произнес краткое ругательство.

– Ну и куда ж ты ехал?

– К тетке в Житомир. К тяткиной сестре. Она в городе Житомире у господ кухаркой служит.

– Тебе, дурню, в Енисейск надо было ехать, в комиссию по борьбе с этой, как ее... – Еропка наморщил лоб, припоминая нерусское слово. – С эпидемией, во! Получил бы вспомоществование. Хм... если

бы тебе поверили, конечно. Пачпорта-то у тебя нету. А что тетка житомирская? Обрадуется она тебе?

– Скажете тоже! Обрадуется! Кому я нужен! – Нил шмыгнул носом.

И сейчас же увидел перед носом кулак.

– На жалость не бей, не люблю. И главное, граф не любит. Что умеешь делать?

– Все умею! – честно округлил глаза Нил. – Вот вам крест святой, дяденька!

– Тьфу ты! – Еропка рассердился. – Ври, да не завирайся! Умеет он все! Граф тебя при себе не оставит, даже не думай. Читать-писать обучен? Счет знаешь?

– Угу.

– Не «угу», а «точно так-с». В ремесленное училище пойдешь? Казенный кошт. Не жирно, но жив будешь.

– А я уж просился в ремесленное, – неожиданно поведал Нил. – При паровозоремонтном заводе, что в Перово. Не взяли меня, да еще надсмеялись. Иди, говорят, дерёвня. Понаехали, мол, тут всякие...

– То ты просился, а то граф попросит. Соображай! А может, и куда получше тебя пристроит, чего не знаю, того не знаю...

От головокружительных перспектив захватило дух. Нил вдруг обнаружил, что сидит, раскрывши рот, и дышать забыл. Поездка к тетке в Житомир, служившая на протяжении последних недель главной целью существования, выглядела уже не столь привлекательной, заслоненная новыми блистательными перспективами. Неужто наконец повезло?..

Но графа Нил трусил и, когда тот вернулся, забился в людскую. Сказать честно, графов до сегодняшнего дня Нил с Енисея не видел ни одного. Равным образом это относилось к баронам, князьям, великим князьям, маркизам, курфюрстам, эмирам, богдыханам и императорам.

Поэтому первых слов, сказанных барином по прибытии, Нил не слышал – зато услышал громкий горестный вздох Еропки. Вслед за вздохом прозвучал вопрос:

– Да зачем же это, а?

Барин ответил суховато и, главное, гораздо тише. Чтобы его слышать, Нил на цыпочках подкрался к двери.

– Багаж уложи, сказано тебе. Поезд отходит через два часа.

Вот те на, подумал Нил. Какой поезд? Куда?

Он осторожно нажал на тяжелую дверь, и та слегка приотворилась без скрипа. Образовалась очень удобная щель, к которой тотчас приник любознательный Нил глаз.

Барин стоял посреди вестибюля, тросточкой постукивая себя по лаковой туфле, и вид имел насмешливый. Еропка же, протестуя всей душой, был многословен, суетился, подсигивал на месте и для пущей убедительности всплескивал руками:

– Воля ваша, барин, а только как бы хуже не вышло. Давеча, как по Маросейке ехали, кот черный дорогу перебежал. Чего, спрашивается, ему, паскуде, на заборе не сиделось? Так ведь нет – прыг и шась наперерез! Если бы он по своим надобностям куда бежал, так, может, и обошлось бы, а раз нарочно – пиши пропало. Примета верная. Не надо нам никуда ехать, барин.

– Вы так полагаете, сударь? – иронически ответил граф.

И слуга поник. А Нил справедливо заподозрил, что подчеркнутая вежливость барина не сулит слуге ничего хорошего, и тот великолепно это знает.

Тут граф, сколь ни узка была дверная щель, заметил Нила и поманил пальцем. Таиться дальше не имело смысла.

Нил вышел.

– Лодырь, – осудил граф Еропку, с отвращением взирая на гимназический наряд второго срока носки.

Нил сжался, как будто сам был виноват. Но граф больше не интересовался его костюмом и перешел непосредственно к персоне:

– Обещал я пристроить тебя в хорошее место и слово сдержу. Однако дела оборачиваются так, что придется тебе немного подождать. Поедешь со мной. Вопросы есть?

У Нила был вопрос, но задал он его не барину, а Еропке, когда барин удалился к себе в кабинет, а слуга вручил Нилу одежную щетку, велев вычистить дорожный сюртук его сиятельства.

– Дядя, а дядя... Едем-то мы куда?

– Куда, куда... – Еропка пребывал в большом неудовольствии. – На Кудыкину гору. В Санкт-Петербург, вот куда.

– Эва! А зачем?

– Служба, вот зачем.

– Царева служба? – для чего-то понизив голос, спросил Нил.

– Ну а какая же... Э! Кто ж так чистит! Сюда гляди, вот как надо! Эх, ты! Сразу видать, что с Енисея...

Нил старательно работал. После сюртука пришлось вычистить мундир и навести глянец на графскую обувь – две пары.

Только после этого Нил вновь обратился к Еропке, укладывающему в два больших чемодана сорочки, кальсоны, носки, носовые платки, мягкие домашние туфли и многое прочее.

– Дядя, а дядя...

– Чего тебе еще?

– Ведь я барину нисколечко не нужен, да?

– С чего ты это взял?

– Это он спор проиграл, вот и старается. А сам даже не спросил меня ни о чем, не то что вы.

– Цыц! – Слуга выкатил на Нила страшные глаза. – Чего не знаешь, о том не болтай. Делать его сиятельству нечего, кроме как тебя выпрашивать! Он человека насквозь видит, понятно?

Нил поежился, хотя понятно ему, по правде говоря, не было. А может, слуга уже успел доложить барину то, что сумел выпросить? А когда успел?

Нет, ничего тут сразу не понять...

Однако кормят от пуза – раз. Одежду дали – два. Не бьют – три. Это уже сейчас. И кое-что обещано на потом. Ну разве не сvezло?

А значит, надо быть полным олухом, чтобы думать о том, как сбежать.

«Остаюсь», – решил Нил, чувствуя все же некоторую тревогу.

ГЛАВА ВТОРАЯ , в которой граф Лопухин удостоивается высочайшей беседы, Еропка вновь приходит в ужас, Нил помогает строить гидроэлектростанцию, а полковник Розен поет дифирамбы ручным гранатам

Мощный, новейшей конструкции, паровоз «Змей-Горыныч» лихо свистнул, отгоняя зевак от края дебаркадера, запищал тормозами, окутался паром и зашипел, как настоящий змей. Не доехав ровно одной сажени до земляной насыпи, венчающий конец пути, он замер. Звонко ударил колокол, возвещая о точном – минута в минуту – прибытии «Красной Стрелы» на Николаевский вокзал.

И сейчас из распахнувшихся дверей вагонов мимо кланяющихся в ненапрасной надежде на чаевые вагонных служителей повалили пассажиры, смешавшись с пестрой толпой встречающих. Мелькнули бляхи носильщиков, послышались зазывные крики: «А вот кому вещи поднести? Без обмана и утруски! Не зевай, торопись, недорого!». По преимуществу бляхи стремились к вагонам первого класса, но не обходили вниманием и второй, а что до третьего, то его в «Красной Стреле» отродясь не водилось.

В вагоне произошло оживление. Мимо открытой двери купе Лопухина прошествовало семейство: пожилой толстый господин в летнем пальто и котелке, пыхтящий по тяжести двух чемоданов и одновременно сражающийся с гигантской шляпной коробкой, его пышнотелая супруга в платье с преогромным турнюром и две дочки-близняшки с одинаковыми болонками на руках.

– Ну-ка, – шепнул Еропке граф, – скажи, кто таков.

– Вон тот толстый господин?

– Полный, а не толстый. Сколько тебя учить. Еще лучше – представительный. В крайнем случае – дородный.

– Ну-у, барин... По-моему, он толстый, а никакой не представительный.

– Не пытайся выиграть время, отвечай. Итак, этот господин...

– Банковский служащий, – последовал немедленный ответ.

– Какого ранга?

– Высшего.

– Директор банка?

– Нет. Разве что банк совсем никудышный. Ничего себе шишка, но не директор.

– Так, – сказал Лопухин. – А почему, скажем, не... м-м... помещик, едущий в Петербург пристраивать дочерей в Смольный?

– В мае месяце? Шутите, барин. И на помещика-то он вовсе не похож...

– А на банковского служащего, выходит, похож?

– Точно. Вылитый. А что, не так?

– Этого полного господина, – наставительно произнес Лопухин, – зовут Аполлон Фаддеевич Шейкин, он служит главным инженером у Путилова. Проходил свидетелем по делу о мраксистских кружках. Пятьдесят один год, награжден Станиславом третьей степени, женат первым браком, трое детей, старший сын служит подпоручиком в Павловском полку. Вся семья страдает грудной жабой и регулярно лечится на водах, откуда, надо полагать, и возвращается в столицу. Вот тебе и банковский служащий.

– Ну-у, барин, это нечестно! У вас небось картотека, а у меня что?

– Картотека прежде всего должна быть вот здесь. – Граф легонько постучал себя пальцем по лбу.

– Куражьтесь, барин, воля ваша...

За астматичным семейством явился Нил. Не решаясь войти в купе, мялся в проходе, пока не был ушиблен чей-то кладью. Не дожидаясь указания барина, Еропка втащил мальчишку в купе.

– Сиди тут. Вещи где?

– Там, – указал рукой Нил в сторону соседнего купе. – Лежат.

– «Там»! Кому было сказано не отходить от вещей! Думаешь, вору только в Сибири водятся? Балда! На минуту тебя оставить нельзя!

– А вы сами?

– Что я? Не видишь, что ли: я вещи барина укладывал. Вот он, саквояж. У каждого свое дело. Есть у меня время за тобой следить, а?..

Попыхивая папироской, Лопухин иронически наблюдал за потугами слуги внушить Нилу элементарные представления о служении. Неизвестно, какая педагогическая поэма могла развернуться на его глазах, если бы в тамбуре не рывкнули зверем, явно игнорируя надпись «Господ встречающих просят не входить в вагон»:

– Смирно стоять, морда! Я тебе покажу «не положено»! Живо показывай, который тут граф Лопухин...

Хамская эта реплика возымела совершенно различное действие на барина и слугу. Если Лопухин лишь снисходительно усмехнулся, то Еропка мгновенно ощерился, как терьер, унюхавший мерзейшее порождение этого мира – кошку.

– Спрашивал давеча один – который, мол, тут граф, – проворчал он со значением. – Потом метелку у горничной клянчил: зубы свои по ковру никак не мог собрать...

– Цыц! – сказал ему Лопухин.

– Почему, барин?! Всякий-разный будет вот так вот вас не уважать? Тогда уж лучше совсем на свете не жить, ей-богу.

– Цыц, сказано. Выгоню.

– И-и-и!.. Куда же вы без меня, барин? Пропадете вы без меня. Совсем пропадете, как пить дать...

– Ладно, не выгоню, только цыц!

В дверном проеме возник человек в мундире с аксельбантами. Щелкнул каблуками:

– Я имею честь видеть графа Николая Николаевича Лопухина?

– Именно так, – отвечал Лопухин, убивая окурок в пепельнице.

– Флигель-адъютант его императорского величества Ипполит Артамонович Барятинский. – За представлением последовал новый щелчок каблуками. – Имею поручение встретить и сопроводить. Попрошу ваш багаж. Прохор, прими. Экипаж ждет.

Ни черта не значили эти щелчки. Физиономия затянутого в мундир, как колбаса в кишку, флигель-адъютанта носила на себе несомненные признаки наглости, брезгливости и недовольства данным поручением. Но придраться было не к чему.

Важный ливрейный Прохор принял чемоданы. На долю Еропки достался лишь саквояж, который он тут же вручил Нилу: «Потеряешь – уничтожу». На выходе из вагона Лопухин сунул служителю рубль,

подмигнув: «Что, мол, не приходилось еще иметь дело с императорскими адъютантами? Мотай на ус».

Двинулись через вокзал. Прохор с двумя чемоданами играл роль волнолома. Человеческий муравейник бурлил здесь заметно активнее, нежели в Москве. Навстречу потоку пассажиров «Красной Стрелы» лился поток дачников, подготовившихся к штурму пригородных поездов. И это на Николаевском вокзале! Лопухин лишь усмехнулся, представив себе, что творится сейчас на Финляндском и Балтийском. Три миллиона петербуржцев – не шутка. И каждый второй из них в мае месяце озабочен одним: снять удобную и недорогую дачу на лето. Три миллиона! Это не старушка Москва, в которой и двух не наберется...

Уже на площади пришлось протискиваться сквозь особенно густую толпу. Двое городских безуспешно пытались ее рассеять, обходясь пока без рукосуйства, – потому, надо думать, и безуспешно. Толпа собралась не зря: зеваки дивились на гигантских размеров паровой экипаж марки «Руссо-Балт» в специальном исполнении: небывало роскошная отделка, диковинные шины – не заурядные железные, высекающие искры из мостовой, и не дутые, а дорожкой литой резины, фигурный бронированный экран, отделяющий пассажирское отделение от котла, и наконец, бак с мазутом вместо угольного тендера и отсутствие кочегара. Но более всего привлекала внимание лакированная дверца пассажирского отделения, украшенная российским орлом и личным вензелем государя императора, прямо указывающим на принадлежность самобеглого механизма к гаражу Е.И.В.

Экипаж стоял под парами. Густой жирный дым стелился из высоченной трубы, мазал собачьим хвостом фасад вокзала. На козлах важный механик протирал бархатной тряпичкой рулевое колесо. Позади пытящего механизма замерли шестеро конных казаков с пиками, упертыми в стремя. Один из эскорта, бравый детина с закрученными усищами, устрашающе торчащими до козырька, и выбивающимся из-под фуражки громаднейшим чубом, старался унять пляшущего под ним горячего жеребца, и слышалось сипатое: «Балуй, холера».

Если граф и удивился экипажу и охране, то внешне ничем удивления не выказал. А потрясенный Нил потянул Еропку за рукав:

– Дядя, а дядя! Сам царь-государь прислал экипаж, да?

– Да. Тихо ты!

– Дядя, а граф Николай Николаевич, выходит, такой важный барин? Самый-самый важный?

– А то. Нет, ну не самый-самый, а... просто самый.

– То-то и гляжу: он как будто ждал, что сам царь за ним таратайку пришлет...

– Сам ты таратайка! Барин – он умный. Не как я, но все-таки. Враз понял, чьи люди встречаются. По тону. А теперь – замолкни!

– Прошу сюда, граф, – не слишком проворно, как и подобает слуге высочайшей персоны, вынужденному угождать персоне рангом пониже, распахнул дверцу экипажа флигель-адъютант. – Государь в Петергофе. Мне приказано оказывать вам в пути всяческое содействие.

– Ну, раз всяческое содействие, – усмехнулся Лопухин, – тогда поехали через Невский. Эй, механик, притормози у «Англетера». Нил, полезай на запятки, прими чемоданы. Еропка! Снимешь мне в «Англетере» номер о трех комнатах с видом на Исаакий. К обеду не жди, а ужин чтоб был. Если есть свежие устрицы – закажи. Из гостиницы ни шагу. Да, сегодня же пошлешь коридорного в книжную лавку Крафта, что на Фонтанке.

– Зачем, барин? – В глазах Еропки мелькнул ужас.

– Пусть купит «Одиссею». Ты, кажется, вообразил, что хитрее меня? Думаешь, не уложил книгу в багаж, так и ладно, забудется со временем? Нет, дружок. И никаких отговорок. Имей в виду: я очень сильно рассержусь, если ты не достанешь «Одиссею». Очень сильно. Запомни, труд создал человека.

– Это вас он создал, барин, а меня он убьет. Что тогда?

– Отпоем и закопаем. Эй, любезнейший, трогай!..

Коптя фасады, паровой экипаж описал полукруг и вывернул на Невский. На Аничковом мосту не в меру ретивый городской поднес было к губам свисток, но, разглядев казаков охраны, задумался, а узрев императорский вензель, выкатил грудь колесом и отдал честь. Распоряжение санкт-петербургского градоначальника о недопущении паровых экипажей на Невский, Литейный и Дворцовую набережную вне всяких сомнений не могло распространяться на императорский экипаж.

Нил ничуть не жалел, что оказался не внутри роскошного экипажа и даже не в отделении для слуг рядом с важным Прохором, а на

запятках вместе с Еропкой. Много ли увидишь изнутри! Санкт-Петербург раскрывался перед ним с парадной стороны. Мешал только сырой ветер, выдавливая слезы из глаз, и не радовало низкое летящее небо с растрепанными клочьями туч, но эти мелочи Нил охотно прощал волшебной столице.

Казанский собор контузил его воображение. Мелькнувшая справа арка Генерального штаба усугубила контузию, а при виде Зимнего дворца, Адмиралтейства и Исаакия Нил чуть было не свалился с козел. Более того: не менее диковинные строения открывались по ту сторону Невы, немногим, на взгляд Нила, уступавшей Енисею. Паровые катера, баркасы с косыми парусами и гребные суденышки так и сновали по водной ряби, а поблизости на самом фарватере шла какая-то большая работа.

Если бы граф Лопухин соблаговолил дать пояснения, Нил узнал бы, что это возводится чудо техники – разводной мост, призванный уже в текущем году соединить Адмиралтейскую сторону с Васильевским островом, и что мост через Малую Неву уже выстроен. Но граф не стал давать никаких пояснений, а просто высадил Еропку со всем багажом, сделав Нилу знак оставаться на козлах.

После чудес Невского Вознесенский проспект произвел невыгодное впечатление, зато здесь оказалось меньше извозчичьих колясок – как нарядных русских, так и финских, победнее, – и самобеглый экипаж, сердито заурчав, загромыхал железом и увеличил скорость. Казаки перевели коней в галоп.

– Странно, – задумчиво проговорил Лопухин.

– Что странно? – Флигель-адъютант обратился в слух.

– Странно, что государь пребывает в Петергофе.

– Не удивляйтесь. Двор остался в Петербурге. Государь выразил желание в течение нескольких дней отдохнуть и понаблюдать за забавами великого князя Дмитрия Константиновича. Только охрана, узкий круг доверенных лиц и минимум слуг.

– Понятно, – кивнул Лопухин. – Цесаревич, вероятно, по-прежнему в Гатчине?

– Совершенно верно.

– А великие княжны? – как можно небрежнее спросил Лопухин, и сердце сжалось в предчувствии: знает! Знает! Сплетни хуже телеграфа.

– Великая княжна Ольга Константиновна также изволит пребывать в Петергофе. Великая княжна Екатерина Константиновна изволила остаться в Петербурге.

То ли чудилось Лопухину, то ли и в самом деле в голосе Барятинского был скрыт змеиный яд: нет, дружок, с великой княжной Екатериной ты сегодня не встретишься, даже и не мечтай...

Показалось, подумал он, беря себя в руки.

На набережной Фонтанки какой-то хорошо одетый господин, сорвав с головы цилиндр, выбежал с тротуара на мостовую, во все горло крича «ура», и едва не попал под казачью лошадь. Барятинский отпрянул от окна. Миг – и восторженный верноподданный остался позади. Могучий экипаж давал по брусчатке не менее двадцати пяти верст в час.

– Фу ты, ну ты, – с явным облегчением сказал флигель-адъютант, вновь откидываясь на бархатную подушку. – Я чуть было не подумал – террорист. Удивился даже. Давно уже никто бомб не бросает.

– Да, бомбометатели – дело прошлое, – отозвался Лопухин.

– Вашими стараниями, – подхватил Барятинский так, что было непонятно, чего больше в его словах, одобрения или издевки. – Теперь у вас на очереди эти... мраксисты?

– От мраксистов вы бомб не ждите, – отрезал граф. – Учение Клары Мракс чисто экономическое, оно не подразумевает бомбизма. Тем-то оно и опаснее, кстати говоря.

– Однако и среди них, вероятно, могут найтись субъекты экстремистского толка?

– А где без уroda? Но законные методы по отношению к мраксистам пока действуют плохо. Чаще всего присяжные оправдывают смутьянов, а если особо зловредные и получают сроки, то обычно чепуховые. Погодите, то ли еще будет, если Дума примет закон о стачках...

Барятинский промолчал, чему-то улыбаясь. Улыбка у него была неприятная. Казалось, он на чем-то поймал Лопухина, вот только на чем?

Догадка пришла быстро: на уродах. Нигде, мол, без них не обходится. Стало быть, и в императорской семье. Что сказано, то сказано. И может быть впоследствии передано с нужной окраской.

А сказана чистая правда. Цесаревич Михаил, старший отпрыск государя императора, наследник престола... Да. Вот именно. Будущая надежда и опора, так сказать. Этой «опоре» самой нужна опора, чтобы не валиться под стол под занавес каждого кутежа. Но об этом не стоит говорить вслух.

За городом на механическую повозку обращали меньше внимания.

– Вишь ты, – сказал один ямщик другому и сморщился, чтобы чихнуть от дыма, но не чихнул, – вон какое колесо! Что ты думаешь: доедет то колесо, если б случилось, в Нарву или не доедет?

– Доедет, – был ответ.

– А в Ревель-то, я думаю, не доедет?

– В Ревель не доедет.

Да еще коровий пастух с пастушонком, выгнавшие на свежую траву разномастное стадо, проводили самобеглый экипаж не слишком удивленными взглядами, и пастушонок, утерев нос лоснящимся рукавом, спросил:

– А что, дядя, пахать на такой страхомордине небось можно?

Прежде чем отвечать всякой мелюзге, пастух выдержал достойную паузу.

– Эка хватил! Не-е. В пашне по ступицу завязнет. Весит не приведи господи, вон как рессоры просели, а колеса, вишь ты, с вершок шириной.

– А если в кузне широкие колеса склепать?

– Тогда, поди, можно, – важно согласился пастух, выдержав для значительности новую паузу. – Только ты это... Ты потише со страхомординой-то. Тут о позапрошлом годе в Дятлицах учителька кричала, что, мол, железный конь идет на смену крестьянской лошадке. Вот смеху-то было. А поп Варсонофий с дурна ума, не снесясь с начальством, взял да и возгласил принародно тому коню железному анафему. Целое дело вышло. Учителке-то ничего, а поп и доселе в Соловках огорода копает. Взыскан за мракобесие. Э, куда пошла!.. – Щелчком кнута пастух выгнал пегую коровенку из придорожной канавы и напустился на пастушонка: – А ты, раззява, чего ворон считаешь? Ты зачем сюда взят?

И звук подзатыльника положил конец дискуссии.

Двухаршинные колеса весело катились по брусчатке. Тряска почти не ощущалась – не то что на обыкновенных российских колдобинах, где вздумай только заговорить со спутником или укусить захваченный в дорогу пирожок – миготом отхватишь собственный язык вместо пирога. Разговор тем не менее не клеился.

– Не угодно ли? – только и спросил по дороге флигель-адъютант, протягивая графу пачку сигар с изображением скачущего кенгуру. – Настоящая «канберра», прямо из Австралии.

– Благодарю, я привык к папиросам, – сухо отвечал Лопухин и в самом деле закурил, на чем разговор прервался и не возобновлялся до того момента, когда колеса экипажа захрустели по гравийным дорожкам Верхнего сада Петергофа.

В десяти сажнях от парадной двери дворца экипаж остановился, шумно выпустил пар и глухо лязгнуло какой-то металлической деталью. «Заслонка, – догадался Лопухин. – Гасят топку».

И действительно: жирный дымный хвост, чуть было не лизнувший пакостно стену флигеля, истончился и пропал.

– Соблаговолите подождать. Я доложу.

Лопухин вышел из экипажа, разминая ноги. Ждать пришлось недолго.

– Государь примет вас. Прошу следовать за мной в Чесменский зал.

– Барин, а мне куда? – подал голос Нил.

– Стой здесь, жди. Да слезь с запяток, садовая голова!

На фоне батальных полотен с горящими турецкими кораблями государь Константин Александрович производил невыгодное впечатление. Когда-то очень представительный, он теперь сильно исхудал, поседел и ссутулился. Простой гвардейский мундир также не добавлял императору величия. Велики были дела предков, и велико было зарево огня, повсюду пожирающего флот османов. Дела давно минувших дней словно бы укоряли государя, который по праву мог бы прибавить к Чесменскому залу Дарданелльский, и укор их был несправедлив.

На миг Лопухина охватила неуместная жалость, и он прогнал ее. Как можно выказывать жалость к самодержцу четвертой части суши с населением в триста миллионов душ? Жалеть придется Россию, когда через несколько лет или (не допусти боже!) месяцев императора не

станет. Седьмой десяток все-таки уже на второй половине. Четверть века успешного царствования, четверть века благоденствия внутри страны и лишь две короткие успешные войны за ее пределами... Теперь это пределы России, и на Босфоре, и в Нарвике. Сделано многое, но... седьмой десяток на второй половине.

При вредной профессии это серьезно. И то сказать: кто из русских царей жил дольше? Одна Екатерина Великая, пожалуй, и то на один лишь год...

– Ваше императорское величество... – ниже, чем требовал придворный этикет, поклонился Лопухин.

– А, это вы, граф? – Даже голос у императора стал тише. – Я ждал вас. Надеюсь, вы в добром здравии?

– Так точно, государь. Осмелюсь спросить о драгоценном здоровье вашего императорского величества.

Скорбная улыбка тронула бескровные губы императора:

– Оставьте, граф, какое там здоровье... И сделайте одолжение, бросьте титулование. Проводите-ка лучше меня в парк. Врачи советуют пешие прогулки и морской воздух. Тем лучше, здесь все это под боком. Особенно морской воздух. Никогда, представьте себе, не любил Царское Село...

Впервые граф Лопухин шел под руку с государем. Откуда-то неслышно появился бессменный старый денщик с перекинутой через сгиб локтя шинелью, засеменил следом. Спустились по лестнице, вышли со стороны Нижнего парка. Краем глаза Лопухин заметил Нила – мальчишка, вместо того чтобы ждать у противоположного подъезда дворца, с разинутым ртом дивился на фонтаны из-за угла флигеля, не дерзая подойти к балюстраде. Свободной рукой Лопухин сделал ему знак следовать за ним в отдалении, не маяча.

Фонтаны шумели. Золоченый шведский лев, чью пасть разрывал могучими руками Петр Великий в образе Самсона, протестовал против такого изуверства высоченной струей ропшинской воды, извергаемой из глотки. Морщась от шума беснующихся повсюду струй, император повел Лопухина по полого спускающейся в парк боковой дорожке.

– Во дворцах есть то неудобство, что количество лишних ушей значительно превышает количество дельных голов, – без усмешки произнес он. – Прогуляемся до Монплезира, граф. Я спрошу начистоту: вам уже известна цель вашего вызова ко мне?

– Нет, государь, – ответил Лопухин.

– Прекрасно. Я сам введу вас в курс дела. Через три месяца мы планируем открыть движение по новостроенной Транссибирской железнодорожной магистрали. Надеюсь, вы понимаете значение этого события для России?

– Понимаю, государь. Покуда наши сибирские и дальневосточные провинции не будут иметь быстрого и надежного сообщения с центральными губерниями, они останутся лишь российскими колониями, но никак не Россией.

– Верно, но это не все. С открытием железнодорожного сообщения мы сможем переселить в Сибирь миллионы крестьян из центральных губерний типа Калужской, ныне страдающих от перенаселения и истощения пахотных земель. Одна лишь Минусинская котловина при правильной постановке дела сможет прокормить миллионы людей. Но и это лишь второстепенная задача. Главное: создать на Дальнем Востоке мощную промышленную базу как опору для флота. Владивосток – превосходный естественный порт, но в данный момент влачит довольно-таки жалкое существование. Нам нужен сильный флот на Дальнем Востоке, во-первых, для пресечения грабительской торговли англичан и голландцев с туземным населением Камчатки и Чукотки, а во-вторых, дабы противостоять возможной агрессии со стороны Японии. У этой страны отменный аппетит, совершенно не по росту! Мы приветствуем настойчивое стремление японцев войти в число цивилизованных народов, но мы обязаны защитить наши интересы в Манчжурии, Корее, и я уже не говорю о нашем исконном Сахалине и островах. Наш посланник в Токио барон Корф деятельно работает над русско-японским дружественным договором о разграничении сфер влияния. Завершение строительства Транссиба явится мощным аргументом в нашу пользу. А чтобы у японской стороны не возникло подозрений, будто мы близоруко недооцениваем значение новой магистрали, Государственный совет решил придать церемонии открытия высокий государственный статус. На церемонии должен присутствовать наследник престола. Более того, он лично должен забить последний золотой костыль...

«Хорошо, если он попадет кувалдой по шляпке костыля, а не кому-нибудь по ноге», – мельком подумал Лопухин, два года назад

представленный наследнику и хорошо его помнивший. По имеющимся сведениям, с той поры цесаревич не преуспел в добродетели.

Не до конца перелинявшая серо-рыжая белка шуршала в прошлогодней листве, выискивая проросшие желуди. Внезапно из кроны трехсотлетнего дуба брызнул настоящий ливень, вынудив собеседников спешно ретироваться из-под полога ветвей. Белка взлетела по коре вверх и сердито заверещала.

Впервые хмурое лицо императора украсилось подобием улыбки.

– Митька чудит, – почти нежно сказал он, стряхивая капли с эполет. – Только что выпущен из Пажеского корпуса в числе лучших, а баловаться не разучился. Обожает водяные шутихи. Дня не проходит, чтобы кто-нибудь не попался... Ага, вон и шланг! Вот увидите, завтра ловушка окажется уже в другом месте... М-да. На чем я остановился?

– На Транссибе, ваше императорское величество, – с поклоном отозвался Лопухин. – А также на наследнике.

– Да-да. Ему не мешает проветриться и посмотреть разные страны. Заодно парафирует в Японии новый мирный договор, подготовленный Корфом. Японцы придают большое, часто до несоразмерности, значение церемониалам. Что ж, мы пойдем навстречу и окажем японской стороне уважение. Подпись наследника престола чего-нибудь да стоит. М-да... В Гатчине цесаревич ведет беспутную жизнь. Карты, вино, женщины. Я сам в молодости не был монахом, но его поведение, право, далеко выходит за рамки обычных шалостей. Полбеда, если бы он ограничивался одной Гатчиной. Но обер-полицмейстер то и дело доносит мне о его кутежах и безобразных выходках в Петербурге. Его не раз видели в грязных вертепах у Калинкина моста. Только чудом он до сих пор не подцепил венерическую болезнь. Вы понимаете, граф, все это строго между нами...

– Я служу в Третьем отделении, государь, – твердо ответил Лопухин.

– Не сомневаюсь в вашей преданности и скромности. Так вот, я надеюсь, что кругосветное путешествие в обществе людей достойных пойдет цесаревичу на пользу. Дай-то бог!

– Ваше величество говорит о кругосветном путешествии? – позволил себе удивиться граф.

– Именно о кругосветном. Тут есть и геополитический смысл. До сих пор, как вам, вероятно, известно, лишь два российских капитана – Моргенштерн и Волчанский – совершили кругосветное путешествие. Новые корабли для владивостокской эскадры идут по полгода через мыс Доброй Надежды и Зондский либо Малаккский проливы. Фрегат «Диана», посланный в позапрошлом году напрямик через Великую Атлантику, попал в тайфун и затонул близ Азорских островов. Бриг «Персей» пропал без вести на том же маршруте. До сих пор единственным русским судном, прошедшим напрямик из Петербурга во Владивосток, остается пакетбот «Быстрый». Машинный ход имеет свои преимущества. Вот почему для экспедиции выбраны паровой корвет «Победослав» и канонерка «Чухонец».

– Мудро, государь, – осторожно вставил Лопухин.

– Ах, оставьте. Вы сейчас отвесили комплимент не мне, а морскому министру, это его рекомендация... Англия значительно опережает нас и в японских делах, и в мореплавании вообще. На Дальнем Востоке англичане откровенно вставляют нам палки в колеса. Имеются сведения о неофициальных контактах Лондона с пиратами Исландии, Шпицбергена и Ньюфаундленда. Исходя из этого, маршрут экспедиции проложен подальше от северных вод: через Ла-Манш, далее к Азорам, к голландским колониям на Сандвичевых островах – и оттуда прямо в Иокогаму... Который час, граф? Без пяти минут двенадцать? Тогда пройдем поскорее эту аллею, тут шутихи старые, известные, работают по часам... До них Митька еще не добрался.

– Его высочество имеет склонность к технике.

– Он ко всему имеет склонность, поверьте! Ему до всего есть дело. Удивительно подвижная натура и вместе с тем серьезная, даже какая-то основательная. Иногда мне кажется, что ему сорок лет, а не двадцать два. Отдал ему Шахматную горку, он на ней вместо каскада строит гидроэлектростанцию. Пусть портит! Весь дворец с парком отдам, лишь бы не запил от безделья. Женю его, а через год-другой сделаю дальневосточным наместником, на этом посту он развернется, что нам и требуется...

Император вздохнул. Трудно было не понять причину его вздохов: законный наследник Михаил Константинович, родная кровь, боль отцовской души, позор императорской фамилии. Пока он лишь наследник, разговоры о его беспутстве можно еще удерживать

полицейскими мерами на уровне шепотков, но потом... Что толку, косясь на дверь, рассуждать о том, что великий князь Дмитрий Константинович стократ более достоин императорской короны! Престол все равно займет пьяный и буйный Михаил. За его спиной такие силы, с которыми честным патриотам и спорить-то бессмысленно. Слишком многих устраивает император-кукла, а что вечно пьян, так это не беда. Алкогольные вожжи не хуже любых других.

– Впрочем, к делу, – твердо произнес император. – Итак, я намерен предложить вам принять участие в этой экспедиции в качестве... м-м... шефа личной охраны цесаревича. Мне рекомендовали вас как исполнительного, а главное, умного, прозорливого, ловкого и, когда требуется, решительного человека. Говоря по чести, рекомендации для вас вовсе не обязательны, ведь я вас знаю. И верю, что вы исполните свой долг. Хотя... в экспедиции примут участие только добровольцы. Вы, конечно, можете отказаться.

– Ни в коем случае, государь, – поклонился Лопухин. – Я рад.

Рад он отнюдь не был. Кто получил назначение охранять цесаревича, тот должен быть готов охранять его прежде всего от него самого и его собутыльников. Это всегда подразумевается. Приятная перспектива, нечего сказать!

Но и отказаться было невозможно. Причем не только по карьерным соображениям. Нельзя не исполнить приказ такого государя, каков Константин Александрович, и считать себя после этого порядочным человеком и патриотом. Что тогда? Отставка и отъезд в имение – подальше от позора...

Если бы император приказал Лопухину броситься головой вниз со шпилья Петропавловского собора, граф в первую минуту попытался бы выяснить, нельзя ли как-нибудь обойтись без этого, но во вторую минуту – бросился бы.

И уж тем более нельзя было отказать императору в просьбе.

Легкая улыбка преобразила лицо монарха. Казалось, он сбросил разом пять лет.

– Тем лучше. Тогда немедленно отправляйтесь с полковником Розеном в Кронштадт на борт «Победослава». Завтра туда же прибудет цесаревич. Послезавтра утром корабли должны выйти в море... Вы, кажется, удивлены, граф?

– Ни в коей мере, государь.

– Тем лучше. Вы, конечно, понимаете: соображения безопасности вынудили нас держать всю подготовку в глубочайшей тайне. Слишком многое поставлено на карту, чтобы не нашлось желающих нам помешать. Быть может, есть веские обстоятельства, удерживающие вас в России? Говорите прямо, граф.

– Государь, таковых обстоятельств у меня не имеется, – отчеканил Лопухин.

С минуту Константин Александрович смотрел на графа выцветшими, но все еще очень пронизательными глазами. «Знает», – подумал Лопухин.

– Благодарю. Иного ответа, признаться, не ждал. Точные инструкции, а равно прожиточные, представительские и секретные суммы вы получите на борту корабля. Отправляйтесь, граф, и да поможет вам бог!

По-видимому, аудиенция была окончена. Дружески кивнув, император двинулся было по аллее, но, не сделав и двух шагов, вдруг резко обернулся и стиснул руку графа.

– Пожалуйста, не давайте наследнику напиваться вдрызг, – сказал он, и Лопухин понял: в эту минуту с ним говорит не самодержец, а страдающий отец. – Совсем не пить он, по-видимому, не сможет, но пусть хотя бы держится в рамках приличия. Пожалуйста, граф.

Комок подступил к горлу. Лопухин смог только кивнуть в ответ, как кивнул бы всякому, кому твердо пообещал содействие.

Пообещать-то можно. А ты попробуй сделать.

И попробуй не сделать. Тогда останется одно: самому спиться у себя в имении от тоски и позора.

Несколько секунд Лопухин смотрел в спину удаляющемуся по аллее императору. Ладно. К черту все прочие дела! Подождут. В Кронштадт! Где этот полковник?..

Перед Монплезиром, предусмотрительно держась подальше от старых, еще елизаветинских водяных шутих, прохаживался немолодой офицер в черной форме морской пехоты. Вблизи стали заметны две детали: Георгий третьей степени на груди офицера и страшный сабельный шрам, наискось пересекавший лицо.

– Генерального штаба полковник Розен, – очень сухо отрекомендовался офицер.

– Статский советник граф Николай Николаевич Лопухин, – приветливо представился граф и по скучающему виду полковника понял, что тот знает его и получил повеление ждать. – А как вас величать по имени-отчеству?

– Полковник Розен.

– Гм, и только? Вы не потомок ли того Розена, что «ушел сквозь теснины», но все-таки был взят в плен под Полтавой?

– На второй вопрос отвечаю: потомок, но незаконный. Мой дед за угасанием фамилии получил монаршее соизволение именоваться Розеном. На первый вопрос отвечаю: да, и только. А теперь не угодно ли вам проследовать? Мой катер стоит под парами.

Круто развернувшись на каблуках, он двинулся было в сторону канала. Лопухин едва успел поймать его за плечо. Движение вышло инстинктивно, но это мало беспокоило графа. Он знал, что его инстинкты по большей части верны.

– Не кажется ли вам, полковник, что ваше поведение оскорбительно?

Розен подскочил, как ужаленный, стряхнул с плеча руку и, оскалившись в брезгливой улыбке, стал окончательно страшен:

– Жандармы того стоят. К тому же ни один из них никогда не примет вызов на дуэль, оправдываясь соображениями государственной службы, и только наподличает исподтишка. Так что же прикажете с ними делать? Лобызаться?

– Сознайтесь, что погорячились. Больше мне ничего от вас не надо.

– Ха-ха! Погорячился? Быть может, вам когда-нибудь случалось принимать вызов? Да неужели? Чудеса во человецех!

– Для начала я готов принять ваши извинения, – кротко сказал Лопухин. Розен только зло рассмеялся в ответ. – Нет? Не хотите? Тогда слушайте: я не принимаю ваш вызов, потому что не получил его и потому что сам вызываю вас. Поверите на слово или мне придется повторить вызов в присутствии свидетелей и с перчаткой? Ах, верите? Тогда выбор оружия за вами. Можем встретиться хоть сейчас в уединенном уголке парка. Я готов удовлетвориться вашими секундантами.

Лицо полковника, и без того искаженное шрамом, исказила гримаса. Он покрутил головой и неожиданно расхохотался. Смех его,

злой вначале, странным образом окончился нотками досады.

– Черт, а ведь вы меня поймали. Я с удовольствием встретился бы с вами прямо сейчас, но увы. Поклялся государю. Он знает, что я забияка, ну и взял с меня честное слово... Хорошо, я принимаю ваш вызов, но только не сейчас и не здесь, а по выполнении миссии, во Владивостоке. Вас устраивает мое предложение?

– Не очень. Впрочем, согласен, если вы перестанете дерзить. Если нет, я найду способ поставить вас к барьеру где и когда угодно. Я имею в виду: когда мне будет угодно. По рукам?

Розен размышлял ровно столько времени, сколько граф мог удержаться на грани обратимости поступков, то есть две-три секунды.

– Так и быть, по рукам, – сказал он уже без враждебности в голосе. – Но во Владивостоке я вам не завидую. Готовьтесь к худшему. В Академии Генштаба я был чемпионом курса по стрельбе из револьвера. А до этого чемпионом полка.

– Я тоже умею стрелять.

– Значит, меня не обвинят в избиении младенцев. Однако не поторопитесь ли нам? Вон видите трубу перед шлюзом? Это мой катер.

– Погодите, – спохватился Лопухин. – Со мной еще мальчик, слуга. Черт побери, куда он подевался?

Нила нигде не было видно.

– На фонтаны любуется, – предположил Розен. – Или камешки в залив швыряет, бездельник.

На прибрежных валунах за Монплезиром Нила не оказалось. Пришлось пройти вдоль канала. Осмотрелись. Перед шлюзом приткнулся, слабо дымя, паровой катер. По ту сторону канала парковый служитель с достоинством катил мусорную тачку. Нил как сквозь землю провалился.

– Вот ведь разгильдяй, – пробормотал граф.

– Вы же по сыскному делу, – съязвил Розен, – вот и сыщите.

– И сыщу. Дайте время.

– Времени у нас как раз в обрез. Не оставить ли нам его здесь, раз он такой пряткий?

– Вам легко говорить, а у него мой саквояж... Стойте! Есть идея. Идите на катер, а я прогуляюсь к Шахматной горке.

– Пожалуй, я составлю вам компанию. Черт, ну и длинные же здесь аллеи!.. Почему вы думаете, что он там?

Лопухин только взглянул многозначительно – берег дыхание. Шахматной горки они достигли почти бегом. И вовремя: там вдруг закричали в несколько голосов. «Скорее! Что-то случилось», – почти не запыхавшимся голосом проговорил Лопухин, переходя с рыси в карьер.

Полковник не отставал.

А случилось вот что.

Уразумевши, что с его (или не его? ну, об этом потом помозгуем) барином беседует не кто иной, как сам царь, Нил в первую минуту, понятно, оробел. Знак, сделанный ему графом, он заметил и истолковал правильно – но ноги приросли к земле.

Сам царь!

Нил вспотел. Никакого приличного случаю благоговения он не ощутил, зато почувствовал ужас птички, пойманной котом, или воришки, бестолково бьющегося в крепких лапах городского. Последнее ощущение показалось более точным, благо, было не раз испытано Нилом на себе. Ну, попал!.. Парк, наверное, оцеплен стрелками, и в каждом дупле по соглядатаю. Тут сделаешь что не так – и пропадешь, как волдырь на воде, никто и не спросит, куда пропал шпынь ненадобный. Ой, мамочки...

Ничего страшного, однако, не приключилось. Грохотал Большой каскад, но Нил не знал, что это Большой каскад. Среди шума воды царь и барин спускались по вымощенной наклонной дорожке в парк, спокойно беседуя о чем-то, и столбняк Нила мало-помалу проходил.

С тяжелым саквояжем графа в руке Нил робко двинулся следом, но на ту же аллею ступить не дерзнул. Вертя головой и поминутно дивясь, он забрал вправо, не упуская из виду барина. Парк не тайга – тут буреломов нету и издалека видать.

Чутье подсказывало держаться поближе к барину. Но любопытство то и дело лезло со своим мнением. А там что? А вон там?

Довольно скоро Нил набрел на бригаду мастеровых. По-видимому, они чинили не то фонтан, не то каскад... сам черт не разберет эти барские забавы, как тут у них что называется... В общем, красиво расчерченная на квадраты наклонная стенка, по которой, как догадался Нил, полагалось катиться воде, была осушена и частично разворочена. Сбоку от специально продолбленной ниши из толстой трубы выпрыгивал целый водопад отведенной в сторону воды, низвергаясь в преогромную каменную лохань.

Зачарованный Нил разинул рот и потерял чувство времени. Нечего и говорить, что он потерял из виду также барина и – позор и стыд! – самого государя.

К высоченной деревянной треноге с подвижным блоком наверху был прицеплен обвязанный веревкой чудной механизм – не очень большой, но, как видно, тяжелый. Его-то, как понял Нил, и предполагалось поднять в нишу.

Зачем? Видать, чтобы фонтан лучше фонтанил. Насос, наверное...

И совсем удивительным показалось Нилу то, что за десятника у фонтанных дел мастеров был невысокий ладный парень годов двадцати. Его фартук, какой бывает у каменщиков, был заляпан, шапка съехала на ухо. Он покрикивал, и работники, в числе которых были два седобородых, слушались его беспрекословно.

– Разом взяли! Макарыч, готовься принять! Тяни! Р-раз! Ну еще раз... ддрружно! Ты чего стоишь? – Это Нилу. – Помогай!

Чуть-чуть помявшись в нерешительности, Нил поставил саквояж на каменный парапет водоема, для порядка поплевал на ладони и ухватился за хвостик толстой веревки позади рабочих. Потянул вместе со всеми. Был ли толк от его помощи, нет ли – не понял. Если и был, то немного.

– Наверх лезь, дурачина! Подсобишь принять.

А, вот какой помощи ждал молодой десятник! На миг Нил устыдился своей бестолковости – и все же «дурачина» показалась незаслуженно обидной.

– Так бы сразу и говорил, – с вызовом обратился он к десятнику. И добавил как можно басовитее: – Ладно. Я сейчас.

Он проскакал по мосткам над водой и быстро вскарабкался по приставной лестнице. В нише уже стоял какой-то дядя с длинным железным крюком наперевес.

– Осади назад, – строго сказал он. – Да не туда! Вон куда! – толкнул он Нила в глубину ниши. – Счас я приму, а ты вот этак придержи. А как майнать начнут, подложишь под турбину вон те чурбачки. Уяснил?

Нил не знал, что означают слова «майнать» и «турбина», но кивнул с видом полной понятливости. Авось разберемся. Не лыком шиты.

И Нил превосходно разобрался. Его ли беда, что усердия он проявил чересчур много, а ниша оказалась недостаточно глубока?

Совершив полуоборот вокруг непонятого агрегата, именуемого турбиной, и подложив последний чурбачок, Нил вдруг почувствовал, что его пятки повисли над пустотой.

Испугаться он не успел. Вот удивление – было. Как же это он так опростоволосился? В Сибири на кедры лазал, земли оттуда не видно, и ни разу не сорвался, – а тут?..

Нил замахал руками. Попробовал дотянуться до веревки, но не успел. А потом был полет, недолгий и совсем нестрашный, жесткий удар спиной о воду, и вдруг стало холодно и мокро.

Он вынырнул и обнаружил, что схвачен за шиворот. Нащупал дно – здесь было всего-то аршин глубины, – и все равно был вытащен на каменный парапет чьей-то сильной рукой.

– Ай, дядя! Отпусти!

Но мокрый по пояс молодой десятник отпускать Нила не пожелал. Наоборот, схватил за плечи еще крепче и пытливо заглянул в глаза:

– Как звать тебя, водоплавающий?

– Нил.

– Тогда ты не туда впал. Тебе в Средиземное море впадать надо.

Мастеровые обидно захохотали.

– Хватит вам, – властно остановил их десятник. – Ты кто есть? Откуда?

Нил лишь сопел, не зная, что отвечать.

– Ты вот что, паря, – басом сказал бородатый мастеровой, положив тяжкую ладонь Нилу на плечо. – Ты отвечай. Видишь, их

императорское высочество интересуются, так ты уж не молчи. Ты чьих будешь?

Их высочество?! Нил разинул рот. Только что выбирал момент рвануться, выскользнуть из рук и задать деру – и вот на тебе! Высочество, да еще императорское. От такого удерешь, пожалуй...

И тут пришло спасение. Явился барин – как из-под земли выскочил. А с ним еще какой-то дядька в важном черном мундире и со страшным шрамом на лице. Мокрый Нил только таращил глаза и шевелил ушами, пока длилось объяснение.

Сказать по правде, длилось оно не слишком долго. Вымокшее по пояс императорское высочество рассмеялось, отпустило Нила и назвало его крестником, отчего вся компания снова расхохоталась. Тем и кончилось неприятное приключение, а граф, почтительно откланявшись «десятнику», велел Нилу взять саквояж и идти следом за ним и дядькой в черном мундире.

Оглянувшись на Нила он только раз – с иронической усмешкой. Но деревенской раззявой не назвал и вообще не сказал ничего.

Нил молчал. Было стыдно.

Пришли к какому-то каналу, где стоял паровой катер. А когда погрузились и вышли в море, Нил понял, что искупался очень зря. Свежий ветер вмиг заставил его зубы плясать чечетку.

«Нипочем не пожалеюсь», – нахохлившись, как воробей, подумал Нил. К счастью, его страдания были замечены матросами. «Держи, салага», – сказал один из них, кинув старый бушлат, в который мокрый Нил немедленно завернулся.

Удивительно, что барин одобрительно кивнул, хотя по виду совсем не интересовался дрожащим мальчишкой, и стало ясно, что он все примечает.

Ветер доносил слова разговора. Барин беседовал с господином в черном мундире – полковником, как понял Нил из услышанного.

– Так вы участвовали в Галлиполийском десанте? – спрашивал граф. – Выходит, вы попали в самое пекло. Нам под Адрианополем тоже временами приходилось несладко, но таких потерь, как у вас, конечно, не было. Правду говорят, что во время десантирования одних только шлюпок было разбито двадцать семь штук?

– Не считал, – отвечал черный полковник. – Наверное, около того. Если бы эскадра не поддержала нас огнем, подавив береговые батареи

турок, никто из нас не ступил бы на берег. Не поверите – прибор покраснел от крови. От моей роты осталась половина. Но за пляж мы все-таки зацепились и укрепления первой линии взяли. Сунулись на «ура» брать вторую линию – а турки в контратаку! Сам не понимаю, каким чудом мы их опрокинули. И вот уже в турецкой траншее налетел на меня один... Кричит что-то, глаза злющие, голова обритая без фески, винтовку тоже где-то потерял, зато ятаганом – вжик! Видите, как он меня разукрасил? – Рукой в перчатке полковник притронулся к своему страшному шраму. – А в револьвере у меня пусто, куда девалась шашка – понять не могу, наверное, осталась где-то позади в куче-мале. Если бы не ручная граната, тот турок мне голову снес бы...

– Ручная граната? Удивительно.

– А, ничего удивительного. Обыкновенная ручная граната русской системы. С рукояткой. Удобнейшая вещь. Инстинкт выручил, ей-богу! Кольцо я дергать не стал, а просто врезал этому турку гранатой по бритому темечку. Как дубинкой. От всей широты русской души. А потом уже кровь мне лицо залила, ничего не вижу, одно понятно: опять вроде живой остался... Жаль, ту гранату мои орлы истратили, я бы ее хранил как реликвию. Прекрасное оружие эти ручные гранаты!.. А вы, простите, в той кампании участвовали в каком качестве?

– В Смоленском драгунском полку в чине поручика командовал полуэскадром.

– Да ну? И сшибки были? Отчего же, хотелось бы мне знать, вы впоследствии избрали... э-э... иную стезю?

– По выходе в отставку с военной службы получил предложение и согласился. Что же тут удивительного?

– Поня-атно, – со значением протянул полковник и надолго замолчал.

Нил глазел по сторонам – и было на что глазеть. То там, то тут из воды поднимались стены фортов. На некоторых можно было разглядеть дула огромных пушек. Спереди надвигался, вырастая из моря наподобие града князя Гвидона, остров Котлин.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой граф Лопухин остается доволен «Победославом», чего никак нельзя сказать о наследнике престола, Нил слышит странные слова, а Еропка приходит в ужас в третий раз

Капитан Пыхачев, представительный мужчина лет пятидесяти, несолидно пританцовывал от возбуждения, вода гостей по кораблю. «Победослав», стройный красавец, чуть заметно покачивался на мелкой зыби, то и дело наваливаясь бортом на бревна и мешки с шерстью, свешенные с пирса на цепях и канатах. Приборка только что кончилась, дубовый настил палубы сиял чистотой. Несколько матросов под присмотром коренастого боцмана усердно надраивали медяшку. Высокая дымовая труба между фок- и грот-мачтами была выкрашена в черно-желтый цвет, что придавало ей вид шершня.

– Чудо, а не судно! – восторгался капитан. – Без малого две тысячи тонн, и машина удивительной мощности. Огнетрубные котлы новейшей конструкции! Управляемый зубчатый редуктор позволяет менять ход, не меняя давления пара. На этом мы экономим уголь. А обводы! Вы обратили внимание на силуэт? Лебедь! Стрела! На полном ходу я могу дать четырнадцать узлов, а кратковременно – до шестнадцати. И это, заметьте, без парусов! А при свежем бакштаге...

Рукой в белоснежной перчатке Розен провел по поручню трапа. На перчатке не осталось следа.

Лопухин, с самого утра еще ничего не евший, вежливо скучал. Вдохновенное красноречие Пыхачева показалось бы ему забавным, если бы не так сильно подводило живот. Граф знал за собой слабость к людям, влюбленным в свое дело. Но черт побери, капитан мог бы догадаться накормить гостей!

– Впервые команду столь прекрасным судном! – разливался соловьем Пыхачев. – Новейшая технология корпусного набора! Представьте, господа: четные шпангоуты и бимсы выполнены из беспорочного дуба, а нечетные – стальные. Корвет удивительно

крепок, а как он слушается руля, господа! Вы посмотрели бы, как он управляется в свежую погоду! Мореходность просто замечательная...

Пустой желудок Лопухина выдал музыкальную руладу.

– А броневой пояс по всей длине корпуса! – продолжал восторгаться капитан, ничего не замечая. – Дубовая обшивка толщиной в один фут, а поверх нее – вы не поверите – два слоя легированной стали! Да-да! Это чудо металлургии, господа! Причем внешний дюймовый слой хромо-молибденовой стали обладает удивительной твердостью, а внутренний, также дюймовый, – вязкостью. На полигонных испытаниях такой «бутерброд» выдерживал десятки попаданий шестидюймовых конических бомб...

– Фугасных, конечно? – полуспросил-полуконстатировал Розен. – А бронебойных?

– Бронебойный шестидюймовый снаряд такую броню пробьет, – удрученно согласился Пыхачев, но сейчас же спохватился: – Правда, только на близкой дистанции и под прямым углом. А разве мы позволим противнику подойти к нам вплотную? У нас две восьмидюймовки на поворотных платформах. Вон на носу – одна из них. Вторая на корме. У нас, наконец, в каждом борту по пять казнозарядных скорострельных четырехдюймовок и на крайний случай две митральезы на верхней палубе! Мы можем драться.

– Безусловно, но...

– От боя с броненосцами мы уклонимся благодаря преимуществу хода, а легкие суда нам не страшны – утопим. Кроме того, с нами пойдет канонерская лодка.

– Вот это меня и пугает, – задумчиво вымолвил Розен.

– Почему же? – изумился Пыхачев. – Правду сказать, у «Чухонца» всего одно орудие, зато какое! Одиннадцать дюймов! Вес бомбы почти двадцать пудов. Не хотел бы я, чтобы такой гостинец угодил в моего «Победослава»! Нет-нет, господа, «Чухонец» нам крайне полезен. Он, правда, медлителен, развивает всего десять узлов, но ведь мы же не в гонке участвуем!..

– Каперанг рассчитывает после похода махнуть в контр-адмиралы, – шепнул Лопухину Розен. – Надеется на русское авось. А «Чухонец» – гнилая дрянь...

– Однако же одобренная морским министром, – шепнул в ответ Лопухин.

– То-то и оно. Я уже протестовал, но без толку.

Капитан Пыхачев был настолько занят восторгами по поводу «Победослава», что не заметил этих перешептываний.

Наконец дошло дело и до трапезы. Кают-компания встретила гостей гулкой пустотой. Пыхачев объяснил, что все офицеры, кроме вахтенного начальника, отпущены на берег. Поскольку завтрак давно уже кончился, а обед еще и не думал начинаться, кок мог предложить изголодавшимся Лопухину и Розену лишь холодную телятину с сельтерской. Граф удовлетворенно отметил, что вино до «адмиральского» часа не было предложено. По-видимому, капитан свято чтит морской устав.

Впрочем, телятина под горчицей была хороша.

– Вероятно, в походе нам придется питаться по большей части солониной и сухарями? – осведомился мало знакомый с морским бытом Лопухин.

Капитан обиделся:

– Отчего же солониной? Пусть меня разжалуют, если я заставлю вас хоть раз ее попробовать! Нижним чинам – и тем иной раз достается свежатинка. Я беру на борт двух быков, десяток свиней и птицу. На Сандвичевых островах, разумеется, закупим еще. И с ветерком в Йокогаму! Пшеничная мука есть. Масло постное и скоромное... Возможно, пополним запасы провизии и раньше, например в Дании...

«Так и есть: заход в английские порты не планируется», – подумал Лопухин.

– Закупите лучше побольше угля, – вставил Розен. – Что солонина да сухари? Еда как еда. Свежих фруктов только к ней надо, от цинги.

– Пятьдесят ящиков лимонов уже погружены.

– Дельно.

Дальнейший разговор не склеился. Капитан посопел носом, затем набил трубку и запыхтел ею. Терзая вилкой телятину, Лопухин незаметно приглядывался к Пыхачеву. Гм... Довольно демонстративно делает вид, что обижен, а значит, не обижен нисколько. Маска. Зачем она вам, Леонтий Порфирьевич Пыхачев, верный служака, моряк в пятом поколении? Только ли для того, чтобы высокие гости из чувства деликатности не совались в ваши капитанские прерогативы?

Данной загадки он не решил и не огорчился. Только в дешевых романах гениальные сыщики могут рассказать о человеке все по беглому взгляду на усы его дворецкого. В действительности одна встреча – повод для размышлений, не более. Для обоснованного вывода этих встреч нужно по меньшей мере две.

– Благодарю, было вкусно, – сказал граф, бросив салфетку рядом с пустой тарелкой. – Сделайте мне любезность, Леонтий Порфирьевич, прикажите вестовому поводить меня по корвету. Нет-нет, я не смею злоупотреблять вашим временем. У вас, вероятно, его и так немного.

– Истинная правда, – согласился капитан, поспешно вставая с места. – Столько всего еще не погружено... за всем глаз да глаз нужен... старший помощник отпущен в увольнение, а баталер новый, из добровольцев... хочу приглядеть сам... вы извините меня, господа? Я пришлю вам боцмана. Лучше него вам никто корвет не покажет.

– Через четверть часа, Леонтий Порфирьевич. Хочу покурить на воздухе. Ваш боцман найдет меня на верхней палубе.

Вслед за графом наверх поднялся и Розен. Отрицательно качнул головой, увидев подставленный Лопухиным портсигар:

– Благодарю, но от папирос откажусь. Привык к сигарам. Вот «канберра» ручной свертки. Не угодно ли?.. Но где же эти бездельники?

– Кто? – не понял Лопухин.

– Мои головорезы. Не обращайтесь внимания. У вас свои заботы, у меня свои.

И хотя граф имел на сей счет иное мнение, перечить он не стал. Еще не время. Очень скоро полковнику Розену придется убедиться: у того, кто отвечает за безопасность персоны наследника престола, не может быть чужих забот. Все заботы на судне и около – его заботы. Всюду ему придется сунуть свой нос, нравится это Розену или нет.

К сходням подкатила подвода. Несколько матросов и докеров принялись таскать мешки. Свежий ветер морщил воду, теребил снасти. Теснились к воде портовые строения, и сиял над их плоскими крышами купол собора, упираясь крестом в низкое небо. На внешнем рейде слабо дымили броненосцы «Нафанаил», «Рафаил», «Селафаил» и «Иегудиил».

– Вот настоящие корабли, – вздохнул Розен. – Не то что... Кстати, граф, вам известна история нашего корвета?

– Хм-м... – затруднился Лопухин. – По-моему, у него еще нет никакой истории. Судно совсем новое.

– Да, но закладывалось оно как императорская яхта. Хороший ход, изящество, комфорт, а вооружение только для салютационных стрельб. Потом многое переделали. И все равно судно осталось светской кокеткой, напялившей доспехи поверх бального платья. Вооружение слабо, бронирование недостаточно, угольные ямы малы, планировка неудобна.

– Капитан, кажется, держится иного мнения?

– Да, и в том беда его и наша. А вон, – указал Розен, иронически усмехнувшись, – приют убогого «Чухонца».

У соседнего пирса стоял неказистый с виду колесный пароходишко с закопченной трубой и двумя невысокими мачтами. Даже толстый ствол орудия на баке не мог придать ему воинственный вид.

– Он действительно развивает всего десять узлов? – спросил Лопухин.

– В штиль, надо признать, разовьет. Тем более, что ему недавно очистили в доке днище. Но уже на трехбалльной волне эффективность гребных колес сильно падает. Боюсь, «Чухонец» все время будет отставать, а мы – ждать его. Кой черт боюсь – я уверен в этом!

– Почему же морское министерство настояло именно на «Чухонце»?

– Знать не могу – могу гадать. Плоха посудина, зато экипаж хорош. Капитан Басаргин толк в людях знает. Да и одиннадцатидюймовка нам очень даже может пригодиться, тут Пыхачев прав.

– Экипаж «Победослава», стало быть, хуже?

– Я этого не говорил, – осторожно сказал Розен. – Но посудите сами: чья-то умная голова решила скомплектовать экипаж наполовину из старослужащих, а на вторую половину – из гардемарин. Мальчишки замечательные, но я специально выяснил: для большинства из них это плавание второе в жизни. Да и то первое было всего-навсего учебным крейсерством на Балтике. Как прикажете это понимать? Само собой, гардемаринам нужна морская практика, но почему непременно на «Победославе»?..

– И вы, конечно, протестовали, – с легкой улыбкой предположил Лопухин.

– Не злите меня. Да, протестовал. Кроме того, настаивал на включении в состав нашей группы одного транспортного судна. О результатах вы, я вижу, уже догадались.

Раздраженно жуя сигару, Розен отошел. Посмотрев вслед ему с сочувствием, Лопухин извлек из внутреннего кармана самопишущее перо и начертал на вырванном из блокнота листке несколько строк. Затем поманил к себе пальцем мающегося без дела Нила:

– Вот тебе рубль серебром. Снесешь эту записку в Большой дом, отдашь лично в руки генералу Сутгофу. Только ему и никому другому. Затем отправляйся без задержки в «Англетер», разбуди там моего слугу, он наверняка спит, бездельник, и передай ему, что я жду его как можно скорее со всем багажом. Номер в гостинице мне больше не нужен. Да сам не забудь вернуться. Ну, что стоишь? Непонятно что-нибудь?

Нил кивнул.

– Внимательно тебя слушаю.

– Где искать Большой дом?

– Темнота. На Литейном. Спросишь – покажут. Только гляди у кого спрашивать. Еще что-нибудь?

– Но... как же я попаду в Питер?

– Сходни видишь? Ну и ступай.

– Барин, это остров!

– Я начинаю думать, что ты не из Сибири, а из Пошехонья, – сердито сказал Лопухин. – С рублем в кармане и смекалкой в голове можно добраться на край света. Тебе нужен совет? Пожалуй, дам один: не следует переходить залив по льду. До ледостава еще полгода, а Еропка мне нужен мне сегодня, от крайности завтра утром. Уяснил? Ну, дуй живее.

Нил дунул – только пятки засверкали.

...Коренастый боцман, уже виденный Лопухиным и отрекомендовавшийся Зоричем, не выказывал ни излишнего подобострастия, ни неудовольствия данным ему поручением, ни плохо скрываемого презрения к сухопутному. Битых два часа он сопровождал Лопухина по всем закоулкам судна, то и дело отвечая на бесчисленные вопросы «а это зачем?», «а тут что у вас?» с

неутомимостью исправного механизма. Была в нем какая-то неторопливая основательность – качество, Лопухиным уважаемое.

Начали с кают. Бегло осмотрев свою, граф надолго задержался в походных апартаментах цесаревича. Проверил задрайки иллюминаторов, проявил большой интерес к дверному замку, для чего-то простучал обитые шелком переборки, подергал дорожную мебель, привинченную к полу на случай шторма. Изрядное внимание уделил светильникам – как электрическим, работающим от динамо-машины и поэтому сейчас бездействующим, так и масляным. Проверив крепления последних, пощелкав пальцем по металлическим колбам и удостоверившись в том, что опасность пожара сведена к минимуму, заглянул в ванную комнату, убедился в исправности ватерклозета и ничего не сказал.

Столь же пристальному вниманию подверглась соседняя каюта, размером поменьше и меблировкой попроще, предназначенная для слуг наследника. Затем наступил черед машинного отделения, кубрика, камбуза, лазарета, оружейной палубы, снарядных погребов, гальюна, трюмов... Не остались без внимания и угольные ямы.

– А это что за помещение?

– Так что, извольте видеть, корабельная мастерская, вашскобродь, – отвечив боцман, пропуская графа вперед. – Тут лейтенант Гжатский мудруют. Бывалоча, по цельным суткам наверх носу не кажут, токмо токарный станок зужжит.

– Тот самый Гжатский, изобретатель морской гальваноударной мины? – проявил осведомленность Лопухин. – Тот, что построил воздухоплавательный аппарат тяжелее воздуха и пролетел на нем двадцать одну сажень?

– Истинно они.

– А это что, – указав граф на некое цилиндрическое тело аршина в четыре длиною, – новое изобретение? Тоже для воздухоплавания?

– Не могу знать, вашскобродь.

– Надеюсь, со взрывчаткой он здесь не экспериментирует?

– Никак нет. То во флотских мастерских, на берегу. Надо думать, их благородие и сейчас там. Они сурьезные.

По тому, как это было сказано, Лопухин понял, что боцман Зорич лейтенанта неподдельно уважает. Слушайте интонацию! У нижних чинов и унтер-офицеров она бывает весьма выразительной. В

интонации скрыта настоящая оценка, не казенная. Иной с виду предан без лести всякому начальству, а прислушаешься – ого! А если не интонация, так физиогномика. Красноречивее слов.

– Ясно. А здесь что? Почему опечатано?

– Так что, вашскобродь, дирижабль.

– Не понял.

Зорич отер пот со лба.

– Вы бы лучше, вашскобродь, у командира спросили или у лейтенанта Гжатского, им лучше знать. А я так слыхал: велено удивить японцев и показать, что мы не лыком шиты. Англичане в прошлом году привезли в Японию железную дорогу узкоколейную сажен на двести длиной да и паровоз по ней пустили. Ну а мы, стало быть, везем дирижабль. Вот в этом трюме каркас, значит, хранится разобранный, из гнутых труб, оболочка мягкая, двигатель, машина для добычи водорода и всякое запасное имущество. Пускай себе японцы английским паровозом чванятся, а мы над ними летаем. То-то удивятся!

– Чудны дела твои, Господи! – поразился граф. – Еще какие-нибудь помещения на борту имеются?

– Токмо каюты капитана и господ офицеров, вашскобродь.

Лопухин кивнул. Уж если почти вся команда отпущена на берег, то офицерские каюты несомненно заперты. Но раз нет критической ситуации, хранящиеся в саквояже отмычки не понадобятся. Осмотр кают можно произвести позднее под видом нечаянных визитов.

– А это что за свертки? – указал Лопухин уже на верхней палубе.

– Так что, пробковые койки, вашскобродь, – отвечал Зорич. – Связаны и уложены в коечные сетки для просушки.

– Для просушки? Любопытно... А если дождь?

– Все равно положено, вашскобродь. Ежели ненароком выпадет кто за борт, ему койку кинут. А в бою – защита от пуль и картечин. Очень полезительное средство, многих спасло.

– Ясно. Спасибо, братец. Свободен.

Боцман убежал – и вовремя. Сводная команда матросов и докеров готовилась к погрузке скота. Огромнейший бык, удерживаемый за кольцо в носу, косил кровавым глазом, мычал и, кажется, не был согласен с перспективой морской прогулки. Под брюхо ему подводили брезент на тросах. По сходням тянули за уши упитанную свинью. На

юте стучали молотки – там спешно заканчивали сколачивать тесные, как вагонные стойла, загоны. Сейчас же в стук вплелась виртуозная брань Зорича, недовольного медлительностью работ.

Думалось о деле.

И еще думалось Лопухину о том, что права русская поговорка: хуже всего ждать да догонять. Да, наверное. Но разве не в этом заключена вся суть работы сыщика?

Догонять пока было некого, приходилось ждать наследника, который, надо думать, прибудет завтра.

Ждать и наблюдать. В сущности, бездельничать. Тратить мозговую энергию на изобретение и решение вряд ли нужных проблем, чтобы только не думать о великой княжне Екатерине Константиновне. Что ей с высоты ее происхождения какой-то статский советник, да еще связанный с Третьим отделением! Разве райские птицы купаются в грязи?

Но уже сегодня должны прибыть секретные документы от генерала Сутгофа. И тогда начнется работа.

Скорее бы.

Нил был в растерянности.

Нет, он не думал о том, как добраться до Питера. Барин был прав: с серебряным рублем в кармане человеку везде дорога. Если уж честно, Нилу потребовалась гораздо меньшая сумма, чтобы проехать пол-России. Правда, без комфорта. Мягко говоря.

Дело было в другом.

Казалось бы – вот он, случай сбежать от таинственного графа, который не удосужился даже покормить своего человека! Не то слугу, не то воспитанника, в этом Нил еще не разобрался. Но покормить, да и обсушить все равно следовало. Хорошо благодетель!

Зябко. Голодно.

Нил жалел себя, как побитая собачонка. Сбежать?

Ну уж нет!

Не секут – это раз. Барин позабыл накормить, зато дал денег. Авось после поездки и обеда еще сдача останется. Это два. А самое главное – интересно! Граф – большого ума человек. И барин важный. Сам царь-государь с ним вон сколько времени разговаривал. А самого Нила вытащил из воды великий князь. Как подумаешь, так голова кружится. На родине об этом лучше и не рассказывать – чего доброго наkostenяют по шее за вранье. Ну, дела!..

Нил приободрился. Ноги пошли живее. А что в животе скучно, то это нам, как говорила бабушка, наплевать и размазать. Это мы мигом исправим.

Он разменял рубль, купив у торговки два бублика, и немедленно сжевал их. Жизнь начинала удаваться. Главное, она стала интересной и обещала впереди еще больше интересного. Да за такое пусть бы даже пороли – потерпеть можно!

Нил даже засвистел, глубоко засунув руки в карманы. Сейчас же под руку попала записка. Интересно узнать, что в ней?

Грамоту Нил понимал. Четыре класса церковно-приходской – это вам не комар начихал. Отец, покуда был жив, вразумлял чадо: «Учись, сынок, не то чалдоном вырастешь, чалдоном и помрешь». Понукаемый к учебе словесно и при помощи вожжей, Нил превзошел все главные науки: правописание, арифметику, закон божий. А чего не превзошел, того, по его убеждению, и знать не стоило.

Он никогда не рискнул бы вскрыть запечатанное письмо. Но в кармане лежала просто записка – сложенный вчетверо лист из блокнота. Если бы барин хотел сохранить содержание записки в тайне, он как пить дать запечатал бы ее сургучом!

Утешив себя этим соображением и на всякий случай воровато оглядевшись по сторонам, Нил развернул лист. Увы, его ждало жестокое разочарование. Вместо нормальных русских слов по бумаге разбегались какие-то каракули. И букв-то таких не бывает...

До Васильевского острова Нил добрался самым простым способом: на крошечном почтовом пакетботе. Теоретически это стоило денег, но какому мальчишке трудно сквасить плаксивую рожу и зануть о несчастной своей доле? Типичный мальчишка на побегушках, то ли ученик сапожника, то ли трактирный слуга. После купания гимназическая форма, и без того старая, выглядела совсем плачевно и никого не могла обмануть, что Нилу и требовалось. «Сигай сюда,

килька», – добродушно сказал ему усатый дядя и помянул недобрым словом Нилова хозяина.

Нил пробрался на самый верх. От пронизывающего ветра он укрылся за толстой черной трубой, извергающей дым; от трубы, кроме того, шло тепло. Нил еще немного постучал зубами по инерции, потом понял, что совершенно обсох. Пакетбот исправно раздвигал воду. В разрывах серых туч показалось солнце, и сейчас же ослепительно блеснул вдали золотой купол Исаакия. Справа и слева берега были низкие, приплюснутые и находились страсть как далеко. Понадобится доплыть – три раза потопнешь. Вона оно какое, море-акиян!

Через час причалили. Пришвартовались, как сказал добрый дядя. Весь Васильевский остров Нил прошел пешком, дивясь на улицы, которые здесь почему-то назывались линиями. Ну, на Пятой-то линии, наверное, прятался секретный оружейный завод, где делают винтовки-пятилинейки, это было понятно. А остальные линии? Неужто на них строят линейные корабли?

Сколь Нил ни вертел головой, кораблей он не увидел и пришел к выводу, что видеть их нельзя. Очень секретные. А потому, надо думать, строят их не прямо на улицах, а во дворах, куда просто так мимо дворника не пройдешь. Ой, мамочки!..

Мысль эту пришлось выпустить на волю, чтобы не мешала. Зато в строительстве разводного моста через Неву не было, по-видимому, ничего секретного. Нил вволю налюбовался на работу преогромнейшей паровой лопаты. Сердито пыхтя, дымя из высокой трубы и плюясь паром, чудо-механизм орудовал большущим загребалом на коленчатой ноге. Загребалом было снабжено зубьями, чтобы ловчее вгрызаться в землю-матушку. Нил в восхищении покрутил головой. Ишь ты.

Однако же моста, разводной он там или нет, еще не было. У стрелки Васильевского острова мироед-перевозчик после долгого торга согласился на двугривенный, но с условием ждать попутчиков. Таковые скоро нашлись в лице двух студентов Горного института – с них мироед слупил по целому полтиннику, и те даже не пикнули. Известное дело – господа. Мундиры носят. Прошлым летом Нил видел одного горного инженера с золотых приисков, так ему сам пристав козырял и каблуками щелкал, а инженер в ответ только головой легонько вот этак кивал – и все. Ва-ажный!

Язык, он и до Киева доведет, а уж до какого-то там Литейного тем более. Правда, пешком по Невскому Нил пробираться не дерзнул – заметил среди разночинной публики нескольких субъектов с совершенно волчьими глазами. Бандюганы, не иначе. И полиции тут было много. Того и гляди замешаешься в какую-нибудь историю и не выполнишь поручение барина. К тому же первое поручение. Что тогда барин подумает? Иди, скажет, Нил с Енисея, на все четыре стороны, ошибся я в тебе, ни на что-то ты не годен...

Но что за город! Красивый и чудесный, устанешь дивиться, зато на кривых московских улицах не в пример уютнее. А тут как будто какой-то свирепый городской ростом до неба взял да и нарубил улицы шашкой – и вдоль, и поперек, и наискось. Длинно и прямо. Вроде и не так далеко, а идти скучно.

Как Нила занесло на Сенную, он и сам не понял. Наверное, напутал прохожий, указавший направление, или зло подшутил. А может, пролетка, на запятках которой Нил бесплатно прокатился, свернула не туда. Разве поймешь! В тайге заблудиться куда сложнее, чем в таком городе. Ну да ништо, дать крюка можно, ноги, чай, не отвалятся...

Огибая краем Сенной рынок, Нил читал вывески на торговых палатках и павильонах: «Колбасы Смердяева», «Скобяной товар. Б.Медведицын и сыновья», «Лучший урюк из азиатских колоний», «Мясо от Петра Скоромного» и тому подобное.

Надрывались зазывалы. Среди публики бойко сновали офени с мелочным товаром. А сколько народу торговало всякой всячиной с лотков! Были тут степенные владимирские и костромские мужики, окающие почище сибиряков, шустрые москвичи, налегающие на «а», ладогожане с пристрастием к букве «и», бранящиеся не по-русски белоглазые чухонцы и прочий нездешний люд. Был даже якут в кухлянке, выставивший на прилавок свой товар: соленую лососевую икру, смешные фигурки из рыбьего зуба и неплохой сохранности бивень, потерянный в якутских краях неизвестным мамонтом.

Лица, лица... Преобладали простонародные, но попадались и чиновные, и барские, и духовные. Сколько лиц!..

У ограды рынка гнусавили нищие с нарочно растравленными язвами, но к Нилу не приставали – скорее, наоборот, следили, как бы шкет сам не попер их милостыньку. Ну их. Нил вспомнил, как сам два

дня нищенствовал на станции Тайга. Тоже пробовал ныть жалостливо. Подзатыльников огреб несчетно, а денег – семь копеечек, да и те отняла местная шпана. Кто по-настоящему нуждается, тот никогда много не выпросит, сноровка не та. К ниществу талант нужен и прилежание. Не вдруг научишься. Коли не желаешь попрошайничать всю жизнь, нечего и пробовать.

На Гороховой две кухарки, возвращающиеся с рынка с полными корзинами всякой снеди, горячо обсуждали сравнительные достоинства бульварных романов Ксаверия Ропоткина и Павла Леханова. Солидно процокали копыта ломовой лошади, и литературный спор был перекрыт зычным криком городского: «Куда прешь, морда! Осади назад! Ломовым не велено! Вот я тебя, мерзавца...»

Столичные извозчики вообще удивляли Нила. Помимо обычных «ванек», выглядевших пофрантоватее московских, и лакированных лихачей, тут обретались еще и «вейки», шиком пожиже, а то и вовсе безо всякого шику. Третий сорт. Как раз ломовому «вейке» городской и орал: «Назад, назад подай, ворвань чухонская!»

«Всюду жизнь», – философски подумал Нил.

Вскоре он вышел на набережную еще одной речки – уже третьей, если считать от Невы. Все-таки воды в этом городе было ненормально много. «Фонтанка», – прочитал Нил табличку возле моста и стал вертеть головой в поисках фонтанов, но ни одного не нашел.

У парапета стояли двое: важный полный господин в летнем пальто и черном цилиндре и с ним другой, молодой и одетый поплоче, по виду – не то приказчик, не то из каких-то других полупочтенных. Они вели беседу. «Дестроу экскришнс», – царапнул слух нелепый обрывок фразы.

– Дяденьки, – обратился к ним Нил, пораженный непонятной тарабарщиной и не сообразивший, что эти двое могут и не разуместь русского языка. – Дяденьки хорошие, явите милость, укажите, как бы мне выйти на Литейный, а? Сами мы не местные...

И тотчас испугался – так на него зыркнули. Нил знал этот взгляд – недобрый, оценивающий. Так смотрят на помеху уголовники и полицейские.

Но ничего не случилось.

– Топай прямо, – на чистейшем русском ответил тот, что был одет поплотше, и махнул рукой вдоль Фонтанки, – а на Невском свернешь.

– Спаси Христос, дяденька! – поблагодарил Нил и удалился степенно, хотя ему очень хотелось убежать. Он так и не понял, отчего ему вдруг стало страшно.

Но оглянуться он посмел лишь шагов через двести.

Странной парочки уже не было на набережной. Лишь накрепко засели в голове непонятные слова «дестроу экскришнс», похожие на скрежет какого-то механизма. Да еще с гадючьим шипением в конце. Нил помотал головой, но слова никуда не вылетели.

Ерунда какая-то.

Больше никаких происшествий не случилось, если не считать того, что сначала Нила долго не хотели пускать к «самому», а потом все-таки пустили, зачем-то проведя руками по его одежде. Важный генерал принял записку, прочитал ее, нимало не смутившись дикой тарабарщиной, пощипал себя за пышные бакенбарды и сказал: «Передай графу, пусть не беспокоится».

Вот и все. Даже неинтересно.

«Бездельниками», по выражению полковника Розена, оказались морские пехотинцы числом до роты. Строй черных бушлатов замер на пирсе. Последовал начальственный разнос за получасовое опоздание, впрочем, по всему видно, больше для порядка, чем по действительной необходимости.

Лопухин, только что вернувшийся на борт «Победослава» после осмотра «Чухонца», отметил про себя, что Розен любит своих головорезов и те это знают. Давний, но никем не отмененный указ Петра Великого, гласящий, что «подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы своей разумностью не смутить начальствующего», выполнялся только наполовину: лихости хватало, зато дефицит придурковатости бросался в глаза.

Сделав такое наблюдение, граф глазами зеваки рассеянно понаблюдал за размещением морской пехоты. Два взвода, громыхая сходящими, устремились на «Победослав», третий взвод заколыхал щетиной штыков и потек к «Чухонцу». На поясах бездельников-головорезов устрашающе покачивались, цокаясь друг о друга, любимые Розеном ручные гранаты.

В половине седьмого прибыли Еропка, Нил и багаж. Первый был не в духе, второй все еще продолжал дивиться, а третий не только избежал усушки и утруски, но даже пополнился «Одиссеей» в дорогом иллюстрированном издании. Будущий читатель шедевра, созданного греческим слепцом, здраво рассудил, что барин не обеднеет, а хорошая картинка в книге скрасит постижение любой галиматьи.

Но только когда барин показал предназначенную Еропке и Нилу тесную каюту, до слуги наконец дошел весь трагизм ситуации. Что «Одиссея»! Подумаешь – странствия какого-то грека, который к тому же давно помер! Своя рубаха ближе к телу, чем его хламида.

– Так мы что же – идем в плавание??!

– А ты думал куда? – попыхивая папироской, сказал граф.

Еропка выглядел как висельник, влекомый на эшафот.

– Далеко ли?

– В Японию. Не слыхал? Есть такая страна на краю света.

Еропка издал сиплый звук, как будто пониже его бороды уже затянулась тугая петля.

– Барин, да как же это?! – возопил он, едва придя в себя. – Да разве ж можно так сразу, не предупредивши?..

– Долг службы, – сказал граф. – А ты чего раскукарекался? Не нравится – получай расчет, и чтобы я тебя больше не видел.

На глаза слуги навернулись слезы.

– Жестокий вы человек, барин, – молвил он. – А только мне все едино. Куда вы, туда и я. Прикажете распаковать вещи?

– Да, только быстро.

В восемь часов, когда процесс распаковки вещей еще не был завершен, прибыл жандармский ротмистр с большим опечатанным портфелем. Приняв портфель под расписку, Лопухин сейчас же унес его в свою каюту, отослал Еропку, заперся на ключ, тщательно занавесил иллюминатор и углубился в изучение содержащихся в портфеле бумаг.

В девять часов четверо грузчиков с натужным пыhtением проволокли по сходням небольшой, приземистый, явно очень тяжелый несгораемый шкаф, и вахтенный офицер не стал интересоваться, кому предназначен сей предмет мебели, – ясно было и так.

В половине десятого прибыл еще один курьер, привез объемистый пакет и долго в каюте графа не задержался.

После десяти часов вечера на борту сделалось людно, запахло перегаром. Virtuозно ругался вахтенный начальник, вызывая сдержанное одобрение матросов и краску на лицах юных гардемаринoв. Команда погуляла на берегу в целом культурно: ни сильно пьяных, ни сильно битых. Лишь одного кочегара, принесенного товарищами совсем сомлевшим, отливали водой на баке. К носам двух опоздавших боцман Зорич поднес громаднейший кулачище и доложил вахтенному начальнику их фамилии.

Тот только рукой махнул:

– Что мне опоздавшие! С часу на час ожидаем самого Михаила Константиновича, а тут, извольте любоваться, этакая банда! Распорядитесь-ка, голубчик: кто навеселе – тем сейчас же спать до протрезвления. После с ними разберемся. А то учует его высочество этакий дух...

– Ему понравится, – весело предположил кто-то из матросов.

– Кто сказал?! – вскинулся вахтенный начальник, но за громовым хохотом услышан не был. Покрывил губы, покусал ус, рассмеялся сам.

– Всем, кроме вахтенных, отбой! Позовите Аврамова, пусть даст нашатыря этому папуасу... Позор! Моряк, а пить не умеет...

На том и кончился день. Какое-то время горел свет в кают-компании, но потом погас и он. Лишь в каюте, занятой чиновником Третьего отделения, о чьей таинственной персоне уже успели распространиться слухи, долго не ложились спать, и лучик света от масляной лампы, пробившись сквозь занавеску, падал в зябкую черноту Финского залива и плясал на мелкой зыби.

Кто-то поцарапал дверь. Донесся приглушенный шепот: «Барин, а барин...» Лопухин открыл глаза и рывком сел на койке.

Отдернул занавеску.

Судя по скудному свету, пробивавшемуся извне, рассвет уже наступил, обещая петербуржцам серый день с моросью из низкого неба – такой день, что лучше бы и не надо. Лопухин прекрасно знал, что именно в такие дни полицейские сводки пестрят сообщениями о кошмарных убийствах, совершенных «просто так», без внятных мотивов.

Не повезло столичным жителям с климатом. Ступил однажды Петр Великий на зыбкий бережок, забрел в болото, топнул ботфортом, распугал лягушек и повелел строить здесь.

Построили. А как жить под серым давящим небом? Возвели две иглы – Адмиралтейскую и Петропавловскую – чтобы ковырять ими низколетящие облака, да так ничего и не проковыряли. У кого погода, а у петербуржцев – только климат. Иные уверяют: пожилы, переболели сколько нужно бронхитами и чахоткой и приспособились. Вывелась-де новая человеческая порода. Ой ли?

Как будто можно перейти в иную, лучшую породу, наглотавшись разных лечебных декоктов! Как ни живи – хоть имей три доходных дома и особняк с каменными львами на воротах, хоть ходи каждый день в присутствие и дослужись к пенсии до титулярного советника, хоть в фартуке с бляхой мети дворы, – все одно помрешь от водки и от простуд, как обыкновенный хомо сапиенс. Какая новая порода, о чем вы, господа? Любой иноземец скажет: русские люди всюду одинаковы, от Нарвика до Камчатки, от Николаева-на-Мурмане до Константинополя...

Спросонья графу всегда являлись ненужные мысли – явились, пронеслись в долю секунду и исчезли.

Карманные часы показывали четверть седьмого. Однако!..

Снова царапанье и шепот:

– Барин, а барин...

Мальчишка, конечно же. Нил с Енисея.

Накинув персидский халат, граф повернул ключ в дверном замке:

– Чего тебе в такую рань? Гальяон ищешь, что ли?

Нил изо всех сил замотал головой. Выглянув в коридор – никого, – граф втащил мальчишку в каюту.

– Ну?

– Барин, тут на корабле один человек, – выдохнул Нил. – Я вчера его видел.

– Где?

– В Питере. Возле речки.

– Какой человек?

– Обыкновенный. В картузе. С ним еще другой был, так тот важный господин. Шапка у него, как труба у паровоза.

– Цилиндр? Ну так что же?

– Странные они, – сообщил Нил. – Тот, который важный, и кричит: «Дестроу, – кричит, – экскрикшнс». Видать, язык у него без костей. А тот, что в картузе, кивнул только.

– Погоди-ка... – Граф вдруг заинтересовался. – Ты говоришь, один из них находится сейчас на борту «Победослава»? Тот, что был в картузе?

– Как бог свят, барин! Он это. Только он теперь без картуза и одет по-моряцки. Вечор взошел на палубу и сразу вниз – нырь!

– Стой! Сядь и рассказывай подробно. С самого начала.

Рассказ Нила многократно прерывался вопросами со стороны графа. Нил весь извелся. Поди объясни, зачем его занесло на Гороховую! Знал бы – объяснил, жалко, что ли? И не менее трех раз барин заставил Нила повторить услышанные странные слова.

– Дестроу экскрикшнс. Точно так, барин. Слово в слово.

– А что-нибудь еще из их разговора ты случайно не запомнил?

– Нет, барин. Они не по-нашенски разговаривали. А я у них дорогу спросил. А этот в картузе как на меня зыркнул...

– Ну-ну. Испугался?

– Еще чего! – возмутился Нил. – Ничего я не испугался, а слова ихнии запомнил. Может, зря?

– Может, и не зря, – сказал граф. – Скажи-ка лучше: он тебя хорошо рассмотрел?

– Он? Надо думать, хорошо. Вот так вот я стоял, а вот этак – он...

– Ну и не мельтеши теперь у всех на виду. Сможешь мне его тайно показать? Я позабочусь, чтобы он тебя не увидел.

– Показать? Я-то? Смогу, барин. А кто он?

Последний вопрос Нил задал шепотом. Сам понял: дело серьезное.

– Кем бы он ни был, тебе на «Победославе» оставаться нельзя... – Несколько секунд Лопухин напряженно раздумывал. – Боюсь, что мое намерение устроить твое будущее придется отложить до лучших времен... Или вот что: на «Чухонце» пойдешь? Снесешь капитану Басаргину записку, он возьмет тебя юнгой. Согласен?

Нил в нерешительности переступал с ноги на ногу.

– А бить будут? – спросил он с опаской.

– Обязательно, – пообещал граф. – Юнг бьют. Зато полсвета объедешь, разные страны повидаешь, да и заработаешь сколько-нибудь денег. От меня прямо сейчас держи рубль. И это не последний... особенно если на «Чухонце» будешь держать открытыми глаза и уши. А потом я сделаю из тебя человека. Решай.

– Барин, я иудой быть не желаю! – выпалил вдруг Нил.

– А тебе никто и не предлагает, – Граф усмехнулся углом тонкого рта. – Ты книжки о сыщиках читал когда-нибудь? Ксаверия Ропоткина, к примеру? Или Аглаю Мальвинину?

Нил кивнул. В подтибренной им на вокзале в Тюмени корзинке с провизией оказалась книжка Мальвининой, заляпанная соседством с жирными пирожками. Пирожки Нил съел, а книжку прочитал почти всю. Даже жалко было швырять ее в физиономию кондуктора поезда «Омск – Екатеринбург», но иначе злой кондуктор настиг бы безбилетника и, надрвав уши, высадил на ближайшем полустанке. А так удалось оторваться и спастись в багажном вагоне.

– Годишься ли ты в сыщики, мы сейчас проверим. Ну-ка повернись к двери! Теперь отвечай как можно подробнее: что лежит на моем столе?

Нил наморщил лоб.

– Значит, так... Хрустальная пепельница с окурками папирос, портсигар серебряный с гербом, гребешок прямой черепаховый, стакан пустой в подстаканнике, носовой платок, стопка бумаги, самопишущее перо, чернильница, точилка для карандашей, карандаш и э-э...

– Что еще?

– Дагерротипный портрет в рамке. На нем какая-то барыня.

– Все?

– Все, барин.

– Для первого раза удовлетворительно. Впредь будь более внимательным. На гребешке несколько волос темно-каштанового

цвета, умеренной длины. На столешнице отпечатались несколько совершенно засохших следов от подстаканника, частично перекрывающих друг друга. Кроме того, там имеются несколько мелких стружек, оставшихся от заточки карандаша. Это мелочи, но в нашем деле нет ничего важнее мелочей. Говоря короче, в сыщики-стажеры ты годишься. Дело за твоим согласием.

Мальчишка долго сопел, то и дело зачем-то оглядываясь. Наверное, по закоренелой привычке высматривал, куда бы сбежать. Затем неуверенно кивнул и втянул голову в плечи.

– Ну вот и хорошо. Подай перо и бумагу.

Записка была готова в минуту.

– Спрячь и не теряй. Ну-с, теперь подумаем, как бы мне ненароком познакомиться с этим «разрушителем выделений»...

– С кем, барин? – изумился Нил.

– Не обращай внимания, коллега. Сделаем так...

С дагерротипного портрета на обоих сыщиков чуть насмешливо смотрело прекрасное лицо «барыни» – великой княжны Екатерины Константиновны.

Дочери государя, о которой статский советник Николай Николаевич Лопухин помнил всегда, но мечтать имел возможность лишь изредка.

Цесаревич Михаил Константинович ступил на борт «Победослава» под морозящим дождем. Лицо наследника, к тридцати годам уже одутловатое вследствие разгульной жизни, выражало угрюмую покорность судьбе.

Взвился и поник, намокнув, брейд-вымпел. Флотский оркестр грянул встречный марш. Взвыли трубы. Рывкнул геликон. Турецкий барабан, до последнего момента сберегаемый от дождя под парусиной, бухал мощно и упруго. Мокрые тарелки, издав звон, шипели, как раскаленные.

Выстроенная на шканцах команда кричала «ура».

Наследник престола прибыл в сопровождении внушительной свиты. Пунцовый от волнения капитан Пыхачев бодро отрапортовал о готовности выйти в плавание.

– Сегодня, что ли? – недовольно пробурчал наследник, покачиваясь с пятки на носок. – Говорили же – завтра...

– Так точно, отплываем завтра, ваше императорское высочество.

– Ну, тогда есть время погулять. Устроюсь только. Господа, за мной!

Внутри корабля толпой повалили не только господа, но и дамы. За ними – многочисленные слуги с багажом. Одна из дам, со страусовыми перьями на голове, заливисто хохотала и била веером по руке щеголеватого адъютанта. Капитан лишь безмолвно разевал рот, как рыба на берегу.

Тем временем из-за надстройки выскользнул Нил. «Девятый слева во втором ряду», – шепнул он барину и опрометью метнулся к сходням. Через две минуты мальчишка был уже на «Чухонце».

В каюте Лопухина ожидало зрелище Фермопил местного значения.

Дверь была нараспашку. Одной рукой верный Еропка держался за подбитый глаз. Другой рукой он пытался преградить дорогу решительно настроенному моложавому господину в придворном мундире, но терпел поражение и уже был оттеснен на середину каюты. За господином, поминутно охая, семенил лысый старичок-лакей с двумя огромными чемоданами.

– Барин, как же это??! – возопил слуга, увидев Лопухина. – Я им говорю: занято. Они все равно лезут, да неаккуратно как! Фонарь мне поставили.

– Статский советник граф Лопухин, – холодно представился Николай Николаевич незваному гостю. – А вы – камер-юнкер Моллер, если не ошибаюсь? Парле ву франсе? Шпрехен зи дёйч? Ду ю спик инглиш? Тюркче билиёр мусунуз?

– А, Лопухин! – развязно заговорил вторгшийся. – Из Третьего отделения? Приставлены, так сказать, блюсти и охранять? Ха-ха. Что это вы вдруг по-турски заговорили?

– Был вынужден, ибо русского языка вы, по-видимому, не понимаете, – примораживая взглядом камер-юнкера, отчеканил граф. –

Надеюсь, у вас хватит догадливости извиниться за вторжение и немедленно покинуть эту каюту.

– Очень мило! – фыркнул камер-юнкер. – С какой стати? Ваш слуга вполне мог бы разместиться в одной каюте с вами. Где же прикажете путешествовать мне? На мачте, как обезьяна? Благодарю покорно!

– Как вы сказали? Путешествовать?

– Именно путешествовать. Ха-ха. По-моему, это вы не понимаете русского языка. Я состою в свите его императорского высочества и отправляюсь в путешествие вместе с ним.

– Еропка! Помоги этому господину вынести его вещи из моей каюты. В случае упорного противодействия разрешаю применить силу.

– Правда? – обрадовался слуга и поплевал в кулак.

– Только аккуратно. Чтобы не как в прошлый раз.

– Пойдите! – оскорбленно вскинулся камер-юнкер, но граф его уже не слушал. Быстро шагая по коридору, он уловил позади голос Еропки: «Позвольте-ка вам выйти вон, господин хороший, – и голос этот был исполнен недвусмысленности.

Ни тени сомнения не возникло у Лопухина в том, что наглый придворный великого князя сейчас же выйдет вон. Получить от бородатого хама простонародную плюху и стерпеть ее – опозориться на весь белый свет. Избить слугу? Дудки, Еропка сильнее. А застрелить – кишка тонка у придворного хлюста. Убоится каторги.

Следующие пять минут граф разыскивал капитана Пыхачева. Капитан был в панике и сейчас же сделал попытку направить Лопухина к вахтенному начальнику.

– Извините, без вас никак не обойдется, – отрезал граф. – Вам известно, что творится на корвете? В армии это называлось просто: бардак. А вы знаете, что не далее как минуту назад от одного из ваших матросов я услышал слова «придворная шваль»?

– От кого? – выпучивая глаза, закричал Пыхачев. – Кто посмел?

– Ну, этого я вам не скажу. Замечу лишь, что ваше дело не допускать подобного настроения умов среди экипажа. Короче говоря, все эти господа и сомнительные дамы должны быть немедленно удалены с корвета вместе с их слугами и багажом. Вам понятно?

Непреклонный тон графа подействовал на капитана лишь на самое краткое время.

– Николай Николаевич! – сказал он с мукой в голосе. – Поймите хоть вы меня... Ну нет у меня полномочий высадить их всех! Свита наследника все же! И брать их с собой я не могу: во-первых, им негде разместиться, а во-вторых...

– Достаточно и «во-первых». Пойдемте-ка к цесаревичу. Если у вас нет полномочий, то у меня они имеются. Вам предписано оказывать мне содействие. Поверите на слово? Бумагу я вам потом покажу, время дорого. Идемте же!

Наследник обжился в каюте. Лопухина он встретил крепким запахом спиртного и прищуренным взглядом:

– А, это вы... Где-то я вас видел, а вот где?.. Но это неважно. Тяпнуть хотите? Я тоже, ха-ха. А мои запасы, представьте себе, еще не доставлены. Вот что, сбегайте-ка в буфет за коньяком. Я уже послал туда лакея, да он что-то не торопится... Никого здоровье наследника не интересует, тирьям-пам-пам. Никому я не нужен, никто меня не любит, кроме девок, да и те не любят. ПапА за море отсылает, я умру в дороге, я знаю... Э! Вы еще здесь?..

– Ваше императорское высочество! – твердым голосом заявил Лопухин. – Капитан имеет приказ принять на борт только двух человек из вашего э-э... сопровождения. Конкретно: дворецкого и камердинера. Всем остальным придется сойти на берег.

– Как это? Почему?

– По приказу его императорского величества.

– А, так это папА вас ко мне приставил? Послушайте, как вас... но ведь это нечестно! Это нестерпимо, наконец! Я вам не какой-то какой-нибудь! Я не могу один, у меня двор...

– Который останется в Петербурге, ваше императорское высочество, – с легким поклоном закончил Лопухин.

– Это что же – без друзей? – осунулся наследник. – Да вы цербер! А девочки? Тоже ни одной?

«Цербер» был непреклонен, да еще и дерзок:

– Девочки также сойдут на берег. Женщина на корабле – дурная примета, разве вашему императорскому высочеству это неизвестно?

Наследник уронил голову.

– Один, – обиженно пробормотал он. – Совсем один...

– С дворецким, камердинером и со мною, ваше императорское высочество.

– С вами? Да вы же не пьете, я вижу. По девочкам небось тоже не ходок, а? Может, хоть в карты играете?

– Играю, но без азарта.

– Фу ты, ну ты... Значит, все-таки один. Один, как перст...

– Мне не хотелось бы применять полицейских мер, – веско проговорил Лопухин, дождавшись, когда пригорюнившийся наследник перестанет мотать головой. – Вы должны убрать свою свиту с корвета сами. Вас они послушают. Иначе, боюсь, может выйти конфуз для царствующего дома, а главное, лично для вас. Вы меня понимаете?

– Вы цербер. Змея. Удав. Зачем вы меня гипнотизируете?

– Вы понимаете меня или нет?

– Нет. И не желаю понимать! Если вы собираетесь выгнать с корабля моих друзей – выгоняйте их сами. И оставьте меня, если не хотите сбегать за коньяком!..

– Отлично-с. Однако я должен предупредить ваше императорское высочество, что корабельный буфет заперт по моему распоряжению. Ключ у меня и до отплытия не будет выдан никому.

– Что-о? Убирайтесь вон!

Отвесив наследнику легкий поклон, Лопухин вышел. Пыхачев давно уже стоял в коридоре ни жив ни мертв и обильно потел.

– Что вы натворили, Николай Николаевич! – страдальчески прошептал он. – Что теперь будет!..

– Как раз теперь все будет в порядке, – ответствовал Лопухин. – Не верите? Пойдемте со мной. Кстати, попрошу у вас ключ от буфета, его в самом деле надо запереть... А, вот и посланный!

Действительно, по коридору спешил важный лакей, прижимающий к ливрее две пузатые бутылки.

Последовало короткое приказание, в ответ на которое лакей возмущенно замотал головой, затем неуловимое движение – и бутылки переключались к графу. Лакей молча разевал рот и, кажется, намеревался сползти вниз по переборке.

– Пройдет, – ободрил его Лопухин. – Минут пять поболит и пройдет. Идемте, капитан. Нам следует обсудить кое-что тет-а-тет.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой плавание наконец-то начинается, в кают-компании беседуют о кенгуру и папуасах, граф Лопухин предаётся малоаппетитному занятию, а страдает Еропка

Все оказалось гораздо проще, чем представлял себе капитан Пыхачев.

К полудню расфранченная публика, заполонившая «Победослав» и успевшая довести офицеров до белого каления, сошла на берег. Во главе шествия, увлекая за собой свиту из щеголей-офицеров, дам полусвета и дам вовсе сомнительных, выступал цесаревич Михаил Константинович. Наследник престола бурно жестикулировал и не стеснялся в выражениях.

– Я ему покажу буфет на ключ! – кричал он. – Взойду на престол – в Сибири сгною! Этот сатрап персидский у меня побегаёт с тачкой! Тайная канцелярия! Имел я по-всякому Тайную канцелярию! За мной, господа! Есть на этом острове хоть одно приличное ресторанное заведение? Едем...

Через четверть часа пирс опустел.

– Что же вы раньше не появились, граф? – насмешливо обратился к Лопухину курящий возле фальшборта Розен. – Пропустили интересное зрелище. Или побоялись расправы?

– Побоялся, – кратко ответил Лопухин.

Розен только развел руками:

– Обезоружили вы меня, ничего не скажешь. Ценю откровенность. И, кажется, начинаю постигать ваш замысел. Готов содействовать. Спорю, что знаю кронштадские кабаки лучше вас. Сейчас вся эта компания направилась не иначе как в «Париж», потом они поедут в «Зюйд-вест», где цыганский хор, потом уж не знаю куда, а закончат непременно в «Мертвом якоре». После полуночи ищите наследника там, не ошибетесь.

– Благодарю.

Выкурив папиросу, граф исчез в недрах корвета, и не показывался на верхней палубе до вечера. В кают-компании он не появился и слугу за обедом не прислал. Зато его видели в машинном и кочегарном отделениях.

В третьем часу пополудни прибыли три тяжеленнейших сундука с коллекцией коньяков наследника. Матросам пришлось попотеть, прежде чем коллекция въехала в каюту цесаревича. Шестеро самых здоровых, надсаживаясь, с трудом могли поднять один сундук. Кто-то издевательски затянул «Дубинушку» и был обруган унтером.

В шесть часов Лопухин сходил пешком на телеграф и отправил две телеграммы – одну в Большой дом на Литейном, другую в Петергоф.

На исходе долгих северных сумерек из полосатой, как шершень, дымовой трубы корвета нежданно повалил дым – «Победослав» разводил пары.

В час пополудни, во время вахты, которую моряки всего мира справедливо именуют собачьей или просто «собакой», Лопухин и Розен сошли на берег. Их сопровождали трое морских пехотинцев и трое дюжих матросов под командой боцмана Зорича.

Получасом позднее на корвете началось движение. Не слушая лакейских протестов, пресекая все попытки помешать работе при помощи небольшого, но достаточного физического воздействия, сводная команда матросов и морских пехотинцев принялась таскать багаж свиты наследника из самовольно захваченных кают, из кают-компании, из судовой библиотеки и просто из проходов на пирс. Туда же препроводили и растерянных слуг. На борту вместе с багажом наследника остались лишь его дворецкий и камердинер.

В два часа ночи на борт «Победослава» доставили наследника престола, обвисшего бесчувственным телом на крепких руках морских пехотинцев. Жалобный вопль «ваше императорское высочество!» одного из лакеев остался без ответа – на данный момент времени его императорское высочество могло лишь слабо мычать. С полным бережением цесаревич был донесен до каюты и сдан с рук на руки камердинеру.

И тогда в сонной ночной тишине, нарушаемой лишь плеском волн да ленивым лаем собак в порту, прозвучал голос старшего офицера:

– Убрать сходни. Отдать швартовы. Гюйс спустить. Якорные огни выключить, ходовые и гафельные включить. Лево на борт. Малый вперед.

Почти бесшумно «Победослав» отошел от причальной стенки. В ту же минуту и «Чухонец», запыхтев, как Левиафан, выбросил из трубы сноп искр, ударил плицами по воде, пристроился в кильватер корвету и вместе с ним скрылся в ночи.

В пять утра пропищала дудка вахтенного унтер-офицера. Наклонившись над носовым люком, Зорич отнял дудку от губ и рывкнул в трюмную черноту во всю мочь боцманской глотки:

– Вставай! Койки вязать!

Через десять минут, повинувшись новой команде, из люка на палубу начали выскакивать матросы в обнимку с койками. Марсовому матросу, засевшему с биноклем в «вороньем гнезде» на фок-мачте, они казались вереницей муравьев, спасающих самое ценное, что есть в муравейнике – личинки потомства.

После умывания, подъема флага, молитвы и завтрака последовал развод на работы. Погасили топовый прожектор, и матрос из «вороньего гнезда», повинувшись приказу, с радостью покинул свой неудобный насест.

Чуть моросило. Корвет шел восьмиузловым ходом. В двух кабельтовых позади него держался «Чухонец».

Прошли остров Сескар. На левой раковине обозначились туманные силуэты островов Малый и Мощный.

«Нет, не зря мои люди гибли в Галлиполийском десанте, – думал Розен. – И не зря сейчас идем. Для всей Европы моря – лишь способ доить африканские да азиатские колонии; для нас же они жизненная необходимость. Одна Транссибирская магистраль проблемы не решит. Получили проливы, получили Нарвик – и больше ни шагу на Запад! Никакого панславизма. Балканские народы и чехи пусть позаботятся о себе сами, а их проституткам-политикам пора отвыкнуть загребать

жар чужими руками. Нам давно пора заняться Дальним Востоком. Проморгаем сейчас – опоздаем навсегда. Обжить и защитить край, прибрать к рукам то, что еще не прибрано, и, как водится, ногою твердой стать при море, но, Боже упаси, не заглотить больше того, что сможем переварить...»

– Сейчас начнется, – сказал он появившемуся на шкафуте Лопухину.

– Что начнется?

– А вот увидите. Традиция-с.

– Молебен? Перед отходом не получилось отслужить, так в море хотим наверстать?

– Нет, не то. Внимание! Начинается.

И точно: по команде «Свистать всех наверх» на верхней палубе вдруг сделалось оченьлюдно. Но прошло несколько мгновений – и вот уже не беспорядочная толпа матросов, гардемарин и морских пехотинцев, а ровный строй замер на шканцах. Горнист резким движением вытряс из горна капли влаги и исполнил первые щемящие такты «Марша отчаянных».

Вахтенный унтер-офицер отдал рапорт вахтенному начальнику. Тот вскинул руку к козырьку и отрапортовал командиру корвета:

– Ваше превосходительство, команда построена.

Пыхачев вышел вперед и обратился к команде с речью:

– Моряки! Без малого два столетия назад русская эскадра победила в этих водах шведский флот, не допустив его прорыва к Петербургу. В состав героической эскадры входил линейный корабль «Победослав», чьи моряки немало способствовали русской победе. С тех пор в составе Балтийского флота всегда есть корабль с именем «Победослав». Наш корвет – пятый, кто носит это имя. Будем достойны его. Ура.

– Ура-а-а! – прокатилось по матросским рядам.

– Салют героям! Баковое орудие... товсьсь... пли!

Корвет вздрогнул. От адского грохота заложило уши. Носовая восьмидюймовка выбросила в небо фонтан огня и заволочлась пороховым дымом. Оглушенный Лопухин с трудом расслышал команду:

– Вольно. По работам – р-разойдись!

– Стало быть, корабельные орудия стреляют дымным порохом? – отчего-то спросил Лопухин, как только в ушах перестало шуметь.

– Дымный порох используется только в зарядах, – отозвался Розен. – Бомбы начинены пироксилином. А что?

– Да нет, ничего. Простое любопытство. Но почему команда и офицеры по такому случаю не в парадной форме?

– Тоже традиция. Бывает и того хуже. Например, на паровом фрегате «Иезекииль», что числится в Севастопольской эскадре, раз в году старший боцман должен сесть в ушат с водой. Поглядели бы вы, как это торжественно обставлено! А в чем причина? Сто лет назад во время Сиракузского сражения старший боцман первого «Иезекииля» заткнул течь собственным задом. С тех пор старшие боцмана на всех «Иезекиилях» в двойственном положении: с одной стороны, в этот момент офицеры и командир корабля отдают им честь, а они им нет, а с другой стороны, садиться в ушат все-таки надо.

– Любопытно. А как насчет поношения достоинства унтер-офицера?

– Никакого поношения. Командование флота пыталось было запретить этот ритуал, потом махнуло рукой. По-моему, разумно поступило. Традиции на флоте – великая вещь, а команда «Иезекииля» – лучшая в эскадре. Как раз унтер-офицерский состав особенно хорош.

С мостика донеслась крутая брань.

– Старший офицер Враницкий, – прокомментировал Розен. – Журит кого-то.

– Журит? – улыбнулся Лопухин.

– Вот именно. Когда он по-настоящему сердится, на корвете мачты дрожат. Мордобоем не увлекается, но страх навести умеет.

– А как, на ваш взгляд, капитан? – тихонько спросил Лопухин.

– А на ваш?

– По первым впечатлениям неплох, – осторожно ответил граф. – На судне порядок, что говорит в его пользу. Только очень уж суетлив.

– Да, он такой, я его давно знаю. Но командир он боевой, сами увидите.

– Предпочел бы не видеть, – парировал Лопухин. – Мы с вами для того здесь и находимся, чтобы плавание прошло без сучка, без задоринки.

– Истинно так. Но, к сожалению, не все от нас зависит. Представьте себе, что, несмотря на все принятые меры, в море нас атакуют исландские пираты в составе целой эскадры и берут на abordаж, в результате чего цесаревич гибнет или попадает в плен. Не надо быть оракулом, чтобы предсказать дальнейшее: Россия не стерпит унижения и вышлет Балтийский флот заодно с флотилией Ледовитого океана для бомбардировки Рейкьявика и прочих пиратских баз. Если пираты не запросят немедленно мира, наложив со страху в штаны, – а зная ту публику, я бы на это не рассчитывал, – то начнется серьезная морская война...

– В которой Россия, без сомнения, победит, – убежденно сказал Лопухин. – Мы очистили от пиратов Норвегию, очистим и острова.

– Россия победит, не спору, но истощит свои силы в длительной войне. За один год нам с пиратской республикой не разделаться, тем более учитывая, что ей окажут тайную помощь и Англия, и Голландия, и, возможно, Швеция. После победоносной войны России придется, поджав хвост, долгие годы тащиться в кильватере британской политики, иначе английская и шведская эскадры рано или поздно прорвутся в Маркизову Лужу, и никакие форты нам не помогут. А уж тогда, простите за цинизм, с Зимнего дворца посыпятся все архитектурные излишества. А может случиться и худшее: обнищание податных сословий приведет ко всеобщему ожесточению, а ожесточение – к бунту. Избави бог!

– Понимаю вас... В данных обстоятельствах молодой, неопытный и к тому же беспутный император окажется самой слабой картой в нашей колоде и козырем для новоявленного Пугачева, не так ли?

– Или искрой в пороховом погребе... Пойдите! Не думаете ли вы, что... – Розен отвел глаза.

– Что?

– Нет, ничего.

– Государь надеется на исправление наследника, а не на то, что тот однажды ночью выпадет за борт, – отчеканил Лопухин. – Кроме того, я могу исполнять роль няньки, педанта, а при необходимости и тюремного надзирателя, но я никогда не принял бы на себя роль палача. Нет-нет, выбросьте из головы дикие мысли. Не всегда следует исполнять невысказанные желания августейших особ, в особенности если таких желаний нет и в помине.

– Рад, – кратко ответил Розен.

– Всегда готов удовлетворить ваше любопытство. Но в чем причина подобных предположений? Вам по-прежнему не нравится цвет моего мундира?

– Вы удивительно догадливы.

– Зато вы не очень. Третье отделение несколько шире Отдельного корпуса жандармов. Я имею честь служить в той части, которая «шире», и голубого мундира не ношу. Об этом нетрудно догадаться хотя бы по моему чину. Надеюсь, партикулярное платье на мне вас устраивает?

– Должен признаться, меня больше устроило бы, если бы вы сменили не платье, а судно. Почему бы вам не перебраться на «Чухонец»?

– А почему бы вам?

– По долгу службы.

– Аналогично. Так что, хотите вы или нет, вам придется терпеть меня до Владивостока. А мне – вас. Кстати, откуда у вас такая неприязнь к жандармам?

– Замечательный вопрос! А у кого, позвольте узнать, к ним приязнь?

– Только эта причина? Другой нет?

Розен кивнул и отошел. «Лжет», – подумал Лопухин.

В кают-компании, куда он спустился, выкурив на сыром ветру папиросу, уже сидели все офицеры, свободные от вахты.

– Нет, господа, это что-то! – веселился молоденький мичман Корнилович, потрясая раскрытой книжкой. – Я понимаю: фантазируешь – так и фантазируй на здоровье, нес па? Про полет из пушки на Луну, к примеру. Но тут уже, ей-ей, чересчур! Вообразите: автор не согласен с существованием Великой Атлантики! Он поделил ее пополам по меридиану, и не одним материком, а двумя! От северных полярных льдов почти до южных полярных.

– Бред, – брюзгливо выпятив остзейскую губу, констатировал мичман Тизенгаузен.

Остальные офицеры засмеялись.

– Шутки ради или всерьез? – осведомился лейтенант Канчялов, усмехаясь в пышные усы.

– У него тут все всерьез! – ликующе воскликнул Корнилович. – Представьте себе, несчастный Кристобаль Колон – слыхали о таком мореплавателе, господа? – отнюдь не был выброшен за борт взбунтовавшейся командой, а благополучно натолкнулся на неизвестный материк. Решил, что это уже Индия, искал пряности и золото, расспрашивал туземцев о слонах... Погодите смеяться, господа, тут еще и не такое!.. Испания, Франция, Англия – все передрались из-за новых заморских владений, Воевали долго, но в конце концов почти весь северный материк достался Британии...

– Полагаю, автор сего опуса – сын Альбиона? – тонко улыбаясь, проговорил капитан-лейтенант Батеньков.

– Не совсем. В предисловии сказано, что он австралиец. Вы слушайте дальше! Материк, названный Химерикой, принялись заселять низшие слои населения всех европейских стран, но больше всего англичане. Разумеется, среди них хватало всевозможных авантюристов, бегущих от петли висельников, а то и просто каторжников, отправленных в Химерику по приговору суда ради хозяйственного освоения новых территорий...

– Что же здесь нового? – пожал плечами рассудительный лейтенант Гжатский. – Тот же карась, только в сметане. Стоило городить какую-то Химерику, чтобы рассказать историю заселения Австралии!

– Так, да не так, господа! Право, тут есть рациональное зерно. Подумайте, какой срок понадобился бы кораблям века этак шестнадцатого-семнадцатого, чтобы достичь Австралии? Сколько переселенцев перемерло бы на них за это время от цинги и эпидемий? Бьюсь об заклад – девять из десяти! Тогда как до выдуманной Химерики уже в те времена можно было дойти под парусами недели за три. При этом условии смертность в пути – досадный, но терпимый фактор. Для освоения новых земель не годятся плавучие кладбища. Следовательно, Химерика была бы заселена европейскими поселенцами на полтора-два столетия раньше.

– Так что же из того?

– А вот что, – засмеялся мичман Корнилович и потряс книжкой. – Перво-наперво Англия начинает чинить колонистам обиды, поскольку стрижет их, как овец. Она это умеет. А колонисты, не будь дураки, объявляют независимость и повсюду громят английские войска, не

гнушаясь тактикой партизанской войны. В итоге победа – и, представьте себе, республиканский строй! Автор на это обстоятельство особенно напирает. Мол, только республиканская система правления гарантирует невиданный прогресс во всех сферах человеческой деятельности...

– Спорное утверждение, – снисходительно улыбнулся Пыхачев, посапывая трубкой.

– Но это только вступление, господа! Тут дальше подробно описан дивный новый мир. Представьте себе: триста миллионов счастливых химериканцев возглавляют цивилизацию. Повсеместное электричество. Невероятные успехи медицины. Самобеглые экипажи, оснащенные моторами, каких и не бывает. Сто верст в час! Летательные аппараты тяжелее воздуха, за какие-нибудь ничтожные пять-шесть часов перевозящие сразу сотню человек с багажом из Химерики в Европу и обратно! Это значит, скорость у них без малого тысяча верст в час!..

Грянул такой хохот, что в буфете что-то жалобно зазвенело.

– А что, когда-нибудь полетят и такие аппараты, – сказал лейтенант Гжатский, единственный из всех, кто не засмеялся. – Верю, что со временем они полетят и через океаны. Ну, конечно, не с сотней пассажиров и не с такой безумной скоростью, которая недостижима, да и не нужна, но все же...

– Это еще что! – Корнилович прыснул. – Химериканцы и на Луну летают. И знаете на чем? Вы не поверите: на ракетах, и никаких вам пушек!

В буфете вновь звякнуло.

– Мишель, чур я следующий читаю! – заявил мичман Завалишин. – В очередь, господа, в очередь!

– Позвольте, юноша, а какое же время описано в этой занимательной книжице? – пробасил флегматичный лейтенант Фаленберг. – Тридцатое столетие от Рождества Христова, что ли?

– Да наше же время, наше! – ликующе выкрикнул Корнилович. – Смена тысячелетий, начало двадцать первого века!

От громового хохота в третий раз заходила ходуном посуда в буфете.

– Ох, вышлют этого писаку за его идеи в места не столь отдаленные, – рыдающим от смеха голосом проговорил Канчелялов,

утирая глаза платочком. – Как его... Харви Харвисон? Куда там можно выслать из Австралии? В Тасманию, наверное, к сумчатым волкам.

– А я вам вот что скажу, господа, – сказал Батеньков, когда все отсмеялись. – Это симптом. Правильно, Спиридон Потапович, по-медицински? Сразу видно, куда метит этот Харви. Надо думать, австралийским поселенцам милее с кенгуру, чем с англичанами. Такие, значит, у австралийцев теперь настроения... Дайте срок, отделится Австралия. Станет этакой вот Химерикой, которая гуляет сама по себе. Попомните мои слова.

– И на Луну австралийцы полетят? На ракете?

– Нет, это опасно. Сначала они туда кенгуру отправят. В виде опыта. Будет кенгуру по Луне прыгать.

– Сначала они кенгуру в ракету сунут, потом папуаса, а потом уже...

– Стыдитесь, мичман. Папуасы тоже люди.

– Не сомневаюсь. Тигр человеку просто голову отъест, а папуас ее закоптит, засушит и будет гордиться трофеем, как вы своим Георгием...

– Моих орденов попрошу не касаться!

– Негоже равнять православное воинство с премерзостными папуасиями, – басовито прогудел священник отец Варфоломей, укоризненно качнув гривастой головой.

– И то верно. Батюшка прав.

– Тихо, господа, тихо!.. – воскликнул Канчелялов. – Не хватало нам из-за глупой книжки перессориться. Ей-богу, вредная и никчемная выдумка. Всякому известно, что никакой Химерики в Великой Атлантике никогда не было, нет и не требуется.

– А как же полет фантазии? – поддел Завалишин.

– Пусть она летает в каком-нибудь полезном направлении. Например, автор мог бы в художественной форме описать обработку земли при помощи паровых машин...

– Ничего нового. Англичане и германцы уже проделывали это в виде эксперимента, – заметил подкованный в вопросах техники Гжатский.

– Ну тогда я уж не знаю. О беспроводном телеграфе разве?

– Тоже не ново. Опыты Дьяконова в перспективе обещают многое. В Царском Селе уже начали строить станцию для приема и передачи

эфирных депеш. Прогресс, господа, не стоит на месте. Слава богу, в третьем тысячелетии живем.

Стоя в сторонке, Лопухин с интересом прислушивался.

Его заметили. Разговор сразу оборвался. Возникла томительная неловкость, очень хорошо знакомая сотрудникам Третьего отделения. Ощущение чина – это еще полбеды. Ощущение специфического места службы вошедшего – вот настоящая беда. У кого-то оно вызывает трепет, у кого-то – презрение, и лишь у немногих – любопытство.

Без сомнения, пребывание «жандарма» на корвете давно уже стало предметом толков.

– Прошу простить меня, господа, за то, что неотложные дела помешали мне представиться вам сразу, – мягко заговорил Лопухин. – Надеюсь, это не было принято вами за высокомерие с моей стороны. Будем знакомы. Статский советник Лопухин Николай Николаевич.

– Граф сопровождает цесаревича в нашем плавании, – немедленно вставил Пыхачев. – Господа, прошу вас представиться Николаю Николаевичу. Осмелюсь спросить о драгоценном здоровье его императорского высочества.

– Спит, – коротко ответил Лопухин.

Представление офицеров прошло суховато, с одним лишь исключением.

– Мичман Свистунов, – отрекомендовался русский юноша с блестящими глазами нахала. – Назначен вчера взамен выбывшего по болезни мичмана Повало-Швейковского. Так это по вашей милости, граф, мы вышли в море на семь часов раньше назначенного срока?

Капитан Пыхачев побагровел.

– Замолчите, мичман!

– Я только хотел выразить графу свою признательность, – ничуть не растерялся Свистунов. – Ведь благодаря ему я сплю в своей каюте, а не на палубе, где я мог бы простудиться. Сердечное вам мерси, граф. Ловко это у вас получилось.

– Давайте не будем развивать эту тему, – недовольно пробурчал Пыхачев.

Чиновник, не умеющий владеть собой, ни за что не удержится в Третьем отделении – либо выгонят, либо сам уйдет. Лопухин не моргнул и глазом. В свое время ему пришлось пройти жесткий отбор, где родовитость кандидата рассматривалась скорее как мешающий

фактор, нежели как благоприятствующий. Вступительные испытания. Годичные курсы подготовки первой ступени. Лютый экзамен, практика и еще год обучения. Новый экзамен, страшнее первого. Умение запоминать с одного взгляда страницу убористого текста, пить не пьянея, вести дознание, вербовку, агентурную работу в полном одиночестве и многое, многое другое. Упражнения на скорость мышления. Стрельба, рукопашный бой, фехтование, выездка, скачки. Иностранные языки. История. Экономика. Военное дело. Юриспруденция. Знание обычаев всех европейских и некоторых азиатских дворов. Бессонные ночи и крепчайше заваренный кофе. Два случая умопомешательства на курсе.

И только выдержке никто специально не учил. Незачем было. Либо обучаемый приобретал необходимое хладнокровие самостоятельно, либо попросту не имел шанса дойти до этапа стажировки.

И все же наглый выпад молокососа кольнул. Чуть-чуть. Привычно и почти не больно.

– Очень приятно с вами познакомиться, господа, – доброжелательным тоном произнес Лопухин и остановил вестового. – Принеси-ка мне завтрак, братец. Я голоден.

Вестовой испуганно заморгал. Кое-кто из офицеров не мог скрыть улыбки.

– Согласно походному расписанию завтрак на корвете производится в шесть часов утра, – извиняющимся тоном объяснил Пыхачев. – Обед будет в двенадцать. Боюсь, что сейчас кок сможет предложить вам только чай с бисквитами.

– Хорошо, пусть будет стронг ти с бисквитами. Принеси, братец.

– Виноват?.. – Лицо вестового выразило испуг и недоумение.

– Я сказал, чтобы ты сделал чай покрепче. Ну ступай.

Вестовой удалился.

– Наши Невтоны шибко грамотные, – с усмешкой молвил мичман Тизенгаузен. – Закажите им пудинг, так они вылупят глаза и скажут, что кушанье весом в пуд на тарелке не поместится.

Шутку не поддержали. Лопухин сделал вид, что ничего не слышал.

– Ваше императорское высочество, извольте пробудиться.

Лопухин не знал, сколько раз дворецкий наследника успел за сегодняшнее утро произнести эту фразу. Видно было только, что много. Звали дворецкого Карп Карпович Мокеев, и шесть поколений его предков служили царствующему дому. Был он немолод, имел крупный пористый нос, холеные бакенбарды и приобретенную многолетней службой привычку всегда держаться с достоинством, каких бы титанических усилий это ни стоило.

К оскорблениям он привык. Зато не всегда умел скрыть при посторонних стыд за своего господина.

– Ваше императорское высочество, уже поздно. Извольте пробудиться.

Несмотря на приоткрытый иллюминатор, в каюте пахло рвотой. Само собой, минувшей ночью камердинер и дворецкий поспешили раздеть и уложить в постель бесчувственного наследника, и камердинер дежурил при нем до утра. Увы, желудок цесаревича камердинеру не подчинялся, оставалось лишь бороться с последствиями при помощи тазика, мокрого платка и половой тряпки.

– Ваше императорское высочество...

На этот раз цесаревич замычал и попытался натянуть на голову одеяло. Потребовалось еще немало слов и осторожных похлопываний, прежде чем он мученически открыл один глаз и простонал:

– А, это ты, Сазан Налимыч? Чего тебе?

– Пора вставать, ваше императорское высочество. Неудобно-с.

– Отстань ты от меня, Карась Ершович. Видишь – болею. Дай лучше поправиться.

С сочным звуком пробка покинула горлышко коньячной бутылки. В один стакан Карп Карпович налил на палец коньяку, другой наполнил сельтерской. Приподнявшись на постели, цесаревич сглотнул коньяк, издал было горловой звук, от которого дворецкий проворно схватился за тазик, и, расплескивая, поспешно выхлебал сельтерскую.

– Ой, душевно-то как... – проговорил он, уронив стакан, тут же подхваченный дворецким. – Нет, я все-таки брошу пить. Честное

слово, брошу. Как считаешь, Головль Осетрович, надо бросить?

– Давно пора, ваше императорское высочество.

– Врешь ты все, Пескарь Уклейкович. Я ж так помру от скуки. Смешивать напитки не надо, это да. Ты уж впредь лучше следи за мной, Лещ Воблыч.

– Легко сказать, ваше императорское высочество. Вы же меня с собой брать не изволите.

– Еще чего не хватало – тебя! А ты все равно следи, понял? Как – не мое дело. Изобрази способ.

Багровый от стыда дворецкий почтительно наклонил голову, одновременно метнув панический взгляд на графа. Тут только Лопухина заметил и наследник.

– А, и вы здесь... Нет, Язь Судакович, ты за мной теперь не следи, теперь и без тебя найдется кому следить... правда, граф? Да, а где это я?

– На корвете, ваше императорское высочество, – будничным тоном сообщил Лопухин. – На траверзе острова Гогланд.

– Ну? А это где?

– Это в море.

Наследник долго морщил лоб, соображая.

– Так что же это значит? Мы уже в плавании, что ли?

– Совершенно верно, ваше императорское высочество.

– То-то меня тошнит. Это морская болезнь. Хотя мы вчера тоже здорово дербалызнули... Ты уж, Сом Сигович, расстарайся рассолу. И Моллера мне позови. Да, а где та певичка, как ее... мадмуазель Жужу, кажется?

– На берегу, ваше императорское высочество, – сообщил Лопухин.

– Как? А поручик Расстегаев? А Пенкин? А баронесса Розенкирхен?

– Все на берегу.

С минуту цесаревич смотрел на графа круглыми глазами, пытаясь вникнуть в смысл сказанного. Не вполне вникнув, задал уточняющий вопрос:

– Так кто же на борту?

– Ваш дворецкий и ваш камердинер, ваше императорское высочество. Кроме того, два взвода морской пехоты под командой полковника Розена для охраны вашей особы. Ну и я, конечно.

Цесаревич поморгал.

– А остальные что же? – спросил он обиженным тоном. – Они меня бросили?

– Наоборот. Мы их бросили.

Моргнув еще несколько раз, цесаревич прозрел.

– Что-о? Вы в своем уме? Где капитан этого корыта? Позвать его сюда! Немедленно повернуть обратно!

– Никак невозможно.

– А я приказываю повернуть!

– Глубоко опечален, что вынужден отказаться исполнить волю вашего императорского высочества, – с легким поклоном ответил Лопухин, – ибо она идет вразрез с инструкциями, полученными мною от государя.

Наследник сразу как-то сник. Одарил «цербера» взглядом, не сулившим ему в будущем ничего хорошего, тем и ограничился.

Не приказал даже убираться вон. Лопухин вышел сам, не испрашивая позволения удалиться. Вслед за ним вышел, сразу устремившись в направлении камбуза, Карп Карпович – за живополезным рассолом, должно быть. Физиономия дворецкого выражала сдержанную неприязнь к «церберу».

Обед в кают-компании наследник проигнорировал – то ли молча страдал, запершись у себя в каюте, то ли, что скорее, еще не освоился с расписанием жизни на корвете.

– Влипли мы с вами, граф, в историю, – наклонился к уху Лопухина Розен между первым и вторым блюдами. – Не будет нам прощения. Вот мой совет: делайте карьеру как можно скорее, чтобы при новом государе выйти в отставку в хороших чинах.

– Спасибо за совет, хотя и запоздалый. Я давно это понял.

– В самом деле?

– Да. В ту самую минуту, когда государь попросил меня принять эту миссию.

– Вы могли бы отказаться.

– Вы же не отказались.

– Но вам придется хуже, чем мне. В чем состоит моя функция? Всего лишь защищать наследника от внешних врагов. Наше дело простое, военное: либо защитим, либо умрем. Вам же предстоит

защищать его от него самого. Наследник злопамятен и никогда вам этого не простит.

– Совершенно в этом уверен. Вы хотите предложить еще что-либо?

Розен явно смутился. Затем отрицательно качнул головой.

После полудня задул умеренный норд-ост. На «Чухонце» подняли косые треугольники парусов. Канонерка сразу начала насадать на идущий под паром «Победослав». Пыхачев, сменивший на мостике старшего офицера, приказал набрать сигнал «уменьшить ход».

– Почему мы не пользуемся ветром, Леонтий Порфирьевич? – спросил Лопухин, также поднявшийся на мостик.

– Хочу дать поработать машине, – отвечал тот. – Мало ли что может случиться.

– Вы в ней настолько уверены?

– Напротив. Я уверен в парусах. Если в машине что-то может сломаться, то я предпочитаю, чтобы поломка произошла здесь, вблизи родных берегов, и уж во всяком случае на Балтике, а не в океане. Что до угля, то мы пополним его запасы в Данциге и Копенгагене.

– Значит, мы не зайдем ни в Ревель, ни в Либаву?

– Нет, если не понадобится ремонт. Вы огорчены?

С мостика было хорошо видно, как по палубе, пошатываясь и хватаясь за такелаж, бестолково слоняется наследник престола. Временами цесаревич приближался к фальшборту и, приподнявшись на цыпочки, всматривался в горизонт, где вдали то проявлялась, то вновь тонула в дымке береговая полоска. Ход мыслей его императорского высочества был виден как на ладони: из Ревеля вызвать телеграммой свиту, и пусть всякие надутые индюки бурчат о дебоширах-собутыльниках и сомнительных женщинах. Плевать. Пусть злой цербер из Третьего отделения попытается выставить свиту силой! Вряд ли посмеет. А посмеет, так ему же хуже. ПапА хочет скандала? ПапА получит скандал!

– Совсем наоборот, я обрадован, – честно ответил Лопухин. – К сожалению, не в нашей власти отменить заход в Данциг. – Он вздохнул. – Да и в Копенгаген тоже.

Ничего более они не сказали друг другу, но обменялись взглядами из числа тех, что красноречивее всех велеречий. «Скверная вам выпала миссия, Николай Николаевич, – говорил сочувственный взгляд

Пыхачева. – Коли наследник к тридцати годам не вошел в разум – пиши пропало. Намучаетесь вы с ним». – «Не обольщайтесь и вы касательно вашей миссии, Леонтий Порфирьевич, – отвечал взглядом Лопухин. – Привести корвет во Владивосток с цесаревичем на борту труднее, чем без цесаревича, это-то вы понимаете. Но вы еще не поняли, насколько это труднее. И не сочувствуйте мне, не то я начну сочувствовать вам...»

Ветер слабел. Видно было, как на приотставшем «Чухонце» гуще повалил дым из трубы. Раздвигая серую воду Балтики, «Победослав» продолжал нарезать морские мили.

Отчего Российская империя не хиреет и не рушится, как многожды предсказывали ее недоброжелатели? Не раз она шаталась, сбитая с торного пути тяжелыми войнами, неудачным реформаторством, всегда сопряженным с неистовым казнокрадством, неурожаями и эпидемиями, – однако стоит твердо, могуче, а когда шагает, то видно, что ноги колосса сработаны из материала покрепче глины.

Так не бывает, так не должно быть – бурчат скептики вопреки очевидному. Все развивается по спирали, согласно немецкой науке диалектике, и то, что вчера было варварски грубо и нахально, сегодня становится помпезно и пресыщено, а завтра вновь опрокинется в беспроектное варварство.

Неотвратимо. Неизбежно.

Заклинания эти сотрясают воздух не первое столетие, а признаков близкого падения что-то не видно. Может, Россия, являет собой небывалое исключение из общего правила?

Да падала она, господа, падала. Правда, не так глубоко, как вам хотелось, вот вы этого и не заметили. Кукла-неваляшка, если ее толкнуть, тоже честно валится на бок в первый момент – ну а потом?..

То-то.

Отчего сие?

От верховной власти.

Гнить с головы равно свойственно рыбе и государству. Качество головы определяет все. Уж конечно, не Думе решать, кто достоин заседать в Государственном совете, столь талантливо изображенном живописцем Морковиным. Это прерогатива самодержца. На нем и ответ за все, что происходит в России.

Страшная тяжесть! И тем не менее вот уже четыреста лет императорская династия достойно несет свой крест. Всего один дворцовый переворот – невероятно мало за такой срок, – причем переворот бескровный, закончившийся отречением государя в пользу брата, то есть в глазах народа и не переворот вовсе. Авторитет ныне действующей власти высок, поскольку укреплен умелым администрированием и двумя победоносными войнами.

Даже надменный и алчный британский лев не сумел помешать овладению Россией проливами. Великая и легкомысленная Франция долго противилась, но все-таки признала новые границы де-юре. Молодая Германская империя, легко побив австрияков, не рискнула сцепиться с русским колоссом и теперь ищет с ним союза. Берлинские газеты разом перестали кричать о «скифской опасности», нависшей над Европой. Ну, для кого опасность, а для кого и земельные приобретения. Швеция с Данией неплохо поживились после изгнания пиратов из Норвегии, хотя сделали для этого не в пример меньше России. Испания под шумок «присоединила» Португалию. Италия отняла у австрияков Триест. Англия не без труда и не до конца подавила восстание упрямых ирландцев, для которых «скифская опасность», наверное, вроде манны небесной.

А только придется им избавляться от власти просвещенных мореплавателей самим, без помощи России. У нее и без угнетенных ирландцев забот хватает. «Больше никаких войн, никаких новых территорий», – эти слова государя стали ее девизом. Нет надобности в расширении пределов государства, и без того достаточно широких. Осталось лишь четко определить границы в Манчжурии, восстановить Польшу, но так, чтобы она никогда больше не послужила плацдармом для вторжения в Россию, наладить как следует охрану южных рубежей, укрепиться на Дальнем Востоке – и только.

Быть может, России просто везло? Или она всего лишь умудрялась избегать фатального невезения?

Как будто нетрудную задачу завещает государь Константин Александрович цесаревичу Михаилу, особенно если вспомнить, что перед многими молодыми императорами стояли задачи потруднее. Увы – в высшей политике не бывает легких задач. Одни грабящие Россию европейские таможенные тарифы чего стоят. А российская привычка богатеть за счет торговли сырьем? Вовсе это не богатство, если свести баланс, а нищенские гроши. Необходим подъем промышленности, торговли, просвещения, медицины. Строительство новых железных дорог. Электрификация всей страны. И животноводство, чтобы народ в нищих губерниях не мельчал, питаясь одной репой! Тысячу раз прав государь – необходимо освоение Сибири и Дальнего Востока. Разумеется, и мореплавание! Англичане здесь первые и, надо признать, еще долго ими будут. Но почему Россия до сих пор лишь борется за второе место с Францией, Испанией, Голландией и Швецией?

Взгляд графа полз по карте. Следующая война будет на море, это ясно. Пятьсот лет назад Ганза уничтожила балтийских пиратов. Не более пятидесяти лет назад окончательно исчезло пиратство средиземноморское. Пиратскую республику Великой Атлантики тоже пора додавить. Вытесненные с материка скандинавские пираты потеряли в сущности всего лишь несколько баз. Вот Исландия, главное их гнездо. Вот далекий и холодный Шпицберген, где пленные умирают от непосильной работы в угольных шахтах. Вот побережье Гренландии, там среди угрюмых скал найдется немало освоенных пиратами бухт. А вот Ньюфаундленд – Новонайденная Земля – одинокий кусок суши в океане, населенный потомками Лейва Счастливого, мирными пахарями и лесорубами, получающими за свой труд долю в пиратской добыче. Ньюфаундленд пираты просто так не отдадут, но именно с него придется начать тем, кто захочет избавить Европу от норманнской язвы. Кто это будет – неизвестно. Ясно только, что не англичане...

Неужели опять придется русским?

Да, если их к тому вынудят. И первые заинтересованные в этом – дети Альбиона. «Дестроу экскрикшнс» – как вам это нравится?

Дураку понятно, что кодовая фраза, но в чем ее смысл?

По какой-то причине Лопухин изобразил на лице гримасу. Затем мелким, но твердым почерком вывел на четвертушке бумаги

следующий необычный список:

1. *Кал*
2. *Моча*
3. *Пот*
4. *Семя мужское*
5. *Половой секрет – как мужской, так равно и женский*
6. *Слезы*
7. *Чешуйки ороговевшей кожи (в т.ч. перхоть)*
8. *Молоко материнское*
9. *Кровь*
10. *Лимфа*
11. *Углекислота и иные отходы процесса дыхания*

Погрыз самопишущее перо, поморщился и добавил:

12. *Ногти*
13. *Волосы*
14. *Слюна???*
15. *Ушная сера*
16. *Сопли и мокрота*
17. *Гной*
18. *Околоплодные воды*
19. *Плацента*
20. *Содержимое желудка???*

Следующие четверть часа граф сидел в задумчивости, но, видно, не выдумал для пополнения списка никакой новой гадости. Тогда кликнул Еропку.

Тот явился не сразу. По помятой физиономии легко читалось: опять дрых, Лодырь Лентяевич.

Ничего страшного, сейчас проснется. Есть средство.

– Слетай-ка в лазарет к доктору Аврамову. У тебя морская болезнь.

Еропка вытаращил глаза.

– Да что вы, барин? Нет у меня морской болезни.

– Не спорь, я лучше знаю. Вон как рожу-то тебе перекосило. Помоему, ты даже опухать начал. Спиридон Потапович тебе микстуру

даст. Толку от нее нет, но больному все равно полагается лечиться.

– Да вот вам истинный крест, барин, не тошнит меня ни чуточки! С чего и затошнит-то, когда море спокойное?

Лицо графа приняло задумчивое выражение.

– Если нет морской болезни, придется ее приобрести. Как мыслишь, на верхушке мачты тебя скорее укачает? Знаешь, что такое салинг?

Еропка не знал, что такое салинг, но уже догадывался, что это отнюдь не то место в трюме, где хранятся бочки с салом.

– Господь с вами, барин! – жалобно возопил он, отступая на всякий случай на шаг. – Есть у меня морская болезнь, есть! Ой, худо мне...

– Давно бы так. Из лазарета назад не торопись. Синей, бледней, шатайся, закатывай глаза и так далее. Выпьешь микстуру и сразу выздоравливай, пусть Аврамов удивится. Заведи с ним беседу о медицине. Скажи, что интересуешься. О морской болезни поговори отдельно. Спроси между делом, подходит ли рвота под определение «экссудат» с физиологической точки зрения. Экссудат. Запомни это слово. Оно латинское и означает «выделения». Скажешь, что вычитал в книге. Потом то же самое спроси о слюне, тоже как бы между делом. Понятно?

Таращить глаза в ответ на столь странное приказание Еропка не стал – привык, что графу иной раз приходят на ум еще и не такие причуды. Но от вопроса все-таки не удержался:

– Зачем это вам, барин?

– Поспорил на пари с Розеном. Ступай.

– Все сделаю, барин, будьте благонадежны...

Слуга отсутствовал дольше, чем предполагал Лопухин, а когда вернулся, борода его была мокра, правый глаз нервически подергивался, а бледно-зеленый цвет лица просто пугал.

– Что с тобой?

– Микстура, барин, – прохрипел слуга. – То не было морской болезни, а как микстуру выпил – вот она...

– Ступай на воздух, полегчает.

– Сей минут, барин. Доктор посмеялся и сказал, что ни слюна, ни рвота, – Еропка судорожно дернул кадыком, – экссудатом не

считаются. Слюна – она только у верблюдов экссудат, да и то в брачный сезон. Вот оно как выходит.

– Ладно, иди. Спасибо.

– Еще он сказал, чтобы я не читал книг, раз все равно ничего в них не понимаю. Барин, может, не надо мне этой «Одиссеи»? Хуже только будет, ей-ей.

– Не будет. А пожалуешься еще раз – заставлю после «Одиссеи» прочесть «Энеиду», уразумел?

Угроза подействовала не хуже микстуры – слуга сильно изменился в лице, после чего зажал обеими ладонями рот, выбежал из каюты, гигантскими прыжками взлетел по трапу на верхнюю палубу и перегнулся через фальшборт.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Нил пишет письма, цесаревич братается с германским кронпринцем, а граф Лопухин и полковник Розен обнаруживают неожиданную страсть к картежной игре

«Здравствуйте, бесценная моя Катерина Матвеевна!

Во первых строках письма желаю вам здоровья на множество лет и чтобы вы не забывали меня сиротинку несчастную. Плыву я теперь в море-акияне што шире Енисей-реки да все о вас думаю, тетушка моя драгоценная. Помню, как вы меня за вихры таскали, ну да это ничего. Уехали вы в город Житомир. Чаю, живете там барыней, пьете кофей с патокою и ходите в таком вот монплеzure, а меня сироту забыли совсем. Бог вам судия. А со мною вот что случилось.

Как тятка с мамкой померли от язвы, надумал и я податься в город Житомир вас поискать. Доехал до Москвы Первопрестольной да едва в полицию не угодил. Народ в Москве ужасно шустрый. А только вышло совсем наоборот, не в тюрьму меня повели, а к его сиятельству графу-барину. Уж я страху натерпелся! Токмо все кончилось оченно даже хорошо. Барин меня в самый Питер взял с собой, а чего там было я писать не стану потому как все равно не поверите вы мне. Оттудова мы поплыли в море-акиян на двух военных пароходах. Я при барине вроде слуги, а сам барин вроде слуги при самом царевице который за море-акиян едет. Одно плохо, не оставил меня барин при себе, а отдал на другой пароход в юнги. Хожу теперь в рубахе полосатой да в матроских штанах которые штаны сам подшил потому как длинные были. Еще куртка, бушлатом прозываемая. А на голове мне велели носить фуражку без козырька зато с лентами.

Юнга это у матросов вроде как ученик. Учат меня так, што мамочки дорогие. Бьют да ругают по матушке. Первые дни думал сбегу, да куды тут сбежишь посреди моря? Однакож обвыкаюсь помаленьку.

Зато кормят дюже хорошо. На обед дают шти с мясом да кашу гречневую. Думал совсем пропадаю, ан при таких харчах жить можно.

Корабль наш шибко военный. Колеса громаднющие по воде так и колотят. Пушка на ём чисто страх смертный. Ежели бы я захотел, так в ейный хобот с головою залез бы. Бонбы к ней страшенные, человеку нипочем не поднять, будь он хоть Самсон. По этой причине их гидравлика из погребов наверх подымает. Гидравлика это такая механизма.

А койки тут подвислые, все равно как люлька у младенца. Мне досталась койка самая негодящая, потому как хорошие все у матросов и такоже солдат. Пробка из ей так и сыплется, а мне убирать. А пол, на какой она сыплется, зовется нижней палубой. А середина верхней палубы, куда нас кажный Божий день боцман дудкой кличет, зовется шкафут, и нету там шкафа никакого, один обман. А еще сундучок мне даден по кличке рундучок. Морские прозвания одно чудней другого. Лопатить палубу – это как по-сухопутному полы мыть. Первый день я худо лопатил, так боцман меня подозвал и давай уши крутить. И никто за меня сироту не вступился, токмо дядя Сидор, младший унтерцер. Он боцмана лютого зверя словесно победил, а все одно заставил меня лопатить сызнава. Потому как чистота на корабле первейшее дело. Говорит без чистоты корабль не корабль, а нужник и анбар с крысами.

А пес корабельный Шкертик вчерась на палубе нагадил, ему небось можно. Догадайся тетушка с трех раз кто за ним паскудой убирал и наново лопатил. Токмо я не в обиде. Пес веселый и одна моя отрада окромя унтерцера справедливого дяди Сидора. Шкертик это на моряцком языке веревочка. Привяжется как веревочка и ходит за мной. Учю его на задних лапах ходить и прыгать через ручку от швабры. Матросам это нравится и господам офицерам опять же, а Шкертику наука не по нутру, нонеча рычал на меня аки тигра лютая. Выругал я его подлеца, а он гляжу хвостом виляет.

Вчерась осмелился я и про самого царевича спросил. Дядя Сидор говорит вышла ему аблегация [удаление из отечества под благовидным предлогом. – Прим. авт.]. Знать выиграл в бумажную игру лотерею, как сосед наш прикащик Широмыгин, который помнишь с того выигрыша напился до чертей и в колодезе утонул. Токмо я в

сумнении. Нешто путешествия за синь-море выигрывают? Я бы взял весь прибыток ассигнациями да и поехал туда, куда сам хочу, ежели вдруг приспичит.

А море тут серое. Ровно как городской камень асфальт. Кита, что Иону проглотил, я в нем пока не видал. А водится в этом море рыба корюшка, и у нас в трюме она водится копченая. Я попервоначалу расслышал, будто горюшко, а она корюшка. Одно горюшко, что рыба мелкая, а так вкусная. Почти что как наш муксун енисейский. Нашему брату нижнему чину по одной штуке в день выдают к полуденной чарке. Мне юнге водки не наливают и не хочется, а рыбу – бери.

От графа-барина совсем нет вестей. Давеча в тумане с того корабля нашему капитану в рупор орал, а мне опять ни весточки единой. И всплакнул я, сельцо наше Горелово сильно вспоминая и вас, бесценная Катерина Матвеевна. Хотел писать заберите меня отседова в город Житомир да передумал. Барин говорил человеком стану. Ежели не врет, так я завсегда готовый. А еще страну Аюнию интересуюсь посмотреть».

Оглянувшись на спящих, Нил послюнил огрызок карандаша, одолженного им без спросу у справедливого дяди Сидора, и приписал внизу: «Остаюсь ваш племянник Нил Головатых».

На обратной стороне листка он, подумав, написал: «В город Житомир самолично в руки Катерины Матвеевны Головатых». После чего свернул листок в трубку и просунул его в бутылку из-под шампанского, что выпили вчера господа офицеры. Бутылку Нил еще засветло вымыл, высушил, да и пробку припас. О морской почте он впервые услышал нынче в часы отдыха после обеда и сильно ею заинтересовался.

Собравшись на баке в кружок, матросы говорили о морских бутылках. Мол, давний морской обычай. Ежели кто терпит бедствие или, допустим, просто хочет послать о себе весточку, так пиши записку и бросай бутылку в море, она к людям непременно выплывет, если только акула ее не съест. Сигнальщик Клим Перепелкин, весельчак и балагур хоть куда, божился, будто сам выловил в Ревельском порту обросшую ракушками бутылку с запиской внутри: «Тону, братцы, спасите! До дна осталось два аршина. На помощь!»

Матросы хохотали неизвестно над чем.

А дядя Сидор сказал, что были случаи, когда люди посредством бутылки даже спасались с необитаемых островов, вот как!

Тщательно заткнув бутылку, Нил накапал на пробку воска, чтобы письмо не подмокло, и задул огарок. Через минуту он спал, свернувшись калачиком в подвесной койке, и видел сны про свое село на берегу широкого Енисея, про тятку с мамкой да про незамужнюю тетку Катерину Матвеевну, тяткину сестру, которая, если подумать, беспутная и злая баба. Но пускай она получит весточку от племянника, не жалко. Завтра Нил улучит момент и бросит бутылку с письмом в море-акиян. Наверное, дойдет.

Сегодня Лопухин не проспал побудку и был уже на ногах, когда наверху еле слышно засвистела дудка боцмана. Граф сделал гимнастику и ощутил прилив бодрости. Все-таки ошибаются медики, подразделяя людей на «жаворонков» и «сов». Человек есть то, к чему он сам себя приучит. Или даже принудит, если косная человеческая натура вздумает сопротивляться.

Теперь, можно считать, принуждение состоялось. Глупо ведь каждый день оставаться без завтрака. Придется, хотя это будет непросто, приучить к морским порядкам и цесаревича. В его же собственных интересах.

За переборкой звучно храпел Еропка. Вот уж кто нипочем не желал себя ни к чему принуждать! Природный лентяй, и философию под свой модус вивенди подвел самую лентяйскую: чем меньше хлопот, тем выше наслаждение. Зачем стремиться к большому счастью, если и без того хорошо? Эпикура он, к счастью, не читал, не то вдобавок к лени еще и возгордился бы принадлежностью к славной философической школе.

Лопухин постучал в переборку костяшками пальцев.

Никакого ответа.

Постучал кулаком. Храп прекратился, но прыжка с койки не последовало.

Грохнул кулаком что есть силы.

На сей раз подействовало. Слуга предстал. Со сна его еще пошатывало, зато он успел влезть в штаны. Являться на зов барина в кальсонах даже Еропка считал недопустимым.

– Долго спишь, – грозно сказал Лопухин.

– Разве ж это сон, барин? – сиплым нетвердым голосом возразил слуга. – То ли у нас в подмосковном! Красивости такие, что дух замирает, и всякое подобное в природе шевеление. А воздух! Вот где сон-то. Проснешься, а в окошко солнышко светит, в саду птички поют на разные голоса. Не то что здесь. Вот помяните мое слово, ничего хорошего из этого плаванья не выйдет, ни стратегически, ни тектонически...

– Как? – рассмеялся граф. – Тектонически?

– Точно так, барин.

Наверняка хитрый слуга придумал это только что. Но, надо отдать ему должное, рассмешил. Чтобы вновь принять грозный вид, Лопухину потребовалось сделать над собой усилие.

– «Одиссею» читаешь?

– Читаю, барин.

– И много ли осилил? Две страницы? Или целых три?

Слуга выглядел сконфуженным и несчастным. Бил на жалость. Изредка метод срабатывал.

– Ты не молчи, ты скажи что-нибудь. Не то я решу, что ты ограничился одной обложкой.

Судя по тому, как Еропка жалостливо шмыгнул носом, догадка была правильной.

– Хорошо хоть, что не врешь, – сказал граф. – Теперь слушай задание.

Еропка поднял голову.

– Как? Опять?

– Опять. Сам видишь, я один. Мог бы вытребовать себе кого-нибудь в помощь из Жандармского управления, но дело тут скорее частное. Да и неизвестно, кого еще пришлют. Соответственно, попытаемся управиться вдвоем, ты да я. Уразумел? Знаешь боцмана Зорича? С сегодняшнего дня будешь вести за ним негласную слежку. Чем живет, о чем думает, с кем общается вне службы. Особенно с кем общается. Лучше всего подружись с ним. Играй под дурачка, как со

мной, тут у тебя явный талант. Примечай все странное. Можешь посплетничать обо мне, разрешаю.

Как справедливо заметил классик, многое разное значит у русского народа почесыванье в затылке. У верного Еропки это в данный момент означало: «Ну ты и задачи ставишь, барин!»

Недовольство Еропки выражалось не только в чесании затылка, но и в общем выражении лица. Нет, говорило лицо, это не поручение, это черт знает что такое. Одно дело сбегать к доктору и проглотить декокт, от которого того и гляди кишки наружу вылезут, и совсем другое – слежка. В первом случае помаешься сколько нужно и пройдет, и снова спи себе, а во втором случае уже не поспишь. Да разве ж это дело слуги – вести наружное наблюдение? Нет, барин, что-то неладное вы измыслили. Вот мальчишка Нил для этой задачи подошел бы в самый раз, а где он, спрашивается? Кто его услал на канонерку?

Однако вслух Еропка ничего не сказал, поскольку хорошо знал ОСОБОЕ выражение лица графа. Когда он так смотрит, перечить ему себе дороже.

Но барин сам пошел навстречу. Хотя и отчасти.

– Можешь считать себя свободным от «Одиссеи», – сказал он и, помолчав, добавил: – Временно.

Лишь одна переборка отделяла корабельную мастерскую от машинного отделения. Во время работы машины в мастерской стоял неумолчный тяжелый гул. Чтобы вести беседу, приходилось кричать.

И граф кричал, хотя то, что происходило между ним и лейтенантом Гжатским, лишь предельно скупой на эпитеты человек назвал бы беседой. Начальственный разнос – тоже не то. Вулканическое извержение – это уже точнее.

– Значит, вы проводите здесь опыты со взрывчатыми веществами?! – Голос Лопухина страшно гремел. – Несмотря на присутствие на борту цесаревича?! Да как же вы посмели?!

Лейтенант открывал и закрывал рот, тщетно пытаясь то ли возразить, то ли оправдаться. А граф пытался понять, кто перед ним: вредитель или просто непроходимый дурак, и склонялся ко второму.

Третьим, безмолвным участником сцены был четырехаршинный металлический цилиндр, покоящийся на обитых войлоком подпорках. Тускло блестела сталь, вероятно, смазанная машинным маслом. С одной стороны цилиндр оканчивался тупым рылом с резьбовым отверстием, с другой имел оперение, как ракета, и на конце сужения небольшой гребной винт.

А внутри, внутри-то – пироксилин.

Об этом факте граф узнал случайно. Решил было найти свободного от вахты толкового офицера и с его помощью еще раз осмотреть как следует машинную начинку корабля. Кандидатуры лучше лейтенанта Гжатского не виделось, хоть он и артиллерист, а не инженер. Нашел его Лопухин в мастерской. Лейтенант был занят делом: открыв в боку стального цилиндра какой-то лючок, копался в механических потрохах.

Слово за слово, разговорились. Лопухин спросил о назначении цилиндра. Гжатский не стал темнить, зато от его объяснений у Лопухина потемнело в глазах. Оказалось, что стальная эта сигара – не более и не менее как самоходная морская мина, новое изобретение неумного лейтенанта. И не макет какой-нибудь безобидный, а готовый к бою смертоносный снаряд, несущий в себе пять пудов взрывчатки! А в ударном взрывателе – гремучая ртуть!

Взрыватель, правда, не был привинчен и вообще хранился у лейтенанта в каюте. Но Гжатский охотно сбегал за адским механизмом и предъявил его потерявшему дар речи Лопухину. С виду ничего особенного: маленький, размером в стакан, цилиндрик с резьбой, а поверх него крыльчатка, как у метеорологического прибора анемометра. Но ахнет – кишки вон. А уж если от малого взрыва случится большой...

Ох, не любил граф изображать бурбона! А иной раз приходилось. Но теперь Лопухин нимало не играл. Да и как оставаться спокойным, видя такое дуrolомство? Бывают моменты, когда натура берет верх.

– Дурак!!! Да вы хоть понимаете, что случится с корветом, если это ваше изобретение ненароком взорвется?!

Лейтенант то краснел, то бледнел, то раскрывал рот, пытаясь ответить. Но Лопухина понесло всерьез. Тогда Гжатский молча поставил стаканчик взрывателя на верстак и так же молча грохнул по нему со всей силы кулаком. Прямо по крыльчатке.

Лопухин замолчал. Перестал раздуваться, начал меняться в цвете.

– Безопасно, – низким обиженным голосом пророкотал Гжатский. – Пока крыльчатка не сделала ста оборотов – безопасно. И я не понимаю, почему вы, ваше высокопревосходительство, позволяете себе... повышать голос.

«Орать, – подумал Лопухин. – Он хотел сказать: орать. И то правда. Стыдно. Но каков!..»

– Объяснитесь, – бросил он. – Ваша начиненная пироксилином самодвижущаяся мина находится на борту с разрешения капитана?

И менее искушенный физиономист заметил бы: внутри лейтенанта идет тяжелая внутренняя борьба.

– Нет, – помедлив, сознался он. – Я не докладывал капитану о том, что мина заряжена.

– Естественно. Он бы наверняка запретил. Отвечайте быстро: кто надоумил вас тайно протащить на борт заряженную мину?

– Никто. – Гжатский решительно замотал головой. – Клянусь вам, решительно никто. Только ощущение пользы... Только желание усилить боевую мощь... Честное слово, никто не знает, что это за аппарат! Я даже не успел отправить проект на рассмотрение в Морской технический комитет...

Покусывая тонкую губу, Лопухин слушал, пытаясь понять, кто перед ним: опытный враг, чрезвычайно искусно играющий свою роль? Ну нет. Честный офицер и одновременно полупомешанный изобретатель, разыгранный кем-то втемную? В принципе возможно. Тогда ознакомление некоего графа Лопухина с адским изобретением надо считать оплошностью врагов, грубым проколом... или способом отвлечь внимание от чего-то более важного? Гм... нет, не склеивается. Что же получается? Гжатскому можно поверить на слово?

Чудеса... Будь Лопухин лет на десять помоложе, он с презрением отринул бы мысль о доверии. О, как ревностно он стал бы копать! Как крот. Как паровая лопата. Без отдыха. Свято веря, что непременно выведет всех на чистую воду.

С годами службы, да и просто жизни, если она не тратится зря, приходит опыт и понимание людей. Такие экземпляры, как этот лейтенант, встречались Лопухину нечасто, но все же они были, были... Фанатики своего дела. Чутьочку (а иногда и не чутьочку) простодушные, честные, углубленные в странные свои фантазии. Вот этот лейтенант захотел летать по воздуху и в самом деле пролетел. Двадцать одну сажень. Надо бы выспросить у него: с какой стати аппарат тяжелее воздуха вообще летает?..

Но Лопухин спросил о другом:

– Надеюсь, вы понимаете, что в два счета можете угодить под суд?

– Да, но...

– Понимаете или нет?

– Да.

Граф кивнул:

– Хорошо уже и это. Слова о дураке беру назад. Вы не дурак, вы просто сумасшедший. Не обижайтесь, это похвала. А теперь расскажите-ка мне, как действует ваше изобретение.

И заметил: глаза лейтенанта загорелись.

– Вот тут находится воздушный баллон высокого давления. – Гжатский любовно похлопал мину по блестящему боку. – Сначала мы накачиваем в него воздух специальным воздушным насосом...

– Мы? – перебил Лопухин. – Кто это мы?

– Не обращайтесь внимания, ваше превосходительство. Это я просто так сказал. Допустим, мы – это мы с вами, вы и я... Стало быть, движитель мины заряжен. Теперь мы привинчиваем взрыватель, поднимаем мину наверх и, перекрестясь, швыряем ее за борт в направлении неприятельского корабля. От контакта с морской водой срабатывает гальванический механизм, открывающий сжатому воздуху путь в хвостовую часть мины, где он приводит в движение винт. Другой механизм, гидростатический, отклоняет рули, удерживая мину в подводном положении на глубине от аршина до полутора саженьей. Дальность действия – около трех кабельтовых и может быть увеличена... Это ведь прототип, ваше превосходительство! Ну-с, а крыльчатке взрывателя хватит и тридцати-сорока саженьей, чтобы наvertеть сотню оборотов. Таким образом, мина в случае преждевременного взрыва не причинит повреждений нашему корвету...

– Ну конечно, – усмехнулся Лопухин. – Например, в случае ее детонации от попадания неприятельского снаряда в вашу мастерскую. Или в случае пожара на борту. Нет?

– Да, но...

– Опять ваши «но»! Что вы еще имеете мне сказать?

– Только то, мы находимся ниже ватерлинии, а пожар или снаряд, ежели он каким-то чудом залетит сюда, скорее вызовут взрыв бомбовых погребов палубной артиллерии. Они рядом с нами.

– Я вижу, у вас на все есть ответ. Надеюсь, это помещение хорошо запирается?

– Точно так.

– Ключ только у вас?

– Ключей два. Один у меня, другой у боцмана Зорича.

– Заберите у него ключ под каким-нибудь благовидным предлогом. Скажите ему, например, что свой потеряли. Оба ключа носите с собой. О нашем разговоре и о назначении... э-э... вашего изобретения никому ни полслова. Это прежде всего в ваших личных интересах. Усвоили?

– Так точно, ваше превосходительство, – козырнул Гжатский.

– Вольно. Теперь покажите-ка мне машинное отделение. Мне как человеку, далекому от техники, понадобятся ваши пояснения...

И пояснения, конечно, понадобились. Граф выдержал с четверть часа в кочегарке, похожей на ад во время бесовского аврала, осмотрел котлы и почему-то особенно заинтересовался конденсаторами пара. Что случится, если они выйдут из строя? Ах, нетрудно перейти на питание котлов забортной водой? И как долго можно идти в таком режиме? Сутки точно можно? Даже дольше? Благодарю, лейтенант...

Сама машина вызвала меньший интерес. А уж когда лейтенант начал петь дифирамбы зубчатому редуктору, на лице графа обозначилась вежливая скука.

– Сталь из Златоуста, – кричал Гжатский, с трудом перекрывая китовые вздохи машины и металлический гул. – Есть мнение, что она лучше золингенговской, и, по-моему, это мнение справедливо. Видите ли, зубья шестерен подвергаются значительной нагрузке, поэтому идущая на них сталь должна быть исключительного качества, маркой ПРЖ здесь не обойдешься...

– ПРЖ? – поднял бровь Лопухин.

– Паршивое ржавое железо. Технический жаргон. Так у нас называют низкокачественную сталь.

– Понятно... Но ведь в случае попадания в шестерни постороннего предмета зубья все-таки сломаются, не так ли?

– Разумеется. Впрочем, смотря какой предмет. Если скажем, рука какого-нибудь ротозея, то худо будет руке, а не зубьям. Для того и кожух поставлен. Бывали, знаете ли, случаи...

В свою каюту Лопухин вернулся озабоченным. Сам почистил платье, заодно стараясь навести порядок в собственных мыслях. Дестроу экскрикшнс, дестроу экскрикшнс... Может, все-таки имеется в виду пар? Он ведь выделение машины. Но Нил клянется, что не напутал... «Разрушить выделения», – так было сказано. Как можно разрушить пар? Не паропроводы какие-нибудь, не холодильники, а именно пар?

Да и о машине ли идет речь? Быть может, об артиллерии? Что есть выделение пушки? Коническая бомба?

Инстинкт подсказывал: истина где-то рядом. Но где?

При таком борделе на судне – где угодно! Сборный экипаж, беспечный капитан, морпехи Розена, от которых в кубрике немислимая теснота, непредсказуемый наследник... теперь еще и лейтенант этот – новоявленный Архимед с горящими глазами и взрывоопасными увлечениями... И без всяких диверсантов можно ставить три к одному на то, что «Победослав» не придет благополучно в порт назначения!

А тут еще Розен, повстречавшийся на шкафуте, куда Лопухин поднялся выкурить папиросу, подпортил настроение:

– Совсем забыл спросить: быть может, вы и в норвежской кампании участвовали?

– В некотором роде.

– В каком же, если не секрет?

– Вешал интендантов.

– Почтенное занятие... – На обезображенном лице Розена правая бровь иронически поползла вверх. – Нет, в самом деле?

– Я был начальником Особой следственной комиссии по делам о злоупотреблениях, – сухо ответил граф. – Что, не нравится?

– Нет, отчего же, даже пикантно... И многих, позвольте полюбопытствовать, вы отправили на эшафот?

– Больше, чем хотелось бы. Зато воров в России стало чуть-чуть меньше. Вы в действующей этого не почувствовали?

– М-м... – Розен призадумался. – В конце кампании, пожалуй, да. Не знал, что обязан этим вам.

– Лучше я, чем кто-либо другой, – ответил Лопухин. – Знаете почему? Потому что я богат. Мне нет надобности ни воровать, ни прикрывать воров. Лопухины служат из чести.

– Хороша честь, однако!

– Браво, полковник. Вы еще забыли назвать преступлением казнь воров в военное время на театре военных действий. Только это отличает ваши речи от идеалистической болтовни какого-нибудь румяного прапорщика. Не совестно?

– Должен сознаться, не очень.

– Ну и не стану я вас разубеждать. – Лопухин раздраженно швырнул окурок в волны. – Некогда мне, знаете ли. Данциг на носу.

Воровским манером пробравшись на бак, Нил вытащил то, что скрывал под курткой. Оглянулся – и как бы случайно уронил предмет за борт. Услышал плеск, не услышал окрика, после которого пришлось бы давать объяснения, и, перегнувшись через фальшборт, принялся следить за почтовой бутылкой.

Поначалу ее кинуло в сторону волной от форштевня, затем чуть было не затянуло под лопасти колеса – но нет, увернулась, родная! Увернулась и поплыла себе по морю, унося послание:

«Здравствуйте, любезная моя Катерина Матвеевна!»

Во первых строках письма сообщаю, что я жив здоров чего и вам желаю. Долго не писал к вам потому как недосуг. По все дни я в работе да учебе. Капитан Басаргин брал меня в рубку и давал поддержать штурвал. А еще велел офицерам со мною заниматься, так что голова моя того и гляди лопнет.

Потому много писать не буду. И так уже пальцы болят от чистописания. А ежели сделаю ашипку, так мне велят переписывать

наново, вот как. Потом география с арифметикой, потом французские вокабулы, потом морская наука навигация. Терплю, а терпежу нету.

Два дни стояли мы на рейде города Данциг, что в немецкой земле. А еще маневрили по-всякому в кумпании с германским пароходом и в плавучие щиты из пушек стреляли. Думал оглохну. Германский пароход маленький, меньше нашего, зато бегаёт шибче и называется яхта. Катается на ней немецкий кронпринц, это как по-нашему цесаревич. Ихний нашего к себе приглашал, а потом наш ихнего к себе. К нам на Чухонец», это есть канонерка наша, они тоже явились, а мы допрежь полдня приборку и чистку производили. Все гости при параде и оркестр наярявает. Кронпринц очень важный, а по нашему цесаревичу сразу видно – пьёт горькую. Шкертик получил от боцмана сапогом по морде за то, что рычал подлец на наследника престола. Я бы на него тоже порычал, только я ныне юнга российского флота и рычать мне нельзя. А вы знаете, любезная Катерина Матвеевна, до чего я пьяных терпеть ненавижу. Бывало, тятка вертается из кабака и ну куражится, а я от него в тайгу убегаю, чтобы под руку зря не попасть и речей его пьяных не слышать.

Ой что это я пишу.

Барин всякое время при цесаревиче, ни на шаг не отходит. Потому как выпало ему такую службу служить.

А Данциг город красивый, токмо нас никого на берег не пускают. Так что на город мы издаля смотрим. Даже углем грузились прямо в море с германской баржи. А после погрузки вахтенный офицер приказали всю черноту угольную с палубы оттереть штобы сияла. И впрямь сияет.

А завтра мы сымаемся с якоря и уходим в город Копенгаген. Сказывают там стоим дольше и на берег нас пустят. Там я еще письмецо вам напишу, любезная Катерина Матвеевна, и по почте отправлю, а это письмо как раньше в бутылке. Дядя Сидор как узнал, так меня выругал по-доброму и сказал мне чудила, не дойдет твое письмо. А я все-таки верю.

Остаюсь ваш верный племянник юнга Нил Головатых».

Скупое написал, особенно о цесаревиче. Иные могли бы написать подробнее. Например, граф Лопухин, не имевший в Данциге ни минуты отдыха и растравивший всю свою желчь.

Накануне выхода в море он вернулся на корвет пьяный, но не потерявший рассудка и оттого злой. Перед ним двое мичманов – Свистунов и Корнилович – тащили обвисшее у них на руках тело цесаревича. Изредка это тело подавало признаки жизни: мотало головой, мычало и даже иногда перебирало ногами, но чаще напоминало арестанта, влекомого в камеру после допроса с пристрастием. Сходство усугублял Лопухин, державшийся преувеличенно прямо и потому имевший некоторое сходство с конвойным. Слонявшийся по пристани подгулявший матрос торгового флота – русский, собака! – при виде этой картины присвистнул и издевательски пропел: «Замучен тяжелой неволей...» – но под тяжелым взглядом графа счел полезным поскорее юркнуть за штабеля ящиков.

Черт знает что! И во время братания с кронпринцем, и после кронпринца, и во всех кабаках, куда заглядывал Михаил Константинович, и в игорном доме, где он неожиданно выиграл пять тысяч марок, и при выбрасывании из окна второго этажа голой проститутки, и в шлюпке, где мертвецкого цесаревича рвало прямо на гребцов какой-то плесенью, – везде Лопухин лишь стискивал крепче зубы и молча сатанел, чувствуя полное свое бессилие. Он, статский советник граф Николай Лопухин, замучен тяжелой неволей, а не цесаревич! Поди заставь того пить, как пьют порядочные люди! Твердить, что ли, поминутно, как его дворецкий: «Надо меньше пить, ваше императорское высочество»? Бесполезно. Да и при чем тут меньше? Меньше, больше – какая разница? Главное – умеючи.

А нет таланта – так напивайся в узком кругу, не позоря на весь мир Российскую империю! Ну зачем было в том кабаре... как его?... ну неважно... зачем было ползать по сцене на четвереньках, блять и бодать танцовщиц в зады? А зачем было с криком «бей, братцы, негров, выручай Сенегамбию» бить какого-то еврея? При чем здесь далекая французская колония? А еврей при чем? Почтенный с виду еврей купеческой наружности и нимало на негра не похож...

Позор, позор несмываемый! Нетрудно представить, с какими заголовками выйдут завтрашние газеты! Солидные-то промолчат – с этим у немцев строго – зато уж желтые листки найдут себе пищу на неделю! Чудовищно! Как после этого показаться на глаза государю? И это еще не самое худшее: можно лишь ужасаться, понимая, сколь

много лишнего наболтал пьяный цесаревич кронпринцу и его свитским! Кронпринц не дурак и олухов в свите не держит...

Полковник Розен только присвистнул, выслушав краткую версию данцигского анабазиса. Покачал головой:

– Хорошо, что у нас с немцами мир и союз, но...

– Вот именно – но! – процедил Лопухин. – Вы, полковник Генерального штаба, должны лучше меня знать тяжесть этого «но»...

– Лет через пятнадцать-двадцать Германия захочет играть первую скрипку в мировой политике, – кивнул Розен. – И главное, сможет надеяться на успех. Это молодая, настырная, очень динамично развивающаяся держава. А что до союзников, то их у России, как всегда, два – ее армия и флот. Согласны?

– Да.

– А я думал, будете спорить, вспомните еще Третье отделение...

– Оставьте ваши шпильки. Сегодня чиновник Третьего отделения блистательным образом провалил свое задание. Руки коротки оказались. Довольны?

– Как вам сказать? Не так, чтобы очень.

– И на том спасибо.

Разошлись мирно. Злой, дышащий вином Лопухин задержал на шканцах мичмана Корниловича.

– Советую вам, юноша, впредь избегать тесного общения с наследником. Это в ваших личных интересах. Вы меня поняли?

– Но я только...

– Только одобряли все его забавы жеребьячим ржанием. Но запомните: если вы не боитесь замарать честь русского офицера, то бойтесь меня. Я не шучу. Вы поняли?

– Д-да. – Корнилович кивнул.

– И еще одно. Я навел о вас кое-какие справки. Среди офицеров корвета вы единственный, кто не стеснен в средствах. Можно даже сказать, что вы богаты. Запоминайте с одного раза, повторять не стану. Если у цесаревича вдруг возникнет нужда в деньгах – займы ему не давать! Ни под каким соусом. Во-первых, не отдаст, во-вторых, не исполнится благодарности, а в-третьих и в-главных, пощады от меня тогда не ждите. Уничтожу. Запомнили?

– Д-да...

– В таком случае спокойной вам ночи.

Оставшись один, мичман подумал немного, переводя бессмысленный взгляд с палубного настила на снасти, темнеющие среди бледных балтийских звезд, затем пробормотал: «Цербер пьяный», – после чего нетвердой походкой побрел к ведущему в чрево корвета трапу. Спать.

Пройдет лет сто или двести, словом, ничтожное по историческим меркам время, и не один въедливый историк, собаку съевший на царствовании Константина Второго, задастся вопросом: почему наследник престола беспутный Михаил Константинович, напропалую кутивший в Данциге, воздержался от пьяного разгула в Копенгагене? Кто-то сочтет данный вопрос не стоящим внимания и обойдет его в своей монографии, а кто-то с удвоенной энергией примется искать хоть какие-нибудь документы, проливающие свет на странное поведение цесаревича, ничего не разыщет и придет к выводу: либо наследник тяжело хворал (что после Данцига совсем не в диковину), либо внял увещаниям скромного сотрудника Третьего отделения графа Лопухина Эн Эн. Несомненно, ушлый исследователь начнет копать в этом направлении, но вряд ли многое выкопает. Поэтому выстроит простейшую логическую цепочку и преисполнится уважения к педагогическим и, возможно, терапевтическим талантам указанного графа. История полна людей с замечательным даром убеждения. Были среди них и гипнотизеры, и мастера подливать в питье «пациента» сомнительные снадобья по эксклюзивному рецепту, и просто люди, которых никому и никогда не удавалось согнуть, зато легко гнувшие в дугу кого угодно, даже неординарных венценосных особ. Так что уж говорить о нетрезвом цесаревиче!

Жаль, что люди не живут по сто-двести лет, а потому Николай Николаевич Лопухин никоим образом не мог ознакомиться с еще не высказанными предположениями историков. Интересно, сумел бы он при всей своей немалой выдержке удержаться от смеха?

Что правда, то правда: рецепт временного «исцеления» цесаревича был прост. Но вряд ли потомкам могло прийти в голову, насколько он был прост!

От Данцига до Копенгагена путь недолгий: две ночи и один день. «Победослав» бодро рассекал пологую волну, «Чухонец» держался в кильватере, наследник престола, мучимый алкогольным отравлением, начал подавать признаки жизни, а в кают-компании лейтенант Фаленберг, вспоминая вчерашнее, сумрачно пробасил: «Стыд-то какой, господа». Ему не возразили.

Попыхивающий уже второй папиросой Лопухин дождался Розена там, где они обычно обменивались колкостями, попутно любуясь морскими пейзажами.

– Полковник, вы играете в макао?

– М-м... К чему этот вопрос?

– Просто ответьте: играете или нет?

– У нас в полку, знаете ли, предпочитали штосс.

– Невелика и разница. Я вас научу. Запоминайте: играют в две колоды, банкируют по очереди. Задача игры: набрать девять очков на одной или двух картах. Туз идет за одно очко, фигуры и десятки не считаются...

– Постойте! – Изумленный Розен забыл закурить. – Зачем вы мне все это говорите? Я умею играть в макао. Но я, поверьте, не имею никакого желания играть!

– Со мной? Охотно верю. Ну, а с цесаревичем? По крупной? Если у вас, паче чаяния, денежные затруднения, я вам ссужу.

С минуту обезображенное лицо Розена выражало одно лишь неудовольствие. Затем едкая улыбка понимания искривила сабельный шрам.

– Что, до самых подштанников?

– Ну, одежду-то мы ему оставим...

Михаилу Константиновичу было худо. Какие-то язычники из Сенегамбии, поселившись внутри, поджаривали его кишки на медленном огне, а самое тело сунули в промозглый ледник. Еще и капали чем-то на пылающий мозг. Жуть! Терпеть такое было нельзя, но приходилось. Душа не желала расстаться с телом и страдала вместе с ним.

Огонь – внутри. Мурашки – снаружи. Ох, помира-а-а-аю...

– Карп... – слабо позвал цесаревич. – Ох... как тебя?.. Пескарь Сазаныч... Худо мне...

Дворецкий Карп Карпович был тут как тут – почтительно замер со стаканом рассолу в одной руке и салфеткой в другой. Рассола он нацедил самого наилучшего, вскрыв и забраковав перед тем несколько бочек, и профильтровал мутную жидкость через чистую холстину.

– Пожалуйста испить, ваше императорское высочество.

Лишь очень опытное ухо уловило бы в голосе дворецкого слабую нотку осуждения. Камердинер – тот уловил бы. Но камердинер был занят в соседней каюте чисткой парадного мундира цесаревича и уже почти избавил дорогую ткань от следов блевотины.

Испив рассолу, наследник начал оживать. В это время постучали в дверь, и стук – о диво! – не отдался у цесаревича в голове болезненным звоном. Обрадованный этим новым и приятным явлением в организме, Михаил Константинович разрешил войти.

– Халат, халат наденьте, ваше императорское высочество, – зашелестел дворецкий, в ответ на что цесаревич пробурчал: «Да отвяжись ты, Лабардан Селедкович», – но одеть себя позволил.

Вошли Лопухин и Розен. При виде цербера из Третьего отделения цесаревич помрачнел лицом.

– Ну? – буркнул он неприязненно. – Что у вас?

Ему было ясно, что у них. Как будто наследнику нельзя и пошалить немного! Опять цербер будет стыдить, угрожать и выкручивать руки. Механизм, а не человек, веселиться совсем не умеет. Еще не стар, а хуже старой перечницы. На-до-ел!!!

К его удивлению, лицо Лопухина было приветливо, и поздоровался он отменно вежливо. Подозревая подвох, наследник ответил невнятным ворчанием.

Дальше случилось совсем удивительное. Повинуясь мановению графской руки, в каюту проник чисто одетый матросик, бережно

несущий серебряный поднос с серебряным ведерком. От запотевшего ведерка, где зябла бутылка «Клико», немедленно повеяло холодом и туманом. Казалось, бутылку вот-вот затрет во льдах, как какое-нибудь несчастное судно.

– Поставь сюда, братец. Спасибо. Ступай.

– Рад стараться, ваше высокоблагородие! – петушиным фальцетом выкрикнул матросик, прежде чем уйти, и заставил-таки цесаревича болезненно сморщиться.

Впрочем, ненадолго. Ледяное шампанское властно притягивало взгляд и, даже не будучи выпитым, бодрило дух. Михаил Константинович предложил гостям присесть на кушетку. А уж когда молчаливо-покорный Карп Карпович выставил фужеры, а граф чисто по-офицерски отбил горлышко бутылки о край стола, цесаревич пришел в восторг. Вот это по-нашему, по-гвардейски! Bravo. А цербер-то ничего, даром что из Третьего...

Шипящее вино ударило в нос и затылок. Минута – и мозг перестал пылать, и заблестели глаза. И жизнь – эта сволочная жизнь, полная условностей, глупых правил, нудных папенькиных нотаций, церберов и соглядатаев, – вновь стала хороша! Начинался новый, чудесный день!

Карпа Карповича, не дерзнувшего пискнуть, но выказывающего неодобрение взглядом, быстренько выставили вон, чтобы не портил настроение. Остались втроем. Лишь Розен сохранял на лице угрюмое выражение.

– Полковник, ты это что? Неприятности, а? Ты это брось. Наплюй на них, так вернее будет. Господа, а не повторить ли нам?

– Как будет угодно вашему императорскому высочеству, – поклонился Лопухин. – Прикажете еще шампанского?

– Брось, граф! Какое я тебе императорское высочество? Для хороших людей я просто Мишель. А ты, значит... как тебя?.. ты – Николас. Идет? Ну вот и чудно, я сразу понял, что ты добрый малый. Мы с тобой сейчас на брудершафт выпьем, только не шампанского. Давай-ка дернем коньячку, тирьям-пам-пам. Согласен?

– Само собой, Мишель! – расцвел Лопухин. – Полковник, вы поддерживаете идею?

Кивнув через силу, Розен понял, что плохо владеет эмоциями. Лопухин не стал пинать его под столом, но мимолетным взглядом дал

понять: ну что же вы? Ведь договорились!

Пришлось вымучить улыбку. Розен был не рад, что дал втянуть себя в эту затею. Ведь стыдно. Ведь срамно. Лопухину что – у него служба такая и глаза особой конструкции, не выедаемые стыдом. Но неужели цесаревич настолько глуп, что не чувствует, как его заманивают в примитивную ловушку?

И Розен понял: не чувствует. Есть люди, которым прямо-таки противопоказано пить. Которые не умеют пить, никогда не научатся пить и все равно пьют напропалую. Это уж у них от природы. В трезвом уме Михаил Константинович был человеком средних способностей – ум у него имелся, пусть и невеликий, тот ум, что называется рассудком. Беда в том, что вот уже много лет мало кому удавалось застать цесаревича в трезвом виде, а в пьяном он всегда был вроде умалишенного...

– Насчет коньяку я сейчас распоряжусь, – привстал Лопухин.

– Брось, Николас! – махнул рукой цесаревич. – У меня, знаешь ли, этих коньяков... У меня коллекция. Видал? Три сундука, тирьям-пам-пам. Коньяки и бренди со всего света, какие только душа пожелает. Даже южноафриканских два. «Звезда Трансвааля» и «Ауграбис». Хочешь?

– Какие разговоры, Мишель!

– О, это по-нашему! Ты, граф, букой на меня не смотри, как давеча, ты проще будь. Я простых люблю. И буду любить, а меня за то народ полюбит, так ведь? Я зна-аю! Тебя, полковник, тоже касается. Ну, с чего начнем? С «Ауграбиса»? Вот дьявол, что за название такое? Кого ограбис? Зачем ограбис? На сколько ограбис? – И цесаревич захохотал.

– Ауграбис – это водопад на реке Оранжевой, – скованно произнес Розен. – Превосходит высотой водопад Виктория.

– Все знает! – восхитился цесаревич. – В Генштабе они такие! Спроси что угодно, ну хоть как называется самая высокая вершина в Гималаях – ответят ведь!

– О высочайших гималайских пиках точных сведений не имеется, – еще суше отозвался Розен. – Геодезическая съемка данного района еще далеко не завершена. Вдобавок ее ведут англичане и, разумеется, секретят все данные.

– Сволочи! – осудил цесаревич. – Не люблю англичан. Вот немцы еще туда-сюда, тирьям-пам-пам. Да. О чем, бишь?.. Николас, где коньяк?

– Сей момент, Мишель.

Покопавшись в одном гигантском сундуке, Лопухин перешел ко второму. Раскопки имели успех: на свет явилась «Звезда Трансвааля». Поскольку цесаревич не имел понятия, где находятся коньячные бокалы, а дворецкого решили не звать, Лопухин ничтоже сумняшеся разлил янтарную жидкость по фужерам. Быть проще? Пожалуйста! Сколько угодно.

Чокнувшись, выпили залпом. По лицу Розена прошла судорога. Михаил Константинович перекорежился и вмиг стал похож на несчастного забулдыгу, коему шутки ради поднесли уксусу вместо казенной водки.

– Нет, – сказал он, сделав судорожное движение кадыком, и с величайшим трудом овладел собой. – Это мы пить не станем. Пусть буры да англичашки этим пойлом зулусов травят.

Бутылка полетела в иллюминатор. Лопухин уже копался в сундуке, выбирая новую...

И дело наладилось. Спустя полчаса, когда понадобилась следующая бутылка, цесаревич уже не вполне твердо владел речью, Розен расстегнул мундир, Лопухин закурил папиросу, не спросив разрешения, а перечень дежурных тем для разговора был исчерпан, откуда-то вылетело само собою:

– А не сообразить ли нам банчок, господа?

Розен, и тот проявил энтузиазм, пусть вялый. Зато цесаревич горячо поддержал идею. Только пусть будет короткая игра на удачу и без записи. Разумеется, на наличные. В макао? Годится, тирьям-пам-пам. А почему? Как-как? Всего-то по полусотенной? Граф, здесь не приют для неимущих. Что за скопидомство, Николас! Ставка пять сотен, идет?

Лопухин кивнул, и Розен принудил себя сделать то же самое.

Вызвали Карпа Карповича и погнали его за колодами. Дворецкий метнул было на графа укоризненный взгляд, но свой протест выразил лишь тем, что принес карты не слишком скоро. За это время собутыльники успели налить и выпить по новой.

– Ну-с, держись, Мишель! – весело проговорил Лопухин, с треском распечатывая две колоды и ловко смешивая их. – Не пожалей потом. Не боишься, что раздену?

Цесаревич только выпучил глаза и захохотал в ответ.

«Дурак, – с холодной ненавистью подумал Розен. – Тебя ведь предупреждают всерьез, как можно не понять? Этот тип хочет, чтобы все выглядело честно. Гм... Надо будет последить за его руками...»

Напрасно: пальцы графа, хоть и двигались проворно, не показали ни одного из известных Розену финтов, служащих шулерам для отвлечения внимания. Карты не могли быть краплеными. К тому же Лопухин, по очереди выступая в роли банкмета, проиграл четыре раза подряд. На своей сдаче! В четвертый раз он выплатил цесаревичу утроенную ставку за девятку без прикупа, а Розену – удвоенную, после чего, извинившись, ненадолго удалился к себе и вернулся с весьма оттопыренными и упругими от ассигнаций карманами.

– Продолжим!

– Вот за это люблю! – крикнул цесаревич. – Это по-нашему. А говорил, будто играешь без азарта. Врун ты, Николас, тирьям-пам-пам. Я зна-а-аю! – Он погрозил пальцем и икнул. – И все равно я тебя люблю, шельмеца. Чья очередь банкировать?

– Твоя, Мишель. А ну-ка, сдай мне девятку...

– Чего захотел, тирьям-пам-пам! Вот тебе карта. А ну-ка покажи! Не желаешь? Ха-ха. То-то, что нет у тебя ни девятки, ни восьмерки. Не фартит тебе, Николас...

Лопухин перевернул карту, продемонстрировав девятку трэф. Розен перевернул карту, показав девятку бубен. Какая бы карта ни имелась на руках у цесаревича, она явно не была девяткой, поскольку он насупился и выплатил партнерам по тройной ставке каждому.

– Продолжим?

Через полчаса Лопухин выиграл двадцать семь тысяч, Розен остался при своих, а Михаил Константинович, выпив еще коньяку, предложил удвоить ставку.

– Этак ты вконец проиграешься, Мишель, – увещающе заметил Лопухин, небрежно тасуя двойную колоду. – Сам видишь, сегодня фортуна на моей стороне. Не прекратить ли?

– Это ты мне? Продолжим!

На следующем круге бумажник наследника полегчал еще на восемь тысяч. Михаил Константинович ругался по-немецки, по-французски и по-русски.

– Вот видишь, Мишель, – сказал Лопухин. – Я же говорил. Все равно хочешь отыграться? Давай, но только не в макао, не в штосс и не в фараон. Тут нужно счастье, а оно тебе нынче изменило. Давай сыграем в такую игру, где играть надо. Нет, не в вист, это для меня сейчас чересчур сложно... М-м... Не угодно ли в гамбургский похен?

– Во что-о?

– В гамбургский похен. Чертовски азартная игра.

На испитом лице Михаила Константиновича мелькнул проблеск интереса.

– Играл я когда-то в похен, тирьям-пам-пам... Но гамбургский??

– А я, господа, ни в какой не умею, – развел руками Розен.

– А мы разок-другой сыграем в открытую, и вы сразу научитесь. Не тушуйтесь, полковник, новичкам везет. А тебе, Мишель, скажу: гамбургский похен отличается от просто похена тем, что в нем можно повышать ставки с каждым раундом и нет обязательного раскрытия карт. При пасе всех, кроме одного, его карты не проверяются. Если остались двое, любой из них может вскрыть карты партнера, положив в банк не меньше последней его ставки. Увлекательнейшая игра, доложу я вам! – Граф вновь закурил папиросу и, выпустив дым, откинулся на стуле. – Несколько времени назад лучшие европейские игроки в похен собрались в Гамбурге, чтобы выявить абсолютного чемпиона. Они сняли кабачок и не выходили из него трое суток. Чтобы добавить интереса, игроки приняли новые правила. Каждый из них начал игру с определенной, строго оговоренной суммой, не то двести, не то триста тысяч марок. Один победил, остальные ушли с пустыми карманами. Так и родилось понятие «гамбургский счет». Это значит, что выигрывает не тот, у кого карта лучше, а тот, кто заставит других поверить, что у него она лучше. Это надувательство, возведенное в принцип, но, дьявольски увлекательное! Можно и выиграть, и продуться в прах, а главное, и то и другое с хорошей нервной щекоткой – куда там макао! Не угодно ли попробовать?

– Напугал! – фыркнул цесаревич. – Старшинство карт в твоём гамбургском – как в обычном похене?

– Совершенно так же. Пара, две пары, затем райхе, или ряд, далее тройка, фоль, масть, каре, гросс-райхе, похен. Тридцать три карты, джокер идет за любую. Тут без сюрпризов, Мишель.

– Тогда чего же мы сидим, тирьям-пам-пам? Полковник, налей-ка еще. Сам выбери бутылку. А ты, Мишель, сдавай.

Распечатав свежую колоду, Лопухин быстро выбросил из нее все карты младше семерок и одного джокера. Перемешал.

– В открытую? Извольте. Вот вам по пять карт. Что у тебя, Мишель? Туз пик, король треф, валет треф, десятка треф и валет черв. Значит, пара уже есть. Будем играть. Следите, полковник. При таком раскладе можно снести все, кроме двух валетов, потребовать три карты и надеяться, что выйдет тройка, фоль, а если очень повезет, то каре или даже похен. Пожалуй, так мы и сделаем. Можно, конечно, выбросить червонного валета и ждать взамен даму – выйдет ряд. Вероятность этого, однако, низка. Можно еще выбросить червонного валета и пикового туза, надеясь на масть, хотя вероятность тут еще ниже. Решено, оставляем пару, а эти три – долой. Ну-с, что мы имеем в прикупе? Восьмерка бубен, семерка черв, валет пик. Поздравляю, Мишель, у тебя тройка, для начала неплохо... Теперь вы, полковник. У вас наклеывается ряд: семерка треф, восьмерка пик, девятка пик, десятка бубен, дама черв. Вам нужен валет, и вы не знаете, что три валета у Мишеля на руках... или вам нужен туз, чтобы получился обратный райхе, где туз считается шестеркой... Решено. Выбрасываем даму, прикупаем одну карту... Гм! Семерка пик. У вас всего-навсего пара, причем самая младшая. Тут или пасовать, или блефовать. Теперь я... Тьфу, удавиться можно! Что мне ловить – ряд или масть?.. Да? Мне тоже кажется, что ряд. Выбрасываю восьмерку, прикупаю... что? Так и есть: купил туза вместо десятки. Можно пасовать. Лучшая комбинация – у Мишеля. Мои поздравления! Ну-с, игра вам понятна, полковник?

– Что же тут не понять, – хмуро отозвался Розен. – Если держать морду кирпичом, так можно выиграть и при плохой карте.

– Фи, полковник, что за слова! «Морду», «кирпичом»... Почему бы не сказать деликатнее: «Держать лицо... мнэ-э... терракотой»? Но игру вы поняли. Теперь, господа, сыграем как подобает? Минимальная ставка сто рублей, лимит десять тысяч, согласны?

– Сколько? – переспросил Розен и немедленно получил от Лопухина толчок ногой: сиди, мол, и играй, не ты здесь жертва...

– Десять тысяч. Согласны? Я мечу первый.

Три сотенные бумажки упали на стол. Лопухин ловко раздал карты.

– Играю. – Цесаревич бросил на стол мятую сотню.

– Поддерживаю, – кивнул Розен.

– И я также, – отозвался Лопухин. – Будем прикупать?

– Прикуп – по взаимному согласию? – осведомился Розен.

– Точно так.

– Тогда я согласен.

– А я нет. – И цесаревич выложил пять сотенных купюр.

Розен ответил – и только. Ответил и Лопухин.

– Теперь прикупаем?

– Пожалуй. Тирьям-пам-пам.

Цесаревич сбросил две карты. Розен и Лопухин – по три.

– Отвечаю и поднимаю на пятьсот. – Наследник кинул в банк тысячу.

– Пас. – Розен бросил карты.

– Не нравится мне это, – поморщившись, сказал Лопухин. – Ну хорошо, Мишель, вскрываю. Вот тысяча. Что у тебя? Ого! Три дамы и джокер. Стало быть, каре. Мне с двумя тузами ничего не светит. Банк твой.

Чистый выигрыш цесаревича составил две тысячи четыреста рублей. Наследник престола заметно повеселел.

В следующей партии выиграл Розен, предъявив фоль, и забрал банк в девять тысяч. Затем три раза подряд счастье улыбнулось цесаревичу. Выиграл он, впрочем, немного: Лопухин и Розен быстро пасовали. Потом битый час никому не везло.

– Настоящая игра начнется, когда не одному, а всем игрокам придет хорошая карта, – сказал Лопухин, откупоривая третью бутылку коньяку, на сей раз привычного шустовского. – Вот тогда из кого-то перья полетят...

– Из тебя, Николас, – захохотал цесаревич, в то время как Розен метал карты.

На этой раздаче Лопухину не пришло ничего, зато между полковником и цесаревичем пошла настоящая рубка. В конце концов Розен не выдержал и вскрылся. Против его масти Михаил Константинович смог выставить только фоль – правда, старший, но

все-таки фоль, – и взволнованный Розен обеими руками подгреб к себе целый курган ассигнаций.

– Шестнадцать тысяч, – подсчитал в уме Лопухин. – Поздравляю вас. Ну-с, Мишель, из кого перья летят?

– Играем еще! – закричал наследник.

– Изволь.

В следующей партии граф не только отобрал у полковника две трети его выигрыша, но и, подняв ставку до лимита, заставил цесаревича спасовать. Пока Лопухин сгребал выигрыш, наследник быстро перевернул его карты.

– Э, Мишель, так не по правилам! – запротестовал граф.

– Нет, вы поглядите! – кипятился цесаревич. – Одна пара, да и та младшая! Против моей тузовой тройки! Знал я, Николас, что ты цербер, но не знал, что жулик...

– Блеф допускается правилами игры, – спокойно отвечал граф. – Это гамбургский похен. Тебе сдавать, Мишель.

– Ах, ты так, да? Ну держись!

На сей раз граф ответил и надбавил, даже не взглянув на выпавшие ему карты. Цесаревич поднял ставку до пятисот рублей. Розен бросил в банк сразу две тысячи.

– Ставлю три, – сказал Лопухин. – Надо бы больше, но уж так и быть. Протянем удовольствие.

– Вы не собираетесь посмотреть свои карты? – осведомился у него Розен.

– Зачем? Я чувствую, что карта хорошая. И пока мне этого довольно. Или вы желаете прикупить?

– Пока нет.

– Вот и я тоже. Твой ход, Мишель.

– Ставлю пять.

– Десять, – тихо и серьезно сказал Розен.

Теперь и Лопухин взглянул на свои карты. На одно мгновение Розену показалось, что «цербер» выйдет из игры, однако он справился с собой и почти равнодушно бросил:

– Отвечаю десять.

– Прикупаем?

– Зачем? Еще рано.

– Блефуешь, тирьям-пам-пам, – злорадно засмеялся цесаревич. – Вижу, что блефуешь. Будешь наказан. Отвечаю.

Розен и Лопухин в свой черед отсчитали по десять тысяч и бросили в банк. Шелестящая груда ассигнаций заняла весь центр стола.

– Будем прикупать?

– Уже? Ну что ж, пожалуй...

Розен молча кивнул.

К общему удивлению, он не прикупил ни одной карты. Лопухин – одну. Цесаревич – тоже одну.

– Чье слово, господа?

– Мое, – отозвался цесаревич. – Ставлю двадцать.

– Нельзя, Мишель, – осадил Лопухин. – Лимит всего десять.

– Правда? Ну, пусть будет десять, тирьям-пам-пам. Валяй, полковник.

Розен долго думал. Потом со вздохом бросил карты.

– Пас.

– Отвечаю десять, – фальшиво бодрым голосом произнес Лопухин.

– Думаешь, я тебя вскрывать буду? Ха-ха! Вот тебе еще десять, тирьям-пам-пам!

– Отвечаю.

Груда ассигнаций угрожающе расплзлась. В банке находилось уже более девяноста тысяч.

– Не проиграй секретные суммы, Николас! – захохотал цесаревич. – Блефуешь ведь. Я тебя насквозь вижу. Отвечаю десять.

– И еще десять.

– Стой, тирьям-пам-пам! Давай на запись?

– Мы договорились играть на наличные, Мишель. Если пасуешь, так и скажи.

– Не дожدهшься. Где мои резервные?

Бросив карты на стол рубашкой вверх, наследник заметался по каюте. Из недр саквояжа, из карманов сюртука, из ящиков бюро было извлечено около тысячи рублей золотом и ассигнациями, пять тысяч марок и несколько кредитных билетов лондонского банка.

– Достаточно?

Лопухин быстро пересчитал, прикинул в уме курс и покачал головой:

– Здесь чуть больше пяти тысяч рублей. Половины не хватает.

– Карп! Ка-а-арп! Сом Налимыч!

Явился дворецкий – скорбный, как на похоронах.

– Карп, сознавайся, ты мои деньги припрятывал?

Поклонившись, дворецкий ответил отрицательно. Помилуй Бог! От кого бы он стал их припрятывать?

– От меня! – в бешенстве закричал цесаревич. – Нет? Не врешь? Тогда тащи шкатулку. Где шкатулка?

У дворецкого подкосились ноги.

– Хоть убейте, ваше императорское высочество... не дам! Костями лягу. Убивайте, воля ваша...

– Что в шкатулке? – деловито осведомился Лопухин.

– Орден Андрея Первозванного! – позабыв приличие, возопил дворецкий. – И другие подарки для японского царя... Не дам, ваше императорское высочество! Хоть режьте.

– В самом деле, Мишель, нехорошо... – улыбнулся Лопухин и вдруг подмигнул. – Но ты ведь это не всерьез? Я сам любил когда-то такие шутки.

– Изыди вон! – заорал цесаревич на дворецкого. Тот удалялся спиной вперед так медленно и так явно выказывал молчаливое осуждение, что рука наследника зашарила по столу в поисках предмета, который можно было бы запустить в укоризненную рожу Леща Воблыча. – Итак?

– Или ставь десять тысяч, или бросай карты, Мишель, – ласково проговорил Лопухин.

– Не дожدهшься! – Цесаревич сорвал с пальца перстень с брильянтом. – Вот! Пятнадцать тысяч, копейка в копейку! Плюс деньги. Всего, значит, две ставки.

– Вскрываешься?

– Еще чего! Просто отвечаю.

– Тогда и я отвечу. – Элегантным жестом граф бросил на стол нераспечатанную пачку сотенных.

Цесаревич засмеялся. Правда, смех у него получился чуть-чуть лающим.

– Видал, полковник? Он точно на секретные суммы играет. Ну, теперь держись, статский советник. Вскрываю. У меня каре из восьмерок. А у тебя?

Ничего не ответив, Лопухин медленно выложил карты по одной: короля бубен, короля треф, короля пик. Помедлил и выложил семерку пик. Еще помедлил – и предъявил джокера.

– Мое каре старше, Мишель. Сожалею. А у вас что было, полковник?

– Масть. Бубны. Мог выйти гросс-райхе, но я не рискнул. Теперь вижу, что правильно сделал. Бубновый-то король был у вас.

Ничего больше не говоря, Лопухин снял со стола коньяк и фужеры, взял скатерть за углы и поднял увесистый денежный куль. На цесаревича было жалко смотреть.

– Но... – начал он.

– Желаете продолжить игру, ваше императорское высочество? – очень холодно осведомился граф.

– Что? А, да, конечно! Желая.

– Но у вас ведь, кажется, больше нет денег? Я не ошибся?

– Сыграем в долг.

Лопухин покачал головой. Розен отвернулся. Наследник, казалось, сейчас расплачется, как дитя.

– Я приказываю вам играть! – выпалил наконец он.

– Да? – Граф иронически поднял бровь. И цесаревич, поняв всю беспочвенность своих претензий, мигом сменил тон.

– Это нечестно, – забормотал он умоляюще. – Вы должны дать мне отыгаться... Это подло, наконец! У меня же ничего, совсем ничего не осталось... Я же не знал, что так будет! Я нищ, но я отдам... Долг чести... Я же наследник, наконец! Господа, вы должны мне верить!..

– Я полагаю, вам не стоило садиться играть, ваше императорское высочество. Честь имею! – И Лопухин, четко повернувшись на каблуках, вышел, унося денежный мешок.

Вслед ему смотрел старый дворецкий Карп Карпович. Смотрел так, как смотрел бы на врага рода человеческого.

– Ловко сделано, – оценил Розен уже наверху. – Против вас играть не садись – догола разденете. Я за вашими руками следил очень внимательно. Неужели простое везение?

– Везение простым не бывает, – назидательно заметил Лопухин. – Играть надо уметь. Вас я не раздел, чтобы вы свой револьвер не продали. Вам со мной еще стреляться. А наследник просто не умеет владеть своим лицом. Играть против него в гамбургский похен – все равно что ребенка грабить. Как-то даже неловко... А знаете что? Так и быть, со временем я, пожалуй, найду способ вернуть ему проигрыш.

– Во Владивостоке? – спросил догадливый Розен.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой «Победослав» и «Чухонец» меняют курс, что не идет им на пользу, а полковник Розен вынужден держаться в тени

В Копенгагене простояли двое суток.

Грузились углем и провизией. Уголь оказался дрянным, и капитан Пыхачев приказал принять его на борт лишь в количестве десяти тонн. Портовые власти сокрушенно разводили руками: угольный голод. Ходили слухи, будто весь уголь высшего качества перекупили англичане, собирающиеся в скором времени начать большие морские маневры. Ждали угольщика из Швеции, но никто точно не знал, когда он придет.

Цесаревич на берег не сходил и не появлялся ни на верхней палубе, ни в кают-компани – сидел у себя в каюте, пил и предавался унынию. Заход в Данию считался неофициальным, и датская королевская фамилия не сочла себя обязанной пригласить Михаила Константиновича ни официально, ни неофициально. Надо думать, во избежание срама.

Вообще, приход «Победослава» и «Чухонца» сенсации не вызвал. Лишь несколько то ли зевак, то ли шпионов почем зря торчали на пропахшем селедками пирсе, глаза на русский флаг. Копенгаген жил своей жизнью, уютной и монотонной, вовсе не желая менять ее ровное течение ради двух зашедших в гавань кораблей дружественной державы. Видали, мол.

Зато на борту «Победослава» наследника посетил граф Воронцов, русский посол в Копенгагене, имевший непосредственно перед этим краткую беседу с графом Лопухиным. Результатом визита стало то, что цесаревич, получив вежливый отказ в денежной ссуде, налег на свою коллекцию коньяков, буянил, грозился со временем перевешать всех жандармов заодно с дипломатами, бегал по корабельному коридору на четвереньках и злобно лаял, после чего отключился и проспал до самого отплытия.

Кутить ему было не на что. Безобразить в городе на дармовщинку – мол, папА оплатит – не решался даже он. Еще до запоя цесаревич приставал к мичману Корниловичу, просил денег. Запуганный Лопухиным мичман ответил вежливым, но решительным отказом. Что еще оставалось делать Михаилу Константиновичу? Только пить в одиночестве, не сходя на берег, и лаять.

Команда ходила в город.

Попал в увольнение и Нил. Прямым направив стопы к барину на корвет, он сделал чрезвычайно благоприятный для команды «Чухонца» доклад и был награжден десятью рублями.

– Премного благодарен, барин.

Что делать с такой гигантской суммой, Нил не знал. Так и гулял по Копенгагену, держась за карман, а воротясь на канонерку, спрятал завернутые в тряпицу ассигнации на самом дне рундучка.

Совесть была чиста – получил деньги и никого не подвел.

Ворчал Еропка. Вот уже пятые сутки он следил за боцманом Зоричем, угощал его ликером, заводил с ним разные разговоры и мог доложить барину лишь одно: Зорич – образцовый служака. Строг, но справедлив. Матросы боятся его, но и уважают. Нет, он ни в коем случае не англичанский агент, с чего вы это взяли, барин?..

И слуга ворчал, получив категорическое приказание: следить и дальше, глаз с боцмана не спускать!

Какие слова по адресу барина говорил Еропка про себя, осталось неизвестным. Зато повышенное внимание слуги «цербера» к боцману не осталось незамеченным и послужило поводом для пересудов.

За час до выхода в море на пирс стремительно вкатила посольская карета, влекомая четверкой взмыленных лошадей. Из нее выскочил Воронцов и прямо-таки взлетел вверх по трапу.

– Получено официальное уведомление, – скороговоркой сообщил он Пыхачеву, отдуваясь и глотая воздух. – Начиная с двадцать второго мая англичане закрывают Канал сроком на десять дней ввиду начинающихся маневров британского флота...

– Какой канал? – не сразу понял каперанг.

– Английский! Ла-Манш.

Доброе лицо каперанга медленно побагровело.

– Это нарушение всех международных норм! – возопил он, потрясая кулаками. – Они не имеют права! Что эти просвещенные

мореплаватели себе позволяют?!

Чуточку отдышавшийся Воронцов, сухощавый, безукоризненно одетый, сам очень похожий на англичанина, иронически усмехнулся в тонкие усы:

– Кому вы это говорите! Перед тем как помчаться к вам, я телеграфировал в Петербург о вопиющем нарушении свободы мореплавания и торговли. Ничуть не сомневаюсь, что ноты протеста посыпятся очень скоро. Но мы ведь с вами знаем, чем скорее всего кончится дело, не так ли? Однако советую вам поторопиться, иначе вы рискуете застрять на десять дней где-нибудь в Дюнкерке или Кале.

Честь по чести – предупредил и отбыл.

Каперанг приказал ускорить подготовку к отплытию.

До темноты успели проскочить узости Зунда и легли на курс норд-норд-вест. «Победослав» легко развил десятиузловой ход. В кильватер ему, густо дымя и отчаянно молотя по воде плицами, поспешал «Чухонец».

Ужин в кают-компании корвета проходил в напряженном молчании. Лишь когда был подан десерт, развернулась дискуссия. Первым не выдержал капитан-лейтенант Батеньков.

– Гхм... – глухо начал он, не обращаясь персонально ни к кому. – Все-таки англичане – большие сволочи.

– И наглецы, – поддержал Канчелялов. – Действуют так, как будто они suo jure [в своем праве (лат.). – Прим. авт.]. Больше всего, господа, меня удивляет, как они осмелились закрыть пролив, никого не спросив. Мало им места для маневров в океане? Нужны берега для отработки взаимодействия флота с береговыми батареями – пожалуйста, вот вам Ирландское море. Удобно и малозаметно. Там, кроме англичан, никто и не ходит, если не считать ирландских рыбаков. А тут подумать только – Ла-Манш! – И лейтенант помотал головой, будто стараясь отделаться от бреда. – Торная дорога. Сколько торговых судов проходит Ла-Маншем ежедневно – наверное, несколько сотен?

– Не меньше, – отозвался Тизенгаузен.

– Вот то-то и оно! Ну, положим, на бельгийцев, датчан и разных прочих шведов Альбион может поплевывать свысока, это я понимаю. Даже на нас и на немцев может, хотя, конечно, с их стороны это свинство первостатейное... Впрочем, ничего выходящего из ряда вон я

пока не наблюдаю, от британцев только и жди какой-нибудь гадости! Захватят в море торговое судно и свалят вино на исландских пиратов – они, мол. Сколько было таких случаев! Привыкли! – Разгорячившись, Канчялов механически крошил бисквит на белоснежную скатерть. – Но как же быть с французами, господа? Ведь закрытие пролива касается в первую очередь их! Торговля через Шербур, через Гавр, ввоз колониальных товаров, каботаж, наконец... убытки, наверное, миллионные. Нет, господа, я этого решительно не понимаю! Либо англичане совершенно утратили здравый смысл, которым они так кичатся, либо...

– Либо заранее согласовали свои действия с французским правительством, – подал голос умный мичман Завалишин.

– А ведь правда! – вскинулся Корнилович. – Устраивать маневры в Ла-Манше, да еще с самовольным его закрытием, значит прямо-таки провоцировать войну с Францией. Однако, учитывая вполне добрососедские отношения, существующие ныне между двумя державами по обе стороны пролива...

– Вот то-то и оно, – веско проговорил Враницкий.

Кто-то вздохнул. Кто-то вполголоса выругал французов заодно с англичанами. Не принимавший участия в беседе Лопухин допил ликер и потащил из портсигара папиросу.

– А вы что скажете, граф? – полюбопытствовал Розен.

– Я? Ничего. – Прикурив, Лопухин выпустил клуб дыма, помаhal ладонью перед лицом. – Сегодня шестнадцатое мая, не так ли?

– Совершенно верно.

– Следовательно, у нас в запасе еще пять дней и столько же ночей, не считая остатка сегодняшнего дня. Пусть меня поправят, если я ошибаюсь в расчетах, но, по-моему, пяти суток хватит нам с лихвой, чтобы пройти э-э... около семисот морских миль, отделяющих нас от Ла-Манша, не так ли?

Против ожидания каперанг Пыхачев не поспешил с ответом.

– Надеюсь, – сумрачно проговорил он.

Дальнейший разговор не склеился. Извинившись, граф встал и первым покинул кают-компанию. Но, видно, серьезные мысли засели у него в голове, если учесть, что он не спустился к себе в каюту, а поднялся на верхнюю палубу и, облокотившись на планширь, закурил новую папиросу.

– Позвольте? – спросил, приблизившись, Розен.

– Сделайте одолжение.

Помолчали, любуясь мрачным закатом. Багровый диск окрасил кровью низкие облака и море. Корвет стучал машиной, рассекая волны пролива Каттегат.

– Совсем безотрадная картина, не правда ли? – указал на закат Розен. – Как будто предупреждение: быть беде.

– Вы верите в приметы, полковник? – спросил Лопухин.

– Как вам сказать... В хорошие – нет. А дурные полезны, поскольку заставляют насторожиться.

Граф едва заметно кивнул и не ответил.

– Н-да... – промолвил Розен, не дождавшись иной реакции на свои слова. – Извините, если я назойлив... Вы не пожелали высказаться в кают-компании, так, может, просветите одного меня: в чем заключается интерес французов в данном... мероприятии?

– В закрытии пролива?

– Разумеется.

– Этого я не знаю, – ответил Лопухин. – Признаться, данный вопрос интересует меня в последнюю очередь. Я не дипломат. Уверен, что французская сторона получила полное удовлетворение, но в чем оно заключается – увы... Нет, это не интересно. Мотивы англичан волнуют меня куда серьезнее. Вам не кажется, что главный их мотив плывет сейчас вместе с нами? Мне – кажется.

– Его высочество цесаревич? – понимающе осведомился Розен. – Честное слово, я тоже об этом подумал. Но смысл? За пять суток мы дойдем до Ла-Манша и пройдем его... в том случае, разумеется, если у нас не случится какой-нибудь поломки.

– Держу пари, что она случится, – негромко молвил Лопухин.

– Как вы сказали?.. Гм... Не стану допытываться, откуда у вас такая уверенность. Но даже если и так, то что же? В худшем случае потеряем десять дней на ожидание в любом подходящем порту. Авось заодно и углем пополнимся.

Граф вновь промолчал, на сей раз даже не посмотрев в сторону полковника, и тот недовольно отошел, не докурив сигару. Над морем медленно, почти как в Северной столице, сгущалась ночная мгла. В дощатом загоне на юте густо хрюкнула свинья. Пробежал спешащий куда-то гардемарин. С бака, исконного места отдыха свободных от

вахты матросов, слышались приглушенные голоса и иногда взрывы смеха.

Зря полковник Розен уклонился от пари! Он бы выиграл.

Ничто не предвещало задержки в пути. Машины работали исправно, и, хотя измученные кочегары устали счищать с колосников шлак, остающийся после прогорания дрянного угля, а в котлах не удавалось поднять давление выше ста фунтов на квадратный дюйм, оба судна ходко шли вперед. За двое суток миновали Скагеррак и, повернув на зюйд-зюйд-вест, спустились до пятьдесят четвертой широты.

Погода стояла неустойчивая. То вдруг выглядывало приветливое майское солнце, то на небо набегали растрепанные клочья туч. Временами налетали короткие, но злые шквалики. Барометр падал, предвещая шторм.

Ночью шли при всех огнях – торный морской путь отнюдь не пустовал, и предосторожность была нелишней. Как справедливо сказано в одном французском романе, если бы вода сохраняла следы проходивших по ней судов, то в этом месте должна была бы пролежать глубокая борозда. И верно – днем то и дело на горизонте появлялись то мачты, то дым. В бинокль разглядели грязный английский угольщик, идущий вдали параллельным курсом, и сказали по его адресу несколько нелестных слов.

Навстречу ходко шел четырехмачтовый парусник. Невероятная громада белоснежных парусов над узким темным корпусом производила сильное впечатление. Даже сдержанный Лопухин, поднявшийся на мостик перемолвиться со старшим офицером по пустяковому делу, одобрительно качнул головой.

– Красавец!

– «Диамант», датский табачный клипер, – небрежно бросил Враницкий. – Есть чайные клиперы, есть кофейные, а этот табачный. Возит из Австралии табак. И вот что интересно: табак вроде тот же,

австралийский, и тех же самых сортов, а датские сигары – дрянь. Голландские и то лучше.

– Датчане добавляют в австралийский табак евразийские сорта, только и всего, – со скучающей миной отозвался Лопухин. – Валашские, к примеру, или турецкие. Экономия, расчет на небогатых простаков.

Враницкий кратко и малопочтенно выразился по адресу «экономистов».

Тем временем клипер подошел совсем близко и стал забирать правее, намереваясь разойтись с «Победославом» левым бортом.

– Уважает русский флаг. А ведь это мы как паровое судно должны были ему дорогу уступить, по Морскому уставу-то... Ладно, и мы уважим. Рулевой, один румб вправо. Так держать.

Внезапно датчанин выбросил несколько сигнальных флажков.

– Приветствует, – прочитал Враницкий, – а также интересуется нашим дальнейшим маршрутом. Ну, нахал!..

– Будете отвечать? – спросил Лопухин.

– Еще не хватало! А впрочем... все-таки датчане... Союзники. Так и быть, спрошу, чем вызван их интерес. Сигнальщик!..

Через минуту и на «Победославе» взлетели вверх сигнальные флажки.

В ответ «Диамант» выбросил столь пестрый сигнальный букет, что зарябило в глазах. Враницкий читал в бинокль, шевеля губами. Потом бешено выругался.

– Сигнальщик! Передай «благодарю». Нет, ну каковы сволочи!..

– Датчане? – непонимающе спросил Лопухин.

– Англичане! Начали маневры на три дня раньше объявленного ими же срока! С табачника передали, что «Диамант» был последним судном, которое англичашки соизволили пропустить через Ла-Манш. Что хотят, то и творят!

– Минуточку! А французское правительство?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю. – И Враницкий запустил сложный морской загиб.

Любит ли людей море?

Для материалистов, кое-где еще встречающихся, вопрос лишен смысла. Для них океаны – просто соленая вода, начисто лишенная умения любить или ненавидеть. Но вы скажите это любому моряку и послушайте, что он вам ответит. Слабонервным и дамам лучше заранее заткнуть уши.

Занимая четыре пятых земной поверхности, три земных океана не просто живут своей жизнью. Иногда они забавляются над теми, кто плывет по их поверхности в утлых скорлупках или пытается обжиться в береговой полосе. Морская синь, зелень суши и желтизна солнца; красиво – слов нет. Люди смотрят на океан, чаще всего не задумываясь о том, что океан точно так же, если не пристальнее, всматривается в них. И случается, что ему надоедает спокойное созерцание.

Тогда с моря приходит гигантская волна, смывая рыбацкие деревушки и целые города, налетают свирепые ураганы, выходят на берег столбы смерчей, поднимается ядовитый красный прилив. Можно подумать, что море мстит человеку, но это не так. Океан не зол. Он просто хочет напомнить людям, гораздо более злым и кичливым, чем он, кто на самом деле хозяин этой планеты.

И скиф Анахарсис, панически боявшийся плавать по морю, и грек Пифей, любивший море до того, что заплыл дальше всех, видел белого медведя и едва унес ноги от предков нынешних исландских пиратов, подписались бы под этими словами. Поэтому если вам нужен записной материал – ищите его в Казани, Вологде или Москве, словом, подальше от моря. Не надо только возражать цитатой из речи московского генерал-губернатора, сказанной им на торжествах по поводу открытия нового канала: «Отныне Первопрестольная – порт пяти морей». Отдадим должное фантазии чиновника, писавшего речь, и мудро улыбнемся. Разве грязноватая Москва-река, где количество снующих туда-сюда барж значительно превышает количество вымирающей стерляди и где уже нипочем не поймать осетра, – море?

Не смешите.

Каждый моряк – не вполне христианин в душе, даже если регулярно выстаивает службы, исповедуется, причащается и жертвует копейки Николе-угоднику. Копни поглубже – и на самом дне матросской души непременно обнаружится язычник, верящий в

морского царя, морского черта, морского змея и, разумеется, русалок. И когда приходит беда, матрос не особенно задумывается, перед кем за него должен заступиться Никола-угодник. Главное, чтобы заступился и чтобы заступничество подействовало. Остальное не так уж важно.

Зато в шторм, насланный за конкретные грехи конкретных людей, моряк не верит. Есть вовсе безлюдные места, вечно кипящие штормами. Зло и почти постоянно штормит Бискайский залив – опять же, за какие грехи? Ну, французы, обжившие его берега, положим, лягушек едят, так им и надо, а испанцев за что карать? За то, что столетиями людей на кострах жгли? Так ведь давно перестали!

Да и не испанцы там живут, а баски. Их-то за что? За то, что они выделывают с быками на арене?

Нет, не логично. Выходит, морской царь бесится просто так. Ну почти просто так. Есть места, куда он по одному ему известной причине людей пускать не любит.

Иногда – постоянно. Чаще – в определенное время года.

Немецком море предпочитает штормить с октября по март. Но и в мае оно может разбушеваться не на шутку.

Шторм ревел трое суток, доходя до одиннадцати баллов. Трое суток «Победослав» и «Чухонец» работали машинами, держась против свирепого вест-норд-веста. И каждый моряк понимал: откажи машина – тут тебе и конец. Не опрокинет на волне, так оттащит на ост и разобьет о датские скалы. Матросы валились на койки, не раздеваясь.

«Победослав» встречал форштевнем волну, и бушприт уходил под воду. Бурлящий поток воды прокатывался по баку. Пугающе скрипя, корвет лез на водяную гору, на миг застывал на вершине и рушился в очередную яму. Вверх-вниз, вверх-вниз. Без конца. На батарейной палубе крепили пушки, иначе их подвижные лафеты могли бы соскочить с рельсовых дуг. С левого борта сорвало шлюпку. «Чухонцу» приходилось еще хуже. Но старенькие машины выдержали, и не такими уж бесполезными в шторм оказались неуклюжие гребные колеса. Капитан Басаргин умудрился удержать канонерку в пределах видимости с корвета. И только когда утром четвертого дня сила шторма быстро пошла на убыль, на «Чухонце» выкинули сигнал «нуждаюсь в остановке для починки».

В том же нуждался и «Победослав». Как только ветер стих до свежего, команда приступила к исправлению повреждений.

Таковые имелись даже в кают-компании. Какой-то из множества «девярых валов» тряхнул корвет так, что привинченное к полу пианино вырвало крепления и некоторое время плясало, круша все, с чем приходило в соприкосновение, пока наконец само не развалилось на части. Лейтенант Фаленберг, пытаясь укротить взбесившийся инструмент, получил вывих локтя и вернулся от доктора Аврамова с перебинтованной рукой в гипсовой лонгете. Одного матроса сволокли в лазарет с рассеченным лбом и тяжелым сотрясением мозга.

Синяками, шишками и ссадинами мог, пожалуй, похвастаться каждый второй. Доктор Аврамов извел немало свинцовой примочки и дошел до иступления, разыскивая пропавший неизвестно куда моток липкого пластыря. Главными же пациентами были страдающие морской болезнью мальчишки-гардемарины, морские пехотинцы и пассажиры. Помогла ли кому-нибудь из них специальная микстура – трудно сказать. Достоверно известно, что двое страждущих отказались от нее сразу и наотрез.

Первым был лежавший пластом Еропка, заявивший хозяину, что лучше помрет от болезни, чем от микстуры. Вторым – наследник, предпочитавший всем на свете декоктам хороший коньяк в значительных дозах. И пока первый летал вверх-вниз вместе с койкой, призывая на помощь ангелов и царицу небесную, второй в течение всего шторма планомерно опустошал одну бутылку за другой и выглядел довольно сносно. За отсутствием мундшенка и снулостью слуг наливал себе сам.

Его не вытошнило ни разу, то ли благодаря коньяку, то ли вследствие нескончаемо извергаемых ругательств. В своих напастях цесаревич почему-то винил исключительно японцев.

– Вот макаки желтозадые! Не могли поселиться на материке, как все порядочные люди! Плыви к ним!

Оценить эту мысль, по правде говоря, единственную сколько-нибудь логичную, было некому. Камердинер и дворецкий лишь слабо мычали, готовясь с минуты на минуту отойти в мир иной, офицеры корвета не могли составить компанию по причине занятости и крайней усталости, и даже цербер Лопухин заглянул в каюту цесаревича всего один раз, да и то отказался составить компанию. Оставалось пить в одиночестве и ругать глупых азиатов.

На полковника Розена качка не действовала, лишь багровел его страшный шрам. Полковник почти все время проводил в кают-компании, рассеянно перечитывая Тита Ливия, и даже не выругался за обедом, когда суп из тарелки дерзко выпрыгнул прямо ему на китель. А граф Лопухин на третьи сутки шторма заперся в своей каюте и не покидал ее на протяжении многих часов. Чем там занимался статский советник, никто не мог сказать. Однако постучавшийся в каюту Розен немедленно был впущен внутрь и нашел графа полностью одетым и с лицом хотя и бледным, но не мученическим. Несгораемый шкаф чиновника Третьего отделения стоял явно не на месте – наверное, во время шторма тоже плясал и прыгал по всей каюте. То ли ловить и укрощать его, разрезвившегося железного черта, то ли спастись бегством...

На языке вертелась колкая шутка, но Розен удержался – не мичман какой-нибудь.

– Ну и накурено у вас, – мрачно сказал он, покосившись на полную окурков пепельницу, помахал ладонью перед лицом и сразу перешел к делу. – Я только что от капитана. У нас неприятности.

– Повреждение в корпусе? – обеспокоенно спросил Лопухин.

– Чего нет, того нет, корпус в порядке. Экипаж тоже. На «Чухонце» смыло одного матроса, царствие ему небесное, а у нас без потерь. Но такелаж поврежден, и в машине беспорядок. Уже чинят. В трюмы наплескало воды, сейчас ее откачивают ручными помпами. В целом, пустяки. Погода налаживается. Беда в другом: за минувшие трое суток мы сожгли черт знает сколько угля. Угольные ямы заполнены едва на четверть. Капитан намеревался повернуть на Ставангер или даже воротиться в Копенгаген.

– Разумно. Так в чем же дело?

– В цесаревиче. Явился на мостик в расхристанном виде, раскапризничался там, как балованное дитя, ни о каких задержках и слышать не хочет. А главное, чувствует, что часть офицеров, кто помоложе, его поддерживает. На капитана наорал. «Хочу скорее в Японию», – кричит. Ногами топает. Ни за что ни про что обозвал Пыхачева трусом, перестраховщиком и старой тряпкой. Ну, этого наш каперанг, конечно, не выдержал. Побледнел, кулаки сжал, и скомандовал ложиться на курс двести восемьдесят. Обогнуть Англию нам угля хватит, а потом капитан собирается спуститься на парусах к

Азорам, пополниться углем и поймать пассат. Ничего другого нам, в сущности, не остается. Пойдете к нему протестовать?

Подумав несколько мгновений, Лопухин покачал головой:

– Не пойду. Поздно.

– Смотрите, наследник войдет во вкус. Один раз он капитана подмял, потом и вовсе веревки из него вить будет.

– Не думаю. Но кто конкретно из офицеров поддержал цесаревича?

– Извините, я вам не доносчик, – отрезал Розен. – Захотите, так узнаете без меня, на то вы и служите в Третьем отделении. К тому же никто из офицеров не нарушил дисциплину, не говоря уже о присяге.

Закурив папиросу, Лопухин с полминуты следил за прихотливыми извивами струйки дыма, поднимающегося кверху и растекающегося по потолку каюты. Будучи наслышан о восточных способах самоконтроля при помощи созерцания и в целом одобряя их, он тем не менее скептически относился к традиционным для Востока объектам созерцания. Ну почему обязательно цветущая вишня или собственный пуп? Чем хуже дым папиросы?

– Давайте сделаем так, полковник, – предложил он очень спокойным голосом. – Я не стану кричать, топтать ногами и стучать кулаком по столу, а вы ответите мне на один вопрос: зачем вы сюда пришли?

– Хороший вопрос, – почти не растерявшись, одобрил Розен. – Просто замечательный. Ну, скажем, я считаю, что в служебных вопросах наши интересы совпадают в главном: обеспечить успех экспедиции. Не вижу причины, отчего бы мне не помочь вам, если дело не касается моей чести.

– Вы всегда так: сначала наговорите гадостей, а потом предлагаете помощь?

– Ну что вы, – усмехнулся Розен. – Гораздо чаще я никакой помощи не предлагаю.

– Тогда считайте, что я оценил. – Лопухин глубоко затянулся и раздавил папиросу в пепельнице. – Присаживайтесь, в ногах правды нет... Теперь слушайте. Сведения, которые я вам сейчас сообщу, ни в коем случае не подлежат огласке. Уверен, вы умеете молчать. Имейте в виду: на корвете находятся по меньшей мере два английских агента. Их задача, насколько я могу судить, – пленение цесаревича

исландскими пиратами. Один из агентов известен. Кто он – об этом я пока умолчу. К тому же прямых доказательств его виновности у меня нет никаких. Мне нужен второй. Надеюсь, честь вашего мундира не пострадает от содействия в разоблачении врага внешнего, а не внутреннего?

– Не пострадает. Кстати, кто первый, я уже и сам догадался. Пожалуй, скажу вам, хоть это и против моих правил. Боцман Зорич. Или это второй?

– Почему он?

– Не ожидали? Сказать честно, я не думал на него до сегодняшнего дня, а теперь присмотрелся как следует. Чересчур уж ретив. Пыхачев в разгар скандала его на мостик вызвал: «Ну вот хоть ты скажи его императорскому высочеству: можем мы сейчас без страха идти вокруг Англии, если угля у нас почти нет?» Когда вопрос задан так, ответ и дураку ясен. А наш бравый боцман глядит таким орлом, что только на монетах чеканить, и бодро отвечает: «Так точно, можем! Сворачивать – только время зря терять». Капитан на него рукой махнул – иди, говорит.

– А если и вправду орел?

– Или дурак. Но вряд ли. А если поискать, кому выгодно? Я совершенно уверен, что маневры в Ла-Манше англичане затеяли не просто так, а именно с целью направить нас на север, поближе к Исландии, подальше от торных морских путей. Смысл предельно ясен, не так ли? Любой матрос это понимает, а боцман и подавно обязан.

– Резонно.

– Только не говорите мне, что Зорич у вас вне подозрения. Я давно заметил, как ваш слуга за ним ходит.

– Правда? – прищурился Лопухин. – Это хорошо, что вы заметили. Значит, ТОТ, ДРУГОЙ заметил наверняка. Тем лучше... Послушайте, вас не затруднит открыть иллюминатор? Что-то душно. Вот так, хорошо. Благодарю вас. А Зорич... что ж, он по-своему подозрителен. Видите ли, дорогой мой полковник...

– Я вам не дорогой! – рявкнул Розен так, что лицо его побагровело, а рубец, наоборот, побелел.

– Как угодно. Видите ли, недорогой мой полковник, всякий человек по-своему подозрителен. Кроме меня, естественно, но только в моих глазах. С вашей точки зрения, вероятно, подозрителен и я. Не

обижаюсь. Однако это вы пришли ко мне, а не наоборот. Значит, вы хоть в какой-то степени мне доверяете. Рад. Весь вопрос лишь в том, кто и когда может представлять реальную опасность. Боцман Зорич – сейчас? Нет и нет. Уж поверьте.

– Даже несмотря на его провокационное геройство? – тяжело дыша, спросил Розен.

– Помилуйте, чего вы хотели от боцмана? Трусости? Или глубокого стратегического мышления? И то и другое не по его части. Капитан, знаете ли, тоже хорош – нашел третейского судью! – Глаза графа сердито сверкнули.

Спросив взглядом разрешения, Розен достал милую его сердцу «настоящую канберру». Не найдя ножниц, скусил кончик, метко выплюнул его в иллюминатор, поднес к сигаре спичку.

– Вы ведь так же, как и я, не сомневаетесь в том, что нас сознательно направляют вокруг Англии, не так ли? – спросил он, окутавшись дымом.

– Весьма вероятно.

– Как и в том, что к северу от Британских островов нас могут поджидать?

– И это не исключено.

– Так почему же вы не хотите попробовать переубедить Пыхачева? – чуть ли не крикнул Розен.

Лопухин невесело усмехнулся.

– Вы ведь уже пытались это сделать, не так ли? И каков же результат? Извините, мой вопрос чисто риторический. Пыхачев отказался менять свое решение, верно? Сейчас он и не может этого сделать, не потеряв лицо. Приказать ему мы не можем – ни вы, ни я. Вы отвечаете за безопасность цесаревича в случае нападения внешних врагов, я оберегаю его от врагов внутренних, но и только. За маршрут же отвечает только наш каперанг. По всем морским законам капитан на судне – царь и бог. Он вправе приказать матросам выбросить нас за борт, если сочтет, что мы мешаем ему выполнять его функции. И матросы это сделают. Нет уж, вмешиваться в чужие прерогативы – увольте. Я сторонник разделения труда.

– Потопят нас исландцы с вашим разделением, – сумрачно предрек Розен. – Брейд-вымпел уже спущен, чтобы не провоцировать, да только поможет ли сие?

– Не моя забота, – отрезал Лопухин. – У меня другие задачи. Кстати... не желаете ли вы помочь мне в одном деле?

Гримаса была ему ответом.

– Если вы опять насчет картежной игры...

– Нет-нет. Случайно мне стали известны слова, предназначенные английскому агенту на корвете: дестроу экскрикшнс. Довольно нелепо, не правда ли? Если это просто кодовая фраза, то она может означать что угодно. Если же это инструкция, то речь предположительно идет о диверсии. Вкупе с нашим вынужденным изменением курса вырисовывается очень любопытная комбинация, вы не находите? Англичане выталкивают нас на север, где и разделяются с нами руками исландских пиратов. Но как? «Победослав» вовсе не беззащитная скорлупка. Он умеет кусаться. Вот тут-то нашему противнику и нужна диверсия. Какая именно? Что нужно вывести из строя, чтобы сделать нас беззащитными?

– Следите за агентом и узнаете, – пожал плечами Розен.

– Да, если не будет слишком поздно. Кроме того, их двое, а мне до сих пор известен только один.

– Сообщите каперангу, и он с большим удовольствием возьмет негодяя под стражу. Если в наших руках будет один, то...

– То еще совсем не факт, что он назовет второго, – парировал граф. – Кроме того, улики против него весьма косвенные. Нет, полковник, превентивный арест – это на самый крайний случай. Желательно взять негодяя с поличным, а для этого надо знать, что он задумал. Быть может, вы мне подскажете? Свежий взгляд, так сказать. Какие такие экскрикшнс, которые можно дестроу?.. Вот список. Места себе не нахожу, все думаю, что я мог упустить. Голову сломал. Ну какие могут быть выделения у парового корвета? Дым? Пар? Зола из топок? Отработанное машинное масло? Грязь с матросских подштанников? Нечистоты из гальюна?

– Ну и задачка. – Розен озадаченно потер свой шрам.

– Возможно, имелись в виду специфически нечеловеческие выделения. Например, для сосны – смола. Хотя, насколько я помню, неметаллические части корвета сработаны в-основном из дуба... кроме мачт, естественно... Нет, не понимаю. Нюхом чую, истина где-то рядом – а не вижу.

Розен похмыкал, изучая список.

– Н-да, представительно... Околоплодные воды и плацента – это хорошо. А ребенок? Что же вы с водой ребенка-то выплеснули? Новорожденный в некотором смысле тоже человеческое выделение.

– Думал уже. По-моему, бесперспективно.

– Тогда... м-м... вот вы написали: кал. На первом месте. Нет-нет, я ничего не хочу сказать... Но вот, например, глисты и их яйца. У некоторых людей они, знаете ли, выделяются.

– Так то у некоторых. Все-таки нетипично.

– Согласен. Погодите-ка, надо подумать... Список ваш впечатляет, не спорю, но, по-моему, вы все же что-то упустили... Э, постойте-ка! У вас есть привычка чистить зубы?

– Милостивый государь!..

– Не спешите обижаться, лучше ответьте: зачем вы их чистите? Чтобы снять зубной налет, не так ли? А откуда он берется? Вот вам еще одно выделение человеческого организма.

И Розен имел удовольствие видеть, как граф Лопухин медленно просиял лицом.

– Полковник, вы гений! – радостно воскликнул он.

– Возражений не имею, – охотно отозвался Розен.

– Вы гений, а я болван! Как же я не сообразил сразу? Стыд и позор!

– Ничего, бывает. Вы говорите о зубном налете?

– О зубах! Налет – тьфу! Вот что я упустил: зубы – тоже выделение человеческого организма. Молочные зубы выпадают у всех людей. Выпадают штатно, как говорят техники. Теперь вы понимаете?

– Не совсем.

– Зубчатый редуктор! – чуть не выкрикнул в воодушевлении Лопухин и тотчас понизил голос. – «Дестроу экскрикшнс» – это разрушить зубы! Точнее – зубья шестерен. Лишить корвет хода в самый ответственный момент! Полковник, оружие при вас?

– Оставил у себя в каюте, – сознался Розен. – Но зачем нам оружие? Если что, так я могу поднять по тревоге своих морских пехотинцев...

Лопухин поморщился.

– Излишне. Чем больше шума, тем меньше толку. Справимся сами. – Распахнул саквояж. – Вот, возьмите. Знакомы с этой системой?

Полковник небрежно повертел в руках небольшой никелированный револьвер, поданный ему Лопухиным. Ловким движением откинул вбок барабан, удовлетворенно хмыкнул.

– Знакомая штучка. Восьмизарядный самовзводящийся «терьер» образца девяносто седьмого года, двадцать пятый калибр по английской системе, кучность боя удовлетворительная, надежность превыше всяких похвал...

– Полно вам, не на экзамене.

– ...зато убойная сила оставляет желать лучшего, – флегматично закончил Розен.

– Не на слонов идем охотиться, – отрезал Лопухин. – До стрельбы дело может и вообще не дойти. Спрячьте пока.

– А вы?

Граф похлопал себя по карману сюртука.

– Один револьвер всегда при мне. Этого достаточно.

Прогулка в машинное отделение, однако, вышла напрасной. Машина стояла и частично была разобрана. Среди механизмов сновали полуголые матросы. Покрикивали унтер-офицеры. За ремонтом наблюдал машинный инженер – лейтенант Канчялов.

– Уйдем, – шепнул Лопухин Розену. – Сейчас не наше время.

«А когда придет наше?» – читалось на обезображенном лице честного полковника.

«Придет, не сомневайтесь», – отвечал взглядом Лопухин.

Спустя сутки ремонт был закончен. Для пробы запустили машину; запыхтел и «Чухонец». Дав машине поработать с час, Пыхачев приказал гасить топки. Поставили кливера, стаксея и контр-бизань. Дул свежий норд-ост, моросило. Заметно накренившись на левый борт, корвет резал бейдевиндом Немецкое море, нацеливаясь в пролив между Шетландскими и Оркнейскими островами.

Свободные от вахты офицеры собрались в кают-компани. Цесаревич Михаил Константинович отсутствовал, о чем вслух никто

не пожалел. Посочувствовали только его камердинеру, ударившемуся во время шторма головой о переборку и по сию пору лежащему пластом. Отсутствовали умаявшийся доктор Аврамов и тяжело страдающий от качки судовой священник отец Варфоломей, зато присутствовали статский советник граф Лопухин и полковник Розен. Кипел пузатый самовар; вестовой Пыхачева разносил в подстаканниках чай с лимоном, и каждый желающий доливал в чай рома по потребности. Потребность имелась у всех.

– Душевно-то как, господа, – с удовольствием откинувшись на спинку стула, молвил Канчелялов. – Сейчас пойду к себе да и сосну часиков семь. Как говорят в народе, заеду к Сопикову и Храповицкому.

Мичманы Завалишин, Корнилович и Тизенгаузен взглянули на него с завистью. Немолодой лейтенант, проплававший с Пыхачевым не один год, вне вахты мог позволить себе поддаться усталости и не скрывать этого. Им же приходилось вести себя молодцами – даже в кают-компаниях блюсти выправку и не клевать носом.

– Да, устали люди, – поддержал тему Фаленберг. – Не завидую я тем, кто сейчас на вахте. Зато поработали на славу.

– Истинная правда, лейтенант, – отозвался Лопухин, хотя его никто не спрашивал. Некоторые посмотрели на него с неудовольствием, а некоторые и с удивлением: какую такую работу выполнял у себя в каюте этот непонятный и неприятный господин? Но графа это несколько не смутило. – Работа, конечно, не волк, а гораздо хуже – в лес не бежит, зато как набросится, так успевай только отмахиваться. Но дело сделано. Эй, любезный, еще чаю!

Вестовой подал стакан. «Цербер» подул, отхлебнул, сморщился и потянулся к бутылке рома.

В кают-компанию вошел Враницкий, спокойный и мрачный. Непромокаемый плащ старшего офицера блестел от дождя, с башлыка капало. Повесил плащ на вешалку, подсел к столу. Скосил глаз на вестового, и тот мигом кинулся за чаем.

Налил, однако, всего полстакана и сам же долил ромом доверху – знал привычки старшего офицера.

– Как дела, Павел Васильевич? – осведомился Пыхачев.

– Дела, как сажа бела, Леонтий Порфирьевич. На вахте гардемарины. После аврала устали очень. Держатся, но едва-едва. – Враницкий взглянул на карманный хронометр. – Десять тридцать. Еще

полтора часа. Я приказал выдать им по лишней чарке. Сдюжат. Остальные дрыхнут без задних ног. Да, вот еще что... та свинья, ну пегая, что сомлела в шторм и на боку валялась, сломала, оказывается, ногу. Я приказал забрать ее на камбуз.

Враницкий отхлебнул разом треть стакана и немножко просветлел лицом.

– А барометр-то понемногу поднимается, господа. Могу поспорить на хороший табак: к концу этой вахты увидим солнце. Но похолодало. Люди работают в бушлатах, а марсовые и в бушлатах мерзнут.

– Скверные широты, Павел Васильевич, – пожаловался Канчялов. – Жду не дожусь, когда спустимся на зюйд. Я ведь, господа, родом из Тифлисской губернии, так что отроду теплолюбив и жароустойчив. Предпочитаю, знаете ли, теплые моря. Оттого я и машинный инженер, что близ котлов всегда жарко. Никогда не понимал наших поморов. Ну что это за моря: десять месяцев в году холода, туманы, штормит то и дело...

– Зубы стучат, – вставил Лопухин с непонятым значением.

Розен, молча пьющий чай, бросил на него быстрый, не лишенный удивления взгляд. Корнилович чуть заметно поморщился. Тизенгаузен саркастически скривил тоненький остзейский ус.

– Стучат – не то слово, – без энтузиазма отозвался Канчялов. – Лезгинку пляшут. Ну-с, кто как хочет, господа, а я с разрешения командира отправляюсь на боковую. И вам того же желаю. Спокойной ночи!

– Пойду и я, пожалуй, – зевнул Лопухин и в самом деле вышел. Поежился. Моросить перестало, а ветер, кажется, стихал понемногу и уже не так яростно трепал снасти, но был он студен, как с ледника.

На шканцах графа догнал Розен.

– Я вас не понимаю...

И осекся, встретив насмешливую улыбку.

– А что тут понимать? Все проще простого. Операция входит в решающую фазу. Имя английского агента я назову вам уже сейчас. Иванов, вестовой нашего каперанга. Иванов Петр Фомич, матрос первой статьи, по пашпорту русский, двадцати пяти лет, росту среднего, светловолос, лицом чист, особых примет не имеет, происхождением из мещан города Моршанска, по суду непорочен, в

штрафных не состоял, добронравен, поведения примерного, имеет медаль «За усердную службу», полгода назад переведен на Балтику из Каспийской флотилии по личному прошению. Полагаю, вам понятно, что кости настоящего Петра Иванова гниют сейчас в какой-нибудь яме посреди России или покоятся на дне неизвестного водоема. Вполне обычная легенда внедрения для агента-нелегала. К сожалению, мы еще не имеем технической возможности снабжать пашпорта дагерротипными портретами их владельцев, но если бы даже и имели, то портрет будет нетрудно подменить. Приметы же вещь ненадежная.

– Да, но почему он попал именно на «Победослав»?..

– А как вы думаете, полковник, куда имеет все шансы попасть опытный матрос, который лицом чист, физических недостатков не имеет, добронравен и поведения примерного? Вдобавок, грамотный – я забыл упомянуть эту деталь, – но не чересчур образованный? Уверяю вас, он мигом окажется в списке кандидатов на зачисление в команду одной из императорских яхт или такого судна, как «Победослав». Поначалу его, конечно, помаринуют во флотском экипаже, присмотрятся – не пьяница ли? не увлекается ли политикой? – и если ответ удовлетворительный, а вакансия имеется, то и дадут «добро». В любом случае, куда бы агент ни внедрился, он будет ждать, как тигр в засаде, и когда-нибудь принесет немалую пользу своим хозяевам.

Розен только выругался сквозь зубы. Лопухин улыбался.

– А у меня к вам просьба, полковник. Обещаете исполнить?

– Смотря какая просьба.

– Ничего особенного. Сейчас я вернусь к себе в каюту и вздремну часок-другой. Вы же, человек железный, покурите это время... ну, скажем, вот здесь. Отсюда вам будет прекрасно видно. Если вестовой проявит желание срочно навестить кубрик – а я уверен, что такое желание у него возникнет, – не сочтите за труд немедленно известить меня. Мой слуга, увы, для этого не годится, а больше мне рассчитывать не на кого. Сделаете?

– Черт с вами, побуду в роли филера. – Розен фыркнул. – При двух условиях. Первое: вы никому об этом не расскажете. Обещаете?

– Да.

– И второе: я, как тот суворовский солдат, должен знать свой маневр. Выкладываете.

– Извольте. В самом начале похода я как бы невзначай проверил лже-Иванова на знание английского языка. Он и ухом не повел. – Лопухин поморщился. – Признаюсь вам, этот грубый эксперимент был довольно-таки безответственным с моей стороны. Впрочем, нет худа без добра. Агент насторожился, что в определенных обстоятельствах тоже неплохо. Только что я подкинул ему еще порцию пищи для ума: подчеркнул, что мое дело сделано, и намекнул насчет зубов. Вы поняли, что я имел в виду, и он понял. Я наблюдал за ним, и он себя выдал. Совсем чуть-чуть, но мне хватило. Теперь я точно знаю, что догадка о зубчатом редукторе верна, а вестовой знает, что находится под угрозой разоблачения. Кроме того, он совершенно справедливо предполагает, что мне неизвестен его сообщник. О дальнейшем вы, я уверен, догадаетесь сами. Ну-с, желаю вам не скучать. – И граф, слегка поклонившись, застучал каблуками вниз по трапу.

Прошел он, однако, не к себе, а в каюту слуги. Убедился, что никто этого не видел, и осторожно притворил за собой дверь.

Еропка, лодырь неисправимый, сладко дрых на койке, натянув одеяло до самой макушки. Наверняка уже оклемался после шторма, но длил удовольствие. Ладно, пусть дрыхнет. Лопухин сел на рундучок, проверил, удобно ли будет в таком положении стрелять прямо из кармана, и стал ждать. Нет, господин Иванов, или как вас там, если вы, что маловероятно, но возможно, задумали убрать некоего статского советника своими руками и прямо сейчас, то имейте в виду: упомянутый статский советник имеет иные планы на будущее, а вот вас ожидает неприятный сюрприз...

Уже через полчаса в соседнюю дверь постучали. Послышалось приглушенное: «Лопухин, да откройте же! Вы там что, в самом деле спите?»

Розен.

Держа руку в кармане, граф осторожно выглянул в коридор.

– Ну?

– А, вот вы где! – азартно зашептал Розен. – Докладываю: сбылось по-вашему. Семь минут назад капитанский вестовой пробежал бегом в направлении полубака и скрылся в люке. Изображал посланного с поручением. Две минуты назад он вернулся обратно. Быстрым шагом.

– Благодарю.

Неожиданно для графа изуродованное лицо Розена выразило досаду; глаза же светились незнакомым блеском.

– «Благодарю» – и только?!

– Чего же вы еще желаете?

– Продолжения, конечно! Удивляюсь вам, право слово...

Пусто было в кочегарке, пусто и в машинном отделении. Бездействовал машинный телеграф, и никто не дежурил у переговорных труб, дожидаясь грозного рыка из ходовой рубки. Остывали котлы. Трюмная команда наслаждалась заслуженным после общего аврала.

Неярко светились слабенькие электрические фонари. Работало только дежурное освещение.

Осторожные шаги. Забранная железной сеткой тусклая лампа отбросила на переборку две крадущиеся тени. Одна из них негромко произнесла голосом Лопухина:

– На сей раз зря вы со мной увязались. Я добра вам желаю. Последний раз предлагаю: не угодно ли подождать меня в вашей каюте или кают-компании?

Вторая тень отрицательно мотнула головой – Розену было не угодно.

– Ладно, вы сами выбрали. Только потом уж не жалуйтесь. Я предупредил, я умываю руки. Признаюсь, отчасти даже рад. Поможете. Съемная крышка редуктора, надо полагать, тяжелая, литой чугуна.

– А о гаечных ключах вы позаботились?

– Тише. Идите прямо. Инструмент в ящике справа по курсу.

– Темно, черт, как у эфиопа в заднице.

– А сейчас будет еще темнее. – Просунув пальцы через сетку, Лопухин вывернул лампочку. – Ввязались в сыщицкое дело, так и ведите себя как сыщик. Кошачья бесшумная походка, кошачье зрение...

– Да подите вы с вашими издевками...

– Это ничего, глаза сейчас привыкнут. Держите ключ. Попробуйте – подходит? Да не там! Это не редуктор, это гидравлический механизм переключения передач. Редуктор левее. Подходит ключ?

Железный лязг.

– Да тише вы!..

– Извините. Подходит.

– Тогда начали. Придерживайте головку болта, я буду отвинчивать гайку. Готовы?

Скрип. Шорох. Осторожная возня.

– Есть. Давайте следующую. Как ваши глаза – привыкают?

– Уже многое вижу.

– Тогда я выверну еще одну лампочку. Слишком много света...

Вот так будет лучше. Продолжим?

– Вы мне пальцы прищемили.

– Извините.

– Издержки рвения?

– Я просил вас не шуметь. Потом будете язвить сколько угодно.

Прошло не так уж много времени, прежде чем были откручены все шесть гаек. Но Розену показалось, что минула вечность.

Крышка и вправду оказалась тяжелой. Поднять ее и отставить в сторону было мало – надо было еще и не шуметь при этом.

Кое-как справились. Во вскрытом чреве механизма, масляно блестя, обнажились огромные черные шестерни, важные и неподвижные. Зато, когда, сопя, отставляли в сторону крышку, что-то внятно звякнуло.

– Ага!.. Вот оно.

– Что?

– Обыкновенный гаечный ключ на подвесе, – шепнул Лопухин. Взгляните-ка. Полтора дюйма на дюйм с четвертью. Вот куда девался липкий пластырь из лазарета. Так я и думал. Глядите-ка: ключ был подвешен так, чтобы вращающиеся шестерни его не задевали. При переключениях передач – иное дело. Но и в этом случае ключ будет сбит, только лишь если его заденет вон та самая большая шестерня на скользящем валу. При каком единственном условии это может случиться?

Прищурился, Розен водил пальцем над хитрым механизмом – соображал, какие шестерни придут в движение.

– Гм. Я, конечно, не инженер и не техник, но, пожалуй, скажу. Это случится при переключении редуктора на максимальное передаточное число. Иными словами, при команде «самый полный вперед» и, разумеется, полном давлении в котлах, без которого такая команда немислима.

– Именно. Ключ будет сброшен в механизм действием самого механизма. Зубья шестерен и без того работают с очень большой нагрузкой, а при попадании постороннего предмета они наверняка поломаются. Вот вам и «дестроу экскрипшнс». Корвет лишится хода как раз тогда, когда от скорости будет зависеть все. В самом благоприятном для нас случае выйдет из строя одна лишь высшая передача, но ведь тут что в лоб, что по лбу. Встретившись с превосходящим противником, «Победослав» не сможет развить предельную скорость.

– Но сможет драться, – возразил Розен.

– Да, какое-то время сможет. Но в конце концов... Вы ведь военный человек, вам не надо объяснять, что будет «в конце концов»?

– Не надо, – мрачно признал Розен.

– То-то и оно. Негодяй все рассчитал. «Самый полный вперед» может понадобиться нам лишь в бою или, от крайности, при сильнейшем шторме. Заметьте, во время минувшего шторма редуктор из строя не выходил. Следовательно, покушение на диверсию было осуществлено позднее. Ремонт машины оказался для нашего противника как нельзя более кстати. Он стащил у Аврамова пластырь и с его помощью прикрепил гаечный ключ к крышке редуктора с внутренней стороны. Шито-крыто и, главное, безнаказанно. Это вам не песочек в подшипниках. Дальнейшее ясно и ребенку: нас атакуют исландцы, каперанг командует «самый полный вперед» – и готово, извольте принимать неравный бой на дохлом парусном ходу. В храбрости экипажа и ваших морпехов я не сомневаюсь – как, увы, и в исходе боя. С точки зрения нашего противника, не менее существенно и другое обстоятельство: во время боя нам будет не до поиска виновного.

– Он что, самоубийца, этот Иванов? Рассчитывает в безнадежном бою остаться жив?

– Как знать, – уклончиво ответил Лопухин. – Риск велик, конечно. Однако проще простого покинуть корвет, имитировав случайное падение за борт, как только станет чересчур жарко. На его месте я бы так и сделал. А перед этим вывел бы из строя командира, старшего офицера и вахтенного начальника. Для опытного профессионала это не составит большого труда.

По скулам полковника прокатились желваки, кривя страшный шрам.

– Удивительно легко вы об этом говорите. Ну а на вашем месте что бы вы сделали?

– То, что делаю сейчас – сижу, скучаю и жду, когда меня придут убивать. А заодно, кстати, и вас. Вернуться я вам уже не предлагаю – раньше надо было. Подле меня безопаснее. Только уж не мешайтесь!

– Постараюсь. Но я вот о чем думаю: сидим мы с вами в машинном отделении, ловим злодея на наживку, а цесаревич без должной охраны. Случись что – нам этого не простят. А если сейчас пойти и доложить обо всем Пыхачеву? Вестового можно арестовать по подозрению. Далее остается провести следствие, перетряхнуть команду и установить сообщника. Разве невыполнимо?

– А если все-таки не установим? Представьте: лже-Иванов в глухой несознанке, и что нам делать? Прикажете иголки под ногти ему загонять? Сажать под арест всех, кто во время ремонта мог оказаться возле редуктора? Допрашивать по очереди всю команду, начиная с офицеров, обыскивать каюты, шерстить матросские рундучки? Тогда уж придется потрясти и ваших морпехов. Понравится вам это?

– Терпеть не могу риторических вопросов.

– Кроме того, выйти отсюда нам будет не так-то легко, уж поверьте. Тигр в засаде, дичь в ловушке... А теперь давайте помолчим, не то в самом деле станем дичью. И еще: нам надо разделиться. Если хотите еще пожить, сидите неподвижно и не высовывайтесь из тени.

Прошептав эти слова, Лопухин, пригнувшись, скользнул куда-то и вдруг исчез. Розен замер, стараясь уловить дыхание «цербера» или шорох его одежды. Вотще. Задержал дыхание – и услышал лишь глухие толчки собственного сердца, больше ничего.

И потянулась еще одна вечность – вечность ожидания.

Не так-то просто оказалось сидеть неподвижно, не меняя позы. Очень скоро затекли ноги. В Академии Генерального штаба Розена

научили многому, но только не умению превращаться в камень. Пришлось осваивать эту науку на ходу. Понапрягал попеременно мышцы ног – помогло.

На время. Очень скоро зачесалась спина. Потом затылок. Потом щиколотка. Потом засвербело за ухом с такой силой, что из глаз едва не покатались слезы. Левую икру начало подергивать – вот-вот сведет судорогой. И в довершение всего мочевого пузыря заставил вспомнить о гальяуне. Нет, это невыносимо!..

Но Лопухин терпел, прячась где-то в тени механизмов, и Розен, стиснув зубы, тоже решил терпеть до последней возможности. Неужели чиновник из Третьего отделения окажется выносливее его, полковника Генштаба? Не бывать этому!

Злость помогла отмотобилизоваться. Зато Розен потерял контроль над временем. Сколько он сидит неподвижно – час, два?

Неизвестно. И неизвестно, сколько еще придется просидеть.

«Придут убивать» – так, кажется, сказал граф? Ну допустим. Хотя весьма странно. Вон он трап, один из трапов, соединяющих орлопдек с оружейной палубой, вон светлое квадратное пятно люка над ним. Если убийца сунется в люк, он просто слабоумный. Это все равно что кричать: «Вот он я!» – да еще нарисовать на лбу мишень. Чепуха какая-то!

От скуки Розен спел в уме несколько модных романсов. Перечислил все пристани на Волге, Днепре, Западной Двине и Амуре, а также все шлюзы на Темзе. Вспомнил длину и грузоподъемность всех до единого мостов на новостроенной Транссибирской железнодорожной магистрали. Перешел было к перечню и численному составу пехотных полков британской армии, расквартированных в Индии, и тут левую ногу свело наконец всерьез.

Крайне несвоевременно! Чуткое ухо полковника уловило слабый металлический лязг. Пришлось обозвать себя болваном: со стороны кормовых трюмов имелся, оказывается, еще один вход с железной дверью на задрайках. Лопухин, конечно, держал его в уме, а полковник Генштаба не удосужился даже осмотреть как следует место операции! Стыдно.

Донесся еле слышный скрип. Тот, кого дожидался Лопухин, шел очень, очень осторожно. Ни полоски света, ни шороха одежды, ни

звука шагов. И все-таки Розен знал: этот человек уже где-то здесь, явился не со света, а из темноты, и глаза его отлично видят.

Медленно-медленно полковник повернул голову. На лбу выступили капли пота – проклятая нога мучила страшной болью. Розен терпел.

Слабый шорох. Ага, вот он уже где... Значит, прекрасно видит редуктор со снятой крышкой... Что будет делать дальше – стрелять, как только заметит цель? Глупо. На выстрелы сбегутся – и пропал агент ни за понюх табаку. Неужто в самом деле рассчитывает снять двоих без шума и приладить крышку на место? А трупы? Трупы, наверное, закопать в уголь...

Но почему двоих? Одного! Ведь он уверен, что Лопухин в машинном отделении один!

Все стало просто и понятно. Если бы не адова боль в ноге, Розен, наверное, усмехнулся бы, мельком пожалев незадачливого агента. У него нет ни единого шанса. Ну что ж, не станем затягивать ожидание...

Выхватив револьвер, он приподнялся и грянул тем же страшным голосом, каким поднимал морских пехотинцев в атаку на турецкие позиции, лишь смысл команды был прямо противоположным:

– Ни с места!

Успел только заметить стремительно мелькнувшую тень, почувствовал несильный удар в плечо, удивился и не выстрелил, поскольку не видел цели. Совсем рядом звякнуло, упав на металл, что-то небольшое. Сейчас же мелькнула еще одна тень, и голос Лопухина произнес негромко, но внушительно:

– Ни звука! Руки на затылок! Шевельнешься – стреляю.

Тени сошлись вместе. Передняя послушно подняла руки. Тогда Розен с громадным облегчением вытянул ногу и стал яростно массировать сведенные мышцы, ругаясь сквозь зубы и постанывая...

– Что с вами, полковник? – спросил Лопухин.

– Так... ничего.

– А раз ничего, тогда нож подберите.

– Какой нож? – удивился Розен.

– Метательный. Которым господин Иванов вам погон срезал.

Розен схватился за правый погон – тот был на месте. Зато левый свесился на ключицу самым вульгарным образом. Будто после драки.

– Вот черт... Я и не заметил.

– Это он вам в горло целил, – любезно пояснил граф, успевая проворно обыскивать вестового свободной рукой и изымать из его карманов какие-то предметы. – Ого, вот еще ножи. Скажите спасибо, что он вас плохо видел. Ну-с, господин Иванов, или как вас там, побеседуем?

– Не понимаю, ваше высокоблагородие, – чистым и ясным, однако же не лишенным обиды голосом ответил матрос. – За что?

– Ну-ну. Бросьте. Влипли вы крепко. Советую вам не...

Договорить не пришлось. Иванов молниеносно присел, уходя с линии выстрела, и ударил графа по запястью. Глухо стукнул выпавший револьвер. Две тени разделились и заметались в странном дерганом танце. Продолжалось это недолго – секунду, может быть, две.

Одна из теней внезапно метнулась к трапу. Вторая – следом. Розен услышал крик Лопухина: «Не стреляйте!»

Стрелять и впрямь не понадобилось. Как только голова матроса оказалась на уровне люка, коршуном мелькнула третья тень, и хрястнул тяжелый удар. Из головы Иванова веером брызнули какие-то ошметки, ноги подкосились, и мертвое тело загромыхало вниз по трапу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой «Победослав» и «Чухонец» принимают бой

– Черт, черт! – ругался и скрежетал зубами Лопухин, в то время как подоспевшие морские пехотинцы под наблюдением Розена вязали виновного. – Как же я этого не хотел! Иванова надо было брать только живьем!

Ругая несчастливые обстоятельства, граф не забывал ругнуть и себя. Самоуничтожение не помешало ему, однако, внимательнейшим образом осмотреть вытасченный из машинного отделения труп вестового и даже зачем-то посветить фонариком в мертвый оскал. Рундучок покойного был изъят и перенесен в каюту графа для детального осмотра.

Убийцей оказался некто Харитон Забалуев, машинный квартирмейстер. Липкая от крови и мозга кувалда валялась тут же. За притким Забалуевым, в отличие от смиренной кувалды, пришлось побегать – сразу после убийства он задал стрекача, то ли осознав, что разможил голову не тому, кому следовало, то ли потеряв голову вследствие общего потрясения чувств. Пришлось даже выстрелить для острастки.

На выстрел сбежались. Явился Враницкий и официальным тоном потребовал объяснений.

– Конечно, Павел Васильевич. Благоволите собрать офицеров в кают-компанию. Скажем, через четверть часа. Объяснения будут даны. Цесаревич? Его я не стал бы беспокоить...

Через четверть часа в кают-компанию собрались все офицеры, за исключением оставшегося на вахте Батенькова. Присутствовал даже лейтенант Гжатский, обыкновенно предпочитавший проводить свободное время в мастерской. Некоторые офицеры были вытаснены из постелей и глядели хмуро – первые пять минут. Затем невероятные сведения, сообщенные Лопухиным, начали оказывать свое действие: глаза расширились, зевки в ладошку прекратились, сна как не бывало.

– ...Итак, господа, под личиной скромного вестового скрывался опытный британский агент. Злодейский умысел лже-Иванова сводился

к следующему: при помощи тайной диверсии лишить корвет машинного хода, сделав его легкой добычей исландцев. Нет сомнения, что маневры британского флота в Ла-Манше преследовали только одну цель – заставить нас обогнуть Британские острова с севера. И в этом, надо отдать им должное, они преуспели. – Граф иронически поклонился Пыхачеву, отчего тот сразу насупился и заерзал на стуле. – Без сомнения, лже-Иванов в силу своих обязанностей вестового имел мало возможностей лично осуществить диверсию. Мне давно стало ясно, что у него имеется сообщник. Задача состояла в том, чтобы выявить и обезвредить обоих. Для этого мы с полковником Розеном спустились в машинное отделение, предварительно напугав лже-Иванова угрозой разоблачения. У него не осталось иного выхода, кроме как по-тихому убить меня, поскольку он не знал об участии полковника в этом деле, и скрыть труп на несколько часов, по истечении которых находка одного уже не будет иметь никакого значения. Обращаю ваше внимание, господа: у нас в запасе мало времени. Никто не хочет сказать что-либо по этому поводу? – Лопухин обвел взглядом присутствующих, особенно задержавшись на Пыхачеве. Не дождавшись ответа, пожал плечами. – Нет? Ну что ж, я продолжаю. Подстеречь меня было проще всего на трапе, ведущем из машинного отделения на батарейную палубу. Вы знаете, что оба эти помещения то время пустовали. Мне было совершенно ясно, что отсутствовать полчаса или час лже-Иванов не сможет, его просто-напросто хватятся. Следовательно, убийство должен совершить его сообщник. Лже-Иванов отлучился в кубрик, что заняло совсем немного времени, отдал сообщнику соответствующее распоряжение и спокойно вернулся к своим обязанностям. Однако мы с полковником нарочно решили затаиться и выждать. Шло время, вот-вот должна была смениться вахта, когда на батарейной палубе легко мог появиться кто-либо из команды, и лже-Иванов встревожился. Отлучившись еще раз, он уяснил суть проблемы и решил пойти на риск – лично покончить со мною. Для этого он, разумеется, выбрал путь не через батарейную палубу, где был бы сразу обнаружен нами на трапе, и не через кубрик, а через кормовые трюмы. Повторяю: ему не было известно, что нас двое. Не знал он и того, что справиться со мною в рукопашном бою довольно трудно. Дальнейшее вам известно, господа: не преуспев в задуманном, агент кинулся к трапу, где был убит

сообщником, не успевшим сообразить, на чью голову он опускает кувалду. Полагаю, лже-Иванов шел на это сознательно и в некотором роде совершил самоубийство чужими руками. Признаюсь, я недооценил его. Достойный и в определенном смысле заслуживающий уважения противник. Умер, чтобы не поставить свою страну в стыдное положение. Вопросы есть, господа?

Кто-то задвигался, кто-то закричал, кто-то произнес глубокомысленное «н-да..». Членораздельно возразил один Пыхачев:

– Петька Иванов – британский агент? – Глаза каперанга сердито сверкнули. – Унтер-офицер на моем корвете – пособник британского диверсанта? Чушь! Не верю!

– Зачем же верить или не верить, когда можно убедиться? – терпеливо сказал Лопухин. – Не угодно ли? Извольте. Эй, там, арестованного сюда!

Выглянув за дверь кают-компания, Розен кивнул. Тотчас два дюжих морских пехотинца ввели связанного машинного квартирмейстера.

– Господин Забалуев, – сказал Лопухин, глядя в угрюмое лицо арестованного, – я от души советую вам покаяться во всем. И немедленно.

Забалуев молчал.

– Не желаете отвечать? Хорошо-с. Тогда я умою руки. – Иллюстрируя сказанное, Лопухин в самом деле потер ладонь о ладонь. – Мне искренне хотелось вам помочь, но увы. Судя по пломбам на зубах покойного господина Иванова, уж не знаю, как его настоящая фамилия, а также по некоторым другим признакам, на которых я не имею времени останавливаться, вы намеренно лишили жизни британского подданного. А вам, Забалуев, было известно, что он англичанин?.. Нет?.. Впрочем, это не имеет значения. Я мог бы спасти вашу жизнь, передав вас российскому правосудию, и вы отделались бы всего-навсего каторгой, но вы сами не хотите себе помочь. Что ж, как вам будет угодно-с. Мы зайдем в Шотландию и в порту Дернесс передадим вас местным властям. Вам известно, что в Британии делают с убийцами? Их вешают, причем не слишком-то гуманным способом. Я расскажу вам. Правильно вывязанный узел, помещенный за ухом казнимого, при резком рывке обыкновенно ломает позвонки несчастного, избавляя его от излишних страданий. Но

у англичан не принято ни вышибать из-под ног осужденного табурет, ни распахивать под ним люк. Дюжий палач – вы слушаете? – тянет веревку, пропущенную через блок. Именно палач решает, умертвить ли висельника резким рывком или позволить ему поплясать в петле, медленно задыхаясь. Лично вы что предпочитаете?

На лицах офицеров читалось отвращение. Лопухин, казалось, не замечал этого.

– Конечно, судья может шепнуть палачу, чтобы тот проявил милосердие к казнимому, – скучным голосом продолжал он, – но в вашем деле я, признаться, не вижу к тому никаких резонов. Вы ведь даже не англичанин. Вы для британского правосудия скиф из немывтой России, дикарь, убийца самого низшего пошиба. Полчаса на разбор дела, приговор, последняя ночь в камере – и пожалуйста на самое возвышенное место в тюремном дворе, откуда вас всем будет видно. У заключенных так мало развлечений! Вашей пляске в воздухе будут рукоплескать, жаль, вы этого не услышите...

– Меня сейчас стошнит, – тихонько пожаловался Корнилович Тизенгаузену. – Если наш цербер скажет еще хоть слово...

Но тут и Забалуев показал, что тоже не обделен живым воображением.

– Ваше сиятельство! – завопил он, с грохотом рухнув на колени. – Я не хотел! Спасите меня, ваше сиятельство, не выдавайте! Все как есть расскажу, только не погубите! Вот вам истинный крест!..

Перекреститься, однако, ему мешали связанные за спиной руки.

– У лже-Иванова были на корвете другие сообщники? – грозно спросил граф.

– Не могу знать, ваше сиятельство. Кажись нет. Разве из палубных кто али из комендоров? Из трюмных – точно нет. Я бы знал.

– Чем Иванов тебя купил? Деньгами?

– Деньгами, вашескорodie! Сто целковых дал в задаток и еще четыреста обещал. Задаток-то я еще из Кронштадта своей бабе в деревню послал, корову купить...

– Он тебе объяснил, для какой цели ему понадобилось лишиться корвет машинного хода? – Забалуев отчаянно замотал головой. – Неужели нет? А сам-то ты не догадывался, чем для нас обернется поломка редуктора в здешних водах? Тоже нет?

– Догадывался, ваше сиятельство, – с натугой выдавил из себя квартирмейстер и повесил голову.

– Как же ты, холодные твои уши, не взял в расчет, что, атакуй нас пираты, ты был бы либо убит, либо пленен? В шахтах Шпицбергена жизнь не сахар.

– Он обещал, что злодеи пиратские меня не тронут, – тихо произнес Забалуев.

– А на товарищей тебе плевать? Хорош гусь. За пять сотен предать своих – тьфу! Жаден и глуп. Да на кой черт англичанин стал бы о тебе заботиться? Нет человека – нет проблемы. Уразумел?

Забалуев всхлипнул.

– Уведите его, – приказал Лопухин. – Господин старший офицер, прошу вас приискать на корвете хорошо запирающееся помещение для этого... для этой протоплазмы. Пусть посидит под замком до самого Владивостока. Пожалуйста, проследите.

– Сделаем, – козырнул Враницкий. – Со свободными помещениями у нас туго, но для этого найдем. Канатный ящик для него в самый раз будет. – Высунувшись за дверь, он гаркнул: – Эй, боцман!

Забалуева увели.

– Ну и гнида же! – вырвалось у Канчелялова. – Всех бы погубил. А мы с ним еще либеральничаем. Привязать бы ему на шею колосниковую решетку – и за борт!

– Мне кажется, граф, – недоумевающим тоном сказал Пыхачев, – что британские власти ни в каком случае не признали бы в убитом англичанина. Зачем им выдавать себя с головой? На русском корвете один русский проломил голову другому русскому, вот и все. Мы бы даром сделали крюк в эту шотландскую дыру Дернесс...

Один лишь Розен тонко улыбнулся, прикрыв улыбку ладонью.

– Вы совершенно правы, капитан, – ответил Лопухин, – но наш бывший механик этого не знал. Опытный уголовник на его месте только ухмыльнулся бы: «На пушку берешь, начальник?» Но Забалуев не опытный уголовник, а просто заблудившийся человек. Я его напугал, а теперь давайте проявим к нему снисходительность. Лет через десять-пятнадцать он выйдет на поселение и еще поживет, надеюсь, как честный человек.

– Тогда примите мои поздравления, граф, – через силу, но все же с достоинством проговорил Пыхачев.

– Принимаю, но не как признание моих личных заслуг, а как...

Договорить Лопухину не пришлось. В кают-компанию ворвался вахтенный начальник капитан-лейтенант Батеньков, шурша плащом, блестящим от дождевой влаги.

– Дымы на горизонте!

Мелкая, как пыль, морось, оседала на плащах, на фуражках, на стеклах биноклей. Неубедительные обрывки туч выжимали из себя последние остатки влаги. Погода обещала наладиться. Слабеющий ветер уже не промораживал до костей, и морские волны лишились барашков. Временами солнце намекало на то, что оно все-таки существует.

Пуст был океан и прямо по курсу, и справа, и слева. Зато далеко, очень далеко позади прояснившийся горизонт оживили две слабые полоски дыма. Очень зоркий человек смог бы и без бинокля различить рангоут двух... нет, четырех судов.

– Однотипные паровые шлюпы, – определил Враницкий. – Два. С ними парусники – люгер и галеас.

– Исландцы? – спросил Розен.

– Несомненно. Хотя бьюсь об заклад, что уголь у них английский, из Кардиффа, уж очень слабы дымы... Опасаться нам нечего. Это мухи, – он покосился на кормовую восьмидюймовку, – а у нас есть хорошие мухобойки.

– Или разведчики, или загонщики, – сказал Лопухин. – Возможно, нам еще не поздно повернуть на ост.

– Из-за этой мелюзги? – презрительно выпятил губу Враницкий.

– Тем лучше, – спокойно возразил граф. – Повернем, покажем мелюзге ее подлинное место в мироздании и уйдем в любой норвежский порт. Это не будет выглядеть бегством.

Враницкий не ответил, зато Пыхачев сердито засопел.

– А если окажется, что нам подсовывают приманку, а за ней идут более серьезные корабли? – проворчал он. – У меня имеется приказ по возможности избегать боевых столкновений, дабы не подвергать опасности жизнь наследника. Занимайтесь уж лучше своим делом, граф, а мне предоставьте заниматься своим.

– Как вам будет угодно. Не смею мешать.

С этими словами Лопухин оставил мостик. Пыхачев посмотрел ему вслед с некоторой неловкостью. Наверное, следовало бы выразить графу благодарность от лица всей команды за предотвращение диверсии... Ладно, после. Главное, ушел и не станет путаться под ногами со своим вечно особым мнением.

Пыхачев приказал разводиться пары.

Прошел час, затем еще один. Миновав остров Фер-Айл, взяли курс вост. Слабеющий ветер дул теперь бакштаг, позволив поставить прямые паруса. В кильватерной струе послушно, как хорошая собачка, держался «Чухонец». На нем тоже запустили машину, и огромные колеса замолотили плицами по воде, помогая серым от копоти парусам.

Лаг показывал девять с половиной узлов.

Чужаки постепенно нагоняли, причем парусники не отставали от паровых шлюпов. В ответ на недоумение Пыхачева Враницкий, участвовавший в молодости в эскортировании торговых караванов из Архангельска, заметил с оттенком пренебрежения:

– Не берите это в голову, Леонтий Порфирьевич. Отстанут как миленькие. Ветер стихает. Не будь это люгер и галеас, они бы уже отстали. Чепуховые посудины, но быстроходные и чуткие, используют любое дуновение ветра, за то пираты их и любят.

Сблизившись до восьмидесяти кабельтовых, преследователи убавили ход. Зато очень далеко на северо-востоке показались еще три дыма.

– Взгляните-ка, Леонтий Порфирьевич. Поспешают вовсю. Мне кажется, это более серьезный противник.

Отняв от глаз бинокль, Пыхачев ограничился кивком. А Враницкий подумал, что если принять совет Лопухина, то это надо делать немедленно. Да и то – не поздно ли уже?

Разумеется, он ничего не сказал вслух.

Пыхачев распорядился прибавить оборотов.

Паруса вдруг заполоскали. Вновь наполнилось было, поймав случайный шквалик, и обвисли.

– Мы идем со скоростью ветра, – ухмыльнулся Враницкий, – и он продолжает слабеть. Не прикажете ли убрать паруса?

– Прикажу. Действуйте.

Враницкий прокричал в рупор. Засвистали боцманские дудки, матросы полезли на ванты. Кой черт полезли – взлетели. Волнующее зрелище! Для того и учат матросов годами, чтобы сложная работа выполнялась четко, слаженно и красиво. И гордятся командиры выучкой экипажей. Погоня за красотой не прихоть; красота – синоним целесообразности.

В пять минут паруса были убраны. Щелкнув крышкой карманного хронометра, Враницкий промышчал что-то одобрительное.

– Готовьте артиллерию, Павел Васильевич, – приказал Пыхачев. – Боевая тревога.

Лишь изнеженных южан, слабых телом и духом, пугает Север с его льдами, промозглыми ветрами, туманами и свинцовыми волнами, разбивающимися в пену о мрачные скалы. Зимой брызги замерзают на лету, одевая камень в лед, и трепещет все сущее. Из ниоткуда налетают свирепые бури. Океан сходит с ума, кипит, не в силах замерзнуть, и с дикой яростью бросается на берега. Северное лето кажется пародией на сицилийскую зиму. Солнце кружит по небу, почти не заходя за горизонт, и все равно не может как следует прогреть стылую землю. От гнуса, тучами поднимающегося из любого болотца, порой не видно неба. И все же не так плох этот край. Угрюмость скал скрашивает лишайник, разросшийся концентрическими кругами, влажные низины облюбованы ягодниками, там и сям укоренились кусты и даже деревья, долины пригодны для выпаса овец, а студеное море обещает смельчакам неисчислимые стада китов и тюленей, косяки трески и жирной сельди, гигантские стаи морских птиц. Не страшись протянуть к богатству руку – все будет твое.

Двенадцать столетий назад Исландия уже была обитаемой. Два поколения спустя до нее добрались норвежцы, назвали остров Страной Льда и, выгнав ирландских поселенцев, начали учиться жить на новом месте. Способные ученики, цепкое и упорное племя фиордов, плоть от плоти тех, кто всегда преуспевал и в труде, и в торговле, и в набегах, они быстро достигли немалых успехов. Страна огня и льда получила не временных квартирантов – хозяев.

В свое время на остров проникла, не встретив большого сопротивления, вера в Христа, что не мешало всякому крещенному считать себя дальним потомком Фрейра и приносить жертвы Тору. Постепенно утрачивая воинственность, забывая о дальних походах и удачных грабежах, исландцы не утратили здравого смысла: кровопролитнейшие религиозные распри Европы обошли их стороной. Если биться, так уж за что-то вещественное! Прямой, как весло, разум северянина не различал отравленных колючек, спрятанных в логически безупречных, казалось бы, построениях схоластов. Бились за стада, за пастбища, за власть. Убивали из жадности, из мести. Понятия «еретик» не существовало. Альтинг карал не в меру буйных. Все реже выходили в море большие лодки с драконьими головами на высоких носках. Все чаще выходили в море промысловые посудины, лишённые звериного украшения. Китовья кровь лилась гораздо чаще человечесьей.

Прибывали новые переселенцы. Иные оставались, иные плыли дальше на запад, туда, где ярл Эйрик Рыжий открыл новую землю, гораздо более обширную, чем Исландия, но и более суровую и дикую. К западу от нее нашлись еще острова, к югу же – только один остров, зато какой! Винланд, Виноградная Страна, благословенный край! Одно время казалось, что Исландия совершенно обезлюдует – столько людей пожелало переселиться на остров, лежащий на широте Парижа и Вены. Но Исландия не обезлюдела.

Текли столетия. Давно ушли в прошлое звероголовые драккары, а просвещенные европейские нации поделили между собой африканские и азиатские колонии. В Европу хлынул поток колониальных товаров. Ни Исландия, ни Гренландия, ни даже Винланд не могли предложить купцам и сотой доли того, что Европа начала высасывать из колоний. Угроза нищеты? Нет, всего лишь бедности.

Случалось, что за целый год в Исландию заходило всего-навсего три-четыре купеческих судна, а в Гренландию – одно. Не помогал и протекторат Норвегии. Но не вялая торговлишка сулила главную беду.

Худшим врагом оказался холод. С каждым годом лето становилось короче, а зима злее. Внезапно налетающие снежные бураны губили овечьи стада уже в августе. Граница паковых льдов приближалась, пока не уперлась в северный берег Исландии. Время безопасной навигации сократилось до трех месяцев. В самой Норвегии граница земледелия сдвинулась на юг чуть ли не до Осло. Старики вспоминали, что в их время ничего подобного не было, и предрекали скорую гибель.

Трудно было им не верить. Голод стал таким же обычным явлением, как хмурое небо, и, повторяясь год за годом, выкашивал людей. Беснующиеся вулканы равно засыпали пеплом ледники и пастбища. Не помогали ни молитвы, ни колокольный звон. Отчаяние привело к возобновлению человеческих жертвоприношений, но и старые боги не спешили помочь.

Иногда выпадало несколько хороших лет подряд, и казалось, что беда отступила. Рыбаки возвращались с обильным уловом, скот приносил приплод, выживало больше детей... и... еще бы несколько лет, ну хоть год-два!..

Но нет. Кто-то там, наверху, очевидно, решил покарать людей Севера. И напасти обрушивались одна за другой. Можно ли жить, если мир превращается в ледяную пустыню Нифльхейм, о которой говорится в древних сагах? За что Высшие Силы карают людей?

«За то, что позабыли завет предков: если тебе чего-то недостает – иди и возьми это по праву силы», – уверял Хёгни Тордссон по прозвищу Горелая Борода, первый из новых викингов. Взяв с собою восемнадцать человек, поверивших ему, Хёгни отплыл искать удачи на ничтожном суденышке, воротился же на пузатом купеческом трехмачтовике, полном добра. Лишь половина его команды вернулась с ним к берегам Исландии, зато удачливые пираты кутили всю зиму, возбуждая всеобщую зависть. Послушать Хёгни приходили с далеких хуторов. И было, что послушать! Раскрыв рты, слушатели внимали рассказу о том, как ярко пылало подожженное ядрами суденышко и как самому Хёгни огонь начисто слизнул бороду, но он со своими товарищами все-таки сумел зачалить купца и одержал трудную победу

в абордажном бою. Со слов храбрецов впервые за пятнадцать поколений была сложена сага о живом, зримом и слышимом герое, сага неумелая и корявая, но ею восхищались. Никто не смел шутить над обезображенным пламенем лицом нового ярла. Призадумались те, кто, казалось бы, раз и навсегда решил, что славные времена викингов давно прошли и больше не вернутся. У молодежи горели глаза.

Следующим летом Хёгни не встретил трудностей с набором команды. А у купцов Северной Европы появилась новая головная боль.

Немного позднее – у купцов Южной Европы.

И вновь, как много веков назад, не только конунг, но и любой ярл мог собрать дружину искателей удачи, и любой хёвдинг мог назваться ярлом, и никто не мог препятствовать этому. И не стало мира на море, не стало его и в самой Исландии. Поток золота хорош лишь тогда, когда течет в твой карман – так во все времена думали слишком многие.

Бонды собрали альтинг, пытаюсь объявить новых ярлов вне закона. Они боялись – Англия, много потерявшая от морских разбоев, угрожала войной, обещая вести ее до тех пор, пока не будет повешен за шею не только последний пират, но и последний пособник последнего пирата. А кто не пособник? Кто из исландцев никогда не покупал награбленного? Какая семья не имеет сына, самовольно или по родительскому согласию ушедшего к одному из ярлов? Наконец, многих ли бондов не выручали ярлы в голодный год, уделяя толику добычи?

Предстояло принять трудное решение. Отказать англичанам – рискнуть всем, включая самое жизнь; согласиться с их требованиями – обречь себя на голодное прозябание. Что выбрать?

Выбор сделали за исландцев. Судьба преподнесла подарок: Испания объявила Англии войну, и англичанам потребовались пиратские корабли с командами – все, сколько есть. За помощь против испанцев было обещано забвение старого, пушки, мушкеты, порох, военная добыча и торговые отношения. Кто бы отказался?

Война распалась на длинную череду морских сражений у британских берегов. Испанцы потерпели полное поражение, остатки их флота бежали. Англия и примкнувшая к ней Голландия сдержали слово. Исландские пираты получили то, что дороже всех писанных на

пергаменте договоров – реальную поддержку, основанную на взаимной выгоде и неизбежных взаимных уступках, не показавшихся чрезмерными. Оставить в покое тех и этих? Да разве мало в море, кого грабить, кроме английских и голландских купцов? Э!

Если и есть в этой истории что-то удивительное, то лишь одно: Исландия не только круто повернула курс в сторону морского разбоя, но и занималась им более четырех столетий – с разным усердием, но никогда не прекращая разбоя совсем.

Двадцатый век явил очередной всплеск. Как в прошлые века похолодание и голод привели к возрождению исландского пиратства, так же глобальное потепление, скрупулезно фиксируемое термометрами европейских ученых, парадоксальным образом не ослабило пиратство, а наоборот, усилило его. Умножающееся население породило демографические излишки, не находящие себе дела на суше. Реальность в очередной раз подтвердила старую истину: для любого народа отсутствие идеи опаснее отсутствия пищи.

Впрочем, смотря какая идея...

Одно время казалось, что паровая машина покончит с пиратством, ибо последние не чувствительны к дуновению прогресса и скоро просто-напросто не найдут добычи себе по зубам. Наивность этих предположений обнаружилась довольно скоро. С той же наивной верой купцы прошлых веков вооружали свои неповоротливые посудины пушками, добиваясь этим лишь освоения пиратами более изощренных приемов нападения.

Ответ не заставил себя ждать. Машинный ход и нарезные пушки брига «Змей», принадлежащего ярлу Сигтрюггу Торкельссону, явились громом среди ясного неба. Очень скоро появились подражатели.

Энергия людей Севера была ключом. Был освоен никому доселе не нужный Свальбард, именуемый Шпицбергенем на большинстве европейских карт. Паровому флоту требовался уголь. Норвегия, когда-то диктовавшая свою волю Исландии, спасовала, предоставив исландцам базы в обмен на отказ от набегов на свои берега. Королевская власть осталась в этой стране лишь номинально и на недолгий срок. Ярлам не был нужен местный монарх. В конце концов слабоумный король Магнус был утоплен в яме с жидким коровьим навозом. Известно, что премьер-министр Великобритании лорд

Сазерленд сказал по данному поводу: «Это уж слишком!» Но сверх того не последовало ни слов, ни действий.

Первой не выдержала Россия, давно страдавшая от морского разбоя и не пожелавшая терпеть пиратские гнезда у себя под боком. Норвегия была поделена между Россией, Швецией и Данией. Пираты лишились континентальных баз, но не своего промысла. В самом деле, потеря Норвегии – разве это трагедия? Это неудобство. И разве мало купеческих судов по-прежнему бороздит моря? Разве мало на свете сонных прибрежных городков и поселков, чье трусливое население живет в явно излишнем достатке?

Разве мало?

Прозвище «Кровавый Бушприт» Рутгер Олафссон получил более двадцати лет назад. В ту пору он командовал всего лишь двухмачтовым люгером, входившем во флотилию Эстута, ярла открытых морей, дяди Рутгера со стороны матери. Быстроходное, но маленькое суденышко, не имевшее даже палубы, закалило молодого исландца. Его кожа стала грубой, как кора дерева, мышцы твердыми и узловатыми, как застывшая лава, голос могучим, как раскаты грома, а глазомер точным, как у ястреба. В стране, где холод ледников вечно борется с жаром вулканов, рождаются крепкие люди. Морские походы лишь отшлифовали великолепную природную заготовку. «Настоящий викинг», – одобрительно кивали дряхлые старики, вспоминая строки из древних саг.

Что ж в этом удивительного. Чуть ли не каждый исландец несет в своих жилах кровь древних героев, и не каждого ли ловца морской удачи можно назвать викингом? В том ли дело, что успех морского боя решают нынче пушки, а не мечи? Конечно, нет. Однажды выкованный на славу, человеческий материал не портится со временем.

Стать настоящим ярлом куда сложнее. Для этого мало числить в своих предках Эйрика Рыжего. Старые легенды не помогут, если не создавать свои. Славное прозвище – это первое и главнейшее. Оно как

ореол, как свет, привлекающий глупых мотыльков. Его надо заработать, и чем быстрее, тем ярче ореол.

Богатая добыча? Конечно. Но этого мало. Возрожденное умение вырезать абордажным палашом «красного орла» из спины пленника, раскинув человеческие легкие на манер крыльев? Рутгер умел, но знал, что и этого недостаточно. Слава не торопится идти к тому, кто тупо повторяет старые выдумки. Нужно новое, столь же жестокое или нет – не так уж важно. Главное – новое.

Люгер не подходил для этой цели. После нескольких удачных дел Рутгер выпросил у дяди «Нарвал», двухмачтовую шхуну, обладавшую двумя преимуществами перед люгером – наличием палубы и высоко поднятым бушпритом.

К этому-то бушприту, возвышавшемуся над бортами купеческих парусников, Рутгер приказал прикрепить длинные, похожие на косы лезвия. Наваливаясь на борт «купца», «Нарвал» легко резал такелаж, увеличивая панику на обреченном судне, запутывая матросов в рушащейся на них сверху пеньковой паутине, а уж если на пути страшного бушприта оказывались люди, зрелище было не для слабонервных.

Дело того стоило. Одобряя амбиции молодого капитана, дядя Эстут захохотал во всю утонувшую в бороде пасть и прилюдно назвал племянника Рутгером Кровавый Бушприт. Прозвище прижилось.

Год проходил за годом. Флотилия Эстута крейсировала от Свальбарда до Мадейры, нападая на тех, с кем могла справиться, с сожалением пропуская хорошо охраняемые караваны и изредка убегая от мощных военных судов, посылаемых «чистить море» то французами, то испанцами, то русскими.

Бывали и неудачи. Но один «урожайный» год с лихвой окупал все потери.

Погиб «Нарвал», застигнутый в штиль шведским паровым фрегатом и расстрелянный в упор. К тому времени Рутгер уже командовал бригантиной, имевшей машинный ход, – первым паровым судном во флотилии Эстута и последним при его жизни.

Эстут не оставил потомства. Его флотилию унаследовал Кровавый Бушприт. Выборы нового ярла прошли по древнему обычаю, и тысячная толпа, собравшись на берегу, кричала: «Рутгер! Рутгер!»

Сюрпризов, как и следовало ожидать, не случилось. Репутация удачливого предводителя была высока, слава неоспорима.

И Рутгер оправдал ожидания серией удачных набегов и морских грабежей. Дерзость и точный расчет вывели его в первую пятерку среди тридцати ярлов, подлинных властителей пиратской республики. Он имел собственный пригород близ Рейкьявика. Ему принадлежали рыбацкие деревни, причалы, сухой док, портовые таверны и веселые дома. Он вкладывал золото в виноградники Винланда, угольные шахты Свальбарда и китобойный промысел. Слава хороша, когда ее можно эксплуатировать, как виноградник или угольный пласт. Хороший урожай не менее важен, чем удачный грабеж. Жажда подвигов еще горячила кровь, но направлялась холодным умом.

Старые посудины изнашивались, он заказывал новые. На исландских верфях строились лишь мелкие суденышки, непригодные для больших дел. Однако правительства Великобритании и Голландии уже не первый век предпочитали декларировать необходимость покончить с пиратством, нежели заниматься этим на деле. В Рейкьявике уютно устроились отделения британских и голландских компаний. Частные судостроительные фирмы охотно брали заказы, приходилось только платить подороже.

Саардамские верфи породили «Валькирию» – трехмачтовый красавец-барк с машинным ходом. Рутгер делал ставку на современные суда – крупные, быстроходные и хорошо вооруженные. Вооружив барк и опробовав его в деле, Рутгер остался доволен лишь наполовину. Следующее судно – тоже паровой барк, но по особому проекту – он заказал в Англии.

С тех пор Рутгер Кровавый Бушприт держал флаг на «Молоте Тора». Барку английской работы исполнилось пять лет, и он все еще восхищал владельца поистине замечательной скоростью хода под парусами, несравненной для судов этого класса мощностью паровой машины, просторными угольными ямами, обеспечивающими столь важную для любого рейдера дальность плавания, поясом брони по ватерлинии и, конечно, артиллерийским вооружением. Двенадцать шестидюймовых орудий быстро сбивали спесь с купцов, воображающих, будто одна-две пушечки на баке да решимость драться сойдут за защиту. Как правило, один залп с большой дистанции, не

нанося никакого урона, уже убеждал жертву в том, что никакой она не боец, а именно жертва.

Для нападения на купеческие караваны, идущие под охраной, требовались более серьезные силы. Два барка – «Молот Тора» и «Валькирия», – а также два паровых шлюпа и два легких парусника, будучи сведенными в эскадру, нередко справлялись с этой задачей.

Случались и неудачи, но именно после них Рутгер наносил самые свирепые удары и возвращался с богатой добычей. Ошибки неизбежны, но их надо спешить исправить. Тогда неудача забудется, а слава лишь возрастет.

Три года назад он, пользуясь попустительством англичан, проник в Средиземное море, взял и ограбил французский Оран на алжирском берегу. В том походе он впервые был избран конунгом, возглавляя поход четырех ярлов на тринадцати кораблях. Пушки Гибралтара повредили на обратном пути одно судно. Рутгер знал, что британский гарнизон лишь имитирует боевую активность, но затаил злобу. Уже в одиночку, взяв только «Молот Тора» и «Валькирию», он спустился к югу вдоль африканского побережья и близ островов Зеленого Мыса повстречал английский корвет «Идомей» с гвинейским золотом. Англичанин не принял мер ни к бегству, ни к бою, вероятно, до последней минуты полагаясь на неписаное правило исландских ловцов удачи: не кусать кормящую руку. Зря.

Гвинейское золото перекочевало к Рутгеру, а живых свидетелей не осталось, как и самого корвета. Концы в воду. Суда исчезают в океане достаточно часто, при чем тут Кровавый Бушприт? Вините морские бури, рифы и туманы.

На обратном пути удалось взять еще одну добычу, хотя и не столь великую – немецкий пароход с грузом камерунского каучука. Глупец тот, кто отказывается от малого, имея великое. Да и не от столь уж малого, если по чести, – каучук дорог. Добыча была продана английской фирме. Пароход пришлось отдать задешево, но Рутгер взял свое на каучуке. Кое-какой доход принесли и рабы, проданные на Свальбард.

Золото – бесполезный груз, если оно не помогает вершить большие дела. Теперь Рутгер мог поспорить за первенство среди ярлов. Нужны были новые корабли и экипажи для них.

В боях недостатка не ощущалось. Славясь щедростью, Рутгер снимал сливки с человеческой накипи северных скал, и его abordажные команды пугали даже ко всему привыкших исландцев. В них поддерживалось разумное соотношение количества опытейших ветеранов и молодых сорвиголов. Всякий знал: поплававший с Кровавым Бушпритом по морям пять-семь лет обеспечивал себе безбедную старость, если оставался жив и не имел неудержимой тяги к вину и игре. Свой домик и лодка на старости лет, а то и портовый кабачок – чего еще желать ушедшему на покой ветерану? Идти в надсмотрщики на шахты Свальбарда, глотать угольную пыль да спиваться – это для неудачников.

Хуже обстояло дело с толковыми матросами, еще хуже с механиками и уж совсем плохо с кочегарами. Несмотря на то, что Рутгер первым из ярлов уравнивал доли в добыче бойцов, матросов и кочегаров, мало кто из гордых потомков викингов соглашался кидать в топку уголь, точно раб, часами не видя моря, будто трюмная крыса. Хотя все понимали, как много зависит иной раз от слаженной и неутомимой работы «трюмных крыс».

Приходилось довольствоваться уже не отборным человеческим материалом, а тем, что есть. Среди трюмных было немало иноземцев – человеческих отбросов со всей Европы и даже из Африки. Попадались и свои – из тех, кто попал в трудное положение и кому Рутгер обещал перевод в палубную команду по истечении двух или трех лет. В их усердии можно было не сомневаться.

Итак, люди имелись. Но какие заказать корабли? Еще один, нет, лучше два барка? Или паровой фрегат тысячи на три тонн? А может быть, переместить активность с открытого моря на берега и построить бомбардирское судно небывалой мощи?

В пользу последнего решения говорил успех налета на Оран и многое другое. Морские караваны охранялись все лучше. Русские, шведы и датчане покончили с морской вольницей в Норвегии. Рутгер не участвовал в той войне, но впервые почувствовал, что родные льды и скалы из застывшей лавы, наверное, не самая прочная почва под ногами.

Пора было подумать о будущем. Но по-настоящему думает о будущем только тот, кто готовится к нему.

Итак, бомбардирское судно. Пусть медлительное, но зато вооруженное по принципу «не тронь меня». С мощной артиллерией нетрудно вломиться с моря в любой колониальный порт, подавить оборону и взять добычу. Более того, вдали от Европы можно поискать и найти себе новое гнездо где-нибудь не очень далеко от торговых путей и шерстить суда с колониальными товарами.

Но по какому проекту строить судно? Английские и голландские подрядчики соглашались строить что-либо традиционное, в лучшем случае с небольшими доработками по требованию заказчика. Рутгеру хотелось большего.

Случай и коммиссионные, уплаченные одному англичанину, познакомили Рутгера с Хэмфри Парсонсом – безумным австралийцем, предложившим британскому адмиралтейству проект броненосца нового поколения. Тот факт, что лорды британского адмиралтейства отклонили проект с язвительными комментариями, не смутил пирата. Униженному же австралийцу было все равно для кого строить, лишь бы было построено. Амбиции технического гения легко возобладали над сомнительным британским патриотизмом австралийца.

Увидев чертежи, Рутгер понял: это оно. Небывалый корабль был лишен не только мачт, но и верхней палубы. Он походил на блокгауз, притопленный по двускатную крышу. Мощный дубовый костяк нес на себе шестидюймовую броню. Из пушечных портов выглядывали жерла десятидюймовых орудий – по три на каждый борт, одно в носу и еще одно в корме. Ни громоздкого и сложного рангоута, ни такелажа – геометрическое совершенство бронированного монстра нарушали лишь две поставленные параллельно дымовые трубы да незначительная нашлепка боевой рубки. Потребный экипаж удивлял малочисленностью. Монстр был широк, как плот или паром; две мощные машины могли сообщить ему в лучшем случае двенадцатиузловую скорость. Зато осадка оказалась на удивление небольшой, что вполне устраивало Рутгера. Плавающий форт, способный действовать на мелководье, и вместе с тем относительно мореходный! Настоящая находка!

Где его строить – вот вопрос. Ни Англия, ни Голландия для этого не годились – постройку столь необычного корабля ни за что не удалось бы сохранить в тайне. В других странах Европы промышленника, взявшегося построить для пиратов хоть ялик,

повесили бы высоко и коротко. Заказать через третьи руки материалы и вооружение – еще туда-сюда. Но не больше. Оставалась лишь Исландия, лишенная крупных верфей. С верфи и пришлось начать.

Броневые листы и особенно пушки стоили безумных денег. Текущая добыча не покрывала издержек. Гвинейское золото стремительно таяло. Рутгер мобилизовал весь наличный капитал и впервые в жизни задумался о займе.

Прошло полтора года. Вызывающий всеобщее удивление корпус небывалого судна был спущен на воду, достроен и вооружен английскими пушками. Рутгер дал чудовищу имя Фенрир – в честь гигантского волка, способного проглотить самого Одина.

В прошлом году «Фенрир» вышел в первое плавание. Оно было пробным; Рутгер хотел выявить недостатки бронированного титана. Близ острова Ян-Майен «Фенрир» выдержал жестокий шторм, дал течь, нахлебался воды, но не затонул.

Всю осень и зиму пришлось потратить на ремонт и устранение дефектов. Хэмфри Парсонс выходил из себя, ругая на все корки тупоголовых помощников. Дело сильно осложнялось отсутствием подходящего дока. Рутгер начинал нервничать: шло время, а «Фенрир» пока не принес ни медяка прибыли. Конкуренты посмеивались.

В марте работы были завершены, и «Фенрир» провел пробные стрельбы. Рутгер присутствовал и оглох на целый день, но был доволен. Сезон зимних бурь в Атлантике подходил к концу, приближалось горячее время охоты на морских путях.

В начале апреля Рутгеру передали предложение о встрече с уполномоченным фирмы «Соммерсет и Стаббингтон». Официально фирма занималась промыслом китов и тюленей и имела отделение в Рейкьявике.

Такое предложение всегда означало одно: имеется крупный заказ.

Встреча состоялась в капитанской каюте на «Молоте Тора». Британец недолго ходил вокруг да около. Предложение сильно озадачило Рутгера. Предстояло атаковать не одинокого купца, не караван, а ни много ни мало вступить в бой с двумя русскими военными кораблями.

– Корвет «Победослав», – без ошибки выговорил англичанин трудное русское название. – Две восьмидюймовки, десять четырехдюймовок. Бортовая и палубная броня. Теоретически

четырнадцать узлов, но на деле будет меньше, об этом позаботятся. С ним пойдет канонерская лодка «Чухонец». Ветхая галоша, но с одиннадцатидюймовой пушкой. Орудие старое, расстрелянное, дальность стрельбы не превышает пятидесяти кабельтовых. Гребные колеса. Не бронирован. Скорость десять узлов.

Не дослушав, Рутгер сплюнул в стену через голову англичанина.

– Предполагается, что я идиот? Может, твои хозяева знают, как надо нападать на такие корабли?

– Точно так же, как волки нападают на лося, имея загонщиков и засаду, – углами тонкогубого рта улыбнулся британец. – Или, скажем, как охотники гонят волков на номера. Процесс может затянуться, но результат известен заранее.

Рутгер задумался. Сын Альбиона говорил дело. Понятно, почему он обратился по этому адресу, – учел боевую мощь «Фенрира»! Если выгнать добычу прямо на него... Но и загонщики должны быть многочисленны. Своих сил, похоже, не хватит, но если вступить в долю с Бьярни Неугомонным...

– Допустим... Моя выгода?

– Во-первых, наследник российского престола. За него русские заплатят колоссальный выкуп...

– Его еще живьем надо взять, наследника, – невежливо, но резонно перебил Рутгер. – Ладно, дальше что?

– Во-вторых, все имущество, которое ваши люди захватят у русских, включая сюда и сами корабли...

– Это и так ясно. Дальше.

– В третьих, мне поручено предложить вам известную денежную сумму...

Сумма произвела на Рутгера впечатление. Пятьдесят процентов англичанин обещал сразу, остальное – по выполнении заказа. Да, за такие деньги можно было ввязаться и в более рискованное предприятие! Малой доли аванса уже хватило бы, чтобы оплатить командам всех судов Рутгера вынужденный простой до конца мая. Доля самого Рутгера позволяла в случае успеха предприятия стать не «одним из первых» королей открытого моря, а просто самым первым, сильнейшим среди сильных.

– И наконец, в-четвертых, Великобритания обещает никогда не напоминать вам о корвете «Идоменей».

Само собой, Рутгер поднял бровь, изображая удивление: о чем ты, мол? Какой «Идоменей»? Но скребанул по нервам рашпиль досады: «Знают!» – и сейчас же уколол гвоздь любопытства: «Откуда знают?»

– Одно условие, – уточнил англичанин. – Я не хочу, чтобы в нашем соглашении оставались какие-либо неясности. Вторую половину суммы вы получите лишь в том случае, если российский цесаревич будет убит или пленен. Если он ускользнет от вас, вы не получите ничего. Это понятно?

Рутгеру давно было все понятно. Британия желает войны между Россией и Республикой? Пусть так. Рутгеру было все равно. Война так война. Правда, в норвежской кампании русские показали свое умение воевать не только на суше, но и на море, однако блокада фиордов и полномасштабная морская война – очень разные вещи. Пусть-ка попробуют. Ясно, что Британия тайно поддержит Республику, как поддерживала всегда. Итог войны спорен.

А хоть бы даже русские высадились в Исландии – какая разница! Дом викинга – море, а не береговые скалы. Лишь глупцы твердят о вечном. В этом мире нет ничего вечного, не вечна и Республика. Все равно. Ловец удачи поймает своё не там, так здесь. Рутгер не собирался ни гробить свои корабли в боях с русскими эскадрами, ни защищать никчемные скалы. В океане достаточно места. Чем плохи Южные моря? Просачиваются слухи, будто в далекой Австралии колонисты готовы взбунтоваться против британской короны. В добрый час!

Англичане хороши, пока они платят. Рутгер никогда не связывал себя долговременными обязательствами. Если бы и связал – они не имели бы никакого значения. Родина человека там, где ему хорошо. Если станет выгодно наняться к австралийцам, чтобы бить на море англичан, – тем хуже для последних.

Новые мысли наложились на старые и укрепили их. Рутгер окончательно решил принять предложение.

– Когда деньги? – спросил он, не тратя лишних слов.

– Задаток можете получить уже завтра, – успокоил британец. – Но вам понадобятся компаньоны...

– Это мое дело.

– Совершенно верно, ваше. Мы будем иметь дело с вами, остальное на ваше собственное усмотрение. Единственное, в чем мы

хотим иметь полную уверенность, так это в исходе дела. Ваших сил должно с избытком хватить для выполнения заказа. Не скупитесь.

– Учил тюлень акулу плавать...

Бьярни Неугомонный был одногодком Рутгера и человеком совсем иного склада. На взгляд Рутгера – легкомысленным. Веселый и щедрый предводитель, удачливый и расчетливый пират, он не смотрел в завтрашний день. Ему по ноздри хватало и сегодняшнего. Соленые брызги в лицо, соленый ветер, соленая брань, запах крови, сладость добычи, веселый угар кутежей – что еще надо? Не жалуя новомодных штучек, но подражая большинству, он все же поставил на три из четырех своих парусников слабосильные паровые движки – не столько ради скорости, сколько в качестве средства выйти из штилевой полосы.

Бьярни годился. Правда, узнав о том, что Рутгер предлагает ему всего-навсего десять процентов добычи, он пришел в ярость. Ему, Бьярни – десять процентов!

– Тебе почти не придется участвовать в бою, – втолковывал ему Рутгер. – Ты загонщик. Постреляешь немного с предельной дистанции – и все. Прости, друг, эта добыча не по твоим зубам. Основную работу сделают мои люди. Притом добыча велика, это тебе не купец с грузом пеньки. Бери двенадцать процентов, это мое последнее слово.

Бьярни согласился.

Остальное зависело от англичан.

Где и когда ждать русских – первое. Право захода в какой-либо порт на севере Британии – второе. Самборо на острове Мейнленд? Годится. Снабжение углем – третье. Перед боем угольные ямы должны быть полны, а до Свальбарда далеко. Какие еще «льготные цены»? Не желаю слышать о ценах! Если Англии так важен этот заказ, пусть раскошелится на уголь, и не какой-нибудь, а наилучший, кардиффский!

Англия раскошелилась, но – услуга за услугу – потребовала, чтобы на «Фенрире» присутствовал британский наблюдатель. «Не доверяют», – ухмыльнулся про себя Рутгер и ошибся. Рыжий и очкастый мистер Чэффери оказался не военным моряком и нисколько не смахивал на шпиона, а вернее всего был тем, кем и назвался – инженером-кораблестроителем из Портсмута.

Скорее следуя всегдашней осмотрительности, нежели подозревая англичан в нечестной игре, Рутгер велел приглядывать за мистером Чэффери. Если британцы, лихорадочно строящие один дорогуший

броненосец за другим, подозревают, что сваляли дурака, отказавшись от услуг Хэмфри Парсонса, и желают посмотреть, каков «Фенрир» в деле – пусть смотрят. За свои услуги они могли бы вытребовать гораздо больше. Ну а если мистер Чэффери высмотрит лишнее, он всегда может поскользнуться на сходнях и раскрыть о кнехт свою рыжую голову.

И вот теперь рыжий очкарик болтался в чреве «Фенрира» где-то недалеко за горизонтом, и с каждой минутой все ближе к десятидюймовым пушкам придвигались русские корабли, эскортируемые Рутгером и Бьярни.

Как всегда, расчет был точен. Обладая превосходным чувством времени, Рутгер обнажил в хищной усмешке крепкие желтые зубы. Вот-вот в морской дали на западе покажутся высокие трубы «Фенрира», и глупые русские, возможно, начнут кое-что понимать. Тогда наступит пора отвлечь на время их внимание... Или уже пора?

Пронзительно свистнул марсовый – увидел. Пора!

Рутгер кивнул. Ганунд, капитан «Молота Тора», понимал своего ярла без слов. Не прошло и минуты, как на батарейной палубе раздался громopodobный рык, долетевший до боевой рубки:

– Левый борт, целься... Пли!

И грянул настоящий гром. Вздвогнув всем корпусом, «Молот Тора» выбросил шесть молний и шесть клубов белого дыма. Первый удар молота. Начало.

– Противник открыл огонь, – доложил Враницкий.

Невооруженным глазом было видно, как идущий впереди барк окутался пороховым дымом.

Потекли томительные секунды. Наконец далеко справа хаотично и вразнобой встали несколько столбов воды.

– Говорят, будто в абордажном бою пираты непобедимы, но стрелять им еще учиться и учиться, – насмешливо прокомментировал Пыхачев, обращаясь к Враницкому. – Промазали на милю. Павел

Васильевич, голубчик, прикажите прибавить оборотов. Сейчас начнется самое веселое.

– «Чухонец» отстает, – мрачно отозвался Враницкий.

– Передайте на канонерку, пусть выжмут из машины все. Чего там Басаргин бережется? Пан или пропал.

– Слушаюсь.

Отсемафорили. Вскоре дым из трубы канонерки повалил гуще. «Чухонец» все-таки отставал, но теперь гораздо медленнее. Было видно, как на его баке комендоры, похожие издали на деловитых муравьев, наводят орудие на противника. Внушительный хобот одиннадцатидюймовки поворочался и замер.

– Не открыть ли нам ответный огонь? – предложил Враницкий. – Для наших восьмидюймовок дистанция вполне доступная.

– Нет, – бросил Пыхачев. – Пусть подойдут ближе.

Но исладнцы не спешили подходить ближе. Четверть часа прошло в напряженном ожидании. То и дело океанская зыбь вспухала очередным водяным столбом. Ни корвет, ни канонерка не имели попаданий.

– Неизвестное судно прямо по курсу! – закричал марсовый.

Враницкий поднес к глазам бинокль. И верно: далеко впереди из-за горизонта показались две тоненькие, как спички, дымовые трубы.

Враницкий удивленно выругался.

– Взгляните-ка, Леонтий Порфирьевич. Вот чего они ждали. Граф Лопухин был прав: пираты приготовили нам хорошую ловушку. Лучшие их корабли стоят в дрейфе, не демаскируют себя дымом. Странно только, что их так мало... этот, наверное, передовой. Остальные просто загонщики в этой охоте. Ну, теперь-то наш противник убежден, что ловушка захлопнулась!

– А я в этом не убежден, Павел Васильевич...

– Я пока тоже, – улыбнулся Враницкий.

Второй пиратский барк и оба шлюпа также открыли огонь. Снаряды теперь ложились точнее, но пока что ни один не упал ближе трех кабельтовых от корвета. «Чухонец» также не имел попаданий. Что за безумное разбрасывание снарядов! Залп следовал за залпом – и все с тем же нулевым результатом. Но противники понемногу сближались.

– На дальномере! – гаркнул старший офицер. – Цель – головной барк.

– Пятьдесят один кабельтов!

Возле бакового и ютового орудий замерла прислуга; пушки заряжены, элеваторы готовы подать из трюмов новые конические бомбы и заряды, на лицах людей застыло то особенное выражение, какое бывает перед началом каждого боя, когда всякому ясно, что его сегодняшнее бытие легко может опрокинуться в небытие, и ничего, решительно ничего нельзя с этим поделаться. Что выпадет, то и выпадет.

– Разрешите открыть огонь, Леонтий Порфирьевич, – повторно обратился Враницкий к Пыхачеву. – Люди застоялись. Да и обидно: пираты в нас стреляют, а мы молчим, как будто так и надо... Смотрите!

Перед самым носом «Чухонца» вздыбился водяной столб. Не успел он опасть, как задранный кверху хобот единственного орудия канонерки извергнул чудовищный фонтан огня и дыма. Через несколько мгновений по барабанным перепонкам ударил плотный ком воздуха.

Сняв фуражку, Пыхачев размашисто перекрестился.

– С Богом, Павел, Васильевич. Начинайте.

«Давно бы так», – подумал Враницкий, поднося ко рту рупор.

Восьмидюймовки открыли огонь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой «Чухонец» жертвует собой, а граф Лопухин оказывается жертвой случая

Воистину: человек может лишь предполагать, а располагает им кто-то совсем другой.

До шторма в Немецком море Нил Головатых был почти доволен своей новой судьбой. Гоняли его, правда, нещадно, но почему зря не шпыняли, гоняли больше по делу. Искусство лопатить палубу и драить медяшку, да чтоб все сияло, Нил постиг быстро. Подумаешь наука! Уж всяко не труднее, чем в учениках у какого-нибудь городского мастера. Петька, соседский паренек, удравший из Красноярска, куда был отдан в учение к шорнику, и вернувшийся в родное Горелово к мамке-пьянице, рассказывал такие страсти, что жуть брала. Не-ет, в юнгах лучше.

Труднее давалась моряцкая наука. Всякая вещь, даже самая мелкая и незначущая, имела на судне свое название, часто такое, что не вдруг и выговоришь. Грот-бом-брам-стаксель – каково? Обыкновенная пеньковая веревка могла оказаться в зависимости от назначения и шкотом, и фалом, и концом, и Бог весть чем еще. «Чухонец» нес две мачты с прямыми и косыми парусами; косых было больше. От обилия наименований ум заходил за разум.

Оказалось, не так страшен черт, как его малюют. Нил обтерпелся, обвыкся. Побыл положенное время мишенью для матросских шуток, но не слишком обиделся – понял, что моряки привыкли шутить над всяким сухопутным. Ну побежал к баталеру просить линьков или взялся всерьез затачивать напильником якорную лапу – подумаешь! Тут главное не реветь. И еще: моряки на «Чухонце» оказались людьми незлыми, особенно младший унтер-офицер дядя Сидор, строго велевший «не забижать мальчика». Может, просто повезло.

Хотя и дядя Сидор называл Нила попросту салагой. Нил не обижался – пушай дразнят как хотят, лишь бы не били.

Боцмана Нил боялся. Степан Пафнутьич мог съездить по шее просто так, за здорово живешь. При офицерах, правда, остерегался, а иной раз Нила выручал справедливый дядя Сидор. «Не бойсь, –

внушал он. – Пафнутьич наш мужик не злой. Просто должность у него такая... собачья. Иной раз без кулака с нашим братом никак невозможно. Войдешь в возраст, сам поймешь».

Свободного времени не было совсем. Хорошо еще, что вахта досталась самая легкая – с восьми утра до полудня и с восьми вечера до полуночи. Ночью давали поспать, зато днем – ни-ни. Иди заниматься то грамматикой, то навигацией, то корабельной механикой, что ворочается и стучит в трюме, а то и вовсе французским. Зачем французский язык тому, что в жизни не видывал ни одного француза? Ан надо. Терпи. Офицеры не дрались, но въедливы были почище боцмана.

От барина Николая Николаевича не было весточки до самого Копенгагена. А уж там Нил, получив увольнительную на берег, отправился напрямик к нему и доложил все по форме. И видно было, что своим докладом нисколько барина не заинтересовал, однако же получил целых десять рублей. А за что?

Впрочем, дают – бери. Запас карман не тянет.

Копенгаген Нила удивил, но не понравился. Чисто, но скучно, не сравнить ни с Москвой, ни с Питером. В портовых кварталах еще ничего, жизнь теплится, из окон кабаков летят рев и визг, а как отойдешь подальше, так тоска берет. Людей много, а поговорить не с кем, ни один русского языка не понимает. Бестолковый народ.

Письмо тетке Катерине Матвеевне в Житомир осталось неотосланным, да и ненаписанным. Дядя Сидор убедил: без точного адреса не дойдет. Еще чудилой назвал и дал легкий подзатыльник за упрямство.

Нил просто слонялся по улицам, дивился на островерхие крыши, гордился формой российского моряка. Оказалось, что пройти по твердой земле вместо палубы – удовольствие. Еще оказалось, что у него изменилась походка – стал шире расставлять ноги и переваливаться. Моряк!

Но Тот, Кто Располагает, решил поглумиться. В Немецком море заштормило с такой силой, что Нил, прежде не знавший, что такое морская болезнь, и даже начавший гордиться своею крепкою натурой, с великим трудом отстоял одну вахту – а дальше начался кошмар кромешный и казнь египетская.

«Чухонец» жалобно стонал, скрипел и грозил развалиться, волны катались по полубаку, а Нил не боялся, потому что мутило его с такой силой, что бояться было некогда. В конце концов он упал и был снесен в кубрик. За три дня не имел во рту маковой росинки и если думал о пище, то только с ужасом. Чуть не помер.

Однако же не помер и, как чуть полегчало, был выдворен из койки и отправлен помогать делать ремонт. Поскольку мало еще что умел, его роль сводилась к «подай-принеси». Корпус дал течь, но ее удалось заделать. Механики возились с машиной, что-то разбирали, регулировали, смазывали и заново собирали. Наверху чинили такелаж.

Оказалось, буря унесла одного матроса. Отец Пафнутий отслужил заупокойную. Матросы помолчали, повздыхали и по команде «накройсь» разом нахлобучили бескозырки. Вот и все морские похороны. Был человек – и нет человека.

Погода стала налаживаться, и все вокруг повеселели. Посыпались шутки. Выбежавший из трюмных глубин Шкертик, рыча, трепал за шкуру только что умерщвленную им крысу. Встряхивая, проверял: не прикидывается ли? Пса подбадривали: так, мол, ее!

Потом крыса полетела за борт, а Нила заставили лопатить палубу. Ничего, не привыкать.

И вахта-то близилась к концу, рында отбила шесть склянок. Нил с ужасом думал: неужто и сегодня заставят учиться? Поесть бы вместо всей этой науки щец с солониной да в кубрик на боковую...

Идущий впереди «Победослав» вдруг пустил дым из полосатой своей трубы, и капитан Басаргин тоже приказал разводить пары. Нил знал, как это делается: сначала надо разжечь топки, для чего в каждую из них на слой угля кладется щепка, поленья и смоченная керосином либо маслом ветошь. В работе кочегара есть и приятные минуты. У себя в Горелове Нил любил растапливать большую, в четверть избы печь. Есть особенное удовольствие в том, чтобы сунуть в сложенный шалашиком щепки обрывок горячей, извивающейся в огне бересты, притворить дверцу и глядеть через оставленную щель, как оживает веселое пламя, потрескивают угольки, рождается тяга и печь начинает тихонечко гудеть. Волшебство! На корабле оно происходит грубее, но все равно стоит посмотреть. Жаль, нельзя отлучиться – вахта.

Прошло не больше часа, и лопасти гребных колес пришли в движение. «Чухонец» задышал, как кит. Пробило восемь склянок, но

Нил, сменившись, не пошел ни спать, ни в кочегарку. На верхней палубе вдруг началась какая-то суета, смысл которой ускользал от юнги. Да что случилось-то?..

Окликнул было дядю Сидора, но тот очень спешил и лишь рукой махнул – отстань, мол, не до тебя. А капитан Басаргин смотрел с мостика в бинокль куда-то назад. Потом стал смотреть вправо. Пробравшись к правому борту, стал смотреть и Нил.

Увидел вдалеке корабли, ничего не понял. Ну корабли, что корабли?.. Чего все забегали? Потом услышал: «Пираты».

Стало жутко и немного весело. Вспомнились вечерние рассказы в матросском кружке на баке под сонный плеск полн. Неужто оно?

Сыграли боевую тревогу. Хобот гигантского орудия канонерки пришел в движение. Лязгнул механизм подачи, и в разверстое нутро чудовища скользнула пузатая бомба – ни дать ни взять сахарная голова, невесть зачем покрашенная под металл и снабженная свинцовым пояском. Фейерверкер Лука Фомич Медвежко и канонир Вавила Силыч Бубонный, оба богатыри хоть куда, шутя забросили в лоток пудовые полузаряды. Чудо-пушка сглотнула их быстрее, чем щука глотает плотву, и закрылась толстой крышкой.

Очень долго не стреляли. Нил даже усомнился про себя: и впрямь ли пираты преследуют корвет и канонерку? Спросить было не у кого – на него только шикали, чтобы не вертелся под ногами, или молча убирали с дороги. Как жаль, что барин путешествует на корвете, а не на канонерке! Он бы объяснил.

Стих ветер, убрали паруса. «Чухонец» сразу как будто уменьшился. Пыхтела машина, звучно шлепали по воде плицы, награждая море оплеушинами.

Внезапно борта тех чужих судов, что шли справа, окутались дымом, и Нил услышал чутким ухом приближающийся посторонний звук. Встали и рассыпались столбы воды.

«Стреляют, – удивился Нил. – По нам стреляют!»

Только теперь он окончательно уверился: да, это пираты. Те самые, с кем война не на жизнь, а на смерть. Но не испугался. Пиратские корабли были далеко и вовсе не казались страшными.

Снова и снова вставали водяные столбы – сначала далеко от «Чухонца», потом все ближе. Один столб вырос прямо под носом,

обрызгало бак. И сейчас же орудие канонерки оглушительно выпалило.

Нилу почудилось, что на него падает небо. Палуба на мгновение ушла из-под ног. Носовая часть судна присела от отдачи, но сейчас же вернулась, как вынырнувший поплавок, и наподдала по пяткам. Завоняло порохом. Уши заложило; Нил не слышал, что кричит, потрясая кулаками, сердитый Басаргин с мостика, но понимал: ругается. Понял и почему: выстрел был произведен случайно, без приказа. Подумал: а что во флоте разрешается делать без приказа? Тонуть – и то вряд ли.

Грохнуло еще, но в стороне и гораздо слабее. «Победослав заговорил!» – громко прокомментировал кто-то, и Нил услышал. «Открыть огонь по противнику! – прокричал в рупор сориентировавшийся Басаргин. – Наводи в головной барк! Хорошенько его, братцы!»

И началось.

Каждые три минуты раздавалось «товьсь!», и прислуга отскакивала от орудия. «Пли!» – и Нил, затыкая уши, разевал по-рыбьи рот, потому что иначе можно было оглохнуть. Следовал ощущаемый всем телом удар, и еще одна бомба, сверля воздух, уносилась в небо. Так продолжалось довольно долго.

– Попадание! – загомонили вдруг сразу несколько матросов. – Братцы, ура! Угостили пирата!

В первый момент Нил не заметил на головном барке никаких повреждений. Потом разглядел: от его бизань-мачты осталась половина, и та какая-то скособоченная.

– Это не мы, – с сожалением сказал один матрос. – Это восьмидюймовка с корвета. Если бы мы им залепили, пирата бы небось пополам перервало...

– Все равно ура! Так их!..

– Фомич, не подгадь! Наводи ихнему адмиралу прямо в...

– Отставить разговоры! – кричал лейтенант. – Прицел... Целик... Товьсь! Пли!

Не сразу Нил вспомнил, где ему надлежит быть по боевому расписанию, а вспомнив, успокоился: в противопожарной команде. Значит, он почти на месте. Вот и щит с развешенными на нем баграми,

топориками и ведрами. Стало быть, все в порядке. Покуда пожара нет, пожарные могут отдыхать.

А за что хвататься в случае пожара? Нил с трудом приподнял железный багор – тяжел! Взял топорик с клювом на обухе, попробовал: по руке ли? «О, абордажная команда! – рассмеялся, пробегая мимо, молодой веселый мичман. – Не дрейфь, нос выше!»

Нил старался не дрейфить. Близких падений снарядов больше не было – пираты сосредоточили огонь на «Победославе». Вот на него было жутковато смотреть. Весь окруженный водяными столбами, иные из которых взлетали, казалось, выше мачт, корвет продолжал вести огонь. Потом что-то вспыхнуло на его правом борту, и Нила вновь ударило по барабанным перепонкам – не так, как при пушечном выстреле, иначе. По борту корвета поползло облачко.

– Братцы, нашим попало! – заголосил кто-то.

Охнув, Нил вытянул шею. «Победослав» все так же резал море и тонуть, по-видимому, не намеревался. Никаких повреждений на нем не замечалось.

– Броневой пояс, – с неприкрытой завистью прокомментировал щуплый матрос. – Нам бы такой, да винт вместо колес, да...

Договорить он не успел. На корме «Чухонца» внезапно расцвел огненный цветок, и матрос, громко ойкнув, повалился на палубу. Что-то со свистом пролетело над головой Нила и ударилось в щит с баграми. Едко запахло сгоревшей взрывчаткой.

Схватившись обеими руками за пробитый бок, матрос лишь дергал ногами и повторял: «Ой... ой... ой...». Выгнулся, закатил глаза и затих. Скользнув меж пальцев, наружу прорвалась красная струйка, по палубным доскам начало расползаться пятно. Оглушенный, едва не сбитый с ног взрывной волной, Нил не осознал опасности. Он уже видел смерть, но сейчас ее таинственная мистерия предстала перед ним в самом грубом и примитивном виде. «Господи, как все просто! – пронеслось в голове. – Почему? Ведь так не должно быть!»

Но это было. Как ответ самой жизни на этот и многие другие вопросы, которые так любят задавать люди.

– «Чухонцу» попало, – доложил Враницкий. – Знают слабое место, бьют с кормы, куда он не может стрелять. Начнет разворачиваться – совсем от нас отстанет. Вон он, шлюп, от нас «Чухонцем» прикрывается. Разрешите отогнать нахала?

Пыхачев сумрачно кивнул. Повинуясь команде старшего офицера, «Победослав» взял два румба вправо. Трижды прогрохотало кормовое орудие. После первого же близкого падения снаряда пиратский шлюп резко отвернул влево, а затем и вовсе предпочел отстать.

– Так-то лучше, – проворчал Враницкий, приказав рулевому лечь на прежний курс. – Леонтий Порфирьевич, разрешите открыть огонь с батарейной палубы?

– Не далековато ли для наших четырехдюймовок? – усомнился Пыхачев.

– Дистанция почти предельная, но попытаться, ей-ей, стоит. Не попадем, так хоть заставим понервничать.

– Действуйте.

В пушечные порты смотрели жерла десяти орудий. Левый борт отдыхал, но командир батарейной палубы лейтенант Фаленберг приказал открыть порты и в нем для лучшей вентиляции. Было зябко; лейтенант приказал набросить себе на плечи китель – надеть его мешала загипсованная правая рука, согнутая под прямым углом и подвешенная к шее на косынке. Лейтенант вышагивал взад и вперед, с размеренностью часового механизма стуча каблуками по палубе. Комендоры были готовы, орудия заряжены. Уже полчаса рвали воздух восьмидюймовки, а команды открыть огонь батарею все не поступало. Противники сближались чрезвычайно медленно.

Нет ничего хуже такого ожидания. В какой-то момент оглушительно грохнуло, как будто в борт ударил паровой молот. Кто-то из комендоров отпрянул с испуганным криком. Но нет – снаряд разорвался на броневом поясе. Матрос Репоедов без разрешения высунул свою башку в порт, повертел там ею и сообщил, что имеет место вмятина и небольшая трещина на внешнем броневом листе. Фаленберг отреагировал словом «так» и вновь продолжил свое маятниковое хождение вдоль палубы.

Потом корвет дважды менял курс, и пушки ползали по рельсовым дугам, не выпуская цель. «Дозвольте стрельнуть, вашбродь, –

умоляюще обратился к лейтенанту канонир Зубов. – „Руки чешутся“. Фаленберг, от природы наделенный хорошим глазомером, видел и сам: уже можно. Но процедил: „Отставить“.

«Немец», – то ли услышал он, то ли почудилось. Наверное, почудилось, и все равно чуть-чуть кольнула обида. Ну немец, дальше что? Давно обрусевший и даже не «фон», а все равно немец. Во-первых, фамилия. А во-вторых, офицер, не привыкший повышать голос, не дающий воли рукам, даже когда следовало бы, аккуратный службист и так далее не может быть любим командой. Русскому матросу нужна мифическая справедливость, а не Морской устав. «Вдарь за дело, но будь отцом родным» – вот чего им хочется. И чтобы лихой был, себя не жалел, и чтобы на высокое начальство поплеывал. За таким командиром они пойдут и сделают чудеса – полковник Розен с его морпехами тому пример. Педантов нижние чины не любят. Русскому придумают обидную кличку, а с тевтоном проще: немец-перец-колбаса – и все с ним ясно.

Фаленберг поджал губы. Немец так немец. Пусть перец, пусть колбаса. Наплевать. Что бы ни думали о нем матросы, воевать они будут. Сейчас они не люди, а механизмы. И он, лейтенант Фаленберг, тоже механизм, и нет ему нынче дела ни до чего человеческого, а есть дело только до показаний дальномера, до расчетов прицела и целика...

Он обрадовался, когда поступила команда открыть огонь. Тридцать секунд спустя батарея правого борта ударила залпом.

– Еще попадание в головной барк, – вскоре доложил Враницкий.

– Вижу, – кратко отозвался Пыхачев. – Прикажите отсемафорить: «Чухонцу» еще прибавить хода.

– Он идет на пределе... но... слушаюсь!

Мощный столб воды вырос у самого борта напротив мостика. Командира и старшего офицера окатило соленым дождем.

– Прошу вас перейти в боевую рубку, Леонтий Порфирьевич, – нарочито скучным голосом проговорил Враницкий. – Здесь становится опасно.

– Зато отсюда лучше видно, – отмахнулся Пыхачев.

– Здесь могу остаться я, а вы укройтесь. Кто поведет корвет, если бомба угодит в мостик?

– Золотые слова, Павел Васильевич. Вот вы и ступайте в боевую рубку, если считаете, что нам следует разделиться.

Враницкий дернул щекой, ничего не сказал и остался на месте.

Его бинокль был направлен прямо по курсу, где маячили трубы неизвестного судна и уже проступила под ними темная полоска корпуса.

– Нет и нет, ваше императорское высочество, – в десятый, наверное, раз повторил Лопухин. – Я не могу этого допустить.

Наследник российского престола был почти трезв – выпитые с утра полбутылки шампанского не в счет, – и рассуждал относительно здраво. Это и пугало. Лопухин предпочел бы, чтобы в данный момент цесаревич был пьян в стельку, как сапожник.

– Но я должен, – горячась, настаивал Михаил Константинович. Он то плюхался на кушетку, то вскакивал и принимался нервно бегать по каюте. – Я офицер, в конце концов!

– Да, но сухопутный, – парировал граф. – В морском сражении вам нечего делать, как и мне. Берите пример с полковника Розена и его головорезов. Где они? Сидят за броневым поясом и не высовываются, поскольку наверху в них нет нужды. Вот если дойдет до abordaja – тогда другое дело.

– Но я должен быть наверху! Вы ничего не понимаете. Одно присутствие наследника престола на палубе во время обстрела должно... э... поднять боевой дух наших матросиков, вот!

Как же, без улыбки подумал Лопухин. Так ты и поднял боевой дух матросов. Очень ты им нужен. Нижние чины отнюдь не остолопы и прекрасно понимают, кто есть кто. «Матросиков»! Воистину прав был покойный государь Александр Георгиевич, на дух не переносивший, когда при нем употребляли словечки вроде «солдатик», «матросик», «христоролюбивое воинство» и прочие тошнотворные слюнявости. Просто-таки вывел их из обращения. Характером покойный государь был крут, сам не сюсюкал и другим не давал. Оно и правильно. Солдат не беспризорный котенок, и уж если жалеть его, то по-человечески, то

есть не губить понапрасну и не измываться без дела. Большого ему не надо.

Казалось бы, сюсюканье – мелочь. Иным с дурна ума даже кажется, что оно может сойти за проявление сердобольности. В точности наоборот! Война – не игра в солдатики. Забыл об этом – не удивляйся поражениям. Ах, цесаревич, цесаревич... надежда России, черт бы тебя взял, отрыжка коньячная!

Но вслух граф сказал совсем иное:

– Хоть застрелите, ваше императорское высочество, не пушу. Пока я отвечаю за вашу безопасность, вы будете находиться в безопасности, то есть там, где я укажу, и оставим эту тему.

– Вы мне силой, что ли, помешаете?

– Если потребуется. – Отступив на шаг, граф поклонился. – Кстати сказать, во время артиллерийской дуэли всем, кроме комендоров, полагается находиться внизу во избежание ненужных потерь.

– А как же боевой дух?

– Боевой дух матросов, поверьте, достаточно высок. Слышите, какая частая пальба? Наверняка неприятель терпит большой урон. Вот увидите, не пройдет и часа, как он побежит к себе в Рейкьявик.

Сказано было твердо. Самое чуткое ухо не уловило бы и тени сомнения графа в своих словах. На миг ему самому показалось, что он верит в то, что говорит. Но лишь на миг.

Дворецкий Карп Карпович, игравший в этой сцене немую роль, украдкой бросил на Лопухина благодарный взгляд. Со стороны верного слуги, всячески дававшего «церберу» понять, как тот ему неприятен после игры в гамбургский похен, это был верх признательности. Цесаревич не поднимется на палубу, где его могут убить! Цесаревич останется в своей каюте, как нарочно расположенной по левому борту, в то время как неприятель бьет по правому! «Пусть граф и цербер, но дело свое знает», – читалось во взгляде слуги.

Михаил Константинович в очередной раз плюхнулся на кушетку. Вздохнул, потянулся. Чело его разглаживалось, взгляд начал блуждать и в конце концов остановился на дворцеком. Карп Карпович очень хорошо знал, что это означает. Очень часто он делал вид, будто не замечает этого особого взгляда, вынуждая цесаревича отдавать

приказание голосом и иной раз даже осмеливаясь препираться с ним, но сейчас беспрекословно достал и протер салфеткой бутылку коньяка.

– Так вы, граф, полагаете мое появление наверху... э-э... несвоевременным? – спросил цесаревич уже заведомо для проформы.

– Точно так, ваше императорское высочество, – отвечивал Лопухин.

– Тогда... Сом Налимыч, графу тоже бокал, да лимончик настрогай!.. Тогда чокнемся за победу. За нашу победу. Раз нам не дают воевать, будем по крайней мере мысленно с теми, кто сражается! За них!

– За них. – Граф поднял свой бокал. Наследник престола рассуждал довольно здраво, увы, как раз тогда, когда ему лучше всего мертвецки спать. Пусть напьется.

Лопухин сглотнул коньяк, как воду, ничего не почувствовав. Торопясь, наполнил бокалы вновь.

– За доблесть!

Чуть только янтарная жидкость провалилась в желудки, он церемонно попросил разрешения отлучиться.

– Куда это? – поднял бровь стремительно соловеющий Михаил Константинович.

– По естественной надобности, – улыбнулся граф. – Потом справлюсь о том, как протекает сражение, и тотчас назад – догонять.

– Возвращайтесь скорее. И... это... только не надо меня успокаивать, я офицер! В общем... скажите мне, граф, как на духу: мы точно не тонем?

– Совершенно точно, – уверил Лопухин. – Планом похода утонуть не предусмотрено, даю вам слово...

Отпущенным милостивым кивком, он едва ли не пулей взлетел по трапу наверх. Понадобилось бы – удалился без разрешения и еще приказал запереть цесаревича в каюте. Но все вышло к лучшему. Процесс пошел, теперь наследник будет пить, пока не свалится. Главное – начать.

Откуда-то возник Еропка, пристроился барину в кильватер. В промежутках между залпами слышно было, как он ругает норманнов и как гудят элеваторы, подавая к орудиям бомбы. С юта слышалось испуганное мычание быков в загонах, и временами шурупом ввинчивался в мозг надрывный свинячий визг. Матросов на палубе

было немного: прислуга двух восьмидюймовок, сигнальщики и противопожарная команда. Граф обошел пятно крови – видать, чье-то тело уже успело повстречаться с горячим осколком. Возле прислуги бакового орудия суетился квадратный, как шкаф, боцман Зорич, то и дело потрясающий кулаками и выкрикивающий: «Так их, ребяташки! Подбавьте еще норманнскому басурману! Не робей, целься точнее!» Никто не обращал на него внимания. Каждую минуту мичман Завалишин кричал: «На дальномере!», – после чего командовал прицел и целик.

К удивлению Лопухина, полковник Розен вовсе не сидел внизу за слоем брони, а стоял у самого фальшборта, высматривая в бинокль что-то на горизонте и не обращая никакого внимания на вздымаемые падающими снарядами водяные столбы.

Пожалуй, стоило подойти и указать ему на неразумность такого поведения. Деликатно, конечно. Многие храбрецы любят бравировать опасностью, а этот к тому же еще и гордец...

– Взгляните-ка вон туда, – указал Розен вместо ответа и протянул бинокль. – Что скажете?

– Скажу, что этот тип судна мне неизвестен, – ответил граф через минуту. – У него странный корпус, напоминает какой-то хлев или амбар...

Грохот орудийного залпа помешал ему продолжить. Розен поморщился, поковырял в ухе.

– И это все, что вы можете сказать? Я добавлю: это бомбардирское бронированное судно. Стоит под парами, ждет, буруна на носу нет. Не британское. Будь оно британским, я бы знал. Что-то совершенно новое, и через полчаса мы с ним встретимся. Предполагаю на нем крупнокалиберную артиллерию.

– Так я и думал, – кивнул Лопухин. – Ловушка готова захлопнуться.

– Она уже захлопнулась, – неожиданно спокойным голосом ответил Розен. – Неужели вы не видите? Четыре... нет, уже шесть пиратских кораблей идут сзади. Четыре – справа, и у них достаточно пушек. Впереди – сами видите что. Слева, правда, никого, но соваться на зюйд для нас самоубийственно. Кроме пустынных шотландских бухт и голых скал, там ничего нет, пираты прижмут нас к берегу и раскатают. Наш каперанг – шляпа. Если честно, я вижу только один

выход: немедленно повернуть к норду и прорываться. Конечно, нам достанется на орехи, но авось проскочим. Но «Чухонец» пропал, согласны?

– Пожалуй.

– Не жалеете, что отправили туда своего мальчишку?

– Я о многом жалею, – угрюмо ответил Лопухин.

– О чем же, например? – Розен глядел лихо и насмешливо. Черт ему был не брат. Сабельный шрам на его лице покраснел, глаза блестели.

Ответа не последовало. Палуба внезапно накренилась – «Победослав» резко повернул вправо. Одновременно с ним, повинувшись сигналу, повернул «Чухонец», превратив кильватер во фронт. Но канонерка сразу начала отставать – корвет увеличил скорость.

– О, это уже дело! – воскликнул Розен. – Вот что, граф, пойдете-ка вниз. И побыстрее. Глупо жертвовать собой ни за понюх табаку. Сейчас мы попадем под продольный огонь, а это довольно неприятно. Совсем не то, что неточные переплеты бомбами с дальней дистанции. Скорее, скорее же!..

Продольный огонь страшен. Неточность наведения орудия по азимуту незначительна даже при бортовой или килевой качке, чего не скажешь о наведении на дальность. Палуба качается на волнах, кренится при поворотах судна. При таких условиях положить бомбу в цель, ведя навесной огонь, тем легче, чем цель длиннее по линии огня.

Жадно прильнув к смотровой щели боевой рубки, Рутгер издал низкое горловой рычание, означающее высшую степень восторга. Русские разглядели западню, но слишком поздно. В течение четверти часа их корабли будут являть собой превосходную мишень, опасную одними лишь баковыми орудиями – серьезными, особенно у канонерки, зато всего двумя! Что значат два орудия против двух десятков? Русским предстояла кровавая баня, и они на нее шли – упорно и бессмысленно, как многое из того, что делают русские.

Сейчас от их кораблей полетят клочья. Даже если «Фенрир», развивший полный ход после маневра русских, не успеет вступить в бой, он уже сделал свое дело.

Рутгер приказал уменьшить ход до малого, взять два румба влево и застопорить машину. Не ослабляя огня, «Молот Тора» начал выкатываться из строя. Кильватер изогнулся; теперь наиболее удобную позицию для расстрела русского корвета заняла «Валькирия», а «Черный Ворон» Бьярни Неугомонного поставил в продольный огонь канонерку.

Есть начало!.. Рутгер подвыл от восторга: бомба угодила в фок-мачту корвета. Брызнуло дерево, тяжело рухнул сбитый рей.

Еще попадание! И еще! Словно в ответ шканцы «Молота Тора» украсились фонтаном огня, дыма и взлетевших выше мачт обломков. По броне рубки забарабанили осколки. Рутгера отшвырнуло взрывной волной, в ноздри ударил запах пироксилина. Чепуха, Рутгер Кровавый Бушприт не по вашим зубам... И все же с этими русскими придется повозиться. Они хотят добавки? Они ее получают. Самое главное, чтобы не пострадал tzarevitch – обидно будет лишиться главной добычи...

В палубном настиле зияла рваная дыра. Ошметки человеческих тел разбросало по палубе, чья-то одинокая нога в сапоге застряла в вантах. У грот-мачты, корчась, умирал матрос. Но машина была цела, и почти не пострадала абордажная команда. Восемьдесят отчаянных храбрецов ждали своей минуты на борту «Молота Тора». Почти столько же – на «Валькирии». Карабины, револьверы, абордажные сабли сделают свое дело, но главное – готовность с яростью зверей драться за добычу и, если придется, умереть без сожалений. Фарульф и Эцур одержимы бешенством в бою и не ощущают боли от ран, каждый из них стоит минимум десятка... Рутгер редко сам водил своих людей на абордаж, но сейчас готовился сделать это. Пусть авторитет удачливого предводителя высок, а власть беспрекословна! Добыча того стоит, а лишней славы не бывает.

В кормовой части барка, в каюте ярла, в изголовье ложа, укрытого шкурой белого медведя, висел древний тяжелый меч, согласно легенде, некогда принадлежавший Эйрику Рыжему. Так это или нет на самом деле, не интересовало Рутгера. Главное – в это верят. И все же сегодня меч останется на месте. Мало вероятно, чтобы русские сдались на милость, а палашом вертеть удобнее.

У остальных – такие же палаши, только с гардами попроще, сабли, тесаки. Некоторые любят помахать секирой, подражая предкам. Но у предков не было ни револьверов, ни карабинов. Предок – одетый в кожи и шкуры викинг, оскал в бороде, брови в инее, стальной взгляд победителя – не ведал огневого боя, до некоторой степени уравнивающего шансы. Э! И предкам иной раз случалось гибнуть от руки слабейшего. Сила хороша, но успех дела решает расчет и – реже – случай.

Еще попадание – теперь в канонерку! И снова в корвет. И еще в канонерку! Все было ясно умудренному походами и боями пирату: русские готовились совершить славное самоубийство. Дьявол! Локи! Но нет, это лишь видимость, они ни за что не пойдут до самого конца... У них на борту tzarevitch, и они не осмелятся подвергнуть его жизнь чрезмерному риску. Влепить в них еще бомбу-другую, и они поймут, что напрасно пытались взять на испуг Рутгера Кровавый Бушприт. Еще ни у кого это не получалось.

Снова удачное попадание в канонерку – на этот раз в гребное колесо! И почти сейчас же над палубой корвета взвилось седое облако – попадание в котел! Или в паропроводы, что сводится к тому же. То сейчас там корчатся и вопят ошпаренные кочегары!

Корвет сразу уменьшил ход, вильнул влево и остановился. С него больше не стреляли. Канонерка описала полную циркуляцию и с большим трудом, как хромоногая собачонка, потянулась к корвету, отчаянно рыская на курсе. Ее громадное орудие также смолкло.

– Прекратить стрельбу! – скомандовал Рутгер. – Отсемафорить: всем прекратить стрельбу. «Фенриру» подойти к русским вплотную. Абордажную команду – наверх. Малый вперед, лево на борт.

Вокруг русских кораблей, вздымая фонтаны, тесно ложились последние снаряды, но они были уже лишними. Добыча не ускользнула. Вот она, протяни руку и возьми.

В бороде ярла открылся провал рта с крупными желтыми зубами. Рутгер захохотал во все горло.

Полосатая, как шершень, труба «Победослава» продолжала извергать черный угольный дым. Одна из оттяжек трубы лопнула, заменить ее не было времени. Дым лез и из осколочных пробоин в трубе, уменьшивших тягу. Два матроса под командой младшего унтера накладывали брезент на наиболее зияющие дыры и приматывали его проволокой.

И не было крови на палубе, припудренной цементом. Все равно стали серыми – и живые, и мертвые. Рутгер ошибался, полагая, что корвет получил попадание в котлы или паропроводы. Ошибался и Лопухин, уверенный в том, что храбрость Пыхачева заменяет ему план боя. А Розен предпочел смолчать.

Две ручные гранаты со снятыми рубашками и пудовый мешок превосходного цемента, не отсыревшего благодаря двойной упаковке из вощенной бумаги, дали необходимый эффект. Пыхачев приказал одновременно со взрывом стравить часть пара. Серо-белое облако окутало корвет, взвившись до брам-стенги, и медленно поплыло, гонимое слабым ветерком. Корвет остановился. Вокруг него вставали столбы воды, но он больше не отстреливался. Одна бомба срикошетировала от борта и разорвалась в воде.

Вскоре обстрел прекратился. Избитый «Победослав» чуть заметно покачивался на мелкой зыби. «Чухонец» еле-еле ковылял, натужно вращая искаленные гребные колеса. Его орудие молчало, опустив хобот так, что он нацелился в чудом уцелевший фальшборт, бизань-мачта была снесена, и больно было смотреть на Андреевский флаг, полощущийся на мачте последние минуты.

«Что делает Басаргин? – пронеслось в голове Лопухина, наблюдавшего за „Чухонцем“ в иллюминатор кают-компании. – Самое время затопить судно и спастись. Быть может, пираты не станут расстреливать шлюпки, у них иная цель...»

Потом он улыбнулся, и улыбка вышла хищная. Он все понял.

– Барин, куда же вы? – встрепенулся Еропка. – Убьют вас там!

– Ничего, может, не убьют, – усмехнулся граф. – Зато увижу кое-что интересное. А ты можешь остаться здесь.

– Да вы меня уж не знаю за кого держите, барин! – обиделся слуга. – За читателя «Одиссеи» какого-то, честное слово!

Орудийная прислуга укрылась за фальшбортом. По одному выныривая из трюма, вдоль фальшборта пробирались, согнувшись в три погибели, морские пехотинцы в черных, не припорошенных цементной пылью бушлатах.

В серой палубе корвета открылся черный люк. Вокруг него суетился лейтенант Гжатский, наблюдая, как тали тащат наверх четырехаршинный стальной цилиндр.

Лопухин успел как раз вовремя – выскочивший на мостик Пыхачев уже потрясал кулаками, собираясь разразиться бранью по адресу «этого идиота».

– Он не идиот, Леонтий Порфирьевич. Позвольте лейтенанту действовать самостоятельно. И вот еще что... прикажите-ка спустить флаг.

– Андреевский флаг? – дернулся Пыхачев. – Да вы в своем уме?!

Спуск флага во время боя равносителен сдаче корабля – так гласит Морской устав. В нем не указано только одно: неразумно придерживать каких бы то ни было правил в бою с противником, издревле имеющем обыкновение плевать вонючей слюной на все правила, придуманные цивилизованными людьми.

Остается, правда, еще самоуважение...

Обижаться Лопухин и не подумал, а уговаривать было некогда. Несуразный, похожий на амбар броненосец уже подошел настолько близко, что не представляло труда оценить калибр его орудий невооруженным глазом. Приближались и другие пиратские корабли.

– Именем его императорского величества приказываю спустить флаг, – отчеканил Лопухин. – До верхушки стеньги. А там он пусть застрянет. Ясно?

– Теперь ясно, – просиял Пыхачев. – Я еще пошлю кого-нибудь наверх, пусть возится с флагом, якобы пытается сорвать его, раз не получается спустить...

О том, что «Победославу» в любом случае придется выдержать жестокий залп, не было сказано ни слова – зачем указывать на то, что и так понятно? Главное, чтобы противник не начал разносить корвет в щепу раньше времени.

Еще есть шанс вырваться из капкана. Но «Чухонец» пропал, это ясно как день...

Канонерка подошла близко и легла в дрейф. Напоследок ее так вильнуло, что она развернулась румбов на двенадцать, обернувшись носом к амбароподобному броненосцу, обходящему «Победослав» с кормы. Канонерка напоминала ребенка, в надежде на защиту жмущегося к ноге взрослого, попавшегося опытным «потрошителям» и не способного защитить даже себя.

На мостике полуразрушенного суденышка как ни в чем не бывало стоял капитан Басаргин. Граф мог бы поклясться, что он едва заметно кивнул, обращаясь к кому-то на борту «Победослава».

– И... взяли! – вполголоса скомандовал Гжатский.

Десять пар рук подхватили стальной цилиндр самодвижущейся мины. Лейтенант, торопясь, вворачивал взрыватель.

– В кого? – только и спросил Лопухин, подставивший руки вместе с матросами и сразу ощутивший нешуточный вес смертоносного прибора.

– Если уж бить, то большого зверя... На корму ее! Боцман, расчистить дорогу!

Квадратный торс Зорича замелькал впереди. Удивительно: боцман как будто раздвоился, успевая отшвыривать обломки, убирать с дороги обвисшие канаты порванного такелажа, сердито цыкать на морпехов, и все это одновременно. Но все-таки граф едва не выпустил ношу, внезапно споткнувшись о мягкое, и понял, что это был убитый.

Страшенное туловище броненосца надвинулось тучей. Глыбой. Серым айсбергом. Смердно дышащим допотопным зверем. Оно приближалось по инерции, застопорив машину, и медленно катилось в каких-нибудь ста ярдах за кормой корвета. Стали хорошо видны не только три огромных пушки, выглядывающие из портов, но и головки огромных болтов, крепящих к скелету чудовища толстую броню.

Взбурлило. Винт взбаламутил воду. Чудовище останавливалось.

И внезапно раздался такой грохот, что Лопухин, хоть и ждал его, чуть было вторично не выпустил мину из рук.

Одиннадцатидюймовка «Чухонца», наклоненная вниз под предельным углом, выпалила. Двадцатипудовая бомба, снеся фальшборт канонерки, ударила в ватерлинию броненосца.

– Раскачали! – несвойственным ему тонким фальцетом закричал Гжатский. – На счет «три» – бросай! Раз... два...

«Только бы успеть», – пронеслось у Лопухина в голове.

– Три!

Мина перемахнула через фальшборт так резво, как будто всю жизнь мечтала научиться летать. Все-таки задев хвостовой частью о планширь, она упала в воду не плашмя, а так, как бросается в море пловец, разбежавшийся по каменному молу – головой вперед.

– Все назад! – крикнул Гжатский.

И вовремя: у кормового орудия уже работала прислуга, торопливо наводя восьмидюймовку на цель. Одновременно «Победослав» выпалил батареей левого борта по приблизившемуся пиратскому барку. В упор. Секундой позже по палубе прокатилось: «Целься! – и Лопухин узнал голос Розена. – Пли!»

Над фальшбортом пролетела молния. Морские пехотинцы хлестнули свинцом по человеческому стаду, повисшему на вантах в острейшем ожидании абордажа, резни и сладкой власти над побежденными. Кто-то отчаянно завопил.

И грохнуло, казалось, отовсюду. Со всех сторон. Одновременно.

Лопухин ощутил только первое мгновение этого грохота. Подхваченный взрывной волной близкого разрыва, подброшенный в воздух и нелепо кувыркающийся в нем, он все видел, но потерял все чувства, кроме зрения. Не было ни боли, ни страха, ни бьющей в ноздри пороховой вони, ни звуков. Перед глазами возникала то палуба корвета, ведущего отчаянный, но неслышный бой, то вконец истерзанный «Чухонец» с погружившимся в воду носом и высоко задравшейся кормой, то пиратский броненосец, почти скрывшийся за титаническим фонтаном вздыбленной воды.

«Да я убит! Я бесплотный дух», – осенило графа, и он удивился. Если убит, то как понимать это вознесение? Невозможно служить в Третьем отделении и надеяться на прощение. Как ни старайся, ничего не выйдет. Можно сохранить честь, но не белые одежды. Когда вопрос стоит ребром: «Честь или Россия?» – право выбора есть не у всех. Вряд ли смерть в бою с антихристами достаточный повод для прощения. Нет, покойному статскому советнику Лопухину полагалось бы не взлетать вверх, а опускаться вниз, все ниже и ниже, под воду, под океанское дно, еще ниже, еще глубже, к назначенному ему месту бесконечных мук и лишь в самом лучшем случае в черное ничто...

Чуда не произошло. Взлет сменился падением, и время сразу ускорило ход. Надвинулась свинцовая, почему-то кипящая

поверхность моря, ошеломил удар о воду, и почему-то стало очень холодно. «Неужто жив? – поразился граф. – И не ранен?»

Чья-то рука грубо схватила его за шиворот и потащила наверх, к свету. «А ведь верно – жив!»

– Дышите, барин, дышите! – услышал он и вдохнул. Время пошло в привычном темпе, и вернулись ощущения. «Шибануло за борт, – только теперь понял Лопухин. Рядом разорвалась бомба, и меня шибануло. Плаваю. Удивительно, что не порвало осколками. Или я все-таки ранен?..»

Он задвигался, оттолкнул Еропку и понял, что не ранен. Чудеса! Одно из тех чудес, что постоянно происходят на войне и служат темой для бесконечных пересудов. Нарушение вероятности. На благо спасся или нет – станет ясно потом, однако спасся, наверное, неспроста... Впрочем, спасся ли еще?

Но каков Еропка! Ведь сам небось бросился в воду – спасать. Ай да лентяй хренов, ай да холоп лукавый!..

Лопухину еще предстояло осмыслить и понять, каким чудом он остался в живых. Если бы его сбросило в море секундой раньше, он был бы неминуемо убит гидравлическим ударом от сработавшего изобретения лейтенанта Гжатского. Если бы он не был сброшен в море, его почти наверняка подстрелили бы на палубе. Слишком резко выделяется среди кителей и бушлатов господин в партикулярном платье, чтобы остаться живым и невредимым. В горячке перестрелки на убийственно близкой дистанции глаз стрелка сразу находит наиболее заметную мишень. Если бы Лопухина не отшвырнуло на три сажени от борта, то легко могло бы затянуть под винт.

«Победослав» уходил, буравя воду. Машина выдавала максимальные обороты. Ведя непрерывный огонь, корвет прорывался сквозь пиратскую эскадру, сбившуюся в собачью свалку, потерявшую последний намек на боевой строй. По нему били пушки, он вздрагивал от попаданий, но упрямо шел вперед.

В открытый океан.

Барахтаясь в воде, Лопухин радовался этому и не понимал, почему корвет еще относительно цел. Почему по нему не бьют в упор громадные пушки пиратского броненосца?

Пришлось обернуться, и тогда он понял. Броненосец, схожий с поставленным на плот блокгаузом, быстро тонул, заваливаясь на борт.

Вода уже врывалась в его орудийные порты. Одной из броневых плит попросту не существовало – ее сорвало то ли выпущенной «Чухонцем» бомбой, то ли взрывом самодвижущейся мины. Вода вливалось и в это широкое отверстие. Было видно, как маленькие фигурки матросов бросаются в воду, торопясь покинуть тонущий корабль, но потоки воды вновь затягивают некоторых из них в его чрево.

И вот наконец он окончательно завалился набок, показал на несколько секунд днище, попытался встать торчком, как поплавок, и быстро ушел под воду. В течение нескольких секунд на месте гибели броненосца бурлил фонтан, но иссяк и он.

Не было и «Чухонца». Там, где он тонул буквально минуту назад, теперь плавали обломки, и цеплялись за них люди.

Капитан Басаргин не просто вlepил бомбу в пирата сквозь собственный фальшборт. Он вызвал огонь на себя. Лопухин не знал, что каждая из трех бортовых десятидюймовок броненосца успела сделать по выстрелу, и две бомбы угодили в канонерку. Хватило бы и одной...

Не знал он и того, что его ждет в самом скором времени, когда обозленные исландцы обратят внимание на плавающих в воде людей. Но сейчас он вовсе не интересовался этим.

«Победослав» уходил – вот что было важнее всего.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой гибнет коллекция коньяков цесаревича

Лейтенант Фаленберг охрип и оглох. Его команд никто не слышал – все, кто находился на батарейной палубе, временно оглохли, но такой спорой работы Фаленбергу не приходилось видеть и на учениях. Подгонять мичманов – плутонговых командиров было незачем. Левый борт вел беглый огонь по пиратскому флагману, превращая красавец-барк в развалину; орудия правого борта рывкали часто и зло, их комендоры сами выбирали цель. Проворные руки заряжающих с удивительной скоростью выхватывали снаряды из беседок. «Православные, „Чухонец“ тонет!» – завопил было кто-то заполошным голосом, и ему сейчас же в энергических выражениях посоветовали заткнуться. Под ногами дрожал палубный настил – машина работала «самый полный вперед». Корвет выскользнул из тисков.

И лейтенант Фаленберг, и каперанг Пыхачев сейчас были равно рады тому, что на батарейной палубе установлены четырехдюймовки с унитарным заряданием. Скорострельный огонь по деревянным судам с предельно близкой дистанции губительнее неторопливой пальбы более крупных пушек. Меньше чем за минуту проскочив мимо неприятельского флагмана, корвет вдребезги разнес ему левый борт, сам же имел лишь два прямых попадания в броневой пояс. Морские пехотинцы продолжали вести ружейный огонь. Мичман Свистунов крутил ручку митральезы, поливая пиратов свинцом, и имел при этом такой брезгливый вид, как будто распылял над диваном из пульверизатора патентованный клопомор. Палуба барка стремительно пустела.

Ударило справа – фугасным, в броневой пояс. Не страшно. Мелкий снаряд разорвался на боевой рубке близ смотровой щели, и Враницкий с рычанием схватился за голову. Еще удар!..

На палубе падали люди. С криком сорвался матрос, возившийся наверху с флагом. Обе восьмидюймовки вели огонь по второму пиратскому барку, накатывающемуся справа. К кормовому орудью, заменив раненого наводчика, встал боцман Зорич.

– Задело вас? – отрывисто спросил Пыхачев, не переставая следить за ходом боя.

– Ерунда, – поморщился Враницкий, пытаясь приладить на место полуоторванный клочок кожи с волосами. По его лбу прокладывал дорогу кровавый ручеек. – Нет ли у вас индивидуального пакета, Леонтий Порфирьевич? Я свой где-то потерял.

– Возьмите... Нет, вы взгляните вон туда! Ай да молодцы комендоры! Трубу сбили. Ну, теперь мы, считайте, на свободе.

– Будет преследование, – предрек Враницкий и с хрустом разорвал зубами упаковку индивидуального пакета.

– Что?.. А, конечно, будет. Но мы уйдем, если только не подведет машина. Вот за что следовало бы помолиться. Жаль, некогда.

– И за капитана Басаргина...

– За него в первую очередь. Чистой души был человек, и моряк настоящий. – Сняв фуражку, Пыхачев размашисто перекрестился. – Упокой, господи, его душу... Рулевой, лево на борт!

Описав дугу за кормой флагманского барка, «Победослав» угостил его последним залпом.

– Так держать. Курс двести шестьдесят. Павел Васильевич, передайте Канчелялову, пусть его «духи» выжмут из машины все, что могут. От них сейчас все зависит.

В одно мгновение Нил с отчетливой ясностью понял: это все. Больше уже ничего не будет. То есть будет, но уже без него, Нила. Ясный и веселый мир будет существовать по-прежнему, не содрогнувшись и не ощутив столь малой потери.

Нил Головатых прощался с жизнью.

Он уцелел, когда «Чухонец» дерзко шел вперед, содрогаясь от попаданий, когда палубу осыпало стальным дождем и осколки с кошачьим визгом впивались и в дерево, и в людей. Его даже не задело. Он уцелел, когда два колоссальной силы взрыва разнесли корпус уже искалеченной канонерки. Нила швырнуло на палубу, и он некоторое

время ехал на спине по доскам, как ледянка по снежному склону. Он на время оглох, но сознания не терял. И когда корма «Чухонца» начала подниматься к небесам, когда немногие уцелевшие люди стали с криками бросаться в воду, вместе с ними бросился и Нил.

Вода была холодная, совсем как в Енисее после майского ледохода. Плавать Нил умел и холода не боялся, но одежда сразу намокла и очень мешала. Тяжелые башмаки норовили утопить. Нил схватился за обломок разбитой шлюпки, потом нашел глазами пробковую койку и доплыл до нее.

Вставая торчком, «Чухонец» словно бы сам повернулся на своих гребных колесах, вместо того чтобы вертеть ими. Когда колеса погрузились, стало хорошо видно, как удивительно быстро он тонет. Будто ныряет. «Отплывай дальше, дурила!» – закричал кто-то, и Нил заработал ногами. Позади него бурлило, ворочалось, тяжело вздыхало, словно выпускал дух исполинский кит. Ушло в воду перо руля, погрузилась корма, закружились в водовороте плавающие обломки – и все.

Но если все было кончено для старой канонерки, то для Нила мучения еще только начинались. Водяной столб вдруг вырос совсем рядом и обрушился сверху. Нил не знал, что это случайная бомба, вдобавок не разорвавшаяся от удара о воду. К счастью, койку он не выпустил. Выкашливая из легких соленую воду, он не имел представления, что, собственно, происходит вокруг, и не был даже уверен, что жив. Рядом, последним судорожным движением вцепившись в такую же койку, плавал мертвец. А может, он, Нил, тоже мертвый?

Пришлось подвигаться и повертеть головой, чтобы понять, что это не так. «Победослав» почему-то не шел на помощь. «Победослав» уходил прочь, грохоча всеми орудиями. Неужели так и уйдет, бросит?

Но пришлось поверить: уйдет. Уже ушел. Несколько пиратских кораблей бросились вдогонку. Их главный барк с кошмарно развороченным бортом остался на месте. К нему медленно подтягивались парусники.

Очень скоро дал себя знать холод. Нил стучал зубами, пока не устал. Мало-помалу становилось теплее. Пираты уже не пугали, и ничего не пугало. Нил знал, что скоро умрет. От пули, осколка или

холода – все равно. Он понял это, как только оказался в воде, но теперь он примирился с этим.

Жаль, но ничего не поделаешь.

С одного корабля спустили шлюпку. Странно: гребцы сначала направили ее куда-то в сторону и там что-то – или, вернее, кого-то – вылавливали из воды.

Только после этого шлюпка подошла к морякам с «Чухонца». Вот в нее втащили одного... второго... Робкая надежда затеплилась в Ниловой душе. А если и его спасут? Вдруг показалось, что не все еще потеряно и жизнь, может быть, не кончена. Пусть они пираты, пусть. Только бы спасли.

Если бы Нилу сказали сейчас: «Нет, не спасут», – он подумал бы, вздохнув: ну и ладно. Умирать вовсе не страшно. Просто немного жаль.

Шлюпка подплыла совсем близко. В руках у рыжего крепыша, стоявшего на ее носу, вдруг возникло короткое ружье. Хлестко ударил выстрел, и кто-то, уходя на дно, взмахнул странным черным рукавом. «Да это же ряса! – догадался Нил. – Это он отца Пафнутия убил, священника!»

При всей чудовищности этого злодеяния Нил не ощутил особого возмущения. Он просто-напросто начинал понемногу умирать, и когда рыжий дьявол оказался прямо над ним, сказал что-то непонятное и засмеялся, Нил не ответил и не отреагировал. Схваченный за воротник, он был одним рывком выхвачен из воды и брошен в шлюпку, но все это случилось как будто не с ним. Он просто принял это к сведению.

– Нил! Живой?! – выдохнул кто-то рядом, и Нил узнал барина. То, что барин тоже был тут, не вызвало никакого удивления. Так и должно было быть. Все правильно.

И все, надо думать, теперь кончится благополучно.

Полет – дело хорошее. Если только тебя перед тем не попотчевали кулачищем промеж глаз, отчего и летишь. И приземляться жестко – на

палубные доски.

Ну их, эти полеты. Нет в них пользы и удовольствия, ошибается лейтенант Гжатский. Пусть летают птицы. Врет Харви Харвисон: нет никакой Химерики, где люди путешествуют по воздуху со скоростью тысяча верст в час. Закон всемирного тяготения велит телам тяжелее воздуха летать лишь в одном направлении – сверху вниз. В крайнем случае вниз и вбок, если телу придано горизонтальное ускорение.

Хорошо было уже то, что рыжий норманн пустил в дело только кулак, а не нож. Ибо нет в жизни счастья, но в смерти его еще меньше.

Так мог бы подумать граф Лопухин, если бы имел время на посторонние размышления. Но мыслить приходилось конкретно, ясно и быстро.

Первое: не допустить, чтобы исландцы расправились с пленниками. То, что они выловили их из воды, еще ничего не значит. С них станется выловить только для того, чтобы помучить, прежде чем убить.

Он сразу назвал себя, зная, что пираты не прикончат графа из алчности. Какая-никакая, а добыча. Обязался дать выкуп не только за себя, но и за всех спасенных. Пусть задумаются, а там видно будет. Слово, данное признанным негодьям, стоит недорого. Главное – ввязаться в драку, как говаривал французский император, убитый под Ваграмом. И уж конечно, рыжий бандит, угостивший Лопухина кулачищем, понятия не имел, что такое настоящая драка, поединок умов и характеров. Это не мордобой, не абордаж и даже не орудийная дуэль. Она длится дольше, проходит тише, но горе побежденному в ней! И сладостен вкус победы.

Исландцы хохотали. Кто-то пнул ногой Еропку, кинувшемуся помочь графу подняться, и слуга повалился на барина. Пиратам было весело.

Потом прозвучало: «В трюм их!» – и пленных погнали толчками.

– Барин, на вас лица нет, – шепнул Еропка на трапе.

– Нет? А что же тогда на мне есть?

– Извините, барин. Морда.

– Что-о?

– Так точно-с. Да еще вот этак-с перекошенная.

– Поговори у меня...

Лопухин улыбнулся. Конечно, никакой перекошенной морды у него не было и не могло быть, просто слуга попытался по-своему подбодрить барина. Решил, что есть необходимость.

Зря. Но ошибка простительная.

Все, что смог сделать Рутгер, – это удержать «Молот Тора» на плаву. Левый борт красавца-барка превратился в руины. Будь зыбь чуточку сильнее, вода свободно заплескивала бы в трюм, лишив смысла борьбу за живучесть судна. Но авральная команда под руководством судового плотника справилась, и барк был вне прямой опасности. Он дойдет до самого Рейкьявика, если не попадет по пути в шторм.

Убедившись в этом, Рутгер дал волю ярости. Русские превзошли его коварством! Жирная добыча ушла из-под носа, из восьмидесяти человек abordажной команды уцелело не более тридцати, масса раненых, «Молот Тора» искалечен и потребует дорогого ремонта, а главное – погиб «Фенрир»! Корабль, при одном виде которого жертва должна была цепенеть от ужаса, грозный и неуязвимый бич приморских городков и купеческих караванов затонул, словно консервная жестянка. В первом же бою!

Из его команды удалось спасти лишь немногих. Среди них не было очкастого мистера Чэффери, о чем Кровавый Бушприт несколько не жалел. Но сколько первоклассных моряков пошло на дно! А главное, сколько денег, воплощенных в бронированном чудовище! За пушки и броневые листы было заплачено втридорога. А машина, а снаряды, а припасы?

Рутгер знал, что он сделает с Хэмфри Парсонсом по возвращении в Исландию. «Красный орел» – слишком легкая смерть. Он разрежет ему живот, пришьет конец кишки к столбу и, прижигая подлещина инженера факелом, будет гонять его вокруг столба, как лошадь на корде, пока кишки не кончатся. Он сполна насладится зрелищем долгих мук австралийца. А потом уже сделает «орла».

Но это по возвращении... Сейчас Рутгеру доложили: взят в плен русский граф, несомненно из свиты tzarevitch'a. Больше всего Рутгеру хотелось расправиться с ним на глазах у всех своих людей. Увы, приходилось считаться с реальностью. Люди имеют право на долю в добыче, а малая добыча все же лучше, чем никакая.

Нет, Рутгер не считал, что безвозвратно упустил главную добычу, а с ней и вторую половину английских денег. В погоню за русским корветом бросились «Валькирия», оба паровых шлюпа и «Черный ворон» Бьярни Неугомонного. Четверо против одного. И пусть корвет сильнее каждого из преследователей в отдельности – все вместе они еще могут загнать и затравить русского зверя. Прав был англичанин, заметивший: точно так же волки без усталости гонят и в конце концов убивают матерого лося.

Дичь умудрилась уйти из западни. Ну что же, настало время гонки. Океан для этого достаточно велик.

– Уголь кончается, – мрачно сообщил Пыхачеву Враницкий.

Он только что вернулся из машинного отделения, и свежая марлевая повязка на его голове выглядела так, будто ее коптили в дымоходе.

– На сколько его хватит? – спросил Пыхачев.

– При таких оборотах от силы на полчаса. Канчялов говорит, что есть еще несколько мешков, но там уголь совсем дрянь, пыль, а не уголь. Если нагар забьет колосниковые решетки, нам не уйти.

Стоя на мостике – боевая рубка не давала заднего обзора, – Пыхачев смотрел в бинокль на преследователей. Четверо. Не могут приблизиться, хотя идут полным ходом, но и не отстают. Пока могут бить из одних лишь носовых орудий, а они у них не слишком большого калибра. Это хорошо. К сожалению, нельзя заставить их держаться на солидном расстоянии – механизм вертикального наведения кормовой восьмидюймовки получил повреждения. Теперь пушка может бросать бомбы лишь на двадцать три – двадцать четыре

кабельтова. Это плохо. Если кормовое орудие окончательно выйдет из строя, положение станет хуже некуда. Тогда, чтобы ответить пиратам, придется вилить румба на четыре вправо-влево, ловя противника в сектор стрельбы носового орудия...

Но ведь пираты того и ждут и разом сократят дистанцию. При такой ставке на кону им выгодно свести дело к артиллерийской дуэли. Вес залпа у них – вдвое. Они учли свои ошибки и не повторяют их. Наивно надеяться, что у них нет ни бронебойных снарядов, ни зажигательных.

– Прикажите Канчялову не трогать дрянной уголь, – проговорил каперанг, отнимая от глаз бинокль. – Оставим его на крайний случай и сожжем последним. Вот что, Павел Васильевич, голубчик, распорядитесь-ка собрать на судне все горючие материалы. Запасной рангоут, разбитые шлюпки, лишнее машинное масло и так далее. Словом, все, что горит и не пригодится нам для ремонта и парусного хода. Проследите лично, прошу вас.

– Слушаюсь! – Враницкий бросил руку под козырек и сбежал с мостика.

Из трюмов потащили дерево. Завизжали пилы. Заготовкой поленьев распорядился боцман Зорич, заменив себя у кормового орудия вызванным с батарейной палубы артиллерийским кондуктором. Сбитый рей, треснувший при падении, пилили прямо на палубе, под обстрелом. Никого не приходилось подгонять.

Здесь же лежали убитые – изуродованные взрывами, продырявленные пулями. Розен, не дожидаясь указаний, приказал сложить их у борта. Сейчас мертвые не вызывали никаких особых чувств, даже два безусых гардемарина, для которых первое большое плавание стало и последним. Потом, потом! Все будет потом: и заупокойный молебен, и обнаженные головы, и скольжение вниз по доске зашитых в парусину тел. Всеу свое время. Когда надо думать о живых, мертвые ждут. Они легко переносят ожидание.

В лазарете наскоро перевязанные раненые сидели и лежали прямо на полу. Электрический свет резал глаза. Над телом забывшегося в наркозе матроса склонились доктор Аврамов и фельдшер, оба в окровавленных халатах. Звякали хирургические инструменты, и одуряюще пахло эфиром.

– А бой? Бой идет еще? – озабоченно спрашивал морской пехотинец с обмотанным бинтами лицом.

– Надо думать, идет, – отвечал ему немолодой унтер. – Нешто не слышишь? Мы убегаем, они догоняют. Эх, будь с нами «Чухонец»! Не стали бы мы тогда бегать. Вот бы что с исландцами сделали! – И унтер, не смущаясь тем, что морпех не может его видеть, сладостно показывал на ногте незавидную пиратскую участь.

– А что «Чухонец»?

– Как – что? Утонул. Царствие небесное его команде.

– Да ну?

– Вот тебе и «ну». Ты не видел, что ли?

– Как я мог видеть? Он с другого борта был. А тут сразу как вспыхнет! Глаза мне выжгло! – со злой обидой пожаловался морпех.

– Не выжгло, а обожгло, – не отвлекаясь от оперируемого, молвил Аврамов. – Чего не знаешь, о том не болтай. Заживет – будешь видеть. Женат?

– Нет.

– Ну, еще посватаешься... Ч-черт! – Это «Победослав» содрогнулся от попадания.

Страшный шрам на лице полковника Розена побелел от гнева. За какие-нибудь четверть часа полковник потерял половину своих людей. Погиб «Чухонец» – и взвода морской пехоты как не бывало! На «Победославе» морпехи тоже понесли потери. По опыту прежних кампаний Розен предпочел бы воевать не с исландцами, а с турками. Последние храбры, иногда до отчаянности, но не настойчивы. Об исландцах этого не скажешь, нет, не скажешь! И боевая выучка у них лучше, что и сказало. Девять убитых, семь раненых!

Заглянув в лазарет и ободрив своих, Розен, прыгая через три ступеньки, взлетел на капитанский мостик, где одиноко маячила фигура Пыхачева.

– Могу ли я быть чем-нибудь полезен?

– Несомненно. Сходите в рубку, посмотрите, сколько на лаге. Разберетесь?

– Разберусь. – Розен обернулся в минуту. – Пятнадцать с половиной узлов.

– Мало. Вот что, голубчик, вас не смутит грязная работа?

– Нисколько.

– Тогда возьмите ваших людей и помогите Враницкому с топливом. Когда кончится запасной рангоут, приступайте к мебели. Не жалеть ничего. Затем камбуз и кладовые. Действуйте от моего имени. Все запасы масла и свиного сала – в топку! Лишние матросские койки – в топку. Передайте Канчеву, пусть еще прибавит оборотов. Взлетим так взлетим. А не прибавим – не оторвемся. Все ясно? Идите. Нет, стойте! Ответьте мне: цесаревич... не пострадал?

– Жив и невредим, – дернул щекой Розен. – Пьет коньяк в своей каюте. Пожалуй, для его безопасности лучше всего будет запереть каюту снаружи.

– Позвольте... – нахмурился Пыхачев. – А граф Лопухин?

– Так ведь его шибануло за борт, разве вы не видели? Боюсь, что теперь за безопасность цесаревича отвечаю я один. – И Розен, козырнув, покинул мостик.

То, что начало твориться на корвете пять минут спустя, можно было сравнить с Батыевым нашествием. Пока матросы под командой Враницкого и Зорича продолжали заниматься разъемом бревен на поленья и досок на чурки, морпехи Розена, разбившись на команды в три-пять человек, рассыпались по корвету, врываясь во все его помещения, словно в казематы вражеской цитадели.

Опустошению не подверглись лишь каюты цесаревича, Пыхачева и Лопухина. Последнюю Розен опечтал, справедливо подозревая наличие в ней секретных документов. Не пострадало и помещение, где хранился дирижабль – стальную дверь попросту не сумели ни отпереть, ни выломать. Зато всё остальное было отдано на поток и разграбление. Полковник метался по корвету, изыскивая неиспользованные резервы топлива и изредка приказывая пощадить тот или иной предмет.

В кают-компаниях под ударами ломов с треском развалился длинный стол. Та же участь постигла книжный шкаф, но книги Розен приказал сложить отдельно и пока не жечь. В корабельной мастерской погиб жалкой смертью дубовый верстак. Из отпертых испуганным баталером кладовок проворные руки выхватывали банки с краской и маслом для светильников, ветошь, швабры, новенькие матросские бушлаты... Тяжкий урон понесли запасы провизии. Огню было все равно, что глотать, он требовал еще и еще.

Стрелки манометров дрожали у красного сектора.

– Сало в топку! – покрикивал Канчялов. – Не жалея, братцы! Окорока в топку!

Молодой кочегар с шалыми глазами на черном, как у негра из Сенегамбии, лице впивался зубами в каждый окорок, прежде чем отправить его в огненное хайло. Шуруя в топке, свирепо работал челюстями.

– Ого! Здоров пожрать наш Пилипенко! И у акулы отберет! – скалились кочегары.

– Осади! Що зможу зым, а решту надкушу! Эх, якый гарный харч псується!

– Сало, сало не трожь! Это наше топливо. Мясо жри, троглодит!

Отменного копчения свиные окорока, масло постное, скоромное и машинное, солонина, какая пожирнее, – все летело в топки, и жарко горело, и чадило немилосердно. Ныряли в адский огонь обломки дерева, пробковые койки, куски парусины, тюфяки, ветошь, лилась краска. Труба «Победослава» извергала небывало черный дым.

Пошли в дело туши невинно убиенных в артиллерийской перестрелке свиней. Их рубили топорами на части, нещадно кромсали ножами, срезая сало, и тащили в кочегарку. Единственная выжившая в бою свинья, проломив стенку загона, металась по палубе, заходясь в визге. Ее азартно преследовали матросы.

– Справа заходи, справа! Отрезай ей путь!

– Гони ее на бак, болезную!

– Навались разом! За уши хватай!

Трещали переборки. С палуб сдирался деревянный настил. Доживала последние минуты драгоценная отделка внутренних помещений. Ломы безжалостно вонзались в резные панели красного дерева, служившие украшением и гордостью «Победослава». Срывались тяжелые гардины. Гибло великолепие несостоявшейся императорской яхты.

– Поберегись! – и в груди никак не желающих загораться коек баталер метко выплеснул ведро рому. Пламя вновь ярко вспыхнуло, топка загудела.

– Куда, дурной?! – И последовала забористая брань. – Ты лей, да не всё лей!

– А чего?

– Хоть глоток отпить дай!

– Поговори! Да я тебя самого в топку забью, ежели еще раз вякнешь! Лучше быть трезвым, но живым, кто не согласен?

Кто-то в сердцах крикнул, но возражающих не нашлось. Канчялов, готовый пресечь перебранку, а то и драку, лишь кивнул и вновь перевел тревожный взгляд на манометры.

– Третий котел! Заснули? Давление падает! А ну, братцы, поддай жару!

На манометрах первого, второго и четвертого котлов стрелки уже чуть-чуть заехали в красный сектор. Через пять минут начало расти давление и в третьем котле.

Поршни ходили взад-вперед с небывалой частотой. Машина выдавала всю заложенную в нее мощь и даже, возможно, немножко больше. Она напоминала мышцы кита, напрягающего все силы в попытке уйти от стаи косаток. Она и дышала, как кит. Топки рыгали вонью. Вентиляторы не успевали вдувать свежий воздух и уносить чад. Один кочегар, голый по пояс, как все, вдруг зашатался и упал.

– Наверх его! Облить водой!

Матросы и морпехи тащили всевозможную горючую рухлядь, валили без разбора в кучу. Сначала куча быстро росла, потом начала понемногу уменьшаться.

– Ваше превосходительство! – обратился Канчялов к Розену, приволокшему половину разломанной кушетки.

– Ну?

– Как там наверху?

– Хреново. Делаем свыше шестнадцати узлов и, кажется, начинаем отрываться, но очень медленно. Мы все еще в пределах досягаемости их орудий.

Как бы в ответ на его слова корпус «Победослава» вздрогнул от нового попадания. Розен выругался.

– Командир приказал передать: ход необходимо увеличить.

– Взлетим, – вздохнул Канчялов.

– Выполняйте!

– Слушаюсь. Однако топливо...

– Будет вам топливо!

На третьем часу преследования стало ясно: отчаянный план, кажется, начал удаваться. Понемногу отставая, норманны вышли из зоны досягаемости поврежденной восьмидюймовки; сами же продолжали обстрел с предельной для своих орудий дистанции, понапрасну расходуя снаряды. Замеченное Розеном попадание было последним.

Пушки корвета молчали. Лейтенант Гжатский тщетно возился с механизмом наводки кормового орудия. Но, как ни хотелось людям послать пиратам несколько прощальных гостинцев, успех или неуспех всего дела зависел теперь не от орудий – от машины.

Ненадолго увеличив скорость, «Победослав» вновь держал лишь шестнадцать узлов хода. Третий котел капризничал; Канчялов был уверен, что от сотрясения корпуса трубы холодильника потеряли герметичность и котел питается практически забортной водой. Опасно нагрелся главный подшипник на валу. Пыхачев нисколько не солгал Лопухину, сказав, что «Победослав» может держать шестнадцать узлов лишь кратковременно.

И все же он держал эту скорость. Уже третий час. Из последних сил, своих и человеческих.

Под ударами топоров трещало последнее дерево. Срывались с петель двери офицерских кают, отскакивали поддетые штыками и ломом лакированные поручни трапов. Крушились рундуки. Корвет уподобился голодающему, чей организм пожирает сам себя. В ненасытных топках ведрами исчезали ром и водка, вычерпанные из ахтерлюков. В те же ведра сливались доставленные из буфета коньяки и ликеры. Корчились в пьяном пламени матросские подштанники и книги из офицерской библиотеки. Сгорел Харви Харвисон со своей бумажной Химерикой. Сгорел Тит Ливий. Ушли в небо дымом Аглая Мальвинина, Ксаверий Ропоткин и Марфа Пехоркина. Обнимаясь чернеющими страницами, пылали рядышком путеводитель по Копенгагену и иллюстрированная монография о половых извращениях на немецком языке.

– До вахтенного журнала, надеюсь, еще не добрались? – без улыбки пошутил Пыхачев, выслушав доклад Враницкого.

Старшему офицеру сейчас было особенно не до шуток.

– Через десять минут нам придется либо пустить в дело дрянной уголь, либо...

– Продолжайте.

– Либо начинать рубить мачты, – с усилием выговорил Враницкий.

– Резервы исчерпаны полностью?

– Практически да. Осталась сущая мелочь.

– Например? Докладывайте точнее.

– Уцелели две шлюпки – восьмивесельная и ялик. Я не решился тронуть их без вашего приказа.

– Если мы не оторвемся, шлюпки нам не помогут, – рассудил Пыхачев. – Рубить – и в топку.

– Слушаюсь. Осталось также немного мебели и личных вещей, но... – Обычно решительный Враницкий был сейчас в явном затруднении.

Пыхачев понял.

– Вот вам ключ от моей каюты. Действуйте. Оставьте смену белья, письма, деньги и дагерротипные портреты. Остальное – в огонь. Не жалейте.

– Слушаюсь!

– Постойте, голубчик. Где полковник Розен?

– Свирепствует, Леонтий Порфирьевич. Ограбил нашу команду, теперь грабит своих морпехов. Спалил все стулья из кают-компания и раму от портрета царствующей особы. За пропущенную деревяшку убить готов.

– Передайте ему... Впрочем, нет, не надо. Ступайте, голубчик.

Полковник Розен делал именно то, что не решился приказать ему командир «Победослава». После того как горючие предметы перестали попадаться ему на глаза, он возглавил набег на апартаменты цесаревича.

Первой подверглась опустошению каюта дворецкого и камердинера. Напрасно почтенный Карп Карпович тряс сединой, пытаясь остановить вандалов. Розен не стал понапрасну тратить слов, попросту указав: бери здесь, ломай на фрагменты, тащи известно куда. После тщетных попыток остановить погром бедный дворецкий пал животом на заветную шкатулку с Андреем Первозванным и подарками для микадо и приготовился защищать ее до последнего издыхания. И лишь убедившись, что погромщиков интересует мебель, а не шкатулка, Карп Карпович, предусмотрительно не выпуская шкатулку из рук, ринулся в каюту цесаревича.

Поздно: там уже находился Розен.

Михаил Константинович пребывал в том состоянии духа и тела, когда дух еще сознает свою нерасторжимую связь с телом, но решительно не знает, что ему делать с этой помехой. Дух витал и был крылат – тело не имело ни крыльев, ни сил, ни малейшего желания расстаться с кушеткой. Но для пущего вознесения духа следовало ублажать коньяком именно тело.

В более молодые годы цесаревич достигал частичного размежевания между духом и телом после второй бутылки крепкого. Теперь же вторая бутылка еще далеко не опустела, а своего тела Михаил Константинович уже не чувствовал. Тут таился повод взгрустнуть о годах, которые больше не вернутся, и о несовершенстве человека вообще, а взгрустнув – налить и выпить, чтобы отогнать мысли о бренности.

И о беспардонном поведении офицеров по отношению к наследнику престола, между прочим! Сначала цесаревич ждал графа Лопухина, пообещавшего, что вот-вот вернется. Очень скоро ждать стало невмоготу, и Михаил Константинович начал раздумывать: а не подняться ли и ему наверх? Раздумывая, он выпил три рюмки и решил пока остаться.

Граф все не шел. Со скуки цесаревич выпил еще, потом стал звать Лопухина, послал было за ним дворецкого – и тут в «Победослав» попало по-настоящему. Загрохотало так, что цесаревич ни на миг не усомнился: корвет разваливается и уже тонет.

Однако слух не улавливал ничего похожего на панические вопли, под дверь каюты не просачивались струйки воды, и мерзостные трюмные крысы не спасались табунами от потопа, прыгая куда

повыше. Михаил Константинович твердо знал, что крысы просто-таки обязаны это делать, а посему, выглянув в коридор и не заметив спасающегося крысиного поголовья, успокоился, вернулся и выпил еще.

Попадания следовали одно за другим, но цесаревич более не беспокоился. Даже когда машина остановилась, а в иллюминаторе совсем близко замаячило незнакомое судно, приближавшееся с явно враждебными намерениями, он несколько не обеспокоился. По-видимому, происходило именно то, что должно было происходить. Разве славные русские матросики дадут в обиду наследника престола? Сейчас произойдет что-то такое, отчего пираты сломя голову побегут назад в свой Рейкьявик, как обещал граф. Непременно должно произойти!..

И произошло! «Победослав» содрогнулся от бортового залпа, а потом содрогнулся сильнее от ответного снаряда. Еще один разрыв – совсем рядом! Взвизгнув, цесаревич отпрянул от иллюминатора. Хотелось бежать, но куда? Наверху еще страшнее, а внизу, пожалуй, утопнешь раньше всех, когда корвет пойдет на дно...

Но корвет не пошел на дно. Не побежали и пираты – побежал «Победослав». Переборки теперь вздрагивали гораздо реже, зато надоедливо вибрировали, выдавая отчаянные усилия машины.

Цесаревич чертыхнулся и выпил еще.

Потом еще.

Через некоторое время, уже чувствуя сильную качку, он все-таки попытался покинуть свою каюту. Надо было выяснить, что, собственно, происходит, ибо его беспардонно оставили в неведении. Никто не бежал к цесаревичу с докладами. Все надо было делать лично. Ни на кого нельзя положиться! Нет, это уже форменное свинство!

Бронзовая дверная ручка уворачивалась, нипочем не желая быть схваченной, но настойчивость цесаревича все превозмогла. Михаил Константинович потянул за ручку.

Никакого эффекта.

Потянул сильнее.

Без толку.

Возможно, произошла ошибка. Вероятно, дверь открывалась в другую сторону. Цесаревич толкнул ее с легкой досадой.

Дверь не открылась.

Михаил Константинович нервно задергал ручку туда-сюда. Затем забарабанил в дверь кулаками. Барабанил он долго.

С тем же успехом он мог барабанить в броневой пояс.

Что с дверью?!

Догадка – заперли! – все сильнее стучалась в рассудок, но примириться с этой догадкой цесаревич никак не мог. Его, наследника российского престола, без пяти минут самодержца огромной страны – заперли, как школьника!

Этого просто не могло быть. Нет-нет, ни в коем случае! Наверное, с дверью что-то не так. Должно быть, ее перекосило от взрыва. Здорово долбануло, что верно, то верно. В самом крайнем случае – дверь все-таки заперта снаружи, но заперта без умысла. Машинально. Сейчас Лопухин явится с извинениями и попытается изобразить раскаяние на своей мерзкой физиономии. Наверняка он и запер дверь. Со страху не соображая, что делает. Ха-ха. Будет хороший повод утереть ему нос. А пусть не заносится, тирьям-пам-пам! Статский советник – тьфу! Мелкая сошка. Моль конторская. Карточный шулер. Нет, папА совершенно не умеет подбирать людей. Удружил этаким фруктом, нечего сказать!

Пнув напоследок дверь и разом обессилев, цесаревич вернулся на кушетку. Выпил за то, чтобы Лопухину пусто было. Не-ет, когда обожаемый папА сойдет в могилу, таким ферфлюхтерам, как Лопухин, не найдется места ни при дворе, ни в Третьем отделении! Сослать. На Камчатке ему самое место. Пускай камчадалов учит в карты играть и воеет с тоски вместе с собаками. Цербер с собаками легко споеется.

Цесаревич повеселел. Все было хорошо, будущее сулило одни лишь радужные перспективы, и дух готов был воспарить. Он и воспарил спустя две рюмки. Мелкие неудобства – тьфу! Забудь о них. Зри в корень, и увидишь, что все идет, как надо. Жаль, не с кем выпить, ну да ничего...

Михаил Константинович чокнулся с бутылкой. По ту сторону запертой двери тяжело топотали, трещали ломаемым деревом – он не слышал. Он улыбался.

Потом, безо всякого перерыва, начался приступ черной меланхолии. Откупорив вторую коньячную бутылку, цесаревич заговорил с нею. Бутылка благоговейно внимала. Вести с нею беседу

было легко, не то что с людьми. Люди – это ого-го! Это банда сволочей и стадо бабуинов. Надо быть не в своем уме, чтобы добровольно согласиться править ими. Никогда! Ни за что! Цесаревич Михаил – вы слышите, господа? – принял решение. Окончательное и бесповоротное. Он накажет вас, неразумные. Он уйдет в монастырь. Да, в монастырь. И когда вы приползете к нему на коленях, умоляя не оставлять сырых, он выйдет к вам во власянице, мудрый и просветленный, и, не проронив ни слова, решительно покачает головой. Нет и нет! Он не вернется в мир. Вы недостойны сего.

И дух вновь воспарил до заоблачных высот. Плевать, что косное тело почти совсем перестало слушаться. Больше не надеясь попасть коньяком в рюмку, цесаревич хлебнул из горлышка. Дух был похож на воздухолетательную машину инженера... как его... лейтенанта Гжатского. Дух летал гораздо выше, но тоже не мог обходиться без топлива. Легко устранимое недоразумение. Еще полплоточка – и вверх, вверх!..

Михаил Константинович не услышал, как в замочной скважине повернулся ключ, однако полковника Розена опознал. Стало весело. Ага, пришли!.. Нет уж, извинения не принимаются. Ни под каким видом! Э... что он делает, этот полковник?..

Топоры и ломы морских пехотинцев обрушились на драгоценную мебель. Грубые руки срывали со стен персидские ковры. Напрасно дворецкий Карп Карпович вопил и прыгал, пытаясь остановить вандализм. Гибли платяные шкафы. Жалкая смерть постигла инкрустированное золотом и перламутром бюро работы знаменитого мастера позапрошлого века. Все хранившиеся в нем бумаги были небрежно брошены в угол. Вандал с ломом в волосатых лапах пытался поддеть крышку одного из сундуков с коньячной коллекцией.

Розен приблизился и проговорил что-то. Цесаревич понял не сразу, а когда понял, обрадовался. Вот это по-нашему! Отмахнувшись от дворецкого, он в азитации сам был готов крушить все подряд, и обязательно присоединился бы к бравым морпехам, если бы мог уверенно двигаться. Он никогда не думал, что заготовка дров – такое веселое занятие! Бей, не жалей!

Что?.. Коллекция коньяков? И ее в топку? Ха-ха. Ну конечно же! Разрешаю. Это будет номер! Помогите мне кто-нибудь встать, я хочу это видеть...

Никто не помог. Морпехи уволокли и сундуки, и инкрустированные дрова, позорно бросив цесаревича на кушетке. Из всей мебели уцелели кушетка и столик с недопитой бутылкой. Ограбленная каюта казалась непомерно большой. Среди валяющихся повсюду предметов гардероба, разлетевшихся бумаг и всякого неопознанного мусора застыл немой изваянием уязвленный в самое сердце Карп Карпович. Казалось, старик сейчас разрыдается либо застрелится. Любой слуга, вынужденный служить в таких условиях, немедленно подал бы в отставку – но только не слуга августейшей особы!

На сочувствие этой особы рассчитывать не приходилось. Вращая нетрезвым глазом, Михаил Константинович немедленно помешал дворецкому изображать памятник Вселенской Скорби:

– Ты... это... Сом Налимыч... Поди узнай, куда все подевались.

Дворецкий вздохнул.

– Слушаюсь. А только незачем узнавать, когда я и так знаю. – От огорчения Карп Карпович начисто утратил почтительность. – В кочегарке они. Мебель нашу в топках жгут, варвары.

– Да? А я тогда почему не с ними? Ты это... давай не стой. Давай-ка проводи меня...

Дворецкий всплеснул бы руками, не мешай ему шкатулка.

– Куда, ваше императорское высочество? Там, говорят, котлы вот-вот взорвутся! Хоть убивайте – сам не пойду и вас никуда не пущу! Бой идет еще, «Чухонец» потонул! Говорят, граф Лопухин убит! Коньячку лучше выпейте, ваше императорское высочество. Право слово, выпейте. Уснуть бы вам, да вот беда: спать придется на кушетке. Нет у вас теперь кровати – и вашему императорскому высочеству неудобство, и мне, старику, позор...

Карп Карпович сморгнул слезу. Разумеется, он ни единым словом не упомянул о том, что ему, как равно и камердинеру, отныне придется спать на полу, поскольку в каюте слуг «варвары» похозяйничали куда более решительно.

А кушетка коротка. Императорскому высочеству придется поджимать ноги. Дворецкий испытывал нестерпимый стыд.

Одно было хорошо: цесаревич внял совету. Выкушав напоследок еще рюмочку коньяка, заботливо налитую ему явившимся на зов дворецкого – вечно он не там, где надо! – бледно-зеленым

камердинером с повязкой на лбу, он запротестовал было и замотал головой, но почти сразу уронил голову и начал валиться набок. Через минуту он уже спал на кушетке, заботливо накрытый пледом, и, наверное, видел во сне полыхающие в адском пламени топки позолоченные завитушки мебели стиля рококо, бьющие в огонь из брендспойтов толстые коньячные струи, а может быть, и графа Лопухина, горящего неохотно, с чадом и ядовитым – непременно ядовитым – дымом.

Поделом ему, картежному шулеру!

Никаких брендспойтов для коньяка на «Победославе», конечно же, не имелось. Отбивая горлышки бутылок, матросы сливали в ведра янтарную жидкость. Время от времени тот или иной облитый водой кочегар подкрадывался с ведром к самой заслонке, та по команде открывалась, и меткий швырок отправлял жидкое топливо в огненную преисподнюю. Кочегар отскакивал, громяхая ведром. В топке выло синее пламя. Никто не обращал внимания ни на сгоревшие брови, ни на волдыри.

Сгорала драгоценная коллекция. Огонь с одинаковой охотой пожирал «Мартель» сорокалетней выдержки и притворяющийся благородным напитком дешевый бренди с клопиным запахом. Огонь, как грубый пьяница, понимал лишь крепость напитка.

Жара и чад становились невыносимы. Даже теплолюбивый лейтенант Канчялов страстно желал очутиться сейчас где-нибудь на льдине.

Один кочегар со звериным рычанием кинулся к коньячному ведру и, расплескивая содержимое, рискуя захлебнуться, принялся пить. Безумца били по голове, пинали под ребра и лишь с большим трудом оттащили от ведра за ноги. С трудом и не сразу прекратив избиение, Канчялов приказал окатить болвана водой и вывести наверх проветриться.

Стоя на мостике, Пыхачев наблюдал за преследователями в бинокль.

– Отстают ведь? Отстают? – выдохнул неслышно возникший рядом Враницкий.

– Во всяком случае, до нас они уже не достреливают.

Как бы в подтверждение слов каперанга кабельтовых в трех за кормой «Победослава» вырос и рассыпался столб воды.

– Что у Канчялова, Павел Васильевич?

– Дожигаем последнее топливо, Леонтий Порфирьевич. Ломаем переборки. Я приказал начинать жечь дрянной уголь. Все равно топить больше нечем.

– Хорошо. Еще что-нибудь?

– Вода в льялах поднялась на три дюйма. По-видимому, от попаданий расшатался корпус.

– Откачивать!

– Вручную?

– Разумеется. Вы еще спрашиваете! Всю энергию котлов – на вал.

– Слушаюсь.

Козырнув, Враницкий так и замер с ладонью у виска. То, что он увидел, так потрясло обычно немногословного и даже угрюмого старшего офицера, что он, забыв обо всем на свете, воскликнул:

– Леонтий Порфирьевич, да ведь они отворачивают! Отворачивают!

– Вижу, – коротко бросил Пыхачев.

И действительно: все четыре пирата показали борта, разворачиваясь на обратный курс. Над русским корветом прокатилось громовое «ура».

– Разрешите по крайней мере теперь сбавить ход, Леонтий Порфирьевич...

– Нет. Не смей!

– Подшипник не выдержит, – напомнил Враницкий. – Или котлы взорвутся, или паропроводы лопнут. Позвольте уменьшить ход хотя бы до штатных четырнадцати узлов.

– До пятнадцати, – уступил Пыхачев.

Старший офицер со всех ног слетел по трапам вниз к Канчялову. Тот воспринял распоряжение, поморщившись:

– Серединка на половинку, Павел Васильевич. Оно, конечно, хорошо, что противник уходит. А только взлететь на воздух мы все равно еще можем. Поверьте, очень не хочется. Моряку полагается погибать в чистом белье, а на мне что? Да разве можно здесь сохранить чистое? – Разгладив усы, лейтенант поморщился. – Ну вот видели, а? На каждом усе полфунта сажи, хоть трубочиста зови.

– Потерпите еще немного, прошу вас. – Никогда до сей минуты старший офицер не просил подчиненных. – Продержитесь хотя бы полчаса. Потом мы сменим курс и воспользуемся парусами. Кажется, ветер вновь свежеет. А уж когда спустимся южнее, сможем спокойно заняться ремонтом машин и выщелачиванием котлов. Угля не будет до самых Азор.

– И водки, – невесело усмехнулся Канчялов. – Следовало бы выдать команде двойную порцию, а выдать нечего.

– Что-нибудь придумаем, – чуть заметно усмехнулся Враницкий. – Люди поработали отлично. Низкий поклон «Чухонцу», без него бы мы не вырвались. Спасибо и графу Лопухину, он всех нас спас, царствие ему небесное... – И Враницкий, вздохнув, перекрестился.

...В запертой и опечатанной Розеном каюте графа с дагерротипа в простой картонной рамке чуть насмешливо и загадочно улыбалось прекрасное женское лицо. Тому дерзостному, кто рискнул бы войти сюда, сорвав печать, могло показаться, что великой княжне Екатерине Константиновне нет никакого дела ни до некоего графа, угодившего в норманнский плен, ни до «Победослава», что с каждой минутой увеличивал отрыв от пиратской эскадры, уходя курсом вест-зюйд-вест в открытый океан.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой царские дети равно страдают, но каждый по-своему

Император Константин Александрович любил гулять в Нижнем парке Петергофа. Верхний сад он не жаловал еще в детстве за геометрическую правильность, чопорность и плоский ландшафт – и до сих пор не переменял к нему отношения. Однако затевать большую работу по переустройству паркового ансамбля император не хотел. При нем в Петербурге, да и в Москве тоже, вообще не велось ни строительства помпезных дворцов, ни разбивки новых парков. Он был доволен тем, что уже есть, и приказывал подновлять, не строя и не перестраивая.

В провинции – иное дело! Губернские города дивно похорошели за минувшие четверть века. Харьков, Казань и Царицын стало не узнать. Да что губернские! Уже не всякий уездный городок являл собою вид пыльного захолустья.

Столица должна сиять, кто спорит. Но хуже нет, когда за раззолоченным фасадом вдруг открывается картина унылой и неопрятной бедности, навеки застывшей в ленивоумном нежелании изменить хоть что-то... облупленные, наводящие своим видом гробовую тоску присутственные здания в центре городка, дощатые заборы, от которых благоухает отнюдь не одеколоном, замусоренные пустыри, заросли крапивы в человеческий рост и непременно обширная лужа посреди улицы с комфортно устроившейся в ней свиньей. Обыватели – под стать пейзажу.

Но случись нечто ужасное со столицей – что останется? Убожество обшарпанных домишек? Вонючие заборы? Крапива? Похрюкивающая от удовольствия свинья?

Худо, когда страна имеет одну голову. Маловато и двух.

В последние годы крупные ассигнования шли на Дальний Восток. Бурно разрастался Благовещенск. Градостроители ломали головы, пытаясь привести застройку владивостокских холмов к сколько-нибудь разумному виду. Архитектор Львов-Рычалов, лично руководивший строительством небывало величественного здания Хабаровского

университета по собственному проекту, докладывал о скором окончании работ.

Сегодня Константин Александрович выбрал для пешей прогулки один из своих любимейших маршрутов: по Никольской аллее мимо Римских фонтанов и Шахматной горки до Александрии, а далее по Приморской аллее к Монплезиру. Как обычно, императора сопровождал старый денщик, имея на сгибе локтя шинель. Старик не доверял теплему июньскому дню.

Возле искалеченной Шахматной горки спорили двое – придворный архитектор Матвей Модестович Форелли, правнук навсегда осевшего в России славного итальянца, и знаменитый фонтанных дел мастер Сысой Рыбоедов. Диспут шел на повышенных тонах. Оба размахивали руками и чертежами, по всей видимости уличая друг друга в отсутствии художественного вкуса и технической безграмотности, вместо того чтобы справедливо ругнуть великого князя Дмитрия Константиновича, изувечившего красоту ради призрачной целесообразности. Много ли электричества даст установленная им турбина? Хватит от силы на полдюжины лампочек.

Спорящие стороны были настолько увлечены изобличением изъянов друг друга, что не сразу заметили императора. Заметив – поклонились. Константин Александрович ответил особым кивком – одновременно благосклонным и дающим понять, что отвлекать государя от его мыслей сейчас не следует. Оба искусника поняли правильно.

Царская семья готовилась к переезду в Крым, где по совету лейб-медиков император проводил уже пятое лето, дыша кипарисами, магнолиями, зноем гор и теплым морем. В Большом петергофском дворце царила предотъездная суэта, еще усугубившаяся приездом великой княжны Екатерины Константиновны с тремя фрейлинами и статс-дамой Головиной. Дворец напоминал цыганский табор. Но и распорядившийся переездом обер-гофмаршал, имея в своем распоряжении двух гофмаршалов и целый штат низшей прислуги, предпочитал сегодня действовать на свой страх и риск, не дерзая беспокоить государя.

Среди мыслей, занимавших Константина Александровича, особенно острым гвоздем засела в голове одна: где «Победослав»?

Корвет покинул Копенгаген шестнадцатого мая, о чем своевременно протелеграфировал Воронцов. Покинул – и пропал начисто. Вместе с канонеркой.

После Копенгагена он не заходил ни в один европейский порт. Это означало лишь одно: узнав о беспрецедентной по наглости военной демонстрации англичан в Ла-Манше, Пыхачев приказал изменить курс, чтобы обогнуть Великобританию с севера. Но даже и в этом случае экспедиция уже пять-семь дней назад должна была бы достичь Азорских островов. Однако каблограмма Пыхачева из Понта-Дельгада так и не поступила. В ответ на запрос русского министерства иностранных дел испанский губернатор на Азорах любезно сообщил, что в водах, омывающих вверенные ему владения короля Хуана-Филиппа, «Победослав» и «Чухонец» не появлялись.

Россия не имела консула на Азорах, однако сомневаться в искренности испанских властей не приходилось. Что делить Испании и России, кроме неприязни к Альбиону?

Император вполне понимал горячность Пыхачева и сочувствовал ей. Возможно, капитан поступил бы иначе, знай он о том, что резкий тон нот протеста заставил Англию открыть проливы уже к утру двадцать третьего мая. Но что сделано, то сделано. А дальше логически возникали три возможности.

Во-первых – и думать об этом было больше всего, – корвет и канонерка могли погибнуть в шторм. О небывало сильной для этого времени года буре писали все европейские газеты. Сообщалось о по меньшей мере шести погибших судах – и ни слова о «Победославе» и «Чухонце».

Последнее еще ни о чем не говорило. Отсутствие спасенных – дело, к сожалению, обычное при гибели корабля в шторм. Отсутствие найденных обломков и вещей, по которым удалось бы идентифицировать затонувшее судно, – тоже не такая уж большая редкость. Иной раз от судна не остается просто-напросто ничего. Мало вероятно, чтобы сразу от двух – но и это случается.

Во-вторых, по причине, известной ему одному, но несомненно веской, Пыхачев мог отказаться от захода на Азоры и устремиться сразу к Сандвичевым островам. Этот вариант Константин Александрович считал наименее вероятным, но он давал надежду. Сандвичевы острова не Азоры, подводный телеграфный кабель туда

еще не проложен и будет проложен нескоро. Пройдет месяц, а то и два, прежде чем весть о благополучном прибытии наследника в Гонолулу достигнет Европы. А значит, месяц или два будет жить надежда.

В-третьих – исландские пираты, «морская чума», вредоносный нарыв, все еще существующий благодаря попустительству великих держав. Для многих «исландская карта» слишком соблазнительна, чтобы отказаться от мысли разыграть ее в политическом преферансе. Госпожа Политика не знает, что такое мораль в поступках. О морали, о божеских законах можно вволю болтать на конгрессах, но кто поверил, тот проиграл.

Могли ли «Победослав» и «Чухонец» подвергнуться нападению в открытом море?

Могли. Не исключен даже вариант сговора между англичанами и исландцами. Вряд ли это можно доказать, но упускать из виду не стоит. Но не о том сейчас речь! Речь о судьбе наследника!

До вчерашнего дня император не рассматривал всерьез этот вариант. Вчера, однако, поступила телеграмма от русского военно-морского атташе в Лондоне адмирала Кончака, обратившего внимание на крошечную заметку, напечатанную в шотландской газете «Скотчмен» на восьмой полосе непосредственно перед разделом объявлений. Вот что в ней говорилось:

СРАЖЕНИЕ У ОРКНЕЙСКИХ ОСТРОВОВ?

Как стало известно редакции, вчера, 24 мая, рыбаки, промышлявшие сельдь в море к западу от острова Уэстрей, отчетливо слышали канонаду, продолжавшуюся в течение нескольких часов и постепенно смещавшуюся с северо-востока на северо-запад. По словам рыбаков, один из которых служил прежде в Королевском флоте, в канонаде участвовало несколько крупнокалиберных орудий, чьи мощные удары, вероятно, были слышны и жителям береговой Шотландии. По всей видимости, мы имеем дело либо со скрытыми от общественности маневрами Королевского флота, либо, что вероятнее, с очередной вылазкой исландских «ловцов удачи».

Вызывает удивление позиция правительства Ее величества, допускающая появление этих джентльменов вблизи берегов Шотландии. Так или иначе, навигацию в наших северных водах вряд ли можно считать полностью безопасной.

Ни одна из английских газет не перепечатала заметку из главной газеты малолетних шотландцев. Судя по всему, адмирал Кончак сделал свое открытие случайно, спустя десять дней после сражения – или все-таки маневров? Тотчас в Лондон полетели зашифрованные депеши. Агентурам Третьего отделения и Разведывательного управления Генерального штаба были поставлены новые задачи. Узнать подробно и доложить! Спешно!

Не спал Большой дом на Литейном. Генерал Сутгоф запросил дополнительных сумм, кои и были немедленно выданы Константином Александровичем из своих личных средств. Императору было противно сознавать, что эти деньги пойдут на вербовку новых агентов из числа англичан – врагов, конечно, но врагов традиционно уважаемых. Обиняками Сутгоф дал понять, что намерен расконсервировать своих агентов в Интеллидженс Сервис, сберегаемых пуще ока. Дипломатам и нелегалам предстояла нешуточная работа.

Начало игры. Той игры, проигравшему в которой не позавидуешь. Расплата – унижение и ослабление страны, бедствия для ее народа, а иногда и жизнь монарха в довесок. Риск огромен, а не играть нельзя: отказ от игры в конечном счете тоже проигрыш. Тем более – России, похоже, брошен вызов. Ах, если бы удалось доказать причастность англичан!..

Но стоп! – пока еще не доказан самый факт пиратского нападения. А если последнее имело место, то чем все-таки кончилось дело? Пыхачев не из тех, кто способен сдаться в плен без боя. Он пойдет на сдачу, лишь полностью исчерпав боевую мощь корабля и исключительно для того, чтобы спасти жизнь наследника престола. Но если цесаревич в плену, то почему до сих пор не переданы через посредника условия его освобождения?

Неужели погиб?

Шагая по аллее, император не замечал ни веселой зелени кленов и лип, ни изменчивых солнечных пятен на узловатой древесной коре. С

глубоким анализом сегодня не ладилось, мысли все время возвращались к наследнику. Ах, Мишка, Мишка... любимец матери, зря не поротый в детстве... беспутный шалопай, но ведь родная кровь!

Слабость длилась недолго. Ссутулившийся старик взял себя в руки, расправил плечи и поморщился от внезапной рези в правом легком. Да, пора в Крым... дышать кипарисами. Надолго ли – Бог весть.

Аллея сделала плавный поворот. Справа в беседке, полускрытой кустами боярышника, мелькнуло пышное женское платье.

Прислуга? Нет. Фрейлина Катеньки?

Скорее она сама. Знакомый наряд.

С кем это она здесь уединилась?

Совершенно неуместная сейчас заговорщицкая улыбка изогнула морщинки на лице императора. Полуобернувшись к денщику, Константин Александрович приложил палец к губам. Денщик замер без единого слова, а император, бегло оглядевшись – никого, – направился к беседке на цыпочках. Ни шелест палой листвы, ни хруст веточки не могли его выдать – парк хорошо вычистили после зимы. А шорох одежды почти не слышен, если не делать порывистых движений – эту истину Михаил Константинович усвоил еще в детстве, беззаботно играя в этом же парке.

Итак, кто же?

Голос Дмитрия Константиновича, прозвучавший за кустами, сразу успокоил императора. Значит, не амурные похождения, а товарищеская беседа. Митька и Катька... Эти двое любимых детей государя всегда держались друг друга. Небольшая разница в возрасте в пользу Дмитрия сближала их, делая примерно равными противниками в случае какого-нибудь спора и верными союзниками при чьей-либо попытке вмешаться в спор со стороны.

Жаль, но все когда-нибудь кончается. Уже в этом году великой княжне Екатерине Константиновне предстоит покинуть и родительские пенаты, и Россию. Со временем она должна стать королевой Бельгии...

– Значит, не Франц-Леопольд? – довольно громко спросил скрытый кустами великий князь, и Константин Александрович насторожился. – Категорически не он? Ну что ж, я буду последним, кто станет настаивать, ведь обручения-то еще не было. К счастью,

предусмотрительная природа создала достаточное количество германских принцев. Ты можешь выбирать, пока портнихи шьют твое приданое.

– Ах, ты знаешь, о ком я говорю, – ответил голос великой княгини. – И перестань, пожалуйста, подтрунивать, тебе это совсем не идет. Какое мне дело до принцев и моего приданого? С каким принцем я могу быть счастлива? Ты еще скажи «стерпится-слюбится»! Ненавижу эти утешения!

– Тоскуешь о нем? – прямо спросил Дмитрий Константинович.

И после долгой паузы напряженный слух императора уловил ответ: тихое «да».

– И ждешь от меня совета?

– Нет. Мне просто хотелось выговориться. Я знаю, что ты мне посоветуешь: как можно скорее выбросить дурь из головы. Разве нет?

– Кхм. Ну в общем-то... да. Морганатический брак с великим трудом был бы приемлем для дочери великого князя, но и в этом случае молодым супругам пришлось бы жить за границей. Для дочери же государя... – Великий князь не договорил, но было ясно, что он в бессилии разводит руками и качает головой.

– Лопухины уже роднились с Романовыми! – запальчиво прозвучал голос великой княжны.

– Верно, но когда это было? И что вышло? Ни в тебе, ни во мне нет ни капли крови Лопухиных. Опыт не удался, и никто не позволит тебе повторить его. Что такое Лопухины сейчас? Знатный, но обедневший и, надо думать, вырождающийся род. Я нарочно справлялся: за последние сто лет никто из Лопухиных не поднимался достаточно высоко на государственной службе, никто не совершил ничего выдающегося. Какой у твоего любезного классный чин – пятый? Статский советник в сорок лет – это не карьера.

– Ему тридцать девять! И не смей называть его моим любезным!

– Прости. Ну, допустим, произведут его по возвращении в действительные статские советники – дальше что? Ах, да это и не имеет решительно никакого значения! Будь он хоть канцлер империи, он тебе не пара – и кончено дело. Нет, лично я готов поверить, что милый твоему сердцу Николай Николаевич Лопухин – превосходных качеств человек... пусть даже он вдвое старше тебя, вдовец, невысок чином и вдобавок служит в очень уж специфическом ведомстве... но

нет, Катя, нет. Будь он трижды превосходнейший человек – нет. Рад бы тебе помочь, но ничего не выйдет. Выброси из головы.

Укрытый стеной кустов Константин Александрович улыбнулся, как улыбаются родители, обнаружив в своих отпрысках светлый ум и непреклонную волю. Тем больше укололи его слова дочери:

– Ты говоришь в точности так, как тебя учили. Примерный сын, образцовый великий князь...

Дмитрий Константинович принужденно рассмеялся. Похоже, слова Катеньки укололи и его.

– Добавь еще: раб своего положения. Так же, как и ты.

– Но в меньшей степени...

– Почему же в меньшей? Вспомни, что позволяли себе наши наставники. А званые обеды ты помнишь? Мы, дети, никогда не сидели друг с другом. Мы были вынуждены вести «взрослые» застольные беседы со взрослыми людьми, и я уверен, что в соседи нам специально подбирали самых скучнейших. Если мы допускали малейшую бестактность, нас обносили десертом. Кто принимал во внимание наши обиды? И впредь с нами будет так же, если не хуже. Мне тоже предстоит жениться на какой-нибудь германской принцессе, которую я, вероятно, пока и в глаза не видел. В чем же тут меньшая степень рабства?

– В том, что ты, Митя, мужчина, а мужчинам вообще больше позволено, чем нам, женщинам. Разве ты не сумел настоять на том, чтобы учиться не дома, а там, где учатся нормальные подданные? Попробовала бы я!

Великий князь хихикнул, но как-то невесело.

– Ты помнишь, чего мне это стоило? И чего я в конце концов добился, перепортив нервы всем и в первую очередь себе? Пажеский корпус, пф! Нормальные подданные! Знаешь, это даже не смешно. В Пажеском корпусе, Катя, Салтыков списывает у Долгорукова, рюрикович в спальне тузит гедиминовича, а грузинский князь с семиверстной родословной стоит на атанде. Да не в том дело! Военный, Катя! Великий князь не может быть штафиркой. А я технику люблю. Ну хорошо, пусть не Политехнический институт, пусть Инженерный корпус – но нет! И этого мне не позволили. – Дмитрий Константинович вздохнул. – Так-то, сестренка.

– Ты любишь управлять машинами, – немедленно возразила великая княжна, – а мне, когда я выйду за Франца-Леопольда, самой предстоит стать живой машиной для производства маленьких Саксен-Кобургов. Не лги мне, Митя. Ты не хуже меня знаешь, для чего предназначены царские дочери.

– Все мы по-своему живые машины, – несколько смущенно вымолвил великий князь.

– Да, но по-разному!

– Это верно. Вся беда в том, что ничего изменить нельзя. Понимаешь, нельзя! Знаю, что так несправедливо, а что поделаешь? Ровным счетом ничего. Трубочисту, упавшему с крыши, тоже, вероятно, кажется чудовищно несправедливым закон всемирного тяготения, и тем не менее он существует. Мир несправедлив, но зато он устойчив. Так лучше, поверь.

– А Тристан и Изольда?

– Всего лишь подтверждение правила, существующего уже не первую тысячу лет. Брось эти мысли, Катенька. Тебе надо проветриться, и все пройдет. Вот приедем в Ливадию, сама увидишь. Купаться будем, на горы взбираться, по долинам скакать. Ночные пикники при во-от такой луннице. Море светящееся. Вино, лучше которого нет. До твоей помолвки еще три месяца, а до свадьбы полгода, ну и проживи их в свое удовольствие...

– Придется, – вздохнула Екатерина Константиновна.

Стараясь не оступиться, император тихо-тихо попятился. Махнул рукой денщику – все в порядке, мол – и до самой аллеи шел очень осторожно. Кажется, никто из слуг не видел крадущегося императора – вот и ладно. И у слуг, и у охраны бывают не в меру длинные языки. Найдутся сплетники, скажут: подслушивать низко. Как будто сплетничать не низко... А молодец Митька! До судорог жаль, что он младше Мишки. Всего двадцать два года – и уже настолько разумен!

Константин Александрович усмехнулся, вспомнив себя в этом возрасте. Измайловский полк, обязательные воскресные парады на Марсовом поле, нудные стояния в караулах, гвардейские кутежи... дорвался свежееиспеченный поручик... карты, вино, распутные женщины... в особенности одна история, за которую до сих пор стыдно... Нет, великий князь Дмитрий не таков! Ну просто ничего общего. Отрада родительской души. Странная, но до чего же полезная

флуктуация в доме Романовых! Надо же – сумел уговорить сестру, когда уже казалось, что придется ломать ее о колено, принуждая к выгодному для государства браку. Не только инженер, но и дипломат, что гораздо важнее. Интересно, каков будет администратор? Быть может, доверить ему наместничество на Дальнем Востоке уже в этом году?..

Ах, если бы император мог слышать, что говорилось в беседке после его ухода!

– Отлично, – констатировал великий князь, отнимая внимательный глаз от малозаметной прорехи в зеленой стене. – Все в порядке, он ушел. Да что с тобой?

– Что? Бледна? – Великая княжна приложила к щеке тыльную сторону ладони.

– Какое там бледна! Красна, как помидор! Перегретый паровой котел, вот кто ты. Пойду-ка я отсюда – неровен час взорвешься.

– Болтун ты, Митя! Не смей никуда уходить. Я так боялась! По-моему, ты переигрывал.

– А по-моему, ты. Играла, как в любительском спектакле, не ведая страха перед мочеными яблоками. Все, у кого есть глаза и уши, знают, что Лопухин в тебя влюблен, а ты в него. Зачем же играть любовь, если можно ее попросту не скрывать?

– Да ну тебя! Я играла покорность, а вовсе не любовь. Лучше скажи еще раз: ты правда думаешь, что с НИМ все в порядке?

– Ну конечно! – бодро и с улыбкой ответил Дмитрий Константинович. – Кто может знать, отчего они до сих пор не на Азорах? Например, испортилась машина, а ветра нет – вот и сидят в штилевой полосе, скучают. Очень просто.

Сестра испытующе посмотрела на брата, но на лице у того не отразилось и тени беспокойства. Вероятно, все ее опасения за судьбу Лопухина не имели оснований. А может быть, Митя в самом деле был лучшим актером, чем она.

От угрюмых берегов Шотландии до кипения пышной зелени на островах Азорского архипелага – ни много ни мало тысяча шестьсот морских миль. Чтобы преодолеть их, «Победославу» потребовалось четырнадцать суток.

Трое из них – отчасти прав оказался великий князь Дмитрий Константинович – пришлось простоять в полосе мертвого штиля. Снабженный биноклем матрос без всякого результата сидел в «вороньем гнезде», вглядываясь в пустынный горизонт. Ни мачт, ни дыма. К юго-западу от Ирландии нечего делать ни торговым судам, ни военным. Разве что случайный китобой или рыбаки забредет в эти воды, спеша на промысел к берегам Ньюфаундленда – или же обратно с полными трюмами. Всем известно, что исландцы не трогают ни китобоев, ни рыбаков, платящих им дань.

Еще реже в этих водах можно встретить английское или немецкое судно, направляющееся в Китай не привычным путем через Индийский океан с многочисленными угольными базами по пути, а напрямую через Великую Атлантику. Просить у него угля совершенно бессмысленно.

Даже встреча с пиратами здесь маловероятна, хотя и не исключена полностью. Мертвые, никому не нужные воды. Пятьсот миль до оживленных торговых путей.

Появись поблизости исландцы, хотя бы малыми силами – и пропал «Победослав», это понимал каждый. Без машинного хода, в штиль, корвет не корвет, а слабенькая стационарная батарея. Мишень, о которой любой противник может только мечтать.

Много ли пользы от того, что механики под руководством лейтенанта Гжатского исправили-таки механизм наведения кормовой пушки? При атаке с кормы или носа – а ведь несомненно так и будет! – неподвижный корвет сможет ответить огнем только из одного орудия.

Первые дни было все-таки легче. Тогда дул свежий ветер, и «Победослав», делая от семи до девяти узлов, уходил из опасного района. Простились с убитыми, причем отец Варфоломей отслужил поистине трогательную панихиду, – и море приняло тела. Потом принялись устранять повреждения, и Враницкий сейчас же поставил на работы всех, кроме подвахтенных. Между ним и Розеном произошел резкий разговор по поводу участия в работах морских пехотинцев. Последние выражали очень мало желания трудиться

наравне с матросами, подвергаясь притом насмешкам из-за незнания самых простых вещей. В первый же день на шкафуте вспыхнула драка между несколькими морпехами и матросами – даже боцману Зоричу, человеку необычайной физической силы, не без труда удалось расшвырять буянов. Враницкий сам не утерпел – сгоряча смазал кого-то по уху.

И все же настроение команды было скорее радостное, нежели подавленное. Да, погибли товарищи, но ведь мертвых с того света не вернешь. Погиб «Чухонец», но ведь мы-то живы! Надо признаться: чудом живы! Прорвались и ушли, как в сказке. Будет что вспомнить на старости лет.

Никто из матросов не роптал на то, что отныне ему приходится давиться сухим пайком без водки и спать не в пробковой койке, а вповалку на полу кубрика. И офицеры, оказавшиеся в смысле удобств в ненамного лучшем положении, чем нижние чины, пошучивали над разоренной кают-компанией, где либо стой столбом, либо сиди по-турецки на голом полу. Не беда! Дойдем до Азор – все будет! Есть еще крохи топлива, чтобы раз в день вскипятить чай – ну и ладно.

Но заштилело – и настроение изменилось, будто повернули электрический выключатель. Тоскливое ожидание действовало на нервы. Солонина стояла комом в горле. Враницкий мрачнел, придирался к мелочам, чуть не избил корабельного плотника, не сумевшего полностью устранить течь, устраивал выволочки унтер-офицерам и по три раза на день приказывал играть дробь-тревогу.

– Шевелись, инвалидная команда! Веселее! Что за кислая рожа! Фамилия? – И немедленно изобретал наказание.

– Житья нет от аспиды, – зло шептались в кубрике.

Даже Пыхачев, редко вмешивающийся в отношения старшего офицера с командой, на третьи сутки штиля усомнился:

– Стоит ли так дергать людей, Павел Васильевич? Не чересчур ли?

– Как прикажете, господин капитан первого ранга, – по уставу отвечал недовольный Враницкий, четко отдавая честь и щелкая каблуками.

– Перестаньте, прошу вас, – морщился, огорчаясь Пыхачев. – Вам виднее, конечно. И все же я опасаясь, что вы перегнете палку...

Видя неподдельное огорчение командира, смягчался и Враницкий:

– Мне самому это не по душе, Леонтий Порфирьевич. А что прикажете делать? Или злость, или овсяный кисель вместо команды. Предпочитаю злость. Не для того мы удрали от пиратов на коньячном ходу, чтобы разлагаться без дела. Жаль, шлюпки мы пожгли, не на чем шлюпочное учение устроить...

– Ну добро.

И Пыхачев почти совсем перестал показываться из своей каюты, предпочитая там же и столоваться. Говорили, будто из его имущества уцелело несколько книг и все иконы, и каперанг проводит время в чтении и молитвах. Новый вестовой, правда, уверял, будто командир все время что-то пишет, черкает и снова пишет.

– Мало с честью отбиться от пиратов – надо еще отрапортовать так, чтобы не угодить под суд, – прокомментировал Тизенгаузен.

– Да за что же под суд? – наивно удивился Корнилович.

– За самовольное изменение курса, повлекшее опасность для жизни наследника престола, разумеется.

– Да ведь если по совести...

– Молчите, мичман. Судят не по совести, а по закону.

Батеньков делал обсервацию. Получалось, что корвет дрейфует на норд-ост со скоростью около сорока миль в сутки.

– Течение, господа, – разводил руками штурман. – Теплое течение, отклоняемое на север Срединно-атлантической мелью. А замеряем-ка температуру воды...

Результатом замеров стало то, что в воду опустили парус и разрешили команде купаться в льняной лохани. Южане ежились:

– Зябко. Ровно как у нас на Кубани весной.

Спускали водолаза в тяжелом костюме. Водолаз ползал по подводной части судна, добираясь до самого киля, искал повреждения.

– Кажется, обойдемся без постановки в док, – говорили в кают-компании.

– А есть ли хороший док в Понта-Дельгада?

– Есть, но всего один. Там наверняка очередь на ремонт. Охота была застрять на полгода в той дыре!

– Не скажите, лейтенант, не скажите. Азоры – место сказочное. Экзотические берега, экзотические женщины...

– Недели на две-три точно застрянем. Будут вам женщины.

– Иной раз на рейде стоишь, на берег не пускают, а ветерок с берега запахи доносит, знаете, этак густыми волнами. Волшебное что-то...

На третий день над морем повис туман, видимость упала, и матрос зря сидел в «вороньем гнезде». А утром четвертого дня засвежело, и вскоре задул ровный норд-вест силой до четырех баллов.

Люди повеселели.

Невесел был лишь один пассажир, и звали этого пассажира Михаил Константинович. Его императорское высочество пребывал в недоуменной обиде на всех и вся. Проснувшись наутро после боя, он обнаружил, что лежит на кушетке, прикрытый пледом, что ему холодно, а бок затек, и невозможно вытянуть ноги, и голова болит так, будто кто-то перемешал ложкой все мозги да еще спрыснул их клопомором.

С головой было понятно – коньяк виноват, но почему кушетка и плед, а не кровать и одеяло? Поморщившись, цесаревич шире раскрыл глаза – и не узнал своей каюты.

Куда-то исчезла вся мебель и все скромные, но приличные особе императорской фамилии предметы обстановки. На полу и стенах не обнаружилось ковров. Остался лишь столик – как в насмешку.

Некоторое время цесаревич собирался с духом, а затем, слабо замычав, поднял хворую голову и скосил глаза туда, где полагалось стоять кровати. Увы – последняя также отсутствовала.

Тогда Михаил Константинович натянул плед на голову, закрыл с блаженным стоном глаза и стал видеть сны.

Приснилась такая гадость, что хоть караул кричи. Сон был вульгарен, страшен и попросту возмутителен: Михаил Константинович сидел в тюрьме. Стены большой неудобной камеры, холодные и отштукатуренные, были испещрены нацарапанными вкривь и вкось письменами томившихся здесь некогда узников. Надписи попадались всякие: и сакраментальное «Сижу за решеткой в темнице сырой», и «Кому Бело озеро, а мне черным-черно», напоминающее об известном Данииле, и «Комендант – первый вор», нацарапанное рукой какого-то ябеда, и даже сквалыжное «Умру, но брильянтов не отдам».

Морозом веяло от этих стен. Имелась, правда, вделанная в стену печь, но холодная и с топкой, открывающейся в тюремный коридор. Надо думать, ленивые тюремные сторожа позабыли ее натопить. Или

дрова не были отпущены казною. А может быть, вор комендант приказал перетащить их в свой дом и сидит сейчас в халате перед пылающим в камине огнем, глядит на пламя и жмурится, как сытый кот.

Это было несправедливо. Это было подло, наконец! Цесаревичу захотелось завывать и заплакать от обиды. На каком законном основании наследник русского престола должен околевать от холода, как сибирский зверь мамонт в мерзлом болоте?!

Михаил Константинович хорошо знал, что это означает. Он больше не цесаревич, не наследник престола. Произошел переворот, и его заточили в крепость. Как этого, который младенец... Как еще многих. Не исключено, что через минуту за ним придут и поведут на казнь. Весьма вероятно, что придушат здесь же, в темнице. А может быть, его оставят умирать от голода и жажды в ледяных стенах.

Пытка холодом тянулась вечность. Тело перестало слушаться и примерзло к топчану. Язык отнялся. Скрипели петли железной, снабженной зарешеченным смотровым окошечком двери, входили и выходили разные незначащие люди и, ничего не сказав, выходили вон. Ум заходил за разум в попытках постичь, чего им надобно. Камер-юнкер Моллер, друг душевный, разразился глумливым смехом, позволил себе непристойный жест по адресу Михаила Константиновича и, пренагло виляя задом, упорхнул вон под ручку с певичкой Жужу. Гвардейский поручик Расстегаев и отставной капитан Пенкин внесли громадное блюдо, на коем в окружении ананасов и виноградных гроздьев возлежала голая баронесса Розенкирхен с пучком петрушки в покрашенном рту. Михаила Константиновича затошнило так, что он покрылся испариной и едва не проснулся, но тут появился папА со скорбным темным лицом, в потрепанной шинели и конногвардейской каске с двуглавым орлом. Несчастному узнику тотчас захотелось бежать куда глаза глядят, но он ужасом обнаружил, что врос задней частью в топчан, а последний, видимо, привинчен к полу. Венценосный папА сурово сдвинул брови и произнес одно лишь слово: «Недостойн!» – после чего растаял в воздухе, а вместо него образовалась какая-то совсем уже дикая карусель, вся состоящая из мелькающих лиц обоего пола, знакомых, полужнакомых и вовсе, кажется, незнакомых, но неизменно отвратных на вид и дерзко потешающихся над узником. И граф Лопухин приходил тоже, имея

почему-то вид архангела, лихо сдвигал нимб на загорбок на манер башлыка, подмигивал, добывал из рукава белоснежного одеяния колоду карт и предлагал сыграть в гамбургский похен.

Липкий ужас – вот что это было такое. А потом пришли двое, силой разъединили Михаила Константиновича и топчан и повлекли узника на воздух. Увидев там на ближайшем пригорке виселицу с петлей, мерно покачивающейся над уже подставленным табуретом, цесаревич рванулся что было сил из рук палачей, не преуспел, завыл по-звериному – и понял, что это был только сон.

Сразу сильно полегчало. Помог страшный сон, и неведомый мучитель перестал помешивать ложкой мозги. По-прежнему, однако, мучил холод и удивляло странное опустошение в каюте, но причину сего цесаревич не постигал. Вроде было вчера какое-то веселье... но какое? Розен в нем участвовал, это точно. Смутно помнилось, что он учинил по отношению к особе наследника престола какое-то свинство... но опять же – какое?

– Ка-арп!.. – вымучил Михаил Константинович, едва ли не впервые за время плавания назвав дворецкого по имени. – Где ты, Ка-арп?..

И верный Карп Карпович сейчас же явился – не иначе дожидался за дверью с чашкой рассолу.

– Доброе утро, ваше императорское высочество. Вот-с, извольте откусать.

Дальнейший утренний распорядок был известен обоим в мельчайших подробностях. Михаил Константинович пил рассол, после чего дворецкий отправлялся в буфет за шампанским, и через полчаса цесаревич окончательно приходил в себя. Утренний туалет не занимал много времени. Далее – по обстоятельствам. Наличие веселых друзей, неутомимых на выдумки, а равно шлюх и непременно цыганского хора могло существенно скрасить эти обстоятельства.

Увы – цесаревич окончательно припомнил, где находится, и несколько приуныл. С веселыми друзьями на корвете было туговато, а со шлюхами и цыганами – просто никак.

Ба, вспомнил! Вчера ведь состоялось что-то вроде сражения. Был еще какой-то спор с Лопухиным по поводу опасности для жизни, и бомбы рвались на броне «Победослава». Ну точно – сражение! Это хорошо. Нет, с одной стороны, конечно, свинство – подвергать особу

цесаревича опасности! Но с другой стороны – престиж. Боевая слава. Вероятно, и награда. Многие ли наследники российского престола лично бывали в самой гуще боя, а?

После полубутылки «Клико» Михаил Константинович повеселел, о царящем в каюте опустошении решил не спрашивать – само выяснится – и приказал бриться. Тотчас с тазиком, помазком, бритвою и полотенцем явился камердинер, опустивший глаза долу, украдкой вздыхавший и как бы заранее готовившийся к конфузу.

И конфуз немедленно произошел, стоило непривычно жиденькой мыльной пене коснуться щек цесаревича.

– Э! Э! Ты чего это? Сдурел? Почему вода холодная?

Камердинер вздрогнул, от чего пена залезла на правый бакенбард, а Карп Карпович согнулся в полупоклоне и развел руками:

– Ваше императорское высочество! Нет горячей воды. Совсем нет.

– Ну-у? А где ж она?

Верный дворецкий готов был заплакать от стыда и горечи. Волей-неволей ему пришлось рассказать о том, что все дерево на корвете, за исключением мачт и некоторых переборок, ушло в небо дымом, и что туда же ушла вся мебель, и что с утра на камбузе кипятился на лучинках чайник для офицеров, но теперь, конечно, давно выпит, и что не только грубиян кок, но и возомнивший о себе старший офицер отказал в просьбе нагреть воду, и что вчера толпа грубых варваров с полковником Розеном во главе не пощадила сундуков, в коих хранилась коньячная коллекция цесаревича. Не пощадила вместе с коллекцией.

– Как? – подскочил Михаил Константинович, наливаясь кровью. – Мой коньяк? Почему? И ты позволил?!

– Ваше императорское высочество сами позволили, – кротко отвечивал дворецкий.

Михаил Константинович посмотрел на него, потом на то, что осталось от убранства каюты, и понял, что это не шутка.

Против ожидания холодное бритье не причинило ему особых страданий. Страдания начались позже.

Бутылка вина, правда, появилась, но зря Карп Карпович ходил через час за следующей – вина он не допросился. Сунувшись было к старшему офицеру с протестом, дворецкий узнал, что за быт

цесаревича отвечает теперь полковник Розен, а найдя последнего, услышал, что корабельными запасами он не распоряжается.

Круговая порука и неуважение вопиющее! Но Михаил Константинович решил с достоинством вытерпеть все муки. Пусть негодьям самим станет стыдно.

На обед он получил кусок солонины, жестянку сардин, два сухаря крупного калибра, каждым из которых можно было без труда забить гвоздь, соленый огурец и графин клюквенного морсу. Не удержался, спросил об устрицах – и узнал, что початый бочонок с этим лакомством был вчера опорожнен в морские волны, разбит и сожжен в топке.

Пришлось насыщаться тем, что есть. Кто-нибудь другой на месте цесаревича пошутил бы насчет того, что морские моллюски вернулись в родную стихию, и начал бы подтрунивать над собой, но Михаил Константинович не был «кем-нибудь другим».

Ужин доставил ему те же муки, что и обед. Но главное – совершенно нечем было промочить горло. Не морсом же! Цесаревич гордо страдал.

Печальная трезвость родила изобретательность – спать под грудой всего, что осталось от гардероба, включая парадный мундир, было тепло. Хотя тесная кушетка не сделалась просторной.

Утро следующего дня принесло новый удар – посланный в кают-компанию Карп Карпович вернулся чуть не плачущим и без бутылки.

– Не дают-с, – тоном приговоренного вымучил он, пряча глаза и забыв титулование. – Говорят, вашему императорскому высочеству положена теперь одна бутылка на два дня.

– Как?! – На один миг Михаил Константинович стал страшен. – Сгною! Кто посмел?.. Кто говорит?

– Старший офицер говорит... – И честный дворецкий, восприняв обиду цесаревича как личную, шмыгнул носом.

В кают-компании коротали время офицеры, свободные от вахты. Сидя по-турецки на куске брезента, настеленном на голый пол, Фаленберг играл в шахматы с Завалишиным. Шахматы были богатые – бронзовая доска с перламутровой инкрустацией и фигурами из слоновой кости. Только это и спасло их от сожжения. Шахматы принадлежали командиру и временно перекочевали в кают-компанию для подъема настроения.

Сражение шло уже третий час. Завалишин пытался поставить мат конем и слоном. Одинокый король посмеивающегося в усы Фаленберга уже не раз обежал всю доску. Мата не было.

– Да ведь должен же он ставиться! – возмутился Завалишин.

– Раз должен, так поставьте. Только чур сами. Заглядывать в учебник во время игры – моветон. Да и сгорел учебник.

– А я тогда вот так! Шах.

– А я сюда ушел.

– Еще шах!

– А я опять ушел. От бабушки ушел, от дедушки ушел...

Тизенгаузен молча пил холодный чай. Батеньков читал невесть каким чудом уцелевший лохматый номер «Русского слова» за март месяц. Свистунов, давясь смехом, вполголоса рассказывал Аврамову непристойный анекдот. Отец Варфоломей придвинулся ближе, стал прислушиваться.

– ...А господин отвечает: «Се не проветривать, се мыть надо!»

– Ха-ха-ха! Как медик я совершенно с этим согласен!..

– Кхм. И это все?

– Все, батюшка.

– Господи, прости мою душу грешную! Разве ж это анекдот? Вот я вам расскажу... и не анекдот вовсе, а самую натуральную быль. Учился я о ту пору в киевской семинарии, а по праздникам пел в хоре, так вот одна купчиха...

– Шах!

– А я опять ушел.

– Ну а я тогда вот так.

– Поздравляю вас с ничьей, мичман.

– Почему с ничьей? Как с ничьей?

– Ничего не могу поделать – пат.

– Позвольте переходить?

– Уже дважды позволял. Все на мне ездят. Нет уж, хватит. Ничья.

– Господа, господа, прошу тишины! Тут у нас с батюшкой душеспасительная беседа.

– Да ну вас. Жаль, господа, что пианино пожгли. Сыграть бы сейчас что-нибудь веселое.

– Пианино – это я еще понимаю, а вот зачем погубили гитару? Нашли топливо!

– А мне книгу Харви Харвиссона жаль. Так и не дочитал.

Батеньков водрузил на нос пенсне и стал вглядываться в мелкий шрифт.

– Тут недоразгаданная крестословица, господа. М-м... Нежвачное парнокопытное, шесть букв. Кто-нибудь знает?

Дверь отворилась, впустив цесаревича. «Господа офицеры», – негромко произнес Батеньков, старший по чину из присутствующих, и все вскочили. Фаленберг проворно застегнул пуговицу.

– Здравия желаем, ваше императорское высочество!

Приветствовали дружно, но казенно, без огонька. В ответ цесаревич пробурчал нечто, из чего при должной фантазии можно было заключить, что он тоже в общем-то не желает офицерам тяжелых болезней. Сразу можно было заметить, что наследник престола не в духе. Взгляд его, перебегающий с одного лица на другое, был трезв и тем пугал. Неприятный это был взгляд, еще мало кем на корвете виденный.

А еще было заметно, что цесаревич не знает, с чего начать.

– Свободные от вахты офицеры отдыхают, ваше императорское высочество, – не дав затянуться неловкой паузе, отрапортовал Батеньков.

– Похвально, – кивнул Михаил Константинович, неизвестно зачем решив одобрить флотские порядки. Сейчас же его одутловатое лицо выразило: «И это вы называете отдыхом? Смеем издеваться над наследником престола, так вас понимать? Хороши! Ишь, застыли. Оловянные солдатики!»

И точно: лица офицеров не выражали ничего сверх предписанного уставом. Даже мичман Свистунов, памятный по славному кутежу в Данциге и помеченный в нетрезвой памяти цесаревича биркой «этот свой», оловянно тарасил холодные нагловатые глаза – делал, негодяй, вид, будто не понимает, чего надо будущему императору.

Почему? Что случилось?

Михаил Константинович был, наверное, единственным на корвете, если не считать содержащегося под замком машинного квартирмейстера Забалуева, кто не понимал, что случилось.

А случилось всего-навсего сражение, успешное, но кровопролитное, сразу делящее людей на две категории. Даже выпавший за борт и вернее всего погибший «цербер» граф Лопухин

был сейчас ближе каждому из офицеров и матросов, нежели наследник престола, вне всяких сомнений явившийся за спиртным. Ничто так не делит людей на «наших» и «не наших», как пережитая опасность.

Вот этого-то никак не мог понять цесаревич, заподозривший во время короткой паузы, что присутствующие попросту бестолковы и нуждаются во внятных подсказках.

– Вы... это... вольно, господа, вольно, – улыбнувшись через силу, проговорил он, делая руками такие движения, будто плавал по-собачьи. – Без чинов, без различий. Я люблю по-простому. Что это вы так отдыхаете? Ни вина, ни песен. Кого хороним, а?

Передернуло всех, не исключая и Свистунова.

– Умершего в лазарете кондуктора Ласточкина нынче схоронили, ваше императорское высочество, – отвечал, дергая щекой, Батеньков. – Остальных убитых отпели и похоронили еще вчера.

Цесаревич смешался лишь на секунду.

– Печально, печально... Сожалею. Вот что, господа, а не выпить ли нам по маленькой? В честь избавления от опасности и вообще...

Гробовое молчание было ему ответом. Михаил Константинович рассердился.

– Да вы что, языки прикусили, что ли? Забыли, кто я? Вам волю дай – вы из корвета монастырь сделаете. К черту покойников! Ненавижу кислые рожи. Приказываю пить и веселиться! Подать сюда вина!

– Вина у нас не имеется, ваше императорское высочество, – холодно доложил Батеньков.

– Как?! Ну, водка, ром, коньяки и ликеры – это я еще понимаю, сожжены. Но вино?

– Погибло во время аврала. – Батеньков не стал уточнять, что, освобождая деревянную тару, матросы и морпехи попросту переворачивали ящики, безжалостно вываливая на пол бутылки «Клико», «Цимлянского» и мадеры. Вся кают-компания была завалена битым стеклом и благоухала. Вина уцелело прискорбно мало. Наверняка нижние чины успели что-то припрятать, однако Пыхачев категорически запретил чинить обыск: «Люди заслужили».

– Не может того быть, чтобы все погибло, – не поверил цесаревич. – Вы, капитан-лейтенант, примерную девочку из себя не стройте, я таких, как вы, насквозь вижу. Я вам приказываю, это вы

поняли, балда стоеросовая? Исполнять! Нигилист! Стною! Ноги в руки – и марш!

Последние выкрики сопровождались топанием ног. Из рта цесаревича летели брызги, одутловатое лицо побагровело. Батеньков, напротив, страшно побледнел. Тизенгаузен сделал к нему шаг, надеясь, как видно, предотвратить непоправимое. Мичман Свистунов, сызмальства не обладавший железной выдержкой, сжал кулаки и нехорошо осклабился.

– Свинья! – вдруг громогласно возгласил отец Варфоломей и захохотал густым басом. – Свинья и никак иначе!

Цесаревича словно ужалили.

– Что-о?!

– Крестословица, ваше императорское высочество, – пришел священнику на помощь флегматичный Фаленберг, указав на журнал. – Нежвачное парнокопытное из шести букв – свинья. Подходит.

Не говоря более ни слова, цесаревич круто повернулся на каблуках и вышел вон.

Показалось ли ему или и вправду спустя несколько секунд после его ухода из кают-компания донесся взрыв хохота – осталось неизвестным. Позднее Михаил Константинович твердо решил: показалось. Ведь не может того быть, чтобы офицеры настолько забыли уважение к императорскому дому! Никак не может.

А значит, этого не было.

Искать Враницкого и Розена цесаревич не пошел – с этими двумя негодьями было все ясно. Ничего, дайте срок, господа, вы у меня славно попляшете, когда помрет папенька!

Мичман Корнилович, друг сердечный, объяснял что-то матросам на шкафуте. На цесаревича он даже не посмотрел. Ну ладно!..

Оставить жаждущего без капли спиртного – это, конечно, заговор, в том не было сомнений. Но оставалась еще надежда. Ведь не может того быть, чтобы все без исключения офицеры корвета участвовали в заговоре! Ведь есть, наверняка есть среди них порядочные люди! И почему бы такому порядочному офицеру не иметь бутылки-другой в личных запасах? Какому дураку не лестно выпить и подружиться с наследником престола?

В разоренной мастерской лейтенант Гжатский чертил углем на выбеленной переборке. Пока это был эскиз в трех проекциях, но эскиз

совершенно необычайный. Под рукой вдохновенного лейтенанта рождался еще небывалый корабль.

Узкий и длинный корпус имел хищно-стремительные обводы, позволяющие развить феноменальную скорость. Машины – конечно, тройного расширения, а еще лучше подошли бы экспериментальные пока паровые турбины на жидком топливе. Корабль совершенно не нес снастей. Единственная мачта убежала вместе с надстройками и трубой к правому борту. Длинная и ровная, как беговая дорожка ипподрома, палуба простиралась от носа до самой кормы, нависала козырьком над бортами. Как видно, изобретателю долго не удавалась кормовая часть. Еще можно было различить на ней наспех стертую грузовую стрелу. В новом варианте целый кусок палубы мог опускаться в трюм посредством гидравлических механизмов, открывая гигантских размеров люк, и, вероятно, подниматься обратно с грузом. С тем самым грузом, ради которого воспаленный мозг инженера вызвал из небытия необыкновенный корабль.

Летательный аппарат тяжелее воздуха! Не сказочный ковер-самолет, а, допустим, просто самолет. Хорошее название. Тот самолет, который с появлением более подходящего двигателя, нежели паровой, сумеет пролететь по воздуху не жалкие несколько сажен, а сто, двести, пятьсот верст! Он сможет подняться в небо на версту для отыскания в море противника и, возможно, даже для атакования его сбрасываемыми снарядами. Разумеется, запас топлива и боеприпасов сделает аппарат много тяжелее, чем хотелось бы, а значит, для взлета потребуется значительная скорость. Что ж, самолеты будут взлетать и садиться на полном ходу судна, которое вдобавок должно развернуться против ветра. Длины палубы хватит. Конечно, придется оснастить самолет эффективными тормозами... что-нибудь вроде якоря с пружиной... или, быть может, придумать устройство для торможения, монтируемое прямо на палубе?

Лейтенант вздохнул, поняв, что углубляется в детали. Тормоза – проблема легко решаемая. Главный вопрос – двигатель! Паровой, сколь его ни совершенствуй, не подойдет, это точно. Он не очень-то хорош даже для самобеглых экипажей и едва приемлем для дирижабля, где, невзирая на пламегасители, только и жди, что от искры вспыхнет водород в оболочке.

И есть еще одна проблема, пожалуй, потруднее – убедить старцев из Морского технического комитета в том, что такой корабль не только возможен, но и полезен. Не замшелым мозгам постичь всю дерзновенность замысла! Некоторые заснут в креслах, не дослушав докладчика, другие же от души повеселятся, и первой фразой непременно будет такая: «Военное судно без артиллерии? Ор-оригинально!»

Еще раз вздохнув, Гжатский пририсовал по два орудия на борт в спонсонах. Вышло как-то неубедительно.

– Кхм. Здравствуйте, лейтенант, – прозвучало сзади.

Первой мыслью Гжатского была та, что он, увлекшись, опоздал на вахту. Такой казус с ним уже случался. Но оказалось, что мастерскую неожиданно посетил цесаревич Михаил Константинович.

Вытянувшись, лейтенант ответил как положено.

– Что это у вас здесь за настенные росписи? – прозвучал вопрос.

Лейтенант принялся объяснять. Цесаревич слушал невнимательно, нетерпеливо притоптывая, но увлекшийся Гжатский не замечал этого.

– Водка есть у вас? – потерял терпение цесаревич.

Лейтенант смешался. Будучи на голову выше Михаила Константиновича и значительно шире его в плечах, он, теряясь, как бы уменьшался в объеме.

– Простите, ваше императорское высочество, я не совсем понял...

– Русским языком спрашиваю: водка есть? Коньяк, ликер, винишко какое-нибудь? Очень надо. Строго между нами: обещаю вам поддержку вашей выдумки, если вы сию же минуту добудете мне выпить. Ну?

Гжатский, весьма далекий от офицерских кутежей на берегу, искренне не понимающий, зачем другие пьют да еще напиваются допьяна, ни разу в жизни не пригубивший вторую рюмку, съежился еще сильнее и растерянно забормотал:

– Ваше императорское высочество... никак нет... спиртного у меня не имеется... две банки сырой нефти есть, случайно уцелели, а выпивки нет, честное слово...

Никто еще так не издевался над наследником престола. В один миг проект самолетонесущего корабля лишился шанса приобрести

влиятельного покровителя. Крикнув Гжатскому в лицо, чтобы тот сам пил свою нефть, цесаревич в гневе выбежал из мастерской.

В тот же день его видели в лазарете, где бездушный Аврамов пытался напичкать его порошками, а спирту не дал, затем искательно беседующим о чем-то с боцманом Зоричем, причем последний выкатывал грудь, пучил оловянные глаза и рявкал на весь корвет: «Никак нет, ваше императорское высочество!» – а чуть позже разыскивающим баталера Новикова. Все было тщетно. Весь день цесаревичу пришлось вести тяжкую жизнь трезвого человека.

Вечер принес новый удар: огонек в светильнике замигал и потух. Выяснилось, что нигде больше нет ни масла, ни керосина. Карп Карпович раздобыл где-то допотопный фонарь для свечки, но и небогатый запас свечей, как оказалось, исчез в ненасытных топках.

Пришлось гордо сидеть впотьмах – благо ночи короткие. Не жечь же цесаревичу лучину, раскладывая от скуки пасьянс из единственной уцелевшей колоды! Сболтнет кто-нибудь – по возвращении шуток не оберешься. Подобно большинству заурядных людей, цесаревич не был склонен к самоиронии.

Спалось плохо.

Наутро, получив бутылку «Цимлянского», цесаревич не притронулся к ней, решив, что если умрет, то пусть вся вина ляжет на уморивших его негодяев. Терпения хватило на целый час.

Потом бутылка быстро опустела, и до обеда оба мира – как большой, полный соленой воды, небесной сини, пустоты и одиночества, так и малый, заключенный в осточертевшем пространстве корвета – уже не казались Михаилу Константиновичу равно непригодными для жизни.

И вновь начались страдания, однако – вот диво! – переносились уже легче. Цесаревич совершил прогулку по палубе и нашел в себе достаточно сил, чтобы не унижаться перед всяким встречным-поперечным, выклянчивая выпивку.

А к вечеру, когда ленивую океанскую зыбь, называемую моряками мертвой зыбью, окрасил пурпуром громадный красный диск, коснувшийся горизонта, и показалось, что море вот-вот закипит, цесаревича посетила странная мысль: неужели можно быть омерзительно трезвым и при этом уметь радоваться жизни?

Он не нашел ответа – скорее растерялся от вопроса. Слишком радикальную мысль надлежало додумать. Но и в этот день, и в несколько последующих Михаил Константинович был тих и лирически печален.

Между тем штиль окончился, и «Победослав» взял курс на Азоры. На десятый день, считая от сражения, повстречали французское гидрографическое судно и договорились о покупке сорока тонн угля – продать большее количество француз отказался. Корвет продолжал путь под парусами, но теперь имел запас топлива для маневрирования при заходе в порт или на случай нового штиля. Но ветер, к счастью, лишь менял направление, но не слабел.

Становилось теплее, серые ночи превратились в бархатно-черные с алмазными россыпями. Вечерами солнце все круче падало в океан. На шканцах, опершись о планширь, подолгу стояла, глядя в морскую даль, одинокая фигура Михаила Константиновича.

– Кажется, одну проблему решили, – указав глазами на цесаревича, шепнул Враницкий Розену.

Тот лишь покачал головой в великом сомнении.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, повествующая о людях подземелья

– Ы-ы-ы-ы... р-раз!.. Еще!.. Ы-ы-ы-ы...

Доверху наполненная углем вагонетка будто примерзла к рельсам. Сдвинуть ее с места казалось столь же нереальным делом, как выкорчевать голыми руками Александрийский столп. А главное, столь же ненужным делом.

Хуже того – сугубо вредным. Если задуматься о том, куда пойдет этот уголь, в топках каких кораблей он сгорит до последней пылинки и что эти корабли натворят в океане, то лучше и не жить на свете. Ведь стыдно. Стыдно, что именно твоими заскорузлыми, израненными в кровь руками, твоим потом, твоим горбом прирастает мощь возомнивших о себе негодяев, исстари привыкших терроризировать мирное судоходство. Сколько моряков не вернется домой! Сколько матерей и вдов будут напрасно приходить к причалу, тщетно дожидаясь своего единственного Ваню, или Жана, или Ганса! Сколько прольется слез! Сколько детей вырастет без отцов!

«Море взяло», – скажут со вздохом соседи. Море ли? Или пираты уже причислены к стихийным силам природы? Тот же Ваня, или Жан, или Ганс, оплакиваемый как мертвый, может навеки остаться как на дне моря, так и в угольных шахтах Шпицбергена. Для безутешных матерей и вдов это все равно.

У тех, кто попал в шахту, нет выхода. Еще год, два, пять раб будет жить под землей, добывая необходимый пиратам уголь и никогда не видя света. Больше пяти лет не выдерживает никто. Умерших хоронят тут же, завалив пустой породой. Но шахта – могила и для живых.

Слабый духом смиряется, пытаясь на каждом шагу хитрить и отлынивать, чтобы протянуть подольше. Сильный – если он не был убит раньше и оказался в шахте – копит злобу. Сильный из новичков – еще и задумывается. О том, например, как соотносится его нынешний непосильный труд с естественным человеческим желанием делать добро или хотя бы не умножать количество зла в этом отнюдь не лучшем из миров.

Тогда свистит плеть надсмотрщика, напоминая: думать вредно. Работать, скоты! У-у, мразь! Работать! Шкуру на ремни пуцу! Без жратвы оставлю!

И сквозь стоны и надрывный кашель вновь слышится мучительное:

– Ы-ы-ы-ы-ы...

Лопухин навалился плечом, уперся ногами в шпалу. Вздудились жилы. Вагонетка издала пронзительный скрип. Пошла? Нет, рано, надо еще подтолкнуть... Ы-ы-ы-ы-ы...

Пошла!

Откатывали вдвоем. Напарник Лопухину достался квелый, придурковатый и с хитринкой. Душа Ефима Васюткина была для графа открытой и, признаться, малоинтересной книгой: глуп, ленив, завистлив и злораден. Когда надо было трогать вагонетку с места или толкать на подъем, он только изображал, будто работает в полную силу. А пусть-ка барин-белоручка поработает! Что, барин, небось не сладко? То-то. Попил народной кровушки? Теперь твоей попьют. Есть в жизни справедливость!

Но свистела в очередной раз плеть, и Ефим понимал, что справедливости нет. В отличие от него, надсмотрщику было все равно, кто тут граф, а кто не граф. Все рабы, и все обязаны равно трудиться. Надсмотрщик обладал острым глазом и лодырей не щадил.

– В разгон ее...

Штольня наполнялась гулом и грохотом. Рельсы шли под уклон, и движение вагонетки ускорялось. Откатчики не отдыхали – они гнались за убегающей машиной, на бегу стараясь подтолкнуть ее еще чуть-чуть, потому что дальше шел затяжной подъем. Пусть разогнавшаяся вагонетка взбежит по нему как можно выше. А потом все равно придется упираться, толкать что есть силы, выгадывая аршин за аршином, и тянуть-стонать нескончаемое «ы-ы-ы».

Вверх-вниз, вверх-вниз... Штольни и штреки не были строго горизонтальными – они шли, повинувшись плавным изгибам угольного пласта. С какой стати выравнивать трассу при избытке дармовой рабочей силы? Хорошо еще, что пласт лежал не слишком наклонно...

То и дело в стенах штольни попадались вырубленные ниши – временные убежища для того, кто хотел разойтись с вагонеткой, чаще всего для надсмотрщиков, вооруженных плетью, револьверами и

иногда пятилинейными винтовками разных систем. Надсмотрщиков было не так уж мало – все больше крепкие старики с выцветшими безжалостными глазами и жуткими шрамами, иногда калеки. Один култыхал на заменяющей ногу деревяшке. Другой был лишен пальцев на правой руке, но виртуозно работал плетью, держа ее левой. Бывшие головорезы, списанные с кораблей как устаревший хлам, продолжали приносить пользу пиратской республике. Служба надсмотрщиков была скучна, но сонных ротозеев не встречалось. От раба только и жди удара в спину.

Попадались и не скандинавы. Запомнился черный, как уголь, арап в тюрбане и с большим золотым кольцом в носу поверх тряпицы, закрывающей рот. В кольце угадывался женский браслет.

Все здесь были арапами. Въевшаяся в поры угольная пыль равно чернила раба и надсмотрщика. Но кольцо в носу, а не в ухе, и чересчур сверкающие белки были только у одного. Как арап попал к исландцам, почему не стал рабом? Бог весть. Или все-таки был превращен в раба, но поднялся до надсмотрщика на костях товарищей?

Довезя вагонетку до подъемника, остановились, переводя дух, отерли пот. Двое вооруженных лопатами рабов-погрузчиков принялись споро кидать уголь из вагонетки в преогромную деревянную бадью, спущенную на веревке с крюком из круглой дыры в потолке. Наполнив доверху, подергали за веревку, и бадья уехала вверх. Куски угля застучали о дно следующей бадьи...

Пока шла разгрузка, откатчики отдыхали. Ефим Васюткин лег в угольную грязь и закатил глаза, симулируя безмерную усталость. Лопухин, опершись о край вагонетки, остался на ногах. Теснило дыхание, стучало в висках, но все же было терпимо. Работа откатчика, как и работа загрузчика, не считалась самой тяжелой, ибо включала в себя моменты отдохновения. Забойщикам приходилось куда тяжелее.

Беда состояла вот в чем: сегодня Лопухина опять поставили в тот забой, где ворочал киркой Елисей Стаканов. Бывший кочегар с захваченного пиратами парохода «Русь», казалось, вовсе не заметивший плена и рабства, слыл местной достопримечательностью. Здоровенный немногословный детина был ввергнут в шахту года четыре назад и до сих пор трудился так, что даже надсмотрщики диву давались. Загрузчики и откатчики выбивались из сил, а он знай себе махал киркой, не уставая и не жалуясь. Будто не угольный пласт был

перед ним, а просто преграда, безмерно протяженная твердая преграда, пробив которую можно было выйти на вольный воздух и обрести свободу.

Это в лучшем случае. В худшем – Лопухин не знал, что и подумать о Стаканове. Выслуживается? Как же, выслужишься тут упорным трудом... Боится плети? Гм... Лучше уж плеть, чем столь зверское добровольное насилие над самим собой. И как только грыжа у него до сих пор не выпала? На ум лезло одно: простодушный богатырь окончательно повредился в уме и уже давно не соображает, где он находится и на кого горбатится.

Стаканова хотелось удавить. Круша пласт, выдавая на-гора тонны и тонны угля, он очень мешал думать. Слишком уж часто приходилось откатывать вагонетку, а за этим занятием не пофилософствуешь и не поанализируешь. Положим, о философии Лопухин давно забыл, но как тут предашься анализу, хотя бы самому элементарному, когда в глазах мельтешат багровые круги, а в мыслях прочно засело то же самое, что и на языке:

– Ы-ы-ы-ы...

Печальные и безнадежные фонемы рабочего скота. Если только не дерева, скрипящего и стонущего под топором лесоруба.

Хотя, честно признаться, иногда везло. Да и вообще... Два миллиона золотых рублей – именно во столько был оценен Лопухин – не валяются ни на какой дороге, ни на сухопутной, ни на морской. В противном случае еще молодой, здоровый и крепкий пленник, вероятно, угодил бы в забойщики в самом дальнем штреке самого глубокого яруса шахты. Его берегли, граф это понимал. Курицу, несущую золотые яйца, не режут. Но и позволить ей расхаживать без дела – тоже, знаете ли, баловство...

Времени было хоть отбавляй. Пока пираты одним им известными путями дадут знать о Лопухине русским властям, пока власти свяжутся с ближайшими родственниками, пока выяснится, что все состояние графа в бумагах и недвижимости не достигает и четверти потребной на выкуп суммы, пройдет не одна неделя. Вероятно, и не один месяц.

Личное положение графа отнюдь не было безнадежным. Как прежде русские люди собирали деньги по подписке на выкуп русских офицеров, плененных на кавказской войне, так и теперь собирали на

выкуп несчастных из угольных шахт. Зиндан или шахта – невелика разница. Некоторые – ничтожное меньшинство – получали свободу.

Государь заплатит? Вероятно, да. А может быть, и нет. В конце концов, граф Лопухин не оправдал возлагаемых на него надежд, за что же платить? Если даже да – Господи, стыд-то какой! Государю всея Руси станет диктовать условия какой-то вшивый варвар, бандит, природный хам, еще больше охамевший от безнаказанности! Позор! «Господи, – неслышно шептал Лопухин, – дай государю твердости отвергнуть с порога требования негодаев. Свобода хороша, но только не такой ценой...»

А какой? Ради выплаты выкупа родственники влезут в колоссальные долги? Еще менее вероятно, хотя верить в это, конечно, не возбраняется... Сколько-нибудь средств принесет подписной лист? Гм... Но, так или иначе, в конечном итоге можно надеяться на благоприятный исход.

Благоприятный? Это – благоприятный исход?! Но для кого? Для одного лишь графа Лопухина? А как насчет других пленных?

Было отчего скрежетать зубами.

Скрежетание началось еще в трюме пиратского судна и усилилось по прибытии в Рейкьявик. Не заполучив цесаревича, раздосадованный Рутгер Кровавый Бушприт желал покрыть хотя бы часть издержек.

К немалому удивлению графа, пираты были наслышаны о нем и довольно точно представляли себе как ранг пленника, так и исполняемую им функцию при цесаревиче. Беседа о выкупе состоялась в помещении, весьма похожем на купеческую контору. Рутгер не присутствовал. Все вышло чинно, по-деловому, хотя, собственно, назвать беседой это было трудно. В ответ на названную сумму граф лишь презрительно расхохотался, после чего «представитель торгового дома» – с виду типичный бюргер в одежде буржуазного покроя – пожал плечами и прервал аудиенцию. Знатного пленника отвели обратно на «Черный ворон» и вновь водворили в трюм. Незнатных пленников оттуда и не выпускали.

Потом вновь закачало. День ото дня в темном трюме становилось все холоднее, и кто-то из матросов «Чухонца» первым догадался с тоской: «На Грумант нас везут, аспиды».

Один Нил стал выпрашивать, что это такое – Грумант, он же Шпицберген на немецких картах, он же Свальбард на нурманнском

наречии. Остальные знали и так. А один матрос затянул было заунывную и жуткую до дрожи песню невольников:

*Там на шахте угольной
Парню в зубы съездили,
Сто горячих всыпали,
Кинули в забой...*

На певуна накинудись с бранью и едва не пересчитали ему зубы задолго до Шпицбергена. Всякому ведь хочется верить в лучшее, а участь того, кто каркает, как правило, незавидна. Даже если он выкаркивает сущую правду.

Нашлись и те, у кого кум, шурин или сват водили дружбу со счастливецом, бежавшим или выкупленным с пиратской каторги. В тесном и холодном трюме зазвучали истории, одна неправдоподобнее другой. И кто-то уже произнес с явной надеждой в голосе: «А может, еще поживем, братцы?», – и кто-то вслух помечтал пристроиться при кухне...

Реальность оказалась проще и грубее. Партию невольников без лишних проволочек спустили в шахту. Кого-то поставили на погрузку, кого-то на откатку, кого-то к насосу на откачку воды, кому-то вручили кайло. В памяти остались лишь кривобокие постройки убогого поселка, горы приготовленного к погрузке угля, безобразные отвалы пустой породы, вонючие груды рыбьих отбросов с роющимися в них псами, а над всем этим убожеством – черные склоны настоящих гор и сахарная белизна снегов – суровый и на диво красивый фасад Груманта.

Счастливы были те, кого оставляли для наружных работ. Попавший в шахту пленник не видел больше ни этих гор, ни этого снега. Спальной рабам служила старая, заброшенная выработка с трухлявыми креплениями. Неструганные, черные от въевшейся угольной пыли доски и ветхое, всегда влажное, кишашее насекомыми тряпье именовались постелями. Работа в шахте шла в две смены, по двенадцать часов с получасовым перерывом на обед, без выходных и праздников. За смену рабы выматывались так, что еле-еле волочили ноги. Вечный кашель соседей, болезненные стоны, охи,

ошеломляющая вонь, беспрестанный кожный зуд... Поначалу Лопухин не мог спать. Потом привык.

Пришлось привыкнуть и присаживаться у всех на виду на дощатый помост над бездонным колодцем, служившим уборной, и к укусам насекомых, и к отвратительному на вкус вареву из протухшей трески и тюленины, выдаваемому дважды в день, и к обжигающей боли от удара плетью, и к бессмысленным лицам рабов, превращенных угольной пылью в карикатуры на негров из Сенегамбии, и к богохульству отчаявшихся, и к визгливому хохоту повредившихся в уме, и к свинству опустившихся. Важно было не опуститься самому. Как очень немногие, Лопухин ежедневно умывался, пользуясь струйками просачивающейся откуда-то сверху воды, и, вызывая общее удивление, проделывал утреннюю гимнастику. Нередко – стиснув зубы. Никто не слышал его жалоб. Он видел: многие только и ждут, когда он начнет хныкать, чтобы возрадоваться гнусенькой радостью мелкого душой человека: «Вона она где, истинная справедливость! Не сладко небось, ваше высокоблагородие?..» Не дождутся.

О побеге нечего было и думать. Бунт? По словам немногочисленных старожилов, последний бунт в этой шахте случился года три назад. Охрана не дала стихийно восставшим рабам выйти на поверхность. Многие из них были перестреляны, как куропатки, а еще больше народу погибло в штреках, когда отчего-то загорелся пласт угля. Может, охранники и подожгли, с них станется. Не им гореть и задыхаться в подземельях, не им и тушить пожар. А что до временного прекращения добычи, то разве на Шпицбергене только одна шахта? С тех пор как отрезало – лишь индивидуальные бунты, мгновенно подавляемые, и ни одного массового...

Лопаты погрузчиков заскребли по дну вагонетки.

– Готово. Откатывай.

Покатили. Двигать порожнюю вагонетку тоже было несладко, и все-таки обратный путь казался отдыхом. Скрипели оси. Кашлял и корчился то ли от настоящей, то ли от воображаемой боли Ефим Васюткин. Капало сверху. Алмазно сверкал антрацит в тусклом свете висящих на крюках карбидных фонарей. От фонаря до фонаря, и дальше – до следующего фонаря... Работа вола или мула. Или сойти с ума, или впасть в животное отупение. Казалось, иного не дано. Разум съезживался, выбирая укромную норку. И все же...

Напротив фонаря из потолка штольни скалился намертво впечатанный в породу череп доисторической твари. Никто не обращал на него внимания. Увидев его впервые, Лопухин сумел изумиться и подумать о том, какую сумму согласился бы выложить Императорский зоологический музей за эту находку. Прекрасной сохранности стегоцефал! А ведь пропадет, пропадет непременно, когда под тяжестью пятидесятисаженной каменной толщи над головой рухнут крепления сводов, или прорвутся подземные воды, или вспыхнет и взорвется к чертовой матери накопившийся рудничный газ, как это уже не раз бывало...

Судьба?

Для смирившегося – да. И только так. Мир вообще жесток, а уж в пиратском плену – стократ. И все же выхода нет только для того, кто его не ищет.

И привычка мыслить тут сугубо полезна.

Вновь и вновь перед мысленным взором Лопухина вставало усталое лицо государя. Как укор. Но разве он, статский советник граф Лопухин, не сделал все от него зависящее?

Наверное, сделал. И не его вина, что он не доставил цесаревича во Владивосток в целости и сохранности. Не его вина!

А чья же?

«Вы хороши пошти во вшем, – прошамкал Лопухину много лет назад старый генерал Липпельт, руководивший специальной подготовкой. – Я вижу в ваш лишь один недоштаток: вы шлишком шильно переживаете швои неудаши. Шапомните, от ошибок в нашем деле не заштрахован никто, но дельный работник, шовершив ошибку, штараеша немедленно ее ишправить, не тратя времени на бешполешное шамоунишижение. Предоштавьте нашальштву право наживать ваш ошлом, для того оно и шущештвует...»

Мудр был старый служака, царствие ему небесное. Заметил, уличил, попытался помочь.

Да видно, не в коня корм.

Винить и оправдывать себя Лопухин, однако, прекратил. Усилием воли перевел мысль в практическую плоскость.

Понемногу выстраивалась логическая схема. Чего желает государь? Нет причин сомневаться в искренности слов, сказанных им на лужайке перед Монплезиром. Помимо политического значения

вояжа государь горячо надеется на то, что наследник проветрится и возьмется за ум. Чего хочет цесаревич? Ну, это совсем просто: продолжать жить в свое удовольствие, сиречь кутить и бесчинствовать без помехи. В чем состоял авантаж пиратов? Тоже ясно: пленить наследника российского престола и потребовать за него колоссальный выкуп. Опасность разбудить русского медведя вольным ярлам до лампы, им бы хапать да хапать... Теперь англичане... К чему стремилась британская секретная дипломатия, науськивая пиратов, и британские же секретные службы, засылая диверсантов? Тоже не вопрос. Как минимум: помешать плаванию, сразу выиграв одну фигуру в дипломатической игре. Как максимум: развязать долгую и изнурительную войну между Россией и пиратской республикой, тайком поддерживая пиратов в этой войне, а затем выступить по обстоятельствам – либо посредником в мирных переговорах, либо падальщиком на поле боя. При случае урвать себе Ньюфаундленд. Изумительно выгодная и привычная Альбиону роль смеющегося третьего.

Не исключен и третий вариант: открытое выступление на стороне пиратов против антиисландской коалиции (буде таковую удастся создать) и как следствие общеевропейская война. Мотивы прозрачны: Британия во что бы то ни стало желает остаться единственной морской сверхдержавой, без чего немыслимо существование гигантской колониальной империи...

Что же было противопоставлено этим планам? Дипломатическая подготовка экспедиции? Увы. Боевая мощь, заключенная в одном паровом корвете и одной героической устаревшей канонерке? В то время как один-единственный русский броненосец в четверть часа раскатал бы всю флотилию Рутгера Кровавый Бушприт, опоздай она кинуться врассыпную?

Вот то-то и оно.

Полковник Розен, делясь опасениями касательно реальности похода во Владивосток, был тысячу раз прав, но не договорил того, что наверняка вертелось в его генштабистской голове. Кто *В РОССИИ* был заинтересован в том, чтобы поход окончился неудачей? Точнее, в том, чтобы наследник престола угодил в заварушку с печальными для него последствиями?

«Малый» двор и вся пьянь и дрянь, облепившая наследника, как мухи... это самое?

Ни в коем случае. Мухи не станут губить свой пищевой ресурс.

Высшая аристократия империи, пустые и бездарные отпрыски вырождающихся фамилий, числящиеся в лучшем случае по министерству двора?

Нет, не они. Им невыгодно. При таком государе, каков Константин Александрович, у них почти нет шансов выдвинуться на ключевые посты. При Михаиле Константиновиче такие шансы появятся.

Мраксисты и прочие радикалы?

Тоже не они. По всей логике, им, хоть и безбожники, следовало бы ежедневно молиться за здоровье цесаревича, а имея в руках хоть какие-нибудь рычаги влияния на события, всячески оберегать его, пылинки с него сдувать! Потому что лишь при таком государе, каким станет – если станет – цесаревич Михаил Константинович, только и могут возникнуть предпосылки к любезной им социальной революции. Да и нет у них никаких рычагов влияния, нос не дорос.

Или они противу всех фактов умнее и – страшно подумать – влиятельнее, чем кажутся? Война им на руку, особенно если удастся раздуть ее до общеевропейских масштабов... Хотя сама по себе война ничего им не даст. Вот если бы им свезло и возвести Михаила Константиновича на престол, и войну начать, и добиться поражения России... Таких «везений», однако, не бывает.

Значит, наоборот, патриоты, верные престолу монархисты, люди активного ума, достигшие чинов и влияния не родовитостью, но способностями? Те, на ком, по мнению очень многих, держится Россия? И первый из них – морской министр адмирал Грейгорович?

Впору было забыть о вагонетке и хлопнуть себя по лбу. Лопухин лишь ругнулся вполголоса. Просмотрел! Оставил военным военные вопросы, чересчур увлекся ловлей агентов! Да и надзор за цесаревичем отнял слишком много сил и драгоценного времени. В итоге пришлось уделить все внимание тактике, забыв о стратегии. И вот вам результат!

Морской министр Лазарь Спиридович Грейгорович... Не будучи представлен ему лично, Лопухин не раз видел при дворе неестественно прямую фигуру старика в черном флотском мундире с панцирем сверкающих наград повыше кортика, пониже раздвоенной

седой бороды. При нем русский флот интенсивно строился и перевооружался. О нем говорили: «Ох, и крут, но справедлив». И успешная блокада норвежских фиордов во время последней кампании, и новаторский учебник морской тактики, и доступ в Морской корпус разночинных и крестьянских детей, показавших должные способности, и спешно сооружаемые военно-морские базы во Владивостоке и Петропавловске-Камчатском – все это был он, адмирал Грейгорович. Умен. Способен. Деятелен. Абсолютно бесстрашен. Авторитетен в своей области сверх всякой меры. Патриот России до мозга костей. Неужели – он?

Карьера его началась еще при покойном государе Александре Георгиевиче. Великий император не терпел двух вещей: когда при нем говорили нечто вроде «куда уж нам-то лезть» и когда трещали о славянском единстве. Говорившие первое были, по его мнению, ленивы, трещавшие о втором – глупы. И те и другие подлежали отстранению от реального влияния на государственные дела.

Наверное, неспроста Александр Георгиевич произвел в контр-адмиралы неудобного для многих тридцатилетнего командира «Ростислава». По-видимому, уже тогда просматривалось в нем нечто большее, чем моряцкая отвага и понимание службы.

С тех пор – только вверх.

Контр-адмирал... вице-адмирал... адмирал... и вот уже без малого десять лет морской министр России.

Если Третье отделение личной Е.И.В. канцелярии и имело компрометирующие документы на адмирала Грейгоровича, то граф Лопухин не был с ними знаком. А скорее всего, таких документов вообще не существовало. С какой стати голубые мундиры стали бы шпионить за верными слугами престола, рискуя навлечь на себя гнев государя? Заняться нечем, так вас понимать? Штат, что ли, избыточно велик? Урежем!

Но как прикажете переварить факт: именно морской министр выбрал для морского похода через полсвета два разнородных, далеко не самых сильных в боевом отношении корабля, да еще со сводными, не сработавшимися в предыдущих походах экипажами? Неужели он жертвовал ими сознательно? А заодно – лучшими офицерами, прекрасными матросами и мальчишками-гардемаринами? Трудно поверить в это, но иначе головоломка попросту не складывается...

Итак, Грейгорович?

Да. Но не только он, а, пожалуй, вся патриотическая партия при дворе и в государственном аппарате, а это ни много ни мало несколько десятков влиятельных сановников, на чьем знамени смело можно написать девиз: «Служить отечеству и престолу, но не персонам». Именно таких людей император Константин Александрович выдвигал на первые места в государстве. О, эти люди – прекрасные люди, между прочим, патриоты и умницы! – пожалуй, лучше самого государя знают, что нужно России и, главное, чего ей не нужно...

И в первую очередь, по их мнению, ей не нужен пьяный и жалкий император Михаил Константинович с его окружением. Падение престижа монархии ниже плинтуса – беда не только монархии, но и России в целом. Если бы только цесаревич не был столь безнадежен...

Увы. Модус вивенди цесаревича не сулил патриотам никаких надежд. Великий князь Дмитрий Константинович – вот кого они мечтали бы увидеть на престоле! Вот тот единственный, кто сумел бы стать достойным и даже, может быть, незаурядным монархом!

«Служить отечеству и престолу, но не персонам!»! Не персонам! Россия – это всё, персоне – ничто. Даже если это персоне наследника престола.

И ведь не корысти ради, не для личной выгоды, не для чинов, наград и теплых мест – для блага России и для блага монархии патриоты решились на преступление перед монархом! Исключительно для блага России они послали на убой и страдания три сотни русских людей! Ну да, конечно, цель оправдывает средства, а лес рубят – щепки летят... Сановные патриоты сделали все, чтобы «Победослав» и «Чухонец» повстречались в океане с флотилией Рутгера Кровавый Бушприт, не будучи в силах отбить нападение пиратов!

И вот тут чаяния патриотов России парадоксальным образом пошли рука об руку с хищными устремлениями англичан и исландцев!

И пусть война! Пусть! Грейгоровичу она только на руку, а иные сановные патриоты смиряются: лучше война, чем монарх-позорище! Сановных патриотов поддержат не только ультрамонархисты, каковых полно во всех слоях общества, – их поддержат практически все русские люди!

И начнется долгая, тяжелая, ненужная война...

За шиворот капнуло. Толкая вагонетку, Лопухин покрутил головой, зло рассмеялся. Ефим Васюткин воззрился на него со страхом: не сходит ли барин с ума? Баре – они хлипкие.

Но нет – нахмурился, толкает. Стал-быть, двинется с глузду не сейчас, а погодя...

Дотолкали до забоя, где Елисей Стаканов по-прежнему неумолимо крошил пласт антрацита. Началась погрузка. Над вагонеткой за клубилось облако угольной пыли.

Нет, честно поправил себя Лопухин. Различие между планами патриотов и исландцев все же существует и заключается в том, что пиратам нужен живой цесаревич для выкупа, а патриотам цесаревич Михаил Константинович не нужен ни в каком виде.

Снова зачесался кулак – стукнуть себя по лбу. Какая простая мысль! Почему, ну почему она не пришла в голову раньше?!

Все стало ясно в один миг. Планы патриотической партии имели смысл только в одном случае: если в результате пиратского нападения наследник престола будет убит. Не пленен, а именно убит.

«А я? – кольнула мысль. – Н-да... С точки зрения патриотов, некоему статскому советнику следовало бы переломить хребет чингисхановым методом как пособнику гибели России! Разве они не правы?»

Да, но как забыть глаза государя, полные тоски и надежды? И надежды!

Значит, говорите, не пленен, а именно убит?..

Допустим. Но как они собирались достичь сего? Предоставить волю неизбежным в сражении случайностям? Как бы не так. Случайность – хитрая штука, она никогда не происходит тогда и там, где ее ждут. Значит...

Значит, на «Победославе» был еще один человек – как минимум один, – в чье задание входило убить цесаревича, свалив его смерть на пиратов. Как – дело техники. Всегда можно изобразить, будто шальная пуля влетела в иллюминатор и точнехонько поразила цель. Кто стал бы разбираться в горячке боя! Кто заметил бы убийцу! Цесаревич погиб – и это главное. Между прочим, появившись у верховной власти какие-либо сомнения, ей все равно было бы выгодно представить гибель цесаревича как честную смерть в бою, где-то, может быть, даже героическую...

Шито-крыто.

Для того и скомплектовали экипажи из лучших моряков, добавив к ним юнцов-гардемаринов, которые из гордости не сдадутся ни за что, и морпехов Розена, вообще не ведающих, что это такое – сдача в плен. Грейгорович прекрасно знал: «Победослав» и «Чухонец» примут почти безнадежный для них бой и погибнут с честью. Погибнут вместе с цесаревичем. А если паче чаяния что-то пойдет не так – что ж, цесаревичу можно и «помочь».

Первая часть плана блистательно провалилась – «Победослав» вырвался из западни, только его и видели. Ну а вторая?

Редко когда статский советник граф Лопухин бывал так недоволен собой, как теперь. То, что оказался в плену – даже не полбеда, а так, мелкие житейские неурядицы. Если задание выполнено, то не о чем и говорить.

В том-то и дело, что оно не выполнено!

Знал: надо смотреть в оба. И смотрел. Слишком усердно смотрел и оттого мало думал. А итог куда как худ – сделано полдела. Что толку вылечить чуму, если пациент умрет от холеры?

– Откатывай...

Навалились. Вагонетка едва качнулась, но и не подумала тронуться с места.

– Еще!.. Ы-ы-ы-ы-ы...

Свистнула плеть, охнул Ефим Васюткин. Работай, лодырь!

Сейчас граф и сам в охотку подбодрил бы плетью нерадивого напарника. Тяжеленная вагонетка представлялась ему помехой, которую надо устранить как можно скорее. То есть – откатить.

– Ы-ы-ы-ы-ы-ы...

Пошла, родная, пошла, гадина. Взяли в разгон. Бежали, подталкивая, наращивая темп. Сейчас рельсы пойдут вверх. Прразогнать!..

И как раз на бегу Лопухину пришла в голову еще одна, совсем-совсем простая мысль...

Достиг убийца своей цели или нет – в любом варианте он по-прежнему находится на корвете, коли не убит в бою по-глупому. Но, кажется, корвет не очень пострадал, потери среди экипажа не должны быть велики... Следовательно, если цесаревич вопреки всему не погиб во время боя – а ведь нет абсолютно никаких оснований быть

уверенным в том, что он погиб! – это значит только одно: убийца упустил удобный случай, затаился и ждет.

Ждет следующего случая.

Поход из Кронштадта во Владивосток долог и труден. Все может случиться.

Среди немногих спасшихся с «Чухонца» моряков особое место занимал неприметный кочегар Елбон Топчи-Буржуев. Казалось бы, с таким имечком и такой фамилией неприметным ему никак не бывать – ан нет, выходило так, будто его и вовсе нет на судне. Точнее, он был, но больше походил не на матроса, а на какую-нибудь деталь канонерки – полезную и безотказную, но деталь. Если бы он в ответ на матросские насмешки отругивался, обижался, дрался, то можно с уверенностью предположить, что насмешки не кончились бы никогда. Но молодой бурят не обижался и лишь глядел на обидчиков ясным всепрощающим взглядом. Ну неинтересно задирать такого! Увалень! Тюлень! Нехристь! И Елбона оставили в покое.

Его отец пас овец в долинах Яблонового хребта. В семье было четырнадцать детей. Жили бедно, но дружно и в ус не дули, пока не грянул Высочайший указ о всеобщем начальном образовании для инородцев. После недолгой оторопи велик был народный вопль. Даже в ближайший буддийский монастырь русские власти прислали решительного чиновника, заставившего местных лам смириться с открытием при монастыре светской школы, и сильно пьющего горькую учителя грамматики, арифметики и прочих ненужных пастуху премудростей.

В восемь лет, когда всякий уважающий себя юный бурят уже обязан помогать отцу управляться с овечьими отарами, Елбону пришлось спознаться с жесткой партой, научиться сидеть на дереве, а не на собственных пятках, испачкать пальцы чернилами и превратиться в мученика науки. Очень скоро он бежал из школы в

родную юрту, был выпорот отцом и приведен обратно – учись, коли велено.

И тогда Будда явил чудо – маленький Елбон проявил редкостное рвение к наукам. Сначала он осваивал премудрость из чистой злости, видя в ней только препятствие, которое надо одолеть, но мало-помалу втянулся и явил столь замечательные способности, что русский учитель однажды чуть не протрезвел, а главный лама имел беседу с отцом Елбона: мальчик далеко пойдет, его карма хороша, быть ему ламой не из последних.

Отец опечалился – из семьи уходил работник. Отец выслушал увещевания. Отец возгордился – его сын далеко пойдет! Но вряд ли он мог предвидеть, насколько далеко...

Когда встал вопрос – продолжить образование в монастыре или поступить в реальное училище в большом и шумном городе Верхнеудинске? – мальчик неожиданно для наставников выбрал светское образование на скудном казенном коште. Выяснилось, что, оставаясь в душе буддистом, он вовсе не хочет становиться ламой, во всяком случае, не сейчас. Когда-нибудь потом – может быть.

Вряд ли Елбон сознавал, что просто-напросто желает прожить интересную жизнь. Если учиться, то всему. Если путешествовать, то не только в Лхасу. Но упорство в достижении цели он приложил недюжинное.

Барышни его не очень интересовали; он же не интересовал их совершенно. Во-первых, нищ. Во-вторых, далеко не красавец. В этом перерождении неумолимая карма послала Елбону невыгодную внешность: широкий нос, толстые губы и почему-то курчавые волосы, столь редкие среди его народа. В-третьих, парень, похоже, не от мира сего.

В девятнадцать лет на деньги, заработанные репетиторством, он напрямик отправился в Санкт-Петербург, имея в уме программу-минимум – осмотреть блистательную столицу и программу-максимум – поступить в университет. Догадывался ли он о том, что его знаний для поступления совершенно недостаточно, не суть важно, ибо стен университета он все равно не увидел. Помешали бедность и, как ни странно, религия. А вышло так.

Облаченный в некое подобие рабочей одежды мастерового, украшенной национальными бурятскими мотивами, имея за спиной

холщовый мешок с харчами и книгами, и уже потому подозрительный, Елбон едва ступил на превеликую площадь перед Николаевским вокзалом, как увидел зеленую гусеницу, ползущую по брусчатке проезжей части. Как видно, насекомое, несомненно служащее временным пристанищем чьей-то бессмертной души, упало с кроны ближайшего дерева и никак не могло найти дорогу обратно. Любой экипаж, коих вокруг сновало предостаточно, мог раздавить несчастное существо, любая лошадь могла его растоптать, любой дворник мог погубить его своей жесткой метлой. Движимый благочестием Елбон шагнул за поребрик, нагнулся, осторожно взял гусеницу в руки и посадил ее на ветку. Сейчас же в опасной близости послышалось истошное «тпр-ру-у!», что-то сильно толкнуло его в спину, и Елбон упал. А когда поднялся, увидел лошадь, извозчика и, главное, сердитого городского. Стрелки его усов показывали без десяти минут два.

– Что тут деется? – грозно спросил он, переводя суровый взгляд с испуганного извозчика на невозмутимого Елбона и обратно. – Это кто вам позволил? Почему?

– Так что, ваше благородие, вот он попал под лошадь, – доложил испуганный извозчик. – Я вон этак еду, а он шаст под копыта! Я давай осаживать, так ведь, ваше благородие, лошадка моя молодая, норовистая, ну и налети на него несильно...

– Разберемся, – многообещающе посулил городской и обратился к потерпевшему: – Ты кто таков?

– Топчи-Буржуев, – представился блюстителю порядка Елбон, лучезарно улыбаясь и прижимая руки к сердцу.

– Тебя, что ли? – усомнился представитель власти, неверно истолковав жест. – Ты же вроде не из этих...

Елбон не понял и громко назвал себя вновь.

– А, да ты никак агитатор! – «прозрел» страж и что было сил заверещал в свисток. На трель, грохоча сапожищами, сбежались какие-то грубые люди и поволокли Елбона в участок. Туда же с великой опаской доставили мешок с харчами и книгами – а ну как там бомба?.. И хотя полицейский офицер оказался умным человеком, за какой-нибудь час разобравшись в деле до тонкостей, Елбона не выпустили. Сколько тебе годков, паря? Девятнадцать уже стукнуло? Ну, значит, призывной возраст. Нам дана команда – задерживать уклоняющихся.

Словом, попал ты. Куда, спрашиваешь? В ощи́п, конечно. Ха-ха. Абитуриент? О, да ты и такие слова знаешь! Все равно не имеет значения. Не студент ведь! А что инородец, так нынче на это не смотрят. Недобор, понял? И привет. Иди-ка послужи Царю и Отечеству...

Нельзя сказать, чтобы Елбона устраивал такой расклад. В действиях полицейского офицера он заподозрил произвол и беззаконие, однако не знал, куда пойти и кому пожаловаться. Да и пойти куда-либо оказалось невозможно – из полицейского участка призывника мигом доставили на сборный пункт, где остригли наголо и выдали обмундирование третьего срока носки. Новое место оказалось не казармой, а флотским экипажем. Значит, шесть лет службы, а не пять, как в армии...

Елбон принял случившееся с истинно буддийским стоицизмом – с кармой не поспоришь! Шесть лет так шесть. Может, оно и к лучшему. Даже до Верхнеудинска доходили слухи о том, что для беспорочно отслуживших правительство собирается учредить льготы при поступлении в высшие учебные заведения. И книги не отобрали... А что выпало служить во флоте, так нет худа без добра – есть надежда посмотреть мир!

Именно посмотреть – не себя показать. Елбон самокритично понимал, что показывать пока нечего. Природная скромность усугубилась учебными классами. Из всех инструкторов не ругал Елбона один лишь инструктор по словесности, ибо удивительный нехристь с одного раза запоминал дословно, что есть устав, что есть командир, что есть присяга, знамя, часовой и множество подобных дефиниций. Еще бы не запомнить такую пустяковину тому, кто сызмальства изучал священные сутры! Не о чем и говорить.

Зато строевые занятия оказались не для Елбона. Сколько устных издевательств и зуботычин пришлось ему вынести от инструкторов, набранных из грубых старослужащих, не поддается учету. Строевой шаг не давался, ружейные приемы тоже. Выправка оставляла желать. Есть глазами начальство он так и не научился. Не разучился и улыбаться невпопад. Стрелять из винтовки на стрельбище упрямый «чурка» соглашался только зимой, когда на мишень ни в коем случае не могло заползти какое-нибудь невинное насекомое – ведь в него

можно нечаянно попасть! Нетрудно представить себе реакцию инструктора!

Но все когда-нибудь кончается – кончились с грехом пополам и семь месяцев учебки. Новобранцев распределили по кораблям. Ознакомившись с аттестацией Елбона, старший офицер «Чухонца» не усомнился и на миг: этакого фрукта – только в кочегары. Так и распорядился.

Как оказалось – на пользу дела. Не было на канонерке более старательного и неутомимого кочегара, чем Елбон Топчи-Буржуев. Отстояв вахту у топки, он брался за книги – их, к счастью, удалось сохранить – и отключался от действительности. Будущее рисовалось ему таким же, как до службы – сначала университет, а потом... потом посмотрим. Возможно, и духовная стезя. Лама с университетским образованием – почему бы и нет?

Так прошло пять лет. Норвежская кампания уже закончилась, и геройствовать в бою не пришлось. Ничуть не огорченный этим обстоятельством, Елбон участвовал в дальних плаваниях, побывав во многих европейских портах и даже у берегов Африки. Морской поход через Великую Атлантику должен был стать последним в его матросской жизни.

В том, что лишь одному ему из всех кочегаров «Чухонца» удалось спастись, не было вины перед погибшими. Просто-напросто случилось так, как случилось. Карма. Оказавшись в воде, Елбон ухватился за пробковую койку и не пошел на дно. Не стал он ни ругаться, ни плакать, когда его, полуокоченевшего, выудили из воды пираты. Карма. Зная, что в плену его не ждет ничего хорошего, он воспринимал случившееся спокойно-отстраненно. Глупый спорит с неизбежным и бессмысленно тянет на себя одеяло – мудрец следует карме.

Спокойно и с достоинством. Улыбаясь.

Факт есть факт – плеть надсмотрщика гуляла по его спине не так уж часто. Куда бы его ни ставили – на вырубку ли угля, на откачку ли воды, – Елбон везде трудился добросовестно. Сказать по правде, поддерживать давление пара в старых котлах «Чухонца» было не легче. Удручала не работа, а условия содержания. Как все кочегары, Елбон привык к царящей возле топок жаре и сильно мерз. Волглое тряпье не спасало от холода. Температура в старых выработках, служивших рабам спальней, держалась на уровне «чуть теплее льда,

чуть холоднее погреба». В тряпье кишели вши и лезли к телу греться. Разводить огонь для обогрева и прожарки тряпья воспрещалось под страхом жесточайшего наказания, да и негде было взять спичек. На завтрак и ужин (обеда не полагалось) давали такую дрянь, от которой отвернулась бы и собака. Вонючая тюленина, протухшая треска и ни кусочка хлеба. Многие маялись животами; от холода же страдали все. Елбон знал: ему суждено умереть не от непосильной работы; его убьют холод, сырость и дурная пища. Как соседа справа – молодого парня, чей надрывной кашель мешал спать несколько ночей. Нынче утром несчастный не смог встать даже под плетью и был забит надсмотрщиками до смерти. Сначала стонал и корчился, потом перестал корчиться и только мычал, затем перестал и мычать.

Карма?

Тебя скрутит болезнь, ты перестанешь приносить пользу негодьям, тебя прикончат, твои соседи под угрозой плети дотащат покинутую тобой оболочку до старого шурфа, служащего также выгребной ямой, и кинут в дыру – это тоже карма? Справедливое воздаяние за грехи, совершенные тобой в прошлой жизни?

Наверное.

Не тебе оспаривать твой удел. Смирись. Отринув жажду вожделений, ты улучшишь свою карму – так учил Шакья-муни.

Всех вожделений у Елбона осталось два: согреться и поесть нормальной пищи. Прочие вожделения легко удалось отринуть, но в борьбе с этими двумя Елбон пока не преуспел. Когда машешь кайлом, или качаешь рукоятку водяного насоса, или ползешь по низкому и узкому штреку, волоча за собой тяжеленный короб с углем, ненужные мысли и желания исчезают сами собой, – но вновь возвращаются, как только кончается смена. Кашель и стоны соседей также не способствуют необходимому в таких случаях сосредоточению и умиротворению.

Место справа, крайнее в ряду, занял другой раб – крепкий мужчина лет, наверное, сорока. Елбон приблизительно знал, кто этот важный господин. Бывший важный. Говорят, граф... Ему-то, надо думать, пираты не позволят сгнить в шахте – подержат месяц-другой да и отпустят за выкуп. Вообще удивительно, как он сюда попал. Пираты алчны и перерождаются в следующей жизни, наверное, акулами, если не постельными клопами. А если существование

телесной оболочки важного раба прервет несчастный случай? Плакал тогда выкуп.

Разумеется, Елбон не позволил себе позавидовать новому соседу. По правде говоря, он был даже доволен – сосед содержал себя опрятно: ежедневно умывался, делал гимнастику, обливался ледяной водой и, главное, совсем не кашлял.

А поспать все равно не пришлось.

С отвращением выхлебав свою порцию вонючей баланды, Елбон помедитировал немного, замерз и, укрывшись рваньем, со стуком зубовным свернулся на досках калачиком. Задремал.

– Барин, а барин... – раздался шепот поблизости. Очень уж не вовремя. Сна как не бывало.

По соседству негромко завозились. И еще тише прозвучало:

– Ну?

– Пора, барин. Не сегодня, так завтра. Ей-ей, пора.

Нехорошо помянув про себя тех, кому не спится, Елбон наострил чуткое ухо.

– Самое время, – шептал ночной визитер. По голосу Елбон узнал Еропку, бывшего слугу соседа. – Нынче одного матросика сверху к нам спустили за провинность какую-то... Ну, я поспрашивал, что там наверху дееся. Он грит, в гавани всего две посудыны стоят: шхуна, что ремонтируется, и вчера еще паровая баркентина пришла за углем. Простоит дня два, от силы три. А больше никаких кораблей нету, все ушли. Это я к тому говорю, барин, что другого такого случая не будет. И группа уже есть. Мраксисты, правда, но ребята толковые. Главное – отчаянные...

В ответ раздался приглушенный смешок.

– Отчаянные? Ну-ну...

– Да что вы, барин, в самом деле... Решайтесь. Я тут перемолвился кое с кем. В общем, они не против, чтобы вы... то есть мы с вами примкнули к ним. Перебьем охрану. Если навалимся всем миром, никому против нас не устоять.

– Допустим. А дальше?

– Заберем оружие. Выберемся ночью из шахты и пустим по всему поселку красного петуха. Мраксисты о том давно мечтают. Постреляем всех, кого сможем. Захватим какое-никакое судно, хоть

баркентину, хоть шхуну – и деру, пока пираты не опомнились. Ночью-то! Пираты растеряются, вот вам, барин, истинный крест!..

В ответ послышался еще один смешок:

– Какое сегодня число?

– А? Не знаю, барин.

– Зато я знаю. Считал. Двадцатое июня. Ночью, говоришь? В это время года здесь не бывает ночей. Забыл, на какой мы широте?

Невидимый оппонент замолчал. Потом тяжело вздохнул.

– Воля ваша, барин, а я бы решился. Тут про вас плохое говорят...

– Интересно, что же?

Новый вздох.

– Болтают, будто вам бунтовать ни к чему. Вас, мол, и так выкупят. А что остальным тут погибаться, то вашу светлость вовсе даже не волнует...

– Не лишено логики. И что же ты ответил?

– А что я могу ответить, барин? Сказал одному такому, что он дурак и уши у него холодные, а он мне в ответ с усмешечкой: верно, грит, холодные уши. И руки, грит, холодные, и ноги. Только, мол, не в ушах тут дело, а в совести. Простите, барин, за что купил, за то и продаю...

– Ну ладно. Сам-то ты что думаешь?

– О ком, барин?

– Обо мне.

– Ничего не думаю. Жду приказаний.

– А ну как я в самом деле решил спокойно дожидаться выкупа, что тогда? Не боишься?

– Нет, барин. Не такой вы человек, уж я-то знаю. Да ведь вы поручились всех пленников с «Чухонца» выкупить!

– Это на какие же доходы?

Как назло, Елбона укусила в поясицу блоха. Пришлось замычать, будто бы во сне, и поскрестись пятерней. Интересный разговор сразу прекратился. Елбон пробурчал что-то неразборчивое и вновь ровно задышал. Терпение принесло плоды – шепот возобновился.

– Ну так как же, барин? Вы с нами?

– Нет. Или я над вами, или управляйтесь без меня. Так и передай своим мраксистам. Здесь требуется филигранная работа. Скажи мне: сколько человек охраны и с каким оружием требуется, чтобы сдержать

толпу в любой здешней штольне? Я отвечаю: один человек, два револьвера. Положим, я бы управился и одним, так что два – уже перебор. Делаю скидку на то, что большинство охранников и надсмотрщиков – старики и инвалиды. Но все же они бывшие пираты, бойцы умелые и бесстрашные. Навалят в штольне груды тел до потолка и перекроют выход. Финита ля комедия.

– То-то и оно, – зашептал слуга. – Я уж им говорил. Вот ежели б вы нас повели, барин...

– Легко сказать. Без строгого единоначалия я и пальцем не шевельну, так им и передай. Твои мраксисты согласны, чтобы над ними начальствовал статский советник из Третьего отделения?

– Покобелятся и согласятся, куда им деваться. Они вообще-то народ неглупый. За ними и остальные потянутся, всякие-прочие... А я уж им порассказал о вас, барин, что вы при случае любого надсмотрщика в один секунд голыми руками на тот свет отправите, потому как все тайные секреты превзошли. И про «русский бой» рассказал, и про «рукосуй»...

Елбон мог бы поклясться: за его спиной удивительный граф поморщился.

– Насчет «рукосуя» – это ты зря. А в остальном прав. И каковы же результаты переговоров?

– Они, почитай, все согласные, барин. Нескольких только осталось уломать, которые в сумнении, а остальные согласные. Лучше уж, говорят, подчиняться царскому сатрапу... ой, извините, барин... в общем, лучше терпеть дисциплину, чем всем миром тут околевать. Я же говорю: не дураки. Чтобы околевать – не было такого уговора!

– Тогда иди уламывай, – ответил граф. – Иностранцами подданными я займусь сам, а русские все на тебе. наших с «Чухонца» потихоньку предупреди, морпехов в первую голову. Мраксисты – тоже хорошо. Эти субъекты по крайней мере организованы. Если они согласны, я встречусь с ними. Только пусть они имеют в виду, что какое-то время им придется терпеть не просто дисциплину, а дисциплину жесточайшую. Любого ослушника я немедленно убью на месте, пусть знают. Скажи им, что лишь при абсолютном повиновении я согласен взять на себя командование. В противном случае я умываю руки. Это лучше, чем умыться кровью. Своей. Не правда, ли

уважаемый Топчи? Довольно вам делать вид, будто вы спите. Вы нам нужны.

Вслед за тем Елбон ощутил чувствительный тычок в спину. Пришлось воспрянуть – в смысле, повернуться на другой бок и явить графу свой не очень-то презентабельный лик.

Из холодного озноба сразу бросило в жар. Мало было сказать, что граф удивил. Он ошаршил. Елбон ощутил себя малой букашкой. Он ни разу не поинтересовался фамилией столь замечательного узника, как граф, а тот-то, оказывается, все прозревал острым глазом! Удивительный господин.

– Хорош! – не смущаясь чрезвычайной скудостью света, оценил граф физиономию Елбона. – Чуть-чуть подработать – и настоящий арап, а?

Елбон ничего не понял, но обращение «уважаемый Топчи» оценил по достоинству.

– Ему, барин, его бог не велел убивать, – с укоризной неизвестно по чьему адресу возразил Еропка, но нисколько не смутил этим графа.

– Зато находиться возле места убийства, наверное, не запрещал?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой на земле и под землей происходят многие события, убедительно доказывается, что не всякий арап черен от рождения, а Еропка в который раз ужасается

Сегодня Нил с абсолютной ясностью понял: он не доживет до конца смены. Если не помрет, так не сможет двинуться, и надсмотрщик, углядев отсутствие мальчишки, пальнет раз-другой вдоль штрека и избавит от мук. Штрек низкий и узкий – крысья нора, а не штрек. Пуля не заплутает.

Не было ни слез, ни отчаяния – кончилось их время. Осталось лишь сожаление: жизнь оказалась слишком короткой и прошла как-то нелепо. А что впереди? Что угодно, только уже не жизнь. Сделанного не исправишь, минувшего не вернешь.

Отдохнул чуток, двинулся ползком вперед, из последних сил налегая на постромки. С первого дня в шахте Нил только и делал, что ползал туда-сюда по одному и тому же штреку, будучи запряжен, как лошадь, в большие салазки с деревянными полозьями. Туда – порожняком, обратно – изнемогая под грузом угля. Сам же и грузил – у забойщика своя работа, а третьему в штреке места не было. Самый тонкий пласт угля, самый низкий штрек... Только ползком. Уголь – волоком. В узкие норы на этом уровне шахты хозяева-аспиды ставили самых низкорослых. Детей – тех в первую очередь.

Остановился. Застонал, потащил. Ясно, что надсмотрщик угостит плетью за плохую выработку. Или ударит ногой под ребра. Места живого на теле уже нет, а он все мучает. Убил бы уж до смерти поскорее, сил нет ждать.

Ох, жисть... Ох, тетушка Катерина Матвеевна, Ох, добрый барин...

В трюме «Черного ворона» барин вел с Нилом беседы, утешал: не бойсь, мол, выкрутимся. Ага, как же... В шахте Нил видел барина всего один раз, да и то мельком – тот вкалывал на нижних горизонтах, там же и ночевал. Едва узнал Нил барина и понял: тоже несладко ему

приходится, не выкрутился он. Одни слова. А барин Нила вроде и не узнал вовсе...

Нил полз. Уже совсем близко маячило неровное яркое пятно – выход в штольню. Уже совсем немного оставалось до хриплого окрика стражника и свиста плети...

На первый бабахнувший выстрел Нил вообще не отреагировал – так, отметил про себя, что шумнуло что-то чересчур резко. Наверное, треснуло крепежное бревно. Пусть бы вовсе засыпало проклятую эту шахту. И тут бабахнуло вновь и вновь.

Да что же это там делается?

Нил скинул с плеч веревки. Пополз быстрее. Освещенное пятно увеличивалось, в нем мелькали тени – по штольне бежали какие-то люди. Шумно бежали. Кто-то кричал, гуляло эхо. Вот опять выстрел...

Последние силы кончились в самый неподходящий момент, когда до штольни оставался какой-нибудь аршин. Все закачалось перед глазами. Подломились руки в локтях. Со слабым стоном Нил распростерся ничком у выхода из штрека, успев принять краешком уплывающего сознания чей-то знакомый голос:

– Ты! Живо сюда. Бери на плечо и тащи. Гляди, башкой за него отвечаешь! Да погляди сперва, нет ли еще кого в штреке...

Его вытаскивали из норы, с кряканьем вскидывали на плечо, куда-то тащили, но Нила это уже не интересовало. Сознание оставило его.

Несколькими минутами ранее и несколькими горизонтами ниже произошло следующее.

Середины двенадцатичасовой смены всегда ждали все: рабы – потому что в этот час им полагался короткий отдых; надсмотрщики – потому что их смена длилась не двенадцать, а всего лишь шесть часов. Свободный сын племени фиордов не раб – орудие его труда плеть, а не кайло, и он по справедливости трудится вдвое меньше презренного двуногого скота. Никто не вправе заставить его спускаться под землю, где место, собственно, червям да пленникам, – он служит добровольно,

за жалованье. Шесть часов подряд погонять ленивых рабов да все время быть начеку, чтобы случайно не повернуться к ним спиной, – достаточно утомительная работа, чтобы не мечтать о смене вахты, о солнечном свете, о первой и оттого особенно вкусной кружке доброго пива и бабьих взвизгах в ближайшей таверне.

Скучно стоять. В спертom воздухе висит и никогда не осядет мельчайшая угольная пыль, и мутно светятся карбидные фонари, похожие на желтки в глазунье. Давно опротивело дышать сквозь тряпку. Холодно, волгло. меховая одежда сыра и черна. кусают вши и блохи – опять рабы натрясли. Сколько еще ждать? Без особой нужды надсмотрщик вытягивает плетью какого-то раба поперек тощей спины, затем вразвалку шествует к ближайшему фонарю, тянет из кармана за цепь часы-луковицу и, наблюдая за ходом работ одним глазом, другим зрит в циферблат. Еще прорва времени. Э-хе-хе...

Чем ближе смена, тем сильнее нетерпение и слабее внимание. Но не только это обстоятельство учел граф Лопухин, назначив начало операции (он не любил слово «восстание») на строго определенный час – пятый от начала смены. Вторая смена углекопов – та, что спит сейчас без задних ног в старой выработке, – должна успеть хоть немного восстановить силы. Для боя понадобятся все, а вымотавшиеся до предела – не бойцы. Первая же смена устанет еще не чрезмерно...

Толкали вагонетку вдвоем – граф и Топчи-Буржуев. Лодыря и притвору Климa Васюткина Лопухин прогнал в распоряжение Елисея Стаканова, сказавши изгнанному со значением: «Молчи и терпи. Вякнешь – кишки через ухо выну». Клим вполне проникся.

Скалился с потолка впечатанный в камень череп стегоцефала. Закутанный в когда-то белый, а ныне черный бурнус арап был на месте, занимая тот же пост, что вчера. Маленькая – а удача.

Катя мимо арапа порожнюю вагонетку, Лопухин уже успел несколько раз указать пальцем на окаменелость и заговорщицки улыбнуться чернокожему. Один раз приложил палец к губам. Один раз получил удар плетью – на всякий случай. Но не унимался.

И добился своего: после очередного тычка пальцем в направлении черепа доисторической гадины углядел-таки в белках арапских глаз удивление. Чего, мол, хочет этот двуногий червь?

Вагонетка скрипнула и стала. Раб снова приложил палец к губам.

– Много денег, – сказал он по-норвежски и сделал интернациональный жест – потер большим пальцем об указательный. Слывя полиглотом, граф не числил наречие норвежских рыбаков в списке известных ему языков и диалектов, однако в период норвежской кампании выучил две-три сотни туземных слов, не зная, пригодятся ли они когда-нибудь. А об исландском языке знал лишь то, что он похож на наречие норвежцев не меньше, чем малороссийский говор на русский. Оставалось надеяться, что исландскоязычный арап поймет.

Арап понял.

– Много-много денег, – с подобострастным видом закивал Лопухин. – Ты продать. Петербург купить. Я помогать. Музей. Наука. Понимать? Смотри: много хороших денег.

Да ну? Чернокожий надсмотрщик поднял плеть, затем опустил ее. За этот окаменелый хлам кто-нибудь заплатит? Ну, вряд ли. Нет таких дураков. Несомненно, жалкий раб повредился в уме, причем дважды: принял дерьмо за сокровище и вообразил, что, имея находка ценность, он может претендовать на свою долю, достаточную для выкупа на свободу. Глупец!

Раб был знакомый – из *ОСОБЫХ*. Убивать таких запрещалось, серьезно калечить – тоже. Разве что наказать плетью, да ведь им, скотам, этого мало! Наглеют. Выбить ему, что ли, для науки на будущее один глаз и свалить на несчастный случай?

И все же надсмотрщик сделал два шага вперед и задрал голову – а вдруг все-таки ценность, чем Локи не шутит?..

В тот же миг мелькнула выброшенная вперед рука графа с вытянутым указательным пальцем, и арап издал горлом негромкий булькающий звук. Выглядывающий из-за вагонетки Елбон подумал, что это, должно быть, и есть таинственный «рукосуй», упомянутый Еропкой. Еще мгновение – и голова надсмотрщика, попавшая в мертвый «замок», с мерзким хрустом повернулась на недозволенный природой угол. Отпущенное тело мягко осело. В воздухе, и без того спертом, распространилось зловоние, и Елбон понял, что надсмотрщик напоследок обделался. Верный знак свыше – переродиться ему навозным червем!

Как ни удивительно, сцена отвратительного убийства не произвела на молодого бурята чересчур сильного впечатления.

Пожалуй, даже доставила некоторое удовольствие – как отмщение. И Елбон в очередной раз с грустью понял, насколько он еще далек от духовного совершенства.

Поразмышлять на эту тему не получилось, потому что граф сердито рявкнул на него – вроде и тихонько, зато прямо в ухо:

– Заснул? Живо переодевайся!

Если бы с Лопухиным был его саквояж, наполненный многими полезными вещами! Тогда можно наверняка утверждать, что граф не преминул бы самолично сыграть соблазнительную роль арапа. Тусклый свет помог бы подмене. Увы – саквояж уплыл вместе с «Победославом». Приходилось обходиться скудными подручными средствами. И лучшим таким средством по всем физиогномическим показателям был Елбон Топчи-Буржуев с его широким носом, толстыми, почти негритянскими губами, курчавой шевелюрой и примерно таким же ростом, как у покойного арапа.

Ну, шевелюра – дело десятое. Шевелюра после месячной каторги в наполненной угольной пылью шахте – вообще отдельная песня. При необходимости пришлось бы не побрезговать снять с убитого арапа скальп и натянуть его на Елбона, предварительно оголив тому голову, однако надобности в том не было никакой – арап носил тюрбан.

Губы тоже закрыты, бог с ними, как и с редкой грязной бороденкой. Что до цвета кожи, то он в угольной шахте у всех одинаков. Вот нос нужной формы – это хорошо. Одинаковый с покойником рост – еще лучше. Разницу же в телосложении (туловище Елбона было длиннее, а ноги короче) ничего не стоило скрыть бурнусом.

Бывший браслет, болтавшийся в арапском носу вместо кольца, как и следовало ожидать, оказался разъемным. Лопухин сейчас же пребольно ущемил им нос Топчи-Буржуева.

– Терпи. Башкой не трясись – выпадет.

Преображение бурята в арапа завершилось в три минуты.

Дальнейшая часть плана основывалась на хорошо изученной системе охраны и, что гораздо важнее, на сложившейся у надсмотрщиков реальной практике несения службы. Систему охраны Лопухин считал в целом удовлетворительной; реальную же практику оценивал гораздо ниже. Теоретически ни один надсмотрщик или охранник не должен был ни секунды находиться вне поля зрения

соседа – практически же лабиринт штолен, штреков и лазов не давал такой возможности. Да и дисциплина охраны оставляла желать. Это давало шанс на удачу.

Прежде всего – начать шуметь как можно позже. И прежде чем тревога выйдет наружу, успеть нанести противнику максимальный урон в живой силе, захватить побольше оружия, безраздельно контролировать главный ствол и все без исключения вертикальные коммуникации. Без этого условия из шахты не вырваться – перекроют выходы и передуют.

Свистнули своих. Велев им держаться ровно на один поворот сзади, граф проследовал вдоль штольни – руки на затылке, понурый вид, тоскливый ужас в глазах. За ним в роли конвойного шагала Елбон, поигрывая плетью. Первый же встреченный на пути охранник довольно гоготнул, ощерив волосатую пасть. Все было ясно ветерану морских разбоев: провинившегося раба ведут для более серьезного наказания, чем заурядная порка. Жаль, нельзя бросить пост и пойти взглянуть на забаву...

Затылок – удивительно удобная стартовая позиция для руки, готовой мелькнуть молнией и впечатать ребро ладони в беспечную шею. Охранник так и умер, не успев ничего понять. Его оружие перекочевало к восставшим.

Та же участь постигла и следующего. А на четвертом вышла осечка. К сожалению, не в револьвере, который выстрелил.

Стрелял кто-то из своих, держащихся позади. То ли глупая случайность, то ли не выдержали нервы, то ли из штрека в штольню не вовремя вынесло надсмотрщика. Какая теперь разница!

Еще можно было предотвратить общую тревогу. Один выстрел – еще не повод. Но какой-то болван позади заорал: «Бей, круши, убивай!» – и началось. Выстрелы, крики, топот ног, и уже не только здесь, но и повсюду. Бунт охватывал шахту быстрее пожара. Кто-то яростно матерился, кто-то хрипел, отдавая Богу душу, кому-то со смачным стуком проламывали голову. Захлопали выстрелы – оглушительные револьверные и хлесткие винтовочные.

Счет пошел на секунды. Если сей же момент не прорваться к главному стволу – пиши пропало.

Запутанная топография выработок была преотлично известна Лопухину. Выхватив у Топчи-Буржуева плетью из рук и рывкнув: «За

мной!» – он возглавил прорыв.

Спринт в полутемных штольнях относится к категории безумств. Легче легкого растянуться, споткнувшись о шпалу или кусок породы, а смотреть под ноги некогда – успевай только маневрировать, стремительными бросками уходя с линии огня. За спиной топотали. Из боковых штреков выскакивали рабы, больше похожие на чертей, чем на людей. Черное тряпье, черные лица, черные кайла и ломы в черных руках. Одни глаза сверкают, да и те шальные. Почуяли свободу орелики, упились первой кровушкой! Смотрите своей не упейтесь. Ох, как глупо началось...

Все-таки споткнулся. Живо откатился к стене, чтобы не затоптали, вскочил. Передовые обогнали его. Впереди всех – борода наперевес – с тяжким топотом бежал некто Никодим, лицо купеческого сословия и никому не интересной фамилии. В плену у пиратов терпели страдания не одни моряки – попадался всякий люд. Никодим этот повез в Англию лес из Архангельска, берег будущий барыш, не желал нести убытки от простоя, по скупости не дождался каравана с охраной, шибко понадеявшись на фортуна свою да еще на Богородицу.

Подвели обе. Строевой лес – он и пиратам нужен. Еще лучше продать его в Англию или Голландию. Кстати, дешевле, чем собирался Никодим.

Намаялся в шахте – страсть. Натерпелся всяких бед. Денно и ночью молился об избавлении, суля Николе-угоднику сначала пудовую свечку, затем часовенку, а в конце концов и храм. И вот... неужто вымолил?!

Всех обогнал Никодим, и вынесла его нелегкая из-за поворота аккумулят на заслон. Пятеро нехристей возле нарочно потушенного фонаря – неясные силуэты, зато в недвусмысленных позах. Трое целились с колена, двое других готовились стрелять поверх их голов.

И грянул залп.

Упал простреленный навывлет Никодим, упали еще двое. Остальные попятнулись было, но сзади напирала толпа. Еще несколько секунд, и штольня будет завалена телами мертвых и умирающих. Медлить было нельзя.

– Дай! – гаркнул Лопухин, отшвырнув плеть, и легко завладел револьвером, вывернув чью-то кисть. На уговоры не оставалось времени.

Выстрелил дважды. Перекувырнулся, припал, выстрелил еще. Молниеносный короткий бросок – и новый выстрел.

Три выстрела прозвучали в ответ, три визгливых рикошета отметили место, где он только что был. Три, а не пять.

И смолк револьвер. Лопухин дважды нажал на спуск, прежде чем осознал: патронов в барабане больше нет.

Спасибо, помогли свои – залегли за трупами, открыли беспорядочную, вряд ли действенную пальбу и отвлекли внимание стрелков. «Глупо будет, если подстрелят свои же», – мелькнула в голову у Лопухина одна-единственная мысль, в то время как тело рванулось вперед, будто выброшенное пружиной.

Единственное спасение – скорость и неправильные зигзаги. Не оставаться на линии огня дольше одной децисекунды. На курсах второй ступени инструктор гонял обучающихся до седьмого пота, прежде чем у них начало получаться. Конечно, патроны были холостые. «Убит! – сердито кричал инструктор очередному несчастному, и никому не приходило в голову оспорить слова того, кто бил муху в полете. Убит – значит убит. – Подстрелен, как куропатка! Спишь на ходу!»

И прибавлял много нелестного о лени обучающихся, о дряблых мышцах, о никудышных рефлексах, о лишнем подкожном жире, о толстых задах и о многом другом, о чем неприятно было вспоминать.

Хитрая премудрость понемногу осваивалась. Все лучше удавались стремительные нырки под выстрел, обманные финты, провоцирующие противника нажать спусковой крючок и промазать. Лопухин вошел в число тех, кто в конце концов научился играть уже не с одним, а с двумя стрелками. «С тремя – как правило, бесполезно, господа, – учил инструктор. – Разве что все они из рук вон плохие стрелки, но, право же, не стоит на это рассчитывать».

Да, но на что же рассчитывать, если стрелков все-таки трое, а ты безоружен? Да еще бежишь по узкой штольне, где нет простора для финтов и того и гляди свои же пригреют пулей в спину?

Только на его величество Случай. На глупый и капризный Случай, за чью мимолетную улыбку иной раз без раздумий отдашь десять лет жизни.

Или на вмешательство свыше.

Залп!

Обожгло предплечье. Пустяки, царапина, а не рана. Пришпоренная лошадь только резвее.

Перезарядка игольчатой винтовки – шесть секунд по нормативам русской армии. «Не успею добежать, – ахнула мысль. – Срежут в упор. Господи, яви чудо!»

И ведь явил. Позади охранников возник еще один силуэт, показавшийся странно знакомым. Поднял и с глухим стуком опустил кайло. Крайний справа охранник повалился кулем, двум оставшимся стало не до прицельной стрельбы. Только что почти не было шансов – и вдруг такая роскошь!

Добежал – и с ходу ударил одного в висок рукояткой револьвера. «Барин!» – воззвал о помощи Еропка, вцепившийся в винтовку последнего охранника, приплясывающий и пытающийся пнуть недруга в коленную чашечку.

Удар по черепу. Жив охранник или оглушен – не имеет значения. Нет времени сводить счета.

– Ты как здесь оказался? Заплутал, что ли? Ты где должен быть?!

– Дык ведь стреляли, барин... – тяжело дыша, оправдывался слуга. – Ну, я, значит, и сунулся поглядеть, что тут к чему. В нашей штольне все тихо прошло. Да вы не извольте беспокоиться, главный ствол уже наш, бунт наружу пошел...

– Ладно, после разберемся. Винтовку возьми и патронов.

Мысли были самые скверные. Нет, то, что «бунт наружу пошел» – это хорошо. Это удача. Но взять верх в подземных норах и высунуть нос из шахты – это еще не все. Это даже не полдела, а так, процентов десять. Захватить баркентину и шхуну гораздо труднее, ибо уже не приходится рассчитывать на эффект внезапности. Но и это еще не все. Не подавив береговых батарей, не выйдешь в море за искусственный мол полумесяцем, насыпанный руками давно умерших рабов, – утопят.

Батарей две, северная и южная, по обе стороны бухты. Устаревшие, но мощные орудия держат под прицелом внешний рейд. И если немолодой, а то и увечный пират-абордажник не так уж грозен в рукопашном бою, то пират-комендор с многолетним опытом морских боев поистине страшен! Разве что в стельку пьян...

Лопухин не собирался проверять, можно ли в данном случае пропить ремесло. Ночью состоялся тайный разговор между ним и четырьмя рабами из числа авторитетных. Один из них оказался

пожилым мичманом Кривцовым с пропавшей без вести год назад канонерки «Выдра», двое – унтер-офицерами также с военных кораблей, а четвертый – простым матросом торгового флота, зато заводилой среди мраксистов.

Четыре штурмовые группы. Две из них захватывают стоящие у пирса баркентину и шхуну. Две другие группы атакуют береговые батареи, вряд ли достаточно хорошо укрепленные против атаки с суши, и после выведения их из строя пробиваются к пирсу. Эти две группы должны быть укомплектованы лучшими и надежнейшими бойцами, поскольку рискуют больше других. Найдутся ли такие люди?

– У нас всякие найдутся, – с усмешкой ответил матрос.

– Отлично. Взять на себя командование ими предлагаю вам. Готов выслушать мнения, предпочтения, иные мысли. Или, быть может, распределим объекты штурма по жребию?

Жребий не понадобился. Мичман и оба унтера выразили готовность идти туда, куда их направит руководитель. Зато матрос-мраксист с прежней своей усмешечкой сказал, что готов повести своих людей в атаку на любой из кораблей, но только не на батареи, и кончен разговор. Почему? Подумайте сами, ваше высокоблагородие.

– Что тут думать. Вы боитесь, что мы погрузимся на суда и отплывем без вас. Полагаю, вы считаете, что с моей точки зрения мраксисты – люди второго сорта. Нет мраксистов – нет проблемы. Угадал?

– В самую точку.

– Ошибаетесь. С точки зрения закона, вы такие же российские подданные, как и прочие наши соотечественники. А здесь вы такие же рабы, как все. Я не собираюсь выяснять, что у кого в голове. Я требую дела и только дела. Не нравится? Тогда либо подчиняйтесь, либо командуйте сами. Сумеете?

Матрос долго молчал, затем отрицательно мотнул головой.

– Чему это вы все время усмехаетесь? – сердито осведомился Лопухин.

– Где будете вы сами? – без обиняков спросил мраксист.

– Не стоит обо мне беспокоиться. Ищите меня там, где мое присутствие будет нужнее всего.

Матрос покачал головой, но больше ничего не сказал.

Условились: порт будут атаковать отряды мичмана и одного из унтер-офицеров. Забота двух других отрядов – поселок и батареи. Всю подготовку вести в строжайшей тайне. Предварительно сформировать только ядро каждого отряда – человек по пять-десять, но, чур, из числа самых надежных и авторитетных. Это «костяк». Обрастать «мясом» придется по ходу дела, и здесь психологически важно сохранить порыв от первого до последнего мгновения восстания. Остальных не информировать до срока. Иуд – есть такие? – ликвидировать потихому. Наверху отряды действуют автономно; помогать другим допускается лишь после выполнения отрядом основной задачи. Есть вопросы?

Вопросы были. Отвечая, Лопухин старался создать у людей впечатление, будто все просто и ясно, давно разложено по полочкам. Если бы!..

Невозможно начать восстание одновременно на всех горизонтах шахты – это первое. Несмотря на эпизодическую связь с «верхними», плохо известна топография местности – это второе. Неизвестна численность пиратов и аборигенов наверху, а также степень их боеготовности – это третье. Каким образом обеспечить скорейший вывод наверх вооруженных восставших – это четвертое...

Было и пятое, и двадцать пятое.

В том, что бунт рабов развивается не по сценарию, Лопухин не видел ничего удивительного и пока что ничего печального. Сценарий ведь не догма. Ясно, что придется менять его на ходу. Лично для себя граф наметил роль координатора и одновременно командира пятого, самого многочисленного отряда. Отряд этот предполагалось скомплектовать из иностранных подданных, число которых в шахте просто-напросто превосходило число россиян. Много было ирландцев, французов, немцев, шведов, датчан, попадались испанцы, итальянцы, греки и даже турки. Отряд обещал получиться самый многочисленный и самый неуправляемый. Лопухин намеревался выделить в нем боевое ядро и использовать его как резерв для мгновенной помощи той из четырех штурмовых групп, которая будет в том наиболее нуждаться.

Вышел не пшик – вышел такой взрыв, что собирай только пух. Вся предварительная подготовка пошла насмарку. Положим, той подготовки было всего ничего, однако кто же не надеется на лучшее,

даже готовясь заранее к худшему? Вот почему Лопухин был огорчен, но не обескуражен.

В шахте царил дикий хаос – без порядка, без команды. Где-то, заблокированные в тупиковых штольнях, еще продолжали отстреливаться охранники и надсмотрщики, где-то восставшие, дорвавшись утолить жажду мщения, чинили расправу над дико вопящими палачами, где-то блуждали разрозненные группы, потерявшие направление в этом колоссальном подземном муравейнике, и происходили неизбежные в суматохе перестрелки между своими, и падали убитые, и хрипели умирающие, но в дикой сутолоке и кровавой бестолковщине только слепой не отметил бы общий вектор движения вооруженных и безоружных рабов – к главному стволу – и наверх!

Какая уж тут разбивка на боевые группы! К главному стволу было не подобраться – все проходы забила беснующаяся толпа. Две клетки – одна для угля, другая для людей, – приводимые в движение старой паровой машиной, снятой с какого-то корабля, не справились бы с работой и за час. Даже при абсолютной дисциплине. Где ж она, абсолютная-то? Как только опускалась клеть, вокруг нее начиналась драка. Давка, вопли, бессмысленная пальба, иноземные проклятия пополам с русским матом.

Кончиться это могло только одним – обрывом цепи и падением перегруженной сверх всякой меры клетки на дно шахты.

Отпадает.

Были еще два ствола, диаметром поменьше, через которые «верхние» вытягивали уголь в бадьях, крутя обыкновенный ворот. Но и там, надо полагать, картина была та же.

Что еще?

Вентиляционные отдушины? Тесно и не за что уцепиться. Отпадает.

Аварийные лазы?

Пожалуй.

– Назад! – скомандовал граф Еропке и в двух словах объяснил, что искать.

Откуда-то из темноты вывернулся Топчи-Буржуев – бурнус рван, глаз подбит, кольца в носу нет. Без слов пристроился замыкающим.

Дыру в потолке нашли быстро. Никто на нее не посягал, в чем граф не нашел ничего удивительного, – знал, что в критические минуты людьми с редкостной силой овладевает стадное чувство, а осмотреться и поразмыслить – из области благих пожеланий... Дыра как дыра, почти удобная. Два фута в поперечнике, вбитые в породу скобы. Толстяк застрянет, ну да толстяков здесь нет. Годится.

– Вас посадить, барин? – проявил заботу Еропка.

– Нет. А тебя?

– Да что вы такое говорите, барин! Я уж сам.

– Ну и я сам.

Повесил винтовку через плечо, подпрыгнул до второй скобы, подтянулся, поставил ногу на первую и исчез в дыре, как мышь в норке.

Позднее граф Лопухин удивлялся: почему в стволы шахты не полетели гранаты? Ведь как ни крути, а охрану несли вовсе не желторотые новички! Казалось бы, ветераны морского разбоя должны были сориентироваться очень быстро – и начать действовать. Отчего же охрана упустила столь заманчивый шанс не выпустить восставших из-под земли и выморить их там всех до единого?

Безоружные «верхние» рабы ничем не могли помочь своим товарищам, с дикой жадной жизни рвущимся наверх из угольной преисподней. Они могли только разбежаться, что и сделали. Быть может, внешняя охрана из дежурной смены потому и не предотвратила прорыв рабов на поверхность, что увлеклась пальбой по разбегающимся безоружным при поддержке тех экс-пиратов, кого тревога подняла с постелей или выгнала из кабаков? Веселое занятие!

Оно стало менее веселым, когда наверху показались черные, как дьяволы, вооруженные рабы и вступили в перестрелку. Счет не сравнялся, нет. И выучка, и позиция, и адаптация глаз к свету – все было на стороне охраны. Все, кроме численности и яростного желания убивать двуногих нелюдей.

Как расплзается по промокашке чернильное пятно, так, отвоеывая с боем шаг за шагом, терпя ужасающий урон и все же не ослабляя натиск, теснили восставшие ненавидимых мучителей. Безоружные лезли толпой под пули, швыряя в стрелков куски угля, болты, любую оказавшуюся под руками всячину.

Легче легкого подстрелить одного-двух камнеметателей. Но когда воздух темнеет от сотен летящих предметов, стрелок инстинктивно прячет голову. И осознает свой промах слишком поздно – когда ревущая яростная толпа уже совсем рядом и ничего нельзя сделать.

О последних секундах жизни немалого числа ветеранов морского разбоя можно сказать лишь то, что они были ужасны. Но кто осудит людей, с диким торжеством утоляющих жажду мести?

Шли, и убивали, и сами падали под пулями, и уцелевшие не замечали павших. С диким воем катался по земле раб, раненный в пах, – не замечали и его. Лопухин пытался командовать – его не слушали. Бой перекинулся в поселок. Продуманный план летел к черту. Часть восставших кинулась к причалам, где была встречена ружейным огнем и отхлынула к неказистым портовым строениям. Поначалу отряд Лопухина состоял лишь из Еропки с бесчувственным Нилом на руках, Елбона, мичмана Кривцова, одного унтера и двух матросов. На счастье, одним из них оказался заводила-мраксист.

– Полундра! – орал он, временами перекрикивая пальбу. – Братва, ко мне!

Набралось десятка три человек, половина – вооруженные винтовками и револьверами. Иные, кому не досталось оружия, сжимали в черных руках кайла.

– Ну? – сверкнув зубами и белками глаз, обернулся матрос к Лопухину. – Так-таки на береговые батареи?

Впору было залюбоваться им. Бесшабашная удаль просто была из матроса ключом, и ее флюиды ощущал каждый. Мраксист, не мраксист – сейчас это не имело значения. Случайная группа мало что соображающих людей получила центр кристаллизации и на глазах превращалась в отряд.

– Сначала корабли, – сказал Лопухин, и матрос превесело хохотнул: ну то-то же, мол.

Чему тут радоваться, над кем торжествовать? Ясно ведь и младенцу, что захватить стоящие у стенки шхуну и баркентину –

главное. Задача не единственная, но первейшая. Тем более, что причалы с батареями, похоже, не простреливаются.

– Эй, слушай команду! – звучно крикнул Лопухин, опередив на секунду матроса, уже открывшего было рот. – В порт, к пакгаузам... бегом... арш!

Кажется, мраксист сам был не прочь покомандовать, но сдержался, понимая, видно, на чьей стороне больший опыт такого рода дел. Правда, в последний раз граф водил людей в атаку больше пятнадцати лет назад, и те атаки против турок были кавалерийскими...

Но не зря говорят в народе: мастерство не пропьешь. Принцип один и тот же: подчинить людей своей воле и, пока они не успели опомниться, швырнуть их в огонь. Но себя – первого. Без оглядки, без колебаний и с полной верой в успех.

Был момент страха – послушаются ли? Но многоногий топот позади заставил сердце забиться радостнее – получилось! Ну, пошли дела кое-как...

Откуда только силы взялись – даже не задохнулся на бегу. Еропка, сдав Елбону мальчишку с рук на руки, догнал, держался в полушаге позади. «Вы еще не знаете моего барина – так вы его узнаете!» – было написано на его чумазой физиономии.

Пакгаузы – рядом. Трупы на земле – как неопрятные кучи. Залп. Свист пуль. Позади затянул жалобу голос раненого. Укрытие. Рассиживаться некогда. Те несколько пиратов, что палят с пришвартованных судов, самонадеянно полагают, что сумеют отбиться. Если догадаются начать пальбу из пушек на картечь или, еще лучше, обрубить швартовы и отойти от стенки – отобьются.

– Ребята! – крикнул Лопухин. – Слушай меня! По команде одним рывком – вперед! Атакуем оба судна. Кто трусит – прикройте нас. Приготовились... пошли! Ура!

Сырой и холодный ветер с моря, ударивший в лицо, показался горячим.

Бой в поселке продолжался уже час. Горели кабаки, веселые дома и жилища местных обывателей. Ярким пламенем пылали деревянные шахтные постройки. По-видимому, все рабы, кому повезло уцелеть в подземной бойне, успели покинуть шахту. Быть может, из живых остался под землей один лишь Елисей Стаканов, одержимый безумной идеей выйти из-под земли не иначе, как через прорубленную им самим штольню.

Задыхаясь от дыма, с волдырями ожогов на руках и лицах с восставшими сражались не только сильно поредевшие охранники и прервавшие разгул команды двух пиратских судов – дрались и обыватели, защищая свои дома и семьи. В домах, еще не охваченных огнем, на улицах, в узких грязных переулках разворачивались дико-жестокие рукопашные схватки.

Огрызаясь огнем, стараясь не упустить ни одной возможности нанести противнику потери, норманны демонстрировали бесстрашие и редкое боевое умение – восставшие же брали числом и яростью, не давая пощады никому, невзирая на возраст и пол.

С мостика захваченной баркентины Лопухин видел, как вдали, за пределами уже почти захваченного поселка убегают в горы несколько цветных точек. Наверное, женщины и, вероятнее всего, с детьми. Пусть уходят, меньше греха ляжет на душу. И все же можно понять беспощадность восставших рабов. Разве грудной младенец, которого ты пощадил из христианского милосердия, не вырастет со временем безжалостным убийцей? Иными здесь не вырастают...

Может быть, оттого графа посещали черные мысли, что осталась нерастраченная злость. Слегка кружилась голова, как это бывает при потере крови. Зацепило бок... Удар пули был таков, что в первый момент показалось: готово, убит. Лопухин даже упал, а когда вскочил, увидел, что атакующие обогнали его и вовсю лезут и на сходни, и через фальшборт баркентины. Со шхуной – то же самое. Звучали последние выстрелы, и последние проклятия сменялись хрипами умирающих.

Хотелось взять живьем хоть одного норманна и допросить как следует... Куда там! Лопухин не стал гоняться за невозможным. Свободные люди, сделанные рабами, заслужили право на месть, а пираты заслужили как минимум то, что получили. Обезображенные тела были с торжеством выброшены за борт.

Все правильно.

Еропка расстарался – обшарил судно, нашел лазарет («Ну и свинарник там, барин!») и теперь перевязывал зябнувшего Лопухина. Слуга был напуган и оттого трещал без умолку:

– Крови-то, крови сколько вышло... Потерпите, барин. Вот придем в Николаев-на-Мурмане, вы в госпиталь ляжете и через месяц будете как новенький, вот вам истинный крест, правду говорю...

– Глупости, – буркнул Лопухин. – Ранение поверхностное, пуля по ребрам прошла. Заживет и без госпиталя. Крови вытекло не так уж много. О Николаеве-на-Мурмане забудь.

– Да как же это, барин? – Еропка разинул рот.

– А вот так. Ты кажется, забыл, что государь возложил на меня особое поручение? Оно еще не выполнено. Что из этого следует?

Барин не шутил – это слуга понял отчетливо. Пожалуй, и не бредил. Горе горькое служить такому барину!

Зато будет что вспомнить.

– Значит, мы снова отправляется в Японию? – в великом сомнении и не менее великом ужасе еле-еле выговорил он.

– Не вдруг. Пойдем Датским проливом, запасемся водой в Гренландии. Оттуда – напрямиком к Сандвичевым островам. Возможно, успеем нагнать «Победослав».

– Да он, может, уже там, барин!..

– Он стоит в Понта-Дельгада или, в худшем для нас случае, только-только покинул Азоры. Ты забыл, что корвет пострадал в бою? Без серьезного ремонта Пыхачев через океан не пойдет.

Еропка только вздохнул – обвести барина вокруг пальца было невозможно.

– Да как же можно идти через Великую Атлантику на этой скорлупке, барин! – простонал он, делая последнюю попытку.

– А что? Посудина как посудина. Легкая, быстроходная. Мы спешим, нам такую и надо.

– Потонем, – предрек слуга.

– А ты молись. И поменьше болтай о том, куда мы идем. Помогика одеться... да не в это! Найди какую-нибудь приличную одежду, и найди мне мичмана Кривцова. Ему быть капитаном этого судна.

Но прежде Кривцова на мостик явился матросский заводила. Как всегда – с усмешечкой.

– Ну-с, дело сделано, ваше сиятельство?

– Полдела, – буркнул Лопухин в ответ. Ему было неприятно сидеть перед этим типом с голым торсом, и еще менее приятно – выставлять напоказ пустяковое ранение.

– Батареи? – проявил понятливость мраксист.

– Да. Как вас зовут?

– Хотите к делу подшить? – совсем уж нехорошо ослабился матрос. – Пожалуйста. Аверьянов моя фамилия. Матрос торгового флота Аверьянов. На действительной служил на «Гвидоне», состоял в штрафных...

– Мне нет дела, где вы состояли. Имя-отчество у вас имеется?

– Даже так? Иваном поп крестил. Иван, Тимофеев сын.

– Очень хорошо, Иван Тимофеевич. Назначаю вас боцманом на это судно. Но это потом. Сейчас главная задача – батареи. Не думаю, что там есть пехотное прикрытие. Возьмите своих людей и действуйте. Пушки – взорвать к чертовой матери. Потом соберите всех, кто завяз в поселке, и возвращайтесь. Я буду ждать.

Лопухин видел отчетливо: матрос сомневается в том, что его с товарищами будут ждать. Однако мраксист ограничился еще одной неприятной улыбкой и ушел, ни сказав ни слова. Надо полагать, у него было кое-что предусмотрено на случай вероломства царской ищейки. Одного оставленного на борту верного человека с револьвером вполне достаточно.

Прошел час – и заснеженные горы отразили эхо сильнейшего взрыва. Еще через полчаса последовал второй взрыв. С дальнего склона с шумом, похожим на протяжный выдох, скатилась снежная лавина.

Батареи прекратили существование.

Кривцов, успевший где-то наскоро умыться и переодеться, доложил: машина с виду в порядке, угля полны ямы. Запасы воды и провизии значительны, есть мука, соленая и сушеная рыба, мороженое мясо в леднике и лимоны от цинги. Судно можно считать готовым к выходу в море. Однако следует немедленно предпринять решительные действия для пресечения уже начавшегося грабежа. Оголодавшие люди дорвались до съестных припасов, как бы с пережору не помер кто. А главное – не столько съедят, сколько перепортят...

Пожилой мичман и теперь выглядел доходягой. Правда – прилично одетым и относительно чистым доходягой.

Стараясь не морщиться, Лопухин поднялся. Он хорошо понимал, что вот теперь-то и начнется самое трудное.

Англичане полагают, что линия, разделяющая земной шар на Восточное и Западное полушария, проходит через обсерваторию в лондонском пригороде Гринвич. За эту версию дети Альбиона держатся столь упорно, что даже выложили возле упомянутой обсерватории прямую линию шириной в один кирпич, долженствующую обозначать нулевой меридиан. Воистину смешно гордое англосаксонское чванство. Всякому разумному человеку совершенно ясно, что нулевой меридиан проходит не через какой-то Гринвич, а через главный купол Пулковской обсерватории. Никакой линии по земле там не проложено – к чему подчеркивать то, что и так очевидно?

Карты в штурманской каюте баркентины оказались, разумеется, английскими, но Кривцов заверил Лопухина, что это полная ерунда – разницу в тридцать градусов девятнадцать минут долготы можно вовсе не учитывать, если пользоваться английскими хронометрами.

Иных хронометров в штурманской каюте, кстати, и не было.

Незаходящее солнце сделало круг по небу, наступил новый день. Лопухин торопил выход в море. В любой час на горизонте могли показаться снасти пиратских кораблей, пришедших за углем.

Не все это понимали, как выяснилось. То есть понимали – но лишь рассудком, который в поведении слишком многих человеческих особей играет последнюю роль. Иные, горя неистовым желанием вершить месть, стараясь не оставить в живых никого из своих мучителей, гибли сами в пожарах или в схватках с последними защитниками поселка, сражавшимися с неистовством обреченных. Другие, опьяненные победой, бесчинствовали на захваченных кораблях, как будто не собирались воспользоваться ими для того,

чтобы навсегда покинуть проклятый Шпицберген-Свальбард-Грумант. Многие успели перепиться, найдя в ахтерлюке ром. Один провалился в горловину и сразу захлебнулся. Достать – достали, но откачать не смогли.

Навести относительный порядок удалось лишь после возвращения Аверьянова с отрядом его сподвижников. Лопухин мрачнел, видя во мраксистах единственную дееспособную на данный момент силу. Где с шутками и прибаутками, а где и силой люди Аверьянова разоружали буянов и довольно быстро прекратили грабеж вначале на баркентине, а потом и на шхуне.

В порт тянулись раненые – кто ковылял сам, кого-то несли. Бестолковщина, суета, разноязыкий гомон.

– Да куда ж ты прешь! – надрывался с борта осипший Еропка. – Видишь – раненого несут, ну и помощи, чай, не переломишься. Эх, драть вас некому!

– Ихь ферштее нихьт, – доносилось с пирса.

Запылали неизвестно кем подожженные портовые склады. Их даже не успели толком осмотреть. К великому счастью, ни в одном из них не хранились боеприпасы. Ну а если бы хранились?

Приказывать Аверьянову граф не стал – не тот случай. Он просто спросил его:

– Ну и что делать будем?

– Дерьмо народец, – презрительно осклабился матрос. – Но моя братва в порядке, а остальные очухаются. Уходить скорее надо, вот что делать.

– Разумно. Куда?

– Куда угодно. Хоть в Николаев-на-Мурмане, хоть в Нарвик, хоть в Архангельск. – Знакомая усмешка появилась на лице Аверьянова. – Командуйте, капитан.

– Капитан этого судна – Кривцов. Желаете безоговорочно подчиняться его и моим распоряжениям?

– Возможно.

– Это не ответ. Если не желаете – проваливайте на шхуну, принимайте командование, грузите раненых и идите в Николаев-на-Мурмане. Никто не сочтет это трусостью.

Он видел: Аверьянову очень не хочется выказывать удивление, но это у него не получается. Усмешка сползла с лица матроса.

– Так. А вы куда?

– А я соберу на баркентине тех, кто желает еще разок поквитаться с пиратами. Мне нужна хорошая команда, поэтому возьму только здоровых, только русских и только тех, кто готов подчиняться без рассуждений. Если вас это не устраивает, то до свидания. Если устраивает – боцманская дудка по-прежнему ваша.

– Я поговорю с братвой, – сказал Аверьянов после минутного колебания.

Он и еще десяток его приятелей выразили согласие «еще разок поквитаться». Когда новость разнеслась повсюду, недостатка в добровольцах не нашлось. Верный своему слову, Лопухин без разговоров отказывал иностранным подданным.

– Да он, вашескородие, по-нашему понимает, – заступались за дружка-иноземца русские матросы.

Напрасно – Лопухин был непреклонен. Отобрав пятьдесят человек одних россиян, он приказал остальным грузиться на шхуну.

А дел еще оставалось невпроворот. Выхватив из человеческой массы бывших унтеров, кондукторов и просто опытных матросов, назначить их временно на офицерские должности. Командование шхуной можно поручить и иноземцу – лишь бы знал морское дело да имел опыт командования. Найти врачей или хотя бы фельдшеров для лечения раненых, иначе половина из них не доживет до Николаева-на-Мурмане. Сжечь все вшивое тряпье и позаботиться о походной бане – не хватало еще тифа! Всем мыться и бриться. Одежду – в котельное отделение, в прожарку. Разбить оба экипажа на вахты. И так далее, и не было конца заботам...

На скалистом берегу чадили, догорая, пакгаузы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой граф Лопухин теряет право на имя честного человека и не жалеет о том

Ветер умеренный, но пронизывающе-холодный. Баркентина и шхуна идут на зюйд рядом, как сестры. Очень скоро они разойдутся в разные стороны. Океан пуст. Волна мелкая, злая, с барашками. По такому ветру судно отлично бежит под парусами, однако дым так и валит из трубы, коптя низкое северное небо. Столько людей просилось в кочегары – пришлось отказывать лишним. Сейчас внизу все, кроме вахтенных, – отогреваются. Тому, кто месяцами, а то и годами не коченел в стылых подземных норах, не понять, какое это чудо – тепло и как нескоро оно приедается.

Человек пятнадцать претендовали на место кока. Один враль-фантаст заливал, будто работал помощником шеф-повара в «Славянском базаре». Мотив был понятен и глупцу: плита – она тоже греет, да и провизии сколько хочешь.

Никогда морякам не забыть пиратского плена. Со временем вернутся силы, заживут рубцы от плети, отмоется глубоко въевшаяся в поры угольная пыль – а память останется болезненной занозой. И доживший до старости моряк, рассказывая внукам об удивительных заморских странах, лишь в нескольких словах упомянет о Шпицбергене, не желая вдаваться в подробности, и придвинется ближе к печному теплу.

А в капитанской каюте прохладно. В бывшей капитанской. Кривцов занял каюту штурмана, он теперь и капитан, и штурман, и старший офицер. Обе каюты невелики, в обеих установлено по одному небольшому ретирадному орудию скорострельной французской системы, но в бывшей капитанской помимо пушки и койки есть кожаный диван, как в каком-нибудь присутственном месте, и большой стол. Лопухину нужно и то и другое. Он пишет, накинув на плечи волосатую куртку белого меха. Письмо длинное, несколько страниц убористого почерка, и еще не окончено. Граф думает, посапывая трубкой. Ядовитый дым копится под потолком каюты. Надо бы

проветрить. Вот ведь мерзостное зелье! А что делать, если не найдено ни папирос, ни сигар – бросать курить?

По собственной воле – об этом можно подумать когда-нибудь потом. По воле обстоятельств – не дождетесь.

Под двумя одеялами спит Нил, смешно высунув одну бритую макушку. Парнишка пришел в себя, выпил чашку мясного бульона, отогрелся в машинном отделении, был вымыт теплой водой и наголо острижен. Так спокойнее. Но жара нет – наверное, все-таки не тиф.

Трубка докурена, и новые строки ложатся на бумагу. Вид их странен. Граф пишет по-французски буквами грузинского алфавита, ибо шифровальные коды увез «Победослав» вместе с несгораемым шкапом. Адресат поймет.

«...Сами шахты построены относительно грамотно, по-видимому при помощи нанятых в Англии либо Швеции специалистов, однако за все время моего вынужденного пребывания в роли углекопа на шахте „Сифри Стурлсон“ маркшейдерская съемка не производилась ни разу. Обвалы выработок не редкость. Шахта эксплуатируются из рук вон плохо и весьма небезопасна как в пожарном отношении, так и в смысле ее затопления подземными водами. Могу с уверенностью предположить, что эксплуатация прочих мест угледобычи на Шпицбергене ведется столь же безобразно.

Вынужден, однако, обратить внимание Вашего высокопревосходительства на очевидный для меня факт: любая авария, а равно и захват нескольких шахт в случае открытия военных действий, не приведет к сколь-нибудь заметному снижению активности пиратского грабежа на море, ибо угольное богатство Шпицбергена поистине неисчерпаемо, добыча угля несложна и может быть возобновлена в самое короткое время. Резервы рабочей силы также весьма значительны и пополняются после каждого пиратского рейда. Крайне невысокую стоимость пленного я сполна испытал на себе. Смертность среди рабов ужасающая, однако хозяев это нисколько не смущает.

Ваше высокопревосходительство! Обращаюсь к Вам с нижайшей просьбой. Несмотря на то естественное нравственное возмущение, которое Вы испытаете при напоминании о том, что среди рабов пираты содержат в нечеловеческих условиях немалое количество российских подданных, умоляю Вас не поддаваться чувствам. По моему глубокому

убеждению, любая военная операция, направленная против пиратской республики, чрезвычайно вредна для России. Береговые укрепления на подступах к гаваням Исландии и Шпицбергена весьма основательны и оснащены батареями дальнобойных орудий. Острова сии самой природой созданы неудобными для высаживания десантов. Необходимо также принять во внимание военную выучку пиратов вкуче с их незаурядным упорством в достижении цели. Ограниченная военная операция (осуществленная, например, силами флотилии Ледовитого океана) либо окажется совершенно бесполезной, либо приведет к втягиванию России в большую войну».

Покусав в задумчивости перо и, вероятно, решившись на что-то, Лопухин приписал следующее:

«Прошу Ваше высокопревосходительство доложить мои соображения государю. Также прошу отметить в докладе малую пригодность для морского боя судов, предложенных морским министром для нашей экспедиции».

Ну что ж, кто не рискует легко, тот не пьет «Клико». Если генерал Сутгоф паче чаяния участвует в заговоре Грейгоровича, то пропал статский советник Лопухин. А выхода нет.

Новые строчки легли на лист:

«Со своей стороны я, Ваше высокопревосходительство, на свой страх и риск намереваюсь предпринять некоторые меры, направленные на осложнение отношений между пиратской республикой и британцами. О сути оных мер я вынужден пока умолчать. После сего я немедленно возвращаюсь к исполнению миссии, возложенной на меня государем, для чего буду искать встречи с известным Вам корветом у Сандвичевых островов.

Остаюсь преданный Вам статский советник граф Н.Н.Лопухин.

P.S. Нижайше прошу Ваше высокопревосходительство дать распоряжение позаботиться о вырвавшихся из пиратского плена наших соотечественниках, а равно об иностранных подданных, коим необходимо вернуться на родину. Особо прошу оказать протекцию подателю сего письма Елбону Топчи-Буржуеву, сыгравшему важную роль в обретении мною свободы».

Свернул листы, зажег спиртовку и запечатал послание сургучом, оттиснув на нем отпечаток большого пальца. Разборчиво вывел по-русски: «Начальнику штаба Отдельного корпуса жандармов Его

высокопревосходительству генералу от кавалерии Сутгофу. Особо секретно. Конфиденциально. Вскрыть лично». Кликнул Елбона.

– Здесь твой университет. Спрячь это письмо и никому не показывай, береги, как карму свою. Вот деньги. На бане, еде и одежде не экономь. Сейчас мы застопоримся, перейдешь на шхуну. От Николаева-на-Мурмане доедешь по железной дороге до Петербурга. Вручишь письмо адресату, обязательно лично в руки. Станут отнимать – постарайся уничтожить, лучше всего сжуй и проглоти. На месте будешь допрошен, и, вероятно, не один раз. Не вздумай хитрить, говори только правду. Все понял? Повтори.

«А ну как Сутгоф в сговоре с Грейгоровичем? – еще раз мелькнула неприятная мысль. – Будет тогда Топчи-Буржуеву университет...»

Выбирать, однако, не приходилось.

Елбон ушел. Некоторое время спустя Лопухин вышел проводить шхуну. Суда медленно расходились в океане – баркентина брала курс зюйд-вест, шхуна уходила на зюйд-зюйд-ост. Расстающиеся люди махали друг другу руками и шапками.

Следующим утром удалось пробудиться только вахтенных. «Умываться, койки вязать!» – понапрасну драл глотку немолодой унтер, справедливо опасаящийся раздавать зуботычины. В ответ на упрек капитана Аверьянов по своему обыкновению только ухмыльнулся.

– Ничо, ваше благородие, пушай дрыхнет братва. Намучилась.

Вне себя от возмущения Кривцов приказал играть боевую тревогу. Подействовало. Полуголые матросы выскакивали из кубрика и, поняв обман, первым делом раздражались бранью.

За неимением священника пришлось обойтись без общей утренней молитвы.

– Без попов оно лучше, – широко зевнув, сказал рябой матрос.

– Стадо! – сердито бросил Кривцов наедине с Лопухиным. – И вы еще хотите пустить этот сброд в дело? Выйдет одна дрянь. Послушайте-ка совета старого моряка, прикажите лучше сразу поворачивать нос к родным берегам.

Казалось, граф пропустил эти слова мимо ушей. Но пять минут спустя он уже тормозил Еропку, спящего сном младенца на медвежьей шкуре под ворохом мехов и тряпья.

– Вставайте, сударь, вас ждут великие дела.

Шевельнув веком, слуга издал тяжкий стон. Из его бормотания явствовало, что барин не только железный человек, но и зверь, каких мало. После ранения надо лежать и лечиться, так ведь нет – ни себе покоя не дает, ни другим. У других, между прочим, все косточки ноют, шевельнуться невозможно...

– Расслабился? – гаркнул Лопухин, срывая со слуги импровизированные одеяла. – Пригрелся? Подъем, лодырь!

– Да что вы, барин! – возопил слуга. – Холодно!

– Сейчас тебе будет жарко. За мной!

Вахтенные матросы посмеивались, наблюдая, как граф и его слуга, раздевшись почти что догола, делают на палубе наклоны, прыжки и приседания. Слуга охал и жаловался. Барин, даром что обмотанный бинтами поперек туловища, был неумолим.

– А теперь отжимание от палубы. Тридцать раз.

– Ско-о-олько?

– Сорок. Начинай.

– Как хотят, так и измываются над нашим братом, – выразил мнение сумрачный не по возрасту молоденький марсовый.

– Дубина ты, – отвечал ему матрос с серьгой в ухе. – Это французская гимнастика. Для пользы телесной.

– И какой только гадости по нашу душу не выдумают, – остался при своем мнении марсовый. – Уж лучше бы секли. Сволочи эти французы.

– Жарко? – спросил Лопухин, легко опередив Еропку в отжиманиях.

– Жарко, барин.

– Тогда зачерпни забортной воды. Переходим к водным процедурам.

Еропка вытаращил глаза и с ужасом понял, что это не шутка.

– Барин, у вас кровь на повязке выступила!

– Да? Правда. Ну, значит, я тоже обольюсь. Морская вода полезна для заживления ран... Ты еще здесь? Где ведро?

От душераздирающего вопля облитого водой Еропки из палубного люка высунулось сразу несколько голов любопытных матросов. Лопухин снес процедуру молча.

– Вам бы отлежаться в тепле и покое, а не примеры команде показывать, – покачал головой Кривцов, явившийся к концу

перевязки. – Заболеете лихорадкой – и что тогда? Я один с этим сбродом не справлюсь.

– И со мною вдвоем не справитесь, если не встряхнуть людей. Они измотаны, истощены и забыли о дисциплине. После пиратской неволи им начхать на Морской устав и российское правосудие. Вы знаете иной метод подтянуть их, кроме как начать с себя? Нет? Тогда не суйтесь с советами.

– Примите хотя бы еще один совет – выпейте полстакана рома и укутайтесь потеплее.

Совет был дельным. Подумав, Лопухин кивнул:

– Пришлите. Кстати, я не обратил внимания: под каким флагом мы идем?

– Идем без флага, – доложил Кривцов. – Пиратскую тряпку я, конечно, приказал спустить.

– Поищите, нет ли на судне британского или на худой конец голландского флага. Если нет, придется сшить. Но быть должен. Надеюсь, его еще не порвали на тряпки.

– Английский флаг имеется. Прикажете поднять?

– И немедленно.

Кривцов ушел. А Еропка дерзнул высказать собственное мнение:

– Бандиты.

– Что?

– Я говорю: бандиты, барин. Чужими флагами запаслись. Морские оборотни.

– А то я без тебя не знал. Но запомни: норманны хвастливы и пользуются чужими флагами лишь тогда, когда противник сильнее. Для нас это важно.

– Почему важно, барин?

Лопухин не ответил – думай, мол, сам.

Его знобило. Да, надо выпить чего-нибудь крепкого. И водная процедура была, пожалуй, лишней...

Имелся ли на «Победославе» английский флаг?

Бессмысленный вопрос. Пыхачев приказал спустить брейд-вымпел, но ни за что не согласился бы поднять вместо Андреевского флага британскую тряпку. Он не попытался бы обмануть исландцев не из уважения к ним (с какой стати уважать отпетых негодяев?), а из уважения к себе.

Вдобавок теперь-то уж ясно, что не помогла бы и маскировка под англичан. Пираты заведомо имели точное описание корвета и канонерки.

А теперь? Судя по найденным в каюте капитана бумагам, бывший владелец баркентины – ярл с Фарерских островов. Опознают ли судно по силуэту где-нибудь у восточных берегов Гренландии?

Весьма сомнительно.

Через минуту на грот-мачту взлетел Юнион Джек. Команда встретила его появление беззлой руганью, смехом и двупалым свистом.

Здесь не было гордого каперанга Пыхачева. Не нашлось и слабоумных, не понимающих, какой флаг наиболее безопасен в этих водах.

Снилось лицо Екатерины Константиновны. Только лицо, неживое и бледное, с дагерротипного портрета. Любимой было страшно холодно, любимая замерзала в царстве льда. «Катенька», – беззвучно шептал Лопухин, называя великую княжну так, как осмелился назвать единственный раз в жизни. Там, на царскосельской святочной потехе...

Но тогда, хотя морозы стояли трескучие, ни он, ни она не ощущали холода.

Теперь любимая гибла, а самое страшное – не было сил подбежать к ней и укутать, растереть щеки, согреть ладони дыханием. Ноги не слушались, на каждой висело по царь-колоколу. Лопухина самого пробирало морозом до костей, а когда он начинал выдираться из оков совсем уж неистово – бросало в жар. А, вот оно что! Его жгут на костре. Никакого груза на ногах – он просто привязан к столбу. Зима лютая, мороз неистовый, поленица не желает разгораться, и пламя то жжет, то прячется в дрова, и тогда за дело принимается стужа. И почему-то страшная горечь во рту...

– Испейте, барин. Вот так, вот так...

В один миг перенесся граф Лопухин за тысячу верст, осознал, где он находится, и кое-что вспомнил. Лихорадка скрутила, ясное дело. Рана воспалилась – и пожалуйте в койку. А может, тиф. На теле мокрое белье, хоть выжимай. Но что за отравка льется в рот?

Наверное, хина. Вот гадость.

Из серой мглы вылепилось лицо Еропки – смешное, безбородое. Стало быть, сбрил растительность, отчаявшись иным образом вывести вшей. И голову оголил, уши торчат. На басурманина похож.

Отстранил кружку, сумел спросить:

– Это... тиф?

– Нет, барин, – утешил слуга. – Фельдшер говорит, нет у вас тифа и ни у кого нет. Горячка только. Вы почитай три дни в беспмятстве лежали. Но теперь, вижу, дело на поправку пойдет.

– Крив... Кривцова позови.

Физиономия слуги выразила огорчение.

– Никак не могу-с. Федор Кузьмич курс исчисляют, не велели беспокоить. К острову Ян-Майен идем. Они говорят, там населения нет и пиратов нет, потому как голая скала. Удобное, говорят, место для практических стрельб.

По тому, как уважительно говорил Еропка о Кривцове, граф уже сделал вывод: у баркентины есть капитан. Но все же не удержался, задал еще один вопрос:

– А... команда?..

– В повиновении, – мгновенно понял слуга. – Не извольте беспокоиться, барин, на судне полный порядок. Что ни день, то лучше и лучше. Аверьянов, представьте себе, больше всех старается. Вчера штормило, а нынче опять хорошая погода. Да-с. Не угодно ли испить бульончику? Нишу помогло, а что ребенку помогает, то взрослому повредить никак не может. Пейте, барин, пейте...

Удивление прошло. Что ж, навыки службы не забываются и в пиратском плену, надо только дать им время проявиться. Все правильно. Навыки плюс сознание общей цели.

Сон вновь сморил, и был он теперь легким и радостным, как в детстве. Откуда-то издалека долетело авторитетное Еропкино мнение: «На поправку пошел». Подумалось, что при всей хитрости слуга простодушен – зачем же подчеркивать очевидное? Лопухин знал, что теперь не умрет.

И точно: на следующий день жар спал, и граф уже не лежал, а сидел на койке, переговариваясь с выздоравливающим Нилом. А еще через день, когда загрохотали орудия, дробя угрюмые скалы Ян-Майена, Лопухин оделся и, борясь со слабостью, поднялся на палубу.

– Растяпы косоглазые! – бушевал Кривцов, разнося комендоров. – Даром снаряды кидаете! Линьков бы вам! Третье орудие, поправить прицел!..

Пушки бухали по очереди, резко и зло. Закладывало уши.

– Первое орудие, молодцы. Наводи на цель номер два.

Баркентина лежала в дрейфе. Милях в трех от нее из океана круто вставал островной мыс – гранитный кряж, выровненный свирепыми ветрами. У подножия его кипел прибой и рвались снаряды. По-видимому, учебными целями служили два белых от птичьего помета утеса. Вот прямо на вершине одного из них расцвел бутон взрыва, брызнул гранит. Чайки и крачки стаями кружились над кряжем.

– Как успехи? – спросил Лопухин Кривцова, когда наступила передышка.

Бывшего мичмана, а ныне капитана баркентины было не узнать. Вроде и одет по-прежнему затрапезно, и неотмытая чернота засела в сеточках морщин – а не то. Тверд, властен. Слепому видно, кто здесь командир. Пожалуй, чуть-чуть суетится, но это пройдет.

– Так себе, – с недовольной миной отвечал Кривцов. – Придется повторить, а потом еще раз на полном ходу. Накрыть неподвижную цель в дрейфе да при однобалльной волне – чего проще. Ну не беда, в этих водах погода часто меняется, попрактикуемся еще на хорошей зыби.

– Кажется, штормило? – спросил Лопухин. – Я все проспал.

Кривцов неожиданно улыбнулся и весело блеснул глазами.

– Шторм поиграл только, а помог так, как полгода муштры не помогли бы. Люди сразу делом занялись, и подгонять не надо. Жизнь всем мила.

– Стало быть, вы уверены в команде?

– Вполне. Я грешным делом думал – ничего у нас не выйдет с этой провокацией. Не сойдем за англичан, и флаг не поможет. Английские моряки – великие мастера морских эволюций. Теперь верю: можно попытаться обмануть пиратов, особенно если стрелять будем лучше...

Вскоре вновь захохотало, и Лопухин вернулся в каюту. Немного кружилась голова, ну да это чепуха. Что-то еще кольнуло в разговоре с Кривцовым... Что?

Слово «провокация», вот что. Кривцов не возразил против предложенного плана, и никто не возразил. Значит, одобряют. Но слово найдено. Провокация – она провокация и есть, возразить тут нечего. План предложен статским советником графом Лопухиным, весь ответ будет на нем.

Еще можно все переиграть, сохранить звание честного человека и утереться своим чистоплюйством. «Жизнь царю, честь никому» – это мы слышали. Девиз Васильчиковых. У них много подражателей. «Жизнь Отечеству, сердце женщине, честь никому» и тому подобное. А если интересы Отечества требуют поступиться честью?

Не служи в Третьем отделении – вот и ответ. А служишь – соответствуй.

Как просто!

Нет, не так уж все просто. Лучше даже не думать об этом, иначе сойдешь с ума. У многих, у очень многих есть что-то большое, безликое, чему и названия-то нет. Но оно говорит тебе: «Убей!» – и ты убиваешь. Говорит: «Умри!» – и ты умираешь, хотя вовсе этого не хочешь. Просто иначе – никак. Иначе будет еще хуже, если не для тебя, так для твоих родных, друзей, для имени твоего, для страны твоей. Так уж устроено. Через кого-то проходят бумаги, но кому-то приходится и исполнять. Смертный приговор, к примеру. Кому-то всегда приходится быть крайним, и ничего тут не поделаешь.

И это большое, безликое – не государь, не Отечество и даже не осьминожья бюрократическая структура. Оно шире. Оно – сам способ «цивилизованной» жизни. Расплата за наше отличие от голых туземцев. Верига наша.

Еропки в каюте не наблюдалось – наверное, лентяй подозревал, на сей раз без оснований, что барин не даст ему насладиться бездельем, и отправился дрыхнуть в кубрик. Закутанный в одеяло Нил сидел на диване с ногами и рассматривал картинки в какой-то книжке. Увидел барина – попытался встать.

– Сиди, сиди, – сказал ему Лопухин. – Дел для тебя пока нет.

Набил трубочку, закурил, закашлялся. Невероятную гадость курят эти исландцы. И на табак-то не похоже. То ли мох с сушеными

водорослями, то ли лишайник с толчеными мухоморами...

Оставил трубку дымиться на столе, лег, стал глядеть в потолок. Нил – умница – шелестел страницами молча, не мешая думать.

Как на диво все сложилось! Конечно, погибли люди – но того ли ждали англичане, разыгрывая «исландскую карту»? «Победослав» ушел, смешав все расчеты. У лордов рыло в пуху – из пиратского нападения всюю торчат английские уши. Для дипломатов – сильный козырь.

Сильный, а не сыграет. Британцы, разумеется, примут оскорбленный вид и начнут все отрицать с высокомерным презрением к русским варварам. Даже у низших английских классов это в крови – за то и бьют без всякой жалости английских матросов русские матросы в каждом порту. Идут стенкой – и либо беги сразу, либо беги, выплевывая зубы. Реакция простонародья воистину верна, поучиться бы у него кое-кому... Вероятно, Британия опять выйдет сухой из воды. Что поделать – русские привыкли быть обиженными на Европу, а на обиженных воду возят. Британия правит на морях. Россия не может угрожать ей ни войной, ни торговой блокадой.

А что она может? Не в долговременной перспективе, а прямо сейчас?

Обидно признаться – по большому счету ничего.

Ну а если «исландскую карту» разыграет не великая страна, а всего-навсего статский советник Лопухин со товарищи? Как вам это понравится, джентльмены?

Да, господа, граф Лопухин готов стать таким же подлецом, как вы сами. И станет. Вы, господа, обеспокоенные успехами России, желали втравить ее в войну с пиратской республикой? Один раз сорвалось, но найдется и другой повод, так вас надо понимать?

Сами повоевать не желаете ли?

А Россия останется в стороне. После того, как граф Лопухин сыграет с Англией шутку в английском же духе!

Встал, затянулся премерзким зельем, запил дым остывшим чаем, зашагал по каюте. Нил глядел на барина с испугом и любопытством. Малец, а понимает: что-то происходит. Неладное что-то. Успокойся, юнга: губит граф душу и честь свою, но тебя-то это никак не касается. Ты чист. За скраденный калач и тому подобное уже заплатил стократ.

– Барин... – несмело позвал Нил, как будто догадавшийся, куда свернули мысли графа.

– Какой я тебе барин, – беззлобно усмехнулся Лопухин. – Ты ведь официально у меня не на службе.

Нил подумал.

– Ваше сиятельство...

– Еще того хуже. Наши матросы не любят «сиятельств». Уж лучше зови меня по имени-отчеству – Николаем Николаевичем.

– Николай Николаевич... – робко вымолвил Нил и даже голову склонил набок, прислушиваясь к невозможному – ну невозможному же! – обращению к столь важной персоне. – Благодарствуйте за все... Это... Вот...

– Не понял. За что?

– А за то, что нашли меня под землей и наверх вытащили. Не бросили помирать.

– Пустое. Была возможность, вот и вытащил. Не бери в голову, ты мне ничем не обязан.

– Но как же... – Нил широко раскрыл глаза.

– А вот так. Запомни: если видишь, что можешь сделать доброе дело, – делай. Вот и вся философия, проще простого. И довольно об этом.

– А философия – это что?

Лопухин вздохнул.

– Учиться тебе надо, вот что. Много учиться.

– Я выучусь, – пообещал Нил.

– Надеюсь. Но на всякий случай запомни: легче тебе от этого не станет. «Кто умножает познание, умножает скорбь» – слышал?

– Значит, надо учиться, чтобы страдать?

– Чтобы быть несчастным – и счастливым. Чтобы жить полной жизнью. Этому учатся всю жизнь. И то счастье тому, кому жизни на это хватает...

Задышала машина, завибрировал пол каюты. Кривцов, видимо, удовлетворенный результатами стрельбы из стоячего положения, перешел к тренировкам в стрельбе на ходу.

Преогромная подзорная труба, сохранившаяся, наверное, с тех времен, когда исландцы только-только начали вдругорядь осваивать азы морского разбоя, служила теперь Лопухину. Кривцов пользовался длинным биноклем – более удобным, но с меньшим увеличением.

– Рыбацкая деревня, – констатировал граф. – Опять чепуха, хижины да баркасы.

– Но сюда могут заходить и пираты, – подал голос Кривцов.

– И наверняка заходят, ну так что ж с того? Сейчас их нет, и для нас это не цель. Идем дальше.

Баркентина шла Датским проливом, прижимаясь к гренландскому берегу. Шли ходко – свежий ветер с ледяного купола одинаково дул днем и ночью. Машину не запускали уже несколько дней – берегли уголь. Но все было готово к тому, чтобы развести пары в самый короткий срок. Кривцов успел натренировать и кочегаров.

На грот-мачте трещал и хлопал Юнион Джек.

Трижды видели одиночные – вероятно, китобойные – суда и меняли курс, стремясь разойтись с ними на возможно более далеком расстоянии. Так же поступили, заметив флотилию из трех некрупных кораблей – наверняка исландских. Нужен не бой с сомнительным исходом, а удар, разор и отскок. И чтобы обязательно остались живые свидетели. На берегу. Или вблизи берега, чтобы могли доплыть.

Берег удивлял. С одной стороны, он ничем особенным не отличался от любого северного берега. Все те же сумрачные гранитные скалы, иногда серые, иногда аспидно-черные, лабиринт шхер, языки ледников, спускающиеся в долины, вечнохолодный ветер с берега... И вдруг открывался поросший травой бережок, радующий глаз акварельным цветом свежей зелени, и самый грубый матрос умилялся:

– Едрена-Матрена, и тут жизнь! Ну прямо как у нас на Вологодчине!

– Эва, сравнил! У нас в России зелень, так уж зелень. А тут одно недоразумение.

Но скептик и сам смотрел на «недоразумение» во все глаза, мечтательно улыбаясь.

Нил, уже вернувшийся к обязанностям юнги, дивился всему: и грозно-мрачной природе Севера, не лишенной, однако, непонятной привлекательности, и отсутствию ночной темноты, и чудесам

мироздания вообще. Вода вокруг судна могла неожиданно вскипеть и заискриться на солнце – это шел густой косяк сельди. И вдруг прямо посреди рыбьей сутолоки море вспучивалось горбом, из глубины поднималась кошмарных размеров пасть, высовывалась на воздух, величаво схлопываясь, и разом поглощала тысячи рыб. «Шельдяной кит, – снисходительно объяснял юнге старый матрос с выбитыми на пиратской каторге зубами. – Шеледкой питаетша. По-аглишки – финвал». Нил невольно ежился. В эту пасть могла бы въехать карета, запряженная четверкой, и еще бы место осталось. Потом чудовище выныривало уже поодаль, показывая глянцевую спину, и пускало высокий фонтан, совсем как «Самсон» в Петергофе, только не водяной, а из пара и мелких брызг, и в довершение всего над волнами вздымалась, страша и восхищая, невероятно огромная лопасть хвоста и с величавой плавностью уходила под воду. Не раз вдали проплывали целые стада китов, но фонтаны у них были иные – пониже и пошире. «Кашалоты, – объяснял матрос. – Жлые жубаштые твари, жато кашалотовый вошк дают». И Нил долго расспрашивал про кашалотов, про охоту на них и про кашалотовый воск.

Диво дивное! Вернешься домой – будет о чем рассказать односельчанам, да ведь брехуном назовут! Один Петька, может, поверит, да и тот из зависти не подаст виду.

Вот еще что удивительно: вроде ведь не так уж давно по календарю все это было – родное село Горелово, Москва, Питер, – а как будто тысяча лет прошла. Как так? Да и служба на канонерке, бой, страх, адский грохот орудий – все это тоже как будто случилось давным-давно. Жалко было людей с «Чухонца», особенно справедливого унтер-офицера дядю Сидора, а еще пса Шкертика, но жалко уже не до слез. Почему так? Из-за того, что сам настрадался вдоволь?

Вздыхнувши, Нил постарался не думать об этом. Надо бы потом спросить у барина, отчего так бывает: одному помирать, а другому жить? Почему Господь решает так, а не иначе? Барин все знает, только не время приставать к нему с вопросами. Сейчас барин занят: то и дело в трубу глядит, и лицо вон какое озабоченное...

Вчера спускали за борт матроса в люльке – малевать на борту аглицкое название золотой краской. Уж если быть похожими на англичан, то во всем. У исландцев нет обычая выводить на бортах

имена судов, им огласка ни к чему. Ulisses – вот какое название выдумал барин, и никто не знает, что оно означает. Один дядя Ерофей спросил, что это такое, а в ответ услышал про «Одиссею» и расстроимшись был.

А на самом деле баркентину теперь зовут «Святая Екатерина». Хорошее судно, и бежит быстро. Глянешь на паруса – душа радуется. Палуба узкая, а мачты выше, чем на корвете...

Голос боцмана Аверьянова вернул Нила к действительности. Здесь не били – не считать же битьем легкий подзатыльник! – но Нил все равно старался работать не за страх, а за совесть. Своим спасением он был обязан не только барину и понимал это.

И еще – он ничем не хуже других!

Кают-компания маленькая, а обставлена хорошо. Посередине дубовый стол с затейливой резьбой, в углу столик для напитков с инкрустацией янтарем и перламутром, тяжелые кресла, кушетка резная. Слева сердито глядит набивной ушкой с желтовато-белой шерстью, справа неумно скалится лохматое чучело обезьянской породы.

Войдя, Лопухин не утерпел – щелкнул обезьяну по носу. Знай наших, игрушка пиратская.

До обеденного времени остался час.

Слева океан сверкал бликами, солнечные зайчики запрыгивали в иллюминаторы. Справа громоздился, ничуть не меняясь, осточертевший берег. Разве что зеленые лужайки стали попадаться чаще.

Видели еще одно селение – кажется, вовсе заброшенное. Три-четыре покосившиеся хибары, остов баркаса на берегу – и ни дымка над крышей, ни человеческой души. Жители то ли то ли перемерли от зимних холодов, голода и болезней, то ли перебрались на новое место. Если подумать, то жизнь у потомков викингов совсем не сахар. Можно

понять их неистовую жажду богатства и презрение к смерти. От такой жизни и себя перестанешь жалеть, и других.

Простить – нельзя, конечно. Но ведь не для мести этим убогим рыбакам судно прошло уже шестьсот миль вдоль гренландских берегов! И все еще нет достойной цели!

На побережье Исландии достойных целей сколько угодно, но нет целей доступных. Соваться в пиратское гнездо с одним суденышком – самоубийство. Против Рейкьявика нужна эскадра, и то успех дела не гарантирован.

Неужели Кривцов прав, уверяя, что найденной на баркентине карте гренландского побережья можно полностью довериться? Виденная сегодня деревня на карте отмечена – вот она. Нанесена, между прочим, от руки. Еще сутки хода, и откроется мыс Фарвель, крайняя южная точка Гренландии. На западном побережье этого несуразно огромного острова карта сулит с полдесятка относительно крупных поселений, забившихся в узкие заливы... может быть, пойти туда? Или попытаться счастья на Ньюфаундленде?

Но есть чутье, и оно подсказывает: с картой что-то не так. Вот лист с Исландией, вот с Фарерскими островами, а вот и Шпицберген-Свальбард. На Шпицбергене вообще не обозначен поселок с шахтой «Сифри Стурлсон» и порт, а на Фарерах якобы всего-навсего две деревеньки.

Какое уж тут чутье! Это логика. Происхождение карты – английское, но в исландских владениях англичанам известно далеко не все. Что в первую очередь поспешит нанести на карту норманнский пират? Маршруты купеческих караванов, удобные бухты для засад, владения собратьев-конкурентов. А что он не станет наносить?

Во-первых, свои собственные базы – они ему известны. Во-вторых, то, что среди российских уголовников именуется словечком «общак» – тайные гавани, базы снабжения и ремонта, созданные и поддерживаемые в складчину, в некотором смысле имущество всей пиратской республики. Те же шахты Шпицбергена – общак, причем доходный.

Карта показывает меньше, чем есть на самом деле. Отсюда следует лишь одно: надо и впредь тщательнейшим образом изучать берег, не лениться осматривать извилистые фиорды – где-то что-то должно быть.

А значит, приказание, отданное Кривцову по наитию, было правильным и в изменении не нуждается. Люди устали, но они потерпят. Русский человек умеет терпеть.

Как обычно, приняв решение, Лопухин ослабил узду для мыслей, и они поскакали вразброд. Неизвестно по какой причине вспомнился несуществующий континент, выдуманный Харви Харвиссоном. Вот уж воистину: кого бог хочет наказать – лишает разума. Страшно подумать, во что на самом деле превратилась бы вымышленная Химерика, существуй она на самом деле в относительной дали от Европы и в приемлемом для европейцев климате. Как будто мало одной Австралии! Кое-кто уже кричит о ее экономическом чуде. А если хорошенько разобраться, дело лишь в том, что туда слетелись все стервятники делового мира, хищники почище исландских пиратов, умеющие только одно: выжимать прибыль из всего, что попадает на глаза. Из природы, из недр, из наивной человеческой веры в лучшую долю. Из людей – в первую очередь. Газеты пишут, что чернокожее население Австралии уже фактически истреблено, эвкалиптовые леса сведены под пашни и овечьи пастбища. Дальше будет только хуже. Испоганив свой материк, не остановятся – пойдут искать новых земель, обзаведутся колониями, чтобы их сосать. И хуже того – заразят своим образом мышления весь цивилизованный мир. А нищие рабочие, погрязшие в беспросветной нужде, выдумают такую идеологию, что куда там марксизму!

Нет, великое счастье, что никакой Химерики не существует! Она заразила бы мир куда раньше реальной, но далекой Австралии. Надо быть глупцом, чтобы верить, будто православная, исполненная высокой духовности российская цивилизация сможет сколь-нибудь долго противиться нахрапу новой идеологии – идеологии чистогана, успеха любой ценой, лисьей пронырливости и волчьей хватки. Не сможем-с. Идеализм хрупок, люди слабы. Любопытно, описал ли этот Харви в своей занимательной книжице для простаков то, чем стала Россия в его «дивном новом мире»? Вот уж, надо думать, печальное зрелище...

Хотя с какой стати ему думать о России? У каждого свое отечество.

Лишь у марксистов его, кажется, нет – так их учит Клара Маркс. Однако же вызвался добровольцем Аверьянов и многие другие! Как

они объяснят это самим себе без душевного раздрая? Мстительным желанием убивать норманнов? И только-то?

Вряд ли. Тут нечто большее, но скажешь им об этом – огрызнутся в ответ и не поверят. Ни один не поверит.

Да и черт пока с ними! Они станут проблемой потом, не сейчас!

Еще не проблемой России, но уже проблемой статского советника графа Эн Эн Лопухина...

Сейчас проблема только одна: нет достойной цели, пусты гренландские берега. Ползет текучее время, бегут дни. Есть опасность не застать «Победослав» в Гонолулу. Кривцов уверяет, что любой грамотный штурман проложит курс от Азор до Сандвичевых островов в полосе попутных пассатов. Для «Победослава» это лишняя тысяча морских миль, но проигрыш в расстоянии обернется выигрышем во времени. Баркентине же придется иметь дело со встречными ветрами.

Солнечный зайчик скользнул по обезьянскому чучелу, поплясал на потолке и пропал. Вошел Еропка, зевая и потягиваясь со сна. Последние дни бездельник только и делал, что набивал брюхо да спал. Никто ему в этом не препятствовал и меньше всего граф, молчаливо благодарный слуге за лечение и уход. Лодырь беззастенчиво этим пользовался.

– В портки скоро не влезешь, – заметил ему Лопухин. – Ишь, брюхо-то наел.

Еропка немедленно скорчил плаксивую физиономию.

– Отощал ведь я, барин, на каторжных-то харчах. А только неправда ваша, нету у меня брюха.

– А то я не вижу. Чем бы тебя занять, а? У меня в каюте дюжины две книг на исландском языке, я их еще не смотрел. Возможно, среди них и «Одиссея» есть, как ты думаешь? Двойная польза – заодно язык выучил бы.

Слуга только засопел – знал по опыту, что вопль «да на что мне исландский язык, барин?» повлек бы за собой лишь реплику о пользе просвещения, дивно сросшуюся с приказом. Поэтому Еропка предпочел сменить тему, благо повод имелся:

– Меня господин Кривцов прислали. Просят вас наверх.

– Так бы сразу и говорил.

Кривцов оказался на мостике. Молча протянув Лопухину бинокль, он проронил лишь одно слово:

– Мачты.

Лопухин долго всматривался в горизонт. Мешали солнечные блики. Растрепанное облачко собралось было закрыть ненадолго солнце, но раздумало, проплыло мимо. И все же Лопухин увидел.

Не мачты – верхушки мачт. Ну и глаза у Кривцова! Хотя, наверное, чужака обнаружил матрос, сидящий в «вороньем гнезде»...

– Пустое; вряд ли мы его догоним, – высказал мнение граф.

– Пусть уходит, – согласился Кривцов. – Но откуда он идет?

И Лопухин молча обругал себя за недогадливость. В самом деле, если корабль уходит в открытое море, то есть прямой резон проверить место, откуда он – предположительно – отчалил.

Возможно, там ничего нет, кроме голых скал. Возможно, там песчаный или галечный пляж, где исландцы килевали свое судно. Возможно, там нищая деревушка и ничего более.

И все же есть шанс, что не придется огибать Гренландию в поисках достойной цели.

Похоже – последний шанс.

– Прикажете разводить пары? – спросил Кривцов.

– И немедленно.

Устье фиорда – узкое, стиснутое округлыми, отшлифованными древним ледником гранитными скалами, пряталось за крутобоком островом. Если держаться мористее, как делает всякий капитан, не желающий распороть брюхо судна о камни или потратить уйму времени на промеры глубин, то пройдешь мимо и не заметишь.

– Хорошее место, – только и сказал Кривцов.

Лопухин молча согласился. Сама природа создала в этом забытом богом краю идеальное убежище. Правда, еще не доказано, используется ли оно пиратами.

Скоро все выяснится.

Паруса были убраны. Размеренно и неспешно дышала машина. Баркентина входила в устье фиорда малым ходом.

– Нашли, – вновь подал голос Кривцов. – Здесь их база.

– Почему вы так думаете? – спросил Лопухин. При всей своей наблюдательности он не замечал на берегах ни малейших признаков присутствия людей.

– Цвет воды. Это не речка несет в залив ил. Это портовая вода.

Моряку, надо думать, виднее. Лопухин не стал возражать, но лишь спустя пять минут убедился: Кривцов прав. Отливное течение пронесло у самого борта масляное радужное пятно.

Здесь они. Береговых батарей пока не видно, но это ничего не значит. В таком уединенном месте их может не быть вообще. Не исключено, что дозорная служба также поставлена из рук вон плохо. Если же это не так, коменданту уже докладывают: корабль его величества «Ulisses» входит в гавань. Британцы здесь такие же нежелательные гости, как и все прочие, но нападут ли норманны первыми?

Судно готово к бою. Но орудийные порты пока закрыты.

– Еще раз выслушайте и хорошенько запомните, капитан, – сказал Лопухин, нарочито не именуя Кривцова мичманом, – никто и никогда не должен узнать о том, что мы сейчас сделаем. Никто и никогда. Ни при каких обстоятельствах. Ни в России, ни тем паче за ее пределами. Это не только в интересах России – это в ваших личных интересах.

– Последнего вы могли бы не говорить, – отозвался Кривцов. – Впрочем, мне все ясно. Не знаю, ясно ли команде.

– С командой я поговорю потом.

Четверть часа протекли в ожидании. Временами фиорд сужался так, что поставь судно поперек – застрянет меж гранитных утесов. Рулевой управлял штурвалом кончиками пальцев. Вода уходила в море с отливом, и навстречу течению медленно продвигалась баркентина с трепещущим на грот-мачте Юнион Джеком.

Перешли в рубку.

– Вон за тем поворотом, – указал Кривцов.

– Почему вы так думаете?

– Чувствую. Хотите пари?

Лопухин покачал головой – учиться можно и без ущерба для кармана. Миновали поворот.

– А зря отказались, – с досадой констатировал Кривцов. – Вы бы выиграли.

Гавань открылась за следующим поворотом. Фиорд здесь расширялся, образуя котловину, со всех сторон закрытую горами. Только что не было ничего, кроме моря, неба и скал – и странно нереальным казался поселок, раскинувшийся на пологом левом берегу, длинные дома без окон и труб, жилые домишки с дымками над крышами, причалы из заполненных камнями срубов. Хотелось протереть глаза.

– Это док? – спросил Лопухин, указав рукой на несуразно-громоздкое бревенчатое сооружение с воротами, наполовину стоящее в воде. Темная полоса на бревнах показывала максимальную силу прилива.

– Он самый, и в нем стоит двухмачтовое судно. С дока мы и начнем, если не возражаете.

– Командуйте, капитан.

Странно пусто было на душе у Лопухина, когда баркентина разворачивалась, занимая удобную позицию для обстрела пиратской базы, когда сыпались команды, когда злые хохотки – «Поквитаемся!» – висели в воздухе вместе с грубой бранью, когда с носа и кормы шлепнулись в воду два якоря...

– Левый борт, к бою!

Лопухин знал: сейчас открываются пушечные порты. Он видел, как на берегу мечутся люди, словно в потревоженном муравейнике, и догадывался, что многие из них ни разу в жизни не выходили в море на разбой. И тем не менее именно на их жилища упадут снаряды, как только пушки разнесут вдребезги док. Нет сторонних, нет непричастных. Праведную ярость матросов не остановить – и не надо. Око за око.

Но главная пилюля приготовлена для англичан – британский флаг должен быть хорошо виден с берега, и после обстрела останутся живые свидетели. Тут тоже око за око. Глупо ведь пользоваться только разрешенными приемами в борьбе с противником, который не гнушается никакими средствами. Либо опускайся до его уровня, либо мирись с поражением. Иного выбора просто нет.

Палуба вздрогнула – грянул первый залп.

И вмиг исчезла пустота в душе, остались позади все сомнения. Возможно, в эту минуту вся мировая история, качнувшись, как курьерский поезд на стрелке, свернула и побежала по другому пути.

Кончено. Когда Рубикон позади, незачем ворошить прошлое – надо думать о том, что будет дальше.

А ведь что-то будет.

2004-2006 гг.

Александр Громов
Русский аркан

ПРОЛОГ,

предостерегающий читателя относительно пагубности национальных компромиссов в домостроительстве

Подобно большинству европейских дипломатов в Токио мистер Арчибальд Хэмфри Дженнингс, второй секретарь британского посольства, имел жительство в специально построенном небольшом домике, сочетавшем в себе достоинства английского коттеджа и недостатки туземного жилища — или, может быть, наоборот, кто знает? Один этаж. Стены кирпичные, но кровля совершенно японская, если не считать выведенной через нее каминной трубы. Окна — сдвигающиеся вверх на английский манер. Входная дверь также вполне европейская, но расположена на деревянной открытой веранде, окружающей дом со всех сторон. Вокруг дома разбит сад — и это при безумной дороговизне земли в Токио! — но с парадной стороны за живой изгородью зеленеет ровный, совершенно не японский газон. Говоря короче, эклектическая и вызывающая улыбку усадьба.

Внутри дома — тот же смешной компромисс. Европейские комнаты, но с раздвижными японскими дверями и татами на полу. Поскольку мистер Дженнингс терпеть не может разуваться в помещении, в большой гостиной и спальне настелен дубовый паркет, а в остальных помещениях татами приходится часто менять. Малая гостиная — в японском вкусе с бумажными на деревянной раме стенами, разрисованными бамбуками и птицами. Таковы же личные покои госпожи Акико и комнатухи прислуги. Мебели в европейском понимании нет. В изящно отделанных ящиках хранятся футоны и одежды, а зимой неизбежна жаровня с чадящими угольями — максимальный риск пожара при минимальном обогреве.

Но спальня и большая гостиная с камином очень напоминают старую добрую Англию — если опять-таки не обращать внимания на двери и не очень внимательно вглядываться в отделку. А если вглядеться, то и здесь обнаружится неистребимый туземный колорит.

Чему и удивляться — пусть мастера строили дом «по западным образцам», но ведь мастера-то были японцы.

Совсем недавно, если считать по календарю, и ой, как давно, если вести счет времени по ошеломляющим событиям, сопровождающим смену эпох, правительство императора выделило для западных дипломатов участки земли в той части Токио, которая примыкает к реке Цкидаки близ ее устья, и позволило строиться. Земля, разумеется, отдавалась в аренду, ибо никакой ниппонец и помыслить не может о том, чтобы гайдзином было дозволено приобретать в собственность землю Ямато. Западным варварам, увы, и без того разрешено слишком многое! Они смешны и отвратительны на вид. Они принесли с собой свои обычаи. Где это видано, чтобы в Токио улицы не запирались на ночь? Теперь не запираются. И многое еще сделано в угоду светловолосым уродам, явившимся из-за океана. Население недоволено и мечтает только о том, чтобы выбросить всех до одного гайдзинов в море. Многие молятся, чтобы скорее пришло это время.

Возможно, оно и придет. Но не сейчас. Сейчас-то даже самому глупому уличному подметале ясно, что от гайдзинов с их дымящими пароходами, всесокрушающими пушками и несокрушимой алчностью так просто не избавиться. Менее понятна, но терпеливо вдалбливается властями в головы подданных еще более радикальная мысль: гайдзины просто-напросто нужны. Сами того не желая, они помогут стране Ямато достичь небывалого в истории могущества — и пусть тогда пеняют на себя. Новая эпоха отличается от прежней не только девизом правления. Наступили удивительные, невероятные времена. Виновен ли человек в том, что удивительное новое подчас кажется ему отвратительным?

Виновен. Необходимо приспособливаться. Кто не может приспособиться, тот должен перетерпеть. Кто не способен ни на то, ни на другое, кто примыкает к безумцам, разбойничающим на дорогах, или просто выказывает недовольство, тот совершает преступление перед божественной властью императора и подлежит суровому наказанию.

Поэтому почти для всякого японца, а особенно для столичного жителя, насущно выгодно изображать, будто ему по нраву целые улицы, застроенные нелепыми домами гайдзинов — всех этих послов, атташе, секретарей посольств, а то и просто торговцев. Гайдзины

довольно противны, но, право, очень смешны. К ним можно притерпеться. От них исходят заказы, так что есть и выгода. А кто не в силах перебороть отвращение, может делать вид, будто никаких гайдзинов в Токио вообще не существует. Столица настолько велика, что варвары, сколь бы шумны и многочисленны они ни были, тонут в ней, как горсть песка в океане. В соседней Иокогаме европейцев еще больше, но разве от того этот город перестал быть ниппонским?

По местным меркам, дом мистера Арчибальда Дженнингса довольно зауряден. Как во многих других домах европейцев в Токио, нового гостя охватывает здесь веселое изумление, причем вне зависимости от того, европеец этот гость или японец. Вот, например, ванная комната. В ней ванна — пребольшая деревянная бадья овальной формы, посередине которой торчит железная труба, сообщающаяся с трубой камина и имеющая сбоку дверцу для закладывания внутрь раскаленных углей. Смешно обоим — европейцу и японцу, но смешно по-разному. Европейца веселит диковинная конструкция ванны, японца — ее местоположение в доме. Это надо же выдумать — построить для мытья тела специальную комнату, да еще запираемую изнутри на специальный крючок! Ну не умора ли?

Веселость европейца сходит на нет, когда он начинает испытывать нужду в посещении другой маленькой комнатки. Увы — уборная в доме отсутствует. В свое время это обстоятельство вызвало большое неудовольствие мистера Дженнингса. А с другой стороны, как же прикажете строить, если в Токио до сих пор нет канализации? Сама мысль о том, что отхожее место может располагаться в стенах жилища, вызывает у японца глубокое отвращение. Воистину — это мысль, достойная гайдзина!

И мистер Дженнингс, и его временная супруга госпожа Акико, и прислуга — все пользуются специальной будочкой в саду, очень чистенькой и веселенькой на вид. К будочке проложена узенькая дорожка, столь изящно огибающая сливовые деревья, что всякий на пути к будочке остановился бы полюбоваться, если бы не спешил. В холодное время года посещение уборной кажется европейцам изуверским упражнением для воспитания стойкости духа и тела, но теплой летней ночью, когда деревья в саду кажутся таинственными, ласковый ветерок слегка шевелит листву, а в траве неистово верещат цикады — почему бы и нет?..

«Ну какое мне дело до чьей-то уборной?» — вправе спросить любой читатель и особенно читательница. Умоляю вас, имейте терпение, дамы и господа! Очень скоро вы убедитесь, что дорожка, ведущая к уборной, важна для действия, для вас и с особенной силой для мистера Дженнингса.

Все произойдет именно на ней. Ранней ночью, когда чуть слышно шелестит листва, светят звезды, оглушительно стрекочут цикады, а жизнь кажется удивительной и, главное, вечной.

Но пока только ранний вечер. Мистер Дженнингс идет пешком из посольства домой. Он моложав, подтянут, одет без шика, но изящно. Обычно он проделывает этот путь на рикше, но сегодня решил пройтись, чтобы дать время разбегающимся мыслям сложиться в систему. У второго секретаря был нелегкий день, и внутреннее чутье подсказывает ему, что неприятности еще не окончены.

А день начался печально — похоронами. Весь токийский дипломатический бомонд прощался с сэром Джеффри Палмером, британским военным атташе, храбрым полковником, трижды раненным под Кандагаром, награжденным орденом Подвязки и возведенным в рыцарское достоинство после успешных переговоров с шейхом Кармалем... и так далее, и так далее... Список наград полковника был велик, но уступал списку его заслуг, а главное, покойный пользовался не только всеобщим уважением как истинный джентльмен и толковый дипломат, но и подлинной любовью всей европейской дипломатической колонии. Моложав, подтянут, отличный спортсмен, не по-британски остроумен и быстр на язык, неотразим для женщин...

Полковника оплакивали совершенно искренне.

Ходили, правда, шепотки о том, будто бы сэр Джеффри особенно успешно проявляет себя в делах тайных, находящихся в ведении полиции и контрразведки, но о каком дипломате не ходит таких слухов? Полноте! Люди выполняют свои профессиональные обязанности, а их начальство в Лондоне, Париже, Берлине или Петербурге интересуется только качеством их работы, вовсе не приплетая сюда столь неуместное в данном случае понятие морали. Если уж совсем начистоту, то шпионская деятельность совершенно необходима для сохранения баланса сил между державами и, следовательно, для поступательного движения цивилизации по пути

прогресса вплоть до достижения мировой гармонии. И какая, скажите на милость, разница, ведется ли шпионская деятельность под дипломатическим прикрытием или же без оного?

Первое удобнее — вот и вся разница.

А вот умер полковник не очень хорошо. Не на поле сражения, не от кинжала убийцы, не от пули в висок ради спасения чести и не на дуэли — от отравления туземной снедью, поданной в японской харчевне нерадивым поваром! Это Судьба. Она гораздо на жестокие шутки.

Но мистер Дженнингс имел все основания подозревать в смерти Палмера отнюдь не слепую и глупую Судьбу. Он знал, что Палмер заглянул в туземную харчевню не ради сомнительных прелестей японской кухни. Сэр Джеффри имел там встречу со своим агентом. Агент-туземец после встречи исчез бесследно, и все попытки найти его оказались безуспешными. По всей вероятности, искать его следовало на дне Сумидогавы либо какого-нибудь городского пруда или канала. А полковник вскоре после возвращения в посольство почувствовал себя плохо и спустя три часа скончался в ужасных судорогах, несмотря на все усилия европейского врача.

Где прокол? Кто начал охоту на британскую резидентуру? А главное: в чем причина? Какая из тайных операций незаметно для основных ее фигурантов вступила в критическую фазу? На эти вопросы мистер Дженнингс пока не нашел ответа.

В гипотезах недостатка не ощущалось. Их было гораздо больше, чем хотелось бы Дженнингсу и троим его подчиненным. Все дни и ночи между кончиной сэра Палмера и его похоронами в посольском флигеле за запертыми ставнями и плотно занавешенными шторами шла напряженная работа. Вычерчивались схемы, отрабатывались версии, летели на пол скомканные бумажные листки, теребилась агентура, настойчиво стучал телеграфный аппарат, посылая шифрованные запросы прямо в Лондон — через Корею, через Китай, через невозможно громадные просторы России, — и трескуче печатал ответные сообщения на конвульсивно дергающейся ленте.

К исходу третьих суток число версий сократилось, но все еще оставалось больше одной. Дженнингс пошел на похороны шефа. Он не мог не пойти. Ошалевший от невероятного количества выпитого кофе,

отравленный табаком, отупевший от бесплодных мозговых усилий, он воспользовался поводом отвлечься от бегающих по кругу мыслей.

Русские, немцы, французы, итальянцы, австрийцы, голландцы... Все нации, имевшие в Токио дипломатические представительства, сочли своим долгом обозначить свое присутствие на похоронах. От немцев прибыл сам посол граф фон Штилле со своими чудовищными усами, подкрученными кверху до самых бровей. От русских прибыл посланник Корф, от французов — временный поверенный Дюшампи. Японскую сторону представлял префект токийской полиции, явившийся с целой толпой чиновников. Ни правительство, ни императорский двор не прислали уполномоченных выразить сожаления, и Дженнингс терялся в догадках: случайно ли? Он жил в Японии всего три года, приехав сюда уже после реального открытия страны и незадолго до открытия официального, и пока еще не мог похвастать доскональным знанием этого клочка на карте мира и его непостижимого народа. Да и кто осмелится утверждать, будто полностью разобрался в характере и обычаях японцев?

Вопрос номер один: кто нанес удар? Японская версия слегка увяла за минувшие три дня, но еще не настолько, чтобы ее можно было сбросить со счетов. Кроме нее оставались еще две версии — германская и русская.

У каждой из сторон можно усмотреть свои возможные мотивы. Корф выглядит огорченным и озадаченным, но это ровным счетом ничего не значит. Фон Штилле настроен торжественно, что у надутого пруссака всегда выходит смешно. Можно не сомневаться, что французская и итальянская колонии, получив обильный материал для остроумия, немедленно пустят этот материал в дело, иными словами, в сплетни, фельетоны и карикатуры своих газетных листков. Физиогномический анализ японцев, как всегда, бесполезен.

Печальная церемония кончилась, а ощущение беспокойства осталось. Вдобавок разыгралась мигрень, и Дженнингс, объявив перерыв в «мозговом штурме», распустил подчиненных по домам и сам решил провести ночь подобающим белому господину образом — под крышей своего домика, где маленькая Акико встретит мужа радостным щебетанием и создаст иллюзию семейного покоя. Японки замечательно это умеют.

Как просыпающийся человек уже реагирует на явь, но еще досматривает последние сюжетные перипетии наполненного драматизмом сна, так и Дженнингс, возвращаясь домой, никак не мог выбросить из головы смерть Палмера. Было ли что-то такое, о чем мог знать только покойный и более никто? Похоже, нет, но это чисто теоретическое построение... Или все-таки стоит допустить невозможное: смерть полковника не связана с исчезновением агента и явилась следствием глупейшей случайности? Любой разведчик знает, с каким утонченным издевательством вмешивается иной раз Фатум в точнее выверенные планы...

Кстати. Если охота на резидентуру и вправду началась, то на каком основании он, Арчибальд Дженнингс, еще жив? Долго ли устранить человека в громадном муравейнике, именуемом Токио?

Припекало. На ходу англичанин вынул носовой платок, неспешно вытер лоб, а заодно обозрел в крохотное зеркальце улицу позади себя. Ничего подозрительного... И все-таки, быть может, следовало попросить охрану? Префект не отказал бы...

Конечно, так и следовало поступить. Дженнингс вдруг усмехнулся углом тонкогубого рта. Неужели он, подобно японцу, стал больше всего на свете бояться показаться смешным? Наверное. То ли взаимопроникновение культур, то ли распространение инфекции, сразу и не поймешь. Неужели британский офицер и дипломат вправе показать туземцам, что боится насильственной смерти?

Немыслимо. Тем более — японцам с их кошмарными и часто непостижимыми понятиями, от которых на милю разит средневековьем и театральностью. Честь — всё, а жизнь не стоит ломаного пенса... причем зачастую все равно, чья жизнь. Как дикаря ни лакируй, он дикарем и останется. Между европейцем и японцем — пропасть.

И главное: обратиться к местным властям было бы разумным шагом, если бы имелись веские улики, указывающие на предумышленное убийство сэра Палмера. К сожалению, Дженнингс до сих пор не располагал ничем, кроме подозрений.

Тот, кого он пытался рассмотреть в маленькое зеркальце, находился сейчас далеко, почти на окраине города и решительно ни у кого не вызывал любопытства. Пожилой японец, почти старик, согнутый под большой вязанкой хвороста, неторопливо углублялся в

Токио. На теле старика колыхались ветхие обноски, голову покрывала коническая шляпа из сухой осоки. Словом — бедняк. Надо думать, не крестьянин, а из городской голытьбы. Таких много живет по городским окраинам.

Строго говоря, в Токио не так уж много мест, которые можно было бы назвать не окраинами. За пределами городского центра, ограниченного морем, Сумидогавой и внешним каналом, тянутся по холмам и низинам огромные предместья, недавние деревни. Пожилой бедняк, ковыляющий по немощеной улице с вязанкой дров на горбу, зауряден здесь свыше меры — никто не обернется. А через пять минут никто, пожалуй, и не вспомнит, что здесь проходил такой человек. Мало ли всяких!..

Бедняка окликнули не раньше, чем его старенькие гэта застучали по мостовой фешенебельной части города. Молодой полицейский, тщетно пытающийся скрыть физическое страдание, причиняемое ему новеньким, пошитым на европейский манер мундиром, сердито спросил оборванца, что ему здесь надо. В ответ оборванец замычал, заулыбался редкозубым ртом и начал бестолково жестикулировать, как сделал бы всякий немой, да еще и слюну пустил, как слабоумный. Подозрений он не вызвал, услышал сердитое: «Уходи!» — и заковылял дальше, держа путь к устью Цкидаки.

Небо темнело. От фонаря к фонарю, беззаботно напевая, прошел фонарщик с короткой лесенкой. Круги желтого света легли на мостовую, а темнота между ними стала чернее и глубже. Никто не видел, как пожилой японец с вязанкой хвороста вошел в темную полосу и неожиданно легко взвился в воздух, перескочив ограду.

Бесшумно приземлившись, огляделся. Затем встряхнулся по-собачьи и сразу стал быстр и точен в движениях.

Спустя четверть часа, никем не замеченный, он достиг места, известного ему по подробному описанию. Здесь со стариком произошла метаморфоза.

Выбрав наиболее темное место в саду, он разделся донага, избавившись от лохмотьев и конической шляпы. Не нашумев, развязал узлы и извлек из вязанки хвороста два самурайских меча разной длины и матерчатый сверток, распавшийся на три части: нижнее кимоно тонкой материи, штаны-хакама и куртка-хаори. Не спеша, но и

не теряя времени, бывший нищий старик преобразился в самурая, еще совсем не пожилого на вид.

За час, прошедший после этого, он сделал только одно: держась темных мест, прокрался к окну европейской гостиной и удостоверился: англичанин дома. Из окна доносился его голос на варварском наречии, смех женщины и непривычные японскому уху звуки музыкального инструмента гайдзинов — жена дипломата училась играть на пианино. Голос англичанина выдавал усталось.

Что ж, сегодня его сон будет особенно крепок.

Но перед сном он, конечно, заглянет в уборную. Придется позволить ему опорожниться — нехорошо, когда из мертвеца хлещет не только кровь. Всякий враг достоин уважения, пока не доказал обратного.

Взошла луна. Она была желтая, как пятна света на мостовой под газовыми фонарями, но листва в саду посеребрилась. Комар впился в щеку самурая — тот не почувствовал. Вывела первую, пробную руладу цикада, следом еще одна. Метеор прочертил небо. Волшебная ночь! На улице возле фонарей кружились ночные мотыльки. Умолк в доме глупый музыкальный инструмент желтоволосых варваров. Наверное, скоро...

Гайдзин появился через минуту. Постоял, глупо таращась, различил дорожку и неспешно прошел в уборную. Зевнул, не прикрыв рта ладонью. Эти гайдзины напоминают людей, только когда они наедине сами с собой...

Чиркнула спичка в будочке, затрепыхались отблески света и через минуту погасли. Задув свечу, Дженнингс прикрыл дверь уборной и зашагал к дому.

И сейчас же прямо перед ним с пугающей беззвучностью призрака возникла невысокая коренастая тень.

В первую секунду Дженнингс осознал, что перед ним стоит человек, японец, и что в сад он пробрался тайно. Во вторую секунду — пожалел об отсутствии револьвера. Надо было взять. В Японии не так уж смешно ходить в уборную с оружием.

Забыл... Слишком устал...

Шагнув вперед, незванный гость отвесил неглубокий поклон и вымолвил по-японски не слишком торопливо, чтобы гайдзин расслышал каждое слово и понял общий смысл:

— Господин, я должен взять вашу жизнь.

Дженнингс понял сразу. Кто-то нанял самурая для убийства. Их — голодных полусумасшедших ронинов, объявленных вне закона за упорство в предрассудках, — теперь можно купить пучок на шиллинг. Ни для кого не секрет, что некоторые из них отваживаются пробираться в город под покровом ночной темноты, не слишком скрывая ни мечей на боку, ни перевязанного колечком локона на затылке.

Не особенно торопясь, убийца обнажил длинный меч и двумя руками поднял его рукоять к правому плечу. Лунный свет холодно блеснул на лезвии.

Дженнингс колебался не более мгновения.

Искать спасения в доме было, во-первых, невозможно — убийца преграждал путь, а во-вторых, бессмысленно. Попытка скрыться в саду также не обещала успеха — среди низкорослых слив, растопыривших во все стороны корявые ветви, маленький японец легко настигнет долговязого англичанина. Оставалось одно: рвануться в сторону улицы и молиться о том, чтобы не застрять в живой изгороди. Улица освещена; по ней часто проходит полицейский патруль...

Неслышно, как кошка, убийца сместился вбок, и Дженнингс подумал: японец будто читает его мысли.

В следующее мгновение англичанин стремительно прыгнул вперед и еще стремительнее выбросил перед собой кулак. Хук левой ошеломит противника, а большего и не требуется. Нужно выиграть буквально секунду...

Никто и никогда не мог упрекнуть Арчибальда Дженнингса в том, что он теряет голову в минуту опасности. Британия не овладела бы половиной мира, если бы посылала за моря трусов. Британский офицер как минимум храбр, а для сотрудника Интеллидженс Сервис храбрость настолько же заурядное качество природы, как глубокий ум и умение мгновенно принимать решения в критических обстоятельствах.

Увы, одной храбрости оказалось мало — даже вкупе с умением неплохо боксировать. Дженнингс не удивился, а лишь ощутил укол досады, когда его кулак встретил пустоту. Проклятый японец легко ушел от удара. Умудрившись не потерять равновесие, англичанин

вихрем пронесся там, где только что стоял его противник. Скорее к живой изгороди!

Если бы человек прислушивался в такие мгновения к голосу разума, он несомненно услышал бы: «Не спеши. Ты уже труп». Но огонек надежды сильнее. Человек сам раздувает его в себе до масштабов пожара.

И в одном случае из тысячи — не напрасно.

Но Дженнингсу не суждено было выиграть в этой лотерее. Темная коренастая фигура подпрыгнула с изумительным проворством, лезвие мелькнуло молнией, шипяще свистнуло, наискось рассекая воздух, затем негромко хрякнуло, встретив плоть, и мистер Дженнингс, пробежав еще два-три шага, начал заваливаться влево. Завалился, обломав ветку корявой сливы, дернул ногой, замер. Луна осветила темный провал, почти полностью отделивший от торса англичанина его голову и левую руку.

Неистово стрекотали цикады.

Убийца вытер лезвие об одежду трупа и вернул меч в ножны. Огляделся, прислушался. Тихо. Скоро слуги и жена гайдзина поднимут тревогу, но времени вполне достаточно, чтобы уйти задворками усадеб. Переодеваться незачем. В ночное время маскарад теряет смысл — полиция все равно проявит пристальный интерес к любому прохожему, если только он не гайдзин.

Спустя несколько секунд туман, повисший мертвым слоем в низине у реки Цкидаки, скрыл фигуру убийцы. В сливовом саду, пронизанном оголтелой луной, остались разрубленный наискось труп мистера Дженнингса, бедняцкие лохмотья да хворост из рассыпавшейся вязанки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой великую княжну внезапно охватывает страсть к путешествиям, а цесаревич участвует в народной дипломатии

Дождя не было уже три недели. Крымский зной затопил Ливадию.

Ночью ворочалось море, шевеля гальку, но к утру разглаживалось, хоть смотришь в него. В море происходили неведомые катаклизмы — то вся прибрежная мелководная полоса за одну ночь превращалась в сплошной кисель из медуз, надолго делая невозможным купание, то ласково-теплая вчера еще вода менялась на такую студеную, что великий князь Дмитрий, нырнув с разбега, сейчас же вынырнул, неприлично взвыл и пулей выскочил на пляж. Видели гнутый хобот водяного смерча, рассыпавшийся не далее версты от берега. Однажды по обе стороны от солнца возникли два ложных светила и еще какие-то полосы, с виду красивые, разноцветные, вроде радуги, но пугающие и решительно никому не нужные.

На Петров пост тряслась земля, тяжело вздыхали горы, фасад дворца дал трещину, и вылетевшим стеклом отсекло хвост ручному павлину. Всего через полчаса с моря пришла одна, но зато двухсаженная беснующаяся волна, переломав все лодки у причала и сам причал. Вслед за адской волной морской бриз принес такую вонь, что хоть святых выноси. Прислуга, крестясь, шепталась: это только начало, быть большой беде.

Кто ощущал себя в своей стихии, так это Димитрий Константинович. Книга Природы показала ему склеенные прежде страницы — только не ленись читать. Глаза его горели, и он увлеченно излагал сестре свежие научные теории о внезапных черноморских апвелингах, о редких атмосферных явлениях и о причинах землетрясений. О большой волне он, оказывается, тоже знал заранее и сразу после подземных толчков помчался на берег, где предупредил рыбаков и чуть ли не палкой выгнал с пляжа нескольких зевак, дивившихся на отступившее море. А потом надоел Катеньке длинным рассказом о больших волнах, внезапно приходящих с моря, описал

зафиксированные историками черноморские водяные бесчинства и отдельно пожалел японцев, время от времени подвергающихся атаке таких громадных волн, что куда там редкие и низенькие черноморские цунами! До японских чудовищных волн им еще расти и расти!

На Екатерину Константиновну живость брата действовала удручающе. Если человек не слеп, он легко различает настоящее и наигранное. Даже если человек этот — молодая девушка. Напрасно старался Митенька развлечь сестру. Не помогли ни разговоры о великих тайнах натуры, ни верховые прогулки с пикниками, ни купания, ни пышная таврическая экзотика.

Митенька сулил поездку в Балаклаву, где на дне изогнутой червяком бухты ловцы устриц нашли недавно остов греческого судна, груженого ушастыми амфорами. Уже и до Ливадии дошел слух, что местные греки наострились поднимать эти амфоры на поверхность для продажи состоятельным отдыхающим.

— А в амфорах — вино, ты себе представляешь? Ему в прошлый вторник исполнилось две тысячи лет. Уксус, конечно, зато какой выдержки! — Великий князь хохотал. — За один этот срок вино можно продавать с аукциона. Кто выпьет, того вот так перекосит, а ведь все равно будет нахваливать...

Шутил братец, болтал без умолку, играл роль записного весельчака, коим отродясь не был. Старался для сестры, да все напрасно.

Дня три казалось, что Катенька увлечена ролью Марьи Антоновны в любительском спектакле. Ставилась вся комедийная трилогия господина Крохаля: «Ревизор», «Обер-ревизор» и «Генерал-прокурор». Играть городничего вызвался претолстый и басовитый великий князь Сергей Владимирович, двоюродный дядя. Митенька играл почтмейстера и был уморителен. Но кончилась забава, и все пошло по-прежнему. Скука в сочетании с тревогой — опасная смесь.

Великий князь понимал это и лез из кожи вон — до вчерашнего утра. Сразу после завтрака император увел младшего сына на прогулку, и продолжалась та прогулка до самого обеда, в течение которого Митенька казался весьма озабоченным. О чем говорили наедине отец и сын по дороге на Ай-Тодор и обратно, теоретически считалось неизвестным — практически же нет и не бывало тайн, недоступных для челяди. Поскольку сразу после обеда Дмитрий

Константинович надолго заперся в своем кабинете, а государь император не имел привычки болтать лишнее, следует признать факт самозарождения слухов, наполнивших дворец.

Что тут удивительного? В конце концов, Екатерина Константиновна знала от брата, что некоторые ученые все еще отстаивают гипотезу о возможности самозарождения жизни в наше время, в то время как их противники указывают, что кипятить субстрат надо дольше. А уж слухи зарождаются гораздо легче, чем те студенистые живые комочки, которые Катеньке показывал в микроскоп учитель естественной истории. Удивительным было другое: распространившиеся по дворцу слухи оказались доподлинно правдивыми. Случай хотя и странный, но, надо признать, не такой уж редкий.

Митенька получил в наместничество Дальний Восток! Понятно, отчего ему вдруг стало не до сестры с ее амурными терзаниями...

Екатерина Константиновна сердилась: бездушный! И ему, и всем вокруг до нее дела нет. Братец въедлив; будет вникать в дела наместничества с упорством корабельного червя, гложущего доску, пока не освоится, как у себя дома. Да ведь не в те дела, в какие надо бы! Сухарь! Ну какое ему дело до страдающего на Шпицбергене статского советника Лопухина? В империи тьма-тьмущая статских советников, а этот даже не имеет касательства к вверенной великому князю провинции.

Теперь уже забылось, что при первой весточке о Лопухине сердце щебетало весенней канарейкой: жив! Жив!

Строго говоря, весточек было две, и обе пришли в один день. Первой оказалась каблограмма из Понта-Дельгада, отосланная капитаном Пыхачевым в морское министерство и немедленно пересланная в Ливадию. Пыхачев рапортовал о морском сражении с пиратской эскадрой исландцев, о героической гибели «Чухонца», о потоплении неприятельского броненосца, о потерях и, разумеется, о драгоценном здоровье цесаревича. «Победослав» застрял на Азорских островах для ремонта и пополнения запасов. О статском советнике Лопухине сообщалось кратко: пропал без вести, будучи выброшен взрывной волной за борт во время боя. Больше ничего.

С точки зрения Екатерины Константиновны, капитан мог бы написать о Лопухине побольше, а о здоровье цесаревича — поменьше.

Она мгновенно возненавидела этого Пыхачева. Бездушный винтик! Ничего нельзя понять. «Пропал без вести» — это как? Жив ли? Неужто нельзя было выяснить?

Во дворце повеселели, папА распрямил плечи и улыбался, зато Катенька места себе не находила. Но на закате того же дня Митя настойчиво увлек ее на прогулку к морю:

— Жив он, твой ненаглядный, жив.

— Правда? — только и спросила Катенька, слабо ахнув.

— Думаю, правда. Ныне выкуп за мертвого никто платить не станет. Научены. Деньги против персоны.

— Да что ты такое мелешь! — рассердилась великая княжна. — Какой мертвый? Какой выкуп? Толком объясни!

Дмитрий Константинович покорно вздохнул.

— Известное тебе лицо в плену у исландцев. Выкуп: два миллиона золотых рублей. Пустячок.

Последнее слово было произнесено с сарказмом.

— Казна должна выплатить, — сейчас же выпалила Катенька, сжав кулачки, и даже ножкой притопнула.

— Не нашего с тобой ума это дело.

— Отчего же? — горячо возразила великая княжна. — Разве не папА отправил Николая Николаевича в это плавание? Кому же платить? Если не из казны, тогда из личных сумм...

Митенька согласно кивал в ответ, но что он думал, о том оставалось лишь гадать. Возможно, у него на языке вертелся вопрос: «Разве казна выкупала офицеров, попавших в чеченский плен, сгнивших во вшивых зинданах? Чем они хуже статского советника Лопухина? Точно так же исполняли свой долг... И разве мало русских моряков томится на угольных коях Шпицбергена? Если за каждого платить выкуп, государственный бюджет вылетит в трубу, а проблема решена не будет. Да и аморально платить пиратам!»

Нельзя отрицать, что голову Дмитрия Константиновича могло посетить и еще одно соображение: пленение или даже гибель Лопухина означает решение одной деликатной семейной проблемы. Великий князь мыслил по-государственному.

— ...как честный человек папА обязан! — завершила горячую речь Катенька.

— Прежде всего он государь, — несколько туманно возразил Митя.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего. Ровным счетом ничего. Вопрос о выкупе будет так или иначе решен, будь уверена.

Сказать по правде, Катенька не была в этом уверена, но ничего более от брата не добила. Слабо представляя себе механизмы закулисных дел (не вступать же с пиратами в официальные сношения!), она могла предположить дальнейшее лишь в самых общих чертах. В лучшем случае исландцам будет предложена вчетверо меньшая сумма. Вполне вероятно, их попытаются припугнуть, из чего вряд ли выйдет толк. Эта публика не из пугливых. Начнется долгий торг за сумму выкупа, и пока он будет продолжаться, Николай Николаевич останется в плену. Не исключено, что исландские висельники упрячут его в угольную преисподнюю Шпицбергена, дабы сделать русских более сговорчивыми. К тому же переговоры наверняка будут вестись не напрямую, а через посредников, что удлинит их. Время — не только деньги. В известных обстоятельствах время — жизнь. Пройдут долгие месяцы, прежде чем Николай Николаевич ступит на русскую землю — согбенный, с потухшим взглядом, с бесповоротно загубленным здоровьем...

И это еще в самом лучшем случае!

Решение стоило бессонной ночи. «Хоть бы всплакнула для приличия», — подумала Екатерина Константиновна, чуть забрезжил рассвет. Глаза остались сухими. Великая княжна не могла вспомнить, когда плакала в последний раз. Давно, очень давно. Еще в детстве, конечно. С тех пор — нет. Ну что это за барышня, которая не умеет выдавить из себя слезу без помощи лука! И неестественно, и невыгодно...

— У тебя круги под глазами, — сообщил ей наблюдательный, но недогадливый Митенька на прогулке после завтрака. — Неужели плакала?

Ответ был таким, что братец сбился с шага.

— Я выйду замуж за Франца-Леопольда.

— С условием? — догадался Дмитрий Константинович.

— Конечно. Великим князьям даруется на свадьбу один миллион рублей, не так ли?

— Совершенно верно. Такова традиция. Но прилично ли нам обсуждать это?..

— Мне нужны два миллиона и сейчас, — твердо заявила Катенька.

Братец даже на шаг отступил от неожиданности. Прозрев — сделал судорожный вдох.

— Побойся бога! Подумай, кто получит эти деньги!

— Мне все равно! Только бы он был жив. Разве я не вольна распоряжаться своими деньгами?

— Прости, но это деньги государственные...

— Казна не обеднеет!

Любезный брат Митенька лишь всплеснул руками и в перепалку не полез. Видно было к тому же, что сейчас его гораздо больше заботят не чувства сестры, а дела дальневосточного наместничества. Получить в управление территорию размером с пол-Европы, имея всего двадцать два года от роду, — это как пигмею бросить вызов великану.

— Ну хорошо, — вздохнул великий князь. — Что ты от меня-то хочешь?

— Поговори с папА.

— Так я и знал. А самой переговорить не проще ли будет?

Щеки великой княжны вспыхнули.

— Прости. Если ты настолько занят...

— Я занят, — вздохнул Дмитрий Константинович, — но я переговорю... Только не надо меня целовать, пожалуйста! Я считаю, что ты выдумала глупость. Зря ты решила играть роль героини античной трагедии. Самопожертвование тебе совсем не идет. Но это твоя глупость, не моя.

— Пусть глупость!

Женские аргументы, как правило, неотразимы. Митенька только руками развел. Пусть его рациональной душе не чужды были шалости — но возводить глупость в доблесть? Этого великий князь понять не мог.

— А, вот вы где! — тоненький голосок возвестил о появлении десятилетней Ольги Константиновны, младшей дочери государя. Голосок выдавал обиду на весь белый свет. Государь, недовольный более чем скромными успехами Оленьки в изучении родного языка,

проявил крайнюю жестокость: приказал несносному учителю Розендалю продолжать заниматься с великой княжной и в Ливадии. У гимназистов каникулы? Ну и что? «Ты не гимназистка!» — гремел голос Константина Александровича.

И вот теперь вместо морских купаний, пикников и прочих удовольствий несчастная жертва великорусской грамматики ежедневно списывала по десятку страниц под диктовку придиры-учителя. За каждую ошибку следовал разнос; за пять ошибок несносный тиран оставлял великую княжну без сладкого.

Вот и сейчас глаза Ольги Константиновны были на мокром месте.

— Привет страдательному залогу, — иронически поклонился Митенька.

Младшая великая княжна сердито сверкнула глазами. Только что она хотела пожаловаться на несчастную свою судьбу, чтобы ее утешили, но теперь рвалась в бой. Господь наградил обеих сестер одинаково твердым характером.

Однако великий князь боя не принял.

— Что на сей-то раз случилось? — спросил он заинтересованно.

Оленька подумала и решила в словесную пикировку не лезть.

— Я написала «карова».

— Правда? — восхитился Митенька. — А как надо?

— Не знаю! Он не снизошел! Это вы, говорит, найдете в моем словаре, ваше высочество! Ничего, кроме словаря, не написал, а туда же — учит!

— Словари не пишут, а составляют, — поправил великий князь и вдруг подмигнул. — В следующий раз пиши это слово через «ы». Проверочное слово — «бык», понятно?

Оленька кивнула, попыталась произнести и тут только догадалась, что братец насмехается. Топнула ножкой, оглянулась — не видит ли кто? — и, показав нахалу язык: «Бе-бе-бе!», — скрылась за кипарисами.

— Маленьких обижать? — Катенька, шутя, взяла брата за ухо.

— Ой! — в комическом ужасе сморщился тот. — Не буду больше, вот крест святой, не буду! Пустите, ваше деепричастие!

Катенька отпустила великокняжеское ухо. Вздохнула о детских ушедших годах. Подумала: а ведь наверняка и братец, и сестрица

именно себя полагают сейчас самыми несчастными... Эгоисты! Как смешны их жалкие несчастья!

— Так ты переговоришь с папА?

— Обещал ведь...

Обещанный разговор, однако, не состоялся. Не потому, что великий князь Дмитрий нарушил слово — просто в разговоре о двух миллионах внезапно исчезла надобность.

Из Ялты карьером примчался жандармский ротмистр, привез объемистый пакет. По его получении государь Константин Александрович не вышел на послеобеденную прогулку и покинул кабинет только к ужину. Легкая улыбка на лице государя была сразу же замечена всеми.

— За Лопухина! — неожиданно провозгласил он, подняв бокал «Белого муската красного камня», и не отказал себе в удовольствии смутить пристальным взглядом вспыхнувшую Катеньку. — Вывернулся-таки статский советник! Сутгоф пишет: возглавил подземный бунт в шахтах Шпицбергена, перебил со товарищи невесть сколько пиратов, захватил судно и теперь надеется перенять «Победослав» у Сандвичевых островов. Молодец! Ну да я всегда в него верил...

Ужин прошел превесело. Император поел с аппетитом, много шутил и, рассказав в общих чертах о бунте рабов в угольной преисподней, поднял еще один бокал за счастливое вызволение русских людей из пиратской неволи. Лишь очень опытный наблюдатель мог бы заметить, и то если бы приглядывался специально: государя Константина Александровича что-то тревожит.

Таким наблюдателем оказался великий князь Дмитрий. Катеньке было не до того — сладить бы с бурей переживаний в душе! Но у Мити в душе не штормило.

— Бьюсь об заклад, твой любезный Лопухин выкинул еще какую-то штуку, — сообщил он сестре по окончании ужина.

Внизу в темноте море грызло гальку. Можно было подумать, что оно и впрямь «хрипя, поворачивалось на оси, подобное колесу», как сказанул один провинциальный пиит, насмешив до колик всю Академию изящной словесности. Южная ночь пала на землю и море сразу, не чинясь и не примериваясь. Во дворце слуги зажигали газовые рожки. Потрясающая красота звездного неба завораживала всех, кому

не лень смотреть на то, что не приносит дохода. Слева проявилось слабое зарево огней Ялты. Прямо из моря вставало еще одно зарево — возшло созвездие Стрельца, купающееся в звездном тумане. С жужжанием налетел припозднившийся крупный жук, рикошетом отскочил от полей шляпки Катеньки и унесся куда-то.

— Почему ты думаешь, что он еще что-то выкинул? — шепотом спросила великая княжна, делая вид, что любит морем и небом. Предосторожность не лишняя: десятью ступеньками выше почтительно замерли статс-дама Головина и одна из фрейлин.

— Спустимся ниже, — предложил Дмитрий тоже шепотом. — Возьми меня под руку, не то задашь доктору работы... Осторожно, тут где-то ступенька с щербиной...

По мере того как исчезал запах кипарисов и высаженных на клумбах роз, все острее пахло йодом. Внизу можно было говорить свободно — шум моря надежно заглушал слова.

— Ты не простудишься?

Катенька лишь мотнула головой в нетерпении — какая уж тут простуда, ты не тани, ты говори скорей!

— Так что ты хотела узнать? Почему я думаю, что Лопухин еще что-то выкинул?

— Да.

— Потому что он такой. Не знаю, что он придумал, но чувствую: непременно что-то придумал. На свой страх и риск.

— Что он мог выкинуть, как ты думаешь? — с сильно бьющимся сердцем спросила Катенька.

— Господи, да я-то откуда знаю? Думаю, что и папА не знает. Полагаю, впрочем, что какова бы ни была его авантюра, вреда от нее не будет. У твоего предмета в голове что угодно, только не хлопчатая бумага. Держу пари, скоро мы все узнаем.

— Каким образом?

— Из газет. А о чем не узнаем, о том догадаемся. Хотя дело тут такое, что догадываться, пожалуй, и вредно... Честное слово, этот человек в моем вкусе. Буду просить папА, чтобы он командировал Лопухина ко мне во Владивосток на год-два.

Екатерина Константиновна вздрогнула от неожиданности.

— Для чего он тебе?

— Распутывать интриги, разрубать гордые узлы... да мало ли! Толком не объясню, но чую: пригодится. Большую пользу может принести в умелых руках.

— Ты говоришь о человеке, как о вещи! — сердито перебила брата сестра.

Укол не достиг цели.

— Ну конечно! — с обезоруживающим простодушием отозвался Митенька. — Ты знаешь, я увлекаюсь техникой... В сущности, искусство управлять людьми есть не что иное, как умение толково применять инструменты и материалы. Наверное, можно забить гвоздь двуручной пилой, но к чему мучить себя и инструмент? Всякой вещи свое дело, и всякому человеку тоже.

— А если под рукой серная кислота?

— Так и залить ее в лейденскую банку, а не в карман! А коли в карман, то не себе, а недругу! Большинство людей, увы, лишь материал, но изредка попадаются удивительные инструменты!

Великая княжна сердито фыркнула.

— Ну и каким же инструментом, по-твоему, является... он?

— О, тут особый случай! Лопухин, в некотором смысле, вещь в себе. В данной аналогии он скорее умный станок универсального назначения, какие еще не созданы, но будут, будут... Представь себе станок, который может исправить ошибку мастерового, а!

— Да ты, братец, фантазер! — саркастически заметила Екатерина Константиновна. — К чему мастеровой при таком-то станке?

— Ну... общие задачи ставить.

— Обленится твой мастеровой при таком инструменте и сопьется. Вот еще выдумал! Человек ему инструмент! Низко и безбожно это, Митя!

Екатерина Константиновна спорила с братом, а в голове у нее — щелк! щелк! — словно бы запирались на невидимые замочки ящики бюро, приняв в себя факты. Первый факт: любимый жив и на свободе! Второй факт: надобность в выкупе исчезла, и больше незачем торговать собой за два миллиона. Крылья вроде бы расправлены, но третий факт — ненавистная перспектива брака с Саксен-Кобургом — не становится от того менее реальной. ПапА не оставит эту затею, хоть слезами умойся. А значит...

Безумная мысль испугала Катеньку. Если сложившаяся в игре ситуация не дает ни малейшего шанса выиграть, остается лишь проиграть... либо... либо...

Либо изменить правила игры.

Много лет назад Митя учил сестру играть в шахматы. Сильный игрок, сумевший однажды свести вничью партию с самим господином Ботвинкиным, великий князь попросту издевался над неумелыми попытками Катеньки не сесть в лужу. Коварные «вилки» следовали одна за другой, беспощадная «мельница» перемалывала тяжелые и легкие фигуры, сдвоенные ладьи били стенобитным тараном, ничтожные пешки тихой сапой подбирались к последней горизонтали, норовя обернуться ферзями... Натешившись вдоволь, Митя ставил мат — всегда красивый и всегда обидный до чрезвычайности. Однажды Катенька не выдержала. Хода за три до неизбежного мата она поднесла согнутый пальчик к пешке, хорошенько прицелилась и, метко щелкнув ноготком, сбила с доски неприятельского короля. Братец бурно возмущался и объявил себя победителем, несмотря ни на что. В шахматной партии — может быть, он и победил. Ну а по сути?..

— Ты вся дрожишь, — заметил Митенька. — Зябко. И спать пора.

Великой княжне не было зябко — жарко ей было, и дрожала она вовсе не от холода. Однако разубеждать брата Екатерина Константиновна не стала.

В спальне идея немедленно начала оформляться в замысел. Катенька насилу дождалась, когда камер-метхен пожелает ей спокойной ночи и удалится. Вот копуша!

Итак. ПапА, по-видимому, хочет насолить чванным немцам, заключив династический союз с бельгийским королевским домом. Ни мольбы, ни слезы приняты во внимание не будут. Ничего не предпринимать означает через полгода-год сделаться женой Франца-Леопольда с той же неизбежностью, с какой плывущая по течению лодка без весел достигает бровки водопада и рушится вниз.

«Дудки!» — сердито подумала Екатерина Константиновна.

Но что из этого следует?

Главное: что делать? Делать-то что?!

Только одно: пора выгребать из течения. Прочь из Ливадии! Бежать! Пусть тайно. Пусть разразится грандиозный скандал. Тем лучше! Говорят, Саксен-Кобурги чопорны до предела и превыше всего

ставят внешнюю благопристойность. Прелестно! Если влюбленный дурак Франц-Леопольд не откажется по собственному почину от запятнавшей себя невесты, то его принудят к тому его бельгийские маменька с папенькой!

Но куда бежать?

Что за вопрос? Конечно же, к НЕМУ. Во Владивосток, а то и в саму Японию. ПапА упрям, но он увидит, что его дочь упрямеет. Она не выбирала, в какой семье родиться, и насильно навязанные ей великокняжеские путы не имеют для нее никакого значения! Она современная девушка с созвучными эпохе идеями, а не марионетка и не товар.

Завтра же бежать!..

Откинув тощее одеяло, великая княжны вскочила с постели и сейчас же зашибла мизинец левой ноги о гнутую ножку туалетного столика. Боль была такая, что Катенька едва не завизжала на весь дворец. Пришлось заткнуть рот обеими руками. Покатились слезы. Нет, ну это уже никуда не годится!.. Хороша, нечего сказать! Ну зачем вскочила? Разве собиралась выпрыгнуть в окно в ночной рубашке и убежать к любимому? Нет ведь. То есть с радостью, но не всякое расстояние пробежишь, тем более по морю аки посуху...

Боль ушла. Наклонившись, Катенька ощупала мизинец — кажется, не сломан, а только ушиблен — и вернулась в постель, досадуя на себя и посмеиваясь над своим порывом. «Как угорелая кошка», — правильно написал господин драматург Крохаль. А надо не так. Выбросить из головы мысль насчет завтра и готовиться. Кто хочет сбежать из темницы, тот должен тщательно продумать каждый шаг. Для великой княжны Ливадия — комфортная темница, золоченая клетка. Любое движение на виду. Исчезнешь — через четверть часа хватятся, а еще через час деликатно, но твердо задержат и доставят к папА. Нет, надо придумать что-нибудь позамысловатее выдумок господ романистов...

За окнами дворца уже розовел рассвет, когда Катенька придумала. Тогда она улыбнулась, закрыла глаза и сразу погрузилась в сон. Пребывать в ажитации, когда все уже решено, было не в ее характере. Придуманно — делай. Шаг за шагом.

И не отступай до самого конца.

«Победослав» застрял на Азорах не на две недели, как оптимистически предполагали офицеры, а на все три с половиной. По совести говоря, и этого-то времени с трудом хватило на ремонт корпуса, снастей и машин. Пришлось отказаться от мысли поставить корвет в док — пророчество насчет очереди на доковый ремонт оказалось верным. Ремонтировались в порту у стенки.

То и дело случались проволочки. Бывшие португальские, а ныне испанские чиновники, приторно улыбаясь, намекали на мзду сверх платы за любую услугу, даже самую незначительную, и доводили старшего офицера до белого каления. Враницкий свирепел и жаловался Пыхачеву. Командир вздыхал, призывал к терпению и, повздыхав, выдавал несколько ассигнаций из экстраординарных сумм.

— Уж уладьте это дело как-нибудь побыстрее, голубчик. Не деньги — время дорого.

— Да ведь они из нас просто кровь сосут, Леонтий Порфирьевич! Не люди — клопы!

— Будто бы?

— Видели бы вы их рожи! Давеча едва сдержался, чтобы не смазать кое-кого по зубам. Метисы, нечистая кровь, без родины, без совести... Как только Бог терпит такую сволочь?

— Вы хотите что-то предложить, Павел Васильевич?

— Да. Письмо губернатору. В конце концов, у нас на борту особа императорской фамилии, более того — цесаревич! Надо потребовать. Противодействию нашему ремонту можно придать политическую окраску. Право слово, напишите, а я берусь доставить.

— Подействует ли? Вы же сами мне жаловались давеча: за строевой лес испанцы дерут втридорога, потому что продают его помимо казны. Расписок не берут — подавай им наличные. Ну напустится губернатор на поставщиков, так лес и вовсе пропадет. Нету, мол, леса, и не ждите — не будет. А на нет и суда нет.

— Строевой лес в потребном количестве мы уже получили, Леонтий Порфирьевич...

— Да разве нам нужен только лес?.. Ну хорошо, я напишу губернатору...

С письмом, однако, поехал Розен. Враницкий не возражал — понимал, что полковник Генерального штаба весит поболее капитан-лейтенанта, да и искушен достаточно. В глубине души старший

офицер был даже счастлив, что не ему, а Розену придется напирать на факт присутствия цесаревича, который, если быть точным, чаще присутствует не на борту, а в кабаках Понта-Дельгада. Ничего, Розену стыд глаза не выест. Наоборот, полковник сам смутит кого угодно своим жутким шрамом поперек лица и непререкаемым тоном...

Из дворца губернатора Розен вернулся обнадеженный, но ремонт продвигался по-прежнему медленно.

— Вы понимаете, господа, что будет, если мы не поспеем в Йокогаму к середине августа? — насупившись, спрашивал Пыхачев у офицеров.

В ответ по-прежнему сыпались жалобы на чиновный произвол.

— Это оттого, господа, что у испанцев все централизовано, — объяснял бывалый капитан-лейтенант Батеньков. — В порту любой другой страны мы легко столковались бы с частным поставщиком, а здесь не могли. Только через портовые власти, таково предписание испанского правительства. На каждый гвоздь — бумажка с печатью. Вроде и цены невеликие, а ничего не достать.

— В итоге достанем за те же деньги, что в Германии или Дании, а времени потеряем вдвое больше, — подал голос лейтенант Канчелялов.

— Эва! Уже потеряли!

И все же дело двигалось. Наступил день, когда смолк частый перестук молотков в трюме — порушенные на топливо переборки были восстановлены. Еще раньше удалось привести в порядок рангоут. Команда, действующая под началом судового плотника, наконец-то избавила корвет от течи. С берега везли канаты, парусину, пробковые матросские койки, смазочное масло, уголь, провизию... Кают-компания получила новую мебель, да и в своих каютах офицеры больше не спали на полу. Мало кто жалел об утерянном великолепии несостоявшейся императорской яхты. По мнению Враницкого, корвет только выиграл от замены резных завитушек и шелковых обоев на суровую простоту новой отделки.

Потеря Лопухина отозвалась еще одной головной болью Пыхачева, положительно не знающего, что делать с цесаревичем. Его императорское высочество Михаил Константинович, едва сойдя на берег, вознаграждал себя за долгое говение тем, что немедленно напился по-свински, и с тех пор ни разу не был замечен во вменяемом состоянии. Компанию ему составляли поочередно Корнилович и

Свистунов. С ними цесаревич слонялся по кабакам, на их деньги пил, и не было возможности подвергнуть мичманов дисциплинарному взысканию — по службе оба были безупречны. Вызванный к командиру Розен заявил, что его дело — охрана цесаревича, а не его воспитание. Отряжать морских пехотинцев для охраны наследника престола и для доставки его на борт — сколько угодно. Но не более того.

— Если его императорскому высочеству проломают голову в кабаке, я пойду под суд, — резонно говорил полковник. — Но его печень и тем более рассудок не по моей части — с этим к доктору Аврамову.

— Но как же... э-э... некоторым образом... нравственность его императорского высочества?

— А с этим — к батюшке!

Пыхачев лишь разводил руками, вздыхал тяжело и ругал про себя Лопухина, выброшенного взрывной волной за борт и почти наверное погибшего. Спыхватываясь, каперанг осенял себя крестным знаменем, шептал молитвы и не представлял, что делать с цесаревичем. Верно говорят в народе: горбатого могила исправит. Терпел-терпел гомеопатические дозы, едва человеком не сделался — и нате, дорвался! Мадеру хлещет. Мадеры здесь что воды...

Днем солнце жарило так, что из свежих досок выступала янтарная смола, а к металлическим частям было не притронуться. Нестерпимо сверкала рябь на воде, и тонули в жарком мареве встающие из океана горы, городок с развалинами древней цитадели, монастырями, колокольнями, черепичными крышами, пальмами, осликами и мулами, овечьими выгонами на окраинах, харчевнями и веселыми домами, мулатками, разгуливающими по пирсу, не то чтобы покачивая, а прямо-таки неистово вращая бедрами... Ночами ветерок с берега приносил редкой соблазнительности запахи, кружащие голову любого северянина. Все было в этих запахах: благословенный край под невероятной глубины небом, фрукты и нега, вино и женщины. Вышел матрос на бак, потянул носом, да и ослаб в ногах, закатив глаза. Сказочный, манящий, сводящий с ума мир!

Напустив на себя мрачность, сменившийся с вахты Фаленберг проговорил в кают-компании, не обращаясь ни к кому:

— Матросы предаются недисциплинированным фантазиям.

— Увеличить им, подлецам, рабочий день до шестнадцати часов, — как бы про себя проговорил Враницкий, скосив, однако, глаза на командира. — Либеральничаем. Подвахтенных жалеем. Что ни день, то треть команды на берегу.

Пыхачев только крякнул.

— Да хоть до восемнадцати часов! — храбро вступился за командира Канчялов. — Свинья грязи найдет. На берегу вино дешевое и шлюх полно. Пороть жеребцов — не поможет, а не отпускать на берег — совсем озвереют. Жди тогда неприятностей.

— Ну-ну. — Враницкий иронически поднял бровь. — Что же тогда присоветуете?

— Одно средство: скорее в море. Нельзя моряку на суше. Тут из него вся дрянь наружу лезет.

Тизенгаузен проворчал, что во флотском экипаже небось не лезет и что суша суше рознь, но за очевидностью этой мысли не был поддержан.

Все осталось по-прежнему.

Пыхачев вздыхал и молился. Враницкий наблюдал за ремонтом и изобретал наказания для чересчур загулявших на берегу матросов. Канчялов ходил по книжным лавкам, надеясь хоть чем-нибудь пополнить судовую библиотеку, платил из своего жалованья и особенно обрадовался путевым заметкам о Японии. Увы, книга оказалась на португальском языке, и к ней пришлось докупить два словаря — португальско-испанский и испано-русский. Лейтенант Гжатский съездил в город лишь однажды, остался недоволен отсутствием плашек три восьмых дюйма и неожиданно увлекся фотографией. С собой на корвет он привез пребольшой фотографический аппарат магазинной конструкции на двенадцать снимков без перезарядки, деревянную треногу, кучу химикатов в склянках и два ящика светочувствительных пластинок для дагерротипии.

Розен муштровал своих морпехов и даже обратился к губернатору с просьбой выделить безлюдный участок побережья для учений по высадке десанта. Получив категорический отказ, угрюмо молчал под беззлобные смешки офицеров корвета.

— Боятся они нас, господин полковник. А ну как ваши маневры — лишь репетиция будущего вторжения?

— Вот именно. Англия уже пощипала Испанию на предмет колоний, а испанского береженого святой Яго бережет.

— Полно, при чем тут репетиция? Нашей полуроты вполне хватит, чтобы овладеть этим островом. Остальные острова сами сдадутся, ха-ха. Даже с радостью. Португальцам испанское владычество, кажется, не очень-то по нутру.

— Прошу прекратить, господа! — сердился Пыхачев. — Помните, что Испания — дружественная нам держава. Ваши шутки неуместны. Берите пример с лейтенанта Канчелялова, изучайте Японию. Хороши мы будем, если попадем впросак из-за незнания туземных обычаев!

— Лучше попросим лейтенанта сделать доклад, когда он все переведет. Зачем многим делать то, что способен сделать один?

— Эх, господа, господа...

— А я вот о чем подумал: отчего никого из нас не проинструктировали касательно Японии? Страна экзотическая, а у нас о ней одни слухи и сплетни. Стыдно-с.

— На «Чухонце» шел лейтенант Ентальцов, — вспомнил мичман Завалишин. — Он чуть ли не год жил в Нагасаки.

— Так то на «Чухонце»! Вечная ему память...

— Н-да-с...

— Смотрите, господа, что за посудина входит в бухту? — заволновался лейтенант Фаленберг. — Никак англичанин?

Кое-кто присвистнул в удивлении, взглянув в иллюминатор, и кают-компания вмиг опустела. Через полминуты вся оптика на верхней палубе была направлена в сторону новоприбывшего судна.

— Что-то новенькое, господа...

— Точно, англичанин!

— Корпус длинный, а мачт всего две. Да и те какие-то неубедительные...

— Зато три трубы. Вот куда бы я заглянул, так это в их машинное отделение...

— Мощная машина, не спорю. Но вы пушки посчитайте!

— Десять дальнобойных шестидюймовок, если я хоть что-нибудь в этом понимаю...

— И трехдюймовок не меньше. Причем заметьте — казематное размещение, бронированные спонсоны...

— Серьезный противник!

— Ну, с нашими восьмидюймовками им не тягаться!

— Как сказать. С их ходом дистанцию боя будут диктовать они, а не мы. Вспомните бой с исландцами: часто ли мы добивались попаданий с предельной дистанции?

— Прочтите кто-нибудь название, господа, а то я по-английски ни в зуб ногой...

— «Серпент», по-русски говоря — «Змей». А ведь в точку: длинный, как гадюка.

— Быстро ходит, да сразу переломится, как на камни выскочит...

— Это крейсер, господа, — сказал Враницкий, отнимая от глаз бинокль. — Новый тип боевого корабля, созданный для нужд колониальной империи. Очень быстроходный, хорошо вооруженный, но слабо бронированный. Предполагается, что у диких племен пушек нет, а от серьезного европейского корабля он в два счета удерет, если увидит, что добыча ему не по зубам.

— А Китай?

— Ну какие там пушки! Голландское старье. С канонерками колониальных флотов европейских держав крейсер также расправится играючи. Вот вам пример козырной шестерки, которая бьет туза. Охранять колонии ни у одной державы броненосцев не хватит.

— Стало быть, колониальные державы вскоре начнут строить корабли того же типа? — осведомился догадливый мичман Тизенгаузен.

— Несомненно. И Россия тоже. Я слышал, кое-что уже заложено. Но англичане успели первыми. Интересно, было бы узнать, сколько крейсеров они намерены построить...

— Восемнадцать только этой серии, — ответил Розен, продолжая изучать вероятного противника в мощный бинокль. — Последний сойдет со стапелей в Борнмуте через три года.

— Однако! Откуда вы только все зна... Ах, ну да, конечно, Генеральный штаб...

— Вот именно.

— А я, господа, боюсь не грядущих баталий, а сегодняшней, и не на море, а на суше, — задумчиво проговорил Батеньков. — Не отменить ли увольнительные на берег, Леонтий Порфирьевич?

— Хорошая мысль! — поддержал Враницкий.

— Господа, господа! — запротестовал каперанг. — Давайте не думать о людях плохо. Русский матрос без причины в драку не лезет. Вы, Павел Васильевич, накажите буянов превентивно, а всю команду перед дальним походом озлоблять не следует. Дня через три с Божьей помощью выйдем в море. И скажите мне наконец, где его императорское высочество?

— Там же, где обычно. При нем Корнилович.

— Хоть кто-то. А Свистунов?

— Храпит у себя в каюте. Явился пьян, но к вахте проспится. Он всегда так.

— Черт знает, что у него за организм... Господин полковник, я вас прошу... постарайтесь, голубчик, чтобы цесаревич заночевал сегодня на корвете. Так будет лучше.

Розен не удержался от гримасы. За утратой Лопухина быть нянькой при сумасбродном цесаревиче приходилось все-таки ему.

Местная публика, фланирующая на закате вдоль шеренг молодых пальм, высаженных с тщеславным умыслом превратить узенькие и кривенькие улочки Понта-Дельгада в подобие парижских бульваров, обращала внимание на внушительную процессию. Впереди размашисто вышагивал офицер в черном мундире русской морской пехоты. Лицо его, вероятно некогда красивое своеобразной жесткой красотой, было изуродовано косым сабельным шрамом. Рядом с ним, отставая на полшага, торопясь и то и дело смешно подпрыгивая, семенил пожилой господин, одетый столь безукоризненно, что в отношении его личности никто не усомнился бы: слуга, но слуга значительнейшей персоны. Тем не менее местные щеголи, а равно и смуглые дамы в неизменных мантильях, вышедшие в этот час насладиться вечерней прохладой да и себя показать, кланялись дворецкому Карпу Карповичу едва ли не охотнее, чем Розену, — успели вызнать, кто его господин.

Вслед за примечательной парочкой топал сапогами полувзвод морских пехотинцев в чересчур теплых по азорскому климату черных бушлатах. Удивительнее всего, что два последних в колонне морпеха несли свернутые брезентовые носилки. Для какой надобности — неизвестно. Нашлись, впрочем, догадливые, сразу заявившие, что процессия направляется не иначе как к заведению мадам Генриетты. И были совершенно правы.

Где же еще искать русского инфанта, как не в лучшем городском борделе? Ведь не в убогих же портовых клоповниках, окутанных чадом жарящейся рыбы и подгоревших бобов из близлежащих харчевен! Не там, где проститутки ленятся лишний раз помыться и предлагают себя, дыша на клиента такой смесью вина и чеснока, что береги только нос! Ни в коем случае не там, где от заката солнца до восхода дым стоит коромыслом, где в игорных притонах с размаху шлепаются на липкие столы засаленные карты и громяхают в стаканчике «хитрые» кости, где среди ночи можно увидеть, как подозрительные субъекты, закутанные в плащи до самых глаз, являются неведомо откуда и исчезают бесследно в темных подворотнях, где прямо на улице среди рыбьих объедков и нечистот валяются пьяные и обкурившиеся, а прямо по ним с визгом несется полуодетая раскрашенная девка, преследуемая субъектом дегенеративной наружности с двухфутовым тесаком в волосатой руке... Конечно, нет! Русский инфант тоже мужчина, но в этот рассадник грязи и порока не заглянет ни за что.

Выше в гору и дальше от порта есть заведения почище, где в подражание старому Истанбулу, который теперь вновь Константинополь, жрицы любви лежат прямо в витринах на почти чистых подушках, курят кальяны и пьют кофей из крохотных чашечек. Это то, что британцы называют «эконом-класс». Моряк с несколькими реалами в кармане, будь то офицер или даже простой матрос, может здесь вознаградить себя за все морские лишения, не сильно опасаясь быть опоенным, ограбленным, зарезанным да еще подцепить дурную болезнь в придачу. Но и в этих кварталах русскому инфанту нечего делать.

Еще выше — еще лучше. По узким, но уже опрятным улочкам гуляет чистая публика, смуглые дамы в старомодных нарядах бросают на кавалеров томные взгляды, играет механическое пианино в универсальном магазине братьев Торрерос, потеют в смокингах местные щеголи с набриолиненными сверх всякой меры проборами, надтреснуто дребезжит колокол католического храма. Прилично, чинно. Если и попадетса веселый дом, то можно побиться об заклад, что прислуга в нем вышколена, шампанское подается настоящие, хозяйка любезна, по стенам не маршируют легионы тараканов

невероятной величины, а громоздкий вышибала справляется со своей работой решительно, но деликатно, никого понапрасну не калеча.

Среди них заведение мадам Генриетты — это о!.. Нет, не так: это большое О! По местным скромным меркам, естественно, однако можно ручаться, что лучшего заведения с вином и девочками в Понта-Дельгада не существует. Если русский инфант может позволить себе известные вольности, то только здесь.

Так полагали горожане, плохо знающие цесаревича, и не ошиблись только случайно. Вот пример верных выводов, сделанных из неверных умозаключений! Теоретически Михаил Константинович мог находиться в любом месте, не исключая и кучи рыбьих объедков. Во второй половине ночи — сколько угодно! Но ранним вечером искать его следовало все же у мадам Генриетты.

Вопреки ожиданиям решительно настроенного Розена, вызволение наследника из дворца разврата не составило большого затруднения. Наиболее неприятные минуты пережил дюжий охранник, вознамерившийся было не пустить внутрь всю процессию целиком, но и он отделался пустяками. Велика важность — подержали немножко за горло! Отпустили ведь, не дав задохнуться, ну и не пеняй, а спиши на издержки профессии.

Мадам Генриетта — никакая не француженка, а типичная португалка с изрядной дозой мавританской крови — была не из тех, кого можно напугать страшным шрамом поперек лица. Уразумев, что явились не клиенты, она оставила воркующий тон и перешла на деловой. Да, господа, здесь двое русских, вам обоих? Только одного? Но кто заплатит? За последние три дня господин Мигель не заплатил ни реала, а между тем перепробовал всех сеньорит, выпил невероятное количество рома и мадеры и учинил два безобразных скандала, из-за которых ей, хозяйке приличного заведения, пришлось улаживать отношения с полицией. Господин офицер знает, сколько нынче стоит уладить отношения с полицией? Быть может, господин офицер желает оплатить счет?

Преппирательство вышло коротким. Розен не пожелал оплатить счет. Розен пожелал немедленно забрать «господина Мигеля». Мадам заупрямилась. Розен настаивал. Мадам сделала вид, что собирается послать за полицией. Розен с усмешкой показал взглядом на морпехов. Мадам сдалась.

Тем более, что у нее оставался еще мичман Корнилович, уединившийся с какой-то мадемуазелью Изабеллой. Выручать его Розен не собирался. Пусть платит.

Мертвецки пьяного цесаревича, обнаруженного в одной из верхних комнат, положили на носилки и прикрыли бушлатом. Что бы ни болтали обыватели Понта-Дельгада, потом всегда можно все отрицать. Какой инфант Мигель? Где вы его видели? Русского матроса скрючило от вашей паршивой еды, да так, что пришлось транспортировать его на носилках. Вот что вы видели. Ваши выдумки были бы смешны, не будь они оскорбительны!

И предприятие завершилось бы полным успехом, не веди дорога к «Победославу» через местный «эконом-класс». Чуть раньше — тоже обошлось бы. Но не в этом месте и не в этот час.

Причина была проста: подвыпившие русские матросы с «Победослава» уже успели повстречаться с подвыпившими английскими матросами с «Серпента».

Надменных британцев по пьяному делу лупят, как известно, во всех портах мира — чтобы просвещенные мореплаватели не слишком задирали свои британские носы. Битье ничуть не помогает, и к тому же англичане, большие мастера бокса, умеют давать сдачи. Но один англичанин против одного русского — совсем не то, что пятьдесят англичан против пятидесяти русских. И даже не то, что пятьдесят против тридцати, — перед русской кулачной стенкой, как будто специально придуманной для уличных драк, в коих фланги прикрыты строениями, а фронт похож на молотилку, спасует кто угодно.

Впоследствии так и не выяснили, кто первый начал потасовку, да, говоря по чести, и не очень-то старались докопаться до истины. Английского капитана, явившегося на борт «Победослава» с протестом, приняли холодно-вежливо и протест отклонили. Общее мнение офицеров высказал Канчевалов: «Наши люди в своем праве. Не подличай — не будешь бит».

О том, что подличают одни, а выбивают зубы другим, как-то не подумалось. Сын Альбиона? Этого достаточно. Еще свежи были в памяти подробности боя с пиратской эскадрой. Кто науськал исландцев? Из-за кого потонул «Чухондец»? Чьи уши торчат? Ну то-то же.

Начавшись, как всегда, пустячной стычкой, драка в три минуты переросла в великое побоище. Подобно птицам, в воздухе запорхали бутылки и стулья из летних кафе. Со звоном посыпались засиженные мухами стекла витрин, с противным визгом кинулись прочь жрицы любви по-истанбульски. Немногочисленная полиция разумно предпочла ретироваться, дабы не попасть под горячую руку...

Кулак против кулака. По-простому. Без чинов. Не того ли вечно жаждет матросская душа, запертая, как птица, в клетку жесткой корабельной дисциплины? И страшно, и опасно вырваться из клетки, но была не была! Краток миг абсолютной человеческой свободы — пользуйся!

И много-много лет спустя какой-нибудь сгорбленный, седой и плешивый ветеран той великой битвы, поддавшись на уговоры внуков, крикнет, потребует набить ему трубочку, поднесет уголек, глубоко затянется дымом и пойдет, пойдет рассказывать, озорно улыбаясь и молодея с каждым словом:

— Шрам видите? Это меня в сражении с пиратами приголубило, когда служил я на конверте «Победослав». А вот энтот, на голове — уже послЯ, в драке. Англичанский унтер меня пивной кружкой приласкал в городе Понта-Дельгада, что на острове Сан-Мигель — святой Михаил по-нашему. Стоит этот остров посреди океана, и зимы там не бывает. Нас в тот день на берег отпустили. Ну, выбегаю я это, значит, из... словом, выбегаю откуда надо, а на улице уже Мамаево побоище и Вахрамеева ночь. Тут наскაკивает на меня энтот унтер, да кружкой с размаху по голове. Я тогда молодой был, крепкий, так что сомлел не надолго. Очнулся, гляжу — баталия еще только начинается. «Бей англичашек!» — кричу — и в свалку. Гля — начальство тут же кулаками машет. Боцман Зорич. Ну, к энтоту под кулак не суйся, энтот за двоих работает... Долго ли, коротко ли — погнали мы супротивника. Бегут англичане стадом, будто овцы, ругаются по-своему да зубы на ходу выплевывают, а мы за ними. Озлились, не отстаем. А тут — смех и грех — его высокоблагородие полковник Розен со своими морскими пехотинцами... Не любили мы их, потому как до судовых работ они не охочие, хотя, правду сказать, вояки что надо... А с ними — носилки, бушлатом покрытые. А под бушлатом — тс-с-с! — сам великий князь Михаил Константинович лежит, лыка не вяжет. Его в таком виде морпехи на конверт несли, потому что иначе

доставить было невозможно... Вот на них-то мы, сами того не желая, англичашек и выгнали...

Вот так-то. Дальше — больше... Куда англичашкам деваться? Некуда. Но — храбрые ребята. Которые против нас вдругорядь повернулись — отбиваться, а которые вперед поперли, прямо на морпехов. Те — волей-неволей — тоже в кулаки. Носилки с великим князем на мостовую уронили. Полковник кричит, пятается вразумить тех и этих, остановить бесчинство, да разве ж остановишь? Ку-уда там! Плюнул его высокоблагородие, сам кого-то по уху смазал. Его императорское высочество великий князь из-под бушлата выбрался, сам из себя весь опухший, шатается, как старый плетень на ветру, глаза в кучку, а туда же — биться. «Спасай Сенегамбию!» — кричит. Попало ему — покатился. Но разделали мы супостата под орех! Сколько годов прошло, а всё приятно... Кхе... Набей-ка мне еще трубочку...

Чего? Что дальше было?.. Ты знай набивай туже. Вот этак большим пальцем прижми. А дальше... Да что дальше? С того дня никого из наших на берег не отпускали, вот что было дальше. Больше никак не наказали, а на берег — ни ногой. Пораненных, меня в том числе, доктор поправил. А через двое суток снялись мы и пошли на вест прямо через океан. Так-то. Но с морпехами мы с тех пор враждовать перестали. Кое-кто из наших рому припас, ну и выпили мы втихаря от нашего и ихнего начальства за содружество родов войск. Можно сказать, побратались. Господам офицерам следить за нами было недосуг — они у себя в кают-компании тоже пили. Только вахтенный начальник нет-нет да и высунет нос — все ли в порядке? — и сразу нырь обратно. Хохот оттуда. Новый вестовой командира — свойский парень — рассказывал, что пили они в честь участия наследника престола в народной дипломатии, уж не знаю, что это такое...

И очень при том веселились.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой ротмистр Недогреев идет по следу

Должность Фаддея Евлампиевича Недогреева называлась длинно: начальник Ялтинского уездного отделения Крымского губернского управления Отдельного корпуса жандармов. В этой должности Фаддей Евлампиевич служил всего год и поначалу рассматривал ее как удобный трамплин для карьерного взлета. Ну ладно, пусть не рывка умопомрачительной скорости, доступного только истинным баловням судьбы, но уж равномерного нечерепашьего продвижения по службе — наверняка. С течением времени, однако, выяснилось: несмотря на близость летней резиденции государя и имений великих князей, никаких особенных преимуществ эта должность не дает. Попыток покушения на царствующую особу не выявлялось, политический сыск приносил самые ничтожные результаты, ибо трудно сыскать то, чего нет, а сам факт порядка и спокойствия во вверенном уезде рассматривается как нечто само собой разумеющееся. Всегда так получается, что на виду оказываются восстановители нарушенного порядка, а не его блюстители! Обидно!

Дослужившись до ротмистра, Фаддей Евлампиевич не без оснований полагал, что теперь надолго застрянет в восьмом классном чине. Мечталось, однако, о большем. А кому не мечтается?

Пустые это мечты или не пустые — вот в чем вопрос. Если не пустые, то надо искать способы и средства к их осуществлению. Но как быть, ежели ничего путного изыскать не удастся? Неужели придется признать, что ошибся, срезался, как гимназист, часть жизни потратил зря?

И теперь ротмистр Недогреев пребывал в некотором унынии: стоило ли менять армейскую карьеру на жандармскую?

Блистательно провалив в свое время экзамен по географии на приемных испытаниях в Академию генерального штаба (всего-то навсего упомянул Томск в числе пристаней на Оби!), пехотный поручик Недогреев подал прошение о зачислении на курсы подготовки

жандармов. Тут вышла закавыка: из пяти требований к кандидатам Фаддей Евлампиевич соответствовал лишь четырем. Пусть он окончил юнкерское училище по первому разряду и тянул армейскую ляжку свыше требуемых шести лет, пусть он не был католиком и не имел долгов — без потомственного дворянства о зачислении на вожделенные курсы оставалось только мечтать.

Пришлось ждать и мучиться вопросом: а ну как папенька у себя в Тамбове не получит к отставке чин действительного статского советника? Прощай тогда потомственное дворянство. Жди, пока сам дослужишься до полковника. Еще дослужишься ли, а если да, то будешь ли к тому возрасту еще на что-то годен?

С папенькой обошлось. С курсами тоже. И что же в итоге? Прослужив несколько лет в сонной Вятке, несколько месяцев в шумном Харькове и год в пыльном Симферополе, сумев отличиться в деле о студенческих кружках, дослужившись до ротмистра, Фаддей Евлампиевич как нарочно попал туда, где ничего не происходит. Городишко неплохой, но созданный для неги, а не для работы. Редко-редко заедет какой-нибудь уж совсем глупый пропагандист. Ни покушений, ни антиправительственных заговоров, ни даже рабочего движения, поскольку тут и рабочих-то нет, кроме сезонных. Это трамплин?! Это место для старика, ждущего пенсии, а не для тридцативосьмилетнего честолюбца, полагающего, что не все еще в жизни потеряно!

Deliberando saepe petit occasio [1] — вспоминал он не лишенный ехидства афоризм древних римлян, но, перестав думать, оглядывался — и не видел случая.

Сонный покой. Скука. Сиди, считай мух и мечтай о великих делах... В Ялте Фаддей Евлампиевич приобрел некоторую дородность фигуры, отрастил приятные взгляду полубакенбарды и начал подумывать о женитьбе как последнем средстве не спиться и сохранить карьерные виды.

Этим летом только во время землетрясения и большой волны вышло беспокойство, да и то тягостно-сучное. Приказом свыше ялтинскую жандармерию бросили на помощь полиции, только и всего. Велик ли труд наблюдать за свозом утопленников в покойницкую, отгонять любопытных и протоколировать опознание? По специфически жандармской части — ничего. Ни массовых

беспорядков, ни хотя бы прокламаций, злокозненно обвиняющих государственную власть в природном катаклизме.

Приходилось заниматься ерундой и изобретать для агентов задания одно нелепее другого. То и дело являлись с жалобами делегации от татар, никак не желающих понять, что Отделение не занимается ни землемерными делами, ни налоговыми, ни уголовными. Непонятно было, что делать с полоумным дьяконом Мефодием, не раз выкликавшим, к вящему соблазну верующих, что Земля-де стоит не на трех китах, а на шестнадцати, причем семь из них он будто бы видел лично. Ротмистр с удовольствием подержал бы фантазера с недельку в холодной ради прибавления ума, но благому сему намерению крепко мешала паства, видящая в дьяконе кто забавника, а кто блаженного; переписка же с церковными властями длилась уже не первый месяц безо всякого толку. Временами трещал телеграфный аппарат, в основном требуя усилить меры и повысить бдительность. Такие циркуляры получали все жандармские управления и все отделения на местах. Фаддей Евлампиевич знал, что к нему это не относится. Хоть ты вдесятеро повысь бдительность, хоть вовсе махни на все рукой и уйди к морю купаться — ровным счетом ничего в мироздании не изменится.

Впрочем, изредка поступали шифрованные телеграммы. По большей части они исходили от его высокопревосходительства генерала Сутгофа, начальника штаба Отдельного корпуса жандармов. Иные были адресованы на высочайшее имя. В Ливадийском дворце имелся телеграфный аппарат, но шифровки шли через Ялту. По какой-то прихоти государь не держал при себе шифровальщика из Третьего отделения.

Тогда ротмистру Недогрееву казалось, что вот-вот что-то переменится. Шифровальщик, проверенный вдоль, поперек и насквозь, расшифровывал послание, и Фаддей Евлампиевич, заглянув в него ради любопытства, запечатывал депешу в конверт и отсылал в Ливадийский дворец с нарочным. Иногда посыльный жандарм возвращался с кратким ответом государя, обычно что-нибудь вроде: «Благодарю вас. Неизменно благосклонный к вам Константин». Только-то. Да и благосклонность монарха относилась к генералу Сутгофу.

Всего несколько дней назад его высокопревосходительство известил государя об успешном освобождении из плена графа Лопухина и выразил опасение касательно международных последствий этого освобождения. Речь шла о материях, ротмистру не известных. Графа Лопухина Фаддей Евлампиевич лично не знал, общих дел с ним не вел, о миссии графа в кругосветном путешествии цесаревича слышал краем уха, так что ничего не понял и разумно не стал ломать голову. Однако доставил депешу сам и зарубку — одну из многих — в памяти сделал.

Оказалось — не совсем напрасно.

Грянуло внезапно, как громом ударило. Из губернского жандармского управления в Симферополе пришла такая шифровка, что в первую минуту глаза Фаддея Евлампиевича полезли на лоб. А во вторую минуту он понял: вот он, случай. Не выжать из него все возможное может только полный олух. За дело!

Одна коляска, запряженная отменными рысаками, всегда стояла наготове — с этим у Фаддея Евлампиевича было строго. Через пять минут он уже мчался к Ливадийскому дворцу в сопровождении трех самых толковых агентов, какие случились под руками. Как в насмешку, их звали Кошкин, Мошкин и Перебейнога. Ну да государю императору незачем знать их фамилии — лишь бы дело шло на лад.

А дело было такое, что из ряду вон: пропала великая княжна Екатерина Константиновна!

Похищена? Сбежала? Это предстояло выяснить на месте, причем времени было мало: сам начальник губернского управления полковник Гоцеридзе извещал, что выезжает в Ялту. По приезде он, разумеется, заберет следствие в свои руки. Времени отличиться оставалось мало — полсуток, от силы часов пятнадцать.

Тревожная тишина — вот что первым делом почувал ротмистр в Ливадии, да и мудрено было не почувать. Тревога, близкая к тихой панике. Куда девалась безмятежность знойного летнего дня! И не жарко вовсе. У кого-то мороз по коже, а кому-то до жары просто-напросто дела нет — служба. И азарт! Выспрашивай, выслушивай, вынюхивай! Бери след.

Дежурный офицер караульного полувзвода был вконец расстроен, бледнел, потел, но отвечал твердо, толково и вины за собой не признавал. Смысл его ответов сводился к следующему: охрана несла

службу строго в соответствии с имеющимися инструкциями, каковые предписывают до последнего вздоха защищать государя и членов августейшей фамилии от нападения извне и отнюдь не предусматривают слежки за ними. По сути офицер был прав, а что до филерской службы, то не его ума это было дело.

Филерскую службу в Ливадии несли не ялтинские — петербургские. С ними Недогреев собирался потолковать потом, не особенно много ожидая от беседы. А вот поставить где следует вопрос о передаче оной службы в Ялтинское отделение можно и должно! Повод поистине замечательный.

Но прежде, разумеется, надо расстараться — разыскать и вернуть великую княжну. Нужен результат. И быстро. Хорошо бы до прибытия полковника Гоцеридзе...

Грешным делом ротмистр порадовался тому, что железная дорога на Южный берег до сих пор не протянута. Это давало ему фору во времени.

— Найдите и верните мне мою дочь, — глухо сказал ротмистру государь Константин Александрович, внезапно сильно постаревший. — Постарайтесь сделать это без огласки, но, разумеется, не в ущерб основной задаче. В вашем распоряжении все и всё. Приступайте.

Недогреев приступил. Кошкина, Мошкина и Перебейногу он отправил снимать показания с дворцовой прислуги; сам же со слов расстроенной статс-дамы Евдокии Головиной, исполняющей должность гофмейстерины, и четырех фрейлин попытался составить картину происшествия.

И вот что выяснил.

Случилось это без малого пять часов назад, в аккурат после завтрака. Екатерина Константиновна выразила желание навестить великого князя Сергея Владимировича в его Ай-Тодорском имении. На вопрос Головиной, знает ли о намерении дочери государь, великая княжна беззаботно ответила, что не только знает, но и одобряет. Поверить в это было нетрудно: последние дни Екатерина Константиновна зримо для всех находилась в подавленном состоянии духа и много капризничала, поэтому не было ничего удивительного в том, что государь отпустил дочь прогуляться и проветриться... По

лицу статс-дамы Недогреев читал, как ей стыдно за свою доверчивость и еще более стыдно за ложь великой княжны.

Далее оказалось, что Екатерина Константиновна нипочем не желает ни прогуляться пешком, ни прокатиться в коляске, а желает — о ужас! — достичь Ай-Тодора в грязной шаланде грека Яни. На строгое замечание статс-дамы великая княжна со смехом ответствовала, что желающие могут идти, ехать, лететь, как угодно, а она пойдет под парусом. Причем смех ее показался статс-даме неестественным — однако был списан на нервное возбуждение. Причина нервозности? Молодой человек, есть вопросы, на которые женщина не обязана отвечать даже жандармским офицерам. Фи!

Подгонять Головину не понадобилось, да Фаддей Евлампиевич и не осмелился бы. Разумеется, звание статс-дамы предписывало Головиной сопровождать великую княжну. Та выбрала также одну из фрейлин. Остальные три были рады-радешеньки, что им не придется качаться на волнах в провонявшем рыбой корыте.

Дальше было совсем просто. Сев в шаланду, великая княжна вдруг вспомнила, что оставила в своей комнате кружевной зонтик от солнца и попросила фрейлину принести его. Во время ее отсутствия Екатерина Константиновна симулировала сердечный припадок, насмерть перепугав почтенную статс-даму. Забыв обо всем, Головина кинулась было во дворец за доктором, но не успела пробежать и двух десятков шагов, как была остановлена громким смехом. Шаланда отошла от причала и под треугольным парусом удалялась в море, негодяй грек посмеивался на корме в усы, а великая княжна весело крикнула, чтобы статс-дама и фрейлина шли в Ай-Тодор пешком — ей-де хочется прокатиться в одиночестве.

Призывов немедленно вернуться она не услышала — разумеется, намеренно. Пришлось идти пешком. И хотя Императорская дорога, наверное, самая приятная дорога на свете, настроение у статс-дамы и фрейлины было не из лучших. Ах, если бы они только могли догадываться, что на уме у великой княжны! Тогда они подняли бы тревогу немедленно!

В Ай-Тодорской вилле великой княжны, однако, не оказалось. Быть может, помешал противный ветер? Статс-дама и фрейлина ждали битых два часа, изнервничались и невольно издергали его высочество великого князя Сергея Владимировича. Наконец один из лакеев

вспомнил, что случайно видел примерно в версте от берега шаланду, идущую на запад. Когда? Да часа два с половиной, а то и три назад...

Еще не веря в случившееся, Головина с фрейлиной помчались в Ливадию, с ними поехал и Сергей Владимирович. В Ливадии Екатерины Константиновны не оказалось. Исчезла последняя надежда на то, что лакей, быть может, напутал или видел другую шаланду. В течение получаса во дворце царила все возрастающая паника. Наконец о случившемся осмелились доложить государю, и его императорское величество поднял на ноги жандармское управление...

Детали? Какие вам нужны еще детали, молодой человек? Ах, да, великая княжна взяла с собой дорожный баул — сказала, что везет сюрприз для дядюшки. На вопросы, что за сюрприз — отшучивалась или отмалчивалась.

Недогреев пометил в блокноте: грек Яни — шаланда — баул — фора 5 часов. Вырвал чистый лист, нацарапал записку, кликнул Мошкина и велел ему лететь пулей в Ялту, зашифровать и отправить. В записке содержалось предписание по вверенному ему уезду: удвоить бдительность в портах, на станциях и причалах, задерживать всех подозрительных особ женского пола.

Сказать больше Фаддей Евлампиевич не дерзнул. Несколько минут ушло на то, чтобы выяснить фамилию грека Яни — как назло, никто ее не помнил! Помнили, что великая княжна Екатерина не раз дружески беседовала с коварным греком, да и великий князь Дмитрий тоже. Пришлось деликатно, но твердо настоять на беседе с великим князем.

Тот казался удрученным, каковым, видимо, и был на самом деле. В побеге сестры винил почему-то себя, но почему — сообщить отказался. Лишь туману напустил: мол, был рядом и не заметил, не предотвратил... Фаддей Евлампиевич остался в подозрении, что великий князь знает больше, чем готов сообщить следствию.

Фамилия грека, однако, выяснилась: Костандопуло. Великий князь дал подробное словесное описание как самого грека, так и его шаланды. Имея то и другое, ротмистр теоретически мог приступить к розыскам.

Практически — не очень-то. Необходимо было взять под наблюдение побережье от Ялты до Севастополя, а кем прикажете вести это наблюдение, если подчиненных раз, два и обчелся? Стало

быть, нет возможности избежать подключения к этому делу севастопольских коллег да вдобавок еще сыскной полиции... Не хочется, а делать нечего.

Пришлось воспользоваться телеграфным аппаратом. В нешифрованной телеграмме ротмистр сообщил только приметы шаланды. Не было сомнений: если грек повез великую княжну вдоль побережья, шаланда будет обнаружена в ближайшие часы. Если же он направился в открытое море — бог весть. Неизвестно, что у великой княжны на уме. Тем более неизвестно, что на уме у грека. Мирный рыбак? Гм. Наверняка еще и контрабандист. Все они контрабандисты...

Откуда, собственно, следует, что желания великой княжны и грека совпадают? Если предположить, что она напросилась покататься, а грек, пройдя для отвода глаз до Ай-Тодора, свернул к турецким берегам? Продаст глупую девчонку басурманам, как пить дать продаст!

Занятый этими мыслями, Фаддей Евлампиевич не сразу заметил, что уже некоторое время над его ухом деликатно покашливает агент Перебейнога.

— Чего тебе?

— Дозвольте, ваше благородие, в Симеиз сгонять.

— Зачем?

— Там на горе, что над поселком, научная обсерватория, астрономы звезды считают. Ежели их оптику не на небо, а на море направить, вмиг шаланду обнаружим. Время дорого, ваше благородие. Пока конных разошлем, пока возьмем берег под наблюдение — это сколько же часов пройдет!

Нескольких секунд хватило ротмистру, чтобы понять: Перебейнога предлагает дело.

— Поеду я, — сказал агенту Фаддей Евлампиевич. — А ты останешься здесь и выяснишь, что великая княжна могла увезти в бауле. Слуг тряси, а с фрейлинами будь поделикатней. Да вызови от моего имени сюда шифровальщика. Уразумел?

— Ваше благородие...

— И не спорь. Придумал ты хорошо, получишь наградные, а поеду я.

Еще бы Фаддей Евлампиевич отправил к астрономам Перебейногу! Ученые — публика необычная, витают в мире комет и

туманностей, процеживают мировой эфир, а к жандармским нуждам и не снизойдут. Что им какой-то агентшкa! Начальник уездного отделения — совсем другое дело.

Отдохнувшие рысаки мчали так, что ветер пел в ушах. Коляска едва не опрокинулась, разъезжаясь со встречным дилижансом, огромным, словно дом, и у ротмистра екнуло сердце. Обошлось, слава богу! Через полчаса справа на горе мелькнули круглые купола, и Фаддей Евлампиевич приказал сворачивать на серпантин. Вскоре он уже излагал свою нужду директору обсерватории.

Тот хмурился и довольным не выглядел. Бурчал, что астрономические инструменты предназначены для совершенно иных целей. Не входя в подробности, ротмистр сослался на заинтересованность в этом деле лично государя императора. Подействовало. Перебейногу, конечно, в лучшем случае промурыжили бы лишний час, сочтя фантазером. Но жандармскому ротмистру директор пошел навстречу, хотя и с видимой неохотой, и распорядился провести куда надо и предоставить требуемое.

Одолжил! Фаддей Евлампиевич внутренне кипел, не показывая, однако, виду. Эти отшельники науки совсем забыли в своей обсерватории, за чей счет они обсери... тьфу, обсервируют! Ах, большим телескопом воспользоваться нельзя? Почему? Каким тогда можно? Ну, скорее, скорее же!..

В скромном по размеру куполе открылась щель. Купол пришел в движение. Стуча шашкой, ротмистр взобрался по ступенькам на решетчатый помост, приложил глаз к какой-то трубке. Услышал смешок и потребовал, чтобы ему объяснили, куда тут смотреть и как управляться с этим чудовищем, — кратко и по существу.

— Дозвольте уж мне самому, ваше благородие, — с обидной снисходительностью молвил какой-то худосочный, бледный и прыщавый сын астролябии — студент, наверное. — Пока вы научитесь, солнце зайдет, темно станет... На что смотреть будем? На море? Шаланду ищем? Тем более позвольте мне. Блик от солнца в глаз поймать — удовольствие маленькое...

Недогреев хоть и кипел, но правоту студента признал. Слез с помоста и даже крутил рукоятку, поворачивая купол по команде студента. И дождался — услышал: «Есть!»

— Нашел, что ли?

— Взгляните сами, коли охота.

Решив более не обращать внимание на снисходительный тон студентки, ротмистр взглянул — будто в молоко окунулся.

— Эт-то что еще за муть?

— Дымка над морем, — пояснил студент. — Вы присмотритесь получше. Что, не видно? Дайте-ка я... Ага. Объект ушел. Неважно, сейчас опять поймаем... Теперь видите?

— Почему море вверху, а небо внизу?!

— Потому что телескоп не подзорная труба. Оборачивающая система — это лишние линзы. Нам потери света ни к чему.

— Как же вы на звезды смотрите вверх ногами? — весь кипя, спросил Фаддей Евлампиевич.

— А звездам все равно, как мы на них смотрим, — нахально заявил студент. — У них нет ног. Ничего иного предложить не могу. Так вы видите объект или нет?

Да, теперь Фаддей Евлампиевич видел объект. Лодка. Большая лодка. Треугольный латинский парус. Все сходится, только вверх тормашками, будто муха на потолке. Кажется, кто-то сидит на корме. Одна фигура или две? Не разобрать, а объект вот-вот уйдет за мыс. Ладно, разберемся по задержании...

Стремительно летя вниз по серпантину, он подумал: а ведь этот худосочный, на поганку похожий студентка еще небось обидится на то, что ему не сказали спасибо! Вот муфлоны горные! О чинопочитании и мысли нет. Службу бы им — нормальную, не эту! Хлебнули бы гарнизонной жизни — враз поумнели бы.

В Севастополь и Балаклаву ушли телеграммы. Ночью в Ливадию под усиленным конвоем был доставлен Яни Костандопуло. Полицейский катер перехватил его шаланду за мысом Сарыч.

На допросе старый грек сразу же выложил всю подноготную. Великая княжна подрядила его, старого Яни, отвезти ее в Симеиз. Нет, ни о каком Ай-Тодоре речи не было. Симеиз. У его шаланды отличный ход. Княжна заплатила целых десять рублей, хотя он, старый Яни, с удовольствием отвез бы их императорское высочество и бесплатно. Они веселые, все время смеются и других смешат. А ихний братец Дмитрий убедил старого Яни сразу же после землетрясения отогнать шаланду подальше в море — вот она и осталась цела, когда пришла

большая волна. Как же после этого отказать хоть в чем-то их императорским высочествам?

— Высочествам? — напрягся ротмистр.

Оказалось, старый болван имел в виду, что он не отказал бы ни брату, ни сестре, но, поскольку об услуге просила сестра, то вот ей-то он и не отказал.

Сговорились накануне. Их императорское высочество выразили желание совершить морскую прогулку не на красавице-яхте, а на его, Яни, шаланде. Яни лестно. Яни расскажет об этом внукам. Все крымские греки будут завидовать Яни. Что? Да, их императорское высочество ничего не сказали о других пассажирах. Поэтому старый Яни удивился, увидев их высочество у причала в сопровождении свиты, хотя и небольшой... Ему не жалко, он всех отвез бы, места хватило бы...

Фаддей Евлампиевич привычно сокращал в уме повествование втрое, выбрасывая мусор. Багаж? Был багаж. Большой ковровый баул, не очень тяжелый. Настроение великой княжны? Веселое. Хотя нет: то веселое, то задумчивое. Так-так. Дальше, дальше!..

Яни шевелил морщинами и вислыми усами. Яни не мог взять в толк, отчего такой шум. Он высадил великую княжну в бухточке под горой Кошка, там еще треугольная скала торчит из моря, как клык. Их императорское высочество выпрыгнули на бережок, забрали баул, помахали старому Яни ручкой да и пошли себе в сосны...

— Вот что при нем нашли, ваше благородие. — На мясистой ладони жадарма блеснул перстень с рубином.

Фаддей Евлампиевич мысленно поздравил себя, приободрился и внушительным голосом сказал «так», пронзительно глядя на задержанного. Усы грека совсем обвисли.

— Не хотел я, ваше благородие, с этим связываться, — через силу признался он, — да только их императорское высочество очень просили. Ты, говорят, Яни, старый, смешной и самый замечательный. Ты, говорят, в Севастополь ходил когда-нибудь? Вот ведь вопрос! Старый Яни всюду ходил. Тогда, говорят, отвези этот перстень лейтенанту Забубенникову-второму в морском экипаже. Запиши фамилию, чтобы не забыть. Найдешь? Передай ему перстень и ничего не говори, он сам поймет. Вот тебе сто рублей за труды и еще чтобы держал рот на замке. И дает мне сотенную, ваше благородие!

— Вот сотенная, — протянул бумажку жандарм.

— Запросить телеграфом, имеется ли в Севастополе лейтенант Забубенников-второй, — распорядился Недогреев.

И крепко задумался. Что-то тут не сходилось. Допустим, у великой княжны было увлечение лейтенантом... Могло быть? Могло. Ну, это дело семейное, хотя странно, что на уровне начальника Ялтинского отделения о нем ровным счетом ничего не известно... не известно даже из сплетен... Далее. Допустим, из романа вышел пшик, и девица возвращает бывшему возлюбленному залог любви... Стоп! Надо опросить фрейлин и челядь: не опознает ли кто перстень? Перебейнога выяснил, что вместе с великой княжной исчезла шкатулка с ее драгоценностями... не оттуда ли перстенок?

Убедившись, что именно оттуда, Фаддей Евлампиевич нахмурился. По всему выходило, что Екатерина Константиновна не возвращает перстень неведомому лейтенанту, а дарит. За какие заслуги? Если опять же в качестве залога любви, то почему не лично, а через сомнительного грека? Если в качестве платы за услугу, то какова услуга? Ничего не понятно...

Все стало на свои места, когда из Севастополя протелеграфировали: лейтенант Забубенников-второй, равно как и первый, в списках флота не значится. Стало быть, великая княжна нарочно пыталась пустить следствие по ложному пути. Ну, много времени она на этом не выиграла...

— Так что, ваше благородие, мне можно идти? — нахально спросил грек.

Как бы не так. Версию о тщательно подготовленном побеге великой княжны теперь следовало считать основной, но с греком ротмистр еще не кончил. Пусть посидит в камере, авось еще что-нибудь вспомнит. Иной раз небо в клетку, клопы и баланда удивительным образом прочищают память.

Прежде всего ротмистру был неясен вопрос: что подвигло великую княжну на побег? Наверное, какая-нибудь романтическая история?

Никто не спал во дворце, но вторично беспокоить великого князя Дмитрия ротмистр не дерзнул. Побеседовать еще раз с фрейлинами — иное дело.

Допрос? Ни в коем случае. Фаддей Евлампиевич потратил целых три минуты на введение себя в должный образ и был сама любезность. Он все понимал, всем сочувствовал и беседовал с каждой фрейлиной в отдельности весьма доверительно, по-отечески. Сокрушенно качал головой: ах, как нехорошо вышло! Сейчас эти глупые девчонки голубых кровей должны были понять: лично их никто ни в чем не винит, но растет тревога за Екатерину Константиновну. Великая княжна умна, образована, но совершенно не знает жизни. Ей грозит стать игрушкой в чужих руках.

Спросите любого нигилиста, и он скажет со злобой, что методом отеческого увещевания жандармы владеют превосходно. Если бы ротмистр Недогреев грубо надавил, он ничего не узнал бы. Но он был ласков и укоризнен. Первой не выдержала Варечка Демидова — плача и сморкаясь в платочек, выложила предполагаемые мотивы бегства великой княжны.

И сейчас же все стало на свои места. Теперь Фаддей Евлампиевич и сам припомнил сплетни о сердечной привязанности великой княжны к статскому советнику Лопухину. Понятно. Видно, Екатерина Константиновна из тех девиц, которые в своей страсти не признают невозможного. А где сейчас Лопухин?

Вспомнилась телеграмма государю от генерала Сутгофа. Лопухин в плавании, вот где. С ним вышла какая-то история, но все обошлось, и в данный момент он, вероятно, спешит к Сандвичевым островам, а оттуда к берегам Японии. Конечный пункт — Владивосток.

Обмен посланиями между влюбленными невозможен. Отсюда вывод: предполагаемая цель Екатерины Константиновны — также Владивосток.

Фаддей Евлампиевич не удивился. Будь ты хоть семи пядей во лбу, а женскую натуру до конца не постигнешь, не мечтай даже. Особенно если вопрос касается дел амурных... Значит, Владивосток? А может быть, даже Иокогама? Неблизко...

И практически нереально, если рассудить здраво.

Денежные средства у нее есть. Решимости — хоть отбавляй. Имеется и хитрость. А чего нет?

Фальшивого пашпорта.

И это для нее большое неудобство. По счастью, в России нет такого вольнодумства, чтобы продавать железнодорожные билеты без

пашпорта. На пароход, идущий за границу, — тем более. Вряд ли великая княжна настолько глупа, чтобы воспользоваться своим собственным пашпортом!

Произведенный тут же опрос выявил: ни у кого из обитательниц Ливадийского дворца, начиная от статс-дамы Головиной и кончая судомойкой, пашпорт не пропал. Ротмистр и не надеялся, что затруднение разрешится так просто. Представить себе, чтобы воспитанная девушка и к тому же великая княжна украла чужие документы, он не мог и проверил эту версию лишь в силу предписанной инструкциями дотошности.

Мимо.

Для ясности мыслей Фаддей Евлампиевич хлебнул из бутылочки предусмотрительно захваченного с собой спермина Пелля — гадости ужасной, особенно ежели вспомнить, из чего сие снадобье готовится. В голове не то чтобы посвежело, но как-то посолиднело. И то ладно. Спать нынче не придется.

В том, что Севастополь — ложный след, не усомнился бы и ребенок, не то что жандармский ротмистр. Тем не менее великая княжна выбрала путь на запад. Куда, спрашивается?

На Бахчисарай и далее куда угодно почтовым дилижансом? Не исключено. Сейчас же полетели шифрованные телеграммы. На всех станциях севастопольского тракта жандармы будут проверять пассажиров. Беглянка не могла далеко уйти.

Второй и самый неприятный вариант — Балаклава. Тамошние греки, поголовно знающие толк как в рыбной ловле, так и в контрабанде, за умеренную мзду довезут беглянку куда угодно, хоть до Одессы, хоть до Констанцы. Там можно обзавестись фальшивыми документами приличного качества и сесть на пароход до любого средиземноморского порта, оттуда до Шанхая, а там уже и до Владивостока рукой подать.

В Севастополь полетела еще одна шифрованная телеграмма. Эх, жаль, что Балаклава находится в ведении Севастопольского отделения! Надо все же послать туда двух-трех толковых агентов, следователя, да и самому поехать — лично потрясти греков. Рвение зачтется.

В этот момент ротмистр Недогреев еще не знал, что никто не зачтет ему рвение. Он начал догадываться об этом через десять минут,

докладывая о ходе розысков прибывшему в Ливадию полковнику Гоцеридзе.

— И это все, до чего вы дадумались? — весело спросил полковник, не успевший еще перевести дух после быстрой езды.

У Фаддея Евлампиевича упало сердце. Всякий, кто имел случай познакомиться с полковником Гоцеридзе, знал: веселость и нарочито преувеличенный грузинский акцент являются у него признаками крайнего неудовольствия. Напротив, если он кричит, топает ногами и грозит списать нерадивого подчиненного в околоточные надзиратели, это значит, что дела идут относительно неплохо, полковник лишь чуть-чуть недоволен. В состоянии полного довольства его никто никогда не видел.

Сын грузинского князька и русской мелкопоместной дворяночки, он лишь однажды побывал в Тифлисе и скоро уехал оттуда, не в силах взять в толк, что хорошего находят люди в этой раскаленной, как сковородка, долине среди никчемных гор. Впрочем, и Россия как страна полей, березовых рощ и заливных лугов привлекала его ничуть не больше. Иные дети от смешанных браков впитывают культуру обоих народов, приобретая вдвое больше, чем дети обыкновенные, — Гоцеридзе не приобрел ни того, ни другого.

Смыслом его жизни и главным источником удовольствия стал сыск. Получив в наследство необузданный темперамент, он не обходил стороной женщин, в то же время превосходно зная им цену. «Разве это человек? — шушукались за его спиной. — Это помесь племенного производителя и счетной машины. Механический жеребец!»

Более осведомленные знали: южная горячность оставлена полковником на виду, как некое украшение, а внутри — лед. Никакой кухмейстер не сумеет запечь ледяное мороженое в пышущем жаром чебуреке — природа сделала это с Гоцеридзе легко и непринужденно.

— Савсэм глупый, да? — продолжал Гоцеридзе, глядя на Фаддея Евлампиевича столь ласково, что тому мечталось сравниться ростом с микробами и стать невидимым. — Констанца, да? Грэки? На шаландэ туалэт есть, да? Тры дня до Одессы, нэ мэншэ чэтырох до Констанцы. Куда великий княжна в туалэт ходыть? За борт, да? Пры мушшынах?

Фаддей Евлампиевич повесил голову. А ведь верно! Как он мог не сообразить: шаланда — просто большая пузатая беспалубная лодка с парусом. Крошечную каюту вроде крысьей норы она иметь может, но

уборную — извините. На лов рыбы ходят мужчины, кого им стесняться в море?

— И еще одной важнейшей вещи вы не поняли, ротмистр, — продолжал как ни в чем не бывало полковник, убрав акцент и, по-видимому, слегка оттаяв. — Вы не вполне отдали себе отчет в мотивах побега великой княжны Екатерины Константиновны. Кстати, кого еще вы подняли по тревоге? Надеюсь, губернатора не побеспокоили?

— Никак нет-с.

— И то ладно. Что, по вашему мнению, явилось главным мотивом бегства?

— Э-э... девичья... блажь, — промямлил ротмистр, чувствуя себя дурак-дураком. — Так сказать... э-э... стремление к возлюбленному.

В ответ Гоцеридзе превесело фыркнул.

— Глупости. Вы описали образ действий юной дурочки, а великая княжна отнюдь не дура. Удивляюсь я вам, ротмистр: служить в Ялте и не иметь представления о личных качествах особ августейшей фамилии! Запомните: Екатерина Константиновна — очень рассудительная молодая девушка. Если она поставила себе цель, то будет идти к ней упорно и последовательно, шаг за шагом. Похоже, что цель ее — обвенчаться с известным нам графом Лопухиным. Примем эту цель как конечную. Но ведь на пути к ней имеются и промежуточные, не так ли?

Недоргеев только моргал.

— И первая из промежуточных — избежать навязываемого ей династического брака с бельгийским Францем-Леопольдом, — до того любезно, что у ротмистра похолодело в животе, продолжал полковник. — Как тут быть, если все и всё против великой княжны? Ответ прост: устроить скандал, да такой, чтобы ославить себя на весь свет. Грандиозный скандалище. Саксен-Кобурги держатся строгих правил. Важнейшее для них — благопристойность. Если европейские газеты напишут о побеге великой княжны Екатерины Константиновны, то замужем за Францем-Леопольдом ей не бывать. Но ведь ей того и надо, не так ли? Скажу более: только тогда и появятся хоть какие-то шансы на ее брак с неким статским советником, мелкой сошкой... Сейчас-то шансов нет никаких!

Фаддея Евлампиевича осенило:

— Стало быть, ваше превосходительство, великая княжна направляется вовсе не во Владивосток?

— Отчего же? — весело удивился Гоцеридзе. — Ближняя цель не помеха дальней. Я полагаю, что великая княжна нацелилась именно на Владивосток. Но ловить мы будем не ее, а совсем другую особу. Доложите-ка, что пропало из вещей, не упуская ни одной мелочи. Вы говорили, здесь ставился любительский спектакль? Вот театральнЫй-то реквизит меня особенно интересует...

Выслушав подробный отчет, он сейчас же продиктовал телеграмму всем губернским управлениям:

«Строго секретно. Приказываю принять меры к задержанию мошенницы и аферистки, дерзающей выдавать себя за великую княжну Екатерину Константиновну. По имеющимся сведениям, разыскиваемая пытается покинуть пределы Крымской губернии. Предписываю незамедлительно взять под особое наблюдение порты, причалы, железнодорожные вокзалы и почтовые станции. Проверять все пароходы, поезда и дилижансы. Обращая первейшее внимание на известное портретное сходство, иметь в виду, что разыскиваемая могла изменить внешность при помощи грима. При задержании подозрительных ни в коем случае не применять оружие, с задержанными обходиться учтиво. Гоцеридзе».

Недогреев даже зажмурился от зависти и унижения. Вот как надо было действовать с самого начала! «Удвоить бдительность», «задерживать подозрительных» — не те слова. Аферистка-лицедейка — это конкретно! Сразу ясно, кого ловить, да и тайна побега великой княжны соблюдена. Для всех старшая дочь государя по-прежнему пребывает в Ливадии, наслаждаясь солнцем, фруктами и полезными для здоровья морскими купаниями.

С первыми лучами рассвета выехали в Симеиз. Грек Яни показал, где высадил великую княжну и где она скрылась в соснах. С веселой развязностью Гоцеридзе велел несчастному Фаддею Евлампиевичу идти позади всех, не путаясь под ногами, но агентов его взял и пристроил к розыску наравне со своими, привезенными из Симферополя. В гору двинулись цепью, медленно, со всем тщанием осматривая не только лесные тропинки, но и каждый куст. Шевелили подлесок, ныряли в овраги, рассматривали каждый след, отпечатавшийся в лесной подстилке — тот или не тот? Натыкаясь на

следы пикников, тихо и непечатно ругали беспечных поселковых жителей. Вот ведь нет у людей забот, кроме как сорить где попало!

— Сюда, ваше превосходительство! — наконец-то донеслось с левого фланга цепи.

Повезло Кошкину. Фаддей Евлампиевич аж заскрипел зубами от зависти. Почему всегда везет другим?

Под скатившуюся с горы глыбу величиной с хороший сарай кто-то затолкал ком на удивление чистого тряпья. Примчавшийся на зов Гоцеридзе, велел никому не подходить к глыбине, приблизился на цыпочках и извлек ком, оказавшийся пышным женским платьем со множеством оборочек и средней объемистости турнюром.

— Оно, — удовлетворенно проговорил полковник и даже глаза прижмурил как бы в блаженстве. — Вот здесь наша путешественница переодевалась в дорожное платье. Прямо нимфа. Скажите пожалуйста — одна, без горничной! Переоделась и ушла вверх вон той тропинкой. Дядьков, Степанищев, Миллер — живо сюда! Осмотреть тут все как следует. Остальным отойти и не мешаться. Степанищев, у тебя руки длинные, а ну-ка пошарь под камнем получше, может, еще чего найдется...

И нашлось. Длиннорукий тощий Степанищев кряхтел, корчил мученические рожи, но все же подцепил и вынул на свет божий маленькую баночку темного стекла. Приняв ее на подставленную ладонь, Гоцеридзе поманил пальцем Недогреева.

— Знаете, ротмистр, что это такое?

— Никак нет, — сознался Фаддей Евлампиевич.

— Само собой, где уж вам. Эта баночка из гримерного набора «Диор и Лейхнер». Знаете, сколько он стоит? Только примадонны императорских театров могут позволить себе иметь такой грим... да еще императорская семья. — Полковник запустил в баночку палец, вынул, потер указательным о большой, полюбовался и даже понюхал. — Так я и думал. Тональный крем номер шестнадцать, если не ошибаюсь. Взгляните-ка. С таким цветом кожи можно играть прекрасную мавританку или, к примеру, цыганку. Не так ли?

— Точно так-с, — подобострастно подтвердил Фаддей Евлампиевич.

— Меня не любишь, но люблю я, так берегись любви моей, — негромко, но с удовольствием пропел полковник. — Впрочем, есть еще

один вариант, самый вероятный: загар. Простой южный загар, какой бывает у селянок. Но — ай-ай! — наносить такой грим, не обсыпавшись рисовой пудрой... Впитается в поры — потом за три дня не отскребешь... Бедная великая княжна... Ай-ай...

Гоцеридзе покачался с пятки на носок, глядя на Недогреева с видом веселой приязни. Зная, что означает это настроение полковника, всякий был бы рад сам себя затолкать поглубже под камень, прикрыть руками голову и зажмуриться.

— Ну так и быть, дам вам еще один шанс, — внезапно смилостивился полковник. — Вы полагаете, что наша беглянка укатила в Бахчисарай или Балаклаву?

Фаддей Евлампиевич уже не был ни в чем уверен. Но ответить «никак нет-с» означало нарваться на вопрос: «Почему же тогда вы не приняли мер к задержанию великой княжны на иных дорогах?» Пришлось ответить: «Точно так-с».

— Прэлэстно, — «включил» акцент полковник, и Недогреев совсем пал духом. — На чем же она уехала?

— Надо думать, ее подждал сообщник с коляской.

— Законное предположение. На нижней дороге или на верхней?

— Полагаю, на нижней, ваше превосходительство.

— Да? Ну что ж, пойдем проверим.

Нет ничего приятного в том, чтобы идти в гору даже ранним утром, когда солнце только-только высунулось из моря и совсем не печет. Фаддей Евлампиевич вспотел в мундире. Украдкой вытер платочком лоб. А полковнику ничего — лезет и лезет вверх, будто у него не ноги, а пружины... Отнюдь не с сочувствием ротмистр подумал, что великой княжне было куда труднее взбираться по полуденному солнцепеку, даром что сосны дают тень. Она ведь даже зонтика от солнца не имела — проверили, фрейлину она не впустую посылала...

Нижнюю дорогу пересекли, не останавливаясь. Далее лес вытянулся в ниточку вдоль горы, вскипели справа яблоневые и грушевые сады с торчащими за ними крышами поселка, вновь показалась морская синь... Н-да... Кому красота и благолепие, а кому одни неприятности... «Господи, пронеси!» — взмолился Недогреев.

Не пронес. На почтовой станции говорливый старичок-смотритель припомнил, что да, была здесь давеча одна молодая

барышня. Приметы? Виноват, ваше превосходительство, не обратил сугубого внимания. Вот разве что одна странность: одета хорошо и в модной шляпке, а на коже загар. Да еще на на носу синие очки — от солнца, значит. Ждала без малого час и вроде как нервничала, а потом села в дилижанс и укатила...

— В сторону Севастополя? — спросил Гоцеридзе, метнув веселый взгляд на Недогреева.

— Зачем Севастополь? В сторону Ялты. Кондуктор ей с багажом помог, а она заплатила ему за проезд аж до Феодосии, я хорошо слышал...

— А багаж?! — закричал Недогреев, еще надеясь, что бырышня, может, не та, а какая-то другая. — Багаж у нее какой был? Вспоминай, дед!

— Чего вспоминать, ваше благородие, когда хорошо помню? Один только ковровый баул и был, больше ничего. Да еще вышитый ридикюль, который она из баула вынула, когда в дилижанс садилась...

Чем ласковее смотрел на ротмистра полковник Гоцеридзе, тем сильнее хотелось Фаддею Евлампиевичу мучительно застонать и побиться обо что-нибудь лбом. Но вместо этого он сделался страшен, как кот, прижатый собаками к забору, и не своим голосом взревел:

— Врешь!!!

— Стар я врать, ваше благородие, — укоризненно отвечивал смотритель и шмыгнув носом от обиды. — Правду говорю.

И растаяла последняя надежда. Хуже того: ротмистр припомнил, как давеча, спеша к астрономам, едва-едва разминулся со встречным дилижансом. С тем самым! По времени — совпадает. Выходит, он, ротмистр Недогреев, как последний олух, был в двух шагах от великой княжны и пронесся мимо!

— Ну-с, теперь, надеюсь, все ясно? — по-прежнему ласково глядя на злосчастного Недогреева, произнес полковник. Акцент не «включил», но с того не легче.

— Так точно-с, — понуро ответил Фаддей Евлампиевич. А мысль работала: где теперь перехватить беглянку? Связаться с Феодосией? Нет, можно сделать проще. В Алуште большая почтовая станция с гостиницей для пассажиров, там они ночевали и оттуда еще не выехали, туда надо телеграфировать немедленно...

— Ваше превосходительство! Дозвольте... — начал он и был прерван.

— Об Алуште подумали? — окончательно развеселился Гоцеридзе. Казалось, он сейчас расхохочется во все горло. — К телеграфу рветесь? Желаете исправить проворством ног промахи своего ума? Нет уж, дорогой вы мой, ваши промахи будут исправлять другие, а вас я отстраняю от расследования. Отправляйтесь в Ялту, сидите там тише мыши, и боже вас упаси помешать мне! Ваши люди останутся со мной. Понятно?

Несчастный ротмистр сумел лишь кивнуть, не в силах вымолвить «точно так-с» или «слушаюсь». Ясное утро померкло, как при солнечном затмении, в висках застучали молоточки, а подумалось только одно: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Вот тебе и близость к Ливадии! Вот тебе и карьерные виды!..»

— Кстати, — напоследок обратился к нему Гоцеридзе, как будто что-то вспомнив, — ставлю сто к одному, что наша подопечная в данный момент находится уже не в Алуште. Она не дурочка, в отличие от... Ступайте! Да что с вами?..

Фаддей Евлампиевич мягко осел наземь. Впервые в жизни с ним приключился обморок, и неопытный в таких делах ротмистр успел подумать, что умирает. Потом все было как в тумане. Через полчаса он в сопровождении Перебейноги трясся в коляске в сторону Ялты, ощупывал мокрый мундир, думал, сколько же ведер воды вылили на него, чтобы привести в чувство, и предавался горестному унынию.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой великая княжна поступает на службу, а «Победослав» движется туда, куда предписано

Отдадим должное проницательности жандармского полковника — великой княжны в самом деле не было в Алуште. Полковник ошибся лишь со словом «уже», ибо до означенного поселка Екатерина Константиновна так и не доехала.

План пришлось ломать, и вот как это произошло. Дождавшись дилижанса и порядком понервничав, великая княжна намеренно громко, чтобы расслышал и смотритель, поинтересовалась ценой билета до Феодосии, ахнула, когда кондуктор назвал ей цену, притворно рассердилась и заплатила. Кондуктор дунул в хрипучий рожок, кучер шевельнул кнутом, мальчишка-форейтор гикнул, лошади налегли на построжки, под колесами захрустел щебень, и преогромный экипаж покатился. Как раз в ту сторону, откуда Катенька только что вырвалась не без труда и изобретательности.

Что сердце трепетало, как птица в кулаке, — ладно. Хуже было то, что внутри дилижанса ехало человек пятнадцать, и это в жару! Еще жужжала басом толстая муха, нипочем не желая убраться из экипажа восвояси. И как подданные терпят такие условия?! Екатерина Константиновна сейчас же начала обмахиваться веером и завидовать нескольким мужчинам, путешествующим рядом с багажным отделением на империале, где хоть ветерком слегка обдувает. Но завидуй, не завидуй — дамы на империал все равно не допускаются.

Жара. Духота. Запах пота. Наглая муха.

«Привыкай, голубушка», — сказала себе великая княжна.

К запаху пота примешался запах дешевого мужского одеколona, фабрикуемого, должно быть, из креозота, каким пропитывают шпалы.

— Не угодно ли, мадемуазель? — обратился к Катеньке некий развязный франт, носитель сего амбре. Он протягивал открытую жестяную коробку с леденцами.

Катеньку затошнило. С ума сошел. В такую жару — сладкое! А фронт придвинулся поближе. Неужели обнаглеет настолько, что в Ялте предложит запить жажду шампанским? И этот запах... Ужасные у папА подданные!

— Благодарю, не угодно, — ответила она как можно суше. Но отбрить развязного одной фразой не получилось.

— Интересный у вас загар, мадемуазель, — заметил он, нимало не смутившись. — Как будто солнце нарочно заглядывало под поля вашей прелестной шляпки. Очень хорошо его понимаю!

Катенька посмотрела на развязного сердито, хотя сердиться ей надо было на себя. Не сообразила, второпях нанося крем, что верх лица надо оставить более светлым. Вот и выкручивайся теперь как знаешь.

И ведь выкрутилась:

— На раскопках я носила косынку. Так удобнее.

— На раскопках? — удивился развязный.

— В Херсонесе. Археологическая экспедиция профессора Алексеева. Я его ассистентка.

Вышло чудо как убедительно. Даже фамилия профессора пришла в голову мгновенно, притом самая заурядная фамилия Алексеев, а не какой-нибудь внезапно прыгнувший в голову Перешнуруй-Штиблетов. Выдумка позволила остаться в образе молодой эмансипированной девушки. Будущий историк? Тем лучше. Оставьте, господа, в покое образованную барышню, поищите добычу попроще.

И точно — развязный субъект произнес водянистый комплимент и отодвинулся, не рискнув связываться с синим чулком. Дышать стало легче. Зато выказал интерес толстый господин в золотом пенсне на потном носу:

— Позвольте-ка... Профессор Алексеев? Из Московского университета?

— Из Харьковского, — отчаянно соврала Екатерина Константиновна. — Однофамилец.

— А-а, — протянул толстый господин. — Простите, не знаком с ним. Но уж приват-доцента Малько вы, наверное, знаете? Валентина Валентиновича?

— Даже дружны, — выдавила из себя Катенька, изо всех сил стараясь не выдать паники.

— Увидите — непременно привет ему передайте от профессора Шпунта. Да скажите ему, что его балто-литовская теория этногенеза кривичей — чушь несусветная!

— Непременно скажу, — через силу улыбнулась Екатерина Константиновна, ощущая себя воробышком в кошачьих когтях.

— Помню, наш с ним спор лет десять назад по поводу одной находки, — засмеялся вдруг профессор. — Да вы ее должны знать, хоть и были в ту пору гимназисткой. Я имею в виду то, что наш милейший Валентин Валентинович счел жезлом военачальника эпохи ранней бронзы. Ха-ха. Это такой же жезл, как я балерина Мариинского театра. Была еще версия — культовый предмет. Фаллического, надо полагать, культура, пардон, мадемуазель...

— А что же это? — с уместным скепсисом спросила великая княжна. Ох, как непросто было играть без роли и суфлера!

— Да обыкновенный каменный пестик для растирания зерна! — развеселился профессор. — А что каменный поясок на нем, так это чистой воды украшение. Из-за этого пояска, знаете ли, целая баталия вышла. Тогда как место обнаружения находки в захоронении, социальный статус погребенного, да и сама технология производства шлифованных каменных изданий не дают оснований усомниться в том, что...

Катенька затосковала. Сейчас этот ученый толстяк, прервав разглагольствования о теориях, кривичах, раскопках и пестиках спросит ее мнение — и пропала вся конспирация. Нельзя же без конца отделяться ничего не значащими фразами. Ох, а фамилия-то профессора знакомая — Шпунт... Не тот ли самый автор гимназического учебника по истории России? Возможно, тот самый...

Что же делать? Пожаловаться на тошноту и мигрень? Хлопнуться в обморок якобы от духоты?

На сей раз выручило внешнее: налетел встречный дробный стук копыт, и в вихре знойного воздуха впритирку с дилижансом промчалась коляска с неким синим мундиром в ней. Господин жандармский офицер куда-то очень торопился.

Понятно куда...

— Занавески, занавески задерните скорей! — крикливо заволновалась какая-то дама в бледно-лиловом. — Пыль же летит!

И правда — в неостекленные по-летнему окна ворвался целый самум. Слышно было, как заругались пассажиры наверху — им тоже досталось понюхать дорожной пыли. Зафыркали лошади, закашлял возница. Бешеная коляска подняла такой шлейф, что еще минуты три пассажиры чихали, возмущались и отряхивались.

Зато разговор сразу перескочил на новые рельсы. Катенька в нем не участвовала. Оказывается, не только она заметила жандарма в коляске. Пассажиры обсуждали и единодушно осуждали неосмотрительную езду по дороге — так ведь можно не просто в канаву вылететь, а покатиться вместе с экипажем по очень неприятному каменистому склону да и расшибиться насмерть. Бледно-лиловая дама, с оскорбленным видом пытающаяся отчистить свою кружевную шляпку от пыли, высказала мнение, что жандармы вконец распоясались. Кто-то сочувственно поддакнул. Кто-то, не возразив по существу, заметил не без иронии: служба у них такая, что иной раз лучше свернуть себе шею, чем не выполнить распоряжений начальства. А кончилось диспутом, который завел толстый историк со своим соседом: один утверждал, что на Кавказе дороги — истинный ужас, другой уверял, что в благополучной Швейцарии дрянное шоссе иной раз вьется по краю такой пропасти, что опрокинется экипаж — успеешь завещание написать, пока летишь. Если, конечно, имеешь при себе самопишущее перо.

Екатерина Константиновна была временно забыта, что только радовало ее. На всякий случай она притворилась слегка сомлевшей от духоты.

В Ялте перепрягали лошадей. Пассажиры получили часовой отдых. Кто-то сразу же устремился к общественной уборной, кто-то бодро направился к тенту маленькой открытой ресторации. Два степенных пассажира купеческого вида выбрали заведение попроще — трактир. Публика с империала потянулась к дымящим мангалам предприимчивых татар и крикливым бабам, торгующим с лотков бубликами, черешней, ранними абрикосами и всякой прочей снедью.

Никакого аппетита Екатерина Константиновна не ощущала, а вот подумать было о чем. Продолжать ли путешествие в дилижансе до Алушты, как собиралась вначале? Ох, опасно... И в Ялте нельзя оставаться лишней минуты.

Затянутый в португую городской гнал взащей наглуую торговку, проникшую со связкой сухой рыбы чуть ли не под самый тент ресторации. От полиции Катенька проворно отвернулась и стала рассматривать вывешенные на большом щите правила проезда на почтово-пассажирских дилижансах. Господам пассажирам строжайте воспрещалось садиться и спрыгивать на ходу экипажа, кормить и дразнить лошадей, провозить пахучий или дурно пахнувший багаж, причинять вред имуществу дилижансной компании и погонять возницу. Курить дозволялось только на империале. Пить — где угодно, но до первой жалобы. Запрещалось также отвлекать разговорами кондуктора во время исполнения оным своих прямых обязанностей, громко петь, выбрасывать мусор на дорогу и швырять что бы то ни было в форейтора. И все потому, что дилижанс является средством транспорта повышенной опасности.

Подивившись такому разнообразию фантазий подданных, Катенька принялась лихорадочно соображать. В Ялте полно полиции, хватает и жандармов. В Алуште того и другого, конечно, меньше, но и поселок невелик. К тому же дорога на Симферополь наверняка перекрыта постами... Нет, покидать Крым надо только морем, как и планировала! В этом смысле Ялта лучше Алушты — и пароходов ходит больше, и можно надеяться, что чрезвычайные меры по проверке пассажиров еще не приняты...

Итак, решено!

Узнав, что загорелая, но прилично одетая пассажирка не намерена продолжать путь, кондуктор изумился, но версия неожиданной встречи с гостящей в Ялте старой знакомой вполне убедила его — тем более что Катенька не стала настаивать на возврате денег за билет до Феодосии да еще дала двугривенный на чай. Так или иначе — кондуктор слазил наверх и выдал баул.

Ташиться в порт пришлось долго и по солнцепеку — хорошо хоть под гору. Зато через центр города, где того и жди, что подойдет синий жандарм или агент в партикулярном и деликатно, но непреклонно потребует снять синие очки и предъявить документы. А в порту повезло.

Маленький пароходик «Афон» отходил в Новороссийск буквально через полчаса. В пути — восемнадцать часов. Рискнуть? Пожалуй...

В билетной кассе ей продали билет второго класса и документов не спросили, хотя Катенька держала в руках удостоверение избирательницы, а в уме — историю об украденном паспорте и о фамилии как результате воспитания в Царскосельском приюте для не помнящих родства сирот. Все они там Георгиевы, Александровы, Константиновы, Царевы да Романовы...

Обошлось.

Она по-прежнему опережала идущих по следу ищек, но понимала, что разрыв сокращается. В Новороссийске его, пожалуй, вовсе не будет. Но главным сейчас было вырваться из Крыма. Уж его-то жандармские ищейки перевернут в первую очередь, все перетряхнут и просеют сквозь мелкое сито — станциями и портами начнут, городами продолжают, а кончат последней татарской деревушкой. Прячься, не прячься, а рано или поздно найдут.

«Да ведь не для того, голубушка, ты устроила побег, чтобы сидеть, как мышь, в норке», — подумала Екатерина Константиновна и немедленно вздохнула от сочувствия к папА. Бедный... Но если для него, как и для брата Митеньки, люди — лишь инструменты и материалы, то пусть папА имеет в виду: не все согласны служить инструментами в чужих руках, даже отцовских.

Несмотря на открытый настежь иллюминатор, в тесной каюте можно было испечься заживо, и к тому же соседками оказались три монашки, немедленно поджавшие губы при виде «синего чулка». Пусть так — Катенька не собиралась коротко знакомиться со случайными попутчицами. А вот просидеть в духоте до отплытия пришлось.

Дальше началось волшебство: все равно теплый, но до блаженства приятный ветерок, мало-помалу удаляющиеся и тающие в дымке берега Тавриды, разношерстная, но по преимуществу чистая публика... Подкрепив силы в судовом буфете, Катенька вторично вышла на палубу уже под вечер и залюбовалась садящимся солнцем.

Берегов уже не было видно. Море — почти спокойное, с невеликой ленивой зыбью. Проклятая качка, что чуть было не довела Катеньку до морской болезни на шаланде грека Яни, на пароходе почти не ощущалась. Прямой форштвень легко резал изумрудную воду, а из длинной черной трубы, как положено, валил дым.

— Дельфины, дельфины! — закричал пронзительный мальчишечий голос. — Мама, гляди, дельфины!

Пароход немедленно дал легкий крен, потому что вся публика, любующаяся морскими видами или просто фланирующая по палубе, кинулась к борту глазеть на дельфинов.

И хотя Екатерина Константиновна как образованная и здравомыслящая девушка не слишком-то верила в приметы, но под восторженные восклицания пассажиров и она подумала: хорошее предзнаменование.

Да и кто бы на ее месте так не подумал?

— Мама, мама! А почему дельфины ближе не подплывают? Вот я им булку кину. Они булку есть будут?

— Тише, Павлик! — шипела мать и дергала сына за руку. — Неприлично ведешь себя. Разве воспитанные мальчишки кричат на весь пароход?

— Кричат! Кричат!

Пассажиры заулыбались. Невольно улыбнулась и Катенька.

— Нет, не кричат.

— Кричат!

— Не станут дельфины вашу булку есть, молодой человек, — чуть заметно шамкая, обратился к огольцу старичок в генеральском мундире без погон, но со знаками Георгия, Владимира и Станислава на щедеушной груди. — Они рыбой питаются. Догонит — цап — и нет рыбки. И к борту они ни за что не подойдут. Не видите разве — это белобочки, они пугливые. Афадины — те подошли бы.

Мальчик недоверчиво воззрился на знатока морской фауны.

— А булку они совсем-совсем есть не станут?

— Бросайте, ежели хотите. Чайкам достанется.

Мальчишка глубоко задумался. Катенька улыбалась неведомо чему.

— Да-с, сударыня, — обратился говорливый старичок уже к ней. — Как сейчас помню, к нашей батарее на острове Березань целый год один дельфин приплывал. Часы по нему можно было сверять. Аккуратное животное. Только когда у нас практические стрельбы начинались — тогда уходил и, бывало, два дня не появлялся. Потом — снова. Иной раз наши солдаты ставили в море сеть, уху потом варили, так всю рыбью мелочь ему, дельфину, кидали. Он рад был. Высунется

из воды по плавники и головой вот этак-с кивает — благодарит. Сам-то я на Березани наездами бывал. Проверишь, бывало, все ли в должном порядке, — и к морю. Он меня узнавал. Высунет башку и вроде бы смеется. «Ах ты, — говорю, — такой-сякой! Над полковником смеяться?!» Я тогда полковником был, командовал крепостной артиллерией в Очакове... А дельфин кивнет — мол, над тобой смеюсь, каракатица сухопутная, над тобой, не сомневайся... Смешной был. А как турка в начале той кампании попробовал войти в лиман, Березани крепко досталось. Иной раз острова совсем не видно было за водяными фонтанами. Ну, кто убит, кто ранен, однако ж остров отстояли и турку в лиман не пустили. Но с той поры того дельфина уже никто не видал — то ли погиб он во время бомбардировки, то ли до того испугался, что уплыл и решил больше не возвращаться, не знаю... — Старичок печально вздохнул и вдруг дернулся. — Ох, простите, сударыня, старого дуралея, я же не представился! Максим Бубнов, сын Васильев, генерал-майор от артиллерии в отставке. Гм... в отставке, собственно, я, а не артиллерия...

Сразу было видно, что шутка старая, повторенная много раз. Но старичок понравился. Такой ни в коем случае не мог быть жандармским агентом.

Особенно забавной казалась растительность на лице. Отставной генерал-майор Бубнов носил пышные седые усы, переходящие в нелепо торчащие бакенбарды, а подбородок брил. Осколок прошлого царствования... Лет сорок назад такое обезьянничанье было в моде.

Катенька сделала легкий книксен:

— Романова Екатерина Константиновна, аспирантка Харьковского университета.

— А, наука... — с заметным разочарованием протянул было отставной генерал-майор, но сейчас же спохватился. — И по какой же части изволите... э-э... аспирантить?

— По исторической.

— Жаль, — всплеснул сухими ручонками Бубнов. — Мы, артиллеристы, больше математику уважаем. Полезнейшая из наук-с! Но и насчет истории, знаете ли, бывает... Вот я вам расскажу одну историю из гарнизонной жизни...

И рассказал. Катенька едва не прослезилась от смеха. Вот вышел бы номер, если бы поплыла маскарадная косметика!

— Куда изволите держать путь? — осведомился генерал, чрезвычайно довольный впечатлением, произведенным рассказанной историей на импозантную барышню.

— В Новороссийск, а оттуда в Батум. — Пришлось соврать симпатичному старичку.

— По научным делам?

— Также и по личным.

— А я в Новороссийске живу. Да-с. Хороший город, только ветра бывают злые. Домик у меня там. Живем, хлеб жуем. Решил вот наведаться к старому месту службы, в Очаков, а оттуда в Крым, да супругу взял, дражайшую мою Пелагеюшку, да внука Федьку. Родители-то его на Дальний Восток поехали, там год службы за полтора идет и карьерный рост быстрый. Как обустроятся, заберут сына к себе. А пока он со мной, лоботряс. Мне — что? Мне радость. А вот не возьметесь ли вы, сударыня, подтянуть его немного по истории? Ему экзамен за шестой класс осенью сдавать, а не сдаст — турнут обалдуя из гимназии. Право, взялись бы, а за мной не пропадет, отблагодарю как полагается...

Называется: выжидал-выжидал, ходил вокруг да около, а потом взял да и пальнул в упор. Отказать? Неловко отказывать такому симпатичному старичку...

— Я, право, не знаю... — замялась Екатерина Константиновна. — Вряд ли у меня найдется достаточно времени...

— Если нарушаю своей просьбой ваши планы, тогда прошу великодушно извинить, — старомодно поклонился Бубнов. — Все понимаем: здесь общество, а вы — молодая привлекательная особа...

— Ах, совсем не то, что вы подумали! — воскликнула Катенька. — Я... я согласна! Во всяком случае, до Новороссийска вы можете располагать мною.

— И великолепно! — расцвел отставной генерал-майор. Право, приятно было доставить старичку удовольствие. — Не угодно ли начать прямо сейчас?

Так... полюбовалась морскими видами...

— Угодно. — Катенька вздохнула.

— Тогда прошу в каюту, — засуетился Бубнов. — Уж и не знаю, как вас благодарить, голубушка. Расшевелите вы бога ради Федьку, лоботряса эдакого, а вздумает дерзить — мне жалуйтесь, я ему уже

подзатыльников пропишу. Да и Пелагее Андреевне, супружнице драгоценной моей, радость. Сами посудите, легко ли ей в ее годы путешествовать без прислуги?..

Великая княжна остановилась как вкопанная. Вольная жизнь, к которой стремятся все узницы дворцов и мученицы этикетов, оказалась наполненной неприятными неожиданностями. Откуда было знать Екатерине Константиновне, что на репетиторов зачастую смотрят как на дармовую прислугу? Мелочь — но пугающая с непривычки, и Катенька испугалась. Целые пласты неведомой жизни заурядных подданных грозили обрушиться на нее, как штукатурка с потолка. Боязно, зябко...

— Я не гожусь в горничные... — пролепетала великая княжна.

— Господи, да всей работы вам — вечером расшнуровать моей дражайшей платье, а утром зашнуровать! — всплеснул руками Бубнов. — Чепуха же, право! Разве это работа? Главное — с Федькой моим позанимайтесь, а уж прочими делами я вас не слишком утружу, мое слово крепко. Ну как, согласны?

— Согласна, — кивнула Катенька, чуть подумав. — Но, право, странно, что вы путешествуете без прислуги...

— В больнице Аграфену оставили, в Ялте, — вздохнул генерал. — Я на докторов кричать, а они ни в какую. Подозрение на брюшной тиф, говорят. А нам ехать надо. Груня ревмя ревет да, пардон, до ветру бегают. Словом, уломали меня доктора. А нынче стали укладывать вещи, гляжу — ее узелок. Хотел его в больницу отослать, да на коридорного из «Эдинбурга» не понадеялся. Ничего, дома получит, как поправится, а денег на дорогу я ей оставил...

Пелагея Андреевна оказалась толстой старой брюзгливой теткой, а Федька — толстым же увальнем с заплывшими жиром глазками и умом чугунной несгибаемости. Тщась вдолбить в голову недоросля разницу между гибеллинами и гвельфами, Катенька билась с ним до темноты с тем же успехом, с каким могла бы биться головой о причальный кнехт.

Потом учебник господина Шпунта полетел в угол — ладно еще, что не в голову надоедливой репетиторше, — а чадо не просто разразилось басовитым ревом, но и забилося в наиграной истерике, расшвыривая по каюте все, до чего могло дотянуться короткими толстыми ручонками. Обещанного дедом подзатыльника лоботряс не

получил — видно, любил внука отставной генерал, — а виноватой во всем оказалась репетиторша. Ах, так? Катенька вспыхнула. Не навязываюсь! И платы мне никакой не нужно. До свидания!

Подхватив с койки свой ридикюль, Катенька гордо вышла. Сердце громко стучало от возмущения. Вот безобразие! Вот несносный олух! И дедушка его хорош... Ой, а это что такое?

Пунцовая краска залила лицо великой княжны. В своих руках она обнаружила не только ридикюль, но и дешевый ситцевый платок, вероятно, принадлежащий оставленной в Ялте прислуге, да еще какой-то бумажный листок, свернутый пополам. Вот наказание! Схватила, не глядя... Вольно же было мальчишке расшвыривать вещи... Как ни неприятно возвращаться, а платок надо вернуть, чтобы не подумали невесть чего...

И тут бурно стучащее сердце дало сбой. Бумажный листок, который великая княжна хотела скомкать и выбросить в притороченную к переборке мусорную корзину, оказался не простым листком. Очень даже не простым! В руках Катеньки оказался паспорт на имя Аграфены Дормидонтовны Коровкиной, 22 лет, родом из крестьян Пензенской губернии, приметы такие-то...

Возле тусклого электрического светильника Катенька внимательно прочла документ. Приметы настоящей Аграфены не совсем совпадали с ее собственными, но отличались все же не безнадежно. Ужасали имя, отчество и фамилия. И все же это был настоящий, не поддельный паспорт с настоящей гербовой печатью!

А потом пришли нравственные мучения. Вернуть и платок, и паспорт? Или только платок? С одной стороны — пахнет воровством и мошенничеством. С другой — паспорта долго не хватятся. Генерал тоже хорош — увез и вещи прислуги, и ее документ... У бедной девушки — дай Бог ей поправиться — могут быть неприятности с полицией. Хотя... дело ведь разъяснится после того, как Бубнова запросят телеграфом?

Должно разъясниться! В самом худшем случае девушке придется провести сутки в полицейском отделении. Ах, лишь бы выздоровела...

Итак, решено?

Терзания нечистой совести хуже занозы. Ничего еще не было решено, но, проходя мимо двери каюты отставного генерала, Катенька

как бы ненароком уронила ситцевый платок. Один только платок. Бумагу же спрятала в ридикюль.

Верхняя палуба освещалась, по счастью, слабо. Ночь была черная, теплая, а пятна фонарного света на палубе желты, как блюдечки с абрикосовым пюре. Публики наверху почти не было. Никто не мог видеть, как пылает лицо одинокой молодой пассажирки — пылает от стыда.

От острова Сан-Мигель «Победослав» взял курс севернее, чем следовало. Обоснованно или нет — неизвестно, но Пыхачев опасался англичан. Быстроходный «Сerpент» мог бы догнать русский корвет в открытом море, и тогда... Тогда могло случиться что угодно. Великая Атлантика потому и велика, что свидетелей не докличешься. Нет свидетелей — нет преступления. Мало ли отчего пропадают в море корабли!

Возможно, каперанг перестраховывался. Но кто бы не стал втрое осторожнее, неся ответственность за персону наследника престола? Один лишь бесшабашный мичман Свистунов имел дерзость осудить маневр, да и то против обыкновения был скуп на слова.

— Заячий скак, — прокомментировал он появление на правой раковине туманных контуров острова Пику.

Случившийся рядом Батеньков только головою покачал.

В тот же день видели справа остров Фаял, а ночью заметили свет маяка на острове Флориш. И лишь к полудню следующего дня, когда Азоры остались далеко позади, Пыхачев приказал изменить курс.

Шли под парусами. Свежий ветер позволял держать хороший ход. Поскрипывали замененные в Понта-Дельгада части рангоута, пахло сосновой смолой. Никто не шуровал в топках. Кочегаров, чтобы не бездельничали, гоняли на приборку. Угольные ямы были забиты до отказа, а сверх того корвет нес запас угля в дерюжных мешках, размещенных всюду, где только оставался запас места — и в кладовках, и в мастерской, и в проходах, и даже на батарейной палубе. Под грузом угля да под не менее великими запасами пресной воды и продовольствия корвет осел в воду на добрых полтора фута.

Путь до Сандвичевых островов долог, но при благоприятных условиях к концу пути останется запас и воды, и провизии, и даже топлива. Глупец, однако, тот, кто, надеясь на лучшее, к лучшему же и

готовится. Вроде бы еще далеко до осени — времени ураганов, но всякое может случиться. Мертвый штиль после многодневного шторма — самое худшее. Есть риск застрять посреди океана с ничтожными запасами угля. А не бороться со штормом машиной — рисковать рангоутом и людьми. Что предпочесть? И нет больше верного «Чухонца», который при всех своих недостатках мог бы подстраховать корвет вдали от оживленных морских путей в океанской пустыне...

— Десять против одного, — объявил мичман Тизенгаузен, подсчитав что-то на бумажке.

— Простите?..

— Ставлю десять рублей против одного на то, что в ближайшие три недели мы не увидим ни одного судна.

— Ставьте двадцать к одному, тогда я, пожалуй, рискну, — молвил лейтенант Фаленберг, проделав тот же расчет в уме.

— Увольте. Согласно моим расчетам, вероятность встречи составляет семь процентов. А у вас?

— Восемь с половиной.

— Ну, вы артиллерист, вы сразу поправки вносите...

— В поправках вся суть.

За дискуссией двух теоретиков молча наблюдали Канчелялов и Свистунов, один со снисходительной улыбкой, другой — с глумливой усмешкой. Когда спорят немцы, русского человека неудержимо тянет к веселью. Немецкая душа, хоть и способна оперировать вероятностями, знать ничего не желает о случайностях — о настоящих случайностях, не поддающихся никаким вычислениям. Недаром русское «авось» невозможно адекватно перевести ни на один из европейских языков.

А еще можно спросить любого матроса, и, если удастся втолковать ему, что такое вероятность, он немедленно ответит, что вероятность встретиться в Великой Атлантике с другим судном равна одной второй — встреча то ли состоится, то ли нет.

Никто, однако, ничего не сказал — люди-то деликатные, даже Свистунов. В какой-то мере.

Пари так и не состоялось.

День проходил за днем, вахта меняла вахту, рында отбивала склянки, Батеньков определял координаты и прокладывал курс, океан притворялся покладистым. Выныривал, пуская фонтан, кит-горбач, чьи бородавки на голове напоминали заклепки небывалого ныряющего

судна и были способны вдохновить лейтенанта Гжатского на очередное изобретение. Один раз заштило, и Пыхачев, выждав сколько хватило терпения, неохотно приказал разводить пары. Но стоило только полосатой трубе корвета начать извергать дым, как при совершенно ясном небе налетел шквал, за ним другой, и задуло в шесть баллов. Опасались серьезного шторма, но ничего не произошло.

Вообще не происходило ничего серьезного. Можно было подумать, что лимит на опасные приключения уже исчерпан. Один матрос рассадил руку и был сведен в лазарет. Мичман Корнилович разбил нос, кувыркнувшись впотьмах через мешок с углем, и обратился к командиру с просьбой приказать расчистить проходы. Куда девать уголь? А почему бы не свалить хотя бы часть мешков в каюте некоего отсутствующего статского советника? Пропадает же помещение... Опечатано? Ну так что же! Поместить туда уголь под надзором, как арестованного, и вновь опечатать!

Пыхачев сердито отказал, но в тот же день держал совет с Розеном. Полковник рубанул сплеча:

— Хорошо сделали, что не позволили. Вы знаете, какие бумаги могут храниться у статского советника из Третьего отделения, и необязательно в несгораемом шкапу? Лично я не знаю и знать не желаю. Попасть под жандармское следствие — благодарю покорно!

Каперанг сочувственно покивал, затем вздохнул и перекрестился, вспомнив Лопухина. Снаружи было не понять, какая мысль пробежала в голове Пыхачева. Может быть, такая: «Эх, Николай Николаевич... Сами погибли, а мне головная боль», — а может быть, и такая: «Бывает же... Из Третьего отделения да к тому же статский — а ведь геройски себя вел! Геройски и погиб...»

Но Розен угадал, что каперанг подумал именно о Лопухине и ни о ком ином.

— Оставьте, Леонтий Порфирьевич, — сказал он грубовато. — Успеете еще заказать молебен по покойнику. Может, еще и не придется. Что мы, в сущности, знаем? Что Лопухина шибануло за борт — и только. Не удивлюсь, если он жив. Не всякий человек в воде тонет.

— Что вы хотите этим сказать? — приготовился оскорбиться Пыхачев.

— Только то, что сказал, а не то, о чем вы подумали. Лопухин — боец и умница, хоть и из Третьего... Притом слуга его за ним прыгнул. Вполне допускаю, что оба живы.

— Ну, если живы, тогда они в плену у исландских пиратов, а это, говорят, хуже смерти... — Пыхачев вновь перекрестился.

— Кому в конце концов придется хуже — им или пиратам, еще неизвестно, — задумчиво произнес Розен.

— Вы что-то знаете?

— Не больше вашего, Леонтий Порфирьевич. Просто такое у меня впечатление. А отчего оно такое — не спрашивайте, не смогу ответить.

Больше никто не вел разговоров о Лопухине. А мешки с углем остались там, где были.

С каждым днем все сильнее наваливалась жара. Ветер не приносил заметного облегчения. Пользуясь ровным пассатом, «Победослав» продолжал идти генеральным курсом, понемногу спускаясь к югу, и в полдень солнце нещадно жарило, зависнув почти в зените. Тень от грот-мачты не достигала фальшборта. К металлическим деталям невозможно было притронуться, чтобы не заработать ожог. Каждый час палубу щедро поливали водой из пожарной кишки — через пять минут после процедуры на абсолютно сухие доски настила трудно было ступить босой ногой. Закупленный в Понта-Дельгада ром, выдаваемый команде вместо водки, грозил закипеть прямо в кружках. Из ахтерлюков шибало таким духом, что баталер Новиков открывал их не иначе, как обернув лицо мокрой тряпицей.

От жары случались обмороки. Один из них случился с отцом Варфоломеем прямо во время молебна. Нехорошо вышло, безбожникам на радость... По совету доктора Аврамова Пыхачев приказал всему экипажу, включая и батюшку, периодически окатываться забортной водой. Движимый милосердием, каперанг также распорядился дважды в сутки выпускать арестованного машинного квартирмейстера Забалуева из его тесного узилища и непременно поливать водой.

— Гнида! — единодушно отзывались о нем матросы, сильно недовольные таким поручением, и старались как бы ненароком то пнуть арестованного, то огреть ведром. — Ох, и гнида же! За деньги

всех продал! Возись с ним... Под коленки бы — и за борт... акулы насчет пожрать не привередливые, и дерьмо схарчат...

Слыша такие разговоры, Забалуев сутулился, втягивал голову в плечи и старался казаться меньше, чем был на самом деле.

Акул и вправду видели не раз. Однажды целая стая этих тварей увязалась за корветом и постепенно рассосалась лишь спустя трое суток.

Цесаревич редко появлялся на палубе. В кают-компанию он не заглядывал совсем — помнил, как его встретили там после сражения с пиратами. Лишь посылал ежеутренне дворецкого или камердинера за бутылкой вина в офицерский буфет. Чем он занимается у себя в каюте, никого не интересовало, но каждый был убежден: пьет напропалую. Утренняя бутылка — это ведь так, для разгона, а дальше пойдут крепкие напитки, благо запас их пополнен на Азорах.

Иногда цесаревич звал к себе Корниловича или Свистунова, но те предпочитали отказываться под благовидными предлогами. Не потому, что боялись Пыхачева или Враницкого, а потому, что, несмотря на открытые настезь иллюминаторы, жара в апартаментах наследника престола царила такая, что непривычный человек рисковал получить тепловой удар.

Иногда Михаила Константиновича навещал по собственному почину Аврамов, пробовал осмотреть пациента, щупал ему пульс, давал советы насчет образа жизни, не раз бывал послан в неудобосказуемое место и как-то раз после такого визита, обильно потев и тяжело дыша, ненароком проговорился:

— Потрясающее у цесаревича здоровье, господа! Нет, я понимаю: алкоголь в значительных дозах отключает тепловые рецепторы... но все равно это что-то феноменальное! Железной стойкости организм. На целый год при такой жизни хватит...

Даже теплолюбивый Канчелялов начал ворчать на жару и ностальгически вспоминать промозглую балтийскую сырость.

Лишь ночью было хорошо — чудо как хорошо! Приятная прохлада ласкала измученное тело, и прояснялись мысли, и не хотелось ни богохульствовать, ни съездить кого-нибудь по уху ни за что ни про что. Перевернутый кратер неба с безумно щедрой россыпью немигающих звезд, криво перепоясанный кушаком Млечного Пути, завораживал всякого, чья душа еще не зачерствела в

прошлогодний сухарь. В океане светились бесчисленные существа, и форштевень разбрасывал в стороны буруны зеленоватого света. И тянулась за кормой световая дорожка, медленно угасая вдали...

С бака — извечного места вечерних посиделок слышалось хоровое, негромкое, берущее за душу:

*«Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
Сказал кочегар кочегару. —
Огни в моей топке совсем не горят,
В котлах не сдержат больше пару.
Поди доложи ты, что я заболел,
И, вахты не кончив, бросаю,
Весь потом истек, от жары занемог,
Работать нет сил, помираю»...*

Бесхитростная, как матросская душа, песня, несколько странная при погашенных топках, но вполне уместная в тихую звездную ночь.

Иное дело кают-компания. Здесь не пели и не аккомпанировали на пианино, которого не было, поскольку в Понта-Дельгада не нашлось такого товара. Здесь после заката, дождавшись, когда сквозняк выдует невыносимую духоту, собирались свободные от вахты офицеры. Заглядывали ненадолго и вахтенные, чему не препятствовал Враницкий, сделавшийся как будто добрее. Даже технический гений всероссийского масштаба лейтенант Гжатский иной раз предпочитал провести вечер в кругу товарищей, а не в мастерской. Захаживали на огонек доктор Аврамов и священник отец Варфоломей.

Пили мало, больше беседовали. Общих впечатлений об Азорах хватило на три вечера, но затем...

— Есть в заведении мадам Генриетты одна штучка... ну, доложу я вам! Не женщина — песня. Жгучий романс. И вот что дивно, господа: сама шведка, белокурая и с виду будто сонная, а как дойдет до главного — ну просто вулкан страстей! Везувий с Этной!

Словом, впечатления обрели конкретику, очень понятную любому моряку в дальнем плавании.

— Это та, которую Сильвией зовут? Бросьте, мичман. Обыкновенная проститутка. С актерским талантом, не спорю, но

внутри холодная, как спящая рыба. Это не страсть, это лицедейство... А как вам корейночка? Неужели не познакомились?..

И начинался азартный разбор сравнительных достоинств той и другой мадемуазель — кто из них «интересная штучка», кто даже «Цирцея», а кто «рвотный порошок».

— Ах, господа, господа... — огорчился Пыхачев. — Ну разве так можно? Чуть что — о ба... о женщинах. Брали бы лучше пример с лейтенанта Канчялова. Он даже на вахте книжку о Японии читает и выписки делает. Мы идем в Японию, а что мы знаем о ней? Нам ведь придется общаться с японцами. Как бы нам впросак не попасть.

Канчялов, дернувшийся было при упоминании о чтении на вахте, понял, что командир не в претензии, и вновь расслабился.

— Нас вон сколько, а книжка одна, да и та на португальском, — подал голос Завалишин. — Ее через два словаря переводить надо.

— Вот лейтенант и переводит, полезным делом занят. А вы?

— А я лучше спрошу у него. Как насчет японцев, господин лейтенант?

Канчялов пожал плечами, улыбнулся в усы:

— Что вам желательно узнать?

— Ну... вообще. Что они за люди?

— Это коты.

— Простите?..

— Во всяком случае, из кошачьих. Видите ли, кот — очень гордое, полное внутреннего достоинства животное. Можно обидеть кота, насмеяться над ним, и он сделает вид, что ничего особенного не произошло. Но запомнит накрепко и при случае отомстит. Тогда уж не жалуйтесь.

— В постель нагадит? — под общий смех предположил Свистунов.

— Все бы вам шутить, мичман, — насупился Канчялов. — Вы бы лучше усвоили вот что: никаких особенных предрассудков насчет святости человеческой жизни у японцев нет и никогда не было. Особенно это касается жизни простолюдина или варвара. Запомните, мы для японцев варвары, господа. Пусть уважаемые, пусть охраняемые, пусть гости микадо — это японский император, — но варвары. Грубые, не знающие настоящей культуры и, простите,

грязные. Снести такому голову — а почему бы, собственно, и нет? С точки зрения японца, конечно.

В кают-компании задвигались, заговорили все разом:

— В каком смысле — грязные?

— В прямом. Моемся не в кипятке и, простите, пахнем.

— Однако!..

— Это мы-то варвары? А они тогда кто?

— Коты, как и было сказано. Кот — животное чистоплотное. С его точки зрения, всякий, кто не кот — варвар. Ха-ха.

— Ну знаете, на помойках живут такие коты, что...

— Бывают. Но грязный кот сам себе противен.

— Вот еще — коты они! Макаки желтозадые да еще наглецы вдобавок!

— Господа, господа...

— А почему они жизнь ни во что не ставят? Они ведь, кажется, буддисты?

— Не только. Еще и язычники. В душе каждого японца вполне гармонично сочетаются буддийские правила, сильно, впрочем, извращенные, и языческие предрассудки. Но вы не беспокойтесь — без причины они людей не режут. Напротив, удивительно вежливые люди. Хотя это сплошное притворство.

— Как это?

— Улыбаются, кланяются низко. Речи «по случаю» у них цветистые, поэтические и весьма образные. Пока японец доберется до сути дела, он десять раз вспомнит тигра, столько же дракона да еще приплетет цветок лотоса или ветку японской вишни. Но в душе — коты. Вот самураи — это японские дворяне — те тигры.

— Так в книжке написано? — заинтересовался Батеньков.

— Нет, такое заключение я сам вывел. Да вы прочтите, интересно будет сравнить наши впечатления.

— Благодарю покорно! Переводить с португальского на испанский, с испанского на русский... Да еще не врет ли автор?

— А чем они питаются? — неожиданно проявил интерес к несвойственной ему тематике Гжатский. Впрочем, возможно, технический гений как раз обдумывал проблему топлива для воздухолетательных машин и вопрос о еде задал машинально.

— Мышами! — хохотнул Свистунов.

— Господин мичман, извольте замолчать, — рассердился наконец Пыхачев. — А вы, Андрей Самсонович, продолжайте, не обращайтесь внимания.

Канчялов слегка поклонился и с довольным видом пришладил усы.

— Вы не поверите, господа: японцы питаются преимущественно клейким рисом. Лепят из него колобки и макают их в черный соус из сои. Иногда добавляют к колобку маленький кусочек рыбы или моллюска. Кто победнее, тот обходится без рыбы, да и без соуса. Совсем нищие едят просяную кашу и по случаю овощи.

— Однако... Вынослив человек!

— Это еще не все. Сушеные и маринованные водоросли, всевозможная рыба, даже ядовитая, медузы...

— Неужели медуз едят? Вот пакость!

— И сырую рыбу тонкими ломтиками. Называется сасими. Едят также некоторых насекомых, например, кузнечиков.

— Тьфу!

— А хлеб?

— Пекут, но мало. Так же мало едят мяса. С пастбищами для скота в Японии трудно — сплошь рисовые заливные поля, от которых воняет, потому что удобряют их тем, о чем в приличном обществе говорить не принято. Японские крестьяне целыми днями не вылезают из этой жижи.

Батеньков сделал движение кадыком. Молодые мичманы покатались со смеху.

— Нехристи, что с них взять. — Отец Варфоломей густо откашлялся. — Однако премерзостно. Неужели среди тех заблудших душ нет христиан?

— Почему же нет? Европейцы.

— А местные?

— Теперь практически нет, а раньше были, — пояснил Канчялов. — Лет триста назад сиогун Хидэясу Нобугава сломил сопротивление даймиосов — это японские удельные князья — и объединил страну политически. Потом объединил и духовно, перебив без пощады тех христиан, которые оказались тверды в вере. Потом вообще закрыл Японию для всех иностранцев, исключая китайцев и корейцев. Впоследствии голландцы добились от японского

правительства привилегии основать торговую факторию, и уже сравнительно недавно, всего лет шестьдесят назад европейские торговые суда получили право захода в порт Нагасаки. Заветы старины — это, конечно, неплохо, но без внешней торговли японцам никак не обойтись. И наконец, всего пять лет назад во главе Японии встал император, сместив потерявшего реальную власть сиогуна...

— Ну, это-то мы знаем из газет, — не совсем вежливо перебил Фаленберг. — Нам бы узнать побольше об обычаях японского народа...

Канчялов беспомощно развел руками.

— Быть может, позже? Мне еще переводить и переводить. Закончу — сделаю обстоятельный доклад.

— Ну хоть какие-нибудь детали! — взмолился Завалишин. — Не хочется ведь показаться дикарем.

— Покажетесь, не сомневайтесь. Автор уверяет, будто Японию можно изучать всю жизнь и все равно не понять до конца. Я начинаю думать, что он прав... Ну ладно... Например. Что нужно, чтобы избавиться жилью от злых духов?

Корнилович и Свистунов захихикали.

— Повесить в красном углу икону, — сказал Батеньков. — А не поможет, так пригласить попа освятить помещение.

— Это вы так считаете. А японец разбрасает по всему дому сухие бобы и тем решит проблему.

— Н-да, — молвил Канчялов. — Не знаю, убегут ли от бобов злые духи, но мыши прибегут, это точно.

— Вот мы и имеем пример сведения сложной проблемы к простой, — улыбнулся Гжатский. — С мышами, наверное, легче справиться, чем с духами?

— Котам, конечно, легче.

— Дальше, дальше! Тише, господа!

— Гм... Еще все без исключения японцы любят созерцать... Впрочем, виноват, исключение, наверное, имеется — слепые...

— Созерцать что?

— Что угодно: цветущую вишню, первый снег, гору Фудзи, пруд с кувшинками, какую-нибудь особенно кривую сосну, цаплю в полете, камни, изменчивость морских волн и облаков, луну... Кстати, забавная

деталь: наиболее подходящим местом, чтобы любоваться луной, японцы считают уборную.

После секундной оторопи захохотали все. Отец Варфоломей, взрыкивая тяжелым басом, утирал рукавом рясы слезящиеся от смеха глаза.

— У кого запор, тот может даже и повить на луну, — вставил Свистунов.

Пыхачев, не в силах произнести ни слова, только руками на него замахал.

Не смеялся один Гжатский — морщил лоб и даже задал вопрос о конструкции японских отхожих мест. Без стен и крыш они, что ли?

— Похоже, что так, — неуверенно согласился Канчелялов. — Вообще японцам наши понятия о приличиях кажутся смешными. С одной стороны, их возмущают декольте европейских дам...

— Ну вот еще! — Мичман Корнилович фыркнул в рюмку.

— ...с другой стороны, они свободно оголяются ради гигиены. Чистота тела для японцев свята. В любом японском городе можно ежедневно наблюдать, как нагие японки моются в деревянных бочках прямо на улицах перед своими домиками и переговариваются с соседками, сидящими в таких же бочках по другую сторону улицы. Причем, когда наступает время вылезти из бочки, японка ничуть не стесняется присутствия мужчин, будь то ее соотечественник или чужеземец.

— Вот это да! Хочу в Японию! — заявил Свистунов. — Что же вы, мучитель, с отхожих мест начали? А японки красивы? Я видел гравюры, так там не так, чтобы очень...

— На любителя. Но большинство европейцев считает, что красивы и очень грациозны. Миниатюрные смешливые куколки большого изящества.

— Довольно о бабах, господа! — вмешался в разговор Враницкий, уловив недовольное движение Пыхачева. — Стыдно! Идем с важнейшей миссией, а туда же — стадо жеребцов... Имейте в виду: попадете в историю — ни Леонтий Порфирьевич, ни я покрывать ваши художества не станем. Замарал честь русского офицера — сам виноват. Всем понятно?

Фаленберг и Завалишин вышли на воздух — один готовился принять вахту, другой собирался соснуть в каюте часика четыре. Оба с

удовольствием вдохнули ночную свежесть, залюбовались светящимся океаном.

Дул ровный пассат. Наполненные ветром паруса казались вылепленными скульптором. Чуть слышно гудели снасти. Шипела вода под форштевнем. Не вахта, а одно удовольствие. С бака доносилось негромко:

Напрасно старушка ждет сына домой.

Ей скажут — она зарыдает.

А волны бегут от винта за кормой

И след их вдали пропадает...

— Одно мне все-таки непонятно, — понизив голос, молвил Завалишин. — Почему мы идем в Японию, зная о ней не более российского обывателя? Не просто ведь идем, а с важнейшей миссией, как верно сказал Павел Васильевич... Почему никого из нас не проинструктировали еще в России? Да еще обход Англии с севера, бой с целой эскадрой... Ведь чудом же вырвались! Раньше я не думал об этом, а теперь у меня возникают странные мысли: планировалось ли, что мы дойдем до Японии? — Последние слова мичман выговорил шепотом.

Фаленберг только вздохнул — наверное, тоже уже думал об этом — и ничего не ответил.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой граф Лопухин вступает в диспут и получает поддержку с самой неожиданной стороны

От мыса Фарвель «Св. Екатерина» летела на вест-зюйд-вест так быстро, как только позволял ветер. К счастью, он позволял поставить все прямые паруса до трюмселей включительно. Теперь, когда дело сделано, когда игру уже не переиграешь заново, оставалось единственное: сохранить удачу чистой. Иными словами — прочь от гренландских берегов! Как можно быстрее и как можно дальше.

Шли без флага — Лопухин приказал спустить Юнион Джек, едва берега Гренландии растаяли в дымке над горизонтом. На ходу покрасили английское название баркентины — и исчез несуществующий корабль его величества «Ulisses». Лопухину очень хотелось вывести на бортах церковнославянским шрифтом «Св. Екатерина», но подождать с этим было не только можно, но и должно. Еще будет время лечь в дрейф при штилевой погоде и заняться не только названием, но и множеством иных несрочных дел.

Сейчас — только на запад! Чем скорее, тем лучше.

И пусть рассудок подсказывает: в этих водах почти безопасно. «Почти» — это еще не «навверняка». Даже в пятистах милях к западу от южной оконечности Гренландии еще возможна встреча с исландцами. На холодных, пронизанных ветрами северных островах, обширных, но никому, кроме исландцев, не нужных, разбросаны их редкие и малочисленные поселения. Должны же они иметь хотя бы эпизодическую связь с Ньюфаундлендом, а то и с Рейкьявиком! Да и с китобойными судами, время от времени наведывающимися в эти воды, встречаться совершенно незачем. Баркентина с приметам той, что навела шороху на тайной пиратской базе, должна исчезнуть бесследно.

А славный вышел шорох! Матросы злорадно смеялись, вспоминая, как пушки баркентины разнесли по бревнышку док, склады, причалы с прикорнувшими возле них суденышками и добрую половину поселка. Людей можно было понять. Тот, кто был заживо

похоронен в угольных шахтах Шпицбергена, кто из человека был превращен в рабочую скотину, кто изо дня в день копошился в черной преисподней, харкая кровью и принимая удары плети, кто потерял веру в самый смысл богом данной жизни, кого, замучив работой, сыростью и холодом, и не хоронили-то по-человечески, — имел право на месть. Пусть эти гренландцы прямо не причастны к морскому разбою — ну и что? Они пособники пиратов. Их не очень-то завидная жизнь, их мирный с виду труд — кровь и слезы для моряков половины мира.

Да и сама база наверняка принадлежит какому-нибудь ярлу...

И поэтому — огонь!

Прицельный. Беспощадный.

Лопухин и Кривцов с трудом заставили озверевших комендоров прекратить пальбу. Горячие головы намеревались спустить шлюпки, высадить десант и перебить в поселке все, что шевелится. По счастью, безумие охватило лишь часть матросов палубной команды, и с ним удалось справиться. Незаметными тычками под ребра Лопухин временно успокоил двоих-троих самых буйных, еще одного ударом в ухо свалил Еропка, но наибольший вклад в восстановление порядка внес, пожалуй, новоявленный боцман Аверьянов.

— Хорош, братва! — ревел он, с нечеловеческой силой отшвыривая самых настырных. — Побаловали — будет. По местам!

Мраксист — а союзник! Даже удивительно.

Баркентина ушла, не довершив уничтожение поселка. Лопухину были нужны свидетели. Без сомнения, британский флаг был хорошо виден с берега. Исландские пираты не из тех, кто подставляет другую щеку.

Трудно сказать, где, когда и как они нанесут ответный удар, но в том, что это случится, сомнений нет. Рыхлая пиратская республика, объединенная лишь стремлением безнаказанно грабить, не способна помешать мести оскорбленного ярла. По всей видимости, заносчивую и бесчестную Британию ждет неприятный сюрприз.

Увы, скорых известий об этом ждать не приходится...

Россия не пострадает, если обман раскроется. Россия легко отмежуетя от авантюры графа Лопухина, потерявшего, надо думать, рассудок в пиратской неволе. Что возьмешь с полоумного, господа!

Всё так. Сам решил, сам сделал. На свой страх и риск, прекрасно отдавая себе отчет о возможных последствиях. И нечего больше об этом думать.

Выстроенной на шканцах команде Лопухин сказал так:

— Запомните, как «Отче наш»: не было никакой бомбардировки. Никто из вас даже издали не видел берегов Гренландии. Мы прошли Датским проливом, прижимаясь к исландским берегам и выдавая себя за пиратское судно. Кто думает иначе?

Аверьянов ухмылялся — не дурак, мол. На лицах некоторых матросов граф прочел недоумение и поспешил добавить:

— Для медленных умом специально поясню: мы отплатили пиратам так, как не смогла бы отплатить эскадра броненосцев. Но если кто-нибудь из вас по пьяному делу, в беспамятстве или из пустого хвастовства проболтается о том, что мы сделали, — я не завидую такому болтуну. Напавший на мирное селение под чужим флагом по закону считается пиратом. Болтун пожалеет, что не сгнил в шахте, и я ничем не смогу ему помочь. Хуже того, все наши труды окажутся напрасными. Поэтому категорически приказываю молчать даже на исповеди — для вашей же пользы. Придет время помирать — молчите и на смертном одре. Понятно?

Ответный гул можно было, пожалуй, счесть одобрительным, и Лопухин несколько успокоился. Умным достаточно, а тугодумам объяснят. Но перед Сандвичевыми островами придется сделать команде еще одно внушение — колония все-таки голландская, а голландцы вторые после англичан негласные пособники исландских пиратов. Одно-единственное слово может обойтись так дорого, что и думать не хочется.

Но в этот день Лопухин ничего не сказал команде о Сандвичевых островах и курсе на Йокогаму. Есть такие неприятности, о которых людям, право же, лучше не знать заранее. Сейчас его занимало совсем другое.

Более чем вероятно, что на борту «Победослава» остался по меньшей мере еще один агент — на сей раз не иностранец, а свой, но от того не легче. Жизнь цесаревича по-прежнему в крайней опасности. И некий статский советник, приставленный оберегать жизнь наследника престола, в данную минуту ничего не может сделать!

Только одно ему по силам: спешить к Сандвичевым островам, надеясь застать корвет там. Лететь так быстро, как это возможно. Молиться, чтобы убийца не успел осуществить свое намерение.

И еще — думать.

Постараться вычислить: кто враг?

Документы, собранные Третьим отделением, граф изучил еще до выхода из Кронштадта. Обладая великолепной памятью, тренированной годами службы, Лопухин мог почти дословно воспроизвести личное дело каждого офицера и даже унтер-офицера «Победослава».

Вопрос: что это даст?

Не много. Прежде всего, врагом может оказаться вовсе не офицер, а самый незаметный из нижних чинов, включая сюда и морпехов Розена. Поди проверь всех и каждого!

Далее, убийца, вполне вероятно, имеет блестящий послужной список и незапятнанную репутацию. Если в заговоре участвуют персоны ранга морского министра — удивляться тут нечему. Изучение личных дел, даже самое внимательное, вряд ли позволит сузить круг подозреваемых.

Но только на первый взгляд. Могло и даже очень могло случиться так, что для исполнения гнусного дела заговорщики выбрали небезупречного человека. Высокие идеалы — это одно, а пролить кровь цесаревича — совсем другое. Для сего грязного дела нужен либо невероятный патриот, готовый во имя великой цели пожертвовать не только жизнью своей, но и именем честного человека, либо редкостный негодяй, либо человек небезупречный, и третье всего вероятнее. Можно предположить, что он «на крючке» у заговорщиков. В таком случае изучение личных дел может иметь смысл — но изучение сугубо внимательное, на предмет подчисток и недомолвок. Что-то может всплыть — либо неоплатные долги, либо тщательно скрываемое преступление, либо тайный и стыдный порок вроде пристрастия к содомии.

Совсем не факт, что из попытки выйдет толк, но все же стоит попробовать. Иногда одно-два слова в личном деле могут навести на след. Ничего другого все равно не остается...

В дверь каюты уже не первый раз деликатно стучал Нил — граф знал его стук. Робко постучит, подождет с полминуты, постучит снова.

Догадается, что графу сейчас не до юнги, уйдет, а через четверть часа вернется — и снова: тук-тук-тук. Небось пришел просить какую-нибудь книжку. Но на русском здесь ничего нет, а все картинки в книгах на английском, немецком и датском он уже видел не один раз. Значит, книжка лишь предлог войти и поболтать. Очень жаль, но не время.

На сей раз стук явно принадлежал Нилу, но был настойчивее прежнего. Пришлось открыть дверь.

— Что-то случилось?

— Пока нет, барин, но...

— Сколько тебе раз говорить, чтобы не звал меня барином? Как меня зовут?

— Ваше высокородие...

— «Высокородия» давно отменены. Попытайся еще раз.

— Ваше высокоблагородие. Или ваша светлость.

— Это на людях. А наедине?

— Николай Николаевич...

— Ну наконец-то. Что у тебя?

— Среди матросов разговоры — куда, мол, идем?

— Ну и что?

— Не туда, мол. Так они говорят. Некоторые злые.

— Спасибо, я знаю.

Нил не спросил, откуда граф знает о настроении матросов, — привык, что тот вообще мало чего не знает. Кивнул, вздохнул и, поняв, что сейчас к барину лучше не подступаться, испарился.

Надо бы с ним сейчас побеседовать, да недосуг. Ничего, мальчишка уже более-менее оправился от подземного кошмара, дальше пусть сам. Телом хил, но стержень внутри имеет. Такому тепличные условия лишь во вред.

Итак. Документы. Личные дела.

Гимназия или реальное училище, Морской корпус, производство в первый чин, служба там-то и сям-то, участие в таких-то и сяких-то походах и кампаниях, награды, ранения... Послужные списки русских морских офицеров отличаются друг от друга длиной и блеском, но не общей канвой. Дополнительные сведения дают больше. Прежде всего — происхождение. Немало потомственных дворян, но есть и дети разночинцев. Канчелялов, например, сын священника. Еще лет

тридцать назад таковых называли офицерами «черной кости» и зажимали при всяком удобном случае. Да и сейчас, что греха таить, пробиться в адмиралы из низов сложнее, чем из аристократии... хотя есть замечательные исключения, тот же морской министр Грейгорович, к примеру...

Дает это что-нибудь?

Нет.

Далее. Судя по представленным Сутгофом документам, которые Лопухин предпочитал именовать на французский лад «досье», ни один из офицеров «Победослава не был связан с Третьим отделением. Случайность ли? Возможно ли, что деликатная миссия «внутренней» охраны цесаревича была доверена всего-навсего одному человеку, графу Лопухину?

Да, возможно, учитывая репутацию последнего. Но нет худшей ошибки, чем иметь о себе преувеличенное мнение. Поставив себя на место шефа Отдельного корпуса жандармов, Лопухин признал: если бы планирование охраны цесаревича было поручено ему, он обязательно ввел бы в экипаж своего агента. Береженого бог бережет. Подстраховка агента явного агентом тайным никогда не бывает лишней.

Стало быть, следует исходить из того, что существует еще один агент?

Стало быть, да.

И тут наибольшее подозрение падает на мичмана Свистунова. Был взят на борт в последний момент, пьянствовал с цесаревичем, дерзок, за словом в карман не лезет, сознательно вызвал неприязнь к себе со стороны агента явного...

Кто он: союзник или враг?

Неизвестно, на чьей стороне Сутгоф. Если он не участвует в заговоре против цесаревича и, следовательно, второй агент — союзник, то почему он действует в одиночку? У семи нянек дитя без глазу. Быть может, «наверху» не вполне доверяют статскому советнику Лопухину?

Возможный вариант. Оскорбительно, но надзирать за надзирающими — давняя традиция.

Но нельзя — ни в коем случае нельзя! — исключить и того, что тайный агент Третьего отделения имеет задание ликвидировать

цесаревича...

Еще одна возможность: статского советника Лопухина разыгрывают втемную.

С какой целью?

Есть два пути к двум разным ответам. И выбор между ними определяется тем, на чьей стороне Сутгоф.

Можно ли попытаться вычислить это?

Попытаться — да. Получить точный ответ — нет.

Задача...

Табачный дым висел в каюте слоями. Лопухин выпустил изо рта дымное кольцо — маленькое, шустрое и какое-то злое.

Замкнутый круг. И мысль бежит по кругу, как лошадь на корде, не в силах вырваться на простор.

Ладно. Пусть. В конце концов, может оказаться так, что Свистунов вовсе ни при чем. Кстати, если бы он имел задание устранить цесаревича, кто мог помешать ему опоить его императорское высочество еще в Данциге?

И тем не менее он подозрителен.

А кто еще?

Боцман Зорич?

Безусловно подозрителен. Чего стоит одно его показное геройство. Однако... оно вовсе не показное, учитывая поведение боцмана в бою. Возможно, он без двойного дна — просто бесстрашный старый служака, заматеревший на службе.

Каперанг Пыхачев?

Тоже не исключено! Слишком уж легко уступил он нажиму цесаревича и лег на курс, приведший к встрече с пиратами. Хитрый враг или просто тряпка? Правда, в бою держался молодцом, но это как раз бывает — храбрейшие вояки иной раз боятся высокопоставленных особ больше, чем противника.

Полковник Розен?

Слишком уж прям, все колючки наружу, не умеет сдерживать свои эмоции... или нарочно не хочет? Если это маска, то, ей-ей, замечательная. Bravo! И главное: ему проще, чем кому бы то ни было, устранить цесаревича.

Капитан-лейтенант Враницкий? Лейтенант Гжатский? Мичман Корнилович? Священник отец Варфоломей? Эти и остальные менее

подозрительны, но нельзя же считать врагом человека на том основании, что он вне подозрений! Это не метод — это извращенная логика господ сочинителей романов о сыщиках!

Итак, под особым подозрением: мичман Свистунов, боцман Зорич, каперанг Пыхачев, полковник Розен. Именно в такой последовательности.

Досье на боцмана самое тощее. О Розене сведений нет вообще. Пыхачев — боевой офицер, участник двух кампаний, далее список наград, и вообще его досье смахивает на панегирик. Для командования судном, несущим на борту особу императорской фамилии, кандидатура вполне подходящая. Происхождение: из дворян Пензенской губернии. Женат, супруга с двумя дочками проживает в Петербурге на Гороховой в собственном доме. Неплохо для каперанга!.. Ага, вот и ответ: Капитолина Ефремовна Пыхачева, в девичестве Ряпушкина. Кто не знает промышленников Ряпушкиных? За такой невестой можно получить в приданое дом не в самой худшей части столицы и сверх того еще тысяч триста. Особенно если невеста нехороша собою. Хотя это как раз необязательно — все-таки через нее Ряпушкины породнились со столбовым дворянским родом, да и учли, наверное, карьерный потенциал бравого моряка...

Можно ли купить Пыхачева деньгами?

Вряд ли.

А карьерными видами?

Не исключено. Но какие карьерные виды может иметь командир судна, на котором погиб наследник престола?!

Лопухин стукнул себя по лбу. Вот дурак же! С этого надо было начинать!

Есть ли в личных обстоятельствах каперанга нечто такое, что для него превыше богатства и карьеры, не говоря уже о верности присяге? Гм... не усматривается.

Итак, список особо подозреваемых следует сократить до трех человек...

Нет, пожалуй, даже до двух. Розен, конечно, мало симпатичен, и досье на него отсутствует, но если он играет роль человека честного и прямого, то великий актер Кочанов ему в подметки не годится. Следовательно — в сторону.

Итак, двое: Свистунов и Зорич. Кто из них?

Или все-таки некто третий?

Угрюмо шепчущиеся матросы видели, как слуга графа трижды бегал с кофейником на камбуз, где варил крепчайший кофе. Некоторые строили предположения о том, куда девается вся эта жидкость. Ведь не может такого быть, чтобы один человек спокойно выдул три немаленьких кофейника! От такой дозы сердце выпрыгнет через пищевод, если раньше не порвется, как ветхая тряпица.

— У нормального человека — знамо дело, — прокомментировал сигнальщик.

— Выходит, наш граф ненормальный? — поддел его один из марсовых.

— А то нет? Глянь хоть на компас, хоть на солнце — куда он нас ведет? В пустоту океанскую? Ненормальный и есть, тут и к лекарю не ходи — и так видно.

— Может, ему лучше видно, а не тебе, неученому? Где бы мы без него были? Забыл, как на Груманте он нас на пиратов вел? По-твоему, того ради, чтобы утопить?

— А то нет? С него станется! Граф, мать его! Сиятельство! Да еще служит в Третьем отделении. Ты не знал?

— Нет.

— Ну так знай, башка твоя стоеросова!

В кучке матросов, придвинувшихся послушать интересный разговор, больше никто не стал перечить рассудительному сигнальщику.

— Матросы шепчутся, — доложил графу Кривцов на следующий день.

— О чем? — Лопухин сделал вид, что ничего не знает о настроениях в команде.

— Полагаю, о нашем курсе. Жду неприятностей. Да вы бы, Николай Николаевич, хоть иллюминатор открыли! Топор можно вешать. Клопов, что ли, травите?

— Мышей, — улыбнулся Лопухин.

— От такого фимиама и крысы сдохнут. Себя бы пожалели. Давно ли от болезни оправились?

— Не беспокойтесь, не умру. Нет у меня такой привычки. Каким курсом идем?

— Двести шестьдесят. Ветер зюйд-ост, три балла и слабеет. Не развести ли пары?

— Ни в коем случае. Топливо приказываю беречь. Каков ход?

— Шесть с половиной узлов.

— Хорошо. Благодарю за предупреждение.

Предсказанные неприятности не замедлили явиться вместе с Аверьяновым. Боцман пришел один и был настолько вежлив, что даже постучал в дверь каюты Лопухина. Тон его, однако, был далек от почтительного, а рот кривила всегдашняя жесткая усмешка.

— Братва интересуется: куда это мы с такой прытью чешем на вест?

— В Иокогаму, а оттуда во Владивосток, — сухо ответил граф, понимая, что дальше темнить не стоит.

Эффект вышел разительный — глаза боцмана округлились, челюсть слегка отвисла, а куда подевалась усмешка — трудно сказать.

— Почему? — только и сумел выдавить из себя Аверьянов.

— По целому ряду причин, останавливаться на которых я не считаю нужным. Вернитесь к своим обязанностям, боцман.

Аверьянов исчез, но ненадолго. Не прошло и часа, как он явился вновь, сопровождаемый несколькими дюжими матросами. Постучать на сей раз он не удосужился.

— Чему обязан? — спросил граф, прекрасно понимая, чему.

— Братва желает объяснений, — тяжело дыша, заявил боцман.

— Позвольте осведомиться, — прищурился Лопухин, — кого вы называете братвой? Всю команду?

— Да!

— Так бы и говорили. Где будем объясняться? Здесь? На палубе?

— Команда просит вас спуститься в кубрик.

— Раз просит, значит, сейчас буду. Ступайте.

То, что раздраженные матросы послушались, вселяло некоторую надежду: не все еще потеряно. Главное — удержать их от необратимых поступков...

— Не ходите, барин, — подал голос Еропка. — Ей-ей, убьют вас там. Или измордуют так, что родная мать не узнает, а сделают все равно по-своему. Не видите разве, какой народ? Отчаянные. Натерпелись в рабах-то. Да еще мраксисты у них заводилами! Этим что ни скажи, все против шерсти...

— Зато brave ребята, — поддел Лопухин.

— Brave-то они brave, а только лучше бы не с ними со всеми разговоры разговаривать, а с выборными от них. Да не в кубрике, а в кают-компании. Да имея при себе револьвер, а лучше два!

— Если дойдет до пальбы, то и десять не помогут.

— Во-от! — обрадовался слуга. — Очень возможное дело. А с револьвером все ж не в пример спокойнее.

— Туда, где не помогут десять револьверов, не стоит брать и одного.

Еропка зашевелил бровями — пытался вникнуть в силлогизм.

— Тогда, барин, вы как знаете, а я иду с вами, — заявил он, то ли вникнув, то ли нет, но поняв главное: перечить бесполезно.

— Ступай лучше спать. Вижу, хочешь.

Слуга засопел — решал: пропустить совет барина мимо ушей или притвориться обиженным?

— Ну-ну, — примирительно сказал Лопухин. — Я пошутил. Только уговор: сидеть тихо и первым ни во что не лезть. Договорились?

— Но, барин, как же...

— Тогда не уговор, а приказ. Повтори.

Кубрик встретил их темнотой и духотой. Чадающие светильники готовы были задохнуться от нехватки свежего воздуха. И неудивительно: в орлопдек набилась вся команда, включая сюда и бросивших свои места вахтенных. Сорвавший голос Кривцов плюнул, убежал в рубку. Основные паруса были убраны, баркентина едва двигалась под одним бом-кливером.

Лопухин скользнул взглядом по угрюмым лицам. Он кожей чувствовал напряжение. Эти люди прошли через такое, что по всем законам, божеским и человеческим, спрос с них невелик. Один удар разводным ключом в затылок — и нет больше статского советника Лопухина. И все же надо уговорить их совершить еще одно усилие...

Необходимо. Иначе — никак.

Приказал Нилу остаться наверху. Тот начал было спорить да канючить — пришлось цыкнуть на юнгу. Внизу мальчишка ничем не поможет, и хуже всего, если кинется защищать барина, — убьют ведь и его сгоряча.

Страх если и был, то остался наверху и был сдут в море ветром. В кубрик Лопухин спустился с видом, вселяющим надежду в робкие души. Ни тени сомнения. Под маской спокойствия — могучая, излучающая уверенность воля. Тоже маска, конечно. Одна из многих. Но — учил генерал Липпельт — к агенту Третьего отделения маска должна прирастать намертво, чтобы ничем извне не оторвать...

— Все знаю, — громко сказал Лопухин, обращаясь ко всем сразу. — Думаете — поманил и обманул, не так ли? Обещал мечь, а вышло снова лямку тянуть? Верно говорю?.. Не слышу!

— Верно! — выкрикнул кто-то после секундного молчания.

— И не отказываюсь от своих слов! — Лопухин чуть повысил голос, упредив грозящий начаться общий гвалт. — Мы поквитались с пиратами. Мы подложили пиратам такую свинью, что им скоро тошно станет. Мы не могли сделать больше. Ныне у нас одна задача: скорее попасть домой, в Россию, не правда ли?

Теперь можно было сделать паузу. Публика в достаточной степени ошеломлена, и многим уже кажется, что они ломятся в открытую дверь. Во всяком случае, в ближайшие минуты открытый бунт не начнется. Пусть выговорятся, выпустят пар.

— Точно! — крикнул первым тщедушный молодой матрос. — Хватит! Настрадались! Домой пора!

И началось. Каждому хотелось выкрикнуть свое, заветное, и никто сейчас не видел к этому препятствий. Минут пять, если не десять, в кубрике стоял сплошной ор. «Кончай, братва!» — надрывался Аверьянов, но имел малый успех.

Лопухин поднял руку. Теперь он был уверен, что его станут слушать. И точно — шум мало-помалу стих.

— Вы вправе спросить меня: почему же в таком случае мы идем в Японию? — уже спокойным голосом продолжил статский советник. — Охотно отвечу: по двум причинам. Вижу, первая вас сейчас не заинтересует, поэтому сразу перейду ко второй. Вот она: иногда дальний путь короче ближнего. Вы предлагаете повернуть на ост? Но куда? Вернуться в Россию без захода в иностранные порты мы не сможем. Если мы пойдём в Нарвик или Николаев-на-Мурмане, нам не избежать захода в какой-либо из английских портов. Сами догадайтесь, чем это чревато. Уже беспашпортность наша привлечет пристальное внимание властей. Плюс к тому — опасность встречи с крупными

силами исландцев. Если идти на Балтику — та же история. Наконец, путь в Средиземное море лежит через Гибралтар, а это британская колония и сильная база. Будет чудо, если нас пропустят без тщательного дознания — кто мы и откуда...

— Мы будем молчать! — тот же голос.

— Даже тогда, когда от вас потребуют объяснить, каким чудесным образом баркентина со Шпицбергена, следующая в Россию, оказалась не в Зунде, а в Гибралтаре? — насмешливо парировал Лопухин. — На наивность англичан не надейтесь, они не дети. Связываться с британским правосудием не советую, а английские тюрьмы не отличаются комфортом. Далее. Если даже нам удастся каким-то чудом пройти в Средиземное море или на Балтику, минуя англичан, без захода в порты нам все равно не обойтись. Англия — владычица морей, не забывайте это. Любая европейская держава, кроме, может быть, Германии, будет рада сделать Англии любезность, задержав наше судно. — Лопухин обезоруживающе улыбнулся. — Можно, конечно, понадеяться на русское авось, но трезвый расчет гораздо надежнее.

— И что же говорит этот трезвый расчет? — насмешливо спросил Аверьянов. — Идти в Иокогаму?

— Да. До порта Гонолулу, что на острове Оаху, воды и провизии нам хватит... если экономить. В Гонолулу пополнимся, а там и до Японии уже не столь далеко. От Японии до Владивостока уже рукой подать, а Владивосток — это Россия!

— Ничего себе Россия! — выкрикнул чей-то грубый голос и загнул крутую брань.

— Именно Россия. Теперь не то, что раньше. Заканчивается прокладка Транссибирской железной дороги. Я обещаю всем вам, что через восемь-девять недель вы окажетесь в той части Российской империи, в какой пожелаете. За службу на «Святой Екатерине» вам будет выплачено жалование — неплохое, смею вас уверить. Наконец, призовые деньги за судно будут поделены поровну. Каждый из вас вернется домой не нищим странником с сумой, а в купе спального вагона. И с кое-какими средствами в кармане.

Лопухин обвел взглядом команду. Нет, строго говоря, это скопище людей еще нельзя было назвать командой. Но уже нельзя было назвать

безумным стадом, без тени мысли следующим за безумными вожаками.

А это уже много.

— Обещаю, что так и случится, если мы будем и дальше идти этим курсом, — уже совсем мягко подытожил Лопухин. — Да, есть некоторый риск. Но если мы повернем назад, риск многократно увеличится. Да, повернув к Европе, мы можем оказаться в России уже через две-три недели. Но гораздо вероятнее, что мы не попадем в нее вообще или попадем через много лет. Выбирайте.

Ответный гул — и гул одобрения! Баталию, пожалуй, можно было считать выигранной — еще не окончательно, но уже больше чем наполовину.

Баркентина пойдет прежним курсом. Еще несколько дней при хорошем ветре — и возвращение в Европу лишится смысла.

Если бы не Аверьянов с вечной своей ухмылочкой! Мраксисты имеют вес в команде и непременно будут мутить воду. Возможно, попытаются набрать очки уже сейчас...

Так и есть.

— А какова же первая причина, барин? — голос Аверьянова. Нарочно назвал барином, подлец! Знает, в какую точку метить!

— Охотно объясню, но только после того, как вахтенные займут свои места, — ответил Лопухин. — Мы теряем время.

— Нет, сейчас!

Ну что ж. Бой не окончен, придется дожимать противника.

— Все этого хотят? Не слышу! — Возникший в кубрике гул можно было истолковать и так, и этак. — Не все?

— Все хотят! — снова Аверьянов, поспешно.

— Тогда слушайте. Согласно указу его императорского величества от первого февраля тысяча девятьсот девяностого года любой служащий Третьего отделения, будь то военный или статский, но чином не ниже шестого класса, при выполнении особых миссий вне границ Российской империи имеет в случае необходимости право требовать помощи от своих соотечественников, оказавшихся в пределах его досягаемости. Отказ последних от выполнения возложенных поручений расценивается как преступление, подлежащее наказанию в соответствии с последней редакцией Уголовного уложения — до пяти лет каторги, если мне не изменяет память. — В

гробовом молчании Лопухин развел руками. — У меня пятый классный чин, и я как раз при исполнении. Не думал, никак не думал, что мне придется вас пугать... Думал, русские люди могут договориться добром, да вот ведь...

Казалось, ему не хватает слов. Постоял молча, непривычно сгорбившись, потеревил себя за тонкий ус. И вдруг махнул рукой — а, мол, была не была!

— Знать ничего не знаю! — произнес он твердо. — Читайте, что я не обращался к вам ни с какими требованиями. Решайте сами. Или вы разумные люди, или нетерпеливое дурачье. Или вы русские люди, или... сами придумайте кто. Вам решать!

Аверьянов только языком цокнул — сильный, мол, ход.

— Чего тут думать! — взгромоздился перед Лопухиным крупный матрос с серьгой в ухе. — Я так считаю: все правильно. Айда на вахту!

— Стой, братва! — вскинулся Аверьянов. — Барин нам тут очень кучеряво все расписал. Я аж заслушался — красиво! Об одном только он забыл: пересечь Великую Атлантику на нашем суденышке невозможно!

— Проще проверить это, чем возвращаться, — моментально отбил Лопухин, не дожидаясь ропота матросов. — Я не моряк, но Кривцов считает это возможным. Зимой, осенью, весной — нет. Но летом — да. Риск небольшой.

— Хватит, нарисковались! Мы не желаем больше рисковать! Верно, братва?

— Я тоже не желаю, а что прикажете делать? Без риска не выйдет ни так, ни этак. Речь идет только о степени риска. Лично мне нужна минимальная, и потому мы идем на вест! Вахтенные, по местам!

— Подвинься-ка, — буркнул Аверьянову матрос с серьгой в ухе и первый полез наверх. За ним без особой охоты, но и без протеста потянулись остальные вахтенные. Но две трети команды — более трех десятков человек — остались в кубрике.

Очень скоро баркентина дернулась и немного накренилась — паруса приняли ветер.

— Что с вами, Аверьянов? — с показным любопытством осведомился Лопухин. — Нервы сдают? Пиратская каторга вас не сломила, в бою держались молодцом, а теперь что же? Раскисли? Не справляетесь? Быть может, надо назначить другого боцмана? Говорите

прямо, не стесняйтесь, здесь все свои, бывшие каторжники. Угольной пыли наглотававшиеся, по зубам битые... Ну? Чего стесняться? Мы пойдем.

В задних рядах кто-то хихикнул. Видно, идеи боцмана разделялись не всеми.

— Кто свой, а кто и не очень свой, барин... — Аверьянов не считал нужным согнать с лица ухмылку, только теперь она напоминала оскал мелкого хищника. — Это вы там были своим, а теперь — ваше высокоблагородие...

— А вам обидно? — перебил Лопухин? — Кто мешает вам стать высокоблагородием, а то и превосходительством? Лень? Пьянство? Злость на всех? На себя бы лучше позлились, это полезнее. Морской министр адмирал Грейгорович пробился из низов, потому что был безжалостен к себе. А вы безжалостны к другим. Это проще, не так ли? Всегда легче злиться на тех, кто достиг чинов в служении отечеству, чем послужить самому. Знакомо! Социальная несправедливость, видите ли...

— А что — разве справедливость? — выкрикнул рябой матрос. — Один в золоте купается, другой уголек кидает и постной каше рад... Не так, что ли, ваше высокоблагородие?

Лопухин чуть заметно улыбнулся. Разговор выходил из практической плоскости, перемещаясь в теоретическую. Так держать, как говорят моряки. И пусть Аверьянов бесится.

— У каждого своя справедливость. Ваша справедливость — всем поровну. Справедливость государственная — лучшее полезнейшим. Вас раздражает сословное деление общества? Сословные перегородки преодолимы для каждого, кто упорен и хочет этого. Перейдите в привилегированное сословие, сие выполнимо. В России три миллиона дворян — каждый сотый! Почти миллион из них добились дворянства по выслуге чина или награждению орденом, дающим на то право, а некоторые заслужили и потомственное дворянство... Но оставим это... Конкретно — что вы предлагаете? Ну смелее! Об этом разговоре я никому не донесу, даю слово. Быть может, разрушить государственное устройство и создать новый дивный мир, согласно учению Клары Мракс?

— А если и так, то что?

— Как же-с! — иронически поклонился Лопухин. — Мне доводилось читать сочинения этой дамы. Прелюбопытно пишет! Сочиняла бы утопические романы — цены бы ей не было. Умеет убеждать тех, кому лень подумать своей головой. Желаете спорить? Показать вам спекулятивность мраксизма? Покажу!

— Ну-ка, ну-ка, — встрепенулся Аверьянов, а среди матросов прошел гул. — Интересно будет послушать.

— Извольте. Если вы внимательно читали Клару Мракс, то должны помнить выведенные ею формулы простого и расширенного воспроизводства. Открою маленький секрет Полишинеля: цифры в этих формулах, мягко говоря, не точны. Лет сто или даже пятьдесят назад их еще можно было назвать точными в самом первом приближении. Теперь — разве что в колониях. В Европе и в Австралии — нет. То, чем занимается госпожа Мракс, называется неумелой подгонкой действительности под концепцию. Всякий, кому не лень читать с карандашом в руках «Экономический журнал» или хотя бы «Биржевые ведомости», может опровергнуть сии построения. Где в тех формулах учтен труд инженеров, управляющих, торговых агентов? Где акционирование с участием рабочих в прибылях? Что для вас мраксизм — наука или своего рода религия? Если наука, так испытайте ее на прочность. Вы удивитесь, до чего легко она ломается. А если религия, ну что ж — молитесь своему идолу. — Лопухин улыбнулся, чуть разведя руки в стороны. — Вдруг поможет? Но Россию не трогайте.

— Ты помешаешь? — злой голос из темноты.

— Глупости. Помешают здравомыслящие люди, а их в России предостаточно. Держава стоит крепко. Вас — горстка. Вы растратите жизнь на борьбу с призраками и проиграете без всякой пользы.

— Пусть так! — выкрикнул Аверьянов. — Мы погибнем, но на наше место придут другие борцы! Самодержавие обречено. Тюрьма народов рассыплется в прах! И те, кто придет после нас, построят новый мир! Правда восторжествует! Добро непобедимо, если оно с кулаками!

— И только-то? — простодушно удивился граф, с удовольствием отметив, что пронесшийся по кубрику одобрительный гул подхвачен далеко не всеми. — По-моему, цивилизация создала и более совершенные инструменты для торжества Добра, как то: щипцы для

ребер, иглы для ногтей, электрический ток для общей бодрости, и я уже не говорю об инструментах для паховой области. Что же вы о них-то не упомянули? Этими инструментами вам придется загонять человечество в ваш дивный новый мир. Не страшно? А потом вас ликвидируют за ненужностью — если доживете до победы вашего Добра...

— Вранье! — грубо перебил боцман. — Новый мир — это новые люди! В прекрасном Завтра никого не придется ликвидировать, потому что это будет мир чистых, светлых, хороших людей!

— Поточное производство? — осведомился граф.

— Чего?

— Я говорю, поточное производство хороших людей невозможно. Хороший человек — штучное изделие. Человеку, увы, свойственны такие качества, как злобность, эгоизм, зависть, трусость, список можно продолжить. Иные поддаются воспитанию, иные нет. Если вы, милостивый государь, не готовы принять этот тезис за аксиому, то я жалею и вас, и всех, кто попадется вам на пути. Вы опасны не только для мира, в котором живете, но и для мира, который хотите построить. Да знаете ли вы, что для достижения ваших идеалов вам придется согнуть в бараний рог три четверти населения России?

— Пусть так! Но ради великой цели!

— Цель не существует отдельно от людей. Выходит, для народного счастья людей вы готовы мучить народ? Bravo.

— А то вы, опричники, его не мучаете! — огрызнулся Аверьянов и оглянулся на «братву», ища поддержки.

Примерно треть на его стороне, прикинул Лопухин. Человека три-четыре, может быть, на моей. Остальные — инертная масса.

Сейчас слова, даже самые правильные — труха. Верх возьмет не разумный и не красноречивый, а тот, кто окажется сильнее. И люди за ним пойдут.

— Нередко и врачу приходится мучить пациента... Впрочем, ладно. — Лопухин пренебрежительно махнул рукой. — Оставим эту тему. Вы мне вот что скажите: в этом вашем дивном новом мире богатых не будет?

— Не будет!

— Жаль. Лучше бы не было бедных. И воров не будет?

— Ни одного. Всех перевоспитаем. А самых закоренелых, кого перевоспитать не удастся — в расход.

— Bravo. И маньяков не будет?

— Нет.

— И половых извращенцев?

— Тем более!

— И пьяниц?

— Само собой.

— И попов?

— Безусловно!

— И горбатых?

— Да. То есть... при чем тут горбатые?

— При том же, при чем и извращенцы. Существуют неискоренимые человеческие пороки. Вы, насколько я понял, собираетесь вывести новую человеческую породу. Начните с малого: выпрямите спину хотя бы одному горбатому, и если получится, я готов продолжить с вами этот разговор.

В кубрике засмеялись. Не все, но многие. Аверьянов на глазах терял инициативу и приверженцев. И Лопухин понимал: боцман прекрасно видит это. Вряд ли он решится продолжать диспут. Но не сдастся — не из того он сделан теста. Вопрос лишь в том, согласится ли он отложить разговор, оставив за собой, как водится, последнее слово, — или решится напасть. Крикнет «бей», кинется и положится на удачу...

Пожалуй, второе.

Бессмысленно упираться на логику и распространяться о фактах: об успехах народного просвещения, о самом прогрессивном в мире рабочем законодательстве, о земском самоуправлении, о выделении для малоземельных крестьян значительных пахотных земель в восточных губерниях... Мраксисты сами это прекрасно знают, потому и не дадут сказать.

Оружие у них есть, но стрелять, похоже, не станут. Оживающим после каторги людям вне зависимости от их убеждений вновь безразлична российская Фемида. Драка — иное дело, тут виновны все и никто. Если набросятся всей толпой — тут, пожалуй, и конец. Если нападут только приверженцы Аверьянова — можно отбиться.

Сбоку задышал Еропка — тоже понял, что предстоит. Готовил себя к рукопашной. Уступая барину в умении драться с оружием и без оружия, он больше полагался на силу. Отшвырнет нескольких — и то польза. За это время надо успеть «выключить» самых активных и в первую очередь Аверьянова...

Но ничего не случилось. Откинулся над головою люк, и вместе с потоком свежего воздуха сверху обрушилось хриплое:

— Судно на горизонте!

Лопухин полез навверх. Ощущение было такое, как будто пистолет дал осечку, а чей пистолет — неизвестно. Вот и не знаешь, огорчаться или радоваться...

— Это не исландцы, — сказал Кривцов. — Откровенно говоря, я вообще не могу понять, чье это судно... А вы?

— Тоже, — ответил граф. — Не преувеличивайте моих знаний в морском деле. Я сухопутный человек.

— Уже не совсем, — улыбнулся бывший мичман, а ныне командир баркентины. Вряд ли льстил — зачем ему льстить?

Рядом вертелся Нил, глаза юнги так и сияли. Он уже успел похвастать графу, что командир позволил ему подержаться за штурвал и порулить немного. Вот и еще один не совсем сухопутный человек...

— Похоже на джонку, какими их изображают на японских гравюрах, — с сомнением в голосе произнес Лопухин. — Оно и видно — рыбац. Японец, китаец либо кореец. Как его занесло в эти воды, хотел бы я знать...

— Течением, понятно. Есть такое океанское течение — Куро-Сиво... Взгляните, он не управляется.

— Вижу: мачта сломана.

На шкафуте, куда высыпала команда, кое-кто крестился.

— «Летучего голландца» небось поминают, — криво улыбнулся Кривцов. — Знаете эту легенду? Есть еще «летучий испанец», встретиться с ним в море — наоборот, к удаче. А вот что сулит встреча с «летучим китайцем» — ей-ей, не знаю.

— Увидим. Подходить будем?

— Как прикажете.

— Вы командуете судном.

Нил был в восторге. Мало того, что поработал за рулевого, так еще и приключение! Чужое судно потихоньку приближалось. Оно имело странный силуэт. С него не сигналили. Не управляясь, оно дрейфовало по воле ветра и волн. Когда подошли ближе, стало видно, что оно имеет крен на левый борт.

По команде Кривцова вахтенные полезли на мачты — убирать паруса. «Святая Екатерина» описала по инерции полукруг и закачалась на зыби в каком-нибудь кабельтове от чужака. Не дожидаясь команды, матросы разворачивали шлюпбалки.

— Желаете взглянуть? — осведомился у графа Кривцов.

— Мне нельзя отлучаться... Еропка!

Слуга вырос словно из-под земли — чего, мол, изволите приказать?

— Спускайся в шлюпку, посмотришь, что на том судне. Судовые документы захвати, если целы. Окажешь помощь, если потребуется.

Слуга выразил неудовольствие лишь укоризненным выражением лица и тяжким вздохом. Нил знал, что на графа это не произведет ни малейшего впечатления и что дядя Ерофей прекрасно это понимает, но уж такой сложился обычай в отношениях господина и слуги.

— Ты еще здесь? Марш.

— А мне можно, ваша светлость? — рискнул подать голос Нил. В присутствии командира он не рискнул назвать графа Николаем Николаевичем и, судя по всему, угадал.

— Куда? На то судно?

— Ага. Посмотреть...

— Не «ага», а «так точно». Повтори.

— Так точно.

— Можно. Ступай.

Нил мелким обвалом ссыпался с мостика. Можно! Можно! Разрешили!

— Тише, шальной! — Вскочив в шлюпку, Нил наступил кому-то на ногу и немедленно огреб легкий подзатыльник. — Дуй на нос, там сиди.

Заскрипели блоки, затрещали храповики на лебедках. Шестивесельная шлюпка с забитыми деревянными пробками пулевыми пробоинами неспешно поползла вниз. С сочным звуком днище коснулось волны. Закачались отцепленные линии.

— Весла на воду. Готовы? И... р-раз!

Не обошлось без ругани — весло стучалось о весло, холодные брызги летели в лицо и за шиворот. Любой командир военного судна сгорел бы от стыда вместе со старшим офицером при виде такой «выучки» своих матросов.

Зато Нил не обращал внимания ни на что, кроме мало-помалу приближающегося судна. Сердце юнги взволнованно билось. Приключение!

Сказал бы ему кто-нибудь две недели назад, что он будет искать приключений — Нил послал бы пророка к черту, если бы только сумел вымолвить хоть слово. Тогда, голодный и обессиленный до предела, он всерьез собрался помирать и относился к смерти спокойно. Жить не хотелось. На что она нужна, такая жизнь, в которой есть место ужасам кротовьей доли на каторге у пиратов? Теперь... о, теперь совсем другое дело!

Чудное суденышко казалось мертвым. Шлюпка описала полукруг, заходя со стороны крена. Кое-как, подсаживая друг друга, вскарабкались на борт.

Никого. Расщепленный обломок мачты — что торчащая из плоти кость. Палуба давно не лопачена. И запах... Странный, неприятный запах.

— Мертвецы, — потянул носом дядя Ерофей, и кое-кто из матросов торопливо закрестился. — От них вонь. А еще рыбой несет, чуешь?

Нил кивнул. К горлу подкатил тошнотный комок. Лезть первым в мрачную и тесную утробу судна было страшновато.

— Не дрейфь, паря, айда за мной. — И дядя Ерофей полез вниз. Несмотря на бодрые слова, гримасу на лице он имел пребрезгливейшую, и ясно было: готовится упрекнуть барина по возвращении на баркентину. У хорошего господина слуга должен быть сыт, одет, весел и выспавшись, не так разве? А это... нет, это черт знает что такое!..

Ожидая возвращения шлюпки, Кривцов притоптывал в нетерпении. Лопухин же олицетворял собой спокойствие, лишь едва заметно покусывая губу. Ожидание затягивалось. Когда шлюпка все же отделилась от чужого судна и пошла назад, граф поднес к глазам бинокль.

— Везут кого-то...

И верно — еще в полукабельтове от баркентины Еропка сложил ладони рупором и заорал:

— Один живой, ваш-сясь-во!

Нарочито неспешно граф спустился на палубу. Дождался, пока вытянут шлюпку. Выслушал доклад Еропки, полный обиды и похвальбы.

— Остальные мертвы? — уточнил еще раз.

— Мертвее не бывает. Трюмы пустые, на борту ни еды, ни воды. Жуть! — Слугу передернуло. — Могила, а не судно. Хотели мы было днище прорубить, да подумали: зачем? Не сегодня завтра посудина и без того затонет. Дрянное суденышко, барин, непрочное.

— Ты-то что в этом понимаешь?.. Ладно. Показывай живого.

Легко, как ребенка, Еропка вынес из шлюпки человека. Был тот невысок, желтолиц, худ, как скелет, сквозь прорехи рваного платья незнакомого покроя пугающе торчали ребра, редкая грязная борода выдавала многие дни, проведенные без надежды на спасение, кожа туго обтягивала острые скулы, а желтые восковые руки болтались плетями.

— Жив? — усомнился граф.

— Только что шевелился. Да и вши на ём. Что вше на мертвом делать?.. Ну ты, иноземный, скажи что-нибудь его сиятельству...

Как бы послушавшись приказа, спасенный моряк вяло шевельнулся на руках у слуги и медленно открыл глаза.

— Хитотати [2]... — слабым голосом произнес он и обмяк, закатив глаза.

— Фельдшера сюда, — распорядился Лопухин. — Это голод и обезвоживание. Запомните, кормить его твердой пищей нельзя — умрет тут же. А то знаю я широкую русскую натуру... Коку — приготовить жиденский бульончик. Можно мясной, можно рыбный. Только это ему сейчас и можно. Бог даст, поправится. Вшей вычесать, а лучше сбрить все волосы. Рванье, что на нем — за борт. — Лопухин торжествующе улыбнулся обступившим его матросам. — Слушать меня. Если кто еще не понял — это японец. Он достиг этих вод на дрянном неуправляемом корыте. Неужто мы, имея исправное быстроходное судно и полные ямы угля, побоимся проделать тот же

путь в обратную сторону? Да еще с заходом на Сандвичевы острова? Мы, русские люди, а не какие-то задрипанные азиаты...

Ни за что ни про что обидел японцев. Но так было надо.

Гул одобрения показал графу: диспут с мраксистами и робкими душами можно считать выигранным. Теперь вперед! Под всеми парусами. Да развести еще пары...

— Ветер достаточен, Николай Николаевич, — осторожно возразил Кривцов, — а угля у нас не так уж много. Пиратские суда этого типа пользуются машинным ходом лишь в крайних случаях. Не вижу необходимости жечь топливо...

— Есть необходимость, — отрезал Лопухин. — Извините меня, но вы не психолог. Распорядитесь. Пусть машина поработает хотя бы до ночи.

В кают-компаниии снова не утерпел — щелкнул по носу лохматое обезьянское чучело. То-то же. Выигран еще один бой, и выигран бескровно. Всегда бы так.

Но кто же он, еще один тайный агент на борту «Победослава»?
Кто?

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой великая княжна не хочет быть пойманной, а начальник московской сыскной полиции не хочет ее ловить

«А не перемудрила ли ты, голубушка?» — не в первый раз задала себе вопрос Екатерина Константиновна, рассеянно глядя в окно вагона.

Поезд подъезжал к Москве. Позади остались Обираловка и Реутов. Еще мелькали перелески, сменяемые невеликими деревеньками, бросались в глаза то потемневшая дранка на крыше какой-нибудь совсем уж бедной избы, то неестественно длинный колодезный журавль, то босоногая девчушка с хворостиной, гонящая гусей к пруду, но Первопрестольная уже давала понять: я здесь, я близко. Сейчас вот возьму да и откроюсь во всей дивной красе — любуйтесь!

Ничего подобного. За деревенькой следовала рощица, за ней рабочий поселок при каком-то заводике, вновь перелесок, вновь деревенька... Дымный хвост от паровоза стелился низко, норовил лизнуть окно и, казалось, дразнился. Терпи, пассажир всякого возраста, пола, чина и сословия! Тебе кажется, что ты уже приехал, что последние полчаса колесного стука совершенно лишние? Ошибочка. Имей терпение. Сиди, жди.

Великая княжны отложила «Русское слово» с недочитанной статьей о пауперизме в Англии и Германии. Покосилась на попутчиков — те с плохо скрываемым неерпением изучали подмосковные ландшафты. Кажется, никто не заметил, что простая с виду девушка только что бегло и с пониманием дела читала столь мудреную статью.

Аграфена Дормидонтовна Коровкина! Тут уж ничего не попишешь, изволь соответствовать той роли, какую диктует имя. Носи дешевое ситцевое платье с тошнотворно-аляповатой брошью из поддельного янтаря, платок вместо шляпки, научись громко смеяться в ответ на грубые шутки, грызть орешки и семечки, сплевывая шелуху на пол и содрогаясь от отвращения к самой себе...

Никто не узнал — некому было узнать, — как мучилась великая княжна! Но тягостнее всего оказался голод по умному печатному слову.

В городах Екатерина Константиновна иногда рисковала преображаться в «синего чулка» с университетским образованием. В поезде или на пароходе личина вчерашней крестьянки — вероятнее всего, прислуги в доме среднего достатка — была надежнее. Однако что может читать такое существо? Дешевку лубочного типа. В лучшем случае — романы Марфы Пехоркиной. Страдания великой княжны, воспитанной на литературе совсем иного сорта, были ужасны.

Но их, конечно же, стоило вытерпеть! Камуфляж и неожиданность пока выручали. Пошла третья неделя со дня бегства из Ливадии — и ничего... Такое ощущение, что никто не ловит беглянку. Как будто так и надо.

Вот Россия, вся ее неохватная глубинка... и чем, спрашивается, она занята? Да чем угодно! По преимуществу разными грубыми делами — что-то мастерит, чем-то торгует, что-то перевозит. Сушит воблу, стирает белье, лузгает семечки, горланит вечерами песни под гармонику. Ходит к обедне по воскресеньям, объедается в трактирах блинами с икрой, потеет у самовара и пучит глаза, свирепо дуя на чай в блюдечке. А то и пропивает последнюю рубаху в дрянном кабаке. Городовые — и те обыкновенны. Не похоже, чтобы кто-нибудь был озабочен поисками императорской дочери. Если бы даже узнали о побеге — кому какое дело? Поохали бы, посудачили, поскребли в затылке — и забыли бы.

Немного обидно даже.

Один только раз вышло «почти приключение» — в Новороссийске. Едва на отшвартовавшийся «Афон» кинули сходни, великая княжна первой покинула пароходик. Чутье подсказывало: надо спешить. Катенька почти бежала. Взяла, не торгуясь, извозчика до вокзала, крикнула: «Пошел! Получишь на чай!» — и унеслась так, что ветер пел в ушах. Вовремя: не прошло и минуты, как навстречу вихрем промчались сразу три двуколки с синими мундирами. Сердце екнуло, но жандармы спешили перекрыть порт и не обратили на Катеньку никакого внимания.

Она улизнула, но масштабы облавы стали ясны. Ясно было и то, что убираться из Новороссийска надо как можно скорее. Куда — вот

вопрос, который нужно было обдумать и принять верное решение не позднее чем через четверть часа.

В Петербург? В Москву? Конечно, нет — пассажиры этих поездов будут тщательно проверяться. В случае малейшего сомнения — пожалуйста в дежурную часть, мамзель. Значит, нужен еще один крюк, еще одна заячья петля...

Пользуясь паспортом на имя Аграфены Коровкиной, великая княжна взяла билет до Екатеринодара. Оттуда на следующий день выехала в Пятигорск. Проведенных в пекле июльского Екатеринодара суток хватило на то, чтобы худо-бедно избавиться от тонального крема на лице и руках, изменить прическу в парикмахерской и приобрести кое-какие обновки в магазине дамского готового платья. Обновки были настолько ужасны, что Катенька даже всхлипнула потихоньку. Но кто сказал, что не придется страдать ради своего счастья?

Из Пятигорска она уехала в Царицын. Оттуда — пароходом — в Сызрань. Волжские пароходные компании не интересовались паспортами пассажиров. Катенька скромно ехала во втором классе. Конечно, удобства не те, зато и любопытство окружающих не то. В первом классе изволь хоть иногда делать променаж по палубе, любоваться скучными берегами, знакомиться с ненужными людьми, флиртовать с несимпатичными кавалерами — иначе ославят гордячкой и с удовольствием перемоют все косточки. Во втором классе едет публика попроще и поскромнее. Здесь можно вовсе не выходить из каюты, сославшись на мигрень. Посочувствуют, предложат уксус или нюхательную соль — и только.

Болтливый попутчик, набриолиненный сердцеед уездного масштаба, щеголяющий модным словом «коммивояжер», рассказывал о прошлогодней нижегородской ярмарке. Мол, видел, как там ученый медведь водил на веревке цыгана — именно так, а не наоборот. Приказчик — так лучше сказать по-русски — очень старался, спешил обворожить, прельщал безукоризненным пробором, щеголял «французским наречием», томно вздыхал... Было бы смешно, если бы не было противно. И еще одно вышло беспокойство, но уж совсем глупое: пьяный в дым провинциальный актер, ехавший в соседней каюте, неизвестно зачем вздумал представлять Стеньку Разина и княжну одновременно — ну и, натурально, выпал за борт, едва под колесо не угодил, да и без содействия колеса чуть не утонул.

Останавливали пароход, спасали утопающего, капитан ругался ужасными словами... Великая княжна молча дивилась, не зная, что и подумать. С одной стороны — жизнь подданных казалась интересной. С другой — не казалась жизнью.

В Сызрани Катенька задержалась на несколько дней, вжилась насколько возможно в роль Аграфены Коровкиной и поменяла планы. Сначала думала отправиться в Казань, а оттуда — во Владивосток первым же поездом, который будет пущен по Транссибирской магистрали. Ну вторым, если не первым...

Помешала статейка в «Российских ведомостях». Верноподданный до клинического идиотизма щелкопер писал в отвратительном умильно-сюсюкающем стиле о готовящейся в Москве торжественной встрече великого князя Дмитрия Константиновича, новоназначенного наместника Дальнего Востока, следующего через Первопрестольную к месту служения Отечеству. Кое-как продравшись через слащавости и приторности, великая княжна поняла главное.

«Первых» поездов на Дальний Восток будет в сущности два. Один — Литерный-бис — личный поезд наместника, сопровождаемого несколькими видными сановниками, в том числе морским министром адмиралом Грейгоровичем. Второй поезд — просто Литерный — предназначен для аккредитованной прессы, промышленников и купцов, принимавших доленое участие в строительстве, представителей дворянства от каждой губернии, представителей духовенства и даже нескольких участвовавших в строительстве мастеровых, отличившихся небывалой выработкой и благонравным поведением. Кроме того, три вагона первого класса предназначены для тех, кто в состоянии заплатить пять тысяч рублей за билет...

И щелкопер сообщал, что, по имеющимся у редакции сведениям, несмотря на неслыханную дороговизну, почти все билеты уже проданы!

Катенька только усмехнулась. Но дальше в статье пошло такое, что стало не до смеха: сообщалось, что регулярное движение поездов по Транссибу будет открыто лишь в сентябре!

Заточенный лучшими учителями ум великой княжны мгновенно разделил задачу на три части.

Первая: добраться до Москвы. В Казани нет шансов попасть на поезд. Да в Москве и затеряться легче.

Вторая задача: оказаться в числе пассажиров любого из двух «первых» поездов.

Третья: не попасться.

Ибо других вариантов попросту нет. Не ждать же сентября!

Сызрано-Рязанская железная дорога перевезла ничем не примечательную пассажирку. В Рязани великая княжна заподозрила слежку. Обоснованно или нет — неизвестно. Скорее всего нет, но беглянка сделала еще одну петлю.

Бегущий по воде на гребных колесах грузо-пассажирский пароходишко долго вез ее в Муром. На сей раз Катенька путешествовала без билета, заплатив помощнику капитана. Мало ли полупочтенной и вовсе непочтенной публики носят в себе пароходы, бегущие вверх и вниз по Волге-матушке, по Каме, по Оке! У-у! Не считаешь. Кстати, пассажиров всегда реально больше, чем проданных билетов.

Из Мурома — во Владимир. Местным поездом — неторопливым, пробирающимся по однокорейке среди дремучих лесов будто бы с опаской. Тут другая публика, чем в экспрессах, и куда менее пристальное внимание к пассажирам. Пашпорт на имя Аграфены Дормидонтовны Коровкиной не вызывал у кассиров и кондукторов никаких подозрений. Катенька понемногу начинала думать, что ее страхи были лишними. Возможно, старый и забавный генерал Бубнов до сих пор не хватился пропажи. Возможно, даже хватился, но не был допрошен умным дознавателем, который сопоставил бы пропажу документа и молодую пассажирку, не потребовавшую никакой платы за репетиторство...

От Владимира до Москвы великая княжна снова ехала местным поездом, но уже сердясь на себя и думая: «А не перемудрила ли ты, голубушка?»

В конце концов! Пашпорт — чужой, но настоящий. Перечисленные в нем приметы не совсем совпадают, но что можно сделать в этом отношении, то уже сделано. Изменена прическа. Изменен цвет волос. Приобретен естественный загар. Руки, две недели мытые только холодной водой, огрубели. Щеки можно чуть-чуть надувать, чтобы лицо казалось полнее. Еще важнее простонародная

вульгарность поведения — она должна выглядеть естественной, не наигранной. (Ах, как помогли любительские спектакли для семейного круга — забава, но серьезная, с приглашением лучших театральных режиссеров, костюмеров, гримеров!) Наконец, походка. Ее легко изменить подбором обуви. В данном случае походку надо было просто-напросто лишить воздушности. Толстая стелька сделала тесным левый башмачок. Мучение — зато результат налицо.

Ковровый баул с тряпьем украли еще на волжском пароходе. К счастью, уцелел ридикюль с деньгами и драгоценностями. Катенька рассердилась ненадолго — баула было не жаль. Приметой меньше. Теперь с ней ехал рыжий обшарпанный чемодан, многое повидавший в своей чемоданьей жизни, а под старость купленный за рубль в самом захудалом комиссионном магазине Сызрани.

Кто сможет опознать великую княжну в скромной пассажирке? Теоретически ее знает вся Россия по портретам августейшей семьи, появляющимся в газетах и журналах всякий раз в день тезоименитства государя или годовщины коронации. Но кому, кроме сыщиков, придет в голову, что великая княжна находится в розыске?! Кто догадается сопоставить портрет и саму натуру?

За окном долго ползли назад городские окраины унылого вида — фабричные здания красного кирпича, дымящие трубы, заборы, целые кварталы скучных домов барачного типа... Потом как по волшебству возник ниоткуда и ослепил белизной Андроников монастырь по-над Яузой. Поезд тяжело задышал, понемногу тормозя. Приехали.

С чемоданом в руке великая княжна ступила на дебаркадер. Ни один носильщик не метнулся к ней, чтобы заработать двугривенный, предложив услуги. Предлагали другим. Кто-то бесцеремонно толкнул ее, кто-то ушиб кладью. Катенька чуть было не рассердилась, а потом чуть было не прыснула. Вошла в роль — так терпи! Радуйся, что камуфляж хорош.

Крики, толкотня. Дым дешевых папирос, окурки и шелуха из-под семечек под ногами. Первопрестольная.

Да вдобавок и жарко. Почти как в раскаленном Екатеринодаре.

Плавающий в черном мундире краснолицый распаренный городской надзирал за порядком на площади, пуча глаза и шевеля усами. Катенька постаралась пройти мимо как ни в чем ни бывало. Основы физиогномистики несложны, и уж основами полиция владеет.

Первое и главное: если ты стоишь на посту, а идущий мимо тебя прохожий прячет глаза — останавливай его окриком, свистком или физическим воздействием. Кто добропорядочен, тому незачем прятать глаза при встрече с полицией. Не станут это делать и авторитетные «фартовые» с выкидными ножами и револьверами в карманах плисовых штанов, а станут те, кто полиции по зубам: мелкоуголовная шантрапа, бродяги, высланные за сто первую версту лопухие «политики» из бывших студентов, и третьеразрядные беглецы от правосудия. Этых — хватай без сомнений!

На глазах городского Екатерина Константиновна купила газету у крикливого мальчишки и спокойно дождалась сдачи с пятиалтынного. Всем понятно? Одежда, походка, прическа, повадки о чем-нибудь говорят? Простоватая на вид приезжая барышня, сверх меры утомленная провинцией, желает показать московским аборигенам, что она не какая-нибудь дура. Она, может, завтрашня курсистка, а через год-другой — служащая телефонной компании. И это не предел!

Вышло превосходно: краснорожий городской посмотрел на Катеньку, как на пустое место. Не заинтересовала.

Извозчик — не лихач даже, а обыкновенный «ванька» на замызганной пролетке, но несомненно из породы ванек-разбойников — запросил рубль с полтиной за часовой наем. Еще недавно великая княжна подивилась бы дешевизне, но теперь лучше изучила быт папенькиных подданных. Извозчик, конечно, не знал стыда-совести и действовал как кровосос, пользуясь многолюдностью места и повышенным спросом. Да еще и с козел не слез и с чемоданом не помог, сказавши: «Не-е, барышня, я себе не враг. Третьего дни штраф платил, а за что? За то, что слез с козел и толпился на тротуаре. И не толпился я вовсе, а пристав проезжал мимо — мне штраф. Мало того, что заплатил аж десять рублей, дык еще цельный день псу под хвост!» — и вполголоса прибавил такое, что великая княжна покраснела, а затем почла за лучшее решить, что ослышалась.

Но куда ехать? Где устроиться незаметно, но с удобствами и как можно приватнее? Только не в гостинице и не в пансионе. Снять дешевую квартиру — иное дело. И непременно заплатить вперед месяца за три, но не больше, чтобы усыпить малейшие подозрения домовладельца...

Сказано — сделано. Час еще далеко не истек, когда Катенька нашла приемлемый вариант — квартиру на пятом этаже доходного дома в Дурасовском переулке. Две маленьких комнаты, кухня, чулан, уборная и ванная с дровяной колонкой — для жизни мало, для существования достаточно. Скучная темная мебель с грубыми завитушками заставила великую княжну фыркнуть, но и развеселила. Обои только-только начали выцветать, притом далеко не везде. Клопов, по заверению владельца, недавно морили патентованным средством и выморили почитай что всех, а тараканов и мышей здесь якобы никогда не водилось.

Катенька не поверила, но мажорного настроения не утратила. Раздражало только название переулка — Дурасовский. Расспросив хозяина о причине этой несуразницы и узнав, что лет сто назад здесь проживал, владея большой недвижимостью, купец Дурасов, великая княжна вздохнула: ничего не поделаешь, фамилию просто так не изменишь. Да и не купец окрестил переулок — москвичи. Им-то чем чуднее название, тем больше удовольствия.

Оставшись одна, Катенька проверила дверные замки. Их было два, но одним из них, кажется, никогда не пользовались. Пожарная лестница — далеко от окон, снаружи в квартиру не влезть. Лестница черного хода — узкая, с выщербленными ступенями и поломанными перилами, пахнет пылью и кошками, выводит в проходной двор. Очень хорошо, что двор проходной, потому что всякое может случиться...

От прежних жильцов в ванной и кухне осталось немного дров — ровно столько, чтобы один раз нагреть воды. Стряпать Катенька не собиралась, потому что не умела, а значит, дровяной запас можно было пополнить и завтра, подрядив для этого дела дворника. Но помыться с дороги — это уж непременно. Для чистоты и чтобы легче дышалось. В городе жара — воистину наказание божье.

Другое наказание — дрова. Упрямые поленья ни в какую не желали загораться от спички. Сообразив нащипать лучинок и пребольно вонзив себе при этом занозу в палец, великая княжна повторила опыт. Безрезультатно.

Вспомнилось: дворцовый истопник Сильвестр, следивший за печами и каминами в покоях великих князей, сумрачный и неразговорчивый мужичина, взятый в Зминий исключительно за

тонкое понимание огня, всегда имел бересту на растопку. Но где же взять бересты в Дурасовском переулке? Не такое у него название...

Спалив без толку коробок спичек, запыхавшись и разозлившись, Катенька наконец сообразила: бумага! Если в чулане нет старых газет, то это не квартира, а издевательство над человеком, вот!

Газеты нашлись, и вскоре мучения Катеньки были вознаграждены: в колонке заплясало и загудело веселое пламя. Обрадовавшись, Катенька закружилась по комнате в подобии вальса и даже начала напевать негромко. Все-таки терпение и труд все перетрут («Обладают абразивными свойствами», — выразился бы в своем стиле Митенька).

Хотела было кинуть купленные у вокзала «Московские ведомости» в пыльную и пожелтевшую стопку «Русского инвалида», но, передумав, решила проглядеть свежую газету. Чем еще занять себя, пока греется вода?

Из десяти читателей девять начинают просмотр газеты с последней страницы, где помещаются разделы происшествий и объявлений. «Рефлекторно», — добавил бы физиолог словечко, входящее в моду после опытов господина Савлова с собачками. Но как можно делать противное тому, что внушено воспитанием? Этого Катенька не понимала. Разве что в знак протеста... но для протеста должны иметься какие-то основания!

Не с последней, а с первой страницы начала великая княжна — и, возможно, зря. Передовица касалась таможенных тарифов и могла заинтересовать разве что Митеньку. В российских новостях также не содержалось ничего особенного. Успехи России на Парижской промышленной выставке, статья о необходимости прокладки судоходного канала между Волгой и Доном, ожидаемый визит в Москву великого князя Дмитрия Константиновича... ля-ля-ля, жу-жу-жу... В несносную жару и новости такие же: умиротворенные, как распаренная третьим самоваром купчиха, ленивые, снотворные. Хотя вот смешной, хотя и не очень пристойный фельетон господина Легировского о сливе всяких нечистот в Неглинку...

Прочитав, Катенька сперва выпила воды, дабы утихомирить подступившую тошноту, затем прыснула, а потом поежилась. Вот же бойкое перо! И Москву, как видно, знает превосходно. Неужели сам спускался в сточные подземелья? Вот ужас-то.

Желая отвлечься от мерзкой картины, нарисованной воображением, взялась за последнюю страницу — и уже через минуту смеялась с чувством неловкости, как над плоским водевилем. «Лишь бы душа не крива, а в остальном споемся», — рубил наотмашь в разделе объявлений некий «немного обеспеченный отставной корнет», диссонируя с целым хором бесстыжих охотников за приданым. «Я мол., здор., энерг. и говор. мн. нравл. Согл. быть рабою, выйдя зам. за чел. достойн.» — взывала в унисон корнету некая Лорелея, то ли чересчур исстрадавшаяся, то ли отпетая лгунья, то ли просто ненормальная. «Рабою» — какво! Вот уж спасибо. Рабу любви очень можно понять — но рабу мужчины?.. Ступай в сераль, голубушка.

Насмешила реклама папирос — рифмованная, в кудрявой рамке, стеснившей скромные объявления о пропавших собачках, частных уроках и продаже канареек:

*Я человек правдивый
И никогда не вру.
Вот мой совет не лживый:
Курите лишь «Фру-фру».
(6 коп. за 10 шт.)*

Катенька фыркнула — и немедленно покраснела, прочтя следующее объявление:

«Писатель-психолог просит дам описать ему их медовый месяц».

Нет, это уже совсем ни на что не похоже! Куда смотрит цензура? Чем занята полиция? О чем думает Дума — неужели есть дела поважнее, чем ужасающее падение нравов?!

Со злости чуть не швырнула газету в топку, но, взяв себя в руки, вернулась на третью полосу, перешла к делам иностранным. Опять Парижская выставка... А вот — «Жестокость бельгийцев». Гм... После подавления восстания чернокожего населения военный губенатор Конголезской колонии приказал отрубить руки пяти тысячам пленных повстанцев, содержащимся в особом лагере на окраине Леопольдвилья, что и было исполнено... Фу, какая отвратительная жестокость!

Великая княжна содрогнулась от отвращения. Большое спасибо, милый папа, за помолвку с наследным бельгийским принцем! Эта

газетная заметка — уже достаточная причина сломя голову бежать хоть на край света от перспективы такого брака!

А это что? «Исландская угроза обостряется» — гласил заголовок заметки в рубрике «Срочно в номер». Заметка была коротенькая и содержала скупые, как телеграфное послание, сведения. Три британских судна, шедших из южноафриканских колоний, подверглись нападению пиратской флотилии севернее Мадейры, два из них захвачены, судьба экипажей неизвестна... Пиратский десант в Шотландии... Городок Аймут познал все ужасы нападения исландцев... К прибытию из Эдинбурга полка королевской морской пехоты для отражения нападения все было кончено... Городок разграблен и сожжен дотла, масса убитых... Вышедшая в море эскадра не сумела перехватить дерзких пиратов... Бурные дебаты в парламенте... «Неужели исландцы, слишком, увы, давно сидящие костью в горле всего прогрессивного человечества, до такой степени утратили чувство меры, что осмелились бросить вызов самой Англии — Владычице морей?» — не без патетики спрашивал в конце автор заметки.

Он не спросил, кто бы мог помочь им на свою беду утратить чувство меры. Катенька догадалась сама.

Для нее это было нетрудно: просто сложить два и два. Будет пять, если добавить к сумме вклад некоего статского советника, не оцененного по достоинству. Дикие морские головорезы и их надменные покровители теперь стравлены друг с другом. Как Лопухин сделал это — неизвестно. Но это он, сомнений нет!

Отомстил за себя, за погибших моряков, за униженную Россию. Красиво отомстил. И месть уже приносит плоды.

Сердце сильно билось. Слабо потрескивали догорающие угольки в топке, намекая, что кое-кому не худо бы подбросить дров, если кто-то намерен сегодня принять ванну. Великая княжна не слышала. Выстрел над ухом — и тот могла бы не услышать.

Она улыбалась.

Начальник московской сыскной полиции Акакий Фразибулович Царапко возвращался от обер-полицмейстера очень не в духе. Он получил выволочку, хотя не числил за собой никакой вины. Можно и нужно ловить преступников — но только если достоверно известно,

что преступление совершено или может совершиться, и, кроме того, имеются основания подозревать, что розыск во вверенной губернии имеет смысл.

Иначе, простите, кого ловить? Почти как в народной сказке: поймай того, не знаю кого...

Но примерно такую задачу и поставил перед Акакием Фразибуловичем московский обер-полицмейстер князь Чомгин более двух недель назад и с тех пор не уставал теребить его, то и дело подчеркивая важность задачи и коря за отсутствие результатов. Раз в три дня Царапко лично ездил к обер-полицмейстеру с докладом о ходе розыска. Успехов не было, а посему и доклады выходили коротенькими.

Однако, сколько бы начальство ни хмурило брови, Акакий Фразибулович от души желал только одного: чтобы расследование и дальше не приносило никаких результатов. Справедливо считаясь лучшим в России специалистом по сыску, Царапко был еще и просто умным человеком, и второе ценил в себе больше.

Дело ему не понравилось сразу. Принять меры к розыску и задержанию аферистки, дерзающей выдавать себя за великую княжну Екатерину Константиновну, — как вам это нравится? Почему бы уж заодно не поискать злоумышленников, преступно замышляющих спилить темной ночью Ивана Великого? Ни первое, ни второе невозможно в принципе, и Царапко понял это в одну секунду. Его изощренный ум с дивной скоростью пришел к единственно возможному заключению: разыскивается не мифическая аферистка, разыскивается сама великая княжна!

Но виду он не подал и блеском глаз себя не выдал. Хотя за своим непосредственным начальником наблюдал в тот момент весьма внимательно.

Князь Чомгин, не старый еще генерал-майор свиты Е.И.В., занимал пост московского обер-полицмейстера шестой год — и, возможно, последний. Князя душил жир. Князь хрипел. Князь глядел на мир сквозь узкие щелочки глаз, утонувших в лоснящихся розовых подушках щек. Про таких жировичков говорят: о шести подбородках. Неправда! — подбородка, даже одного, князь Чомгин не имел вовсе. Шеи тоже. Громаднейший зоб начинался прямо от пухлых губ и неразлично сливался с животом.

Москвичи острили, что Чомгин внес весомый вклад в охрану порядка и законности в Первопрестольной. Комплекция мешала князю быть подвижным. Редко-редко можно было увидеть мчащийся куда-либо знаменитый обер-полицмейстерский возок, запряженный особой парой — коренником и одной пристяжной с непременно лебединым выгибом шеи. Превосходные, дорогие, от казны положенные лошади князя жирели в конюшне от безделья. Зато самого обер-полицмейстера, несмотря на жир и нелюбовь к выездам, никто не посмел бы назвать бездеятельным.

Для дела бывает даже полезнее, когда с высунутыми языками бегают подчиненные, а начальник координирует их беготню, не покидая рабочего кабинета в своем особняке. Но таких подчиненных надо растить самому: присматриваться к человеческой рассаде, отбирать умных, деятельных, минимально порядочных и притом верных, вербовать их в свою команду, учить, заставляя сворачивать горы, перетаскивать вслед за собой из одного места в другое, ну и продвигать по службе, разумеется, ибо личная преданность людишек почти всегда основана на ожидаемой выгоде. Один в поле не воин, сколь бы способен он ни был. Всякий знает, что пробиться наверх в команде стократ легче, чем в одиночку.

Царапко же был чужой — из министерской клики. Чомгин, правда, быстро удостоверился, что на обер-полицмейстерское место сыскарь не метит, хотя карьерист, похоже, отменный. Но карьерист по своей части, по сыскной. Работал он прекрасно, распутывая подчас сложнейшие криминальные загадки, интриг сторонился, на провокационные контакты не шел, демонстрировал полную лояльность, а по службе был чудо как хорош — и все же на посту начальника московской сыскной полиции князь предпочел бы видеть другого человека. Какого бы то ни было, но своего.

В этом Акакий Фразибулович никогда не сомневался, как не сомневался и в том, что попыток сместить его с должности Чомгин не оставит. Здоровый карьеризм и тренированный ум велели Царапко ждать удобного случая, не подставляясь под удар и набирая очки. А там можно будет и намекнуть князю, коли сам не догадается, что убрать неугодного человека с глаз долой можно не только вниз, но и наверх.

Почему бы нет? Акакий Фразибулович был кем угодно, только не скромником. Москва становилась ему тесновата. Не то чтобы он уже уперся в предел даваемых ему возможностей, но он увидел его вдалеке — и этого оказалось достаточно, чтобы лишить Царапко счастья и душевного покоя.

К тому же имелись основания подозревать, что пост начальника всероссийской сыскной полиции в скором времени окажется вакантным.

Лакомый кусочек! Должность, соответствующая чину тайного советника, жалованье не в пример выше, неподотчетные суммы, но главное — непаханое поле работы! Внедрение в криминалистику новейших научных методов, создание сети лабораторий, организация сыскного дела во всех губерниях империи по примеру Москвы и Санкт-Петербурга. Подбор людей на ключевые посты. Личное — по желанию — участие в расследовании важнейших дел. Полный карт-бланш на многое и многое, поскольку министр и товарищ министра ни уха, ни рыла в сыске и оба знают это... Небесполезная, деятельная, увлекательная жизнь — вот что такое этот пост.

Кто займет его? Чинуша, съевший не одну собаку в карьерной грызне и способный лишь изображать видимость работы, — или настоящий профессионал? Без ложной скромности Акакий Фразибулович считал себя лучшим криминалистом Российской империи.

Были коллеги, способности которых он уважал. Хорошо работал и уже успел прославиться Филин из Петербурга, ученик легендарного Путивлина. Очень неплох, надо признать, был Лопухин из Третьего отделения, хотя кто же ему там даст стать чистым сыскарем? Да и сам не захочет...

Главное — ни Филин, ни Лопухин не были для Царапко конкурентами в борьбе за вождеденный пост. Рассеянно катя по Тверской в сторону Садовой, Акакий Фразибулович даже пожалел о несостоявшемся альянсе с Третьим отделением в деле о мраксистских «эксах». Мог бы выйти толк. Но увы — не склеилось. Барона Герца пришлось отпустить. Еще хуже, что он ушел от негласного наблюдения. Оплатил счет за номер у Сичкина, аккуратно выплатил штраф за дебош — и оторвался. Просто-напросто спрыгнул с извозчичьей пролетки и ушел дворами. Ищи-свищи его теперь. А

совместно с Лопухиным да с возможностями Третьего отделения можно было бы рассчитывать на успех...

Но бессмысленно жалеть об упущенных возможностях, надо глядеть вперед.

Тверская, как обычно, была запружена экипажами. Нестерпимо кричали мальчишки-газетчики, размахивая своим товаром, и чуть под копыта не лезли. Пугая лошадей утробным воем и дребезжащими звонками, сердито катил электрический трамвай. В потоке пешеходов на тротуаре наметанный глаз сыщика моментально выявлял провинциалов. Вот этот. И этот. А вон тот и подавно — ишь как вылупился на самоходную электрическую машину! Рот закрой, дурень.

Самодовольные и безалаберные москвичи, успевшие привыкнуть к недавно обретенной городом диковине, поглядывали на сердитый механизм снисходительно, едва ли не зевая напоказ: тоже, мол, редкость! Видали, мол. Гости из столицы отличались большей сдержанностью в проявлении чувств.

Впрочем, чепуха... Элементарное упражнение на наблюдательность для агентов первого года службы...

Не доехав до Садовой, казенная пролетка гения сыска повернула налево и, ловко проскочив между встречными экипажами, нырнула в Благовещенский. Оттуда в Трехпрудный и почти сразу в Большой Козихинский. Здесь Царапко велел кучеру осадить лошадку и не вертеть головой. Сам же сунул в рот папиросу и сделал вид, будто пытается раскурить ее на ветру. Какими тайными закоулками в тесный переулок, со всех сторон стиснутый домами, сумел пробраться ветер, оставалось гадать, но спички у незадачливого курильщика все время гасли. Пришлось ему сидеть вполоборота, заслоня собой папироску от шалостей Борея или, может быть, Зефира. При этом левый глаз Акакия Фразибуловича внимательно наблюдал за въездом в Большой Козихинский.

Через минуту Царапко отшвырнул папиросу и велел трогать. «Хвоста» не было. Строго говоря, его наличие представлялось маловероятным, но перестраховаться — ей-ей — стоило. С князем Чомгиным шутки плохи.

«Но кто говорит о шутках? — спросил себя Царапко. — Нет, ваше превосходительство, шутить с вами я не стану, даже не надейтесь. Тут дело нешуточное».

Далее путь Акакия Фразибуловича лежал через Большой Палашевский и Сытинский переулки на Большую Бронную. Здесь Царапко остановил возницу, приказав ждать, и скрылся во дворе безобразного на вид доходного дома. Быстро пройдя два двора, он уверенно направился к черному подъезду большого шестиэтажного здания, быстро оглянулся напоследок и исчез за дверью.

Через минуту дверь обыкновенной наемной квартиры на шестом этаже открылась на условный стук и впустила гостя. Встретил его молодой белобрысый человек с золотой фиксой и невинными голубыми глазами — бывший вор Семен Тужилин по кличке Тузик, поклявшийся на следствии начать новую жизнь и уже полгода работавший на Царапко в благодарность за избавление от каторги. Дело там было скверное — с убийством. Убедившись, однако, что Тузик лишь взломал замок, получив за работу десятку, а в квартиру даже не входил, но главное, убедившись в неудержимой тяге подследственного ко всяческим механизмам, не обязательно замковым, Царапко сумел выгородить полезного человека. Само собой, не даром.

Поначалу Сеня Тузик ужасно переживал, что служить ему приходится в легавых, и твердил, что дружки его обязательно на нож поставят, но мало-помалу победил свои нервные порывы. Служил он внештатно. Царапко приплачивал ему аккордно из скудных неподотчетных сумм, а иногда из собственного жалованья, если дело того стоило. Со временем, отнюдь не скоро, он намеревался представить Тузика на классный чин.

— Ну как? — только и спросил Акакий Фразибулович, нетерпеливо притоптывая, пока Сеня затворял за ним дверь. — Много записал?

Тузик молча указал на продолговатый ящик. В нем, сберегаемые от летней жары льдом, набитым в двойные стенки, вертикально стояли в специальных гнездах восковые валики для фонографа с наклейками по торцам. Абракадабра на наклейках напоминала загадочные иероглифы из египетских гробниц.

Ежедневно доставляемый лед создавал в прихожей чудесную прохладу. В гостиной было жарче — чересчур твердый воск не годен для фонографирования. А еще в ней было темно и почти отсутствовала мебель. Два кресла, маленький столик — и все. Не считать же мебелью громоздкий деревянный агрегат, с помощью которого нацеливалась

куда надо висящая на блоках предлинная фибровая труба, соединенная со стальной иглой фонографа!

Не сносить бы Царапко головы, если бы в сыскной полиции дознались, куда подевался якобы неисправный фонограф и для каких целей на самом деле снята квартира на углу Большой Бронной и Богословского!

Прекрасно понимая всю опасность игры, Акакий Фразибулович понимал и другое: выбора у него нет. Это и стало решающим аргументом в пользу спасения Сеньки Тузика от участи каторжника, но Сенька о том не знал. Преданных людей много, но кто осмелится пойти против обер-полицмейстера и не выдаст? Уж скорее это сделает бывший вор Семен Тужилин, нежели молодой чиновник с незапятнанной биографией и честными карьерными видами.

Уже несколько дней Тузик не выходил из нанятой квартиры, наблюдая в мощную оптику за окнами обер-полицмейстерского особняка, фиксировал прибытие каждого посетителя и в зависимости от его личности включал или не включал звукозапись. Несмотря на открытое окно, никто не мог проникнуть взором внутрь комнаты. Луч света гас в ней. Газовые рожки никогда не зажигались. Стены, обитые черным фетром, поглощали и свет, и звук, мешая гулять вредному эху. Тузик лично вычернил печной сажей коническую трубу прибора и острил, что осталось вымазать ваксой потолок под беззвездную ночь, а физиономию фонограф-оператора — под арапа из африканской Сенегамбии.

— Результат? — спросил Царапко.

— Есть результат, — бесцветным голосом проговорил Сенька.

Сегодня он был не в себе — не лыбился и не сверкал фиксой. Сам же и предъявил причину скорби:

— Конец, стало быть, Хитровке...

— Давно пора, — безжалостно прокомментировал Царапко. — Не согласен?

— Нет.

— Почему?

— Все равно толку не будет. Не Хитров рынок, так Сухарев или Тишинский. А мало, что ли, малин в Марьиной роще? А Сокольники взять, там — у-у!.. На Сретенке притоны есть...

— Это ты МНЕ будешь объяснять, где в Москве притоны есть? — с веселым изумлением спросил Царапко.

Тузик набычился.

— А чего такого? Надо будет — и объясню. Думаете, все в Москве знаете? Всех не пожжете, не передуете, даже и не надейтесь. А сколь в ночлежках на Хитровке живет калик да убогих, о том его превосходительство подумали? Фартовые уйдут и где ни то заново обустроятся, а жалкого люда сгорит — ой-ой...

— Молчи, — одернул его Акакий Фразибулович.

— Только и слышу от вас: молчи да молчи. Я на Хитровке одну старуху знаю, она который год лежит пастеризованная...

— Парализованная, ты хотел сказать?

— Один черт, неподвижная, как колода. За ней дочка ходит, уличная. Не станет Хитровки — куда девать старуху?

— В богоугодное заведение. Не морочь мне голову, я не о том тебя спрашиваю. Запись есть?

— А как же. Крайний валик слева. Конфедерация между его превосходительством господином обер-полицмейстером и полицмейстером Сазановым. Продолжительность: шесть минут двадцать две секунды. Место: кабинет его превосходительства. В особые условия записано: занавеска на окне кабинета, раскаты грома от прошедшей мимо грозовой тучи и ворона на карнизе. Каркала, сволочь.

Царапко кивнул, а на «конфедерацию» улыбнулся. Видимо, Сеня Тузик имел в виду конфиденцию. Вне хитровских притонов бывший взломщик быстро цивилизовывался, без страха и стеснения наобум забредая в неведомые дебри науки и культуры. Длинные и сложные для произношения термины зазубривал наизусть, а воровской феней стал брезговать. Он изучал все науки подряд, но каждую с поверхности и, похоже, лишь для того, чтобы щегольнуть в разговоре перлом вроде «грецкий философ Планктон», «теодолит кальция» или «паровой катертер», и путал предестинацию [3] с престижитаторством, считая то и другое чем-то вроде проституции, но только на аглицкий манер.

— Кстати. С чего ты взял, что замышляется пожар? — прищурился Акакий Фразибулович.

— Ну а как же... Сам слышал, как их превосходительство... Выжечь, грят, клоповник. Так и сказали. А еще держать операцию в тайне от всех, особенно от пристава Мясницкой части, чтобы тот не упредил хитровских паханов... Чего ж тут не понять?

— А, ну-ну... — Объяснять Сене Тузику, что от фигуры речи до намерения спалить часть города дистанция огромного размера, Царапко не стал. Официально он до сих пор не был посвящен в замысел полицейской операции, но из личных источников информации твердо знал, что ни о каком поджоге Хитровки Чомгин не помышляет. На самом деле с ведома и полного одобрения генерал-губернатора планировалась масштабная операция по выселению целого квартала с последующим сносом зданий и новой застройкой освободившейся земли. Владельцев хитровской недвижимости радением Чомгина удалось прижать, и городская казна не разорилась на покупке. Более того, от продажи в частные руки городского участка, освобожденного от хитровских трущоб, ожидалась хорошая прибыль. И никаких погорельцев, никаких пепелищ.

Но то была теория. На практике Акакий Фразибулович очень хотел бы посмотреть, как полтысячи полицейских при поддержке армейской части захватят Хитровку без сопротивления со стороны ее обитателей. Небывалое бывает, но редко. На практике не обойдется без драк, без стрельбы и, уж конечно, без пожаров.

Кто отвечает за операцию? Князь Чомгин. А позвольте спросить, ваше превосходительство, какие силы пожарных привлечены вами для участия в операции, дабы оперативно подавлять очаги возгорания? Гм... И только-то? Ну-с, желаю успеха...

С намерением городской верхушки собраться с духом и, перекрестясь, покончить наконец с вековой хитровской язвой на теле города Царапко был в основном согласен, но некоторые свои поправки все же имел. Самое главное: его, начальника московской сыскной полиции, даже не поставили в известность! А следовало бы. И работы-то немного: наострить агентуру, одну ночь не поспать — зато добрый десяток знаменитых воров да налетчиков можно было бы выловить, когда они начнут метаться, разбегаясь по запасным хазам да малинам...

Но кто такой Царапко для Чомгина? Чужак. Отвечающий за Хитровку пристав Мясницкой части, которого тоже не поставили в

известность, хоть вор, да свой. А Царапко — чужак. С какой стати помогать чужаку в его работе?

Ай-ай, нехорошо, ваше превосходительство... Зачем же так явно напоминать, что птицу чомгу зоологи относят к семейству поганок?

Акакий Фразибулович внимательно прослушал запись с указанного Тузиком валика. Ничего особенного в записанном разговоре не было — обыкновенное уточнение деталей предстоящей операции, — но слова «выжечь клоповник» действительно прозвучали, притом вполне явственно. И посторонние шумы не помешали, и голос узнать можно.

Неосторожно, ваше превосходительство, неосторожно... Можно назначить себе недруга и бороться с ним, но к чему давать ему в руки оружие? Две глупости сразу. Оружие, положим, бесчестное, вроде крапленой колоды, — ну так не заставляйте пускать его в ход! Не будите лихо, ваше превосходительство, — тем более что пожары по вине вашей светлости и впрямь будут...

— Долго мне еще тут куковать? — недовольным голосом осведомился Тузик.

— Что, надоело?

— Не то слово. Мне бы прогуляться чуток, хоть ночью, ноги размять. В пивной бы посидел, на людей поглядел... Пива бы парочку... холодненького...

— Скажи уж сразу: дружков из «Пересыльного» предостеречь хочешь, чтобы на крышах не отлеживались, а ушли заранее, — фыркнул Царапко. — Не так разве?

Тузик совсем набычился.

— Может, и так, — проговорил он сумрачно. — Сами, чай, знаете: я на вас работаю, а дружков своих не продавал.

— А и не надо. Без тебя продавцы найдутся.

— Добром прошу, — сказал Тузик.

— А не то сбежишь? Ну-ну, беги. А лучше не валяй дурака. Вся Хитровка уже знает. Его превосходительство так спланировал секретную операцию, что твоим дружкам ничего не грозит, если только они не окончательные олухи...

Успокоенный Сеня Тузик получил распоряжение продолжать наблюдение за окнами обер-полицмейстера, включать фонограф при подозрении на интересный разговор, воздержаться сегодня от чтения

книжек и на время забыть о паре холодного пива. А Царапко отбыл, унося под мышкой короткий тубус с восковыми валиками.

Дальнейший путь пролетки был крайне замысловат, но окончился в каких-нибудь полутораста саженьях от места работы верного Тузика, в Большом Гнездниковском переулке. Давно обещанный Акакию Фразибуловичу переезд его Управления в новое просторное здание на Петровке откладывался в который раз. Сыскная полиция теснилась в небольшом особнячке, половину которого занимал архив, и в крохотных комнатках-пеналах следователи падали в обмороки от духоты.

Тубуса с валиками при начальнике московской сыскной полиции уже не было. Оный тубус обрел временное пристанище в погребе мещанки Акулины Власьевой рядом с вареньями и соленьями — и скрытно, и прохладно. Было бы верхом глупости держать такой материал в Управлении. Подобно многим московским аборигенам Акулина была рада услужить Царапко, в свое время спасшему от мошенников ее невеликий капиталец. С профессиональной цепкостью Акакий Фразибулович накрепко запоминал обиженных им людей, но еще крепче запоминал облагодетельствованных. Первых следовало всего-навсего остерегаться; ко вторым можно было обратиться с просьбой. Девять из десяти не откажут — особенно если просьба будет пустячной. Почти все мы наипрекраснейшие люди, когда дело касается пустяков...

С такой светлой мыслью Царапко выслушал несколько кратких докладов по текущим делам, кое-что уточнил, кое о чем распорядился, а затем потребовал себе на стол холодного крепкого чаю с лимоном и сводный список задержанных за сутки женщин. С тех пор как до каждого московского городского была доведена задача ловить мошенницу с приметам великой княжны, полиция просто сбесилась. По-видимому, от жары у всего города размягчились мозги. Будочники и квартальные пугали обывателей грозными взглядами и зверским шевелением усов. Околоточные надзиратели радовались, как дети, каждой новой жертве, пищавшей в лапах у городского. Приставы ежедневно доносили о многих десятках особ женского пола в возрасте от восьми до шестидесяти лет, задержанных «до выяснения». А выяснять приходилось Царапко.

Не с нуля, понятно. Давно уже к каждой части были прикреплены толковые люди из сыскного. Тщательнейшим образом проинструктированные самим Акакием Фразибуловичем, они производили первичный отсев, не смея замахиваться на большее. Поданные ими списки поступали в Управление, где немолодой коллежский секретарь Сепетович, плавая в собственном поту, сводил их воедино и лично перепечатывал для начальства.

Сегодняшний список насчитывал тридцать семь фамилий. Царапко знал, что четыре пятых возможных кандидаток на «аферистку, дерзающую выдавать себя за великую княжну» уже отсеяны. Но и тридцать семь — многовато.

— Что это, Сепетович? — несколько брезгливо спросил он, ткнув пальцем в первую же фамилию.

Коллежский секретарь неслышной рысцой обежал вокруг стола и близоруко наклонился над списком, сунув чуть ли не в самое лицо Акакию Фразибуловичу свою потную макушку с прилипшими к розовой коже редкими волосенками. Немного отстранившись, заморгал.

— Виноват-с?

— Кочерыгина Федосья Лукинична, — проговорил Царапко. — Что, незнакомая барышня? Ну, правда, в городе она более известна как мадемуазель Эмма...

Сепетович хлопнул себя по лбу, выбив мелкие брызги пота. Поморщившись, Царапко легонько оттолкнул его от себя, чем нисколько не умерил обожания, с каким смотрел на него подчиненный. На лояльность Сепетовича можно было положиться, но умишком он обладал незначительным, а памятью и того хуже. Служа в сыскной полиции, он не имел ни малейших карьерных перспектив, однако не жаловался и не просил о переводе. Акакия Фразибуловича он боготворил, открыто преклонялся перед его гением и сам себя назначил чем-то вроде личного секретаря.

— То-то же, Сепетович, — закончил краткое внушение Царапко. — Мне сейчас знакомые не нужны. Мне одна незнакомка нужна. На память не надеешься — по картотеке проверь. Ступай.

Прихлебывая холодный чай из стакана с фигурным подстаканником, Царапко воззрился на список с отвращением. Ругнул про себя жару, плавящую мозги как раз тогда, когда ум должен быть

остер и быстр. Имена, фамилии... Второй по величине и по значению город империи непомерно велик народонаселением — без малого два миллиона душ! Каждый день наблюдая московскую сутолоку, Аркадий Фразибулович иногда ловил себя на мысли, что не способен понять: что здесь делают все эти люди? Выполняют роль деталей общественно-экономического механизма? Способствуют товарообмену, как известно, наиболее интенсивному в крупных городах? Гм. И только-то? Право, удивительно. Иной живет, хлеб жует и ведать не ведает, что его классифицируют и еще пытаются уразуметь, для чего нужна эта деталька...

Очень понятно, для чего на свете живут воры, грабители, мошенники, убийцы. Чтобы жила полиция. Чтобы она хватала кого ни попадя, а начальник сыскного наживал себе от злости камни в печени.

Потные пальцы оставили след на бумаге. Сами буквы, казалось, плавилась от жары. Бубликова Лукерья Селивановна... Прунькова Маланья Евстигнеевна... Блюменталь Голда Гедалиевна... Голопупенко Мавра Опанасовна... О-хо-хо, грехи наши тяжкие... Колбасютина Февронья Никаноровна... Сухобреева Устинья Ферапонтовна...

К черту! Сдержав мученический стон, Царапко прикрыл глаза. Исполнители! Нахватают проституток, мелких воровок, торговок с Сухаревки, беспашпортных бродяжек с тремя копейками за душой и просто всяких дур... Давеча арестовали супругу священника церкви Фрола и Лавра на Зацепе и сутки продержали попадью в холодной, приняв неведомо за кого. Позавчера пытались арестовать графиню Бобрикову. Вот уж точно: заставь дураков богу молиться — лбы порасшибают. Но выживут и размножатся, иначе откуда в мире столько дураков?

Глупость человеческая злила Акакия Фразибуловича гораздо чаще, чем ему хотелось бы, но иногда случались минуты, когда он простодушно удивлялся ей, как ученый подчас дивится бесконечной глубине и сложности мироздания. Схватить упомянутую «аферистку» и рассчитывать на поощрение за исправное несение службы и острый глаз — как вам нравится эта бесподобная наивность?

Князь Чомгин, по мнению Царапко, повел себя непорядочно, да и неумно: поручил вести дело, а в истинную его подоплеку не посвятил. О том, что ловить поручено не кого-нибудь, а саму великую княжну

Екатерину Константиновну, наверняка знал обер-полицмейстер, непременно знало жандармское начальство, но не должен был знать начальник сыскной полиции. А поскольку жандармы, как известно, по части сыска подчиняются Департаменту полиции, ситуация складывалась преглупая: тот, кто координировал розыск, в теории знал о предмете розыска меньше, чем начальство, и меньше, чем подчиненные.

Обер-полицмейстер не мог не понимать, что Царапко догадается, однако не позволил себе ни лишнего слова, ни намека — лишь вызывал пред ясны очи, требовал подробных отчетов о ходе розыска и выражал неудовольствие отсутствием результатов.

Собственно говоря, Акакию Фразибуловичу все стало ясно сразу. Нет результатов — плохо работает сыскная полиция. Ну а если паче чаяния поимка искомой беглянки состоится — держитесь крепче, господин начальник Сыского управления! Малейшая грубость при задержании будет раздута и обращена против вас, в этом можете не сомневаться. В распоряжении обер-полицмейстера есть сто один способ опорочить вас в глазах генерал-губернатора, а то и самого государя. Да так, что и министр, ваш благодетель, не осмелится вас защищать. И поедете вы куда-нибудь в олонекскую губернию давить комаров и тихо спиваться...

И поделом вам — поскольку не умеете разбираться в аферистках.

Даже если допустить невероятное предположение, что государю доложат об успехе начальника московской сыскной полиции в самом выгодном для последнего свете, ничего хорошего из этого проистечь не может. Вряд ли государь император будет особенно благосклонен к постороннему, НАСТОЛЬКО прикоснувшемуся к интимным секретам августейшей фамилии.

Глупый и ретивый, ничего не поняв, ночей бы не спал и подчиненным спать не дал, чтобы расставить ловушки и поймать мерзавку, если ее занесет в Первопрестольную. Умеренно умный начал бы интриговать, стараясь спихнуть дело на плечи коллег из жандармского управления. Акакий Фразибулович ответил обер-полицмейстеру «будет исполнено» и в тот же день нанял квартиру на шестом этаже с видом на обер-полицмейстерский особняк, поселил там Сеню Тузика и заказал фибровую трубу в полтора раза длиннее тех, что использовались ранее.

Извините, ваше превосходительство. Сами виноваты.

Наилучшим, по мнению Царапко, стало бы такое развитие событий, при котором великая княжна вовсе не появилась бы в Первопрестольной. Не нашел — стало быть, не подставился. А как найти в Москве то, чего в ней не существует? На нет и суда нет.

Изоощренный ум начальника сыскной полиции давно уже проанализировал все возможные ходы беглянки, исходя из ее гипотетических устремлений и психологического портрета. Увы — исходя из дедукции, появление великой княжны в Москве следовало считать довольно вероятным.

В результате Царапко лично занимался проверкой задержанных полицией женщин, вызывающих наибольшее подозрение, и тратил уйму бесценного времени на разъяснение всевозможных Прасковий и Матрен.

Акакий Фразибулович глотнул еще чая. Выпитая влага немедленно выступила капельками пота на лбу, ан все-таки стало чуть-чуть легче. Чертова жара... Ну-с, продолжим...

То же самое он, кляня жару и терпя муку мученическую, сделает завтра, разбирая новый список арестованных женщин. Но и завтра не найдет ничего, к вящему своему удовлетворению.

Но послезавтра — найдет.

Медленно, с силой сжимая веки, поморгает, дабы разогнать марево перед глазами. Вернется к списку — и даже не удивится, обнаружив в нем Аграфену Дормидонтовну Коровкину. Просто тупо отметит: вот оно. Случилось.

Точнее — вот она.

Умная и наивная великая княжна.

Умная — потому что влетела в полицейскую паутину только сейчас, а не двумя неделями раньше. Наивная — потому что вообразила, будто паспорт на имя Аграфены Коровкиной все еще надежен.

Вслед за тупой фиксацией факта, приотстав по случаю духоты, придет понимание всей пакосности ситуации, и Акакий Фразибулович зашевелит тонкими аристократическими губами, неслышно выговаривая замысловатое ругательство.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой цесаревичу продолжают грозить всевозможные напасти, полковник Розен дедуктирует, а Еронка страдает

Не так уж неправ был Пыхачев, нахваливая мореходные качества «Победослава»: свыше семи тысяч морских миль от Понта-Дельгада до Гонолулу корвет бодро пробежал за двадцать два дня. Справедливости ради надо, однако, сказать, что все обстоятельства тому благоприятствовали: почти все время дул попутный ровный пассат, и грозный океан ни разу не заштормил по-настоящему. Самым опасным приключением оказалась встреча с одиночной морской волной.

Случилось это семнадцатого июля в аккурат на полпути к Сандвичевым островам, когда вахтенный начальник заметил изменившийся цвет морской воды и доложил о том старшему офицеру. Враницкий доложил Пыхачеву. Уменьшили ход, а потом и вовсе застопорились, чтобы измерить глубину. Лот нашел дно на восемнадцати саженях.

— Сколько-сколько? — не верил пытливый Канчевалов, протискиваясь сквозь толпу любопытствующих.

— Извольте убедиться. Ровно восемнадцать.

— Надо думать, мы нашли неизвестное прежде поднятие на Срединно-атлантической мели, — прокомментировал Фаленберг. — Полагаю, здесь могут быть и более мелкие места.

— Поразительно! — сказал Враницкому Пыхачев. — Держите малый ход, Павел Васильевич. Неровен час на мель сядем.

— Слушаюсь.

— И почаще измеряйте глубину.

Но уже спустя четверть часа лот показал глубину свыше ста саженей, а вскоре не нашел дна. Минут через десять море вновь резко обмелело.

— Под нами горы, — заметил Враницкий.

И без замеров было видно, как густая синь ленивых волн сменяется вдруг обширным пятном зеленоватой воды. Кинув за борт кошку, боцман Зорич вытащил пук водорослей с верхушки подводной горы.

Меньше восемнадцати сажен глубины, однако, нигде не нашли, и Батеньков объявил:

— Что ж, господа, наше открытие имеет научное значение и только-с. Значение его для судовождения крайне невелико-с.

С ним согласились. Кто-то из лейтенантов вспомнил мифическую Атлантиду, кто-то из мичманов — фантастическую Химерику. Батеньков посетовал, что у России до сих пор нет хорошего гидрографического судна — послать бы его в эти воды сезонов пять подряд, составить бы хорошую карту этой подводной горной страны...

— Разве она не составлена? — с недоверием спросил Корнилович.

— Кем?

— Ну хотя бы англичанами.

— Что составлено англичанами, о том мы достоверно знать не можем. На английских картах торгового флота обозначено большое поднятие дна к норду от нас. Тот район считается небезопасным для мореплавания. Два года назад французская экспедиция нанесла на карту обширный район мелей и подводных рифов к зюйд-осту от нас. Теперь вот мы... Нет, господа, тут работы еще на несколько лет. Дело того стоит. Представьте-ка себе вершину скалистой горы, притопленную аршин на пять, этакий острый зуб... Пока такой не обнаружен, но ведь все может быть. Удар, пробоина — и мы тонем на мелком месте в трех тысячах миль от ближайшей суши. Ну не обидно?

— Не то слово.

— А ведь верно — затонувший материк.

— То ли затонувший, то ли никогда и не выныривавший.

— Бог с ним, — махнул рукой Пыхачев. — Павел Васильевич, распорядитесь прибавить оборотов. Курс двести шестьдесят.

Из полосатой трубы гуще повалил дым, забурлила за кормой вода. То здесь, то там медленно проплывали мимо и уходили вдаль зеленоватые пятна — вершины подводных гор. Лейтенант Гжатский, сходявший к себе в каюту за фотографическим аппаратом, сделал наудачу несколько снимков, недовольно качая головой, — понимал, что на фотопластинке отпечатается заурядный морской пейзаж.

Старший офицер заорал на любопытных матросов, высыпавших наверх поглазеть на разноцветную воду. Бардак! Вахтенные, по местам стоять! Подвахтенные, в распоряжение боцмана! Где боцман? Остальным разгильдяям отдыхать, чтоб вас так и этак...

Не любивший ругани Пыхачев поморщился — и совсем ушел, когда вынырнувший откуда-то квадратный Зорич стал переводить распоряжения Враницкого в более популярную форму. Особым разнообразием лексикона боцман не блистал — брал горлом, изрыгая матерные проклятия мощнейшими, хотя и несколько сиплыми басовыми раскатами, и временами подбадривал нерадивого тычком пудового кулака. Собравшийся было сойти вниз отец Варфоломей остановился, прислушиваясь. В глазах священника заиграли озорные огоньки — должно быть, батюшка припомнил детство, прошедшее в каком-нибудь малом городке, где подобный раскатам грома рев полицейского урядника, а то и самого станового пристава, служит местной достопримечательностью не из последних.

— Смотрите! — ахнул вдруг кто-то.

Глаза отца Варфоломея остекленели. В обширной бороде открылся провал рта. Священник попятился, хватаясь за наперсный крест.

На миг воцарилось общее молчание.

— Господи! — ахнул Батеньков.

Быстро догоняя корвет, с востока шла громадная волна. Не встречая препятствий, она надвигалась бесшумно — гладкий синезеленый вал семисаженной высоты, протянувшийся от горизонта до горизонта. Проносясь над мелями, волна росла, и гребень ее норовил угрожающе загнуться. Все происходило в тишине. Чудовище подкрадывалось на мягких лапах.

Враницкий со всех ног бросился к рубке.

— Самый полный вперед!

— Есть, — Фаленберг, вахтенный начальник, перевел ручку машинного телеграфа со среднего на полный, а затем на самый полный. — Прикажете к повороту?

— Нет, — отрезал Враницкий. — Не успеем.

— Но...

— Молчите. Знаю.

Содрогаясь, «Победослав» увеличивал ход. Сориентировавшиеся офицеры и Зорич гнали вниз всех, кто не был нужен наверху.

Взглянув на накатывающийся вал, Фаленберг понял нехитрый замысел Враницкого. Повернуть, чтобы стать носом к волне, корвет не успеет. Вал придется принимать кормой; при этом скорость корвета пойдет ему во вред. Это риск, большой риск. Зато выгадываются несколько лишних секунд, может быть, четверть минуты, чтобы все, кто может, укрылись в чреве судна, а оставшиеся наверху закрепились.

«Либо всем жить, либо вместе тонуть», — подумал Фаленберг и, сняв фуражку, перекрестился.

Он не удивился решению старшего офицера, рискнувшего жизнью не кого-нибудь, а самого цесаревича. В начале похода Враницкий бы так, вероятно, не поступил. Но как можно теперь принимать решение, обрекающее нескольких моряков на вероятную гибель ради помятого императорского сыночка, пьяно храпящего сейчас у себя в каюте? Власти — хватит. Не хватит сил смотреть после этого людям в глаза.

— Живее! Шевелись! — кричали на палубе.

Несколько матросов полезли на ванты. Фаленберг видел, как немолодой кондуктор сноровисто привязывал себя к мачте. В рубку влетел Враницкий, хлопнул дверь.

— Сейчас начнется... Так держать! — Рулевому.

«Полный назад? — подумал Фаленберг. — Нет, поздно, толку не будет...» Он скосил глаза. Вал был рядом. Время как будто остановилось. Казалось, вал догоняет и не может догнать корвет, как Ахиллес черепаху. Но вот горизонт пополз вверх — стало быть, начала приподниматься корма. Потемнело. «Держись, братцы!» — закричал матрос на вантах.

И вал надвинулся. «Победослав» тяжело заскрипел всем корпусом и клюнул носом. Бушприт ушел под воду. На задирающуюся все выше корму лезла водяная гора. Став наклонно, корвет заскользил вниз. Ствол кормовой пушки задрался высоко в небо, как бы в намерении достать противника бомбой с небывалой еще дистанции.

«Господи, пронеси!» — взмолился Фаленберг. Как любой мало-мальски опытный моряк, он знал, что такое брочинг — потеря управляемости на попутной волне. Судно норовит стать к волне лагом,

а это оверкиль и верная смерть. И ничего нельзя сделать — только молиться, чтобы волна пронеслась как можно быстрее.

Верхушка вала накрыла корму. Фаленберг качнулся, но устоял на ногах. Вал взбурлил, словно взорвался, и бурлящее чудовище, теперь отнюдь не молчаливое, покатилося по палубе от кормы к носу. Визгливо сверлящий звук, вклинившись в рев воды, подсказал, что винт, должно быть, обнажился. Со звоном вылетели стекла, вода фонтанами ударила внутрь рубки. Секунду-другую ничего не было видно, кроме белой пены, но вот беснующийся гребень прошел мимо рубки. Внизу что-то трещало. Корвет выпрямился. Наступил самый опасный момент, когда середина судна погребена под водой, а нос и корма висят в воздухе. Никакое судно не рассчитывается на подобные нагрузки; оно может просто переломиться пополам. Кроме того, оно может опрокинуться, поскольку в таком положении практически лишено устойчивости. Кто из моряков не знает: на большую волну надо идти носом. Чем меньше времени судно напоминает вертел, продетый сквозь волну, как сквозь кусок мяса, тем в большей оно безопасности.

Но Враницкий решил иначе. На самом деле не так уж медленно катился пенный вал от кормы к носу, но людям казалось, что он просто остановился. И еще казалось, что корвет не валится набок только потому, что раздумывает, куда ему повалиться: на правый борт или на левый?

И явственен был треск в корпусном наборе...

Нос вдруг быстро пошел вверх. «Победослав» проседал кормой. Вал уходил. Еще несколько секунд — и он покатилося дальше на запад. Мокрый до нитки Фаленберг, не замечая крови, сочащейся из рассеченной скулы, вывалился из похужей на руину рубки и первым делом взглянул на восток — не идет ли еще одна волна?

Бог миловал. Там, где над вершинами подводных гор прокатился адский вал, царили тишь да гладь, если не считать хаотической зыби. Скоро успокоилась и она.

Фаланберг встал к штурвалу. Враницкий наседавал на пящегося от него рулевого, прижимающего ладони к посеченному осколками стекла лицу.

— Покажи, говорю! Не бойся. Тьфу ты, институтка какая... Смирно! Руки по швам! Во-от... Ну, гляди веселее, счастлив твой бог,

глаза целы... Марш к Аврамову!

С мачт и из трюмов муравьиными вереницами потекли люди. Посыпались смешки — у многих отлегло на душе.

— Как это меня снизу поддаст, братцы, — я и кувырк! — изливал душу курносый матрос. — Ну, думаю, всем амба. То ли к морскому царю идем в гости, то ли рыбам на прокорм. Бимсы трещат. Того и глади орудия с рельсов сорвутся. Натерпелся я страху...

— Штаны сухие?

— А иди ты! — обижался рассказчик и вновь трещал словами, как семечками, спеша донести до товарищей всю глубину своих переживаний.

Сорвало и разбило о рубку одну из купленных в Понта-Дельгада шляпок. Из людей не унесло никого. Один матрос, баюкающий сломанную руку, был уведен в лазарет. Ссадин и синяков было предостаточно. Шальных взглядов — еще больше.

— Господа, что это было? — спрашивал у всех любознательный Завалишин, прижимая носовой платок к ссадине на скуле.

— Одиночный вал, — пожал плечами Батеньков.

— Да, но в чем причина?

— Трудно сказать определенно. Возможно, волну породило извержение подводного вулкана или землетрясение. Под нами ведь целая горная страна. О таких волнах известно, что они тем выше и круче, чем меньше глубина моря.

— А я читал, что японцы с такими волнами хорошо знакомы, — добавил Канчялов.

— Теперь и мы знакомы благодаря им, — едко заметил Свистунов. — Нам до них еще пол-океана, а они нас, выходит, уже учат.

— Перестаньте!

Появившийся на мостике Пыхачев послал мичмана Тизенгаузена справиться, как чувствует себя его императорское высочество, и доложить.

Пыхачев беспокоился зря: цесаревич не получил ни царапины. Изрядно откушав накануне мадеры из пополненного на Азорах запаса спиртного, он почивал тяжелым сном и не проснулся от того, что был внезапно сброшен на пол каюты. Водружение же сонного тела обратно на кровать, по мнению Тизенгаузена, было делом дворецкого и

камердинера наследника престола, но никак не мичмана российского флота.

Впрочем, докладывать об этом Пыхачеву он не стал, ограничившись словами «все благополучно» — да и эти слова произнес с деревянным равнодушием. Лишь очень внимательный наблюдатель мог бы заметить, как презрительно дрогнула тонкая губа остзейца.

— Благодарю вас, ступайте, — холодно поблагодарил Пыхачев.

— Осмелюсь доложить еще об одном обстоятельстве, ваше высокоблагородие. Печать на двери каюты, занимаемой прежде господином статским советником Лопухиным, сорвана, и дверь распахнута настежь.

Каперанг дважды моргнул, не понимая. Затем начал меняться в лице.

— Что-о?!

— Так точно. Печать сорвана, дверь распахнута...

— Тише! — Пыхачев боязливо оглянулся. — Вот что, мичман. Найдите полковника Розена, срочно. И никому — слышите? — никому ни звука...

— Ну вот что, голубчик, — пять минут спустя говорил каперанг хмурому Розену. — Вы уж постарайтесь как-нибудь сами разобраться с этим делом. Ну а я со своей стороны помогу вам чем могу... Да, а не могла ли дверь как-нибудь сама собой распахнуться, когда налетела волна? Не очень-то надежны, по моему мнению, эти врезные замки...

— Сего не могло произойти ни в коем случае, — качнул головой Розен. — Видите? Вот здесь отметина. И здесь. Это взлом, причем грубый.

Присутствующий при сем Враницкий осветил замок переносным керосиновым фонарем и кивком согласился с мнением полковника.

— Павел Васильевич, — с мукой мученической в голосе обратился Пыхачев к старшему офицеру, — не возьметесь ли вы обеспечить содействие в... м-м... э-э... прояснении обстоятельств взлома? Право, надо разобраться. Не в службу, а в дружбу. За судном я уж сам пока пригляжу.

— Слушаюсь, — без энтузиазма козырнул Враницкий.

Каперанг еще потоптался без дела, поохал, повздыхал, затем вытянул из кармана носовой платок и обстоятельно высморкался.

— Представить себе не могу, что в команде завелись воры, — проговорил он, спрятав платок на место. — Да к тому же еще и взломщики... Стыд-то какой, господа... Боже, что делается, что делается...

Еще раз тяжело вздохнул и удалился, сокрушенно покачивая головой.

— Это намек? — прямо спросил Розен, как только Пыхачев оказался вне пределов слышимости.

— Вы о чем? — изобразил непонимание Враницкий.

Страшный шрам на лице Розена менял цвет на глазах.

— О том, можем ли мы с вами доверять друг другу. Вы тоже убеждены, что дверь была взломана ради кражи?

— Нет, — признался Враницкий и от облегчения даже лицом просветлел. Старший офицер «Победослава» не любил темнить.

Розен улыбнулся. В скудном свете настенных светильников и «летучей мыши» его улыбка производила впечатление даже на Враницкого.

— Приятно иметь дело с умным человеком...

— Но и не отбрасываю эту версию окончательно, — сейчас же поправился Враницкий. — За свою команду я ручаюсь. Не первый год. Молодец к молодцу. Нет воров. Буяны есть, а воров и взломщиков ищите в другом месте.

— Гардемарины? — спросил Розен и сам же махнул рукой. — Нет, это вряд ли. У мальчишек вся карьера впереди, зачем им?..

— Совершенно согласен. Простите, я должен задать вам вопрос...

— Извольте.

— Ваши морские пехотинцы?

— Исключено, — отрубил Розен.

— Вы уверены?

— Как в себе самом. Своих людей я сам подбирал. Я их знаю.

— Хм...

— Сомневаетесь?

— Ничуть.

— Стало быть, с чего начали, тем и кончили, — констатировал Розен. — Вряд ли это простое воровство. Боюсь, тут кое-что похуже...

Давайте-ка пройдем внутрь и взглянем. Не возражаете?

В каюте, некогда занимаемой статским советником Лопухиным, держался устойчивый запах нежилого помещения. Хуже того: помещения давно запертого, да еще в тропиках. Пахло пылью, нагретым металлом, плесенью, чуточку табаком и еще чем-то не слишком приятным, возможно, крысами. Было темно и жарко. Немного возни — и в раскрытые иллюминаторы хлынул солнечный свет. Потянуло свежестью.

А еще в каюте статского советника царил разгром. Чемоданы были распахнуты, их содержимое вытряхнуто на пол. Отдельной кучкой покоились вещи из опустевшего саквояжа; по-видимому, в них копались особенно тщательно. Розен лишь покривил губы, узрев набор отмычек и массу других предметов в том же роде, порожденных прогрессом цивилизации. Несгораемый шкаф лежал дверцей вниз. По царапинам на полу было видно, что он не просто свалился, но еще и проехал юзом добрых два фута. Ну, это не взломщик постарался, это волна...

Каюту Лопухина Розен прежде навещал всего дважды, оба раза более месяца назад, причем второй раз совсем бегло — при опечатывании ее. Это почти ничто для обыкновенного человека, но очень много для генштабиста с профессиональной памятью. Достаточно мысленно закрыть глаза — и можно увидеть эту каюту такой, какой она была до разгрома. Если пропало что-то из того, что тогда лежало на виду, это выяснится в течение нескольких минут.

Розен подобрал с пола дагерротипный портрет в рамке. Взглянул и положил на стол изображением вниз. На вопросительный взгляд Враницкого не ответил: если старший офицер еще не слышал сплетен о великой княжне и Лопухине, то их пересказ ничем не поможет. Если слышал, слова излишни. И вообще все это вздор! Не в великой княжне дело.

О чем жалел полковник, так это об отсутствии Лопухина. Личная неприязнь — тоже вздор! Главное, было бы кому квалифицированно заняться расследованием. Надо думать, к этому моменту у статского советника имелось бы полдюжины версий, из коих половина уже была бы отброшена велением логики и дедукции...

Ничего не попишешь. Придется самому.

— Помогите-ка...

Вдвоем они не без труда поставили несгораемый шкаф на короткие ножки. Розен потянул за ручку, повертел ее так и этак, дернул что есть силы. Заперто. Ага.

— Кажется, взломщик явился сюда ради содержимого этого шкапа. Взгляните-ка, Павел Васильевич, он пытался его вскрыть. Полагаю, ему сие не удалось. А перед этим он шарил в личных вещах, белье вон вывалил... Не сочтите за труд, загляните в гардероб — там тоже разгром?

— Точно.

— Естественно. Ключ от шкапа Лопухин мог держать, например, в кармане мундира. Взломщик очень спешил, ему было недосуг обращаться с вещами аккуратно. Но самое большое внимание он, как видите, уделил саквоюжу. Однако, по всей видимости, не нашел ключа и там.

— Почему вы так думаете? — нахмурился Враницкий, пытаясь поспеть за силлогизмами генштабиста.

— Потому что он пытался взломать несгораемый шкаф тем же орудием, каким взломал дверной замок. Вот взгляните — грубые царапины... Нет, ключа он не нашел, и отмычка ему не помогла. До содержимого шкапа взломщик не добрался. Если бы он преуспел в задуманном, зачем бы ему вновь запирать дверцу? Он ведь не мог уничтожить следы взлома двери каюты и понимал, что его... гм... выходка откроется очень скоро. Вы понимаете?

— Кажется, да. Продолжайте.

Розен в задумчивости потер подбородок и, ощутив кончиками пальцев некую шершавость, свидетельствующую о пробивающейся щетине, недовольно поморщился.

— Итак, вывод первый. В первую голову взломщика интересовало содержимое несгораемого шкапа. Согласны?

— Целиком и полностью, — кивнул Враницкий.

— Кстати. Вам случайно не известно, что находится внутри?

— Деньги.

— Ну, это многим известно. Вопрос заключается вот в чем: интересовало ли взломщика что-либо другое? Могут ли в шкапу находиться какие-нибудь секретные документы?

— А вы как полагаете?

— Я полагаю: не только могут, но даже должны.

— Весьма вероятно. — Враницкий морщил лоб, шевелил надбровьями. — Погодите-ка... Накануне выхода из Кронштадта на борт поднимались курьеры. Из Жандармского, насколько я понимаю. Кажется, двое... или трое?.. Нет, вспомнил: точно двое. Один с портфелем, другой с большим пакетом. Надо думать, документы в шкапу имеются.

Розен кивнул.

— Документы из Третьего отделения. Предположительно: особые сведения о команде «Победослава», а также обо мне и моих людях. Много бы я дал, чтобы хоть одним глазком взглянуть на эти бумаги... Скажите, кто, где и как может законным образом вскрыть этот шкаф?

— Специальный чиновник при нашем консульстве в Иокогаме, — ответил Враницкий после основательного раздумья. — И то если получит на то санкцию Третьего отделения. В противном случае шкаф уедет в Петербург и будет вскрыт только на Литейном... Господин полковник, вы что задумали?

Тревога, отразившаяся на лице старшего офицера, заставила Розена чуть заметно улыбнуться.

— Не беспокойтесь, Павел Васильевич, на шкаф я не покушаюсь. Но вот что пришло мне в голову... Благодаря графу Лопухину разоблачены и обезврежены два враждебных агента на борту. Один убит, другой сидит под замком. Но сколько их было всего — двое ли? Вы можете поручиться, что на корвете среди нас нет третьего?

Лоб старшего офицера мгновенно покрылся испариной. Враницкий покачал головой.

— А я с некоторых пор об этом думаю, — невесело сказал Розен. — Теперь же почти уверен. Быть может, враг лопатит сейчас палубу над нами, а то и того хуже: командует матросами, проводит свободное время в кают-компании, хороший товарищ и признанный весельчак, шутит, в шахматы играет...

— Офицер? — Враницкого передернуло. Сердито сдвинув брови, он повысил голос. — Нет. Невозможно. Исключено. Кого конкретно вы подозреваете? Назовите имя!

В этот миг Розен едва не растерялся: назвать было некого. Но и признаться в этом было невозможно: старший офицер мгновенно повернул бы дело в свою пользу. Только сейчас, мысленно обругав себя за непонятливость, Розен понял: Враницкому нет дела до

следствия, но есть очень большое дело до репутации судна и, разумеется, его команды. Что такое работа сыщика (к которой, по правде говоря, и сам полковник не пылал любовью), он не знает и не желает знать. Поддерживать порядок — может и даже любит. В остальном бесполезен.

Следовательно, придется рассчитывать только на себя.

— Пока я не могу назвать вам имя, — нашел выход Розен. — Это преждевременно. У меня нет доказательств, и мне не нужна атмосфера подозрительности на борту. К тому же я могу ошибаться. Скажите лучше, когда примерно вы в последний раз видели дверь каюты запертой и опечатанной?

— Могу сказать не примерно, а точно, — холодно ответил Враницкий. — В тринадцать часов тридцать минут. Прямо отсюда я поднялся наверх и приказал делать промеры глубин. Поднимаясь по трапу, взглянул на часы.

— Примерно за час до прихода большой волны?

— Совершенно верно.

— Кто из офицеров был все это время наверху неотлучно?

Враницкий ненадолго задумался.

— Капитан-лейтенант Батеньков. Лейтенант Фаленберг. Мичман Корнилович.

— Благодарю вас. Ну что ж... — Розен обвел взглядом каюту. — Похоже, нам здесь больше нечего делать. Благоволите распорядиться запереть каюту на всякий замок и передать мне все ключи. Да, и вот еще что, Павел Васильевич... Личная просьба. Не надо придавать большое значение этому... инциденту. Зачем нервировать команду допросами и обысками? Своей цели взломщик ведь не достиг, а цель его — для всех — заключалась в деньгах, не так ли? Не в наших интересах поднимать тему секретных документов.

Насторожившийся Враницкий облегченно вздохнул.

— Именно. Душевно рад, что вы это понимаете.

— О чем речь. Одно дело делаем. Значит, для всех, исключая нас с вами и командира, на борту, по всей видимости, имела место неудавшаяся попытка кражи денег. Ввиду деликатности нашей миссии, а равно и малозначительности происшествия, решение не предавать инцидент широкой огласке вряд ли покажется странным, верно?

— Да.

— Так и сделаем.

Пока старший офицер ходил распорядиться насчет замка, Розен задумчиво курил возле иллюминатора, гурмански наслаждаясь миазмами табака в контрасте с морской свежестью. Потом окурок улетел в Великую Атлантику, а Розен пошел по каюте мелкими шажками, еще раз осматривая ее.

Боже, сколько тут было лишнего! Прежде всего мебель — массивная, с завитушками. Ни у кого на корвете больше нет такой — сгорела в топках и вылетела дымом в трубу, когда убегали от пиратов. Мебель, купленная в Понта-Дельгада, совсем другого фасона, коротко сказать — плебейского. Рама да тощий тюфяк — вот и кровать. И стенных панелей из дуба больше нигде на корвете нет, кроме этой каюты, и шелковых обоев... Трость Лопухина — и та сгорела бы в топке как миленькая, поскольку деревянная.

Розен подобрал с пола трость, сразу подивившись ее необычной тяжести. Усмехнулся углом рта: знаем, мол, эти штучки. Клинок внутри? Так и есть, клинок. Гм, странно короткий, дюймов двадцать пять всего... Ага, тут не только клинок! То-то резная рукоять не совсем удобно лежит в руке...

Улыбаясь и покачивая головой, полковник осторожно осмотрел рукоять клинка. Вделанный в нее однозарядный пистолет имел небольшой калибр и, вероятно, был рассчитан на слабый патрон, но Розен не обманывался: на близком расстоянии и из такого оружия запросто можно ухлопать противника наповал. Стало быть, вот вы как, господин из Третьего отделения? Фехтовать, надо думать, умеете, но к чему вам подвергать себя случайностям? Оч-чень, оч-чень благородно!

С брезгливой осторожностью, дабы не произвести выстрел, нечаянно надавив на резную завитушку, служащую спусковым крючком, Розен убрал клинок в ножны, тоже показавшиеся тяжеловатыми, и отставил трость в сторону. Лишний предмет, мешающий думать.

Но ничего не придумывалось, хоть колотись головой в переборку. Кто мог совершить взлом? Многие. У Батенькова, Фаленберга и Корниловича, похоже, есть алиби, но сие еще нуждается в подтверждении. У остальных офицеров, унтеров и нижних чинов никакого алиби нет. Перед приходом волны очень многие

ротозейничали наверху, дивясь на цвет воды и следя за промерами глубин. Кое-кто спускался вниз, например, лейтенант Гжатский...

Ну и что?

Допросы не помогут, а только навредят, это ясно. Но если вести осторожные расспросы — непринужденно, между делом? Поговорить сначала с Гжатским, сразу дав ему понять, что уж он-то вне всяких подозрений, затем с другими офицерами, сопоставить полученные от них сведения и поймать злодея на сознательной неточности, как делают знаменитые сыщики из бульварных романов... Нет, чушь. Не так это просто, как в романах расписано. Люди не персонажи, они сложнее. Они не только способны лгать — они еще ошибаются, заблуждаются, забывают важные подробности... К тому же их не десяток, а полторы сотни. Получится схема, анализ которой окажется не под силу уму одного человека, даже генштабиста. Да и можно ли вообразить себе непринужденную беседу между полковником и нижним чином? Нет, больших надежд на этот метод возлагать не стоит...

В справедливости данного умозаключения Розен убедился очень скоро — как только, заперев каюту Лопухина на преогромный висячий замок и вновь опечатав ее, нашел лейтенанта Гжатского и имел с ним непродолжительный разговор тет-а-тет. Честный лейтенант и знаменитый изобретатель сначала только моргал удивленными глазами, явно ничегошеньки не понимая, а потом пытался вспомнить, не видел ли он кого-нибудь в коридоре, спускаясь к себе за фотографическим аппаратом, — и не вспомнил.

Беседы с другими офицерами также не внесли ясности. Остро, остро не хватало «цербера» — графа Лопухина! Уж он смог бы! Он вычислил бы всех тайных врагов, одного за другим...

В сотый раз проклиная отсутствие ненавидимого «жандарма», вполне возможно, покойного, Розен был поражен внезапной мыслью. Причина взлома стала ясна. За сравнительно недолгое пребывание на «Победославе» статский советник Эн Эн Лопухин сумел разоблачить и обезвредить двух британских агентов. Был ли он убежден в том, что их только двое?

Теперь Розен почти не сомневался: Лопухин был убежден в обратном. Он знал о присутствии третьего или хотя бы догадывался о нем.

На основании чего?

На основании тех бумаг, что лежат сейчас запертые в несгораемом шкафу. Лопухин часто и подолгу сидел в своей каюте, без сомнения занимаясь анализом фактов. Вполне вероятно, что он делал письменные заметки. Очень трудно вести такую работу в уме.

Вот что, по всей видимости, искал взломщик! Бумаги, в которых мог содержаться намек! Негодяй пошел на серьезный риск, чтобы уничтожить компрометирующие его бумаги! Наверняка он прихватил бы и деньги, чтобы втихую подбросить их в чей-нибудь рундучок, — ведь в случае успешного взлома несгораемого шкафа поголовный обыск стал бы неизбежен...

Вывод не принес облегчения: враг был умен. Даже очень умен. В чем-то он опережал Розена, и тот понял в чем, хотя и не сразу: негодяй не списывал Лопухина со счетов. Затаившийся враг допускал вероятность того, что беспокоящие его бумаги покинут несгораемый шкаф еще до Владивостока, а возможно, и до Иокогамы. Но может ли это случиться без участия Лопухина?

Крайне маловероятно.

— А ведь эта сволочь ставит «цербера» куда выше, чем я, — бормотал себе под нос полковник, раскуривая у фальшборта очередную «канберру». — Но это зря. Если он жив, то в плену, а что такое каторга у исландцев, всем известно. Даже если сумел сбежать — все равно он сейчас на другом краю света. Чудес не бывает, но если Лопухин в ближайшее время объявится вновь, я поверю в чудо...

День проходил за днем, вахта сменяла вахту, короткими южными вечерами солнце исправно валилось в пылающий океан. Диковинные и глупые летучие рыбы, бывало, стучались в полете о борт и, оглушенные, падали в воду, чтобы тотчас угодить в чью-нибудь зубастую пасть. Гремели короткие тропические грозы. Иногда разводя пары, но чаще пользуясь силой ветра, «Победослав» не слишком быстро, но неуклонно приближался к Сандвичевым островам.

Отобрав из своих морпехов полдюжины тех, кому верил как себе, Розен поручил им нести караульную и охранную службу вокруг особы цесаревича. Последний, если не напивался у себя в каюте, мог оказаться в любом месте судна, но чаще всего направлял стопы в кают-компанию, встречаемый там холодно-официально и не замечавший

этого. Здесь Розен брал охрану на себя — всегда при оружии и в готовности применить его.

Ничего, однако, не происходило. Не только ничего угрожающего, но и ничего подозрительного.

Совсем ничего.

Темнея лицом, Розен выжидал. Не ошибся ли он в выводах?

Нет.

Почему нет — сейчас Розен уже не сумел бы внятно объяснить. Просто нет. Он так чувствовал. Он уже мог рассматривать свое чутье как аргумент.

Преимущество первого хода оставалось за противником. Но время работало против него. Время работало на Розена.

— «Здравствуйте», — произнес граф, строго глядя на слугу. — А также «добрый день».

Еропка имел несчастный вид.

— Кони... кони... — забормотал он, зверски морща лоб и двигая ушами.

— Ну?

— Кони... сейчас... господи боже мой, царица небесная, ведь знал же!.. Кони...

— Не верблюды? — поинтересовался Лопухин.

— Обижаете барин, — укорил Еропка. — Стыдно вам так-то надо мной измываться. Кони... Ну что за язык поганый, прости господи! Ты ему как человеку здравствовать желаешь, а он тебя в ответ лошадьё бесчестит! Кони...

— Коннити... — подсказал Лопухин.

— Коннити ва! — радостно выпалил Еропка, вспомнив урок.

— Посредственно. Теперь «до свидания».

— Это помню! Это у них по-японски рыба морская. Сайра называется. А в ней внутри еще «она», потому что сайра — это она, а не он и не оно. Значит, получается сай-она-ра. Сайонара, вот!

— Ладно. Теперь благодарность. Как сказать «спасибо»?

— Ори, — сказал Еропка. — Ори на гада. А перевернуть поихнему — получается аригато.

— Дельно. «Жить».

— Суму. С сумой, значит. Худо японцы живут, надо думать. Я слышал, будто они одним рисом питаются. Оттого и злые очень. Беспощадный народ. Ихние дворяне сами себе животы саблями порят от таких-то харчей. Конечно, ежели каджый божий день тебе на завтрак рис, на обед рис и на ужин опять рис, так и озвереть недолго...

— Не заговаривай мне зубы. «Японец».

— Нихо... нипо... нихре...

— Забыл?

— Запамятовал, барин.

— Нихондзин, — тихонько подсказал Нил, сидевший с книжкой в уголке тихо, как мышь. Слов не понимал, но увлеченно рассматривал картинки. Как оказалось, еще и прислушивался.

В ответ слуга одарил мальчика неприязненным взглядом: ишь, мол, умник! Больно шустер. Гляди у меня!

— «Город», — продолжал Лопухин.

— Мати. — Еропка враз просветлел лицом. — Это, барин, просто. Каждый догадается. Вроде как Москва-матушка.

— Ладно. «Гора».

— И это просто. Яма. У энтих азиатов все шиворот-навыворот.

— «Идти пешком».

— Аногимас... то есть арукимас. Ну вот видите, барин? При чем тут руки, если идти? На руках они там в Японии ходят, что ли? Ногами кверху? Абракадабрский язык, право слово.

— «Плохой».

— Кради... Нет, варуй. Точно, варуй. Вот это, я вам скажу, барин, еще на что-то похоже. Кто ворует, тот разве хороший человек? Он даже по-японски плохой.

— Ладно. Теперь «раздвижная перегородка в доме».

Еропка вспотел.

— Да я, барин, не то что выговорить по-японски — я себе представить это не могу!

— Мели, Емеля... Фусума. Запомнил? Фусума. Повтори три раза.

Пытка японским языком продолжалась еще четверть часа, полчаса, час — с каждым днем все дольше по мере увеличения словарного запаса. Изучая язык сам, Лопухин требовал того же и от слуги. На практике же выходило, что Нил, которого граф вовсе не

отягощал изучением японского, делал бОльшие успехи, улавливая чужой язык с голоса.

Спасенный японец, отпоенный рыбным бульончиком, пришел в себя удивительно быстро. Первые дни он только и делал, что спал и ел, а в промежутках дичился, вызывая в матросах жалость несколько брезгливого свойства: уж не психический ли? Однако с течением времени, видя вокруг себя сочувствующие или улыбающиеся физиономии, японец научился улыбаться в ответ, скаля крупные неровные зубы, освоился и был признан человеком, хотя и странным. До работы его не допускали, кормить после жестокой бульонной диеты мало-помалу начали вволю. По-русски он не знал ни слова, зато, к радостному изумлению Лопухина, умел с грехом пополам объясниться по-английски.

Звали его Кусима Ясуо. В свои тридцать лет он успел послужить в англо-японской пароходной компании, не пережившей недавней гражданской войны, ходил в Шанхай, а однажды даже в Гонконг и знал судовые механизмы. Однако клан, владевший японской частью предприятия, на свою беду поддерживал сиогуна против микадо... нет-нет, обошлось без казней и самоубийств, но клан потерял влияние, а это в Японии подчас хуже, чем сеппука главы первенствующего в клане семейства. Вместе с влиянием клан потерял несколько предприятий, в том числе свою долю в пароходной компании, отошедшую к могущественному клану Тёсю. Многие простые матросы не захотели служить клану Тёсю; не захотел и Кусима. В ожидании настоящей работы он временно нанялся на рыбацье судно из Тоёхаси...

— Тайфу! — в ужасе произносил он, пуча глаза, и раскачивался, картинно схватившись за обритую голову. — Hurricane! — вспоминал он английское слово. Выходило, что в поисках рыбы капитан увел джонку далеко в океан и не поспешил вернуться в залив Исе, увидев предвестники большой бури. Кто ждет гнева божеств ветра и моря в месяце сацуки?

Промедление обернулось бедой. Жестокий шторм налетел, когда берег был уже виден. Ветер переломил мачту с такой легкостью, словно это была палочка для еды. Удивительнее всего было то, что бескилевое суденышко не опрокинулось. Ураган потащил джонку в открытый океан. Трещал корпус; громадные волны перекатывались

через палубу, смывая людей; оставшиеся в живых молились о том, чтобы все скорее кончилось, все равно как. Лишь на пятый день ветер стих, и волнение улеглось. Шестеро рыбаков, оставшихся на борту, выбрали другого капитана — толстого Муги, так как он приходился дальним родственником владельцу джонки. Опытный Кусима остался простым матросом — он был чужак и должен был знать свое место.

Глупец Муги распорядился так, что установка фальшивого рангоута растянулась еще на четыре дня. Когда наконец-то смогли поднять парус, наступил штиль.

По звездам поняли, что ураган зашвырнул суденышко далеко на север. Ночной холод и частые туманы подтверждали это. Ветра не было; лишь на рассвете и закате слабые дуновения едва-едва шевелили парус. Джонка дрейфовала по воле течения. У рыбаков заканчивался рис, но ловилась рыба. Все терпеливо ждали.

Однажды утром туман рассеялся и уже никогда не сгущался. Стало очень тепло. Морская вода, поднятая в бадье для умывания, уже не леденила руки, а чуть ли не грела их. И впервые прозвучало слово «Куросио».

Даже Муги пришел в ужас. Какой японец не знает о теплом океанском течении, уносящем рыбаков на верную гибель от голода и жажды! И верно: рыба перестала ловиться сразу. Пресной воды осталось совсем мало, да и та начала портиться. А ветра все не было. С каждым днем течение уносило суденышко все дальше в океан. Уныние охватило рыбаков...

Дальнейший рассказ Кусимы не отличался связностью, и Лопухин не настаивал на подробностях, понимая, что пришлось пережить бедняге. Понятно было только то, что изредка ветер все же просыпался, и вместе с ним просыпалась надежда — но все было тщетно. Джонка оставалась в плену течения. Пища кончилась. Сошел с ума и выбросился за борт юнец Согоро, вбивший себе в голову, что его непременно убьют и съедят. Силы покидали людей. Через неделю после самоубийства мальчишки мысли о людоедстве сделались неотвязными. Как чужак Кусима не расставался с ножом и спал чутко.

Изредка удавалось поймать рыбешку или обессиленную морскую птицу, севшую на снасти отдохнуть. Без этих скудных подачек океана люди протянули бы недолго. Богам моря хотелось, как видно, продлить забаву.

На какой день задул свежий ветер, Кусима не помнил — давно сбился в счете дней. У рыбаков оставался лишь один шанс из ста или, вернее, тысячи: править на юг, только на юг, вырваться из плена проклятого течения, затем взять курс на запад и, уповая на дары океана, собирая дождевую воду, может быть, достичь островов Рюкю раньше, чем голод и жажда сделают свое дело. Ничего другого все равно не оставалось.

Но ветер нагнал волну, начался шторм, не такой уж и сильный, однако ставший роковым для изможденных, с трудом передвигающихся людей. После многочасовой болтанки треснула и фальшивая мачта. Свалившись за борт, она была в корпус, как таран, пока Кусима не перерубил ванты.

Течь в трюме удалось остановить, но что толку? Последняя беда подкосила волю. Если бы даже на джонке имелся еще один запасной рей с запасным парусом, не говоря уже о мачте, это уже не помогло бы. У людей просто не осталось ни физических сил, ни воли к сопротивлению Судьбе.

— Бедняга! — сочувственно качали головами матросы, до которых горестная история японца дошла в искаженном переводе и несколькими пересказами виде. — Жуть, братцы! Прямо мурашки по коже. Капитан-то ихний — слыхали? Распорол себе живот вот такенным ножиком, хватъ свою печень да и давай ее себе в рот пихать сырую. Вот до чего людей голод доводит.

— Тьфу, пакость!..

— Японцы, они, говорят, отчаянные, да. Такой уж народ.

— Нехристи, одно слово.

— Ну ты, крещеный... Забыл, как на Груманте из-за тухлой похлебки со Степаном Кривым подрался? Я-то помню. Ты-то вот здесь, языком мелешь, еще теплые страны повидаешь, а Степка-то так в шахте и сгинул...

— Сам ты языком мелешь! Кто ты есть, чтобы меня учить? По какому закону? Мой грех, я отмолю. А еще раз в разговор встрянешь — я еще один грех на душу возьму, за ради тебя специально...

— Цыц, ты! Ну что прицепился? Дай человеку дорассказать. Кому неинтересно, тот не слушай. Как же это получается, что он не помер сразу, а?

— А и помер. Брык и пятки врозь. А изо рта печенка торчит.

Несколько дней все разговоры на «Святой Екатерине» вертелись исключительно вокруг спасенного японца и обычаев его страны. Капитана Кривцова это устраивало в высшей степени, а Лопухина и подавно.

— Если не произойдет ничего непредвиденного, то неприятности с командой теперь возникнут в Гонолулу, не раньше, — сказал он Кривцову.

— Я рад, что мы оба понимаем: неприятности еще будут, — отвечал Кривцов. — Разве это команда?

— Другой у нас нет. Главное быть готовым. На Сандвичевых островах я намерен решить этот вопрос раз и навсегда. Да! — спохватывался вдруг Лопухин. — Это течение... Куро-Сиво, верно? Мы в нем? Оно замедляет наш ход?

— Не беспокойтесь, мы южнее. Здесь и ветра более приемлемые для нас... Разве вы не заметили, что становится теплее? Фактически мы уже в субтропиках.

Нотку снисходительности в его голосе, столь естественную в разговоре моряка с сухопутным, Лопухин предпочитал не замечать. Вникать чересчур глубоко в вопросы судовождения граф не собирался, у него и так хватало забот.

Во-первых, изучение японского языка и обычаев страны — раз уж на борту оказался японец. Глупо было бы не воспользоваться случаем. Началось все с жалкого часа в день — больше измотанный Кусима поначалу не выдерживал — и дошло до трех-четырёх часов ежедневно к большому неудовольствию Еропки, жалующегося, что японский язык еще хуже «Одиссеи» проклятого грека. Потакать безделью слуги Лопухин, однако, не намеревался.

В разряд «во-вторых» попал Нил. С юнгой граф занимался не менее часа в день, внедряя в его голову правописание, математику и историю. Географией и основами навигации с Нилом занимался Кривцов. Если учесть, что никто не освобождал выздоровевшего юнгу от двух ежедневных вахт, жизнь мальчишки никак нельзя было назвать праздной.

В-третьих, не менее часа в день граф и его слуга занимались французской гимнастикой. По мере того как баркентина спускалась в южные широты и забортная вода для обливания торса становилась

теплее, мнение иных матросов о барине как об изувере-кровопийце понемногу менялось.

Наконец, в-четвертых и в-главных, по-прежнему много времени граф проводил наедине сам с собой, запершись у себя в каюте. Оттуда сквозь иллюминатор вился дымок табачного пиратского зелья и временами доносился надрывный кашель. «Думает!» — сообщали друг другу матросы, поднимая вверх палец, кто с уважением, кто с издевкой. Один раз в коридоре возле каюты была обнаружена матая бумажка, исписанная, а больше изрисованная рукой графа — какие-то непонятные буквы, стрелки, квадратики и кружочки. Барская заумь, словом.

В такие часы Еропка блаженствовал и если не шел поболтать с подвахтенными, то спал или ковырял в носу. Беззаветному лодырю, каким может быть только русский слуга, и в голову не придет зубрить в свободное время японские слова, выполняя приказ барина, и пусть тот хоть лопнет от злости! Из-под палки и под присмотром — ну так и быть. Хотя баловство. Самостоятельно — ищи дурака!

Часы безделья кончались внезапно и всегда одинаково.

— «Вареный рис», — требовал японского перевода барин.

— Это сарачинская каша, что ли? — брезгливо кривился Еропка. — Гохан. Простое слово, от нашего «охать».

— «Палочки для еды».

— Супун.

— Врешь, это ложка.

— Ну и правильно, — строптивничал Еропка. — Ложкой суп едят, а чем едят — это супун. Тоже, палочки какие-то выдумали!

— В третий раз тебе говорю: японцы едят рис палочками.

— Ну так ложкой же удобнее!

— Японцы так не думают.

— Но мы-то с вами не японцы, барин!

— Хаси. Чтоб завтра знал. Не выучишь это слово — заставлю учиться есть палочками. Кусима научит.

Еропка тяжело вздохнул, постанывал, пытался выдвигать слезу — все напрасно. Барин на уступки не шел. Барин был кремень. При таком барине слуге оставалось лишь страдать.

Но был бы он иным — разве стоило бы служить такому? Тьфу! Известно, отчего чаще всего страдает русский человек.

Оттого, что сам этого хочет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой Акакий Фразибулович Царанко, оставаясь в тени, демонстрирует гениальность

Министерство двора в громоздкой бюрократической машине Российской империи — не самая заметная и, признаем это с риском быть обвиненными в отсутствии верноподданических чувств, не самая важная деталь, стоящая вдобавок особняком. Тем не менее от него непосредственно зависит благополучие многих тысяч людей, а опосредованно — десятков тысяч.

У министра двора множество забот, главная из которых отнюдь не организация торжественных приемов, дворцовых увеселений и заграничных поездок царской семьи, как думают иные малосведующие люди, и даже не подбор дворцовой обслуги, а управление имуществом августейшей семьи. Хороший министр двора похож на опытного управляющего, в свою очередь имеющего под своим началом главноуправляющего делами с несколько скопидомскими наклонностями. Рисковать оба не любят, часто предпочитая меньший, зато верный барыш.

С точки зрения большинства населения, особенно крестьянского сословия, между «казной» и личными средствами батюшки-царя такая же разница, как между жерехом и шереспером или лабарданом и треской. Статочное ли дело, чтобы сам «государь-анператор» не мог взять из казны денег сколь ему потребно? Кто grit «нет»? Ты это чаво, очкастый, к становому захотел? Хватай, мужики, сицилиста!

Нельзя, однако, сказать, что просьбы — именно просьбы — министра двора об увеличении в данном году ассигнований на нужды императорской фамилии ни разу в российской истории не звучали на заседаниях Бюджетного комитета. Звучали и удовлетворялись. Нельзя сказать и то, что они звучали часто. Совсем наоборот. Широкая публике не было известно, что ныне здравствующий император Константин Александрович за свое четвертьвековое царствование ни разу не залез в государственный карман глубже, чем позволяли законы

и обычай. Зато и пришлось же поизворачиваться министру двора! Помимо фиксированной и много лет не пересматривающейся суммы ежегодных ассигнований из Государственного казначейства доход императорской семье приносили земли со средневековым названием «удельные», виноградники и фруктовые сады, преимущественно крымские, конные заводы, рудники и промыслы, ценные бумаги и банковские вклады. Этого подчас катастрофически не хватало, особенно принимая во внимание категорический запрет вкладывать деньги в какие-либо иностранные или русские частные предприятия.

А расходы были гигантские. Содержание дворцов. Жалованье, стол и обмундирование трем тысячам дворцовых слуг от гофмаршала до фореитора, а также пенсии состарившимся работникам. Рента великим князьям. Приданое великим княжнам при замужестве. Подарки родственникам и неродственникам по тому или иному случаю. Широкая благотворительность. Поддержка русского искусства, как то: содержание пяти императорских театров, Академии художеств, закупка лучших полотен и статуй для императорских общедоступных музеев, расходы на содержание в надлежащем виде художественных коллекций, выезд балетных и оперных трупп, дабы удивить Европу, и прочее меценатство. Сколько видов искусств попросту зачахнут без очень богатых заказчиков с тонким вкусом! Повернется ли у человека со вкусом язык пробурчать о напрасной трате денег при виде изумительной красоты кулона на платье императрицы? А парковое искусство? А охота? Архитектура, наконец? А вспомоществование достойнейшим, но нуждающимся?

Есть и такая статья расходов: подарки на Рождество и в день тезоименитства государя всем дворцовым служащим — от обер-гофмаршала до последнего камер-лакея, и подарки дорогие. Их ждут. Это старая традиция, и отступить от нее до сих пор не решился ни один российский монарх. Если учесть, что в тот год, о котором идет речь, в числе разного рода подарков были заказаны более тысячи золотых часов с императорским вензелем из бриллиантов и рубинов, сумма получалась солидная.

Некий господин Штрегель, швейцарец по пашпорту, представитель прославленной высоким качеством своих часов фирмы «Мозер», попытался перехватить заказ у фирмы «Петр и Павел Буре». И перехватил, предложив значительно более выгодные условия и

качество, не уступающее «Буре». На самом-то деле оно уступало, ибо здесь никто не мог превзойти «Буре», но, право же, уступало совсем чуть-чуть — иначе никто не стал бы и разговаривать со Штрейгелем. Нелепо ведь вставлять в пятисотрублевый корпус механизм ценою в полтинник, качеством соответствующий цене. А корпуса уже были изготовлены известной ювелирной фирмой.

Казалось бы, демпинговая сделка не сулила «Мозеру» никакой выгоды, но чиновники министерства двора с пониманием усмехнулись: никак господа швейцарские часовщики тоже не прочь стать официальными поставщиками двора Е.И.В.? Что ж, дело благое. Полезные инициативы надо всячески поощрять, особенно если они ведут к экономии. Ведь, положи руку на сердце, разница между «Буре» и «Мозером» очень небольшая, и в «Буре» не гнушаются ставить в часы швейцарские механизмы.

О Штрейгеле осторожно навели справки. Его рекомендательные письма не вызывали сомнений, референции о нем были самые благоприятные. Весьма, весьма респектабельный господин с широкими полномочиями от уважаемой фирмы. Дело уверенно шло к подписанию контракта.

Одно только слегка смущало чиновников: необходимость отправки всей партии часовых корпусов на завод «Мозера» в Цюрихе, ибо швейцарская сборка была главным условием Штрейгеля. С другой стороны, иначе и быть не могло, поскольку «Мозер» пока не имел в России ни одной самой завалящей часовой фабрики.

Позднее, чем многим другим, Екатерине Константиновне стало известно: пресловутый господин Штрейгель, он же Казимир Пшемысльский, он же барон Попеску, он же Шлема Рубинштейн, не имел никакого отношения ни к фирме «Мозер», ни к настоящему Штрейгелю, чьим именем он воспользовался.

Комбинация была дерзкая и блестяще задуманная. А главное, никто при дворе не мог предположить, что какой-то проходимец позволит себе выкинуть такую наглую шутку по отношению к российскому императорскому дому!

Еще день — и партия товара стоимостью полмиллиона рублей преспокойно и вполне легально ушла бы за кордон, где без сомнения следы ее затерялись бы. Полмиллиона — деньги даже для Романовых, но это чепуха по сравнению с убытками от потери престижа! Над

одураченным русским императором потешалась бы вся Европа. Оставаясь в тени, лже-Штрейгель мог бы через доверенных лиц предложить «russian tzar» выкупить украденный товар миллиона, скажем, за три, угрожая в случае неуступчивости предать широкой огласке прискорбный для царского самолюбия инцидент, — и, вероятно, не прогадал бы!

Эту-то сумму и спас некий коллежский советник Лопухин из Третьего отделения, доселе не представленный ко двору и вообще оказавшийся в Царском Селе почти случайно, совершенно по иному делу. Начав расследование на свой страх и риск, он в короткий срок достиг поразительного успеха.

Для великой княжны события, сопутствующие разоблачению и поимке мошенника, прошли незамеченными, но запомнился непривычно веселый папа, представивший ей стройного брюнета с живыми внимательными глазами, совершенно не похожего на чиновных лицедеев из Жандармского. Представивший как человека, которому обязан.

Глубокий поклон, легкий книксен в ответ. Мало ли их, представленных великой княжне мужчин! Тысячи. Молодые и старые, толстые и тонкие, в мундирах и в партикулярном, противные и не очень. Большинство из них вспоминаются смутно, хотя детям государя специально тренируют память. Но граф Лопухин запомнился сразу, очень ярко — и навсегда.

Он был такой смешной! Нет, их было двое в одном — влюбленный юноша и строгий ментор при нем. Один рвался к несбыточному — другой его осаживал. Просто прелесть, какие свирепые баталии разыгрывались за внешней непроницаемой благопристойностью чиновника из Третьего отделения! Неужели никто-никто их не замечал? Просто удивительно.

Все дни святочных гуляний в Царском Селе прошли, как игра в жмурки. Катенька видела, что этот новоиспеченный «за особые заслуги» статский советник не первой уже молодости влюблен в нее, и совсем не собиралась негодовать. В редкие минуты встреч наедине — на костюмированном балу, на катаниях с ледяных гор и катаниях на тройках, на благотворительном концерте — она была то приветлива с графом, то холодна, то нарочито кокетлива и упивалась этой извечной

женской игрой до тех пор, пока сама не заметила, что влюблена по уши.

Вот это была новость! Вот это номер так номер! Да разве великим княжнам позволено влюбляться не в тех, за кого им позволительно выйти замуж? С семейной тиранией, к счастью, покончено, но существуют ведь законы, обычаи, благопристойность, наконец! Законная дочь государя и какой-то заурядный граф, потомок ветшающего рода, без чинов, без влияния, без ничего... Кто таков? Да его просто нет, он не фигура, смахнет его костлявая в небытие — завтра о нем никто и не вспомнит. Как можно подумать о нем и... Нет, это решительно невозможно!

Но не предки ли Екатерины Константиновны не единожды в истории доказывали что невозможного для них не существует?

И состоялось объяснение. И были редкие письма, передаваемые с тысячью предосторожностей, и еще более редкие встречи.

История любви безнадежной и платонической — это, несмотря ни на что, прекрасная история. Ее хочется писать. Ее сладко вспоминать. И воспоминания эти могут стать единственным убежищем мятущейся души в отчаянном положении.

Как раз воспоминаниям о первых встречах с Лопухиным и предавалась великая княжна, сидя на жесткой лавке в камере для задержанных при Яузской полицейской части...

Попалась.

И ничего не успела сделать, совсем ничего!

Лишь оказавшись в Москве, Катенька поняла, что сделала, пожалуй, глупость. На что могла она рассчитывать — одна, без друзей и в розыске? Достать билет на первый пассажирский поезд — личный поезд наместника не в счет — по Транссибу? Каким чудом?

Единственный плюс — деньги еще имелись. Да еще можно было обратиться в наличность кое-какие побрякушки. Отдать баснословную сумму в пять тысяч рублей за билет до Владивостока Катенька в принципе могла. Правда, в кошельке после этого осталось бы всего ничего.

Но не деньги главное, а главное — как купить билет, оставшись неузнанной?

Проще всего было бы заказать с доставкой на дом, но только не в этом случае. Абы кому билет на такой поезд не продадут. Личина

Аграфены Коровкиной несерьезна, да и опасна. Следовательно, придется действовать через кого-то. Но кто может помочь в таком деле?

Мысленное перечисление своих московских знакомых великая княжна начала «сверху вниз» — с московского генерал-губернатора. Первые несколько десятков фамилий всплыли в памяти мгновенно и так же мгновенно были отринуты. Уж лучше сразу пойти в ближайшую полицейскую часть!

Не то. Титулованная толпа, стая мелких хищников, каждый из которых только и мечтает урвать, отличиться, обогнать другого. Если и есть среди них люди порядочные, то все равно неизвестно, как они поведут себя в таком щекотливом деле, где порядочность можно трактовать с разных сторон... Нет, определенно не то.

Список знакомых сразу ужаснулся вчетверо. Тем лучше!

Быть может, кто-нибудь из гвардейских офицеров, смотревших на великую княжну с немим обожанием?

Катенька в задумчивости повертела локон возле уха. Нет, ни в коем случае! Это будет совсем уж неблагоприятно — вскружить голову глупому молодому человеку и навсегда испортить ему жизнь. Да и гвардия почти вся в Петербурге.

Кто-нибудь из подруг-фрейлин? Кажется, Мари Ланская собиралась провести июль в подмосковном имении... Хорошо бы еще знать — в каком!

Нет. Нет. Нет. Список все сокращался, а решения не было. Родственники Лопухина? Пожалуй, им одним предприятие в выгоду, хотя и риск велик... Катенька вдруг осознала, что ничего не знает о московских родственниках любимого человека. Он не говорил. И негде осторожно навести справки, поскольку московского адреса Лопухина она тоже не знает!

Идея сверкнула неожиданной зарницей и показалась интересной. Фабрикант Студёнов, вот кто может помочь! Во-первых, представлен ко двору. Кажется, даже награжден за какие-то заслуги не то Анной, не то Станиславом. Во-вторых, богат и сам себе хозяин в своей промышленной империи. А в-третьих и в-главных — оппозиционер, несмотря на награду, и в грош никого не ставит! Помнится, ходили слухи о его связях с мраксистами, хотя это, наверное, только слухи. Но радикальные высказывания Тимофея Саввича хорошо известны, в том

числе высказывания, касающиеся лично высочайших особ. Право, не будь папА выше мелочных обид, господина радикал-фабриканта ждали бы крупные неприятности...

Ну-ка, ну-ка... В крайнем волнении Екатерина Константиновна забегала по квартирке, как не подобало бы бегать великой княжне. Вспомнилось несимпатичное мясистое лицо фабриканта, калмыцкий разрез глаз и ежик коротких черных волос на ненормально крупной голове. Угрюм и неуклюж, жесткие складки у рта, а в глазах искорки. Да, этаким типус сокрушит любую преграду ради выгоды, но паче того — ради личного удовольствия. Хоть умен, да игрок, а главное, из тех игроков, которые с удовольствием поиграли бы всем миром — и застрелились бы, осознав, что конечная цель достигнута, а более масштабной не существует. Освоить Луну разве?

Где находится особняк Студёнова — известно. Нетрудно выяснить, где его контора, но это потом, на крайний случай. Кстати, завтра воскресенье, а всем известно, что уж кто-кто, а Студёнов светской жизни не выносит, карт не любит, женщин чурается, на ипподроме не бывает, не гурман и пьет только воду. Значит, будет дома.

Смеху подобно: великой княжне ломать голову о том, как бы добиться приема у фабриканта! Но факт.

К вечеру план был готов. Образ прежний: горничная из провинции. Добавить только простоты. Открыть истину в короткой записке. Записку передать хозяину с лакеем и остаться — якобы наказано дожидаться ответа. Ждать не более трех минут. Если за это время на парадной лестнице не появится Студёнов собственной персоной, это значит, что он телефонирует в ближайшую полицейскую часть. В таком случае немедленно ретироваться. У ворот должен ждать заранее нанятый лихач.

Если швейцар вздумает противодействовать отступлению, следует направить на него дамский револьвер, каковой необходимо приобрести заранее. Но стрелять только в самом крайнем случае.

Лихача нельзя ни нанимать, ни отпускать поблизости от Дурасовского переулка. До места найма лучше всего доехать на конке.

В случае встречи со Студёновым попытаться склонить его на свою сторону. О проблематичных выгодах говорить кратко — свою выгоду или невыгоду фабрикант смекнет сам. Не исключено, что действовать он начнет как раз вопреки выгоде, ибо известно:

российский воротила сплошь и рядом осторожен в деловых вопросах, но когда дело касается игры — отойди, не мешай! А Студёнов игрок, хоть и не в карты.

Сказано — сделано.

В смысле, дело было начато.

А кончилось плохо.

Едва «горничная из провинции», покинув Дурасовский переулок, ступила на брусчатку Покровского бульвара, как слух ее был подвергнут атаке: истошные крики, женский визг, залиvistые полицейские свистки. По бульвару бежали люди. Какая-то баба, ужасно одетая и в грязном платке, толкнула на бегу великую княжну и облаяла ее матерно, вместо того чтобы извиниться. Потом вдруг бабахнуло, да так громко и резко, что Катенька подпрыгнула и заозиралась. Народ кинулся врассыпную.

От Большого Трехсвятительского к Дурасовскому бежал, пересекая бульвар, мужчина в щегольском картузе, вышитой косоворотке и плисовых штанах, заправленных в сверкающие сапоги. На бегу остановился на мгновение, обернулся, оскалился по-волчьи, вскинул руку — трижды оглушительно бабахнуло.

И сейчас же слева, со стороны Яузского бульвара отозвалось хлопками иного рода — не столь громкими, но хлесткими, как удары плети. Среди деревьев замелькали фигуры в черном и зеленом, быстро перебегая, припадая, целясь...

У Катеньки ноги вросли в брусчатку. Она только и поняла, что бегущий человек в плисовых штанах отстреливается от полицейских и солдат, действующих заодно, и что пули так и свищут вокруг. Взыв дурным голосом, с размаху села на тротуар толстая баба, полыхнуло на рукаве ее кофты алое пятно. Бегущий в плисовых штанах вдруг нырнул вперед, перекувырнулся, вскочил, дико озираясь, следал два неуверенных шага, крутнулся винтом и выронил револьвер. Следующая и последняя пуля угодила ему точно в лоб, выбив из затылка какие-то брызги, и заставила картуз и его хозяина падать на мостовую порознь, причем хозяин упал раньше — ну просто как набитый тряпьем мешок.

Все это было так просто! Так невероятно и так просто!

Такое не могло происходить на глазах великой княжны. Да что там — вообще не могло происходить!

Однако происходило.

Отчаянно звоня в колокол, навстречу бегущим неся по Покровскому пожарный обоз, и люди шарахались из-под копыт во все стороны. Пожар?.. Ничего нельзя понять. Какой пожар со стрельбой на улицах?

Что-то вжикнуло возле самого уха, и только потом хлесткий удар винтовочного выстрела достиг слуха. Мгновенно перетрусив, Катенька побежала назад, в свой дурацкий Дурасовский...

— Сто-о-ой! — тотчас загремело в спину, очень близко. — Сто-ой, стерва, стреляю!

Позднее великая княжна спрашивала себя, отчего она остановилась — рассудок приказал или страх? Трудно сказать. Но если бы она продолжала бежать, то, вполне вероятно, была бы застрелена в спину каким-нибудь солдатом-первогодком... Она! Образованная женщина и человек! Дочь государя!

Нет, это невероятно...

Математик или философ могли бы объяснить растерявшейся и перепуганной великой княжне, что такого рода события нельзя отнести к невероятным, — они лишь редки для персон ее ранга. А следовательно, все-таки могут случиться.

Но те, кто арестовал «Аграфену Дормидонтовну Коровкину», не были ни математиками, ни философами. Они были исполнителями воли московских властей, проклинавшими Хитровку, жару и начальство и одуревшими от пролившейся крови — бандитской и своей. И объяснять они ничего не стали.

При каждой полицейской части — а их в Москве ровно двадцать — имеется своя небольшая тюрьма.

При участках — не тюрьмы, а так, камеры. Там долго не задерживаются: или ступай с Богом на все четыре стороны, или «будьте-любезны» в карету крепкой постройки, для солидности украшенную железными прутьями на окнах. Свезут в часть для более подробного разбирательства. Оттуда — как правило — либо все-таки на волю, что уже реже, либо в Бутырки, Таганку, а то и прямо на этап, смотря по улову. Немногие задерживаются надолго, но они есть.

Екатерину Константиновну доставили сразу в Яузскую полицейскую часть, что на Садовой-Черногрязской.

День выпал особый — день конца Хитровки, и «курятники» в участках уже были забиты до отказа. Ляскавшую зубами от страха и возбуждения великую княжну отвезли в Яузскую на извозчике в сопровождении двух городских.

Она молчала. Вначале причиной тому был страх, но он скоро прошел. Неудобство высокого происхождения заключается в том, что иногда надо вести себя соответственно своему рангу. И Катенька, оправившись от испуга, молчала уже из гордости. А городовые были потны, издерганы, хмуры и тоже молчали.

Первый звук великая княжна издала в камере — слабо охнула. Инстинктивно сделала шаг назад, но ее сейчас же грубо толкнули в спину. Позади захлопнулась обитая железом дверь, лязгнул ключ.

Первым делом узницу контузила вонь, такая, что даже в глазах защипало. В следующее мгновение навалилась нестерпимая духота и уже не отпускала. В маленькое и высоко расположенное — не дотянуться — зарешеченное окошко нахрапом ломилось раскаленное солнце, дробясь и расплескиваясь по стенам жирными бликами. Застоявшаяся в Москве жара умудрилась насквозь прогреть толстенную кирпичную кладку тюремных стен. Но главный жар давали не стены и не наглое солнце...

В комнате (великой княжне еще предстояло привыкнуть к слову «камера») площадью в каких-нибудь пятьдесят квадратных аршин стояли или сидели прямо на цементном полу не меньше трех-четыре десятков женщин. И боже, что это были за женщины!

Потные, распаренные торговки с Хитрова рынка, одетые в рвань, провонявшую их товаром: тухлой селедкой и мясом животных, выкопанных, должно быть, из скотомогильника... Бойкие бабы всех возрастов, нарумяненные чуть ли не толченым кирпичом, с подведенными углем бровями, с запудренными синяками, с манерами, не вызывавшими сомнений в презренной профессии... Нищенки с растравленными язвами... Человеческие развалины в ужасных отрепьях, воняющие клоакой, с провалившимися носами...

За свои девятнадцать лет великая княжна не падала в обморок ни разу — ну если не считать того случая, когда примеряла корсет и сама же заставила камер-метхен затянуть его со всей силы. Сейчас на ней не было корсета, но обморок уже подступил вплотную — готова, мол, голубушка? Я здесь.

Ничего. Оперлась о шершавую стену, постояла так немного — справилась. Не хватало еще обмякнуть среди такой публики или, что еще хуже, забарабанить в дверь, завопить о помощи, признаться ко всеобщему глумливому удовольствию в том, кто она есть на самом деле... Дочери императора не жалуются. Не дождетесь.

Сейчас же ее толкнули с бранью — место возле стены, оказывается, считалось привилегированным. Оно и понятно: на стену можно опереться, а не держат ноги — садись на цементный пол и привались к стене спиной. Всюду жизнь, а где жизнь, там борьба за первенство. Где жизнь уродлива, там и побеждают уродливые организмы... Наблюдательная великая княжна тотчас заметила, кто расположился возле стен. Опытные уголовницы. Кто попал в камеру, тот сразу начинает выделять их в любой толпе...

Торговки и нищенки были вторым сортом. А третьим — женщины, попавшие сюда, как видно, случайно. Этим достались худшие места, и несчастные сбились в кучку, точно овцы, окруженные волчьей стаей. Катенька заметила несколько быстрых взглядов, как будто невзначай брошенных на ее скромное, но пока еще опрятное платье. Ужас! Неужели для них и эта малость — добыча? Есть ли предел падению человека?

По-видимому, страшная жара не располагала к хищническим действиям, и алчные взгляды остались только взглядами. А больше отнять и нечего — ридикюль забрала полиция... Кстати, что в нем?

Пашпорт. Худо это или нет — трудно сказать. Авось кривая вывезет, как говорят в народе. Деньги — немного. Драгоценностей вовсе нет. Хватило ума не таскать с собою по Москве все свое богатство. Еще всякая мелочь, обыкновенная для дамских сумочек... Больше ничего?

Ничего.

Нет, все-таки в самом печальном положении всегда есть что-то хорошее в утешение! Плохо, что арестована, зато хорошо, что попала почти сразу, как вышла в город. Не успела купить револьвер — это первое. И не успела написать записку Студёнову — это второе. Все равно надо было зайти в почтовое отделение за конвертом, там и собиралась составить записку.

Следовательно — что?

Держаться в прежней маске. Простая девушка только вчера приехала в Первопрестольную в поисках места горничной в хорошем доме. Играть роль с чувством, натурально. Иного пути все равно нет.

Но сначала вытерпеть пытку духотой и вонью...

И Катенька стала терпеть.

Еще четырежды с лязгом распахивалась железная дверь, и в камеру вталкивали новых женщин. Две были зареваны, одна нестерпимо визжала, пыталась драться и успокоилась не сразу, а четвертая, мертвецки пьяная, в лохмотьях, похожая на подбитую ворону, кулем свалилась на пол и густо захрапела. В ее сальных космах, уже не первый день, по всей видимости, не чесанных и не первую неделю не мытых, великая княжна с отвращением разглядела то, что поначалу приняла было за перхоть. Только эта перхоть шевелилась.

Катенька быстро отшагнула, с трудом сдержав позыв к тошноте. Зажмурилась, чтобы не видеть мерзкого шевеления. Впервые в жизни она воочию наблюдала копошение вшей среди гнид. Сейчас же ее толкнули и крикливо обругали. Она не ответила. Только бы вытерпеть, твердила она про себя, как заклинание. Не терять чувств. Терпеть. Ведь хуже не будет. Совершенно определенно не будет хуже. Ну разоблачат... ну вернут в золоченую клетку... особым поездом, наверное, повезут, под охраной, но со всем почтением и лучшей прислугой...

О сколь притягательной казалась в этот момент золотая клетка!

А как же любимый?

Стерпеть? Покориться судьбе? Выйти замуж за Франца-Леопольда?

Ведь и любимый не верит в то, что вспыхнувшая вдруг страсть между дочерью императора и обыкновенным графом может окончиться взаимным счастьем. Не видит к тому путей. Так и сказал. В человеческих ли силах остановить раскрученный маховик Судьбы и заставить его крутиться в другую сторону?

К счастью, дверь камеры вновь отворилась. В проеме, заняв его весь, возникла претолстая надзирательница. Из-за ее плеча выглядывали распаренные усатые физиономии дюжих полицейских, служащих при части, — подкрепление на случай какой непредвиденности.

— Ты, — густым голосом свиньи-рекордистки, скрещенной с пароходной сиреной, возгласила страшная бабища. — Ты. Ты, ты, ты, ты, еще ты и вы двое. Да, ты и ты. На выход.

Кто-то из названных обреченно вздохнул, кто-то истерически ойкнул. Но на женщин, захвативших себе место возле стен и подальше от деревянной «Прасковьи Федоровны», выбор надзирательницы произвел неблагоприятное впечатление. Начальство явно решило разобраться прежде всего с наименее подозрительными из задержанных, каковых опытная надзирательница и вычислила в мгновение ока.

Остальным предстояло париться в душных миазмах в ожидании своей очереди. Поднялся гул, произошло шевеление.

— Ма-а-а-алчать! — Из широкого, как пушечное жерло, рта надсмотрщицы исторгся приказ, да так исторгся, что привставших с пола узниц, казалось, шатнуло воздушной волной, а в ушах у Катеньки зазвенело. Она не помнила, как оказалась уже не в камере, а в большой комнате, главными приметами которой был массивный дубовый барьер, отделяющий дежурного офицера от всяких-разных, и два предлинных жестких дивана полированного дерева, предназначенных, по-видимому, для посетителей.

Присесть, впрочем, никто не предложил, зато заставили выстроиться перед барьером в ряд.

Дежурный офицер, еще не старый, но уже весьма плешивый штаб-ротмистр, зримо страдающий от жары, в то время как выдернутые из камеры узницы наслаждались живительной прохладой, промокнул платочком большой покатый лоб, окунул перо в чернильницу и оглядел представших перед ним узниц без малейшего интереса. Вслед за тем его мизинец указал на крайнюю левую в ряду женщину, костлявую и востроносую.

— Как фамилия?

— Моя-то? — переспросила та, робея.

— Нет, дьявол, градоначальника! Твоя-то.

— Говядина.

— Как?

— Федосья Антиповна Говядина. За что меня, ваше благородие? По какому праву заарестовали? Я знать ничего не знаю и ведать не...

— Молчать! Разбираться после будем. — Обильно потея, полицейский вывел фамилию задержанной, спросил об адресе и роде занятий, записал и это, после чего обратился к следующей. — Твоя фамилия?

— Моя?

— Твоя.

— Телятина.

Полицейский взгоготнул.

— Говядина и Телятина. Как на подбор. Имя? Отечество? Ненила, говоришь, Мелентьевна? Так... Записал... Кто у нас следующая — ты? Фамилия?

— Баранина.

— Что-о?

— Баранина Пелагея Питиримовна.

Усы полицейского угрожающе зашевелились.

— Та-ак, — произнес он со значением. — Насмешки строить будем? Шутки шутить? Я тоже знаю хорошую шутку: запру кое-кого в одну камеру с буйными... или лучше с чахоточными?... Говори, стерва, фамилию как есть! — рывкнул он и грянул кулаком по барьеру так, что баба подпрыгнула.

— Как на духу, ваше благородие, — зачастила она плаксиво. — Баранина я. Пелагея Питиримовна Баранина, в Подколокольном проживаю, в кухарках я, ваше благородие, а муж мой столяр, а пашпорт дома, можно принести...

— Молчать! — махнул на нее рукой полицейский и заскрипел пером, пуча глаза и отдуваясь. — Пф... пф... Говядина, Телятина, Баранина... Ну, если еще Гусятина или Ослятина попадется, то я не знаю, что с вами сделаю... Следующая! Тебя как звать?

Следующей была Катенька.

— Коровкина, — объявила она неуверенным голосом.

По лицу штаб-ротмистра заходили бугры и пятна.

— В карцер хотим? — осведомился он неожиданно кротко.

— Мой пашпорт в ридикюле, — тихо произнесла великая княжна, — только его у меня отняли...

Тут же появился отнятый ридикюль, и документ, извлеченный из его мелких недр, был изучен и придирчиво сличен с оригиналом. Затем одна бровь штаб-ротмистра поползла вверх, вследствие чего капля

пота сорвалась со лба, побежала по носу и капнула на паспорт. Штаб-ротмистр недовольно поморщился.

Екатерина Константиновна видела, как он извлек из ящика письменного стола черную кожаную папку, достал из нее какой-то листок и быстро пробежал его глазами. «Случайность! — крикнул кто-то внутри нее, завравшись с первых же слов. — Это случайность и не имеет отношения! Главное не подать виду, и тогда все обойдется. Помучают немного вопросами и отпустят!»

Но умом — искусственным в логике умом ученицы лучших преподавателей — она поняла сразу: попалась. Теперь уже попалась всерьез.

И точно: по мановению пальца штаб-ротмистра перед ним, грохоча шашками и пуча глаза, предстали два дюжих полицейских. Тем же пальцем ротмистр указал на Катеньку:

— Особо опасная. В одиннадцатый номер ее, в одиночную.

Катеньку увели. Она не сопротивлялась, не видя в том смысла. Для нее, пусть поверхностно, но все же знакомой с российскими порядками, было вполне очевидно: откровенничать с полицией не нужно. Уж кто-кто, а полицейские чины среднего уровня заведомо не посвящены в истинную подоплеку дела.

Что ж. Если разоблачена — недолго ждать гостей. В чине жандармского полковника, никак не ниже.

Новая камера оказалась тесным и спартанским, но, если чуть привыкнуть, где-то даже миленьким помещением. С топчаном на низких ножках, тощим тюфячком и одеялом. А главное — на теневой стороне здания!

Жизнь продолжалась. И в партии, похоже, еще не был поставлен мат.

Правда, по цементному полу пренагло рысили тараканы, распространяя свой моцион также на стены и на топчан. К тараканам Катенька питала живейшее отвращение, но признавала, что лучше уж тараканы на полу, чем клопы в тюфяке. За время скитаний багаж знаний великой княжны обогатился множеством новых сведений — было среди них и такое, что клопы и тараканы не уживаются друг с другом в одном помещении.

Оказалось — чепуха. Уживаются.

Спать ночью почти не пришлось: одни насекомые кусались, заставляя поминутно чесаться, другие бегали по рукам и лицу. Истинная пытка. Как будто злодейке-судьбе было мало наградить узницу желудочными коликами от тюремной баланды!

К утру измученная Катенька вновь была готова сдаться, назвать себя, возможно, к вящей потехе всей полицейской части.

Не пришлось. Незадолго до завтрака (жидкая овсянка последнего сорта, сваренная на воде) глазок в двери на секунду открылся, явив внимательное око надзирательницы, после чего заскрежетал ключ в замке.

Дверь отворилась.

— Это что же? — услышала Катенька возмущенный женский голос едва ли не раньше, чем увидела товарку по несчастью. — Один топчан на двоих? Заставлять приличную даму спать на полу? Вы, верно, с ума сошли! Я жаловаться буду!

— Па-а-ашевеливайся! — Грубый голос надзирательницы совпал с могучим толчком в спину, заставившим новую узницу опрометью пересечь камеру.

— Да как вы смее! — закричала великая княжна в великом негодовании. — Вы... вы... — Она запнулась, не зная, какое выбрать определение для беспардонного поведения тюремных служащих. — Вы...

Так и не придумала. А когда после ответного «поговори еще у меня» лязгнула дверь, стало поздно стыдить невоспитанную бабу.

Зато новая узница, оставшись вдвоем с Катенькой, начала быстро преображаться. Одним цепким взглядом она охватила камеру, не особо задерживаясь на великой княжне. Прошла туда-обратно, стуча по цементному полу подкованными каблучками, и с каждым шагом менялось в ней все: осанка, походка, неуловимые индивидуальные штришки, столь любимые портретистами... Повернулась — и преобразилась окончательно. В камеру втокнули молодую особу с роскошными воронными локонами, выбивающимися из-под шляпки, и шляпка была модная, и платье явно сшито на заказ у хорошей портнихи, словом, втокнули даму из общества, если судить по одежде, словам и манере держаться. Но в камере оказалась разительно другая женщина.

Обвитая шелками гибкая фигурка вмиг напомнила не то о ящерке, не то о ласке или другом зверьке из породы куньих, может быть, хорьке. С лица исчезло оскорбленное выражение. Жесты стали развязными, взгляд погас и одновременно сделался порочным. Ни дать ни взять — падшая аристократка из не рекомендованных к чтению французских романов, доставаемых, впрочем, иногда через верных фрейлин.

Падшая-то падшая, но до чего умеющая притворяться, когда надо! В один миг стало ясно: вот она, гостья из преступного мира, с другой планеты...

И остаться с нею в камере наедине?!

Катенька внутренне сжалась. А новая узница вдруг подмигнула ей без приязни и осведомилась низким, с чувственной хрипотцой голосом:

— Таки сидим?

— Сидим.

— Ты-то себе сидишь, а я-то себе стою. А ну-ка подвинься, милочка. Расселась.

— Ах, пожалуйста! — Катенька, вспыхнув, подвинулась на топчане.

Некоторое время сидели молча.

— Ты кто? — первой подала голос новая узница. Церемоний она, похоже, не признавала. — За что тебя?

— Аграфена Коровкина, — назвалась Катенька. — А за что — не знаю.

— Груня, значит. Сама-то откуда?

— Из Пензенской губернии. В Москву приехала место искать.

— Врешь, — безжалостно определила новая знакомая. — не умеешь врать, а таки врешь. Глупо. Погляди на себя, какая ты Груня! Да и разговор выдает. Ну, дело твое. А я Софья Лейбовна Блювштейн. Или, если хочешь, зови меня Шейндлей-Сурой, мне без разницы.

«Еврейка, — поняла великая княжна, чуточку успокоившись. — Ну и типаж, однако. Кто она — мошенница? Содержательница притона? Похитительница драгоценностей? Вот и отменяй ради таких черту оседлости...»

Последней мысли Катенька устыдилась и постаралась ее забыть.

Она не ответила. Еще помолчали. Великая княжна чувствовала, как Софья (или Шейндля?) разглядывает ее без особых церемоний. А когда затянувшееся молчание стало невыносимым, вдруг странно и дико прозвучал вопрос новой знакомой:

— Выйти отсюда хочешь?

— Конечно. — Вздрогнув от неожиданности, Катенька взяла себя в руки. — То есть хотела бы... но как?

— Глупая. Это совсем просто. Ты, что ли, никогда в полицейской части не сидела?

— Не сидела, — призналась Катенька.

— Оно и видно. Ну да ты не морщись, это дело житейское. Может, для тебя и лучше, что не сидела. Ладно, объясню. Гляди сюда. Тебя вчера взяли, верно?

— Да, и не знаю за что...

— Помолчи-ка. Я знаю. Подвернулась под руку, вот и взяли. Вполне себе уважительная причина. Хитров рынок полиция вчера громила. А! Шуму много, а толку, как всегда, не будет.

— Это почему? — неожиданно для себя вступилась за полицию Катенька.

— По кочану. Ты меня слушай, уж я нашу полицию со всех сторон знаю. Им что главное? Откозырять: задержали, мол, столько-то. Им: молодцы! Они: рады стараться! Девять из десяти взяты ни за что и будут отпущены на волю, но кому это интересно? Но тебя не выпустят, не надейся.

— Отчего же? — взволновалась Катенька.

— Раз вчера не выпустили, значит, с тобой все не так просто, — пояснила новая знакомая. — Ты не из уголовных, я вижу. Может, любовника прирезала, а? Нет? Да ты не стесняйся, я не выдам. Все равно нет? И не политическая? Ну и ладно, всякое бывает. Мне без разницы. Может, твои приметы на чьи-то похожи или паспорт не в порядке. Разберутся — выпустят... не сразу, понятно. Хотя иные, бывает, на каторгу идут за чужие дела, так-то...

Катенька вздрогнула.

— На каторгу?

— А куда ж еще? Разве что на поселение, кому повезет. А совсем не повезет, так и на эшафот — два столба, одна перекладина... Деньги-то есть?

— Что?

— Деньги на адвоката есть, спрашиваю?

— Деньги? Есть.

Екатерина Константиновна понятия не имела, сколько денег нужно на защиту в суде. Да и как их теперь получить, когда они оставлены на квартире?

А если квартиру обворуют, пока она сидит в тюрьме?..

Великая княжна вздохнула. Положение казалось тяжким, впереди сгущались грозные тучи, и ни единого просвета.

— Это славно, когда можно пригласить хорошего адвоката, — выждав небольшое время, с непонятным значением заговорила новая знакомая. — Очень даже замечательно. Могу поспособствовать найти хорошего, такого, что грязной водой дочиста отмывает. Недорого возьму. Надо? Нет? А можно сделать проще, но дороже станет. Хочешь уже сегодня выйти отсюда, а?..

— Как это? — оторопела Катенька.

— Очень просто, глупая. Вызывают меня, Софью Блювштейн. Вместо меня выходишь ты. Свежего дела на мне никакого нет, так что меня, то есть тебя, отпускают восвояси, понятно?

— Но как же...

— Тьфу, тугоумная! Дежурство в части длится сутки, смена в девять утра. Те архаровцы, что тебя вчера сажали, через полчаса по домам разойдутся — на перинах отсыпаться. Новая смена нас с тобой еще и в глаза не видывала. Теперь следователи. Эти ходят на службу каждый день. Тебя вчера на допрос водили?

— Нет. Только к дежурному офицеру.

— Ну и прекрасно! Видишь, как все чудно складывается! Никто не знает нас в лицо. Значит, как вызовут Софью Блювштейн, выйдешь ты вместо меня, это раз. Что отвечать следователю, я тебя научу, это два. Да следователя еще, может, и не будет, я же говорю: свежего дела на мне таки нет. Это три. Ну, может, бумагу какую дадут подписать... насчет сто первой версты или еще чего. Подписывай. Ничего не бойся. Если увидишь, что я тебя обманываю, просто назови себя — и дело с концом. Задний ход дать успеешь, и ничем он тебе не грозит. Может, посекут слегка, но и только...

— Как... посекут?..

— Розгой. Ты не перебивай, ты слушай. Окажешься на воле — сходишь по одному адресу, отнесешь деньги. Три тысячи рублей. Адрес и слова, какие нужно сказать, выучишь наизусть. Это четыре. Там же и помогут с новой ксивой...

— С чем? — робко пискнула Катенька.

— С паспортом. Твой-то паспорт останется в полиции, а жить совсем без ксивы в России так не рекомендуется. Не тушуйся, паспорт тебе сделают лучше настоящего и недорого возьмут. Это пять. Понятно?

— Понятно. Но... три тысячи?

— А сколько же ты хотела, голуба моя, за свободу? Три копейки? Все имеет свою цену. Тебе свобода, мне неудобство... За эти деньги я обещаю три дня выдавать себя за... как тебя?.. за Аграфену Дормидонтовну Коровкину. По тысяче за сутки. За трое суток можно унести ноги на край света. Что, дорого прошу? Так я же не настаиваю. Не согласна — сиди тут, клопов корми.

— Согласна! — воскликнула великая княжна. — Однако...

— Что «однако»? — догадливо ухмыльнулась новая знакомая. — Думаешь, с чего это я тебе поверила, а? Вдруг взяла да поверила на слово, да? Ну признайся: думаешь? А нечего тут думать. Я в людях не ошибаюсь. Ты меня не обманешь. Полицию обманешь, а меня нет. Я с тебя слово возьму, а ты его сдержишь. Верно?

— Сдержу.

— То-то же. Теперь вот что: тебе надо изменить внешность. Эх, была не была! Знай мою доброту. Держи.

И, сняв шляпку, новая знакомая начала отцеплять от пышной прически один вороной локон за другим. Вот это номер! — они, оказывается, держались на шпильках.

— Подставляй головешку. Сейчас я из тебя такую брюнеточку сделаю, что в Одессе все девочки с Молдаванки обзавидуются...

...Ветер пел в ушах, и душный воздух бил в пылающее лицо, как пустынный самум, не принося облегчения, и копилась над крышами домов черно-лиловые грозовые тучи, ворчали и посверкивали, и неся по улицам подхваченный порывом ветра легкий мусор... Измученная африканским зноем Москва притихла и съежилась, готовясь принять на себя буйство грозовой стихии. Закрывались палатки и киоски.

Рысцой бежал офеня с полным лотком свежесвежипеченных маковых саек. Попрятались в подъездах мальчишки-газетчики. Возле магазина модной галантереи сутились приказчики, закрывая деревянными щитами стеклянные витрины. На Первопрестольную надвигалась стихия.

И словно бы подстегнутый надвигающимся тропическим ливнем, мчался лихач на дутых шинах, звонко стучали копыта по булыжной мостовой, а в коляске с готовым выскочить наружу сердцем трепетала великая княжна, схваченная за локоть молодым еще мужчиной богатырского сложения. Он возник сразу же, едва Катенька вышла сама не своя из ворот Яузской части, еще не веря невероятной удаче. «Владимир Легировский, Алексеев сын», — представился он и, не говоря более ни слова, взял Катеньку за локоть железной рукой, свистнул лихача, очевидно, поджидавшего его, посадил, сел сам и приказал гнать что есть духу. Великая княжна, потерявшись, не оказала сопротивления.

— Имею к вам, мадемуазель, разговор, — только и сказал похититель вежливым, но настолько внушительным басом, что у Катеньки сама собою пропала мысль протестовать. Неужели все-таки попалась?

Впрочем, нет... Легировский... Легировский... Фамилия была знакомая. Уж не тот ли газетный репортер, что излазил все московские сточные трубы и написал о них так живо, что рвотного порошка не надо?

Наверное, тот самый...

С Садовой-Черногрязской коляска свернула на Старую Басманную, а за Разгуляем закрутила, запетляла узкими переулками. Шумная, немного смешная в попытках казаться чинной, как Петербург, чуть-чуть старомодная, но в целом очень благопристойная Москва сразу осталась позади. Здесь был другой город — низкий, мрачноватый, с витавшим в воздухе неясным ощущением опасности. Жилые домишки как будто съежились. Начали попадаться приземистые, явно построенные на века, но все равно кривобокие лабазы. Все чаще попадались трактиры — каждый следующий беднее и гаже предыдущего на вид. Из дверей одного появился мальчишка в грязном переднике, озабоченно посмотрел на грохочущую небесную черноту и выплеснул прямо на мостовую ведро воды пополам с

гнилыми отбросами. Возле кабака, нежно обняв тумбу, валялся пьяный мастеровой, и неказистый мужичонка с волчьим взглядом из-под треснувшего козырька фуражки, преспокойно обшаривал его карманы.

В иное время Катенька, подалуй, возмутилась бы бездействием полиции в этом далеко не лучшем закоулке огромного города, но сейчас ей было не до того. Легировский же не обратил на возмутительную уличную сценку ровно никакого внимания.

Возле скромной, но на диво приличной чайной он остановил лихача, расплатился, выпрыгнул сам и, без всяких церемоний завладев Катенькиной рукой, молча высадил великую княжну из коляски. Указал рукой на заведение:

— Зайдем, — прогудел, как в бочку. — Надо где-то переждать ливень.

И точно — вместе с оглушительным раскатом грома упали первые капли дождя.

Внутри Легировский ориентировался свободно. Коротко взглянул в сторону подгулявшей компании, еще меньше внимания уделил двум студентам, лакомящимся сайками, и увлек Катеньку за крайний столик. Сейчас же с преувеличенной радостью подлетел половой, сама услужливость, рот до ушей.

— Доброго здоровьичка, Владимир Алексеич. Давненько вы к нам не заходили. Прикажете как обычно?

Скупой на жесты Легировский лишь чуть качнул головой и загудел в усы:

— Нет, Мефодий, сегодня нам твоей безакцизной не надобно. Неси чаю с колотым сахаром да бубликов, живо.

— Один секунд, Владимир Алексеич.

В «один секунд» Мефодий, конечно, не управился, но вернулся с заказом на диво быстро. На дубовом столе возник маленький пузатый самовар с сидящим на нем верхом заварным чайником, рядом расположились вазочка с сахаром и блюдо с бубликами.

— Угощайтесь, Владимир Алексеич, на доброе здоровье. И барышне вашей приятного аппетита...

— Исчезни, — велел Легировский, и половой исчез.

Пушечный удар грома заставил жалобно задребезжать стекла. За окном потемнело, как в преисполней, и хлынул ливень, да такой, что мостовая в одну минуту скрылась под толстым слоем бегучей воды.

Видно было, как мокрая насквозь собачонка, ища укрытия, прыжками скачет вброд от одной запертой двери к другой. Молнии сверкали где-то совсем рядом.

— Угощайтесь, — не столько предложил, сколько велел Легировский и сам шумно отпил из стакана с подстаканником. — Уфф, горячо... Чай здесь дают настоящий, из Индии и Сиама, и спитой не подмешивают. В тюрьме таким не напоят, тем более в Яузской части или, скажем, Сретенской. Они, прохвосты, чай на Сухаревке покупают, банный веник заварить — и то больше вкуса...

Катенька подула на чай и осторожно отпила. По правде говоря, чай уступал качеством тому чаю, к какому она привыкла в семье, но сейчас ей казалось, что она в жизни не пила ничего вкуснее. Махнула рукой на приличия — и жадно вонзила зубки в ароматный бублик.

Блаженство...

Стихия снаружи неистовствовала. Легировский грыз сахар, жевал бублик, шумно прихлебывал чай и молчал, ожидаючи. Если бы не это явное ожидание, великая княжна почувствовала бы себя совсем счастливой. А так — пришлось бороться с разливающейся по телу истомой.

— Ну вот и хорошо, — пробасил Легировский, когда первый бублик был съеден и первый стакан опустел. — Теперь нам самое время поговорить. Юлить со мною не надо. Учтите, я намерен получить исчерпывающие объяснения.

— О чем? — постаралась сыграть изумление Катенька.

— О том, почему вы не Софья Блювштейн, а другая особа. Вы провели полицию, вас выпустили вместо другой арестантки, не так ли?

— Откуда вы знаете? — спросила Катенька и внутренне ахнула: сама себя выдала. — То есть откуда вы это взяли? Ведь вас не было у следователя.

— Это моя работа: знать все, что мне надо знать. — Легировский усмехнулся в усы. — Успокойтесь, я не служу в полиции. Я репортер, печатаюсь в «Московском листке» и иногда в «Московских ведомостях». Я дежурил возле Яузской части, потому что знал: сегодня утром должны выпустить Софью Блювштейн. Мне, газетчику, хотелось с нею побеседовать, мог бы выйти роскошный материал... без всяких имен, разумеется. Ну вот — жду Соньку, а под ее личиной выходите вы. Как прикажете это понимать? Я требую объяснений.

— Кто такая Софья Блювштейн? — спросила Катенька как можно невиннее.

— Это та особа, которая, по всей видимости, одолжила вам свои накладные локоны... кстати, один из них сбился... да потом поправите, в уборной, не привлекайте внимания! Софья, она же Шейндля, Блювштейн, известная также под именем Соньки Золотой Муфты... она не раз выносила краденые драгоценности в муфте, отсюда и кличка. Феноменально! Еще молода, но уже знаменитая воровка и виртуозная мошенница. А такая ли карьера ее еще ждет! По части хипеса ей уже сейчас нет равных, а сколько раз она обманывала нашу доблестную полицию...

— Хипес? — переспросила великая княжна. — Простите, не понимаю...

Не чинясь, Легировский объяснил, что такое хипес. Катенька покраснела.

— Короче говоря, я жду объяснений, — давил настырный журналист. — Что вы оглядываетесь? Сообщников у вас, видимо, нет, а если и есть, то мы от них оторвались. Да и толку от них не будет. Глядите! — Он легко свернул в штопор чайную ложечку и без видимого усилия развернул обратно. — А на крайний случай мой кастет всегда при мне. Никто со стороны вам не поможет. А я — могу помочь. Но только в награду за откровенность. Решайтесь же. Ну?

— Она мне сама предложила... — еле слышно призналась великая княжна.

— Уже теплее, — подбодрил Легировский. — Продолжайте же. Это становится интересно. В самом деле сама предложила?

— В самом деле...

— Неужели даром? Вероятно, за какую-нибудь услугу?

— За деньги. Под честное слово.

— Да ну? И много ли денег?

— Три тысячи.

Легировский нахмурился, начал тереть лоб. Что то тут, по его разумению, было не так. Близкая молния за окном осветила на мгновение спартанское, но чистенькое убранство чайной, и сгустилась совсем уже непроглядная темень. Половой принес зажженную керосиновую лампу.

— Ну ладно, — гулким своим басом молвил Легировский, дождавшись, когда половой отойдет подальше. — Что-то мало для такой особы, как Сонька. С трудом верится. Три тысячи — это для нее не деньги. Ее уровень — тысяч тридцать, не ниже. Чего ради она с вами связалась? Нет, тут что-то не так. Дайте-ка подумать...

— Налейте мне еще чаю, — попросила Катенька.

Легировский налил, и взгляд его, острый как шпага, вновь пронзил великую княжну насквозь. До крайности неуютно было ловить на себе этот взгляд.

— Пожалуй, я расскажу вам, какие странные дела со мною творятся, — сказал репортер. — Начну с того, что нынче утром я получил письмо, а в нем знаете что?

— Что?

— Билет на два спальных места на Литерный поезд до Владивостока. Каково! Я Подпаскова из «Московского листка» хотел с кашей съесть, когда он не выбил ни одного бесплатного билета для своего корреспондента. А стоимость билета на Литерный вам известна? От «Московских ведомостей» едет другой. Меня не берут. Хоть на подножке езжай, как бывало в молодости. И вот изволите видеть: билет от анонимного дарителя на имя Владимира Легировского. И приписка: со спутницей. С какой такой спутницей, смею вас спросить? Вижу, вам любопытно. Не с вами ли часом?

Великая княжна не смогла ответить — очень стучало сердце.

— Похоже на то, что с вами, — Легировский и голос смягчил, — ваше императорское высочество...

— Что? — Катеньку точно ужалили.

— Извините, я должен был узнать ваше императорское высочество раньше, — склонил голову проницательный репортер. — Эти локоны... Но главное, я должен был сообразить сразу! Эх! Старею...

— Вы... вы обознались. — От растерянности Катенька стала запинаться.

— Не думаю, ваше императорское высочество.

— Но... это же просто смешно!

— Возможно, ваше императорское высочество.

— Прошу вас, прекратите! Это неуместное титулование...

— Виноват. Само собой, инкогнито прежде всего. — Легировский почтительно склонил голову, но уж очень живо блестели его глаза под кустистыми бровями. Словно у охотника, подкрадывающегося к дичи на верный выстрел, или у старателя, неожиданно нашедшего крупный самородок. «Да ведь он авантюрист, — внезапно подумала великая княжна, — как, впрочем, и я. Два сапога пара».

И вместо дальнейшего бесполезного запирательства спросила прямо:

— Что меня выдало?

— Манера держаться, — тотчас ответил Легировский. — Ваше... то есть вы упустили не менее трех прекрасных возможностей расплакаться, дабы воздействовать на чувствительное мужское сердце. Согласитесь, что это несколько неестественно. Далее — очень скупые в последнее время газетные материалы об августейшей семье. О поездке великого князя Дмитрия Константиновича на дальний Восток пишут много, но пишут только об этом. Как сговорились. Слухи о мошеннице, выдающей себя за дочь государя, — это третье. Непонятная суэта в Сыскном и приезд в Москву начальника Крымского жандармского управления полковника Гоцеридзе — четвертое. Но главное, конечно, неожиданный билет на две персоны и история с Сонькой Золотой Муфтой. Если подумать, через кого я получил сведения о том, что нынче утром ее должны выпустить, то многое становится понятно... — Легировский всхотнул, едва не перекрыв очередной раскат грома, и замотал головой в полном восхищении — рот до ушей. — Ай да Акакий Фразибулович! Ловко обделано, ничего не скажешь!..

— Тише, прошу вас. — Катенька боязливо оглянулась. — В себе ли вы? Какой такой Акакий?

— Акакий Фразибулович Царапко, начальник московской сыскной полиции, — пояснил Легировский. — По части сыска мастер, каких мало, и вообще ловкая бестия. Держу пари, он вмиг понял, кто ему попался. Вопрос только в том, зачем ему вас ловить? От этого же одни неприятности. Если в Москве вас схватят жандармы, ему тоже плохо — почему не сыскная полиция? Гораздо лучше, если вы найдете сами и не здесь, а где-нибудь подальше. Тут весьма кстати подворачивается поездка великого князя на Дальний Восток через Москву, и готово решение. Припугнуть Соньку для Царапко пара

пустяков. Да Золотую Муфту в любой момент можно задержать на три законные недели — та еще штука! Сделает, что велено, да еще спасибо скажет. Дальше — подставить вам меня. Знал ведь, змей, что я просто так не уйду, начну допытываться. Знал, что вам понадобится надежный спутник. Знал, что я пять лет жизни отдам, чтобы попасть на Литерный...

— Не чересчур ли сложно? — усомнилась Катенька, едва поспевая за силлогизмами собеседника.

— Для Царапко? — Легировский снова всхотнул. Положительно, этот сильный, не знакомый с этикетом человек начинал нравиться великой княжне. — Это для него пустое дело. Мастер, каких мало. Гений сыска, гений перевоплощения, гений интриги. Умен, деятелен. Большого будущего человек... ну и не хочет портить себе это будущее. Не дурак же он... Только все это, понятно, строго между нами, договорились?

— Договорились. — Катенька улыбнулась и вдруг протянула репортеру руку. — Жмите. Не вздумайте поцеловать. И не вставайте.

Вдруг все стало легко и просто. Худшее осталось позади — теперь великая княжна поверила в это. А впереди — о, впереди ждало что-то будоражащее, авантюрное и обязательно со счастливым концом! Как же иначе?

Осталось обговорить еще множество мелких деталей, и до конца грозы это было сделано. Легировский решительно отсоветовал Екатерине Константиновне появляться в Дурасовском переулке и, забрав ключ, сказал, что зайдет в квартиру сам и заберет все вещи «Аграфены Коровкиной».

— Новую квартиру я вам найду, не беспокойтесь. Там вас сам Царапко не сразу сыщет. Ну а послезавтра в Москву прибывает великий князь. Торжественная встреча, молебен, прием делегаций и все такое прочее... Нам туда не надо. Нам в Литерный надо. А знаете что, не очень-то мне нравятся ваши локоны. Я вас к театральным примерам свожу, они вам новую внешность сделают. Комар носу не подточит. Какие у вас документы?

— Избирательное удостоверение на мое имя и справка об условно-досрочном освобождении на имя Софьи Лейбовны Блювштейн. Пашпорта пока нет, но будет, она мне обещала...

Великая княжна торопливо объясняла, а Легировский молча думал. Потом широко раскрыл глаза.

— Погодите... Вы что, в самом деле собираетесь отдать сообщникам этой воровки три тысячи рублей да еще доплатить за паспорт?

— Да. Я не понимаю... Я обещала...

— Не вздумайте! Сонька получит свою награду от сыскной полиции, можете в этом не сомневаться. Ишь, стерва! Вздумала сорвать еще три тысячи! Нет, каково?! Забудьте об этом.

Забывать хотелось. И невеликого запаса оставшихся денег было жаль. Великая княжна покачала головой:

— Я обещала.

Легировский только шумно вздохнул и развел руками. Потом сказал:

— Ну хорошо. Только по тому адресу, что дала Сонька, пойду я. Не знаю, что Сонька поняла насчет вас и какие у нее на вас виды. Эта дамочка с воображением... Иду я — и точка.

— Но почему же вы...

— Потому что мне это не впервой. — Легировский озорно улыбнулся. — Кроме того, может получиться недурной очерк или фельетон, там поглядим. Я же газетчик...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

повествующая о губительном влиянии южной экзотики на умы северян, о прибытии графа Лопухина со товарищи на Сандвичевы острова, о Еропке, пострадавшем от своей доброты, и о несколько увеличившемся населении голландской колонии

Господин Раймон Жерар Гийом Жан Этьен де Буа-Жубер, французский консул на Сандвичевых островах, пребывал в отменном расположении духа. Он только что пообедал под тентом на веранде, с удовольствием лоя лицом ветерок, смягчающий проклятую жару, и намеревался с неменьшим удовольствием расслабленно посидеть в шезлонге, неспешно куря длинную сигару и глядя с высоты холма на бухту.

Немного клонило в сон. В глубине души консул понимал испанцев с привычной им сиестой, но сам еще не решался ввести в консульстве обычай послеобеденного сна. Начальство — далекое, европейское — не поймет. Где ему понять. А рассуждая по здешнему климату, если ты, оправдываясь службой, упускаешь случай предаться неге, то тебя стоит опасаться: как бы не бросился. Поскольку каждому ясно, что ненормальный.

Особенно туземцам. Но также и европейцам, прожившим в Гонолулу месяц-другой. Здесь не Африка. В африканских колониях не покейфуешь, тамошний отдых — та же пытка, разве что не столь злая, как работа. Но здесь везде океан, и дышится совсем по-другому. Цепочка Сандвичевых островов — волшебное украшение тропических широт. Поселиться бы здесь, выйдя в отставку, и жить в тихой радости, вместо того чтобы каждый день заниматься назойливыми людьми и докучными бумагами! В благословенном местном климате дни текут то в неге, то в ее ожидании, и уже не кажутся важными мысли о карьере, а жизнь проходит... О, мон дье...

Попыхивая сигарой и временами вздыхая, консул пытался собрать душевные силы, чтобы как следует разозлиться на обстоятельства — к счастью, минувшие, — да и на себя заодно. Не получилось. Вспоминая

недавнее, консул морщился, щупал печень — и не находил сил взвинтить себя, как следовало бы. Напротив, был расслаблен и благостен.

Наконец бросив бороться с собой, он подумал, что сегодня, пожалуй, может позволить себе не особенно утруждаться делами. Заслужил. Нынче утром кончилась пятидневная морока — русский корвет «Победослав» с русским цесаревичем на борту наконец-то отбыл, держа курс к берегам Японии. Буа-Жубер не желал русским зла. Он лишь подумал, что продешевил, приняв на себя обязанности еще и российского консула.

Год назад предложение казалось выгодным. Россия не имела своей консульской службы на Сандвичевых островах. Таковая служба была ей просто не нужна. Каким ветром могло занести русское судно в далекую голландскую колонию? Англичан — заносило весьма часто. Франция конкурировала с ними в торговле с Сиамом, Китаем и недавно открывшейся Японией, но у англичан были еще две цели по ту сторону океана — австралийская и новозеландская колонии. Заходили испанские суда, ну и, разумеется, голландские. Сандвичевы острова самой природой созданы как удобная — да что там, просто необходимая! — база посреди необъятного океана. И отремонтироваться, и переждать ураган, и перегрузить товар, и пополниться дорогим вследствие дальней доставки, но таким необходимым углем... На одном угле голландцы делают недурные деньги, а Британия облизывается, глядя на эти несколько клочков суши, открытые англичанином, но освоенные голландцами... Быть бы войне, если бы Франция неизменно не давала понять алчным британцам, что вмешается в конфликт...

Но русские на Оаху — это ново. За два с лишним века истории колонии российские суда посетили ее всего несколько раз. Буа-Жубер предполагал, что и в дальнейшем будет примерно так же. Принять на себя обязанности русского консула — почему нет? На синекуру зазорно напрашиваться, но принять предложение — это совсем другое и чести не уронит.

Предложение он принял. Принял и жалованье за шесть месяцев вперед.

Прошел год. Из Петербурга с попутной okazji было прислано жалованье за вторую половину года — и более ничего. Никакой

диппочты. Никаких министерских циркуляров страшной громоздкости и кошмарного слога, на что русские большие мастера. Ни одного русского судна. Ни одной бородатой физиономии. Буа-Жубер привык получать от русских деньги, не ударив палец о палец, и полагал себя везунчиком.

Грянуло внезапно. Искусно маневрируя под одними парусами, в бухту вошел русский корвет. Под брейд-вымпелом не кого-нибудь, а наследника российского престола!

Начиналось славно. Служба так служба. Раймон де Буа-Жубер даже обрадовался случаю доказать свою полезность. Заканчивалось так, что консул считал часы в ожидании, когда же эти русские вместе со своим цесаревичем уберутся ко всем чертям.

Матросов на берег русские отпускали скупно — особенно после того, как консул предупредил русского капитана: туземные красотки легко доступны, но этого-то и следует опасаться. Английские моряки завезли сюда сифилис, а легкость местных нравов повергает врачей в отчаяние. Голландские власти спохватились слишком поздно. Болезнь носит характер нескончаемой вялотекущей эпидемии. Туземцы мало-помалу вымирают от сифилиса и проказы, а падкие до примитивных удовольствий моряки разносят заразу по всему свету... Что?.. Да, есть тут и проказа, как не быть...

Помрачневший русский капитан обещал принять меры — и принял. Команда русского корвета не доставила консулу никаких хлопот.

Иное дело — русский цесаревич. О-о, это было ужасно!

Россию, предназначенную судьбой попасть в руки такому, с позволения сказать, будущему монарху, Буа-Жубер не жалел — с какой стати? Он жалел свои нервы и свою печень.

То и другое подверглось жестокому испытанию.

Отчасти консул был сам виноват и понимал это. Мог бы помимо исполнения прямых обязанностей, не очень-то обременительных, сделать визит на судно и сопроводить цесаревича на прием к губернатору, тем и ограничиться. Помешало щедрое жалованье, которое добросовестный консул счел долгом отработать.

И начался пятидневный кошмар. Шампанское с утра, потом разминка коньяками, далее какое-нибудь раут с непременно возлияниями, потом коктейли под пляски смуглых грудастых туземок в

относительно фешенебельных заведений Гонолулу, потом из одного заведения в другое, причем каждое следующее грязнее и отвратительнее предыдущего... пьяный цесаревич, взявший консула за ухо и бормочущий в это ухо какую-то чепуху... и два русских мичмана с пошлыми анекдотами... и собственный Буа-Жубера кудахтающий смех... и кто-то льет консулу за шиворот ром с кокосовым молоком, как будто это остроумно... потом непременно девки... туземки... ох... а утром хочется умереть от похмелья и стыда...

Та туземочка была зря, это точно. Нельзя было столько пить — забыл свои же предостережения! Сегодня утром, запершись в уборной, Буа-Жубер удостоверился в отсутствии венерических признаков, но это еще ничего не значило: вызванный для консультации врач обещал еще три-четыре недели беспокойного ожидания.

Но главный ужас кончился — квадратный, как комод, русский боцман на руках отнес русского цесаревича на судно, и русский корвет ушел в океан, дав консулу возможность постараться со временем забыть о пятидневной оргии, никоим образом не совместимой со статусом дипломата.

Главное — вновь запахло жизнью. С утра консулу хотелось застрелиться, но теперь он находил, что жизнь все-таки прекрасна, несмотря на присутствие в мире такого недоразумения, как эти русские.

Кейфуя на веранде, Буа-Жубер видел, как в бухту входит еще одно судно — баркентина стремительных очертаний, — и лениво размышлял над тем, что это может быть. Купец? Ни в коем случае. Разумеется, также не рыбак и не китобой. Судно военное, но чье и зачем? Вероятно, посыльное или гидрографическое, а может быть, и учебное. Британское, надо полагать. Есть у них полезная привычка шлифовать молодых офицеров в дальних походах...

Показалось или нет, что мелькнуло белое полотнище? Наверное, показалось... Откуда здесь взяться второму русскому судну? Но все же, преодолев послеобеденную истому, консул приказал желтокожему слуге принести бинокль.

Наведя оптику на судно, он ужаснулся. Андреевский флаг! Белый с косым крестом! Опять русские!..

Теперь надо было ждать визита. Настроение упало ниже некуда. Не послать ли в аптеку за патентованным антипохмельным эликсиром?

Или лучше к туземному знахарю, ибо примитивные народы в некоторых важных мелочах, надо признать, обогнали европейцев?..

Кликнув слугу, Буа-Жубер приказал ему достать из погреба и охладить бутылочку хорошего шампанского. Подумал о том, что одним шампанским, дело, пожалуй, не кончится, испытал рвотный позыв и спасся несколькими глотками мангового сока.

Перевел дух и стал ждать. Ожидание не затянулось.

— Граф Лопухин, — учтиво поклонившись, представился незнакомец, проведенный камердинером на веранду. — Прибыл нынче с баркентиной «Святая Екатерина». Имею ли я честь беседовать с господином де Буа-Жубером, российским консулом?

Буа-Жубер ответил утвердительно. Затем спохватился, чуть наклонил голову, наметил привставание и предложил посетителю занять второй шезлонг. Ибо этот русский, хотя и весьма небрежно для графа одетый, в манерах был безукоризнен.

Но ходил, расставляя ноги, как бывалый моряк, каковым, конечно не был, да и вид имел усталый. Ясно без слов: только что сошел на берег после долгого и вряд ли очень комфортного плавания.

— Ви есть командовать над этот судно? — с трудом вспоминая проклятые русские слова, осведомился консул.

В ответ граф улыбнулся располагающей к себе улыбкой и отвечал на безукоризненном французском:

— Нет, я не моряк. Однако, поскольку де-факто я являюсь начальником экспедиции, все вопросы прошу решать со мною.

— Уже есть вопросы? Например?

— Прежде всего, — заговорил русский, сразу беря быка за рога, — я уже извещен о том, что «Победослав» ушел нынче утром. К сожалению, при всем желании я не могу немедленно пуститься вдогонку. Припасы и вода у нас на исходе, угля нет вовсе, команда нуждается в отдыхе. Начальник порта, однако, отказывается принять «Святую Екатерину» более чем на сутки, мотивируя это тем, что у судна нет порта приписки. Но помилуйте, какой же может быть порт приписки у судна, отбитого у исландских пиратов? Не могли бы вы ходатайствовать перед губернатором о продлении стоянки до трех суток? За это время я рассчитываю управиться со всеми делами.

Вдогонку «Победославу»? Отбитое у пиратов судно? Буа-Жубер потребовал объяснений и получил их. Просто удивительно, насколько

этот русский умел выражаться лаконически. Весь рассказ не занял и трех минут.

— Следовательно, у вас, а равно и у вашей команды, не имеется ни документов, ни подтверждений этой... невероятной истории? — спросил консул.

— Только мое слово, — несколько суше, чем прежде, ответил граф.

— Нет-нет, я вам верю, конечно, — поспешил добавить Буа-Жубер. — Но как-то это, знаете ли...

— Непривычно?

— Благодарю вас. Вот именно непривычно.

— Поверьте, я не стал бы затруднять вас, однако обстоятельства складываются к большой для нас невыгоде. Больше всего на свете я хотел бы догнать «Победослав», но не могу этого сделать. Команде необходим хотя бы краткосрочный отдых. Нам нужен уголь, нужна вода, нужны припасы. По-видимому, судовой кассы не хватит, чтобы оплатить все, что нам потребно, и я вынужден обратиться к вам с просьбой о займе... разумеется, под хороший процент. У меня есть право действовать в подобных случаях от имени российского правительства. Мой вексель оплатят в любой русской миссии, имеющей телеграфную связь с Петербургом.

Консул немедленно взглянул на русского с подозрением. Уж кем-кем, а простачком господин Раймон Жерар Гийом Жан Этьен де Буа-Жубер не был. Не жулик ли явился к нему? Но — pardon — жулик, прикидывающийся русским графом, вероятно, был бы одет с иголки.

С другой стороны, русское правительство всегда платило по счетам, а если иногда задерживало выплаты, то потом возмещало все убытки к большой выгоде кредиторов. Прецеденты имелись.

И еще одно обстоятельство тревожило консула. Позавчера английский пакетбот «Уиппет», славящийся непревзойденной скоростью хода, доставил в Гонолулу свежие — всего лишь недельной давности — британские газеты, отпечатанные в Гонконге. Большая аналитическая статья в «Дейли Ньюс» была посвящена начавшейся морской войне между британским королевским флотом и рассеянными в океане эскадрами исландцев.

Британский лев прыгал и разил. Пиратские флотилии налетали внезапно, кусали и отскакивали. Но, согласно русской поговорке, сила

солтому ломит, и броненосная эскадра адмирала Гамильтона уже подвергла Рейкьявик первой бомбардировке, а в тактике исландцев стал замечаться переход от лихих налетов на превосходящие силы противника к обороне побережья. Впрочем, перспективы высадки десанта в Исландии пока казались автору статьи неверными и туманными.

Интереснее всего было другое: сообщалось, что положивший начало войне налет исландцев на побережье Шотландии был, по всей видимости, спровоцирован налетом неизвестной баркентины на одну из тайных пиратских баз в Южной Гренландии. Желая казаться объективным, автор статьи употреблял выражения «по слухам», «можно предположить, что...» и так далее. Обычная английская обтекаемость, а по-русски можно сказать проще: слышал звон, да не знает, где он.

Как всякий здравомыслящий человек, Буа-Жубер знал цену газетным «аналитическим» статьям. Однако не эта ли отбитая у пиратов баркентина под командой русского графа и фальшивым британским флагом учинила погром на гренландской базе пиратов и тем стравила диких исландцев с надменными англичанами?

Очень возможно. Русский, конечно, ни в чем не признается, но...

Весьма важное «но»! Во-первых, какой француз откажется позлорадствовать по адресу британцев? Да и морские пути станут безопаснее. Для Франции, уже два столетия не прикармливавшей пиратов, это только плюс. Во-вторых, слова графа получают подтверждение, хотя и косвенное...

— М-м... Петербург далеко, — изрек географическую банальность Буа-Жубер. Не приняв еще никакого решения, он раздумывал, покачивая в руке высокий стакан с соком манго. — Знаете, мне иногда кажется отсюда, что и Парижа никакого нет. Туман, сон... Париж пленяет воображение, но на Сандвичевых островах тоже по-своему пленительно, вы не находите?

— Да, — согласился русский, — пленительно.

— Похоже, Господь творил здесь черновик Рая, — вымученно пошутил консул.

И, не замечая того, что русский кивнул в ответ довольно равнодушно, продолжал:

— В самом деле, распрекрасное место. Вы знаете, я служил в Турции, так турки в настоящей неге ничего не понимают. Тут только и понимаешь, что это такое — нега... мерзость жуткая. Болото, граф, настоящее болото. Топкая трясина. Ступил — о-ля-ля — пропал. Сладкое самоубийство — вот что такое служба в дивных странах. Ничего не хочется.

— Понимаю, — сдержанно обронил Лопухин.

— Пить спиртное тоже не хочется, — со значением произнес консул, отслеживая внимательным глазом реакцию русского.

— И это понимаю, — отозвался тот. — Похвальное воздержание. Надеюсь, мне представится случай доложить об этом государю императору.

Консул широко раскрыл глаза. Либо перед ним стоял русский совершенно иной породы, либо ему нельзя было верить ни в чем. Сейчас скажет: «Но один-то стаканчик не повредит, не так ли?..»

Но русский этого не сказал. И консул немедленно проникся к нему живейшей симпатией.

И все же отсутствие документов, подтверждающих личность графа, сильно смущало консула.

— Гм, — произнес он, возвращаясь к вопросу о деньгах, — а велик ли процент?

— Двадцать процентов за сам факт займа, — тотчас отозвался русский. — И пятьдесят процентов годовых.

Глаза консула удивленно расширились.

— Это щедро.

— Не очень, принимая во внимание наше бедственное положение, — засмеялся русский. — Ну как, согласны?

— Я вижу, иметь дело с Российской империей выгодно, — полушутя заявил Буа-Жубер.

— Вы даже не представляете себе насколько, — добродушным тоном отвечивал граф. Быть может, чуточку слишком добродушным, и чуткое ухо француза мгновенно уловило изменение тона.

— Да... но гарантии?

— Никаких, кроме моего слова. Если российское правительство паче чаяния откажется погасить вексель, я сделаю это из собственных

средств. Но оно не откажется. Третье отделение Личной канцелярии государя всегда платит и не бросает слов на ветер.

Теперь все стало понятно Буа-Жуберу. Кто не наслышан о Третьем отделении! Вот, стало быть, кто этот русский граф Лопухин... Стоп! Да ведь русский черный полковник из свиты цесаревича... ну тот, у которого такой страшный сабельный шрам на лице... он, кажется, говорил что-то о русском графе, пропавшем без вести в бою с исландцами...

А мозаика-то складывается! Третье отделение. Пираты. Плен. Шпицберген. Восстание. Провокация в Гренландии. Война между англичанами и исландцами, которая на руку Франции. Появление Лопухина на Оаху. Однако этот граф — человек больших скрытых возможностей!

А кроме того — нетипичный непьющий русский!

— Ну что ж, — заговорил консул, отчаянным усилием гоня вон из памяти тошнотные воспоминания о кутежах с цесаревичем, — ваша просьба кажется мне основательной. Я буду ходатайствовать перед губернатором о том, чтобы вашему судну разрешили находиться здесь сколько угодно. Пожалуй, отправлюсь к нему с визитом ближе к вечеру, когда станет прохладнее... Не окажете ли вы мне честь сопровождать меня?

— С удовольствием. Но прежде подскажите мне, найдется ли в этом городе приличный магазин готового платья? Согласитесь, не в таком же виде...

— О, разумеется. Есть очень хороший французский магазин. Останетесь довольны. А пока мы могли бы несколько подробнее обсудить условия займа...

Проговорив это, он сделал многозначительную паузу. И дождался:

— Сто процентов в год. Долг вам не вернут, но проценты будете получать аккуратно. До конца жизни. В обмен на... некоторое содействие с вашей стороны. Оно не будет обременительным, уверяю вас.

Теперь пришел черед возмутиться:

— Позвольте! Я французский гражданин, и я патриот!

— А кто вам сказал, что мы потребуем от вас что-либо предосудительное? — засмеялся русский. — Нет-нет, нам не нужны ренегаты, мы ими брезгуем... Но разве просьба вести дневник вас

затруднит? Позднее мы сообщим вам темы, которые нас особенно интересуют. И самое главное, скромные усилия таких людей, как мы, не нанесут вашей прекрасной стране ни малейшего ущерба, наоборот, они помогут делу сближения Франции и России...

Консул криво улыбнулся. Русский молчал, изображая статую Приветливости. В беседе наступил черед Главной Паузы, после которой может начаться легкомысленный с виду, а на деле предельно серьезный разговор о деталях предстоящего «сотрудничества». И консул уже знал, что такой разговор состоится.

Знал это и русский.

«Св. Екатерина» бросила якорь в четверти мили от берега. Лопухин посчитал необходимым солгать команде, будто бы местный губернатор отказал русским в стоянке у портовой стенки. «Иначе их не удержишь, — одобрил решение Кривцов. — Неделю будем выковыривать наших героев из кабаков. Чисто по-человечески я их понимаю, но...»

«Но матрос прежде всего матрос, а потом уже человек», — вероятно, мог бы договорить он, но не стал изрекать давно известное. И сам он был прежде всего командиром баркентины, а уже потом человеком. Лопухин видел, как хочется Кривцову ступить на твердую землю вместо качающейся палубы, да и кому не хотелось бы? Но Кривцов ни за что не позволил бы себе съехать на берег раньше команды.

Вскоре между берегом и «Св. Екатериной» засновали баркасы. На баркентину везли воду в бочках, солонину, горы удивительно дешевых тропических фруктов, уголь в преогромных мешках и живых свиной цвета угля.

— Знамо они от солнца такие черные, — рассуждал, презрительно косясь на хрюкающий груз, матрос с серьгой в ухе. — Как негры в Африке. И тощие какие, глянь! Не, с них много сала не возьмешь. Свины — животные нежные. При такой жаре из них сало живьем вытапливается...

Вечером матросы метали жребий: кому ехать на берег, а кому ждать своей очереди до завтра, а то и до послезавтра. Кривцов распорядился отпускать ежедневно не более трети команды. Деньгами снабжал скупно.

— А на гульбу? — тщетно канючили недовольные. — Добавить бы надо, вашбродь! Ну что на эту денежку укупишь?

— Что купишь, то и твое. Марш! Следующий!..

— Как же это, ваше благородие? — не унимался проситель. — Нищие мы, что ли? Что о нас, о русских, подумают?

— Кружку пива выпьешь. Или стакан пальмового вина, есть тут такое. Авось останешься в уме и на местных баб не полезешь. Дурную болезнь захотел приобрести за свои деньги, дурья твоя голова? Так здесь это запросто. Следующий!

Над сконфуженным матросом, сжимающим в кулаке несколько монет, ехидничали те, кому выпало оставаться на борту, проклиная жару и такой лакомый берег, до которого хоть зубами скрипи, а не дотянешься:

— Видал? Кум королю! Весь остров на корню скупит.

— Сувениру мне привези, не забудь. Крокодилу сушеную.

— Ты гляди все вино на берегу не выпей! Хоть понюхать оставь...

— Поделился бы достатками, Степаныч!

— Глянь, братва, как он деньги в пятерне жмет! Миллионщик!..

В стороне, не принимая участия в обстреле счастливых шуточками, собралась небольшая группа матросов во главе с боцманом Аверьяновым. Они о чем-то переговаривались.

— Хлебнем с ними лиха, — тихонько шепнул Кривцов наблюдавшему за погрузкой Лопухину.

Тот только пожал плечами и ничего не ответил.

Еропка тоже получил увольнительную и толику денег. Вернулся он за полночь не сильно пьяный, то есть шатающийся, но не падающий, и принес что-то в свертке. По стеклянному звону подумали было, что слуга запасся вином — то ли для барина, то ли для себя. Оказалось не совсем так.

Поздно ночью немногие оставшиеся на баркентине были подброшены диким воплем, донесшимся из кубрика. За ним последовал удар мягкого тела о твердое — шмяк!

— Не виноват я, барин, — бубнил утром Еропка, глядя в пол и временами шмыгая носом с видом оскорбленной добродетели. При этом он болезненно морщился, ощупывал слегка скособоченное туловище и временами тихонько охал. — Ей-свят, нет моей вины вот

ни на столечко. А завсегда мне страдать. Все беды от доброты моей, а рази ж азиат доброту оценит? Да ни в жисть!

— Еще раз спрашиваю: чего ты не поделил с Кусимой? — С каждым однотипным вопросом металл в голосе Лопухина твердел и оцетинивался сверкающими лезвиями.

— Дак я ж и говорю, барин: ничего. Добра только хотел. А кто пострадавший? Я и есть пострадавший. Так уж на роду мне, видно, написано. Горькая моя планида. Как швырнет он меня — я в переборку и влипни, как лягуха. Думал, преставлюсь. Мало того, что японец меня изувечил, так еще и вы совсем горькой хотите сделать жизнь мою, и без того задрипанную...

Слуга всхлипнул.

— Ну-ну. На жалость-то не дави, знаю я тебя... Рассказывай по порядку, что и почему.

— За медицину пострадал, — вздохнул Еропка.

— Неужели? Ты же говорил, что за доброту.

— За доброту и за медицину. А может, за аптекаря. Жулик он, по моему. Да вы сами поглядите, барин! Во! — И перед Лопухиным явилась небольшая початая бутылка с прозрачной жидкостью, заткнутая пробкой, но тем не менее издававшая резкий запах.

— Косметическое средство «Лорелея». Оказывает благотворное влияние на кожу, устраняет старческие пигментные пятна и желтизну. Только для наружного употребления. Изготовлено в Берлине, — вслух перевел граф немецкую надпись на этикетке. — Ты пил это, что ли?

Слуга обиженно замотал головой.

— Кусиму поил?

— Да нет же, барин! Мне аптекарь показал, как надо. Капнул йоду на прилавок, пальцем растер, а потом ваткой с этой микстурой провел — и нету желтизны. Ну я и купил... для японца.

— Так-так, — произнес граф, кусая губу, чтобы не рассмеяться.

— Для его же пользы, барин! Взял я паклю, намочил этой жижей, подступил к азиату и давай ему рожу тереть. Он сперва терпел, потом зафыркал, залопотал по-своему, отстранился и поклоны кладет. Я так решил, что он меня благодарит по-басурмански. Стой, говорю, куда, я ж еще только начал. Мне говорю, возиться с тобой вовсе не в охотку, ан отмыть тебя, нехристя, надобно. Видишь, говорю, не отходит желтизна, значит, драить надо сильнее...

— Ну-ну. — Глаза графа смеялись.

— Тут он давай меня руками пихать. Я серчаю. Он — пуще. Я тоже. Мне бы, думаю, только изловчиться. Хватаю, значит, его в охалку и сызнава ему рожу тру, а он вдруг возьми да и зашипи как аспид. Да с этим шипением ни с того ни с сего ка-ак швырнет меня! Думал, тут мне и конец. Аж стенка эта, переборка то есть, загудела. Смеетесь, барин? Вам весело, а у меня все косточки ноют. Как жив остался — сам не пойму. Обмяк я и у стеночки прилег, а этот азиат клекочет надо мною, будто стервятник... Нехорошо вам смеяться, барин. — Еропка всхлипнул.

— Должно быть, джиу-джутсу, — молвил Лопухин.

— Что, барин?

— Своеобразная система японского боя без оружия. Тебе повезло, что цел остался.

— Вот и я смекаю, что повезло. Дикарь ваш японец, барин. Небось еще и людоед. Вот почему на ихней джонке мы только его одного и нашли, а?

— Почему? — спросил граф, кусая губу.

— Потому что остальных он съел, вот почему! И очень даже просто! Я в одной книжке читал, что так иной раз и европейцы себя ведут, когда среди акияна животы подведет, а уж нехристию человека скушать — тьфу! Даже без соли. Берегитесь его, барин!

— Ладно, поберегусь. Иди-ка отлежись, а «Лорелею» — за борт.

Шмыгая носом, слуга удалился. Лишь после этого Лопухин беззвучно захохотал.

Произведя наутро поверку, недосчитались четырех матросов, не вернувшихся из увольнения. Аверьянов с делано сконфуженным видом чесал в затылке:

— Сам не пойму, куда они подевались, ваше высокоблагородие. Ребята толковые, не какие-нибудь... Должно, загуляли. Да и как им не загулять после неволи пиратской да еще перехода через океан? Вы уж не серчайте на них, ваше благородие. Очухаются — явятся назад как миленькие, никуда не денутся...

Но язвительная ухмылочка так и готова была исказить губы боцмана.

— Думаю сегодня уменьшить количество увольнительных на четыре, — шепнул графу Кривцов. — Пусть распределят по жребью.

Озlobятся, конечно, но пусть зlobятся на застрявших на берегу разгильдяев...

Лопухин покачал головой.

— Они озlobятся на нас.

— Так что же прикажете делать? Дисциплины нет.

— Ничего не делать. Отпускайте на берег следующую треть.

В эту треть попал Нил. Весь вечер и полночи он шатался по городу, дивился на туземцев, подсмотрел из-за кустов танец живота, исполняемый туземками в одних только юбочках из травы — стыд и срам, однако не оторвешься, — и за полночь писал по горячим следам, пачкая в чернилах пальцы и старательно прикусив язык:

«Ну и город! Таковских городов я истчо не видывал, вот крест. Не город, а картина в багинете. (Или в багете? Запомятовал.) Деревья тут вот такенные, в растопыр, как барские зонтики, а больше пальмы. Ночью тепло, как у нас днем, и только летучие мыши по воздуху шмыгают. Или вот какая акварель: бежит желтая местная девка, а за нею чужеземный матрос с тубареткой, вот-вот попотчует по кумполу. Обои в дым и хлам. Ну, энто картина знакомая.

А по Расее я дюже скучаю. Но барский слуга сказывал, что скоро уже мы выйдем в море и пойдем себе в страну Японию. Я уже много японских слов знаю, какие Кусима-сан употребляет. «Банзай» у них — это как «ура» по-нашему. «Гейша» — раскрашенная девка с сэмисэном. Сэмисэн — это японская балалайка, а обтягивают ее японцы кожей кошачьей либо, какие поплоче, собачьей. Живодеры, одно слово. Кусима мне рассказал, что они каждый Божий день едят, так я понимаю, что с таких харчей и себя перестанешь жалеть, и других людей, не говоря уж о всякой безсловесной твари. А также харакири себе делают, кишки выпускают и берут грех на душу. А я так разсуждаю, что каковы харчи ни есть, а Бога бойся и греха беги. Потому как тоже душу имеешь, хучь и японскую...»

Воочию познав величину земного шара, Нил уже не отправлял бутылочные послания тетушке Катерине Матвеевне в город Житомир, а просто-напросто упражнялся в правописании. Во время плавания, даже в шторм, граф каждый день находил время для занятий с юнгой. Нил на лету хватал сведения из географии, истории, физики, понемногу начинал понимать японский язык... С русской грамматикой и чистописанием дело обстояло хуже всего. Во время стоянки на Оаху

графу было недосуг, но Нил точно знал: спросит. И если не исписал нескольких страниц, то посмотрит так, что захочешь провалиться ниже орлопдека: мол, не зря ли я тут на тебя свое время трачу? Человек ты или лишь на японскую балалайку годен?

За дверью — легкий шум, невнятный разговор. Торопясь, Нил посадил кляксу. Вот наказание! Положил на подставку стальное перо, задул лампу, пробрался на цыпочках к двери, тихонько приоткрыл...

Его сиятельство граф Лопухин был тут как тут — стоял к Нилу спиной и как-то странно держал руку. Нил всмотрелся пристальнее сквозь дверную щель. Вот так номер: в руке граф имел револьвер!

А перед ним угрюмо стояли четверо во главе с боцманом Аверьяновым. Один нервно сжимал в пальцах короткий ломик, словно хотел его согнуть. Другой прятал руки за спиной, и оставалось лишь гадать, что у него там. Масляный светильник на стене корабельного коридора бросал под ноги резкие тени.

Не повернувшись к Нилу, граф сделал свободной рукой понятное движение: скройся, мол. Нил попятился на вершок и вдвое уменьшил щель, но прятаться не стал. Ясно же было, что барину грозит опасность! Нешто лучше предать, чем послушаться?

Аверьянова Нил не любил. Спору нет — лихой вояка был боцман. На Груманте, сказывали, сильно помог — со своим отрядом прямо-таки размазал по студеным камням орудейную прислугу береговых батарей. А не лежала душа юнги к боцману. Если бы он шпынял мальчика, как все на свете боцмана! Если бы давал по шее за дело и не за дело! Шея что — от боцманского кулака только крепче будет. Где это видано учение без мучения? Но нет, Аверьянов не бил юнгу. Шпынял словесно — это да. Высмеивал. Презрительно кривя рот, при всех дразнил барчуком, и матросы смеялись. А какой он, Нил, барчук? Кому палубу лопатить, чуть только морская птица нагадит на настил? Нилу. Кому первому карабкаться по вантам чуть ли не на самый клотик? Снова Нилу. А что барин взялся учить юнгу грамоте и всякой книжной премудрости, так какое же в том барство? Обидно...

— Зря пришли, — послышался голос графа, и Нил весь обратился в слух. — Денег в судовой кассе почти нет. Все истрачено. Раздаем остатки. Вы видели, сколько тех остатков.

— Мы видели то, что вам было угодно нам показать, ваше высокоблагородие, — косясь на револьвер и, как всегда, ухмыляясь,

молвил Аверьянов. — Вы показали гроши, какие выдавали на руки, а судовой кассы мы в глаза не видели. А ведь мы за нее кровь проливали, верно, братва?

Матросы одобрительно загудели.

— Да ну? — изумился граф. — А я-то думал, что на Шпицбергене мы вместе дрались за свободу, а вовсе не за деньги. Нет?

— Одно другому не помеха. Деньги надо поделить поровну. И я так считаю, и вот братва тоже. Вы уж лучше не мешайте нам, вашескородие...

— Денег хотите? Во Владивостоке вас ждут призовые деньги за судно плюс жалованье. Чем вы недовольны?

— Мы хотим получить деньги сейчас, — прогудел раньше Аверьянова дюжий матрос.

— На пропой или на мировую революцию?

— Это уж наше дело, — отрезал Аверьянов. — Мы хотим, чтоб по справедливости. Всем поровну. Даже вам дадим долю. И Кривцову. А то братва обижается. Не доводите уж нас до греха, ступайте себе подобру-поздорову...

— Еще раз говорю вам: денег почти нет. — Голос Лопухина оставался спокойным. — Даю в том честное слово.

— А если мы хотим проверить? Будете стрелять?

Нил напрягся. Граф, словно у него были глаза на затылке, повторил свободной рукой жест: спрячься, мол.

Нил не послушался — это было выше его сил.

— Буду. — Голос графа прозвучал ровно, но так, что мороз продрал по коже.

— А не боитесь стрелять в матросов, ваше высокоблагородие? Что с вами тогда сделает братва, ась?

— А быть может, не со мною, а с вами?

Повисла тишина. Нил слышал только тяжелое дыхание матросов и понимал: барин одолевает их, одолевает! Он тверже камня. И матросы понимают: он действительно выстрелит, если на него набросятся. Первую пулю, наверное, пустит в потолок, но потом... Может опоздать, если на него насядут все разом! Тут будет самое время выскочить в коридор и кинуться им под ноги...

— Пошли отсюда, — со злостью и обидой сказал вдруг один из матросов. — Все ясно.

Нил понял, что обошлось. Теперь уже ничего не будет. И точно — первым повернулся и затопал по коридору Аверьянов, остальные — следом.

Нил ощупью стал искать спички — затеплить лампу. Сейчас войдет барин и попеняет за непослушание, а главное, за праздность. Лучше уж заняться чистописанием, будь оно неладно...

Утром недосчитались еще пятерых, зато вернулся один матрос из позавчерашних отпускников. Принеся повинную, вздыхал: черт попутал да вино... Выиграл в кабаке деньги у одного голландца да все их спустил. Очнулся в канаве. Где остальные? Не видал, ваше благородие, вот крест святой, не видал...

— Будем отпускать остальных? — на всякий случай спросил графа Кривцов.

— Непременно, — отозвался Лопухин. — Разве у нас есть другие варианты? Завтра уходим, сегодня у них последняя возможность погулять. Откажем в увольнении — спустятся ночью по якорцепи и доберутся до берега вплавь. Чего доброго, акула кого-нибудь сожрет. Или хуже того — взбунтуются.

— Не все назад воротятся...

— Значит, так тому и быть.

Будто бы и не было ночного инцидента. С последней партией съехал на берег и боцман Аверьянов. Оставшиеся на борту лениво доканчивали приборку после завершившейся погрузки. Палубный настил накалился, как сковородка, матросы то и дело поливали его водой. Окатывали и друг друга, фыркая по-тюленьи и отряхиваясь.

Кусима смастерил удочку и часа через два терпеливого ужения достал из нечистой портовой воды никому не известную рыбку калибром с селедку. Сейчас же почистил добычу на камбузе, порезал тоненько и принялся уплетать за обе щеки, ловко орудуя двумя выстроганными палочками. Рыбу он макал в плошку с черной бурдой собственного приготовления, смешенной частью из купленных в городе приправ, а частью из перетертых в кашницу растений неопознанной породы. Вид у японца был блаженный.

— Жрет и не подавится, — доложил графу Нил, брезгливо морщась. — Ой, то есть я хотел сказать: ест...

— Азиат! — сплюнул за борт насупленный Еропка, еще не забывший своего опыта по отбеливанию желтокожего.

— Это сасими, — пояснил слуге Лопухин. — Японское лакомство. Сырая рыба под соусом. Можно есть просто с солью и лимоном, вкусно и питательно. Само собой разумеется, рыба должна быть свежайшей и без паразитов. В Японии нам придется и не такое есть, японцы не одним рисом сыты. Кухня у них богатая...

— И все сырое? — в ужасе округлил глаза Еропка.

— Не все, но многое. Привыкай. Ступай-ка посмотри, как японец ест. Для начала просто посмотри и не плюй, не тебя ведь кормят. Постепенно привыкнешь, сам такой пищи запросишь.

— Да я лучше под поезд лягу...

— Запросишь, говорю. В Японии нам так и так придется питаться не только нашими припасами.

— Не жалеете вы верного слугу, барин, грех вам. — И Еропка отошел с обидой.

К удивлению Нила, словесной пикировки, от которой барин и слуга обычно получали большое удовольствие, не произошло. Граф казался задумчивым. Стоя у фальшборта, не обращал внимания на пекло, много курил — на сей раз голландские папиросы, а не ужасное исландское зелье, — и нетерпеливо барабанил пальцами по планширю. «Не терпится в море выйти», — думал Нил и был прав.

Если бы он знал, какие мысли одолевают графа, то ужаснулся бы: как можно подлогу такое выдерживать? Мчаться вдогонку «Победославу», кляня весь свет за любую задержку, надеяться на лучшее и не знать, жив ли еще наследник российского престола... Три дня назад он был жив и здоров, если не считать того, что в стельку пьян, но о чем это говорит? Пока еще ровно не о чем, кроме того, что второй агент на борту корвета еще не осуществил свое намерение... Но в том, что второй агент существует, у Лопухина не осталось никаких сомнений. Логика — вещь упрямая. Мелкие факты и умозаключения, подобно кусочкам смальты, складываются в мозаичную картину... и разве кто-нибудь обещал, что картина будет приятной?

Вопрос: кто? КТО?!

Вновь и вновь Лопухин перебирал в уме офицеров «Победослава» — и не мог дать ответ. В мозаике не хватало одного, может быть, двух

кусочков смальты.

На рассвете Кривцов постучал в каюту Лопухина.

— Входите, я не сплю.

— Я тоже. — Командир «Св. Екатерины» был мрачен. — Из тех семнадцати, что мы отпустили на берег, вернулись пятеро. Матрос Потапов рассказал, что боцман Аверьянов со товарищи не собирается возвращаться и просил передать кое-что по вашему адресу. Ничего существенного, одна матерщина. По-видимому, они желают здесь остаться. Отчасти я их понимаю: место райское, особенно после пиратской каторги...

— Кто бы их не понял? — Против всякого ожидания, Лопухин не выглядел рассерженным. — Скатертью дорога. Со временем начнут тосковать по России, и кто-нибудь как-нибудь найдет способ вернуться домой... а некоторые останутся. Было бы их побольше — глядишь, возникла бы русская колония на каком-нибудь из здешних островков...

— У нас мало людей, — хмуро констатировал Кривцов.

— Сколько?

— Было пятьдесят пять, включая вас, меня, вашего слугу, юнгу и японца. Теперь тридцать пять, если только кто-нибудь не удрал нынче ночью. На три вахты людей не хватит, разве что ввести английскую вахтенную систему...

— Это как?

— Попеременно большая вахта и малая. Большая — восемь часов. Малая — четыре, как у нас и везде, кроме британского флота. Тогда справимся. Но будет тяжело.

— Ничего, люди немного отдохнули. Так и делайте. Погрузка полностью закончена? Вы говорили что-то о свежих фруктах. У нескольких матросов признаки цинги.

— Фруктов в избытке, пресной воды до Японии хватит, угольные ямы полны. Вот люди... может быть, подождем еще?

— И сколько же вы намерены ждать, пока им надоест этот тропический рай? Неделю? Месяц?

— Хотя бы до полудня...

— Так и быть, ждем еще час и ни минутой больше, — отрезал Лопухин. — Прикажите развести пары.

Солнце еще не показалось из-за гор, когда загремела якорная цепь, наматываемая на кабан. Помогая машине, «Святая Екатерина»

оделась парусами и, пользуясь последними дуновениями ночного бриза, направила свой бег к выходу из гавани. Вскоре океанская волна ударила в скулу. Баркентина качнулась, выпрямилась и под крики чаек полетела на запад, словно гончий пес, преследующий дичь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой долгая дорога заканчивается для великой княжны казенным домом на колесах

Литерный поезд приближался к Омску.

Литерный-бис отставал. Так бывало часто. «Знамо дело, нас вперед пушают, — сильно нажимая на «о», высказал мнение толстый и бородатый купчина-подрядчик, прилипнув к стеклу в коридоре вагона. — Дорога новая, ишшо не опробованная... Неровен час сковырнемся с насыпи. Все верно, все правильно. Уж ежели кому страдать, так лучше уж нам, чем его его императорскому высочеству...»

И хотя никто из пассажиров не возразил верноподданным словам купчины, на него посмотрели с неудовольствием.

— Н-да... — только и сказал кто-то из корреспондентской братии. — Едем и едем, а писать не о чем. Хоть бы покусился кто, да где теперь те бомбисты? Иных уж нет, а те далече... Даже у студентов теперь иное на уме. Скучно жить в спокойной стране, господа!

— Типун вам на язык! — ответил другой корреспондент. — Посылайте в редакцию телеграммы о маршруте движения. Давеча Тюмень проехали, вот и пишите о проезде через Тюмень. Напечатают.

— Как же-с! Очень интересная тема: качество чайных на тюменском вокзале да плачевный вид общественных уборных! Да-с! А о чем еще писать прикажете? О виде из окна? Вон на бахчах арбузы зреют. Видеть их уже не могу. Прикажете об арбузах телеграфировать? Или о том, что из трубы паровоза валит дым?

— Зачем же о дыме? Можно писать о трудностях освоения Дальнего Востока, куда его императорское высочество великий князь Дмитрий Константинович едет наместником. Прекрасный материал полосы на две.

— А что вы знаете о Дальнем Востоке? Вы там бывали? Я тоже нет. Приеду, погляжу — напишу. Но не раньше. Выдумывать прикажете? Я от солидной газеты, она фантастику не печатает...

— У меня, представьте себе, газета тоже не желтая...

— Послушайте, что вы на меня взъелись?

— Это вы на меня взъелись, а не я на вас. Вы жаловались, что писать не о чем. А я говорил и говорю, что кто ищет, тот всегда найдет...

Перебранка в коридоре продолжалась. Легировский намазал хлеб тонким слоем коровьего масла, отковырнул кусок паюсной икры, водрузил на бутерброд и протянул Катеньке:

— Угощайтесь. Пейте чай, стынет... Вот же два дурака! Вы их только послушайте! Умора.

— Не вижу ничего смешного, — возразила великая княжна, принимая бутерброд.

— Это от репортерской неопытности. Как говорят самоеды, «глаза есть, видеть — нет». Из Тюмени я целый репортаж отправил. Знаете о чем?

— Надеюсь, не обо мне? — вымученно улыбнулась великая княжна.

— Нет, о водке. О местной водке, я хочу сказать. Казенная — редостная гадость пополам чуть ли не с керосином. А есть в Тюмени акцизная водка — ну слеза!.. Гонят где-то на севере, очищают фильтрацией сквозь торф и олений мох... Похмелья от нее нет. Вот я и написал материал о нерасчетливости наших чиновников. Акцизы душат, развернуться не дают. Если поставлять эту водку в европейскую Россию, то она вытеснит нашу сивуху, да и таких бед, как теперь, пьянство уже не наделает.

— Послушайте, но вы же не пили в Тюмени...

— Что значит не пил? Пьян не был, нет у меня такой привычки, а пить — пил.

— Когда же вы успели? В Тюмени мы стояли от силы час...

— Волка ноги кормят. Гхм... а славный материал нашли бы эти два обалдуя, если бы знали, кто сейчас пьет чай в трех аршинах от них! — Легировский захохотал. — Разрешите курить? Позвольте я окно открою. Простуды не бойтесь, ветер теплый.

— Курите, только умоляю, не шумите! Бог весть что о нас подумают.

— Уже давно думают и шепчутся, — «утешил» Легировский. — Я вам просто не рассказывал. К вас с самой Москвы интерес сугубый.

Интересная, мол, барышня, а носу из купе не кажет. Поначалу настаивали, чтобы познакомил...

— Этого еще не хватало! — вырвалось у Катеньки.

— Вот и я так подумал. Один хлюст из «Родного слова» пустился в предположения... умолчу, какие... Пришлось предъявить ему сей аргумент. — Легировский показал кулак размером с ядерную дыньку. — Теперь молчит. Остальные тоже. Я им дал понять, что вы не корреспондентка и, пардон, не моя любовница, а секретная сотрудница Третьего отделения инкогнито и на каждого из них будете писать отчет...

— Вы шутите, надеюсь?

— Нисколько.

— Да... да как же вы посмели?

— Посмели же вы сбежать из дому. — У Легировского на все был ответ. — Посмела же московская полиция арестовать вас. Посмел же, в конце концов, Царапко тайно помочь вам. Только умоляю, не надо про дозволенное Юпитеру и быку. В наше время такие отговорки не работают.

— Но все-таки... Это, знаете ли, как-то...

— Как?

— Чересчур!

— Вовсе нет. Если у вас припасен иной способ раз и навсегда избавиться от назойливых ухажеров — только скажите, и я объявлю собратям по перу, что разыграл их.

Такого способа у Катеньки не было. Говоря по правде, в его изобретении не было нужды. Теперь только выяснилось, что благодаря Легировскому.

— Простите, — сказала великая княжна. — Наверное, вы были правы. Наверное, мне слишком легко все давалось с самого рождения, вот я и разучилась ценить услуги друзей...

— Да разве мы ценим то, что имеем? — поднял бровь Легировский. — Вот новость! Не угодно ли пример: прошло всего-навсего пятнадцать лет со дня обретения нами Константинополя, а мы уже относимся к нему, как к какой-нибудь Пензе. Или взять хоть вас. Бросили как права свои, так и обязанности, помчались куда-то... Чего ради? Вы-то, конечно, убеждены, что причина тому существует и серьезна. А я убежден в обратном. Послужите в газетной хронике с

мое — тоже научитесь разбираться в людях. Уж поверьте мне на слово: половины преступлений не было бы, если бы всякий человек точно знал, что для него действительно важно, а что так, пустое облако...

Увлечшись спором не менее, чем ролью ментора, Легировский уже не один раз пускал великой княжне струю табачного дыма в нос, после чего, забавно конфузясь, начинал махать перед лицом Катеньки могучей ладонью, дабы выгнать дым в раскрытое окно. Просто прелесть, что это был за человеческий экземпляр! С виду крепыш, но не более того, а как заговорит, задвигается — гора, глыба, утес! Народная косточка. Вот такие, наверное, богатыри хаживали за зипунами на Каспий, а в Сибирь за ясаком! Без них Россия не утвердилась бы на берегах Амура, не вышла бы к Великому океану...

Странный человек: в обиходе неуклюж, а когда надо, ловок. В Москве сделал все в лучшем виде: и вещи вывез с квартиры, и документы добыл, и спрятал в дешевых наемных номерах, снимаемых бедными актерами, журналистами, студентами и прочей шумной, но вполне безопасной публикой. Бывало, за стеной начинал репетировать оперный бас, отчего дрожали оконные стекла, или среди ночи неожиданно рявкал тромбон, а вечерами дом наполнялся запахами подгоревшей на сковородке требухи — но ни драк, ни скандалов, ни квартирантов уголовного вида. Не слишком уютно и далеко не чисто, но прилично... Катенька и не знала, что есть в Москве такие занятные места. А для Легировского Москва была, что вода для рыбы. Такой боец ничего не испугается. И зачем он таскает в кармане кастет — при таких-то устрашающих кулаках? Чтобы сразу напавал?

Разумеется, Катенька понимала, что, принимая в ней участие, Легировский имеет свой интерес — репортерский. А еще он проговорился однажды, что собирает материал на книгу, которую не надеется опубликовать при жизни. Ох, лучше бы он ничего не писал об этой поездке, ни теперь, ни после... Попросить его об этом? Неудобно...

Но ведь как помог! Просто свалившийся с неба ангел-хранитель с ловкостью кошки и силищей циркового атлета! И все равно все рухнет в один миг, если кто-нибудь узнает — нет, просто заподозрит! — в «сотрудице Третьего отделения» великую княжну Екатерину Константиновну!

Пришлось отсиживаться в купе, покидая его лишь при крайней необходимости. Не появлялась Катенька и в вагоне-ресторане. Еду ей приносил Легировский, покупая всякую снедь в станционных буфетах, а то и просто у торговок. Поезд шел на восток пятые сутки. Говорили, что после Иркутска он пойдет еще медленнее. Приходилось терпеть. «Выдержу», — думала Катенька.

Иногда из-за железнодорожных проблем, не вполне понятных простому смертному, Литерный-бис пропускали вперед. Когда он проносился мимо, великая княжна отодвигалась от окна. Брат Митя был рядом — а не поговоришь, не посоветуешься. Его позиция ясна: члены императорской фамилии не вольны в выборе своей судьбы. Государственная позиция... и какая же бесчеловечная!

Лучше всего было бы сохранить инкогнито до самого Владивостока, от крайности — до Забайкалья. Трудно, а надо. Чем дальше поезд уносил великую княжну на восток, тем меньше была вероятность, что братец отправит ее к бабушке в сопровождении жадармского караула. Не из сострадания, а потому, что не доверит караулу. Знает характер сестры.

Иногда снился любимый, и всегда одинаково: он отдалялся, уходил куда-то с грустной улыбкой, заволакивался туманом...

Или то были слезы?

«Ну где теперь искать эту дуру?» — в великой досаде подумал Дмитрий Константинович. Не в первый раз подумал и не в сотый.

Хотел простонародно плюнуть и забыть, благо иных дел хватало. Не получалось.

Сестра все-таки. Росли вместе. Шалили вместе, совместно и терпели наказания, не переваливая вину со своих плеч на чужие. Наставники-немцы на взыскания были щедры, а похвалу из них клещами не вытянешь. Впрочем, это еще как посмотреть. Если сравнить с нещадно поротыми германскими принцами, то у русских великих князей было не детство, а сплошной праздник...

Ну ладно. Выросли. Сам — не семи пядей во лбу, но вроде и не дурак. Сестра — красавица с умом и характером. С тем самым характером, воспитать который так старались немцы — и преуспели, черт бы их побрал. К этому упрямому характеру еще бы дисциплину тевтонскую, да куда там. Не захотела рожать маленьких Саксен-

Кобургов. А кто неволил? Сказала бы твердое «нет» — и точка. Повздыхав, подыскали бы другую партию. Но не Лопухина, конечно! Капризы императорских детей терпимы до тех пор, пока они не переступают некой границы. Влюбляться в обыкновенных смертных можно, если держать себя в рамках приличия. Венчаться — увы. Много лучше самому пооборвать лепестки распустившихся в душе цветов, чем ждать, когда тебе их пооборвут другие.

Кто-то сомневается в том, что так и случится?

Ум — умом, пустое упрямство не имеет к нему отношения. Поэтому Дмитрий Константинович и ругал про себя сестру душой.

Сбежала! Ничего умнее выдумать не могла! Как в романах, чтоб их авторам в аду вовек из кипятка не выныривать! По всей империи ее ловят, а где она? Бог знает, в какую щель забилась. А может быть, удрала за границу, хотя жандармский полковник Гоцеридзе, помнится, докладывал иное. Но откуда Гоцеридзе может это знать, если его ищейки потеряли след? Из дедукции своей? Сестра все-таки умна, не всякий ее шаг продедуктируешь. К тому же еще и влюблена по уши, что для логики и вовсе губительно.

Вспоминая о логике, великий князь честно признавал, что тратить много времени на беспокойство по поводу участи сестры — неразумно. Ее ищут все жандармы империи и, надо думать, найдут. Еще будет время поплакать, коли придут дурные известия. Пока же надо ждать, не раскисать и работать.

А работы было по горло. Как можно более подробное знакомство с вверенным краем — пока на расстоянии, по картам и многостраничным докладным запискам. Вопросы освоения природных богатств. Концессии. Пути сообщения. Промышленность. Рыболовство и морская торговля. Судостроение. Отношения с Китаем, Кореей, а теперь еще и с Японией. Завоз продовольствия на казенные фактории на Камчатке и Курильской гряде, вывоз пушнины. Накопившиеся проблемы во взаимоотношениях с туземным населением. Английским хищникам, что спаивают чукчей и камчадалов и грабят их, пьяных, как хотят, показательно надавать по шеям, дабы зареклись впредь по-наглому ходить в русские воды. Выпросить у папаА хотя бы полдюжины быстроходных военных судов для охраны побережья и столько же построить на месте. Оборудовать современный порт в Золотом Роге.

Это только главнейшее.

Временами молодость брала свое. В Москве великий князь нетерпеливо переждал все положенные изъятия верноподданных чувств, отобедал у генерал-губернатора — и исчез неизвестно куда вместе с верным адъютантом Баклундом. Точнее, охране великого князя, было известно, «куда», но охрана помалкивала. Воротились искатели ночных приключений под утро, оба сине-зеленого цвета.

«Конь о четырех ногах, и то спотыкается», — мог бы сказать какой-нибудь доморощенный философ. А профессор модной науки психологии сказал бы иное: поиск сомнительных развлечений означает лишь то, что молодой человек не монах. И добавит, что тем лучше. Кто вечно держит себя в жесткой узде, тот с великим удовольствием наденет железную узду на других. Да еще с шипами внутрь.

В дальнейшем молодость новоявленного наместника проявлялась иначе. Из вагона, к которому теоретически должен был ехать начальник охраны, великий князь приказал сделать гимнастический зал. Повесил перекладину и кольца для тренировок телесной гибкости, боксерскую грушу и мешок с опилками для побиения боксом, устелил пол матами. Столяр в два счета смастерил шведскую стенку. Каждое утро Дмитрий Константинович целый час занимался французской гимнастикой и еще полчаса нещадно избивал безответный мешок. Доведя себя до седьмого пота, нырял в ванну, причем требовал, чтобы вода была холодная. И только после всех этих надругательств над собственным организмом великий князь садился завтракать.

Позавтракав, он работал до обеда, для чего уходил в вагон, служивший личным кабинетом, а по окончании обеда возвращался в гимнастический зал, наскоро преобразованный к тому времени в тир, чтобы пострелять из револьвера для улучшения пищеварения. После чего работал часов до семи вечера, а затем приказывал подать фехтовальные маски, нагрудники и эспадроны. За ужином — теперь уже с легким вином — великий князь подшучивал над адъютантами, а случалось и над самим собой, смотря по тому, кто нынче вышел победителем, а кому досталось стальной полосой по голове и по ребрам.

Если о причудах цесаревича в мало-мальски приличном обществе предпочитали не говорить (разве что шептаться), то причуды его

младшего брата, с должным уважением освещавшиеся прессой, служили излюбленной темой пересудов как столичных светских львов, так и провинциальных кумушек. Один газетный фельетонист осмелел до того, что выразил сожаление: нельзя, мол, поставить на рельсы манеж для верховой езды, а жаль, — и что бы вы думали? Тираж газетенки не был арестован, а редакции не пришлось платить штраф. Умные люди усматривали в этом дальновидную политику Третьего отделения: уж если подданные не могут не сплетничать об августейшей фамилии, пусть сплетничают о младшем сыне государя — ибо сплетни о старшем ввиду особенностей последнего разрушительны для монархии.

Вагон мотало на стрелках. Вагон был десятым по счету от паровоза, а всего вагонов в Литерном-бис насчитывалось двенадцать — ровно столько же, сколько в Литерном. Но половина вагонов в Литерном-бис пустовала.

Уже в первые дни пути Дмитрий Константинович выразил неудовольствие тряской и желание перецепить поближе к паровозу хотя бы вагон-кабинет. В ответ подполковник Огуречников, начальник личной охраны великого князя, почтительно поклонился, отчего его лысина тускло заблестела, будто маслом смазанная, и отвечивал: никак нельзя. То есть можно и теоретически и практически, но неразумно. Есть сведения: в пути возможно покушение бомбистов... Сведения, увы, темные и непроверенные, но подстраховка отнюдь не помешает. Статистика железнодорожных катастроф давно известна: когда паровоз сходит с рельсов, сильнее всего разрушается первый вагон, а выше всех взлетает — третий либо четвертый. Последние вагоны могут даже вовсе не сойти с рельсов. В недлинных поездах, когда почти нет угрозы излома вагонной оси или разрыва сцепки, безопаснее всего находиться в хвосте поезда, но не в последнем вагоне.

— Почему же не в последнем? — с ядом осведомился великий князь, проиграв словесную пикировку со своим Аргусом.

— На всякий случай, ваше императорское высочество, на всякий непредвиденный случай...

— Перестраховщики! — бросил Дмитрий Константинович, без приязни глядя на жандармскую лысину. — Сестру найти не можете, а туда же... — И, заметив, как окаменело лицо Огуречникова, добавил:

— Не обращайтесь внимания, прошу вас. Я не желал вас обидеть... Вы хотели сказать мне что-то еще?

— Ничего существенного, ваше императорское высочество, кроме того, что розыск упомянутого лица не прекращается. В меру сил его ведем даже мы, не отвлекаясь, разумеется, от исполнения прямых обязанностей...

Великий князь расхохотался.

— Даже вы, моя охрана? Ну и как успехи? Удалось ли напасть на след?

— Даже не на один, ваше императорское высочество, — с самым серьезным видом молвил подполковник. — Осмелюсь, однако, просить ваше императорское высочество не торопить меня с докладом, тем более что полученные нами сведения еще нуждаются в проверке.

В ответ Дмитрий Константинович махнул рукой.

— Уж лучше выполняйте ваши прямые обязанности, — недовольно морщась, произнес он. — Всё у вас, как я погляжу, нуждается в проверке... Впрочем, нет! Докладывайте сейчас. Какие такие следы вами обнаружены? Ну хоть один след?

И сразу же понял, что зря пытался уличить Огуречникова в фантазерстве.

— В Литерном, в третьем вагоне, в сопровождении известного московского репортера Легировского путешествует молодая особа с приметам... м-м... разыскиваемого лица. Почти не выходит из купе, в вагоне-ресторане не появляется, разговоров избегает. На станции Тайга в указанный вагон под видом второго проводника подсажен опытный филер. Ждем результатов.

— Ну-ну. И долго вы собираетесь ждать?

— Надеюсь получить более точные сведения в Красноярске, ваше императорское высочество.

— Оставьте вы, пожалуйста, титулование, в ушах звенит... Так вы, стало быть, думаете, что моя сестра устремилась на Дальний Восток навстречу... другому лицу, причем выбрала для этого Литерный поезд? В оригинальности мышления вам не откажешь. Хотя... нет, не может этого быть. Для этого она слишком осторожна. Нет, не верю.

— И я не верю, — спокойно проговорил Огуречников, — поэтому и не предпринял пока никаких экстренных мер. Однако проверить

обязан. Что за женщина? Материалы на Легировского уже получены по телеграфу, не такой уж он донжуан. И не такой богач, чтобы оплатить путешествие в Литерном с дамой сердца. Но ловкач известный.

— Вот видите! По-моему, вы тратите время на чепуху.

— Вовсе нет, учитывая главную мою задачу: охранять. Для этого я должен быть уверен не только в благонадежности всех без исключения пассажиров Литерного-бис, но и всех пассажиров Литерного.

— При чем тут Литерный?

— Всего лишь при том, что им могут воспользоваться бомбисты. Это удобно. При достаточной дерзости с их стороны может сработать. А там народец дерзкий.

Великий князь на минуту задумался, потом покачал головой.

— Полно, не преувеличиваете ли вы? Бомбисты — в наше время?

— Группа некоего барона Герца. Видный мраксист и опасный смутьян. С руководством своей партии он без малого на ножах, а его группа подчиняется ему одному. Полиция упустила его из виду в Москве. Где он сейчас — неизвестно. О его группе тоже ни слуху, ни духу, и это очень плохо. Возможно, они к чему-то готовятся. К сожалению, пока мы располагаем лишь подозрениями.

— Гм... я-то им на что? — спросил великий князь. — Ведь даже не цесаревич.

— Позвольте не отвечать, ваше императорское высочество, — поклонился Огуречников, вновь перейдя на официальный язык.

«Это значит: сам догадайся», — подумал великий князь и ругнул себя за непонятливость. Ну конечно! Все проще простого: убитый уже никогда не станет ни цесаревичем, ни императором. А высоко сидят господа мраксисты, далеко глядят... В императорах им нужен нетрезвый братец Мишенька...

Логичный шаг: устранить саму возможность изменения порядка престолонаследования в пользу младшего сына по именному указу государя. Не будет младшего сына — не будет и указа, строго говоря, весьма гипотетического, но об этом шепчутся...

А заодно — всколыхнуть народ. Любимое занятие этих господ.

Народ, положим, всколыхнется, хотя совсем не так, как они рассчитывают. Но это уже не изменит главного: при новом государе, при Михаиле Константиновиче мраксисты уже могут попытаться

учинить в России революцию — если только не слишком поспешат. Время будет работать на них. Когда-нибудь они дождутся того, что верховную власть можно будет скovyрнуть одним щелчком...

И верховная власть будет виновна в этом ничуть не меньше всяких бомбистов-заговорщиков!

Неглупо, ох, неглупо... Но по всему видно, что подполковник Огуречников тоже не из дураков.

— Хорошо, — отрывисто произнес Дмитрий Константинович. — Работайте. Полагаюсь на вас. Но в случае малейшего изменения обстановки — немедленно докладывайте мне лично. Да, кстати... государю доложили об опасности покушения?

— Никак нет, ваше императорское высочество. Пока еще нет.

— Очень хорошо. У меня к вам личная просьба: не торопитесь докладывать. Здоровье государя в последние недели... несколько расшаталось, вы меня понимаете?

Еще бы Огуречников не понимал.

Бесконечные арбузно-тыквенные бахчи в сухих степях давно кончились, сами степи тоже. За вагонным окном замелькали сопки, одетые пышными елями. Легировский полистал географический атлас и сообщил, что дальше начнутся настоящие горы, особенно высокие после Байкала.

— Благодарю, у меня по географии всегда был высший балл, — чуточку насмешливо отозвалась великая княжна.

— А у меня нет. В этих краях я впервые. Немало погулял в молодости, но все больше по Волге-матушке, да по южнорусским степям, да по Кавказу... Думал: вот она, Россия. А то был российский хвостик.

— Так уж и хвостик? Может быть, все-таки голова?

— Если голова нынче повернута на восток, то где же быть хвосту? Вы только поглядите, какие здесь просторы! Людей мало, что верно, то верно. И дело делается через пень-колоду. Дорога эта стала казне раза в три дороже, чем следовало бы Воровство и разгильдяйство. — Увлечшийся было Легировский внезапно спохватился: — Но главное, конечно, то, что дело все-таки делается...

— Вот именно.

Легировский отрезал толстый пласт розового сала от здорового куска, коим разжился на полустанке под Красноярском, водрузил на хлеб, стал жевать. Великой княжне он таких деликатесов уже не предлагал, а та, в свою очередь, перестала ужасаться: как же можно кушать такую пищу? Прожевав, репортер подавил отрыжку, вытер руки о старую газету, скомкал ее и метко швырнул в корзину для мусора. Манеры его восхищали и одновременно возмущали Екатерину Константиновну.

— Вот едем вроде быстро, а пожалуйста любоваться — однокорейка, — продолжил он. — Где вторая колей? По проекту должна ведь быть. Если что-то случится на перегоне, как подать помощь? Если война, как быстро перебросить большое количество войск? По проекту первой очереди Транссиба двухпутка должна идти до самого Иркутска, а где она? В Омске кончилась.

— Будет, — уверенно сказала Катенька.

— Будет-то, может, и будет, но когда? Теперь возьмем Байкал. Известно ли вам, что обходной, с юга, путь проложен так себе, на живую нитку? По-честному, там еще работы непочатый край. Там версты пути не погонные, а поганые. Скалы рвать надо, туннели долбить. Это железная дорога? Это российская наша показуха, вот это что! И очень даже может случиться так, что пассажиров от греха подальше высадят и повезут водою. Как раньше возили. На колесном пароходике. Чух-чух, шлеп-шлеп.

— Откуда вы только все это знаете?

— Обязан. А известно ли вам, что...

Он не договорил — в дверь деликатно постучали.

И неделикатно отворили ее.

— Не угодно ли чаю? — ласково улыбаясь, молвил проводник, сунув в купе голову в фуражке. — Только что заварен. Чай превосходнейший, булочки свежайшие, икорочка паюсная. И лимон-с имеется.

— Благодарю, нет, — быстро ответил Легировский. — Если захотим позже, я сам к вам зайду.

— Как угодно-с. — И голова в фуражке скрылась.

Помолчали. Легировский морщил лоб, теребил себя за вислый ус, катал по лицу желваки.

— А я бы выпила чаю, — сказала Катенька. — Принесете?

— Гм...

— Извините, вы о чем-то думаете?

— Не нравится мне этот проводник. — Легировский жестко усмехнулся. — Очень уж глаза внимательные. Ни гроша еще от нас не получил, а любезен сверх меры. Появился недавно, до него другой проводник был. О чем это говорит?

— Филер? — тихонько ахнула Катенька.

— Он самый. Эту публику я за версту вижу. Поздравляю, вы в подозрении. Филер-то толковый, далеко не из последних. Такого абы кого пасти не пошлют.

На глаза великой княжны навернулись слезы.

— Как вы думаете... узнал он меня?

— Не знаю. Если узнал, то вряд ли уже успел доложить. Но если даже успел, то где-то там... — Легировский неопределенно помахал рукой в воздухе, — решают, что с вами делать. Ну и со мной, конечно, тоже, я ведь пособник. А пока там решают, время идет. Во всяком случае, до Иркутска мы можем ехать спокойно — там ведь понимают, что никуда мы из поезда не денемся... Как вы думаете, великому князю о вас доложат?

— Наверное. Вряд ли посмеют не доложить. Но...

Катенька не договорила. Легировский посмотрел на нее с подозрением.

— А что я могу? Выкинуть филера из поезда разве? Это лишь отсрочка. Дохромает до ближайшей станции и протелеграфирует. Тремя часами раньше, тремя часами позже — какая разница?

— Да-да, конечно... — спокойно ответила великая княжна. — Я понимаю.

Ей хотелось плакать.

Начальник станции Тулун-Узловая, красный и яростный, налитым кулаком тыкал в зубы машинисту Будрылину. Начальник был недавно назначен и в связи с проездом дальневосточного заместника очень боялся, как бы чего не вышло. Будто назло, в своем распоряжении он имел всего-навсего два паровоза и две паровозные бригады. Паровозы были хорошие, типа «Змей-Горыныч», и бригады до сегодняшнего дня казались начальнику станции вполне надежными...

И вот нате, любуйтесь — Будрылин пьян в стельку!

Подлеца трижды окатывали студеной колодезной водой — вотще. Били по щекам — с тем же результатом. Будрылин стоял на ногах только потому, что его поддерживали под мышки. При каждом тычке начальственного кулака голова машиниста откидывалась назад и упрямо возвращалась. Членораздельно говорить он не мог — мычал по-животному.

— Как ты смел, негодяй! — гремел на всю подведомственную территорию начальник.

Будрылин мычал.

— Ты хоть понимаешь, пьяная сволочь, что натворил? — И новый тычок угодил пьяной сволочи в нос.

Будрылин вдруг удивился.

— Н-не им-меешь права б-бить! — выговорил он, шмыгая кровоточащей ноздрей.

— А вот я тебе сейчас покажу, на что я имею право! — лютовало начальство.

— Да бросьте вы его, Филипп Филимонович! — не выдержал помощник начальника и сам же подал пример, выпустив истязаемого. Будрылин мешком осел на пол. — Сами же видите: бесполезно. Мы ему потом чертей выпишем, когда очухается. Сейчас не бить надо, а думать, что делать! Их благородие уже беспокоятся...

«Их благородием» был жандармский поручик, пока еще не посвященный в суть разыгрывающейся драмы. Посвящать его в тонкости работы с железнодорожными кадрами никому не хотелось.

Свистящее дыхание вырывалось из груди начальника. Однако цвет его лица стал понемногу улучшаться.

— Паровозы под парами?

— Так точно, оба.

— А в одной бригаде некомплект. Как назло — машинист! Будь помощник или кочегар, тогда бы ладно... Где взять машиниста? Думайте.

— Может быть, снять с «кукушки» Шишова? Он у нас непьющий.

— Скажете тоже! Ему уж лет восемьдесят. На «Змее-Горыныче» никогда не ездил. И кто «кукушку» мне гонять будет?

— Да, верно. А Мендельсон?

— Молоко на губах не обсохло. Потом, так я и доверил какому-то Мендельсону везти великого князя! И «Змея-Горыныча» он тоже не

знает.

— Так Каменюкин знает! Что с того, что он только помощник? Он толковый. Пусть ведет паровоз. А Мендельсона к нему машинистом... для виду. Пускай прокатится. Не Литерный-бис, поведет, разумеется, а просто Литерный.

Начальник станции утер пятерней обильный пот.

— Уф! — выдохнул, как кит. — Кажется, только это нам и остается. Ну, если обойдется — сотенную на храм пожертвую, вот крест! Нет, стойте... Мендельсон же нынче домой отпущен!

— Можно послать за ним, он недалеко живет.

— Поздно! — От досады начальник станции схватился за жидкие волосы на своем затылке, подергал аккуратно. — А впрочем, посылайте, да чтоб мигом! Одна нога здесь, другая там... Живо!

Оставшись в служебном помещении наедине с мертвецким Будрылиным, начальник станции пнул храпящее тело ногой и помянул черта. Первым надо было выпускать на перегон Литерный, а Литерный-бис — следом. Но как прикажете это сделать? Трезвая бригада — это для поезда великого князя, тут и разговоров быть не может. Выпустить Литерный, ведомый одним помощником без машиниста? Каменюкин, без сомнения, справится, но на машиниста он еще не аттестован. Узнают — сгноят. Значит, надо ждать Мендельсона. И нет времени. Задержать отправку обоих рейсов? Нет, только не это. Стало быть, остается одно: первым отправить Литерный-бис с великим князем и его свитой, а за ним уже Литерный. Для этого — загнать Литерный в тупик якобы по ошибке. Тоже, конечно, по головке не поглядят, но и не взгреют, надо полагать, слишком-то сильно...

Начальник станции вновь вздохнул по-китовьи. Решение было найдено.

Он не знал того, что подполковник Огуречников иногда отдавал приказ: на таком-то перегоне Литерному-бис проскочить вперед. Но не в этот раз. Не знал он и того, что пьяный негодяй Будрылин только что спас великого князя от вероятной гибели. За что на месяц будет переведен в кочегары и, озлобившись от вопиющей несправедливости, начнет втихомолку почитать брошюры Клары Мракс.

— Лучше места не сыскать, — сказал Битюг, указывая толстой, как полено, ручищей на насыпь. — И высоко, и спуск, и поворот.

Сковырнется как миленький.

— Мост был бы лучше, — задумчиво проговорил Ворон, жуя травинку.

— Лучше-то лучше, только это еще как посмотреть, — не согласился Битюг. — На мосту охрана, стало быть, без стрельбы не обойтись. От моста далеко не уйдешь ни по земле, ни по воде — перебьют нас, а то и сцапают. Место открытое. А тут любо-дорого: сделали дело — и мотаем в тайгу. Тайга — она завсегда укроет. Ищи сто лет, не найдешь. На заимке отсидимся. Спрячем ружьишки, шурфов еще накопаем вдобавок к тем, что уже есть. Старатели мы, работаем артельно, бумага с печатью имеется, вот и весь сказ. Ежели и найдут нас, так нипочем не дознаются.

Ворон поднял бровь, но ничего не сказал. Три человека уже лезли на насыпь. Осмотревшись, скатились вниз. Ворон тихонько свистнул, и боевая группа рассредоточилась в кустарнике. Ждать оставалось недолго.

Сначала, как обычно, пойдет дрезина с несколькими солдатами. Спустя полчаса или меньше — первый поезд, Литерный. Его трогать не надо, и мину следует закладывать, лишь когда он пройдет. Затем придется действовать быстро. В запасе минут десять-пятнадцать, вряд ли больше.

В общем-то вполне достаточно, ребята умелые.

Ждать пришлось не больше часа. Из-за сопки показалась дрезина. Она двигалась с разболтанным лязгом и скрипом, но довольно быстро. Четверо солдат качались на ней туда-сюда, как заведенные. В маленьком прицепчике позади сидели еще четверо — мордами друг к другу. Окрестный ландшафт был им нелюбопытен. Хоть встань в кустарнике во весь рост — вряд ли заметят.

Битюг кряхтел за кустом — испражнялся перед делом. Это давно вошло у него в привычку и служило предметом беззлобных шуток. Все знали, что Битюг — боец умелый и редкостно бесстрашный. Странно даже было, что он еще жив — с его-то революционной биографией. А что до кишечника, то это вещь, рассудку не подчиненная. Революционер должен иметь твердое сердце, а о кишечнике нигде ничего не сказано.

Сдвинув на лоб картуз, Ворон лежал на спине, жевал травинку. Сейчас в нем трудно было узнать барона Герца, хорошо известного

полиции и жандармерии. Бароном он никогда не был, «барон» был использованной маской, одной из многих. Следующей маской станет либо присяжный поверенный Илларион Аркадьевич Соснин, либо священник Нафанаил, там будет видно.

Он забыл, когда мог позволить себе роскошь побыть хоть немного самим собой. Сначала это мучило, потом нравилось, теперь стало безразлично. Боевая группа знала своего лидера как Ворона — и этого было достаточно.

За сопкой издал свист паровоз. Ворон лопатками чувствовал легкое содрогание почвы. Вскоре слух уловил пыхтящие движения поршней и долгий противный скрип колесных реборд, какой бывает, когда поезд проходит крутой поворот.

Чуть приподнявшись, Ворон раздвинул ветки куста. Что-то в проходящем поезде показалось ему странным, но что именно — он сразу не понял. А когда осознал, было уже поздно что-либо предпринять. Хоть землю грызи, хоть вой по-волчьи.

Мимо шел не Литерный. Мимо проходил Литерный-бис с великим князем!

Невозможно спутать. В Литерном, набитом самой разношерстной публикой, среди бела дня просто не могло быть нескольких вагонов с занавешенными окнами, а в незанавешенных не мелькало бы столько людей в синей и защитной форме. Литерный был на два вагона длиннее.

Ни выть, ни грызть землю Ворон не стал. Подавить вспыхнувшее было бешенство — одна секунда. Далее заработала холодная мысль.

Уйти не солоно хлебавши?

Ну уж нет.

Похоже, группа ничего не поняла. Тем лучше. Правду о неудавшемся покушении на царского сыночка они узнают потом. А пока — за отсутствием главной цели сойдет и второстепенная.

Литерный. Полный толстосумов, мироедов, бездельников, попов и раззолоченных шлюх. Ворон знал, сколько каждый из этой накипи отвалил за удовольствие прокатиться в числе первых по Транссибу. Правда, в поезде ехали и так называемые «наиболее отличившиеся мастеровые»... рабочая аристократия, лизоблюды, благодарные за свое рабство рабы...

Их было не жаль. Другое дело — вся печать от ультрамонархической до либеральной поднимет вой. Правительственные меры не заставят себя ждать. Партии придется туго. А, тем лучше! Быть может, тогда удастся согнать кое-кого из зажавшихся вождей с просиженных кресел, обновить ЦК и наконец-то превратить партию из амебы в единый боевой отряд, спаянный железной дисциплиной... Тот не борец, кто не может извлечь пользу из неудачи.

Итак. План остается в силе. За одним исключением: нет нужды добивать уцелевших и разыскивать царского сына там, где его нет. Сразу после взрыва — команда на немедленный отход.

Поезд прогрохотал. Едва его хвост успел уползти за следующую сопку, как Ворон свистнул. Шесть человек рванулись к насыпи.

Добежать, вскарабкаться, расковырять ломом щебень, выкопать невеликую ямку под стыком, заложить дюжину динамитных патронов с наклеенным на торец связки кружком из белой бумаги, скатиться с насыпи, укрыться и ждать... В результатах выстрела из хорошо пристрелянной винтовки на ста шагах с упора Ворон нисколько не сомневался. Только слепой не попадет в белый кружок. Вдобавок один-два промаха не страшны. Секунд десять, не меньше на результативный выстрел — бездна времени. Произойдет ли взрыв под паровозом или перед ним — не имеет значения, остановить поезд машинист все равно не успеет.

Под жалом лома крошился, брызгал крошкой щебень. Ямка была готова даже раньше, чем предполагал Ворон.

Заложили динамит, легонько присыпали «гостинец». Если смотреть с путей — ничего особо подозрительного. Если сбоку — белый кружок виден отчетливо.

Воробей, самый молодой парень в боевой группе, приложил ухо к рельсине.

— Идет, — доложил он, сияя. — Уже близко.

Ворон тихонько свистнул: отходим.

И сейчас же ему захотелось зажмуриться. Или чтобы все это случилось с кем-нибудь другим.

Из тайги, затопившей сопки и прижимающейся к самой насыпи, выезжал казачий отряд.

Казачи!

Многоопытный Ворон считался с такой вероятностью, но полагал ее незначительной, целиком лежащей в границах допустимого риска. Мысленно он ставил себя в положение лица, ответственного за охрану поездов в пути, и находил это положение незавидным. Можно пустить вперед поезда дрезину с солдатами, можно поставить на каждой вагонной площадке по вооруженному жандарму, но как охранить весь гигантский рельсовый путь Транссиба? Несомненно, казачьими разъездами — толку от них скорее всего не будет, ибо бессмысленно пытаться заколоть комара шилом, — но можно доложить «наверх»: приняты все возможные меры...

Струйка холодного пота побежала по хребту. Боевая группа заметила казаков. Казаки заметили боевую группу.

Как назло, винтовка оставлена в кустах! Краем глаза Ворон оценил положение: винтовки только у двоих, у остальных лишь револьверы... Много ли навоюешь ими против десятка кавалерийских карабинов?

Кончена жизнь, подумал Ворон.

Но не кончено дело.

Он выстрелил первым. Промях! Неудивительно — на таком-то расстоянии. Казаки спешились, кто-то увел коней в лес, остальные залегли и открыли огонь. Боевая группа залегла на насыпи. Рядом с Вороном в рельс ударила пуля.

— Уходи, Воробей! — крикнул Ворон между выстрелами. — Все уходите по одному! Я последний!

Крошечный осколок камня, выбитый пулей, угодил прямо в глаз. Больно. Глаз перестал видеть. Но чепуха, мелочь. Сейчас часть казаков откроет непрерывную пальбу, не давая высунуть голову, а трое-четверо взберутся на насыпь, беря боевую группу в полукольцо. И это будет конец.

Хрипло вскрикнул кто-то, мучительно закашлял — кажется, Битюг. Ну вот, начинается... Выстрелы загрели чаще. Вновь совсем рядом пуля ударила в жалобно взвизгнувший рельс.

— Приказываю — уходите!

Вдруг послышался паровозный свисток. Где-то уже совсем близко. Ворон оглянулся на своих. Трое из группы выполнили приказ об отходе. Битюг лежал на боку и слабо сучил ногами. Не ушел

Воробей — юлил на животе по шпалам по-ужиному, перезаряжал винтовку, высовывался на секунду, стрелял, отползал...

Что ж, сам выбрал.

Уже не уйти — это было ясно как день. Где этот Литерный? Долго он будет тащиться?!

А, вот он!

Над склоном сопки показались клубы серого дыма. Еще несколько секунд — и выкатился паровоз.

Вовремя!

Один казак — по виду, мальчишка вроде Воробья — выскарабкался на насыпь и бесстрашно побежал навстречу паровозу, размахивая руками. Храбрый дурак. Не успеет.

А вот самому — надо успеть. Где мина?

Вот она.

Ворон с усмешкой прокрутил барабан револьвера. Еще два патрона. Может, послать одну пулю в спину бесстрашному казачку?

Нет, незачем.

Он в последний раз взглянул на небо, на Воробья, еще живого и ведущего огонь, на приближающийся с визгом тормозных колодок поезд...

Потом приставил дуло к динамитной мине.

И выстрелил.

— Слышите? — Легировский вдруг наострил ухо.

Великая княжна не донесла до рта ложку варенья.

Земляничным вареньем разжился на полустанке Легировский. Катенька сперва отнеслась к прикрытой газетным обрывком и перевязанной сомнительной чистоты бечевкой банке с подозрением — мало ли из чего варят варенье деревенские бабы, — но, решившись попробовать, весьма одобрила лакомство и вошла во вкус.

— Что я должна услышать?

— Ружейную пальбу, — пояснил Легировский. — Также и револьверную. Где-то стреляют.

— Не выдумывайте. Это колеса стучат.

Но Легировский уже прилип к оконному стеклу. Постоял секунды две и внезапно гаркнул:

— Ложитесь!

— Что? — Великая княжна захлопала глазами. «Ложитесь» — однако! Как сие понимать?

— Да ложитесь же вы!..

Легировский повалил ее на полку. Катенька вскрикнула и начала отбиваться. Почему-то оба вдруг оказались на полу. «Голову, голову обхватите руками!» — кричал репортер.

Тогда она поняла, что дело не в Легировском. Поезд экстренно тормозил. Паровоз свистел так, что в третьем вагоне было слышно. И вдруг — рвануло воздух. Дзенькнуло стекло. В уши ударило так, что великая княжна удивилась, что не оглохла.

Авария?

Но отчего пальба?

Неужели покушение?

Поезд все замедлял и замедлял ход. Но скорость свыше сорока верст в час мгновенно не погасишь.

В соседних купе и в коридоре кричали люди.

Предчувствие чего-то ужасного так и не пришло. С каким-то отстраненным любопытством великая княжна слушала крики, скрежет, глухие удары... Даже когда пол купе вдруг встал торчком, она не испугалась, а всего лишь удивилась странному феномену природы: неужели и так бывает?

Но так и было. Взрыв мины вырвал рельс. Паровоз накренился вправо и с неотвратимостью лавины покатился с насыпи. Следом — первый вагон, второй...

В тамбурах проводники бешено крутили ворота ручных тормозов. Третий вагон подкатил к исковерканному участку пути с черепашьей скоростью. Казалось, он останется на насыпи. Чуть помедлил, как бы принимая решение, — и, переворачиваясь, посыпался вниз.

Катенька пришла в себя от чьего-то пристального взгляда. Ее мутило, все плыло перед глазами. Она не видела, но ощущала: кто-то сидит на ее постели. Кто-то смотрит.

— Добегалась, сестренка? — участливый, но с оттенком язвительности голос.

Митя. Митенька.

Она попыталась пошевелиться и застонала от боли. Боль была везде. Сам воздух, казалось, был наполнен болью... и тошнотой.

Зато стало лучше видно.

— Не двигайся, — сказал брат. — Тебе повезло, легко отделалась. Другим повезло меньше. Восемнадцать трупов, не говоря уже о раненых...

— Где я? — с трудом удалось произнести.

— В моем поезде. Стоим в Иркутске. И еще простоим суток двое. Жандармы землю роют. Скажи спасибо казакам — без них все вагоны покатались бы под откос, такая каша была бы, что... — Брат не договорил, только махнул рукой.

— Что со мной? — с каждым мгновением силы возвращались.

— Я же говорю: легко отделалась. Множественные ушибы всего тела и лица, повреждено запястье — вероятно, трещина в кости, сотрясение мозга легкой степени. Да еще земляничным вареньем измазалась, как маленькая...

— Это помню. — Катенька попыталась улыбнуться. — Банка в лицо как прыгнет... Поддай зеркало, пожалуйста.

— Незачем тебе на себя любоваться, — отрезал брат. — Успеешь еще. Разрисованная, как папуаска.

Опять затошнило. Поборов приступ, великая княжна вспомнила:

— А Легировский?

— Он тебя и спас. Разломал в вагоне все, что оставалось недоломанного, и на руках тебя вынес. Да не только тебя. За «не только» придется его наградить, а за тебя — похлопотать, чтобы чудобогатыря избавили от следствия. А вот что мне с тобой делать, сестренка? Не подскажешь ли?

— Не отправляй меня назад, Митя...

— Не отправлю. Государь, правда, требовал, но я телеграфировал, что по твоему состоянию тебе лучше пока побыть со мной. До Владивостока ближе, чем до Петербурга. Как-нибудь доедем.

Митенька был недоволен. Иначе сказал бы «папа», а не «государь».

— Спасибо.

— Только не благодари меня! Подлечишься, подышишь морским воздухом — и сразу назад. С надежной охраной. И без возражений! Ясно?

Екатерина Константиновна улыбнулась в меру сил.

— Хорошо, Митя. А ты мне покажешь Байкал? Если мне еще нельзя будет вставать, ты приподнимешь меня, чтобы я видела?

— Зачем? Поедешь назад — увидишь.

«Не увижу, — подумала великая княжна. — Потому что назад я не поеду. Ни за что».

Само собой разумеется, она не произнесла этих слов вслух.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой русские гайдзины наконец-то ступают на землю Ямато

— Смотрите, гора Фудзи!

Свежий ветер нес корвет к японским берегам, а берегов как таковых еще не было видно. Даже мичман Свистунов, наказанный за пререкания с командиром трехчасовым сидением на салинге, не видел сверху береговой полоски. Но уже вставало, проявлялось, словно на фотографической бумаге, туманное коническое чудо со снежной шапкой на вершине.

Возле фальшборта толпились матросы, гардемарины, морпехи, но ни вахтенный начальник, ни старший офицер, ни полковник Розен даже не подумали рывкнуть на них.

— Дошли... — с наслаждением выдохнул Враницкий и даже улыбнулся, чего за старшим офицером обычно не замечалось. Прикрыл глаза и потянул ноздрями воздух. — Фу-ты, ну ты... Как будто уже берегом пахнет. Мерещится, что ли?

Розен не ответил, но тоже улыбался, и на сей раз кошмарный шрам на лице полковника не делал его улыбку жуткой.

— Увидеть Фудзи издали — хорошее предзнаменование для прибывающих в Японию, — ввернул Канчялов, создавший себе прочную репутацию специалиста по Японии. — Нам везет, господа. Япония нас приветствует.

Но уже через минуту силуэт конической горы растаял в невесть откуда взявшейся дымке, и общее приподнятое настроение скакнуло вниз. Враницкий гаркнул на толпящихся без дела, а Розен поинтересовался у Канчялова:

— Ну-с, что теперь говорят народные туземные приметы?

— Как бы нам в шторм не попасть, — озабоченно молвил Пыхачев, неслышно подойдя сзади. — Ветер-то крепчает. Не по нраву мне эти воды. Если разобраться, много ли мы о них знаем? Павел Васильевич, голубчик, распорядитесь взять один риф. Да прикажите Свистунову спуститься, неровен час шквал налетит...

— Слушаюсь, — козырнул Враницкий.

Старший офицер остался недоволен: Свистунова, по его мнению, следовало держать на салинге ровно столько времени, чтобы только мочевой пузырь не лопнул, затем разрешить сбегать в галюн — одна нога здесь, другая там — и вновь на салинг... Или даже высадить наглеца на любом из безлюдных островков, что льнут к Японии, как стая мелких рыбешек к китовой акуле. Были прецеденты.

Мичманишка, а туда же — денщика ему подавай!

О том, что в долгом плавании люди становятся раздражительными, Враницкий превосходно знал по собственному опыту. Как бороться с этим злом? Матросов — держать в строгости, но не возбранять им собираться вечерами на баке. Офицерам — предложить занятия, соответствующие их образованию. Канчялов прочитал уже третью лекцию о Японии. Фаленберг и Завалишин при всяком удобном случае расставляли на доске шахматные фигуры и погружались в задумчивость. Батеньков отчего-то полюбил вести с отцом Варфоломеем диспуты на богословские темы. За Тизенгаузена с Фаленбергом старший офицер не беспокоился, а за Гжатского и подавно. Изобретатель морской самоходной мины делил теперь время между мастерской и своей каютой, где оборудовал фотографическую лабораторию. Подвинуться умом он не мог, поскольку, по мнению Враницкого, это уже давно произошло. К счастью, не без пользы для дела.

Оставались Корнилович и Свистунов. Всякую свободную минуту они проводили у цесаревича за картами и вином. Розен был бессилен помешать этому. Был случай, когда пьяный цесаревич попытался не отпустить Корниловича на вахту под предлогом неоконченной игры — шатался, вращая кровавым глазом, махал руками и ревел: «Я запр-р-р-рещаю!..» — а Корнилович лишь скалился, не потрудившись даже встать. Жаловаться Пыхачеву Враницкий не пошел, предвидя результат, — употребил власть сам.

Свистунов — того хуже — вздумал обзавестись личным денщиком, для какой функции наметил робкого матроса Илюхина. В ответ на несмелое возражение — избил беднягу так, что понадобилась помощь доктора Аврамова. Команда выстроилась на шканцах и принесла жалобу. Враницкий, моментально заметивший, что к матросам примкнули и морпехи, сообразил, что глоткой и свирепостью

здесь не возьмешь, пообещал разобраться и доложил командиру. Пыхачев схватился за голову.

— Боже мой! Что же теперь делать? Разве что выговор ему закатить?

— Мало. Матросы не поймут. Что я им скажу?

О последней вырвавшейся фразе Враницкий немедленно пожалел. Хорош старший офицер! Но взволнованный Пыхачев, кажется, не заметил.

— Тогда как же быть? Павел Васильевич, вы уж подскажите...

— Шли бы в открытом океане — посадили бы наглеца под арест суток на трое. Но Япония рядом. Хорошо бы, чтоб до берега наказание кончилось. Британцы практикуют сидение на салинге.

— Однако... он же офицер!

— Они и к офицерам применяют это наказание, Леонтий Порфирьевич. Офицер сидит, как ворона на ветке, матросы внизу зубы скалят. Безобразие, конечно, но ведь команда-то в сущности права...

— Ну, так тому и быть. Скажите, что я приказал.

И мичман Свистунов уподобился вороне на ветке. Против ожидания, к наказанию он отнесся юмористически. Сидел, спрятав голову в воротник, ежился на ветру, высматривал Фудзи.

Запищала боцманская дудка, послышались отрывистые команды, загремела брань боцмана Зорича. По вантам полезли матросы.

— Вижу позади нас неизвестное судно! — донеслось вдруг с салинга.

Враницкий сейчас же приложил к глазам морской бинокль. Смотрел долго.

— Паровая баркентина, — доложил он командиру. — Идет под одними парусами, но ходко. Вон как ее кренит.

— Флаг разглядели? — спросил Пыхачев. — У вас глаза лучше моих.

— Надо думать, через час разглядим. Гм... Случись такая встреча близ Европы, я бы посоветовал пробить дробь-тревогу. Типично исландская посуда английской постройки.

Пыхачев взглянул на Враницкого и с улыбкой покачал головой:

— Полно вам, Павел Васильевич. Мы близ Японии, какие здесь могут быть исландские пираты? Обжегшись на молоке, на воду дуете?

— Леонтий Порфирьевич!

— Не обижайтесь. Почему бы не предположить, что это англичане и есть? Идут, наверное, от Сандвичевых островов, как и мы. Что в этом удивительного?

Старший офицер постарался вздохнуть незаметно. Беспечность командира могла вывести из себя и человека с более крепкими нервами.

— Британцы мало используют данный тип судна, Леонтий Порфирьевич. Тем более в рейсах через Великую Атлантику. Маловата скорлупка.

— Вот именно: маловата. Неужели она может нам угрожать?

Враницкий не желал напоминать Пыхачеву о том, что бою с пиратской эскадрой между Оркнейскими и Шетландскими островами, кончившемуся гибелью «Чухонца», предшествовало как раз появление малых суденышек противника по корме.

Он только спросил:

— Не приказать ли развести пары?

— Не рано ли? — вопросом на вопрос ответил Пыхачев.

Между ними давно было договорено, что в Токийском заливе корвет пойдет под паром. Чай, не джонка. Следует показать и японцам, и иностранным дипломатам, что для русских моряков трансокеанский переход — тьфу! Угля, мол, хватит до самого Владивостока.

Хотя угля было мало. В Иокогаме надеялись втихую прикупить еще.

— Боюсь, поздно будет, — мрачно напроорочествовал Враницкий. — Того и гляди мыс Нодзима покажется.

— Прикажете разводить пары через час, — поморщившись, велел Пыхачев. — Иначе опять начнем дерево жечь и коньяки в топку лить. Ветер держится, ну и слава богу.

Однако ветер, усилившийся было до крепкого, начал понемногу стихать. Враницкий приказал прибавить парусов, а Свистунову — спуститься, принять в кают-компании полстакана рому и не показываться на глаза до вахты.

Зачем на палубе появился великий князь Михаил Константинович, вряд ли мог сказать он сам. Внешний вид наследника престола выдавал тяжкие страдания.

— Сине-желтый, как шведский флаг, — шепнул Розен Враницкому. — Перед микадо будет неудобно.

— Надеюсь, к тому времени цесаревич поправится, — с надеждой ответил старший офицер. — Второй день ни капли в рот не берет. Как вам только удалось его уговорить?

— Секрет. Скажу только, что августейшей семье мои методы не пришлись бы по вкусу. А что было делать?

Они обменялись сочувствующими взглядами.

Неизвестная баркентина не отставала — напротив, заметно приближалась. Враницкому никак не удавалось разобрать, под каким она флагом.

Прямо по курсу темной полосой сгустился из дымки низкий мыс Нодзима. Взяли два румба влево. Чертыхаясь про себя, старший офицер то и дело посматривал на часы. Предчувствия он имел самые скверные. Пунктуально выждав час, минута в минуту — отдал приказание разводиться пары.

Вновь приложил к глазам бинокль — и, выругавшись, побежал к каперангу.

— Баркентина развела пары раньше нас, Леонтий Порфирьевич. Мне это совсем не нравится. Еще час-полтора — и она нас догонит.

— Ну полно, полно, — морщился Пыхачев. — Ну сами посудите, Павел Васильевич, какие могут быть исландцы в японских водах?

— Тогда какого черта баркентина так торопится, Павел Васильевич? Бьюсь об заклад, она преследует нас! Прошу разрешения привести корвет в боевую готовность... хотя бы под видом учебной тревоги.

Пыхачев нехотя кивнул.

Нет лучшего способа заставить людей шевелиться, чем дробь-тревога. Минута — и все на местах, и корвет готов к бою. Жаль, что паровые котлы не люди и не могут столь же быстро исполнять приказания.

В топках гудело пламя. Лейтенант Канчялов приказал не жалеть дерева и пропитанных керосином тряпок, дабы скорее занялся уголь.

— Еще минут тридцать, — передал он Враницкому через вестового.

Старший офицер чертыхнулся. Неизвестно почему чужое судно, не идущее по боевой мощи ни в какое сравнение с «Победославом», тревожило его одним своим присутствием. Да еще и нагоняло!

Осторожный Враницкий обшаривал биноклем горизонт, ждал какой-нибудь каверзы.

Взглянул на баркентину еще раз — и замер, не веря глазам.

Неужели Андреевский флаг?

Через десять минут в том не осталось никаких сомнений. Соотечественники?..

— Продолжайте следовать прежним курсом, — распорядился Пыхачев, выслушав доклад старшего офицера.

Каким прежним? Миновав мыс Нодзима, корвет повернул на норд, нацеливаясь на вход в Токийский залив. Приказ приказом, а выполнять его буквально — дураков нет. Сам же каперанг выберит и будет прав.

Запустив машину, пошли быстрее, держа, однако, средние обороты. После истории с зубчатым редуктором Пыхачев и Враницкий по молчаливому согласию избегали менять передаточное число. Баркентина продолжала нагонять корвет, но приближалась теперь медленнее.

К Враницкому, барабанящему пальцами по перилам мостика, подошел Розен.

— Вы можете счесть меня сумасшедшим, — негромко произнес он, — но я, кажется, догадываюсь, кто гонится за нами.

— Кто же?

— Один очень упрямый человек, которого мы потеряли было, да только он не захотел оказаться потерянним. Не его роль.

Враницкий сообразил не сразу, а когда догадался — взглянул на Розена с укоризной.

— Фантазии, господин полковник. Граф Лопухин погиб, вечная ему память. А если не погиб, так в плену у пиратов, что еще хуже.

— А вот увидите... Предложил бы пари, но это будет чистый грабеж. Можете дать тревоге отбой, никакого инцидента не будет.

Тем временем мачты баркентины расцвелись целым букетом флажков.

— Просят нас уменьшить ход, — разобрал Враницкий в бинокль. — Пойду доложу.

— Вот видите, — усмехнулся Розен. — Что я вам говорил!

— Увижу своими глазами — поверю, — отрезал старший офицер. — Догадкам верить не привык-с!

Вернулся он в сопровождении Пыхачева. Некоторое время каперанг делал вид, будто вышел на мостик исключительно по обязанности командира находиться на посту во время входа в порт, тем более незнакомый. Затем произнес:

— Но ведь там могут быть наши соотечественники. Возможно, они нуждаются в нашей помощи. Как вы полагаете, Павел Васильевич?

— Полагаю, что андреевский флаг может быть и уловкой.

— Чей же?

— Не знаю! Знаю только, что мы выполняем особую миссию: у нас на борту находится наследник престола, и мы отвечаем за его безопасность.

Пыхачев хмурился, не в силах принять решение. Корвет входил в узость пролива. Зябкая хмарь рассеялась, заиграли веселыми красками живописные берега и островки диковинной формы. Вновь показалась красавица Фудзи. А главным, с точки зрения каперанга, было то, что далеко впереди волны Токийского залива рассекали несколько пароходов и парусников. Кто решится напасть на русское судно у всех на виду?

— Убавить ход до малого, — распорядился наконец Пыхачев.

Враницкий молча повернул рукоять машинного телеграфа. Обветренное лицо старшего офицера одной лишь угрюмостью выражало несогласие с командиром. Вот подойдет подозрительный чужак на кабельтов да как жахнет из всех орудий — что тогда?

Неизвестная баркентина с русским флагом как будто обрела крылья — летела по волнам, приближалась...

— Позвольте-ка на минуточку бинокль, — попросил Розен.

— Пожалуйста, — не слишком вежливо буркнул Враницкий.

Полковник рассматривал чужое судно не слишком долго.

— Извольте убедиться сами, — сказал он, возвращая бинокль. — Граф Лопухин собственной персоной. Дымит папирсой, как обычно. А рядом с ним его слуга.

— Где? — Пыхачев и Враницкий одновременно потянулись к биноклю.

Десятью минутами спустя баркентина, на борту которой красовалась не очень аккуратно выполненная надпись «Св. Екатерина», поровнялась с «Победославом» и тоже сбавила ход.

Медленно обгоняя корвет в силу инерции, она прошла в каких-нибудь тридцати шагах. На фальшборте, ухватившись одной рукой за ванты, стоял Лопухин.

Он изменился. И не в одежде было дело. Исчез денди — явился изнуренный трансокеанским переходом не-пойми-кто. Кого океан не может сразу сломать, того он гнет под себя — и человек гнется. Мужает, но грубеет. Простакам кажется, что он герой, а на самом деле — приспособленец. Это неизбежно, иначе не выдержать.

Лишь тонкие усики и живые глаза напоминали о прежнем графе Лопухине. Да и голос сразу выдал несвойственное графу беспокойство:

— Жив?

— Кто? — спросил Розен, чтобы подразнить, и приложил ладонь к уху.

— Черт бы вас побрал, полковник! — крикнул Лопухин. — Цесаревич! Я о нем спрашиваю!

— Да вон он воздухом дышит... Но черт возьми, как вам удалось?..

— После!

...Свистели боцманские дудки, и обе команды, выстроившись на шканцах, кричали «ура». Кричали и махали фуражками Пыхачев, Враницкий и Розен. Не кричал лишь цесаревич. Завидев Лопухина, его императорское высочество изменился в лице и, не обращаясь ни к кому, бросил лишь одно слово:

— Цербер!

Мало кто из офицеров его услышал, а услышавшие тотчас отвернулись, дабы не являть не лишенных ехидства улыбок в ответ на искреннее горе наследника престола российского.

— Ого! — сказал Розен, пиная ногой рельс. — А они быстро учатся.

Шагнув на шпалы, полковник прищурил глаз — должно быть, надеялся уличить японцев в неравномерной ширине колеи рельсового полотна. Не уличил: рельсы лежали ровно, как две натянутые стальные струны. Тогда попинал рельс и хмыкнул:

— Узкоколейная...

— Нехватка места, — объяснил Лопухин, указав тростью на аккуратные деревянные домишки, наклепленные столь же тесно, как иной раз гнезда ласточек под карнизом, и подобравшиеся к самому полотну железной дороги. О полосе отчуждения здесь либо совсем не имели понятия, либо свели ее к двум-трем шагам. — Япония густо населена, а равнин мало. Каждое строение отнимает место у рисовых полей. Тем более железная дорога. Вот и экономят. Не металл экономят — место.

— Вы полагаете, металла у них хватает?

— А вы взгляните вон туда. Что это, если не береговая батарея?

— Да я уж обратил внимание. «Победославу» против такого калибра и трех минут не выстоять, да и линейному кораблю не поздоровится. Но ведь пушки-то английские?

— Японские, представьте себе. Рельсы, кстати, тоже японские. Давно ли британцы произвели здесь фурор своей разборной узкоколейкой? И вот — пожалуйста любоваться. В следующем году японцы дотянут ветку до Токио, и я не удивлюсь, если они пустят по ней свой собственный, а не английский, паровоз. Этот народ действительно наделен большими способностями. Не скажешь, глядя на них, верно?

Последняя фраза графа относилась к нескольким зевакам, рассматривающим с почтительного расстояния двух незнакомых гайдзинов.

— Коротышки, глупые на вид, — сказал Розен. — У этих ротозеев вид деревенских дурачков. А поглядите-ка вон на ту фурию. Что у нее с ногами?

— Понятия не имею, — пожал плечами Лопухин. — Возможно, результат работы на рисовых полях. Если всю жизнь бродить в жидкой грязи, еще и не так, пожалуй, скрючит. Н-да, зрелище не из приятных... Но ведь улыбается! Вы заметили, сколько на улицах улыбающихся лиц?

— А Канчелялов говорил, что японцы — коты, — молвил Розен. — Что-то я не припоминаю ни одного улыбающегося кота...

— Наверное, он говорил о самураях, а эти — простолюдины.

— Совершенно справедливое замечание, — осмелился наконец вставить словечко консул, вызвавшийся самолично сопроводить Розена и Лопухина в первую прогулку по Иокогаме. Консула звали Аристид

Тимофеевич Посконников. Был он низок ростом, упитан, редковолос, часто промакивал широкий лоб носовым платочком и потел, как видно, не столько от удушающей августовской жары, сколько от волнения. Шутка ли — сам наследник российского престола здесь! Имея скромный чин надворного советника, Аристид Тимофеевич отнесся к Розену и особенно Лопухину с крайним почтением, чуточку отдающим низкопоклонством. Но в качестве знатока страны был полезен.

— Да-с, да-с! — закивал он, искательно заглядывая в глаза. — Самураи — те никогда не улыбаются. С господином покорны, с простоллюдинами надменны. Могут иногда и посмеяться, особенно когда напьются sake, но хохот у них грубый, а так, чтобы улыбнуться душевно — ни-ни. Не умеют-с. И чуть что — за меч хватаются. Иной ронин в драных портках ходит, задом, простите, отсвечивает, а туда же — по части гордости любому польскому шляхтичу даст сто очков вперед. Забияки отчаянные — мечи острые, да головы тупы-с! К счастью, времена теперь не те, чтобы самураям было позволено безнаказанно буйствовать. В провинциях этого еще сколько угодно, а у нас в Иокогаме и в Токио — уже почти тишь да гладь...

— Почти? — переспросил чуткий Лопухин.

— Туземная полиция-с очень старается, — заверил Посконников. — В ней тоже служат бывшие самураи, как и в армии. Исполнительны превыше всяких похвал...

— Но? — произнес граф.

— Э-э... прошу прощения?

— Исполнительны превыше всяких похвал, но... Договаривайте. Нечисты на руку?

— Бог с вами, совсем напротив! Идеальные службисты, но... именно службисты. Отменно аккуратные, очень дотошные, а своей инициативы нет. — Посконников сам не заметил, как увлекся. — Прикажет начальник подчиненному — тот в лепешку расшибется, а приказание исполнит. Не исполнит — позор! Сейчас-то времена уже не совсем дикие, а все равно иногда бывает, что до харакири дело доходит. Распорол себе живот, выпустил кишки наружу — готово, смысл позор славной смертью. Вот так-то-с! Но уже редко, редко... Цивилизуется страна. Хотя... вот, скажем, неделю назад в Токио убили Арчибальда Дженнинга, второго секретаря британского посольства.

Зарублен, судя по всему, самурайским мечом... в европейском квартале, почти в центре города!

— Убийцу поймали? — спросил Лопухин.

— Ищут. Вероятно, убийца — наемник из ронинов. Их еще тысячи остались, непримиримых, а дела им в новой Японии нет и не предвидится, вот они и берутся за что попало ради нескольких иен. Грабят на дорогах, терроризируют деревни... за каковые подвиги всякому позволено убивать их, не опасаясь судебного преследования, да мало кто решается-с... Убийца не был сумасшедшим, уверяю вас. По моему скромному суждению, подстеречь европейца, чтобы убить его из пустой злобы, он мог бы и вне города. Не-ет, ему был нужен именно Дженнингс!

Тотчас Посконников спохватился: не наговорил ли он лишнего? На лбу надворного советника немедленно выступил обильный пот, и влажный носовой платок вновь нашел применение.

Смахнул пот со лба и Розен. Консул уже успел поведать ему, что месяц фумидзуки считается в Японии наименее приятным вследствие несносной влажной духоты, и полковник, парящийся в своем черном мундире, уже начал жалеть об окончании перехода через океан. Там-то хоть ветерком обдует...

Лопухин, переодевшийся в приличный сюртук, от жары, по видимому, не страдал. «Никак не может согреться после Шпицбергена», — думал о нем Розен, вкратце посвященный в историю злоклучений графа, и был готов позавидовать ему.

— Ну хорошо, — сказал Лопухин. — Прогулялись — и будет с нас на первый раз. Как вы полагаете? Вернемся на судно?

— Господин барон ожидается прибытием с минуты на минуту, — отпапортовал консул о посланнике, совсем как о поезде. — Лучше бы нам вернуться, в самом деле-с.

Трое гайдзинов зашагали в сторону порта. Лопухин и Розен разглядывали строения Иокогамы, но, судя по их лицам, каждый делал это со своей точки зрения. Лопухин размышлял о том, что местной полиции, надо думать, невероятно трудно выслеживать преступников среди фантастического скопища лачуг и проулков столь узких, что в иных двум кошкам не разойтись. Розен же со своей стороны оценил позицию как крайне неудобную для обороны: ее и штурмовать не надо, достаточно поджечь несколько хибар — всё сгорит. Несколько

каменных зданий, из-за которых Иокогама выглядит деревней, стареющей в родовых муках разродиться городом, ситуации не изменят... А еще полковник подумал о том, что батареи береговой обороны, из коих Лопухин разглядел лишь одну, поставлены грамотно, и случись морской пехоте штурмовать этот город с моря — потери будут тяжелее галлиполийских. Да, туземцы умеют учиться... Не прошло и пяти лет, как британцы угрозой бомбардировки Токио с моря вынудили молодого микадо согласиться на полное и окончательное открытие Японии для европейцев. И вот результат! Сунься-ка теперь сюда без спросу и с наглой мордой — только клочья полетят!

В порту было шумно. Иокогамский порт только строился, и до окончания строительства было еще далеко. Повсюду среди штабелей строительных материалов деловито сновали сотни низкорослых, почти голых рабочих. На оконечности недостроенного мола шумно пыхтела английская паровая лопата, подбирая ковшом целые груды внушительных булыжников с заякоренной баржи и ссыпая их в море. Большинство судов отстаивалось на якорях, лишь для «Победослава» портовые власти предоставили место для швартовки у причала. К другому борту корвета прильнула баркентина, похожая на изящную левретку рядом с боксером.

Цесаревич на берег не сходил — согласно указанию Лопухина, поддержанному не только Пыхачевым, но и консулом, ждал на борту корвета прибытия посланника, барона Корфа. Посконников, имевший в порту своих людей, телеграфировал ему еще до того, как швартовы связали «Победослав» с японской землей.

— С минуты на минуту прибудет, уверяю вас, — клялся Посконников.

И не соврал: не прошло и двух часов ожидания, как на пирс вылетела коляска, влекомая взмыленной вороной лошадью. Поднявшийся по сходням барон Корф оказался худощавым господином с изрядной плешью и умными глазами. Цесаревича он приветствовал почтительно, но без тени подобострастия и не потратил на него ни секундой более того, что диктовалось дипломатическим протоколом и приличиями.

— Скоро прибудут экипажи, на которых ваше императорское высочество отправится в Токио, — доложил он. — Его величество микадо оказал нам любезность, распорядившись выделить свои

кареты, а также почетную охрану. Завтра в императорском дворце состоится прием с банкетом в честь вашего императорского высочества.

— А где я буду сегодня ночевать? — спросил цесаревич.

— В нашей миссии вполне приличные апартаменты.

— А почему не в императорском дворце? Микадо меня не уважает? Это номер!

Отвечать на вопросы, касающиеся обыкновений императорского двора и страны вообще, Корф оставил Посконникова, немедленно уведенного офицерами в кают-компанию, куда, помедлив, спустился и цесаревич; сам же откланялся и, заметив графа, увлек его в сторону.

— Статский советник граф Лопухин, если не ошибаюсь? Из Третьего отделения?

— Совершенно верно.

— Будем знакомы, барон Корф. Осмелюсь спросить прямо: не везете ли вы какого-нибудь секретного послания, адресованного лично мне?

Лопухин покачал головой.

— Нет.

— Тем лучше. — Корф облегченно вздохнул. — Признаюсь вам откровенно, граф, я больше всего боялся получить новые тайные инструкции от министра или государя. В последний момент это было бы совсем некстати.

— В последний момент?

— Да. Я о договоре между Россией и Японией. Мы пришли к соглашению практически по всем пунктам — согласитесь, было бы некстати переигрывать все заново и затягивать переговоры еще на год. Остались кое-какие мелочи, но я убежден, что теперь, когда вы пришли в Иокогаму, японцы не станут долго ломаться. Три-четыре дня, максимум неделя — и договор можно будет подписывать.

— Простите, а при чем здесь мы?

— Ну как же! — Корф лукаво улыбнулся. — Взгляните здраво. На Дальнем Востоке Россия не имеет серьезного флота. Пока мы раскачаемся, пока он появится — пройдет время. Японцы успеют обзавестись приличным военным флотом раньше нас. Чего же тогда будут стоить наши притязания на Сахалин, Курилы и Корею севернее тридцать восьмой параллели? А влияние на Китай? Манчжурский

участок Транссиба экстерриториален лишь до тех пор, пока мы сильны, а обходная ветка через Хабаровск еще не достроена. О Ляодунском полуострове, который мы хотим арендовать в качестве базы для нашего флота, можно будет вообще забыть. У Японии же отличные зубки молодого волчонка. Случись завтра война между нашими державами — кто в ней победит?

— Россия, — убежденно сказал Лопухин.

— Верно. Ну а через десять, через двадцать лет? Как бы мы ни пыжились, японцы на Дальнем Востоке будут сильнее нас. И надолго. Единственный шанс для нас окончить войну быстро и без больших потерь, а значит, скорее всего, просто-напросто не допустить войны — возможно быстрее перебросить на Дальний Восток одну-две сильные эскадры с Балтики и Черного моря. Вопрос: как? Вокруг Африки да через Индийский океан — слишком долго. Пока корабли дойдут, война перекинется на материк, и у противника будет преимущество в коротких путях снабжения войск. Пустить эскадру напрямик через Великую Атлантику — совсем иное дело. Вы показали, что русским это по плечу. И даже более: русские не сочли это предприятие слишком рискованным для участия в нем наследника престола российского. То, что доступно корвету, доступно и эскадре, имеющей в своем составе должное количество транспортных судов. Войны не будет. Договор подпишем в ближайшие дни, я в этом уверен. Транссиб плюс освоенный морской путь — это аргумент. Европейские газеты уже кричат о «русском аркане», захлестнувшем весь земной шар. — Корф заулыбался.

Граф помолчал, покусал тонкий ус.

— Значит, Южная Корея достанется японцам? — произнес он полуутвердительно.

— Также и Формоза. Надо же чем-то жертвовать в торге.

— Я не о том. Им Южная Корея, они давно на нее зубы точат, нам — Северная, а там, глядишь, и Манчжурия станет российским протекторатом, отвалившись от Китая. Россия приобретает все новые территории, которые не может толком освоить. Пора бы остановиться, иначе когда-нибудь все это плохо кончится. Знаете, что бывает от обжорства? Несварение желудка.

— Согласен с вами, — кивнул Корф. — Но как иначе? Не наложим лапу мы — наложат японцы. Очень жесткая будет лапа, с

железными когтями. Не разделим сферы влияния сейчас — останемся у разбитого корыта, в то время как Япония усилится многократно. Нет уж, уважаемый Николай Николаевич, с волками жить — по-волчьи выть. Сейчас мы бессильны удержать японцев на архипелаге, так пусть уж лучше их агрессия развивается в сторону Китая, Индокитая и Индонезии. Рассорятся с англичанами, французами и голландцами — на здоровье! Пусть подерутся. Англичане японцев подзуживают — им самим и расхлебывать эту кашу. Россия, я надеюсь, останется в стороне да еще, пожалуй, выступит как посредник. Разве плохо?

И посланник тихонько засмеялся. Смех его не был приятен Лопухину.

— Да, я слышал об экспансионистских устремлениях новой Японии, — сказал он. — Однако не рано ли? Сиогун свергнут недавно, император молод, правительство неопытно, армия вряд ли успела перевооружиться...

— Так, да не совсем так, — немедленно возразил Корф. — Вы упускаете главное: настроения, царящие среди населения. Самурайское сословие недовольно отменой привилегий, аристократы недовольны тем, что к власти не без успеха лезут купцы и промышленники, беднейшие слои, понятно, недовольны всегда — и все вместе они недовольны нами. Да-с, нами-с! Нам улыбаются, нам кланяются, а сами до глубины души оскорблены нашим гайдзинским присутствием на священной земле Амагерасу! Ну, тут, понятно, присутствуем не только мы, но и вся Европа: британцы в первую очередь, далее голландцы, французы, немцы, итальянцы... Все сюда лезут. И всех их японцам хочется сбросить в море. Последний сиогун был бы смещен лет на пять раньше, если бы не манипулировал какое-то время сим общим желанием. Когда больше не смог — настала очередь императора обещать народу накормить гайдзинами рыб. Само собой разумеется, что выполнять это обещание не собирается ни сам монарх, ни его правительство. Иностранцы пока нужны, и даже очень нужны. Думаю, со временем они исчерпают свою полезность и получат от ворот поворот, но пока очень ценятся. А все слои туземного населения ждут от микадо исполнения обещанного. Где-то терпеливо ждут, а где-то и восстания устраивают, с мечами на пушки кидаются. Что в этой ситуации прикажете делать?

— Не продолжайте, я понял, — кивнул Лопухин. — Разумеется, надо устроить череду маленьких победоносных войн вне границ страны и тем успокоить крикунов. Одних занять на войне, других соблазнить военными заказами, третьим кинуть какую-нибудь малость из добычи... Способ известный, проверенный.

— Ну конечно. — Корф пожал плечами, показывая, что разговор идет о само собой разумеющемся. — Современного оружия и военного снаряжения у японской армии пока нехватка, зато японские солдаты храбры и старательны сверх меры. Их обучают германские инструкторы, по большей части пруссаки. Айн-цвай-драй, ди энне колонне марширт... Они нашли друг друга, учителя и ученики. Всякому внимательному наблюдателю ясно, что Япония в скором времени нападет на соседей. Удержаться от агрессии она просто не может — взорвется, как перегретый котел. Формоза, Корея, а аппетит, знаете ли, приходит во время еды... Рано или поздно кончится тем, что кто-нибудь крепко даст японцам по носу. Но не мы. России эта война совсем уж ни к чему. Надеюсь, и вы, граф, придерживаетесь того же мнения?

Лопухин ответил кивком. Уловив боковым зрением какое-то движение — повернул голову. Так и есть — Кусима. Заметив внимание к себе, японец начал кланяться — сначала графу, затем незнакомому, но наверняка очень важному русскому господину, затем опять графу и опять господину.

— Это еще что за явление? — приподнял бровь Корф.

— Рыбак, — объяснил Лопухин. — Подобрали в море едва живого. Что с ним делать?

— Да пожалуй, что ничего. Посконников сообщит о нем местным властям, так уж положено, на чем дело и кончится. Это в прежние времена всякому японцу, побывавшему в гостях у гайдзинов, без разговора рубили голову, а теперь — кому он нужен? Пускай себе идет.

Кусима поклонился. На его смышленной физиономии обозначилось понимание: говорят о нем. Дождавшись паузы, он быстро-быстро заговорил по-японски.

— Говорит, что благодарность его к вам безмерна, — кратко перевел Корф. — Говорит, что он ваш должник и готов служить вам до конца жизни. Но прежде он хотел бы, если возможно, навестить своих престарелых родителей в городе Сасебо на острове Киу-Сиу. После

чего он полностью в вашем распоряжении. Гм... Не отказывайтесь. Японцы — верные слуги.

— Зачем он мне? — пожал плечами Лопухин. — Пусть уходит. Не отпустить его повидаться с родителями я не могу, а когда он вернется, мы уже будем в России. Переведите ему, пожалуйста. И пусть зайдет к Кривцову за деньгами.

В кают-компании продолжался допрос консула:

— А правду говорят, будто любая японская чайная не что иное, как публичный дом?

— Меньше верьте всяким мюнхгаузенам, господа! — отбивался Посконников. — В японских чайных пьют чай.

— И только?

— А вы знаете, сколько здесь сортов чая? Ну, при желании можно заказать саке и что-нибудь поесть. В заведениях побогаче можно за особую плату посмотреть танцы юных девушек или послушать игру на сэмисэне в исполнении гейши.

— Ну? — не выдержал Свистунов и облизнулся даже.

— Но только у гейши искатель иных утех, кроме музыки и приятной беседы, скорее всего их не получит. — Посланник словно бы не заметил выходки молокососа. — Публичные дома существуют здесь вполне официально, но к харчевням, как правило, отношения не имеют...

— А что же гейши?

— Это профессия, и очень непростая. Игре на сэмисэне, приятной беседе, а главное, неподражаемому изяществу японские девочки учатся с самых ранних лет. Советую вам, господа, различать гейш и публичных девок. Уж если на то пошло, в Токио существует целый квартал публичных домов — Ёсивара, — и никто не называет его обитательниц гейшами.

— Господа офицеры, стыдно! — сердился Пыхачев. — Мы представители великой державы, а не какие-нибудь жеребцы! Что о нас подумают!

— Покажем себя меринами — подумают еще хуже, — не унимался Свистунов.

— Господин мичман! Извольте покинуть кают-компанию! На берег вы сойдете в последнюю очередь!

— А правда ли, что их рисовую водку... как ее... sake пьют в подогретом виде? — спросил Фаленберг.

— Истинная правда, но только sake отнюдь не водка. Алкоголя в нем не больше, чем в виноградном вине. Да, внимание, господа! Пить после sake крепкие напитки никому не посоветую — эффект чудовищный...

— А правда, что в японские дома нельзя входить в обуви?

— А правда, что кукиш у японских женщин означает совсем не то, что у наших?

— А правда, что...

Вопросы сыпались на бедного Посконникова карточью. В иной ситуации консул Российской империи и не подумал бы искоренять невежество соотечественников. Но при цесаревиче трусил и позволял мичманишкам и лейтенантикам терзать себя, словно мелкую сошку.

Аристид Тимофеевич в нетерпении притоптывал ногой: мало визита цесаревича, который еще не спроважен в Токио под ответственность Корфа, так на голову консула свалилась еще и баркентина с матросами разбойного вида! Чего доброго, натворят на берегу таких дел, что придется извиняться перед губернатором. Посконников предчувствовал несколько дней нервотрепки.

— Дайте команде отдохнуть, а затем отправляйтесь во Владивосток, — сказал Лопухин Кривцову. — Но прежде свяжитесь со мной. Откровенно говоря, у меня еще есть виды на это судно... Вот вам деньги, закупите угля, провизии и выдайте команде по сто рублей каждому. Да, чур, не вдруг! Сейчас раздайте понемногу, а остальное — в России. Японцу сразу сто рублей, но так, чтобы никто из команды не видел.

— Само собой, — сказал Кривцов. — Понимаю. А откуда деньги? Консульские?

— Мои.

— Но как же-с... Простите, мне неловко... Я не могу...

— Пустое. Я их в карты выиграл. Знаете пословицу «не дорого досталось — не больно жаль»? А верных людей надо награждать, причем сразу после дела. Когда еще наши российские бюрократы перечислят призовые деньги за судно... Берите же!

Кривцов взял. Денежная сумма, выигранная у цесаревича, сильно полегчала, что нимало не озаботило графа. Вспомнив о своем

намерении как-нибудь невзначай вернуть деньги проигравшему, Лопухин только хмыкнул: что за странная фантазия! Деньги должны служить делу. А цесаревич пусть радуется тому, что еще жив каким-то чудом!

Ступив на борт «Победослава» и обнаружив висячий замок на своей каюте, а внутри оной — мамаев разгром, Лопухин имел беседу с Розеном и Враницким. Выспрашивал, допытывался, заставлял припоминать мельчайшие подробности и ничего не добился. И без того было ясно, что на борту есть враг, но кто он? Покрыто мраком. Есть более подозреваемые и менее подозреваемые. А главное, почему враг до сих пор не убил цесаревича? Не было шанса? Бабушкины сказки, быть того не может.

Или в цепочку умозаключений на основе скудных фактов вкралась маленькая, но решающая ошибка?

Наедине с самим собой Лопухин мог признать: некоторые натяжки в умозаключениях все-таки имелись. Да и как им не быть? Откуда, например, взялась версия о наличии заговора ультрамонархистов? Только из логики. По всему — не могло не быть такого заговора. Яркая в своем роде личность цесаревича способна породить заговор не только среди ультрамонархистов, но и среди обыкновенных патриотов.

Услыхав, что цесаревич жив, Лопухин вслед за бурной радостью испытал небольшое разочарование: неужели он ошибся и никаких заговорщиков в команде «Победослава» нет? Но перевернутая вверх дном каюта вернула все на свои места. Версия попытки кражи не выдерживала критики. Кто-то пытался взломать несгораемый шкаф ради бумаг, а не ради денег.

Кто? Чего он ждет? Что собирается предпринять?

Три вопроса. И ни одного ответа. Пока.

В Токио ехали налегке, с ветерком. Барон Корф любезно пригласил графа в свою коляску. В присланных императорских экипажах разместились вместе с цесаревичем дворецкий Карп Карпович, камердинер и багаж, включая изрядный запас алкоголя. Японские лошади, низкорослые и неказистые на вид, тянули на удивление бодро. Впереди, по сторонам и сзади на рысях шла охрана — взвод императорской конной гвардии в мундирах европейского

образца, высоких фуражках, с обыкновенными кавалерийскими саблями у левого бедра и карабинами через плечо.

Низкорослые всадники на низкорослых лошадях мигом воскресили в памяти маневры русской гвардии под Петербургом и парады на Марсовом поле. Кавалергарды и конногвардейцы — молодец к молодцу, богатыри! А выправка! А сверкающая амуниция! А рослые кони, по сравнению с которыми японские недомерки кажутся ни к чему не пригодными скотами! Но вслух граф выразил лишь следующее:

— Не надежнее ли было взять для охраны наших морских пехотинцев? Люди отважные, умелые, проверены в деле. Полковник Розен, поди, места себе не находит.

— Японцы этого не допустят, — довольно беспечно, по мнению Лопухина, ответил посланник. — Обратись я к ним с таким ходатайством — все жилы вымотают, а толку и на грош не будет. Вы их еще не знаете. Улыбаются, бесперечь кланяются, на всякую просьбу у них ответ «хай», то есть «да», а на самом деле их «да» ничего не стоит. Просто форма вежливости, означающая «я принял во внимание ваше глубокоуважаемое мнение». Никаких последствий. То же самое с извинениями. Японец говорит: сумимасэн, то есть «мне нет прощения», — и вы опасаетесь, что он прямо в вашей гостиной учинит над собой смертоубийство... Само собой, вы его прощаете и утешаете по мере сил. Он же при этом, по всей вероятности, над вами смеется: ну какая такая сеппука? Чего ради? Тоже форма этикета, ничего больше.

— Но позвольте! — От удивления граф отклонился от темы. — Неужели вы хотите сказать, что харакири — выдумка?

— Ничуть. Иногда доходит и до крайностей. Но чаще всего намерение совершить харакири — не более чем угроза. Ритуальное и «благородное» самоубийство вассала может выставить его господина в невыгодном свете. Возьмите любого самурая — каждый из них хоть раз прошел через это, а кто на должностях — те и по нескольку раз. Само собой, они знают, на что идут — ведь их господин может не только не остановить вассала, но и прямо приказать ему совершить самоубийство. Но в японской жизни без этого никак. Риск. Впрочем, сейчас такое варварство случается уже редко, но еще несколько лет назад...

— Но ведь самурайского сословия больше не существует, — не очень учтиво перебил Лопухин.

— Существует. Отменены самурайские привилегии — это верно, но сословие осталось. Вот эти всадники-гвардейцы — кто они? Все до одного самураи, причем из хороших семей. Верность их вне сомнений. Право, вы зря сомневаетесь в них. Они защитят цесаревича от покушения гораздо лучше любых других стражей. Дадут изрезать себя на кусочки, а долг исполнят. Изменить или струсить для них означает покрыть позором не только себя, но и поколений двадцать славных предков. А кроме гвардейцев, цесаревича будет охранять полиция. Прибудем в миссию — убедитесь сами. Надежнее охраны не бывает.

— Признаюсь, я не менее его императорского высочества удивлен тем, что резиденцией ему послужит русская миссия, а не какое-нибудь строение во дворце императора, — проговорил Лопухин.

— Еще одна местная специфика. Он же гайдзин, хотя и цесаревич. А микадо — живой бог, по мнению японцев. Тем более ему приходится считаться с этим мнением. Ему охотно поклоняются, но плохо повинуются. Его Японское Величество, впрочем, и не особенно настаивает. Он может каждый день выпивать по ведру sake, может не вникать в государственные дела — с точки зрения министров, это только к лучшему, — может приглашать во дворец женщин известного поведения — все это в порядке вещей, на это закроют глаза. Совсем иное дело — стереть колоссальную разницу между божественным микадо и наследником монарха варварской страны. Населения не поймет-с! А министры просто не допустят.

— Гм... — ответил на это граф, и Корф с любопытством взглянул на него:

— Должен ли я понимать ваш скепсис в том смысле, что на цесаревича, по вашему мнению, возможно покушение здесь, в Японии? — прямо спросил он.

— А вы в это не верите?

— Нет, отчего же... Какой-нибудь полоумный бродяга из самураев, оставшихся не у дел, вполне способен на такое злодейство. Но приблизиться к цесаревичу ему не позволят, за это я ручаюсь головой. Что до служилого люда, то с этой стороны опасность совершенно исключается. Убить иностранного принца, гостя микадо, означает не более и не менее как опозорить японского императора и

всю страну заодно! Кто решится на такой шаг? Нет-нет, об этом вы и думать забудьте! Цесаревич в полной безопасности.

— Со стороны японцев — может быть, — проговорил граф. — А со стороны неяпонцев?

Откинувшись на мягкую спинку сиденья, Корф несколько секунд размышлял.

— Вам что-то известно? — осведомился он.

— Не исключено.

Пауза. Молчание. Стук копыт, скрип рессор. Мелькание телеграфных столбов.

— Понимаю... Ну что ж, если найдете возможным ввести меня в курс дела — я весь к вашим услугам. Нужны ли толковые люди вам в помощь?

— Возможно.

— Я сведу вас с Иманиши Сюсаку — это полицейский чин, который отвечает за охрану цесаревича в Токио. И, пожалуй, прикомандирую к вам моего чиновника Побратимко, он светлая голова и знаток страны. Годится?

— На месте будет видно. Благодарю вас.

— Не за что. Всегда рад помочь.

«Неглуп и без подобострастия к Третьему отделению», — подумал о посланнике Лопухин. Ему нравились такие люди. Не нравилось другое: до сих пор не было никаких внятных мыслей по поводу заговора. Кто участники? Когда начнут действовать? И что предпринять в ситуации незнания — спокойно и терпеливо дожидаться первого хода противника?

Как бы он не стал последним...

Ехать, однако, надо было. Лично проверить. При малейших сомнениях в надежности охраны — немедленно телеграфировать Розену, чтобы прислал караул из морпехов, и пускай японцы хоть пеной изойдут, безопасность цесаревича дороже.

Еропка тоже ворчал, не желая оставаться, но для него, а также для несгораемого шкапа, не нашлось экипажа. «Переночуешь на корвете, — было ему сказано, — а завтра доставишь в миссию все вещи».

Справится...

Нилу не было сказано и этого, хотя граф видел, какими глазами смотрит мальчишка, как он ждет... Нет уж. Юнге место на судне. Любимчиков не будет. Тем паче, что сейчас чем дальше от некоего графа, тем, пожалуй, безопаснее...

Рисовые поля вдоль обочин кончились, показался еще один населенный пункт — то ли городок, то ли большая деревня. Однако поменьше Иокогамы.

— Кавасаки, — указал на домишки Корф. — Скоро покажется и Токио. Неудобно все-таки: столица — приморский город, а судам приходится приставать в Иокогаме. Ждем не дождемся, когда японцы проложат железную дорогу. А вон глядите, какая бамбуковая рощица. Ну не прелесть ли? Совершенно акварельные тона.

— Почему же суда не пристают в Токио? — спросил Лопухин, не боясь выставиться незнанием.

— Там только малые суденышки пристают. Мелко. Речные наносы. Лодки и катера — те прямо в реку заходят.

— Ясно. Баркентина сможет пройти и отшвартоваться?

— Простите?..

— Баркентина «Святая Екатерина». Судно не из крупных. Осадка футов двенадцать, я думаю.

— Выясню. Собственно, не исключено. Но придется взять японского лоцмана. А в чем дело?

Лопухин усмехнулся.

— В дирижабле. Вас разве не ввели в курс дела? Хотим удивить микадо и переплюнуть англичан. Свободный полет — это вам не банальная железная дорога. Поднимем аппарат на окраине Токио, пролетим над японской столицей и разрешения ни у кого не спросим. Пусть дивятся!

— Я в курсе дела, — с достоинством ответил Корф. — Что ж, по моему мнению, может выйти польза. Насколько я понимаю, вы хотите доставить дирижабль из Иокогамы прямо в Токио? Но разве он не сумеет покрыть это расстояние по воздуху?

— Не знаю, — отрезал Лопухин. — В делах воздухоплавания у нас главный специалист лейтенант Гжатский, он за все отвечает. И если он просил меня как-нибудь доставить дирижабль в Токио, то ему, думаю, видней. Он ведь и полетит.

— А вы?

— В качестве балласта? Благодарю покорно! Мне и на земле хватит дел.

— Понимаю, — кивнул Корф столь естественно, что у самого подозрительного человека не возникло бы и тени сомнения: нет-нет, посланник не считает собеседника трусом. — Но... простите мое любопытство... его императорское высочество цесаревич Михаил Константинович не выражал ли желания подняться в воздух?

Лопухин содрогнулся.

— Пусть уж лучше пьет, — буркнул он, послав к чертям всякий политес. — Белую горячку хоть вылечить можно...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой граф нервничает, а цесаревич предается стихосложению

На деле вышло хуже некуда. То есть почти что хуже некуда. Хуже было бы лишь в том случае, если бы ожидаемое Лопухиным покушение на цесаревича состоялось и удалось.

Но началось хорошо. Во всяком случае, охраной цесаревича Лопухин остался доволен.

Русская миссия, коей в самом скором времени предстоял переход в статус посольства, занимала целую усадьбу с главным зданием о двух этажах, выстроенным в почти европейском стиле, несколькими домиками туземного вида, лужайкой и садом. Все это скрывалось за кирпичным забором высотой более сажени. Все посетители, не исключая и прислугу, вышедшую на базар за провизией, при входе подвергались обыску. Вооруженные винтовками гвардейцы были расставлены вокруг усадьбы с умом — со своего поста каждый из них не терял из виду двух, а то и трех других караульных. Сменялись гвардейцы нечасто, но усталости не выказывали и были начеку. Прилегающие улицы патрулировались нарядами полиции. Сколько полицейских агентов маскировалось под уличных подметал, торговцев, почтальонов и всяких прочих обыкновенных персонажей, Лопухин не знал. Кое-кого приметил сам, а в остальном положился на слово полицейского офицера Сюсаку — вполне, мол, достаточно.

Старосты улиц близ гайдзинского квартала — предупреждены. Будут следить за подозрительными лицами. Назначен дегустатор пищи, подаваемой цесаревичу. Ну а если его императорскому высочеству захочется совершить неофициальную прогулку по Токио? Нет повода для беспокойства: его особу будут охранять и в этом случае, причем так, что охраняемый этого, скорее всего, не заметит. Тем более не стоит беспокоиться об охране во время официальных визитов.

Высокий для японца, уверенно-спокойный Иманиши понравился Лопухину. Полицейский офицер бегло говорил по-английски и по-русски, не коверкая даже трудный звук «л», так что общение с ним не составляло никакого труда. Продуманность мер охраны также говорила в его пользу. Раздражали только бесчисленные поклоны.

— Вы учились в Европе? — осведомился граф.

— В Берлине, если вашему сиятельству будет угодно. — Поклон.

— Оставьте, пожалуйста, титулование... Следовательно, вы владеете также и немецким языком?

— Немецким лучше, чем русским. Мне стыдно. — Поклон.

— Впрочем, немецкий нам вряд ли пригодится... Послушайте, вы не могли бы держаться менее официально? Нам вместе работать. К чему все эти поклоны? Постарайтесь обходиться без них, хорошо?

— Хай. — И новый поклон.

«Издевается? — подумал граф. — Нет, не похоже. Станный народ... Вот где растут и колосятся идеальные службисты!»

Весьма дипломатично он рассказал японцу об особенностях поведения цесаревича. Иманиши слушал внимательно и поклонился по окончании инструктажа.

— Хай, — принял к сведению.

— И еще... — Лопухин понизил голос. — Есть подозрения, повторяю, только подозрения, что цесаревичу может угрожать опасность не только со стороны ваших соотечественников. Я был бы признателен, если бы о визите каждого не знакомого охране европейца, было доложено мне, прежде чем он войдет в дом.

— Хай, — с поклоном отвечал Иманиши, явно предпочитая это краткое звучное слово русскому «слушаюсь».

Много времени занял осмотр миссии. Хоть и ясно было, что вероятность найти признаки готовящегося покушения здесь была близка к нулю, совершенно пренебрегать этой вероятностью было нельзя. Ничего подозрительного... Граф лишь зря выпачкал руки голубиным пометом, исследуя стропила на чердаке. В аккуратные домики слуг-японцев он заглянул только для проформы. Захотят спрятать оружие — спрячут так, что никто не найдет. Тут надежда только на то, что челядь дорожит выгодным местом службы, да на японскую полицию...

Цесаревича разместили с удобствами, Корф расстарался на славу. Не Гатчинский дворец, конечно, но по сравнению с каютой на корвете — роскошные хоромы. Спальня, гостиная, курительная, комната для слуг. Маловато мебели, но это в обычаях страны.

Лопухину отвели две комнаты во флигеле на втором этаже, удобные, но жаркие, как парилка в бане. Распахнул окна — полегчало, но не очень. Август месяц, по-местному — фумидзуки, месяц седьмой луны, мучителен и для самих японцев... Только бы духота не размягчила мозги!

Сделал визит цесаревичу — тот равно страдал от жары и трезвости и встретил «цербера» без приязни. Пожелав наследнику престола спокойной ночи, граф откланялся.

Ночь прошла ужасно. Обливаясь потом, Лопухин ворочался на влажной простыне и не мог уснуть. Звенели и кусались комары, залетая в открытое окно, а поди закрой его! Задохнешься. Один раз показалось, что кто-то заглядывает в окно сверху, свесившись с крыши. Достал из-под подушки револьвер, осторожно высунулся — никого. Мысленно чертыхнувшись, лег опять. Вот ведь подлость! На пиратской каторге в толще замороженных угольных пластов спал как убитый на груде вшивого тряпья, а здесь не уснуть на мягкой постели!..

«Надо купить сетку от комаров, — подумал он. — Почему это до сих пор не сделано? По дороге сюда я видел во многих окнах такие сетки. Мы не собираемся перенимать образ жизни японцев, наоборот, они перенимают наш, но почему бы не поучиться у них удобным мелочам?»

Под утро он все же задремал и видел во сне Ее. Любимая и запретная женщина улыбалась и звала за собой. Куда? Какая разница! И как всегда в таких снах — ноги приросли к полу, не сдвинуть. Подлый сюжет, но действующие лица хороши...

Утром Лопухин по примеру Корфа залез в бочку с горячей водой, выставленную в саду перед домиком, условно называемым баней. В этой воде можно было варить свеклу, раков и грешников. Посланник предупредил, что надо терпеть и не шевелиться, тогда рано или поздно наступит блаженство. И верно — наступило. Но куда большее блаженство Лопухин испытал, покинув деревянную посудину для мытья на местный лад.

Увидел, что две японки из числа прислуги нарочно остановились поглядеть на голого гайдзина и перешептываются, беззастенчиво уставившись на мужское гайдзинское естество, — нахмурился и прикрылся полотенцем. Корф хихикнул и резким окриком прогнал нахалок.

— Привыкайте, — сказал он, в свою очередь покидая кипяток. — Нагота естественна. В Японии естественное в цене. Японец может помочиться посреди улицы, и никто ему слова поперек не скажет. За наши представления о приличиях они нас больше всего дикарями и считают.

— Они едят сырую рыбу, зато варят в кипятке людей, — мрачно пошутил Лопухин.

— И к этому советую привыкнуть...

— А вы привыкли? — сердито спросил граф.

— Конечно. Представьте себе, купаюсь в такой воде каждый день и пользуюсь при еде палочками. Иногда на званом ужине у кого-нибудь из коллег-дипломатов — европейцы здесь держатся друг друга сильнее, чем где бы то ни было, — гляжу на вилку с ножом и в руки их брать не хочу: грубые, варварские предметы... Да вы сами привыкните!

— Не успею, — ответил Лопухин. — У нас всего десять дней, меньше, чем мы планировали. Надеюсь, вы сократили программу всех этих торжественных приемов, обедов и ужинов?

— Пришлось сократить, — вздохнул посланник.

— Ну и чудесно. Благоволите прислать мне копию. Что намечено на сегодня?

— Прием у микадо. Приглашены лишь цесаревич и я. — При этих словах Корф метнул на Лопухина быстрый взгляд, в котором читалось и мимолетное торжество дипломатического корпуса над Третьим отделением, и опасение: не сочтет ли граф личной обидой неприглашение во дворец микадо? Но Лопухин остался бесстрастен. — После аудиенции состоится банкет в честь его императорского высочества и, возможно, неофициальный ужин в узком кругу.

— Когда кончится этот ужин? — осведомился граф.

Корф лицемерно вздохнул.

— Этого никто не может знать заранее. Видите ли... как бы это сказать потактичнее... прошу учесть: я всего лишь передаю сплатни... словом, ходят слухи, что микадо, хоть он и считается божественным, в кругу своих приближенных очень даже не монах и в частности не прочь заложить за галстук...

Лопухин не ответил. Он молча одевался, а в уме вертелась банальная фраза о родственных душах, которые обязательно найдут друг друга. Да-с! Вот нынче вечером и найдут...

А главное — невозможно этому помешать.

Титулярный советник Побратимко оказался личностью в высшей степени примечательной. Огненно-рыжий, из тех, кого в детстве наверняка дразнили: «Рыжий-красный, человек опасный, рыжий-пламенный сжег дом каменный», да еще и с невероятным количеством крупных конопушек на добродушной курносой физиономии. Вдобавок лопухий, хотя лишь частично: верхняя половина правого уха отсутствовала, будто срезанная бритвой. По этой причине Побратимко отпустил длинные волосы и норовил зачесать рыжую прядь так, чтобы она прикрывала искалеченное ухо. Будь рыжая шевелюра густой — это удалось бы, но, к несчастью молодого чиновника, волосенки он имел отнюдь не пышные.

Словом — не красавец. Лопухин попытался представить себе эмоции японцев при виде такого чучела и втихомолку усмехнулся. Любой из них был бы фраппирован. Ничего удивительного, что гайдзины здесь не в чести.

На вид — от силы лет двадцать пять. И уже титулярный. Похоже, не без царя в голове, если только не чей-нибудь протееже...

Знаток страны? Ладно. Битый час Лопухин задавал вопросы и неизменно получал немногословные, но обстоятельные ответы. К исходу этого часа граф почерпнул от титулярного советника не меньше сведений о стране и обычаях ее населения, чем от Кусимы во время плавания, а Побратимко, весьма настороженный поначалу, расслабился настолько, что начал пользоваться разрешением называть Лопухина не «высокоблагородием», а Николаем Николаевичем. Правда, лишь после второго напоминания.

Потом стояли у единственного в здании окна, из которого открывался вид на подлинно туземную улицу. Лопухин дымил

папиросой. Побратимко то и дело тыкал пальцем в стекло, указывая на очередную местную достопримечательность. Перестав робеть, он тут же ударился в иную крайность: чуть ли не подсигивал от возбуждения, как учитель, долгое время прозябавший без места и наконец-то заполучивший ученика.

— Вон харчевня толстого Ногучи, у него отличные сябу-сябу и чай двухсот сорока сортов, но sake довольно заурядное... Дальше — галантерейный магазин, почти европейский... Японцы быстро схватывают новшества. О, а вон ту японочку видите? На ней парадное кимоно, значит, собралась в гости по торжественному поводу или на религиозную церемонию. Пешком не пойдет, сейчас наймет рикшу, а пока трубочку курит. Мундштук длинный, а табаку в трубке всего щепотка, затяжек на пять... Вон монах подаяние просит... А вон та женщина — вам видно? — отправилась за водой. Колодезная вода здесь плоха, но есть бамбуковые водопроводы, плохо только, что в дома они редко где проведены... О! Смотрите-ка: религиозное шествие! Секта Будды Амида, надо полагать. Вон там дым из труб — это общественные бани. Японцы стараются каждый день мыться в горячей воде, да только некоторые боятся греть ее дома, особенно в такую жару... В Токио пожары часты, японские дома вспыхивают, как свечки. Вот и ходит народ в бани. А вон тот, который бежит, — почтальон. Все время бегом. У японцев почтовое дело хорошо поставлено...

— Гм, а это что за строеньице? — спросил Лопухин, глядя, однако, несколько в сторону и прищурившись так, будто желал получше рассмотреть нечто находящееся на значительном расстоянии.

— Которое, Николай Николаевич? Вон та будка перед харчевней? Так это, простите, общественная уборная. На самом виду. Не совсем, конечно, по-европейски, зато и посетителям удобно, и Ногучи прибыль.

— Платная уборная?

— Бесплатная. А прибыль, извините за подробность, идет с продажи... э-э... отходов. Каждый день золотарь на лошади приезжает, вычерпывает и тут же расплачивается. Ногучи это выгодно.

— Чудны дела твои, господи, — подивился Лопухин, по-видимому, потеряв из виду то, что разглядывал с таким вниманием, и

несколько раз с училием сжав веки, чтобы дать отдых глазам. — Кто же покупает такой товар?

— Крестьяне. Весной, когда они рисовые поля удобряют, за город лучше и не ездить — вонища... Скота мало, вот и удобряют крестьяне поля чем попало — и калом человеческим, и тухлой рыбьей мелюзгой, и чем ни попадя... Человеческие отходы здесь такой же товар, как и рис. Скажу более: наша японская прислуга тоже торгует... этим самым. Вы обратили внимание, какие они довольные и как одеты? Служить у европейцев выгодно, об этом многие мечтают. С их точки зрения, плохо только, что гайдзины смешивают кал и мочу в одной яме — товар в цене падает...

— Нравится вам служить в Японии? — спросил граф.

Побратимко зарделся.

— Разве может здесь не нравиться?..

— А японцы вам нравятся?

— Скорее да, чем нет. Удивительный народ! Странные они, конечно, для нашего российского разумения. Поначалу кажутся радушными, потом двуличными и себе на уме, ну а если толком разобраться, то можно понять, когда на японца можно положиться, а когда нет. Но уж если можно — то всё! То есть абсолютно. Если кто-то вам обязан — такой человек не подведет. Потому-то японцы не любят быть кому-то обязанными. Попытайтесь сделать японцу добро — японец вежливо откажется, чтобы не попасть в моральные должники. Служба тоже понимается как обязанность вассала господину. Если долг службы велит японцу хоть умереть, а сделать что-то — японец умрет, но сделает.

— Отрадно слышать. А что у вас с ухом?

Титулярный советник стал совсем пунцовым, даже конопушки пропали.

— В позапрошлом году не повезло, — сообщил он, конфузясь и отводя глаза. — Был послан с поручением в Осаку, добирался по Токайдо, на перевале шел пешком, ну и повстречал ронина... Много их стало после того, как сиогун отрекся от власти, и все до единого бешеные. Я, видите ли, имел наглость не поклониться ему, оборванцу, хотя, казалось бы, с какой стати? Я тоже дворянин, пусть и не столбовой... По-нашему, по-европейски как? Чувствуешь себя оскорбленным — посылай вызов. Но здесь порядки другие, только я

тогда этого еще не знал. Спасибо тому ронину — научил... Вжик — пол-уха нет. Молниеносно. Я и опомниться не успел. Хороший мне был урок. Уже потом я понял, что того ронина я благодарить должен был за то, что он не снес мне голову одним махом. А мог бы!

— Да уж, очень вы неблагодарны, — улыбнулся Лопухин. — Наверное, в полицию обратились?

— Совершенно верно. — Побратимко вздохнул. — До верхов дошло. Шутка ли — оскорбление, нанесенное дипломату, неприкосновенному лицу! Извинялись передо мной чуть ли не всем министерством. И тут же — облаву на бродячих ронинов по всем крупным дорогам! Не одних полицейских — армейские части к операции привлекли. Только между Нагоей и Осакой было убито человек пятьдесят. Теперь с ходячими пережитками старины у японцев разговор короткий. С двумя мечами и пьян — все ясно, пли! С двумя мечами и трезв — стой, предъяви документы. Схватился за меч — пли! Меня трижды приглашали на опознание. Представьте себе, ваше высоко... Николай Николаевич: циновка, а на ней головы отрубленные лежат стройными рядами, будто в театре. Почти у всех глаза открыты. В третий раз я на первую попавшуюся голову показал, чтобы только отвязались: этот, мол, обидчик мой...

— Хорошие у японцев солдаты?

— Новые — плохие. Набраны большей частью из крестьян. Дисциплинированы из-под палки, неумелы и пока еще трусоваты. Но они научатся. Унтер-офицеры гораздо лучше, их набрали из ашигару — пеших воинов старой армии и даже отчасти из самураев. Офицерский корпус — исключительно самурайский. Доблестны превыше всяких похвал, но мало понимают в современной войне. Убежден, что это ненадолго — тоже научатся. Правительство об этом заботится.

«Кажется, Корф переоценивает японскую армию, — подумал Лопухин. — Или просто глядит вперед? Если титулярный прав, то лет через пять Япония будет готова к войне с Китаем — выдрессирует на тевтонский манер солдат, обучит офицеров, наделает оружия, построит или купит корабли... А в Корею японская армия может вторгнуться хоть завтра — ну какая, в самом деле, армия у Кореи?..»

Подумать было о чем, но мысли шли не те, какие сейчас нужны, и Лопухин выгнал их вон. Государь, возможно, спросит мнение

статского советника о дальневосточных делах, однако статский советник послан сюда отнюдь не ради изучения страны, готовой конкурировать с Россией за влияние в этой части света. Цесаревич Михаил Константинович должен вернуться в Россию живым, невредимым и не оставившим по себе скандальной памяти. Точка.

В пять часов пополудни в покоях цесаревича засуетились. Слышалось: «Ты чего это мне суешь, Сом Налимыч? Андрея Первозванного? Сам неси, тирьям-пам-пам. Сам его и микадо вручишь. Ха-ха. Ну шучу, шучу...» Барон Корф бегал туда-сюда красный и потный от волнения. Наконец уехали в сопровождении конных гвардейцев.

Иманиши не показывался — по всей видимости, лично контролировал полицейскую охрану. А Лопухин потратил немало времени, напрасно пытаясь понять: в самом ли деле среди уличных прохожих мелькнуло знакомое лицо или все-таки померещилось?

Вероятно, померещилось. Что Кусиме здесь делать?

Поздно вечером, когда граф в большом волнении ходил по своей комнате взад-вперед, прибыл Еропка с чемоданами и несгораемым шкапом. Слуга был полон возмущения и презрения к японским обыкновениям.

— Дикий народ, барин! Не поверите — полдороги на людях проехал, будто я царь-фараон какой. Впряглись в тележку трое косоглазых, да как припустят! Вопреки, жара стоит страшная, дышать нечем — а бегут. Где ж это видано на людях ездить? Добрался до какой-то деревни — «Стой, — кричу, — басурмане!» Расплатился и нормальную повозку нанял, какую лошадь тянет. А лошади японские никудышные, барин, жила в них не та...

— Поэтому ты так долго? — спросил граф.

Еропка тотчас насупился.

— Поэтому, не поэтому... Ну всего-то на полчаса остановился, в трактир японский зашел. Это вы, барин, из железа, а я питаться должен, скучно мне без еды... Ну, я вам доложу, там и еда! Сарачинская каша клейкая, да к ней ракушки и всякие морские гады, глядеть на них тошно, не то что в рот взять, да кусок рыбы сырой, да слива в уксусе, да чай басурманский в во-от такусенькой чашечке и без сахара совсем... Спросил я гречневую кашу с маслом — ихний половой по-нашенски ни гу-гу. Чего ты, говорю, кланяешься да

улыбаешься, сыроядец, ты мне кашу неси! Не, не несет... Бестолковый народ. Я так смекаю, он оттого и мелкий, что не еда у них, а одно сплошное над естеством надругательство...

Лопухин невольно улыбнулся.

— Рис — хлеб этой земли.

— Скажете, барин! Разве ж это хлеб? Курам разве что на корм и им же на смех...

— Палочками ел?

Слуга обиделся.

— Палочками! Одичал я, что ли? У меня ложка при себе, во! — Еропка продемонстрировал предмет столового обихода, по всей видимости, позаимствованный на камбузе «Победослава».

— И монеты у них с дыркой, — привел он последний уничтожающий аргумент.

В час пополудни вернулся Корф, чуточку навеселе и в одиночестве. Посланник выглядел озабоченным.

— Как я и предполагал, цесаревич был приглашен микадо на ужин в узком кругу. Само собой разумеется, приглашение он принял. Иначе нельзя.

— А вы?

Корф насупился. Развел руками:

— Я не был приглашен...

— Хорошенькое дело!

— Да не беспокойтесь же! Нет повода. Цесаревич будет доставлен сюда живым и невредимым. Но...

— Мертвецким?

Корф вздохнул.

— Боюсь, что слегка уставшим...

— Понятно. Советую прямо сейчас послать за врачом. Может понадобится промывание желудка.

Найдя мысль здоровой, барон пошел распорядиться. Лопухин же решил, что если он имеет право на толику сна в эту ночь, то использовать это право надо немедленно. Сел в кресло и уснул, положив себе проснуться ровно через час.

Без пяти минут три появился Иманиши.

— Мне нет прощения, — заявил он торжественно.

— Что случилось?

— Я не сумел убедить его императорское высочество отказаться от ночной прогулки по Токио. Он обругал меня и ушел. Не следует беспокоиться, его особу охраняют.

— Рассказывайте толком!

— Хай. Выехав из императорского дворца, цесаревич внезапно потребовал остановить экипаж и вышел. Сказал, что хочет прогуляться пешком, а гвардейцам приказал... прошу прощения... вот подлинные его слова: «Катитесь вы к чертовой матери, макаки!»

Самый внимательный физиономист не сумел бы заметить на лице японца признаков гнева и возмущения от нанесенной обиды. Лишь голос, чересчур сухой и официальный, намекал на то, что Иманиши оскорблен всерьез.

— Я тщетно пытался отговорить его императорское высочество от его намерения. Когда это не удалось, я приказал лучшим своим агентам следовать за цесаревичем, не привлекая к себе внимания. В данных обстоятельствах я не смог сделать большего. Мне нет прощения.

— Если с ним случится скверное — тогда нам действительно не будет прощения. Где он?

— Очень скоро мы получим самые точные сведения.

Граф закурил папиросу. Раздраженно швырнул в пепельницу горелую спичку.

— Ладно, будем ждать... Ну а как прошла встреча цесаревича с божественным микадо? Надеюсь, ничего такого?..

— Его императорское высочество обладает подлинно самурайским духом, — дипломатично сказал Иманиши.

«Пьет много sake и ведет себя чванливо», — мысленно перевел Лопухин.

Ладно. Могло быть хуже. В конце концов, в том, что касается большой политики, мнение микадо о будущем российском императоре не имеет решающего значения. Микадо по-прежнему лишь царствует, а правят страной другие. Еще недавно — сиогун и бакуфу, теперь — министры из влиятельных кланов, уже не столько феодальных, сколько промышленно-финансовых. Навряд ли цесаревич сумеет раскрыть себя для них с неожиданной стороны — не приходится сомневаться в том, что у них давно имеются исчерпывающие сведения о способностях и привычках наследника российского престола...

Иначе и быть не может. Японцы — люди обстоятельные и непростого ума. Только по этой причине их страна не стала ничьей колонией и уже не станет.

Но Япония еще слаба. Ссориться с Россией ей совершенно ни к чему. А коли так, можно надеяться на то, что любые, даже самые дикие выходы цесаревича японские власти постараются затушевать и по возможности скрыть от газетчиков. Уж что-что, а не замечать бестактности гостя у японцев получается лучше всего!

Иманиши вышел, извинившись, и скоро вернулся.

— Получено донесение от агента внешнего наблюдения. Цесаревич в зеленом квартале. Не следует беспокоиться.

— В каком еще квартале?

— В Ёсивара.

Ёсивара? Веселый квартал жриц продажной любви? Этого еще не хватало!

Наверное, Лопухин изменился в лице, поскольку Иманиши поспешил прибавить:

— Никакой опасности нет. Лучше в Ёсивара, чем в другом месте.

— Почему?.. Ну что вы мнетесь? Говорите прямо и ясно!

— В Токио обитатели зеленого квартала освобождены от налогов в обмен на сотрудничество с полицией, — сознался Иманиши. — Это выгодно всем: и нам, и им. Честный договор. Он исполнялся неукоснительно триста пятьдесят лет. В эту минуту у цесаревича две тысячи добровольных стражей, о существовании которых он даже не подозревает. Клянусь, в Ёсивара даже ниндзя не сумел бы подобраться к цесаревичу незамеченным.

— Ниндзя? — Лопухина занимали сейчас совсем иные вопросы, но незнакомое слово требовало объяснения.

— С вашего позволения, это убийцы-невидимки. Не думаю, что их несравненное искусство убивать и прятаться еще живо. У подлых ниндзя не было кодекса чести. Самураи ненавидели их, но редко, очень редко могли убить. Норихиро Ооно, мой предок по материнской линии, два века назад сумел пленить раненого ниндзя из клана Хатори и был награжден переводом в ранг косигуми и службой в столице. Очень, очень трудно пленить ниндзя! Как и самураи, они предпочитают плену смерть. Могут откусить себе язык и истечь

кровью. Могут уколоть себя ядовитой колючкой, спрятанной под ногтем. Некоторые могут задержать дыхание.

— И при этом не имеют кодекса чести? — усомнился Лопухин.

— Самурайской чести — не имеют. Но стараются избежать мучительной казни. Того ниндзя, которого взял в плен мой предок, публично распилили пополам деревянной пилой. Казнь продолжалась двое суток с половиной.

Лопухин постарался не выразить на лице никаких чувств.

— Значит, теперь ниндзя не существуют?

— О, кто может знать наверняка? О них давно ничего не слышно. И зачем искать ниндзя для убийства, даже если это убийство принца? Ронины куда дешевле, и среди них немало великолепных мастеров буси.

— Мастеров чего?

— Простите, Лопухин-сан. Мастеров боя. Кроме них есть еще монахи из горных монастырей. Их искусство буси несравненно. Помимо того, умением ловко убивать у нас владеют многие крестьяне, торговцы, ну и, конечно, люди из преступных кланов.

«Народец, однако!» — подумал Лопухин, но вслух сказал другое:

— Как только поступят новые сведения — извещайте меня немедленно. Спать я не лягу.

В спальне на господской постели храпел Еропка.

Михаил Константинович вернулся на рассвете — в час зайца, как сказал бы японец. Он приехал на рикше, по-видимому, все еще наслаждаясь инкогнито, немного помятый, но, к общему немому удивлению, не сильно пьяный. Никакой охраны граф не заметил, но, может быть, Иманиши знал свое дело в большей степени, чем это казалось вначале.

Гвардейцы отдали ружьями честь. Цесаревич едва кивнул в ответ. Удивительно: остановился у японской вишни, зачем-то понюхал ветку. Лицо наследника престола выражало небывалую для него эмоцию: мечтательность.

— А, Николас! — более чем дружески и почти не развязно кивнул он Лопухину, жестом отстранив кинувшегося навстречу дворецкого. — Будь другом, зайди сейчас ко мне...

Будто и не было неприязни.

Недоумевая, Лопухин проследовал за цесаревичем в его покои. Повинуясь приветливому жесту, сел в низкое кресло за инкрустированный столик. Взял предложенную сигару, повертел в нервных пальцах, вернул в коробку, испросил разрешения закурить папиросу. Небывалое дело: цесаревич сам поднес ему огня!

— Ну что ты все «ваше императорское высочество»! — укорил он Лопухина более чем дружеским тоном. — Мы же договаривались: Мишель. Просто Мишель. Забыл, что ли? И на «ты», когда в своем кругу. Ну?

— Мишель.

— Ну вот, другое дело, тирьям-пам-пам. Это по-нашему. Но в карты с тобой я больше не сяду, ха-ха! Кури, кури. Сейчас кофе будет. Эй, Гольян Уклеикович, расстарайся-ка! Просьба у меня к тебе есть, Николас. Большая просьба.

«Насчет денег», — подумал Лопухин и ошибся.

Пока ждали кофе, он выслушал историю ночных походов цесаревича. Того не надо было и вызывать на откровенность — он сам жаждал поделиться нахлынувшим на него счастьем.

В двух словах: цесаревич влюбился.

— Ты не представляешь себе, Николас, что это за дама! Туземка, конечно, но какое воспитание! А фигурка — м-м-м! А прическа! Гордиев узел на голове, но до чего прелестен! А движения! Такого изящества и в Париже не сыщешь. А как она поет! Соловей, право, соловей! Умна, красива, образована! Пропал я, Николас, начисто пропал!..

Осторожные вопросы с полунамеками прояснили ситуацию. Нет, до разврата дело не дошло. И как можно предположить такое! «Сказано же тебе, Николас: это не девка какая-нибудь. Это госпожа Садако, знатная дама. Может, с самим японским императором в родстве. Если так — женюсь! Весь мир пошлю к чертям и женюсь. Веришь? А утонченность!.. Знаешь, как ее называют? Госпожа ивового мира! Все ей кланяются с большим почтением. Все, пропал я, Николас! Влюблен! Как мальчишка влюблен! И рад этому!»

— Поздравляю, Мишель, — осторожно произнес Лопухин. Где-то тут был подвох.

— Стишок сочинить сможешь?

— Пардон, Мишель, какой стишок?

— Какой-нибудь. Здесь так ухаживают, понимаешь ли. Мне объяснили. Стою я, понимаешь ли, на веранде какого-то дома, дурень-дурнем, а передо мною — она, госпожа Садако. Смеется, веером играет. У меня язык к гортани прилип. Тут какой-то японец выскакивает невесть откуда — и ну болботать по-своему. Я ни бельмеса не понимаю, только вижу, что он сердится. Вдруг на тебе — другой. Из темноты, как чертик из табакерки, тирьям-пам-пам. На первого прикрикнул, а мне объяснил по-русски этикет: оказывается, чтобы завязать знакомство с дамой, надо послать ей стихотворение. Поможешь? Я в стихосложении полный профан.

— Боюсь, что и я тоже, — покачал головой Лопухин. — Все писал, кроме стихов.

На душе отлегло. Стало понятно: Иманиши не подвел, цесаревича «пасли» на совесть.

— Так ведь нужны японские стихи, Николас! Японские! Мне тот второй, уж не знаю, кто он, дворецкий, наверное, растолковал правила: всего три строчки, пять слогов в первой, семь во второй и в третьей снова пять, а всего семнадцать. Рифмы не надо. Называется — хайку. Неужто мы с тобой вместе не сочиним, а? Я уж попробовал, слушай:

*Гороховый суп
Съеден, а радости нет:
Вздутие кишок.*

Все по канону! Одно плохо, Николас: надо бы в трех строках соединить приземленное с возвышенным. О луне написать, например, или о вишне, или об облаках вокруг Фудзи, или даже о лягушке в пруду. Мне объяснили. Я теперь все про японскую поэзию знаю. Еще неплохо бы подпустить любовного томления. Бессонница, мол, от любви. — Цесаревич всхохотнул. — А ведь правда! Ночь не спал и не хочется. На, пей кофе. А ты, Карась Ершович, иди, не маячь, не до тебя нам...

Кофе обжег губы. Лопухин сделал вид, что задумался. После практически бессонной ночи душа как-то не лежала к стихосложению. Да, по правде говоря, в число талантов графа Лопухина поэзия никак не входила.

Цесаревич загибал пальцы, считая слоги, шевелил губами — сочинял. «Счастличик, — думал о нем Лопухин со странной смесью раздражения с умилением. — По лезвию бритвы ходит и не замечает того. Но почему он не пьян, как сапожник? Неужели из-за того, что влюбился в какую-то госпожу ивового мира?»

— Есть! — разостно вскричал цесаревич, перестав загибать пальцы. — Готово. Слушай:

*Ночью не уснуть:
Отчего же меня так
Едят комары?*

— Гм, — сказал граф. — А где же тут возвышенное?

— Верно, — огорчился цесаревич. — Если от комаров не уснуть, а не от любви... да, это не то...

— Прости, Мишель, но ведь эти стихи, наверное, на японском языке сочинять надо?

Цесаревич замер, как громом пораженный. Повращал глазами и остановил изумленный взгляд на графе.

— Вот дьявол... Верно! Как же это я раньше не сообразил! Ну ничего! Ты думай, думай! Одному мне сочинять, что ли? Дадим потом секретарю, он переведет.

— Будет еще лучше, если он и напишет, — подал мысль Лопухин.

Цесаревич пришел в восторг.

— Точно! Ну, Мишель, ты голова! Зови!

Титулярного советника Побратимко пришлось тащить с постели за ногу — знаток Японии умел спать не хуже лентяя Еропки. Осознав неизбежность пробуждения, Побратимко испросил пять минут на утренний туалет и по истечении запрошенного срока предстал — одетый, умытый и бодрый. А что рыжий, конопатый и корноухий, так то не беда.

Но прежде чем отвести знатока к цесаревичу, граф задал ему несколько вопросов. Ответы на них были столь заняты, что граф не поторопился выполнить распоряжение «милого друга» Мишеля. Подождет.

— Госпожами ивового мира называют куртизанок, ваше сиятельство, — с увлечением вещал титулярный советник. — В Ёсивара всякие есть, на любой вкус и цену. Всех категорий. На наших русских «мадамок» совершенно не похожи. Японская барышня для утех — дама утонченная. Стихи сочиняет и музицирует подчас не хуже гейши... гм... во всяком случае, на европейский вкус. Есть и совсем падшие, конечно, как не быть... А есть и такие, что клиента к себе только на третьи сутки подпускают, да и то не всякого. Сначала обмен любовными посланиями в возвышенных стихах, причем стихи клиента должны быть хорошими... потом свидание с разговором через перегородку, далее обед — имитация свадебного, ну а затем уже... гм... Но очень дорого!

— Это вам по личному опыту известно? — спросил Лопухин.

Побратимко зарделся.

— Я это... исключительно в целях познания обычаев страны, ваше сиятельство...

— Похвально, — улыбнулся Лопухин, прикидывая про себя, как лучше объяснить цесаревичу его промах. — Надеюсь, у японской полиции претензий к вам не имеется?

— Боже упаси!

— Надеюсь, что так. Кстати. Стихи вы сами писали?

Титулярный советник стал из розового пунцовым.

— Пытался, но не сумел, ваше сиятельство. «Кицунэ ты моя, кицунэ», а дальше никак, хоть караул кричи. Бездарен-с. У нищего поэта заказал...

— Идемте со мной. Сейчас вы повторите цесаревичу то, что рассказали мне.

Михаил Константинович долго не хотел верить. Госпожа Садако — публичная женщина? Быть того не может! Наговоры! Затем наследник российского престола сделался несчастен, запустил в Карпа Карповича тувлей и закричал: «Коньяку!» Побратимко удалился на цыпочках. Но Лопухин остался, чтобы задать еще один вопрос безутешному цесаревичу, пока тот не впал по своему обыкновению в свинское состояние:

— Надеюсь, Мишель, ужин с микадо прошел благополучно?

Цесаревич налил фужер для шампанского коньяком всклень и выпил залпом.

— Что? Какой я тебе Мишель? Уйди! Видеть не могу! Цербер!

— И все-таки?

— Что все-таки? А, ты про микадо? Да с ним-то все в ажуре! Ты что думал: я Россию опозорю? А вот хрен тебе! — Цесаревич быстро пьянел. — Оч-чень мило побеседовали! Народ там всякий, министры, аристократы, дамы в кимоно, как эти... ну как их?... как бабочки, во! А микадо — что надо! — Осознав случайную рифму, Михаил Константинович захохотал. — На европейца лицом похож. Выпить не дурак. Ну, дернули мы с ним за дружбу, за бодро... добрососедство, было дело... Но что пили, а? Саке! С него не окосеешь. Ник-какой чести я не уронил, запомни это! — Ухмыляясь, цесаревич покачал пальцем перед лицом Лопухина. Из угла его рта потянулась струйка слюны — он не замечал. — Да, вот еще: микадо очень инте... интересовался дирижаблем. Со всем своим двором будет смотреть, как мы на нем над его дворцом пролетим. Я обещал. Все слышали. Послезавтра утром. Понял? Обеспечь. Я полечу, и ты со мною полетишь, коли не трус... Покажем азиатам! Да ты чего не пьешь, графское твоё сиятельство? Ты пей давай, мне одному, что ли, стараться?...

Лопухин поднялся и молча вышел. Гнев душил его. Господи, вразуми убогого! Убереги Россию от такого царя, Господи! Шут, шут гороховый! Ну как тут не посочувствовать заговорщикам, старающимся отправить его на тот свет? Кто сильнее желает добра России — граф Лопухин или они?

Ответ был — и очень неприятный.

— Немыслимо! — кричал Корф. — Невозможно! Подвергать его императорское высочество такой опасности! Вы с ума сошли!

— Так отговорите его, — невозмутимо отвечал граф. — Я уже пытался. Отменить полет нельзя — конфуз, стыда не оберешься. Согласны?

— Согласен. А если отправить каблогранму лично государю? Мы даже обязаны это сделать. Несомненно, его императорское величество категорически запретит наследнику подниматься в воздух!

— Я только что с телеграфа. Связи с материком нет и в ближайшие дни не будет. По-видимому, что-то случилось с кабелем.

Хорошо, если на суше, тогда починят быстро. Если в море, то это надолго.

— Боже мой! Боже мой!

Титулярный советник Побратимко, третий участник секретного совещания, до сих пор сидевший в углу тихой мышкой, нерешительно откашлялся и рискнул подать голос:

— Никакого полета не будет, если с дирижаблем что-нибудь случится. Например, он может случайно сгореть...

Лопухин махнул на него рукой:

— Думал уже. Прикажете поджечь корвет? Возможно, это был бы выход, но сохранить поджог в абсолютной тайне я не берусь. Японцы подозрительны и проницательны. Сказать ничего не скажут, но сделают выводы. К большой невыгоде для нас. Мы собирались удивить японцев — стало быть, будем удивлять. Вам нужен договор с Японией? Значит, надо лететь.

— Но драгоценная жизнь его императорского высочества!.. — фальцетом возопил Корф.

— За нее отвечаю я. Разумеется, я тоже приму участие в демонстрационном полете.

Посланник только руками развел. Походил по комнате, повздыхал и молвил жалобно:

— Не попробовать ли еще раз отговорить цесаревича от опасной затеи?

— Пробуйте, — отрезал граф.

— Н-да... А если...

— Что?

— Гм, не знаю даже, как вымолвить такое... — Корф болезненно морщился, чесал плешь. — Словом, если цесаревич окажется физически неспособен принять участие в этом предприятии?

— Напоить его советуете? — прямым текстом спросил Лопухин. — Что ж, можно вызвать сюда мичманов Свистунова и Корниловича, его собутыльников. Только поздно. Теперь гарантирован только один результат: цесаревич будет пьян. Что он выкинет при этом — не знаю. Я бы не рискнул.

— Что же делать? — мученически выдавил из себя Корф.

— Только одно: выполнить обещанное.

В Иокогаму полетели телеграммы, вызвав отмену увольнительных на берег и общий ропот, укрошенный Враницким. На «Святую Екатерину» перегружали громоздкую оболочку дирижабля и железные части его скелета. Гжатский мотался по городу, выискивая недостающее. Теперь только в редкие часы отдыха офицеры могли обменяться беглыми впечатлениями о дивной Стране восходящего солнца. Преобладала женская тема, звучали непривычные имена: Йошико, Хироко, Юуко, Сазуко... Немолодой Батеньков, и тот подкручивал усы. Подшучивали над мичманом Корниловичем, который, вообразив невесть что, сунулся в чайный домик, где перед ним упали на колени, без конца кланялись и предложили зеленого чаю — но и только. Свистунов рассказывал, что успел близко сойтись с японочкой по имени Собако, — над ним смеялись, и никто не верил.

— Удивительные куколки! Не то женщина, не то цветок, не то тропическая бабочка. А сколько изящества... м-м... — Даже немолодой Батеньков мечтательно закатывал глаза.

— Они жалеют, что мы здесь ненадолго, — улыбался Завалишин. — Многие из этих женщин-бабочек хотели бы выйти замуж по временному контракту за иностранного моряка. Особенно за офицера. Это выгоднее.

— Что вы такое говорите! — сердился Пыхачев. — Какая же святость брака при контракте? Противно слушать.

— Здесь смотрят на это иначе, Леонтий Порфирьевич. Очень практично смотрят. Конечно, это не настоящий брак, а просто коммерция. Но иллюзия полная. Жены-японки улыбкивы, заботливы и совершенно не сварливы. Есть о чем задуматься!

— Ходят слухи, что император Александр Георгиевич в бытность свою великим князем имел жену по контракту, когда его шлюп больше года стоял в какой-то деревушке возле Нагасаки, — сказал Фаленберг.

— Мне известно только то, что он первым из великих князей выбрал карьеру военного моряка и был в Японии до того, как стал цесаревичем, — строго заметил Пыхачев. — Прошу вас, господа, воздержаться от сплетен.

— Но что тут такого? Он просто следовал обычаям страны. По отношению к хозяевам это было даже вежливо. Иначе они, чего доброго, подумали бы, что он скупец или импотент...

— Благоволите прекратить, лейтенант! Ступайте-ка проследите за погрузкой частей дирижабля.

— Слушаюсь! — вытянулся Фаленберг. Но вид при этом имел веселый и незаметно для каперанга подмигнул Тизенгаузену. Тот не ответил, но в глазах остзейца плясали игривые чертики — японская экзотика подействовала бы даже на ледяную статую.

А Лопухин в это время имел трудный разговор с Иманиши. Японский полицейский чин выразил твердое намерение подняться в воздух вместе с тем, кого он обязан охранять. Аргументы на него не действовали.

— Это опасно, — в сотый раз разъяснял ему граф. — Я знаю, вы не боитесь. Но какая там от вас будет польза?

— Это мой долг, — сухо, но твердо отвечал японец.

— Подумайте еще раз. Ведь это бессмысленно. Неужели вы не колеблетесь?

— Колеблется тростник.

Лопухин взглянул прямо в глаза Иманиши. Он знал от Побретимко, что японцы почему-то избегают смотреть в глаза собеседнику. Но этот японец был исключением.

— Но дирижабль уязвим. Вы будете полезнее на земле, если случится покушение. Быть может, вам удастся предотвратить его.

— Мои подчиненные знают, что делать.

— Хорошо. — Лопухин тяжело вздохнул. — Если дирижабль поднимет четверых — вы полетите. Если нет — останетесь на земле. Это мое последнее слово.

— Если его императорское высочество погибнет, мой позор будет ужасен, — сказал Иманиши. — Тогда у меня не будет иного выхода, кроме как совершить сеппуку.

Граф мысленно чертыхнулся.

— Легче разбиться в лепешку, верно? Извините, Иманиши-сан, но иностранцы в Японии пользуются правом экстерриториальности, как и их имущество. Вы не можете настаивать. В гондоле дирижабля вы будете нашим гостем, если баллон сможет вас поднять. Если нет — не обижайтесь.

Иманиши поклонился. Довольным он не выглядел, но больше не спорил.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

повествующая о том, сколько всего можно увидеть с высоты

Всю ночь стучали топоры, визжали пилы. Не очень изящная, зато, по-видимому, очень прочная вышка, похожая на геодезический знак, поднялась еще до рассвета. Три ее ноги росли из бревенчатых срубов, доверху заполненных диким камнем. На дощатом настиле, установленном на семисаженной высоте, был закреплен ворот с канатом. Вкусно пахло сосновой стружкой.

Здесь же рядом шла работа иного рода: с десятков матросов под командой лейтенантов Канчялова и Гжатского собирали некую конструкцию из ажурного металла и бамбука, очень похожую на ферму моста, — киль дирижабля. Открытая гондола с двигателем и воздушным винтом, пародийно напоминающим крылья ветряной мельницы, была собрана заранее и ждала только, когда ее прицепят на тросы под киль.

С первыми лучами солнца забулькала гидролизная машина для получения водорода. Сюда же матросы тащили мешки с медным купоросом и магниевой стружкой, а малое время спустя притащили вторую такую же машину — лейтенант Гжатский пожелал обеспечить непрерывность процесса наполнения оболочки дирижабля. Похоже, он один знал, сколько времени на это потребуется. Прошел час, и местные зеваки, толпившиеся за оцеплением во все возрастающем количестве, заскучали, а расстеленная на земле предлинная сморщенная оболочка только-только начала лениво шевелиться.

Но прошло два часа — и она к восторгу зевак попыталась улететь. На огромный шевелящийся мешок, оторвавшийся от земли в намерении сбежать, кинулись матросы, будто муравьи на гигантскую личинку, навалились скопом и одолели. Пристегнутый в двадцати местах к килю, пузырь смирился и затих, лишь дуновения утреннего ветерка иногда гоняли волны по его поверхности.

— Перистальтика, — сострил доктор Аврамов. — Точь-в-точь толстая кишка.

Пока работала одна машина, вторую перезаряжали. Обычно флегматичный, а теперь издерганный лейтенант Гжатский наорал диким голосом на унтера, вознамерившегося было раскурить трубочку близ извивающихся шлангов, и прогнал его за оцепление. Медленно-медленно округлялась оболочка. Вновь пошла вверх — уже с килем. С вышки кинули конец, прицепили к килю, позволили ветерку развернуть дирижабль туда, куда ему хочется. Закрепили гондолу, нагрузили ее мешками с песком, кувалдами забили глубоко в землю длинный железный штырь в качестве дополнительного якоря.

И вновь потянулось ожидание.

С болотистых берегов Сумидогавы летели комары. То и дело кто-нибудь бил себя по лбу, истребляя очередного кровососа.

Часам к десяти утра появился граф Лопухин со слугой, оба выспавшиеся и цветущие. Граф выглядел так, будто собрался отправиться в театр или клуб, а не в небо: превосходный сюртук с гвоздикой в петлице, шелковый цилиндр, галстук бабочкой, трость. Приветливо поздоровался с Гжатским и Канчеляловым, с интересом, но без особых восторгов обозрел похожую на китовое брюхо оболочку дирижабля. Осведомился, не может ли быть чем-нибудь полезен.

Измученный Гжатский, совсем позабыв о чинопочитании, лишь отрицательно мотнул головой, но дерзкий сей поступок был оставлен графом без внимания. Коротко кивнув, Лопухин отошел ближе к оцеплению. Здесь между ним и слугой состоялся короткий разговор.

— Это может произойти сегодня.

— Что может произойти, барин? — спросил Еропка и зашевелил ушами в недоумении.

— Покушение на цесаревича может произойти сегодня, — задумчиво молвил граф, доставая из портсигара папиросу. — Удобный случай. И будь добр, прекрати изображать, будто ты не понимаешь. Актер из тебя получился бы, но провинциального масштаба и на вторые роли. Всё ты понял.

— Да вот как бог свят...

— Не божись попусту, не люблю. Последний раз говорю: перестань представлять дурачка. Думаешь, с убогого иной спрос?

— Думаю, барин, — сокрушенно разведя руками, признался Еропка и вздохнул тяжело: мол, что за удел несчастный служить такому господину, который тебя насквозь видит!

— Правильно думаешь. В большинстве случаев так оно и есть, но только не со мной.

Слуга еще повздыхал сокрушенно, но прятал в глазах лукавинку. Наверное, неспроста. Заметил ее Лопухин или нет, но перешел к делу.

— Дирижабль видишь?

— Да кто ж его не видит, барин? — подивился Еропка. — Знатная колбасятина.

— Чем он наполнен — знаешь?

— Сказывали, будто специальным легким газом.

— Весьма горючим газом к тому же. Если кто поднесет спичку, от того, пожалуй, только кучка угольков останется. Замечаешь, что дымовая труба смотрит вниз и вбок гондолы, а не вверх?

— То-то, что вниз. Чудно.

— Зато правильно. Так много безопаснее. Ну и, конечно, труба снабжена пламегасительной сеткой, а внешняя оболочка дирижабля пропитана огнезащитным составом. Более того, заполненные воздухом баллонеты находятся ниже основного баллона, что тоже в какой-то степени защищает от искры... И тем не менее для уничтожения дирижабля может хватить одной зажигательной пули или даже стрелы с горящим наконечником. Кое-где в Японии луки еще в ходу, и луки мощные. Говорят, будто японцы хорошие стрелки, и я предпочитаю в это верить.

В вытаращенных глазах Еропки как будто вспыхнуло отраженное пламя сгорающего спичкой дирижабля, но сразу погасло. Слуга вертел головой, морщил лоб.

— Наверяд ли стрЕльнут, барин, — высказал он мнение, поскребя напоследок в бороде. — Гляньте, сколько полиции. Местные людишки полицию уважают, это я уж приметил. А ежели найдется какой бешеный, так не успеет и ружье поднять, не то что лук натянуть. Скрутят его или саблей рубанут, и всех делов. У азиатов с этим быстро...

Спорить граф не стал, хотя видно было, что уверенный тон слуги нимало его не убедил. Меланхолически постукивая концом трости по лаковому ботинку, Лопухин сменил направление беседы:

— Вышку видишь?

— Кто ж ее не видит, барин? Слепой разве.

— Прежде чем дирижабль поднимется в небо, заберешься на верхнюю площадку. Тебя не сгонят, о том уже отдан приказ. Твоя задача будет заключаться в том, чтобы смотреть не на дирижабль, а на зрителей. Смотреть очень внимательно. Тебе будет очень хотеться взглянуть вверх, но ты будешь смотреть по сторонам. При обнаружении покушающихся — подашь сигнал свистком. Держи свисток. Сориентируешь местную полицию... ну и наших, если потребуется. Задание понятно?

Еропка замотал головой.

— Не понятно, барин. Выходит, вы в небо подниметесь, а я на земле останусь?

— Так и выходит. А ты никак о полете мечтаешь?

— Боже упаси, барин! — перекрестился слуга. — О такой страсти мечтать! Психический я разве? Зачем мне это небо? Мне и по земле славно ходится. Но как же вы без меня? Возьмите с собой, право...

Лопухин рассмеялся.

— Дирижабль пятерых не поднимет, дурья твоя голова! Возможно, он не поднимет и четверых, в таком случае Иманиши придется поскучать внизу. Если цесаревич летит, я лечу вместе с ним, это решено. Я обещал государю. Лейтенант Гжатский возьмет на себя управление. Иманиши нужен, дабы польстить самосознанию японцев. Мест больше нет, все понятно?

— Но барин...

— Умолкни. Не по чину тебе лететь в одной гондоле с наследником престола.

Еропка обижанно засопел.

— А если в небе что случится? Если из колбасы этой газ выйдет, тогда как?

— Для тебя никак, — чуть заметно усмехнулся Лопухин. — Разбиваться в лепешку вместе с цесаревичем тебе и подавно не по чину. Сегодня твое место на галерке. Да не забудь сделать то, что я тебе сказал.

— Не извольте беспокоиться, барин, — печально вздохнул Еропка.

Вскоре послышался множественный топот копыт. Бесцеремонно раздвигая толпу, конные гвардейцы освобождали проезд для экипажа

цесаревича. Минута — и экипаж подъехал. Из него выбрались цесаревич, его камердинер и Корф.

— Не усидел, — виновато улыбнулся посланник. — Все одно головы не сносить, коли случится беда. — Он суеверно поплевал через плечо и троекратно перекрестился. — Прости мне, господи, грехи мои... Неужели полет состоится, Николай Николаевич?

— По всей видимости, да.

— Беда просто! А я, признаться, надеялся на какую-нибудь неисправность...

— Увы. Пока все благополучно, как видите.

Качая головой, Корф уныло отошел.

Цесаревич выглядел трезвым и угрюмо молчал. Вероятно, он только сейчас осознал, во что ввязался. Граф подошел к нему.

— Доброе утро, Мишель. Прекрасная погода для полета. Еще четверть часа — и, пожалуй, можно начинать.

Михаил Константинович ответил рассеянным кивком. Он был бледен. Разве только слепой не заметил бы: цесаревич трусит, сильно жалеет о своей похвальбе и размышляет о том, как бы избежать воздухоплавания. Однако поздно! Отказаться — конфуз. Это было понятно даже ему.

Гондола с забравшимся в нее лейтенантом Гжатским оторвалась от земли и закачалась в воздухе, удерживаемая якорем. Перестала булькать гидролизная машина, и шланг был отсоединен. Лейтенант осторожно зажег керосиновую горелку. Теперь оставалось ждать совсем недолго: много ли времени нужно, чтобы развести пары в маленьком котле?

В стороне слышались нестройные звуки медных труб — маленький оркестр готовился грянуть марш. Тихонько бухнул турецкий барабан. Блестели на солнце тарелки.

Появился Иманиши — вежливый, как всегда, но непреклонный.

— Я не ужинал, не завтракал, пил очень мало воды и сгонял вес тела в фехтовальном зале, а затем в бане, — очень серьезно сказал он Лопухину. На высокого атлетического Гжатского, весившего никак не менее шести пудов, и на его дагерротипный аппарат, взятый в полет ради съемки видов Токио с высоты, он не смотрел. — Если понадобится, я оставлю на земле свою обувь и всю одежду. Оставлю

даже оружие, кроме вакидзаси. — Он указал на короткий меч, похожий на большой, слегка изогнутый кинжал в лакированных ножнах.

«Хорош будет цесаревич рядом с голым японцем, — подумал Лопухин. — Сенсация для светской хроники... Интересно, как далеко готов зайти Иманиши в служении долгу? Если для облегчения аппарата ему придется отрубить себе ногу — отрубит?»

Вслух он сказал:

— Добро. Сейчас увидим.

Десять дюжих матросов ухватились за гондолу и подтянули ее к самой земле. Четверо воздухоплателей заняли свои места.

Гжатский следил за стрелкой манометра. Покрутил оба штурвала, от чего задвигались большие, обтянутые шелком рамы, расположенные на киле позади винта, — воздушные рули.

Отец Варфоломей в чистой новенькой рясе, сбереженной специально для этого случая, окропил гондолу святой водой, читая нараспев молитвы. При этом лейтенант Гжатский насколько возможно закрывал от брызг раскаленный котел собственным телом и не сводил страшного взгляда с дымящейся камильницы.

Кое-кто из японцев последовал примеру русских, снявших шапки.

— Простите, Ропухин-сан... — Волнение Иманиши выразилось лишь в том, что на сей раз он не выговорил «л». — Зачем здесь эти мешки?

— Балласт, — объяснил Лопухин. — В них песок. Будем сбрасывать мешки, если не сможем компенсировать потерю высоты рулями.

— Благодарю. Но как же мы опустимся вниз, если захотим это сделать?

— Опять же при помощи рулей. В крайнем случае стравим немного газа. Видите клапан?

По команде Гжатского матросы разом отпустили гондолу. Она осталась стоять на земле, как приклеенная.

— Выбрасывайте мешки по одному, — скомандовал лейтенант.

Здесь он имел на это право. Командиром воздушного судна был он и не стеснялся приказывать. И если бы он не был занят у котла и штурвалов управления, ему все равно повиновались бы.

Даже цесаревич лично выбросил один мешок.

— Хватит! Нет, еще один!

Осталось всего два мешка. Освобожденная от якоря гондола медленно оторвалась от земли и пошла вверх. Рядом проплывала бревенчатая вышка, уходя вниз. Внизу кричали «ура». Оркестр заиграл бравурный марш.

— Отдать причальный конец!

Освобожденный дирижабль плыл вверх, как обыкновенный воздушный шар. Ветер сносил его на запад. Но вот запыхтел двигатель, замелькали лопасти винта, и воздушное судно развернулось против ветра. Сразу отпустила липкая духота. Земля была уже саженях в двадцати внизу. Люди переставали казаться людьми, становились муравьями. А на западе и юге раскинулся огромный город, и дальние края его терялись в дымке.

— Как красиво! — не сдержал восхищения Иманиши.

На взгляд Лопухина, Токио вовсе не был красив, особенно окраина: узкие кривые улочки, одноэтажные домишки с крышами из драмки, обмазанной глиной, грязные воды ленивой Сумидогавы... Но, во-первых, о вкусах не спорят, а во-вторых, вдали, в центре города различалось нечто более примечательное: современные каменные дома, утонувшие в парковой зелени монастыри с высокими пагодами и, конечно, комплекс зданий и садов императорской резиденции.

На пустыре было тесно от людей. Многие зеваки стояли на улицах, раскрыв рты, некоторые лезли на крыши. Там и сям мелькали мундиры полицейских.

Крики восторга заглушили оркестр. Гжатский улыбался — сегодня он был триумфатором. Граф оглянулся на вышку — Еропка стоял на площадке, как было приказано, но ясно было, что приказ глупый — кто услышал бы свисток при таком гвалте?

— А там что за люди? — указал Лопухин. — Солдаты?

— Пожарные, — кратко ответил Иманиши.

— На случай, если мы упадем на город? Предусмотрительно.

Иманиши не уловил едва заметной иронии. Или сделал вид, что не уловил.

— Благодарю за незаслуженную мной похвалу. Наши города легко горят, особенно в жаркое время года.

Ответ был исчерпывающим. Оставалось лишь надеяться, что пожарные с их ведрами и баграми сегодня не понадобятся.

Цесаревич вел себя тихо — просто стоял, вцепившись пальцами в борт гондолы. Щелкнул затвор фотографического аппарата — Гжатский снимал толпу внизу. Негромко лязгнул механизм перезарядки фотопластинок.

— Ишь, как радуются! — сказал довольный лейтенант. — Сделаю круг с набором высоты, а потом пойдем над Токио.

Дирижабль величественно разворачивался. По крышам домиков, по узким улочкам медленно плыла его гигантская тень.

— Против ветра все-таки плохо тянем, — покачал головой Гжатский. — Движок слабый. А помощнее поставить — это же сразу вес уве...

Он не договорил. Грохот выстрела... Крики... Шипение пробитого баллона...

— Вон там! — крикнул Лопухин, указывая пальцем на вскипевший вдруг край толпы. — Лейтенант, дагерротипируйте! Скорее!

Гжатский захлопотал вокруг своего двенадцатизарядного фотографического чудовища. Щелкнул затвор.

— Еще! Не жалеть пластинок!

Внутри аппарата лязгнул механизм перезарядки. Новый щелчок — и новый лязг.

— Вон, вон побежал! — закричал цесаревич, опасно перегибаясь через борт гондолы.

Действительно: одинокая человеческая фигурка, похожая с высоты на паучка, быстро-быстро перемещалась в сторону убогих домишек. За ней гнались японские полицейские и русские морские пехотинцы, им мешала разбегающаяся толпа.

Фотографический аппарат лязгал и щелкал до тех пор, пока бегущий не скрылся в проулке. Внизу захлопали револьверные выстрелы.

— Хотел бы я знать, почему мы не горим и не падаем, — задумчиво произнес Лопухин, посмотрев вверх. — Дырка же.

И верно: оболочка дирижабля, только что тугая, как хорошо набитая колбасная кишка, заметно сморщилась. Дирижабль, однако, не горел и не пытался упасть. Более того, он, кажется, продолжал набирать высоту! Ровно пыхтел паровой двигатель, исправно крутился воздушный винт.

— Пуля была, вероятно, зажигательная, — пояснил граф.

— Почему? — захлопал глазами Михаил Константинович.

— А потому, ваше императорское высочество, что смастерить простейшую зажигательную пулю способен и ребенок. Высверлить углубление в донце, набить его головками от серных спичек на клею... что тут сложного? Японцы — сметливый народ, уж верно догадались бы. Не понимаю...

— Баллонет пробило, — весело доложил Гжатский, в свою очередь придирчиво осмотрев оболочку, — а баллоны с водородом целы! Нам везет!

— Везет дуракам, — оборвал его граф. — Поздравляю с этим званием всех нас. Нельзя ли подняться повыше?

— Насколько?

— Скажем, на две версты. Чтобы оказаться вне досягаемости ружейного огня. Откуда следует, что покушавшийся был одиночкой? Сейчас нас не то что пулей — стрелой достанут.

Гжатский задумчиво кусал губы.

— Можно попытаться, — сказал он без энтузиазма. — Но только подъем будет проходить медленно. Разве что отвернуть на время от города? Ради безопасности?

— Вот и отверните. Вон туда, к северу.

— Да, но...

— Какие еще могут быть «но»?

— На двух верстах высоты будет холодно. Его императорское высочество...

— Потерпит! — отрезал Лопухин, даже не взглянув на нахохлившегося цесаревича. — Лучше продрогнуть, чем сгореть. У вас еще что-то?

— Так точно-с. — Растерянный Гжатский мялся. — Я предполагал, что мы пройдем низко над императорским дворцом... При большой высоте зрительный эффект будет совсем не тот...

— Ничего. Полагаю, у микадо найдется подзорная труба. Вверх, господин лейтенант, вверх! На малой высоте нас только слепой не продырявит.

И как в воду глядел! Не успел толстый кабачок дирижабля величественно развернуться, как снизу грохнул еще один выстрел.

Секундой раньше баллон вздрогнул и зашипел, как змея, которой наступили на хвост.

Смысл этого шипения мигом дошел до каждого. Иманиши лишь мельком взглянул наверх и тотчас опасно перегнулся через борт гондолы — надеялся, видно, высмотреть, откуда был сделан второй выстрел. Лопухин придержал его за портупею. Цесаревич взвизгнул.

— Пробоина, — скучным голосом констатировал Гжатский. Опасность парадоксальным образом не пугала его и не распаляла — он лишь становился точен в движениях, как машина, и неспешен на слова, как волжский крючник, засыпающий прямо на песке после разгрузки баржи. Однако чуткое ухо уловило бы в его тоне обиду: как это так — портить хорошую вещь? Ну разве не подлость?

Дирижабль наконец развернулся, и лейтенант направил его прочь от города.

— От имени японской полиции приношу мои нижайшие извинения, — дрогнувшим голосом заявил Иманиши. — Мои подчиненные не сумели уберечь от покушения уважаемых гостей божественного микадо. Я сегодня же подам прошение об отставке.

— Да будет вам, — махнул на него рукой граф. — Извинения приняты. Никакая полиция не всесильна. Лучше скажите, удалось ли вам заметить, откуда стреляли? Мне, увы, нет.

— Мне, к сожалению, тоже не удалось. Но все ближайшие кварталы через минуту будут оцеплены и тщательно осмотрены.

— Что ж, будем надеяться на удачу. Она нам улыбнулась уже дважды: вторая пуля оказалась не зажигательной... Лейтенант, куда вы правите? Море правее.

— Ветер с моря, — снулым голосом объявил Гжатский. — До моря мы не дотянем. Лучше всего идти по ветру... Ой!

Баллон снова вздрогнул и зашипел громче. Секунду спустя донесся грохот выстрела.

— Вижу! — закричал Иманиши. — Сто четвертый квартал, дом с большим сливовым садом! Вон там!

На взгляд Лопухина, в указанном квартале вообще не было садов, тем паче больших. Так, деревца кое-где... Но возражать граф не стал — в конце концов, у каждой нации свой масштаб.

Несмотря на грозное шипение, дирижабль все еще держал высоту. Гжатский увеличил огонь в керосиновой горелке, стрелка манометра

поползла к красной черте. Огромные лопасти воздушного винта молотили воздух.

Какого черта воздух не вода! Разреженная субстанция не остановит падения, когда придется падать. Неуклюжая туша сморщится и рухнет, перемешав с коричневой японской землей обломки дерева, искореженный металл и человеческую плоть.

Повернуть и пойти над рекой?.. Нет, слишком опасно. Еще один выстрел, еще одна пробоина — и конец. Дальше, дальше от города! К рисовым полям!

Это, конечно, не море и не река. Это грязь с растущей на ней желтой соломой. Или просто мягкая земля, если вода с полей спущена. Удар почти не будет смягчен. Но все же грязь — не камень...

Дирижабль двигался довольно быстро, хотя был более обязан этим ветру, чем пыхтящему двигателю. Внизу проплывали квадратики полей. Бесконечные, безбрежные рисовые поля равнины Канто... На многих копошились жнецы, похожие с высоты на букашек. Почти все бросили работу и, задрав головы, глядели вверх.

— Не могу больше держать высоту, — ровным голосом сказал Гжатский. — Сбросьте весь балласт.

Два мешка с песком полетели вниз. Минуту или две воздушное судно держалось ровно, но затем мало-помалу пошло вниз.

— Нельзя ли чем-нибудь заткнуть дыры? — спросил Иманиши.

Никто не стал отвечать на глупый вопрос.

— Кажется, мы разобьемся, — с нервным смешком проговорил цесаревич.

Удивительно, но он не паниковал. «Дурак, пьяница, но не трус, — подумал Лопухин. — Порода все же сказывается...»

Но почему так спокоен Гжатский? Что он собирается делать? Быть может, следовало бы сбросить тяжелую гондолу и, ухватившись за киль, отдаться воле ветра?

Нет, это не поможет, сказал себе Лопухин. Тросы тонкие, но стальные, их не вдруг перережешь. Да и что это даст? Сброс гондолы ничего не решит. Баллон лишь поднимется немного, чтобы потом и уже наверняка рухнуть, размазав людей по земле.

Ах, вот куда он правит! Вдалеке за квадратами рисовых полей блеснул на солнце пруд. Похоже, его-то водой и питались поля. Ай да лейтенант! Углядел. Но далеко. Дотянуть бы...

— Все лишнее за борт! — скомандовал Гжатский. — Вещи, одежду, ботинки, оружие, ну!

— Только не фотографический аппарат! — крикнул Лопухин, проворно развязывая шнурки на лаковых штиблетах. — Мишель, ты чего ждешь? Раздевайся, живо!

Немного заведя стрелку манометра за красную черту, Гжатский резким движением погасил топку, перекрыв кран подачи керосина. Быстро отсоединив шланг, швырнул за борт топливный бачок. «Умно, — подумал Лопухин. — Молодец лейтенант. Может, мы и разобьемся в лепешку, но теперь, наверное, не сгорим...»

Стрелка манометра медленно поползла против часовой стрелки. Никто больше не смотрел на нее. Паровой двигатель еще пыхтел, еще крутились шкивы ременной передачи, еще вращались лопасти винта, гоня подбитый воздушный корабль к спасительному водоему, и это было главное. А еще то, что снижение на минуту замедлилось.

Но вскоре продолжилось вновь. Баллон сдувался прямо на глазах. Было странно, что он еще держится в воздухе.

За борт летели ботинки, брюки, сюртуки. Лопухин безжалостно расстался с револьвером и не без сожаления — с тростью. Он и цесаревич остались в одних кальсонах, Иманиши — в подобии полотенца, обернутого вокруг бедер и пропущенного между ног. Гжатский раздевался одной рукой, другой держась за штурвал.

— Что еще можно сбросить? Думайте!

Иманиши решительно взял слово:

— Я почти за честь прыгнуть вниз. Это будет хорошо!

Поклонившись, он уже хотел осуществить свое намерение, но был схвачен графом за набедренник.

— Отставить! Запрещаю! Не такой ценой, верно, Мишель?

Цесаревич механически кивнул. Он не смотрел на японца, его завораживала приближающаяся земля.

— Когда речь идет о долге, цена не имеет значения. — Иманиши вновь поклонился, но попыток самоубийства больше не предпринимал.

— Кажется, сбрасывать больше нечего, — сказал граф, когда мундир лейтенанта улетел вслед за остальной одеждой. — Разве что двигатель. Но ведь он нам нужен.

Одним взглядом Гжатский оценил скорость падения, замедляющийся темп вращения воздушного винта и расстояние до водоема.

— С таким весом не дотянем. Разве что... Вы правы, граф. Надо сбросить двигатель. Где инструменты? Здесь был такой зеленый ящичек...

— Сброшен.

— Черт! Тогда нечего и думать. Не дотянем с полверсты. Готовьтесь к удару. Советую не оставаться в гондоле, а забраться на киль.

— Подождите!

Отстранив лейтенанта, граф осмотрел крепление двигателя. Покачал головой.

— Убедились? — спросил Гжатский.

— Отсоединить двигатель мы не сможем, — признал Лопухин. — Но можно попытаться выбить заднюю стенку гондолы. Тогда она выпадет вместе с двигателем. Отойдите-ка!..

Он ударил ногой. Послышался треск. Стенка устояла.

— С разбегу бы...

Новый удар — и тот же результат. От боли в ступне потемнело в глазах.

Чья-то рука легла на локоть.

— Прошу прощения, — сказал Иманиши. — Разрешите попробовать мне.

— Извольте, — со злостью ответил Лопухин, уступая дорогу.

Он не стал смотреть — присоединился к замороженному приближающейся смертью цесаревичу и тоже стал смотреть вниз. Дирижабль опускался быстро, даже очень быстро. Вот уже меньше ста сажен высоты, а теперь, спустя несколько секунд, пожалуй, меньше пятидесяти...

Вот она, смерть. Ее считают черной, а она желтая. У нее цвет созревших рисовых колосьев. И пахнет она неважно. Удобрениями она пахнет, не до конца перегнившим дерьмом...

«Если повезет, можно выжить,» — нашептывал ему внутренний голос и очень злил. Да, выжить можно... беспомощным калекой, обузой для других и себя... К черту!

«Но досадно, ох, как досадно, что я уже никогда не узнаю наверняка, чьих рук это злодейство...»

Сзади раздался страшный треск. Воздушное судно резко дернулось. Лопухин не вылетел из гондолы только потому, что вовремя успел схватиться за трос. Другой рукой придержал цесаревича. Оглянулся. Гжатский и невозмутимый Иманиши были на месте. Вот только не было больше в гондоле ни двигателя, ни ременных передач, ни воздушного винта, ни топки с уходящей вниз и вбок трубой, ни задней стенки.

— Вот это да! — в восторге кричал наконец-то потерявший невозмутимость Гжатский. — Одним ударом!

Секунду-другую еще продолжалось падение, но вот оно замедлилось, и, выровнявшись саженях в тридцати от земли, неуправляемое воздушное судно медленно пошло вверх.

— Теперь дотянем! — ликовал Гжатский. — Не промахнуться бы только...

Искалеченный дирижабль летел точно в сторону пруда. Оставалось лишь молиться, чтобы не поменялся ветер.

— Хвала Будде, дожди в этом году были обильны, — сказал Иманиши.

Лопухин промолчал — мысль была понятна. Этот пруд, служащий накопителем для стекающей с гор влаги, несомненно питается сейчас каким-нибудь совсем тощим ручейком. А рисовые поля требуют много воды. Если бы год выдался засушливым, то пруд являл бы собой почти пустой котлован со слоем грязи на дне.

В висках стучал пульс. Только бы не мимо пруда... Только бы не него или в крайнем случае над ним... Можно будет спрыгнуть. Интересно, хорошо ли плавает цесаревич?

— Идем точно на цель! — послышался веселый голос Гжатского. — Но я был прав: аппараты легче воздуха никуда не годятся. Слишком уязвимы!

«Все-таки придется прыгать, — подумал Лопухин спустя несколько секунд. — Нас пронесет над водой».

Но в этот момент баллон, как видно, решил, что уже и так держался в воздухе непозволительно долго, и резко пошел вниз. Иманиши вдруг горячо заговорил по-японски, указывая на пруд.

Русского перевода не понадобилось. Граф понял.

Так вот куда опорожняются бочки золотарей...

По делу — разумно. Полив и удобрение полей одновременно. Здесь человеческие испражнения разводятся водой. В таких отстойниках дерьмо, поди, успевает хоть немного перепреть, что полезно рису...

Да, ваше сиятельство! Много где вы побывали, вот только в дерьме еще не купались...

Тяжелое зловоние ударило в нос. Черная отвратительная вода ждала — безразлично и мертво. «Держитесь!» — завопил Гжатский.

Удар! Громкий всплеск. Рычание Иманиши. И вонь, ужасная выворачивающая вонь, от которой кишки готовы выпрыгнуть наружу без всякой сепсуки...

Потом они лежали в ручье, и каждый яростно скреб себя, пытаясь отмыться от зловонной жижи. Не хотелось даже курить. К счастью, никто не утонул. Но стошнило всех. «Над нами потешаться будут, — думал Лопухин. — В газеты подробности, конечно, не попадут, но сплетничать людям не запретишь...»

Почему-то сейчас это не очень беспокоило. Цесаревич жив — вот что главное.

Отряд гвардейцев прискакал на удивление быстро. Несколько всадников сейчас же пустились галопом в деревню. Гвардейский офицер объяснил через Иманиши: они заставят старосту собрать всех жителей и отыскать сброшенные вещи. И верно: не прошло и часа, как к воздухоплавателям вернулось все — и одежда, и обувь, и оружие. Кое-что было запачкано, но ничего не пропало. Покалеченный дирижабль офицер также обещал вытащить, отмыть и доставить на русское судно. Гжатский только рукой махнул.

Экипажи не могли сюда проехать. Вместо них появилось транспортное средство, при виде коего Лопухин поднял брови, а цесаревич захохотал. Семеро коренастых носильщиков принесли на плечах длинный бамбуковый шест с притороченными к нему четырьмя люльками наподобие матросских. Двое носильщиков держали шест спереди, двое сзади и еще по одному между люльками. Иманиши сказал, что надо ложиться в люльки, и побудил цесаревича показать пример.

— Местный омнибус, — сострил Гжатский.

Подгоняемые приказом офицера, носильщики припустили рысцей. Люлька мерно закачалась. Жарило солнце. Скоро Лопухин учуял запах пота носильщиков и обрадовался: хоть не дерьмо... Добравшись до дороги, пересели в ожидающую карету.

В русской миссии Лопухин сказал так:

— Не знаю, как вы, господа, а я намерен немедленно принять ванну. После чего устроим совещание. Барон Корф, Иманиши-сан, Побратимко и я. Скажем, через час. Иманиши-сан, мы ждем от вас отчета, хотя бы самого предварительного. Успеете? Вот и хорошо.

Он имел короткий разговор с Гжатским, после чего и вправду залез в бочку, на сей раз не выразив неудовольствие высокой температуры воды. Потребовал большой кусок мыла и велел челяди отойти и не маячить. Видели, как его слуга топтался возле бочки и что-то шептал графу на ухо.

Секретное совещание состоялось в гостиной Лопухина. Еропке было велено стоять снаружи и никого не впускать. Цесаревич не пожелал присутствовать, чему граф был только рад.

— Итак, давайте подведем первые итоги, — сказал он, выслушав Иманиши. — Всего было три выстрела. Первый был произведен из толпы, все мы это видели. Покушавшийся кинулся бежать и был, к сожалению, застрелен полицией. Нет-нет, Иманиши-сан, я ни в чем вас не обвиняю. В полицейском деле всякое бывает. Найдено оружие — обрез пятилинейной винтовки системы Ли-Бредфилда, состоящей на вооружении британской армии. При убитом найдены патроны — как я и предполагал, с зажигательными пулями кустарного изготовления. Перезарядить оружие и сделать второй выстрел покушавшийся не успел бы ни при каких обстоятельствах. Здесь в общем все понятно, хотя есть неясность насчет позиции стрелка — в гуще толпы. Впрочем, исходя из того, что сразу после выстрела покушавшийся бросил обрез, он, вероятно, надеялся смешаться с толпой. Во время естественной паники это вполне возможно. Вышло, однако, иначе: нам повезло, а убийце — нет. Логично?

— Пожалуй, я соглашусь, — кивнул Корф. Иманиши промолчал.

— Теперь второй покушавшийся. Этот засел в жилом квартале и сумел уйти одному ему известным путем. Оружие пока не найдено. Кстати, Иманиши-сан, вы проверяете колодцы? Да? Прекрасно. Итак, у второго стрелка было больше времени, и он произвел два выстрела —

обе пули, как вы знаете, попали в баллон. Здесь интересно вот что: эти пули со всей очевидностью не были зажигательными — в противном случае мы не вели бы сейчас беседу. Отсюда возникает вопрос: должны ли мы считать обоих стрелков членами одной и той же группы убийц? Или же они действовали независимо, выполняя заказы разных хозяев и ничего не зная друг о друге?

— Полноте, — сказал Корф. — Два независимых покушения в один и тот же день и час? Бывают ли такие совпадения?

— Еще и не такие бывают, смею вас уверить, — отрезал граф. — Лично я убежден в том, что стрелки не были связаны между собой. Какие из этого следуют выводы? Их два, и оба очевидны. Первый: существуют минимум два заговора, угрожающих жизни цесаревича. Второй: охрана его императорского высочества надежна. Я делаю этот вывод из того факта, что заговорщики выбрали для покушения именно тот редкий момент, когда охрана была бессильна им помешать. Нельзя же, в конце концов, уставить четверть Токио полицейскими и гвардейцами на расстоянии сажени друг от друга. Теперь у меня вопрос к вам, господа: у кого найдутся дополнительные соображения?

— Следует убедить его императорское высочество не пренебрегать впредь личной безопасностью, — высказался Иманиши, церемонно поклонившись. Как видно, слова графа о надежности японских городских отчасти успокоили полицейского офицера.

— Согласен, но я не о том. Мерами безопасности займитесь вы, я же сейчас говорю о расследовании покушения. Вот что мне пришло в голову. Совсем недавно был убит британский дипломат — Дженнингс. Насколько я понимаю, убийцу еще не нашли. Вопрос: имеем ли мы право чисто гипотетически связать одно покушение с другим?

— Вот уж вряд ли! — воскликнул Корф. — Дженнингс был зарублен самурайским мечом, катаной. Удар, как мне передавали, рассек беднягу чуть ли не надвое. Убийцей был самурай, скорее всего ронин. А тут — пальба, да еще из обреза. Это совершенно не в самурайском духе! Уверяю вас, у этих двуногих пережитков феодализма есть что-то вроде кодекса чести. Они брезгают использовать огнестрельное оружие.

— Великодушно прошу прощения, — подал голос молчавший до сей минуты Побратимко, — но в сословие самураев последние три-четыре сотни лет входили и самураи-мушкетеры. Боюсь, что

приверженность самураев исключительно холодному оружию несколько... э-э... преувеличена. Не так ли, Иманиши-сан?

Полицейский молча кивнул.

— Интересный факт! — заметил Лопухин. — Далее. Что еще нам известно об убитом? Пока не опознан. В полицейской картотеке не значится...

— С вашего позволения, наша картотека еще далека от полноты. — На сей раз Иманиши поклонился. — Я приношу мои нижайшие извинения.

— Бросьте, мы все понимаем. Что еще? Стрелок среднего для японцев роста. Без особых примет. На вид — лет тридцать — тридцать пять. Стрижка: короткий ежик. Насколько я понимаю, самураи бреют лоб до макушки, а на последней носят волосяное колечко. Вопрос вам, Иманиши-сан: мог ли самурай обриться наголо?

— По приказу господина или ради большого дела — да, — ответил Иманиши. — Такое случилось. Это позор, но не выполнить повеление господина — позор совсем непростительный.

— Прекрасно. Следовательно, мы можем исходить из предположения: убийство Дженнингса и покушение на цесаревича — дело рук одних и тех же лиц. Если это так, то...

— Ну с чего вы решили, что это именно так? — воскликнул Корф.

Лопухин и сам не знал. Чутье подсказывало: да, это так. Но чутье не подошьешь к делу, и в споре оно слабый аргумент.

— Если это так, — продолжил он, — то наша задача упрощается. В обоих случаях убийцы, а точнее, заказчики убийства должны были исходить приблизительно из одних и тех же мотивов. Достаточно установить эти мотивы — и мы вычислим злодеев.

Корф поджал нижнюю губу, выражая скепсис.

— Боюсь, что это будет непросто, — сказал он. — Гайдзинов в Японии ненавидят самые широкие слои населения. Существуют и ультрапатриоты радикального толка, которые не остановятся ни перед чем. Не удивлюсь, если прямо в Токио действуют тайные организации, ставящие своей целью побросать всех гайдзинов в море. Которая из них нанесла удар? Так можно искать всю жизнь.

Иманиши сделал протестующее движение, но смолчал. На некоторое время разговор свелся к перечислению недовольных существующими порядками группировок, способных на действие. Их

было много — от якудзы до вассалов любого из нескольких больных на голову князей, до сих пор ведущих в горах войну против законной власти и объявленных вне закона.

— Гадание на кофейной гуще, — подытожил Лопухин.

Он спросил Иманиши, что японская полиция собирается делать с телом убитого террориста. Узнав, что покушавшегося по окончании обмеров и снятия дагерротипного портрета закопают, как собаку, задал другой вопрос: не попытаются ли сообщники убитого выкрасть тело для более достойного погребения? Получив отрицательный ответ, молча кивнул. Не следовало считать убийц компанией идиотов.

— Еще один вопрос, Иманиши-сан. Не были ли случайно замечены в толпе за оцеплением европейцы? А также на прилегающих улицах?

Полицейский помедлил с ответом.

— Мои люди не заметили ничего подозрительного. Нет, гайдзинов... прошу прощения, европейцев в толпе, вероятно, не было. Конечно, я могу опросить моих людей еще раз.

— Сделайте это. От себя добавлю, что мой слуга, находившийся на вышке, до самого момента выстрела не заметил ничего подозрительного. Вопрос: что это может означать? Ответ: пока ничего. У нас слишком мало данных для обобщений. Наша задача — взять след. Пока я его не вижу. Пусть каждый из нас ищет его... да-да, и вы, барон, тоже. Нет, вы не сыщик, вы посланник Российской империи и в этом качестве могли бы навести кое-какие справки в дипломатических кругах... Я рад, что мы понимаем друг друга. Ну что ж, совещание на этом придется прервать. Иманиши-сан, не сочтете ли вы возможным ознакомить меня с материалами по делу об убийстве Дженнингса? Можно это сделать законно, но без огласки?

— Думаю, можно попытаться получить соответствующее разрешение.

— Вот и хорошо. Сделайте это поскорее, пожалуйста. — Граф встал, показывая, что совещание окончено. — За дело, господа!

Оставшись в одиночестве, Лопухин повел себя немного странно: принялся расхаживать по гостиной, тихонько насвистывая модный мотивчик. Он чувствовал большой подъем сил. Наконец-то дело! Нормальная работа, а не ожидание ее. И никакого чувства собственного бессилия!

Он немножко слукавил с Корфом и Иманиши. Для того, чтобы начать действовать, сведений было уже достаточно. А скоро их станет еще больше.

Еропка вновь был отправлен в Иокогаму вслед за Гжатским — на сей раз на посланничьих лошадях. Лентяй даже не ворчал и обернулся на удивление быстро. Лопухин и сам с удовольствием съездил бы за фотографическими снимками, но опасался оставить цесаревича без присмотра. Глупое занятие — охранять, не отходя... Но если с охраняемым что-то случится в отсутствие охраняющего — с кого спросят?

Пришлось остаться и даже немного выпить с цесаревичем — тот успокаивал нервы привычным способом. Заглянул Корф с новостями: сегодняшняя программа отменяется, а завтра во дворце микадо состоится торжественный прием в честь счастливого спасения наследника российского престола от верной гибели и банкет в честь героев-воздухоплателей. Приглашены все четверо. Ожидается весь дипломатический бомонд.

Уже легче. Завтра — не сегодня. Оставив цесаревича лечить нервы, Лопухин поехал на рикше к месту стоянки «Святой Екатерины» близ устья Сумидогавы. Объяснил раздраженному Враницкому отсутствие лейтенанта Гжатского, а остальных офицеров успокоил: всё в порядке, все живы. В детали чудесного спасения не вдавался, зато отзывал в сторонку то одного, то другого моряка и беседовал с ними.

Вернулся в миссию как раз вовремя — Еропка привез еще влажные фотографические отпечатки со снимков, сделанных Гжатским. Учитывая, что проявить фотопластинки и напечатать снимки лейтенант мог только на борту стоящего в Иокогаме «Победослава», получилось довольно оперативно.

Можно было, конечно, найти мастерскую дагерротипных портретов в Токио или попросить о содействии японскую полицию через Иманиши. Лопухин не рискнул. Привычка сводить к минимуму случайности завтавила избрать более долгий, но и более надежный путь. Гжатский, во всяком случае, был вне подозрений.

Рассматривая фотоснимки, Лопухин еще раз убедился в том, что знал и так: за дагерротипией великое будущее. Техника шагала вперед. Давно ли для получения портрета приходилось высиживать по часу в полной неподвижности перед аппаратом размером с хороший сундук, а

полученные изображения походили на злые карикатуры? Теперь куда проще: двенадцать щелчков — и двенадцать снимков! Снимки были хорошие, кроме трех испорченных — как видно, у лейтенанта дрогнула рука или гондолу качнуло. Но так или иначе, девять снимков годились для изучения.

Первый снимок, сделанный до выстрела. Вот кусок вышки с краю, вот наяривает оркестр, вот оцепление из морпехов и толпа за оцеплением — сотни лиц в кадре, и почти все анфас. А вот второй кадр, к счастью, тоже удачный. Толпа уже бурлит, а покушавшийся убегает. Непонятно только, который из. Здесь не один убегающий, многие бегут, а вот этот упал... Ну-ка, а на следующих снимках?.. Ага, вот он. Недаром Гжатский не только механик, но и артиллерист — не выпустил цель из прицела. Итак, где же этот человек на первом снимке?

Вот он. Ошибки быть не может.

А кто это рядом с ним? Кажется, даже шепчет ему что-то на ухо, при этом стараясь не привлекать внимания...

Лупа увеличила масштаб изображения, уменьшив, однако, его четкость. Лицо расплылось в круглый блин, черты просматривались плохо. Одно было ясно: японец. Не в соломенной шляпе, как первый, а с головой, повязанной тряпкой. Японская беднота иногда носит и такие головные уборы...

— Гм, — произнес Лопухин, определив положение второго на следующих дагерротипных отпечатках. Девять снимков складывались в любопытный пасьянс. За минуту до выстрела покушавшийся был не один — рядом стоял кто-то еще. И этот второй скрылся в противоположном направлении. На втором, третьем и четвертом снимках Лопухин отметил крестиком место, откуда был сделан выстрел. Отмерил расстояние от крестика до стрелявшего и до его собеседника, пересчитал дистанцию в соответствии с законами перспективы. Улыбнулся.

Стрелявший убегал очень быстро — настолько быстро, насколько ему позволяла паникующая толпа. Его собеседник не мог бежать быстрее.

Значит — что?

Только одно: эти двое побеседовали шепотом, потом тот, что в тряпичном головном уборе, начал удаляться, пробираясь сквозь толпу,

а тот, что в соломенной шляпе, выждал немного, затем достал из-за пазухи обрез, выстрелил, кинулся наутек в надежде смешаться с толпой, не преуспел и был в конце концов застрелен. В это время второй спокойно ушел. Вопрос: кто он и как его найти?

Был еще и третий — тот, который стрелял из другого места обыкновенными пулями. Но о нем граф решил сейчас не думать.

Постучали в дверь — прибыл Иманиши и начал разговор, естественно, с поклона всем туловищем. Граф изобразил в ответ нечто похожее.

— Мне разрешено неофициально ознакомить вас с обстоятельствами убийства господина Дженкинса, — сообщил полицейский.

— А-а. Превосходно. Мне нравится с вами работать, Иманиши-сан. Но не взглянете ли вы сначала на этой снимки? Вам случайно не знаком этот человек?..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой вечный недруг становится временным союзником, цесаревич вздыхает, а трость графа находит настоящее применение

На прием во дворец отправились впятером: цесаревич, Лопухин, Иманиши, примчавшийся из Иокогамы Гжатский и Корф. Но первые четверо ехали в императорском экипаже, специально присланном за ними в знак восхищения мужеством воздухоплателей, а Корф, завидуя, отправился в собственной коляске. Конные гвардейцы салютовали саблями на европейский лад. Выходило это у них забавно.

Вначале проехали через обнесенный стеной квартал правительственных учреждений. Затем по подъемному мосту пересекли широкий, наполненный водой ров и, въехав в помпезные ворота, оказались в обширном парке — не регулярном французском, где человек, уподобившись то ли математику с циркулем и линейкой, то ли фельдфебелю со шпицрутеном, жестко велит деревьям и кустам расти так, как ему хочется, и не ландшафтном английском, копирующем природу, а истинно японском, помогающем природе лучше выявить свою красоту, но, конечно же, не до конца, ибо полная завершенность есть смерть, а не жизнь.

За стволами причудливо искривленных сосен мелькнули здания императорской резиденции...

На взгляд Лопухина, самый малый прием в Царском Селе, не говоря уже о рождественских балах в Зимнем, отличался бОльшим великолепием. Но здесь удивляла экзотика.

Военный министр Тайго, рослый крепыш в алой накидке и широчайших панталонах-гаккама, беседовал с министром Укобо, облаченным в превосходно сшитый фрак. Мелькали придворные дамы в роскошных кимоно тончайшего шелка, надетых одно на другое по пять-шесть. Некоторые, подражая императрице, были в европейских платьях, что не прибавляло им изящества. Но и они держали в руках не европейские, а японские веера. А о том, что на свете бывают

настолько сложные прически, в Европе до сих пор знали лишь немногие.

Император вышел к гостям в военном мундире французского покроя с голубой андреевской лентой через правое плечо и звездой ордена Андрея Первозванного. По рядам иностранных дипломатов побежали шепотки.

— Надел только русский орден, — прошептал на ухо Лопухину взволнованный Корф. — Очень хороший знак. Надеюсь, теперь-то они перестанут тянуть с договором...

К удивлению Лопухина, микадо носил довольно пышные усы и короткую бородку, а лицом и впрямь напоминал скорее европейца, нежели японца. Следом за монархом важно шел церемониймейстер, держа в руках четыре коробочки. Одна была больше других.

Предстоит награждение, подумал Лопухин и не ошибся. Микадо произнес короткую речь о мужестве русских воздухоплателей и о дружбе между Японией и великой Россией, а барон Корф перевел ее на русский. Цесаревич Михаил Константинович был награжден орденом Хризантемы; Лопухин, Гжатский и Иманиши — орденом Восходящего Солнца второго класса. Награжденные учтиво благодарили. Иманиши был бледен от волнения и украдкой смахивал капли пота со лба.

— Есть отчего волноваться, — шепнул Лопухину Корф. — Восходящее Солнце — третий по значению орден в Японии и имеет восемь классов. Получить сразу второй — неслыханная удача для полицейского офицера. Обыкновенно они служат из одной преданности. И великолепно, должен признать, служат, нашим бы карьеристам так служить!

— Разве он не карьерист? — шепнул в ответ Лопухин.

— Иманиши? Карьерист, конечно. Но виду не подаст.

С самым любезным видом отвечая на поздравления, граф одновременно наблюдал за гостями. Прием был большим, присутствовал весь дипломатический бомонд. Вот немцы и среди них монументальный фон Штилле, вот французы во главе с маленьким сутулым Дюшампи, далее итальянцы, голландцы, испанцы... А вон тот долговязый и поджарый с идеальной выправкой — чистой воды британец, наверняка любитель скачек, бокса и игры в поло. Кажется, он идет сюда?

И верно: приблизившись, англичанин поклонился Лопухину. Пришлось ответить на поклон.

— Гордон Эймс, советник британского посольства, — представился англичанин. — Примите мои поздравления, граф.

— Благодарю, вы очень любезны.

— Надеюсь, достаточно для того, чтобы вы уделите мне несколько минут вашего времени? — улыбнулся британец. — Банкет начнется через полчаса, а перед ним гости пойдут любоваться фонтанами. Они удивительны, но я надеюсь, что вы не останетесь в претензии, если присоединитесь к гостям чуть позже.

— Слушаю вас, — сухо сказал Лопухин. Он заметил, что Корф собирается вновь подойти, и показал ему глазами: не надо.

— Я хочу говорить с вами о смерти сотрудника нашего посольства, — сказал Эймс.

— О мистере Арчибальде Дженнингсе?

— Нет, о сэре Джефффри Палмере, нашем военном атташе. Он поел в японском кафе какой-то гадости и умер. Полиция установила, какие блюда ему подавали. Ничего особенного, не было даже рыбы фугу. Однако сэр Джефффри пришел домой и умер. Повар арестован местной полицией и до сих пор находится под стражей. Насколько мне известно, он сознается только в преступной небрежности. Печально, но бывает, не так ли?

— Так.

— И все же немного странно, правда?

— Правда.

— Но чему удивляться? — с легкой улыбкой продолжал англичанин. — Мы живем в странном мире, из чего следует, что странные события должны в нем происходить время от времени. Например. Разве не странно, что некое судно под британским флагом разгромило некий гренландский поселок, результатом чего стала война между Британской империей и шайкой исландских пиратов?

— Вы сами только что сказали: чему удивляться? — ответил Лопухин, копируя улыбку Эймса. — Если угодно, я могу продолжить. Странно, что кто-то вынудил нашу экспедицию идти вокруг Британских островов. Очень странно, что кто-то указал исландцам место и время перехвата. Не менее странно, что кто-то снабдил их кардиффским углем. Странно также, что кто-то строит для них корабли. И уж совсем

удивительно, что в числе несчастных рабов на шахтах Шпицбергена имеются и англичане. Достаточно странностей?

— Пожалуйста, не надо горячиться. Да и о чем вы? — Эймс очень натурально изобразил недоумение. — Я говорю лишь о сэре Джеффри Палмере. В печальной истории его кончины есть еще одна странность: спустя три дня после его смерти был убит мистер Арчибальд Дженнингс. Совпадение?

— Я вас слушаю, — с деланой скукой отозвался Лопухин. Становилось интересно.

— Мистер Дженнингс занимался служебным расследованием странной смерти сэра Джеффри Палмера, — сказал Эймс. — Я знаю это, поскольку помогал ему в этом деле. А сэр Палмер, насколько мне известно, занимался некоторыми вопросами, тесно связанными с визитом в Японию вашего цесаревича. Любопытный получается узелок, вы не находите?

— Допустим. Позвольте вопрос: имел ли мистер Дженнингс касательство к тем же вопросам, что и сэр Палмер?

— Возможно...

«Что это — провокация? — думал Лопухин. — Не похоже. По всей видимости, Эймс действует с санкции руководства. Смысл? Дезинформация? Гм, поданная столь топорным образом? Пока ничего не ясно, но это пока... Ну-ну, британский коллега, говори, говори еще, мели, мельница...»

Но Эймс замолчал, с рассеянным видом разглядывая убранство опустевшей залы и замерших в отдалении двух лакеев. Всеми миру известно, что британцы гордятся своей невозмутимостью, но этот на вид был просто беспечен. Ну прямо курортник на водах в Баден-Бадене.

— Хорошо, что сегодня облачно, — изрек он наконец.

— Верно. Нет жары.

— А дышится все равно трудно. По-видимому, приближается шторм или даже ураган. Здесь их называют тайфунами. Уже начался их сезон.

— И что?

— Этот ветер иногда срывает с домов крыши и сбивает с ног людей, — любезно просветил графа англичанин. — Когда бушует тайфун, японцы сидят дома. Даже лишенные дома ронины сидят

сейчас где-нибудь в пригородной третьеразрядной гостинице, допустим, в «Увядавшем листе клена» в Комагоме, пьют саке и ждут, просто ждут. Японцы обычно не торопятся, такая уж это нация... Однако мы заболтались и, боюсь, нарушаем этикет. Не присоединиться ли нам к гостям?

— Самое время, — согласился Лопухин.

Кажется, Эймс понял: его сообщение дошло до адресата. Во всяком случае, повторять он не стал.

Значит, «Увядавший лист клена»? Так-так...

Еда за банкетом оказалась почти совершенно европейской за малыми исключениями. Взяв по ошибке такое исключение — абрикос, Лопухин лишь отчаянным усилием воли удержался от кислой гримасы — абрикос оказался маринованным, причем уксуса не пожалели. В столовых приборах царил разнобой: большинство гостей пользовалось ножом и вилкой, в то время как министр Тайго демонстративно орудовал палочками. Ему подражали некоторые придворные дамы. Получалось это у них весьма изящно.

Настоящее «Клико» соседствовало с японским сливовым вином, подогретое саке — с коньяками и виски. Цесаревич пока что был почти трезв и налегал на шампанское. Потом попросил саке. Было ясно, что он доберется и до прочих напитков.

Его развлекала беседой миниатюрная куколка в японском наряде, с милой неправильностью выговаривающая трудные русские слова и временами срывающаяся на английский. Сидящий рядом взволнованный Корф переводил в случае какого-либо затруднения, а так как затруднения случались постоянно, наслаждаться блюдами европейской кухни посланнику было некогда.

Пока что куколка учила цесаревича кушать при помощи палочек и премило смеялась над его неловкостью.

— Кто это? — спросил граф соседа, французского дипломата, указав глазами на собеседницу цесаревича.

— Госпожа Фудзико, племянница микадо, — был ответ. — Собственно, не вполне племянница, но у японцев удочерение приравнивается к кровному родству, совсем как у древних римлян. Ее удочерил принц Сато, кузен микадо, вон он сидит слева от него... Очень образованная японская мадемуазель. Не замужем, поскольку при ее положении ей трудно найти жениха. Не в Азии же искать его, а

в Европе сами знаете, как смотрят на японцев. Косоглазая принцесса — это нонсенс...

— Благодарю вас, — прервал Лопухин словоохотливого француза.

Да, действительно, нонсенс. Хотя племянница микадо по-своему обворожительна, то-то цесаревич с нее глаз не сводит... Впрочем, пустое.

Граф перестал наблюдать за ними. Сейчас цесаревич находился в полной безопасности, а следить, чтобы он не ляпнул чего или не упал, напившись, в блюдо с лангустами, выпало Корфу. Слушая вполуха тосты за нерушимую дружбу между двумя империями, за доблесть воздухоплателей, и за грядущее в недалеком будущем открытие регулярных воздушных рейсов от Хоккайдо до самой Окинавы, Лопухин думал о другом.

Сколько все-таки заговоров против цесаревича — два или три? Один из них заведомо российского происхождения, но вчерашние стрелки не имели к нему отношения. Это стало окончательно ясно после визита Лопухина на баркентину. Все русские моряки и морские пехотинцы из числа прибывших в Токио находились в поле зрения, никто не отлучался. Не говоря уже о том, что участие туземных стрелков в русском заговоре представлялось крайне маловероятным. У них просто не было времени договориться.

Японский след уже найден. Иманиши забрал дагерротипный отпечаток с намерением попытаться установить личность второго японца — того, что ушел до выстрела. Пока — никаких результатов...

И что означают слова Эймса? Дезинформация?

Не похоже. Англичане делают это гораздо тоньше.

Попытка решить свои проблемы чужими руками?

Возможно. Это вполне в британском духе. Строго говоря, это в духе всей мировой политики со времен фараонов, но британцы больше других преуспели в данном искусстве.

Сейчас у британского посольства большие трудности. Убиты два высокопоставленных дипломата. Что это — часть дьявольской игры Альбиона? Гм... в британских ли традициях приносить в жертву своих ради минутного перевеса в игре? Да и в чем тут перевес?

Ясны пока две вещи. Первая: заговор, похоже, не чисто японский. Вернее всего, ронины используются только в качестве наемных

исполнителей. Кто стоит за ними? Неизвестные силы в самой Японии — или одна из европейских держав?

Пока неясно.

Вторая: уже совершенно очевидно, что убийства англичан и стрельба по дирижаблю — звенья одной цепи. Разгадать ее смысл — значит обезопасить цесаревича по крайней мере с одной стороны.

Следующий день прошел вяло. Накануне цесаревич был привезен Корфом в мертвецком состоянии и отсыпался до обеда, после чего лечил больную голову до самого ужина. Лопухин, по долгу службы заглянувший в апартаменты наследника, заметил Корфу:

— Смешивать напитки вообще вредно, а уж пить коньяк после саке — смерти подобно. Это даже я знаю. Вам следовало бы предостеречь его императорское высочество.

— Предостерегал-с! — махнул рукой посланник, горяю. — Если бы он меня еще слушал!.. У его императорского высочества... гм...

— Навоз в голове, — договорил за него злой Лопухин.

— Божи упаси, я не то имел в виду! — Скандализированный посланник замахал руками. — Я хотел сказать, что у цесаревича независимый характер.

— Иногда это одно и то же, — сказал Лопухин и вышел.

До обеда он лежал на кровати, согнав с нее недовольного Еропку, наслаждался прохладой, внезапно наступившей после влажной духоты, много курил, а после полудня стал насвистывать мотивчик из модной оперетты и вскоре вызвал к себе Побратимко.

— Есть ли в Токио пригород с названием Комагома? — с места в карьер озадачил Лопухин титулярного советника.

— Простите, ваше сиятельство, — молвил Побратимко, — не Комагома, а Комагоме. Это слово не склоняется.

— Пусть так. У вас найдется карта Токио? Несите ее сюда. Покажите мне этот пригород. Та-ак... Наверное, это Комагоме порядочная дыра, вроде какого-нибудь московского Грайвороново... Где там может находиться гостиница «Увядающий лист клена»?

— Не знаю, ваше сиятельство. Прикажите — выясню.

— Читайте, что приказал. Но внимания не привлекать! Лучше всего сами туда не суйтесь. Можете найти японца, который подробно описал бы эту гостиницу?

— Постараюсь, ваше сиятельство.

— Вот и постарайтесь. Немедленно. Меня интересует все: подходы к гостинице, план ее помещений, порядки.

— И постояльцы?

— Нет, постояльцами не интересуйтесь. Можете спугнуть. Спрашивайте только, не останавливаются ли там европейцы. Легенда: состоятельный гайдзин ищет поблизости местечко, где мог бы в течение нескольких дней приобщиться к настоящей, глубинной Японии, еще не испорченной западной цивилизацией. Наплевать, если вас сочтут идиотом. Понятно?

— Так точно-с. — И Побратимко отбыл.

Вернулся он скорее, чем ожидал граф, и принес неплохой улов сведений. Был даже чертеж: план части гостиницы, нарисованный тонкой кисточкой на рисовой бумаге. В ответ на похвалу лицо титулярного советника зарделось, как маков цвет.

Разговор с Иманиши был долог. Японец кланялся, извинялся, но твердо стоял на своем.

— Простите, это невозможно. Иностранцы с винтовками в Токио? Пожалуйста, не настаивайте. Это невозможно.

— Для вашей же пользы, — втолковывал Лопухин. Он уже жалел, что затеял этот разговор. Лучше было действовать тайно и нагло. — Кстати, если не ошибаюсь, лет десять назад русские моряки, потерпевшие крушение в Симода, уже маршировали по Токайдо с оружием. Вот и прецедент.

— Простите еще раз, тот случай не годится. Совсем не годится.

— Это еще почему?

— Прошу извинить меня, но Токайдо просто дорога, а Токио — столица империи. Это первое. Тогда было другое правительство. Это второе. Русские моряки лишь прошли маршем, но не стреляли в японских подданных. Это третье. Японские власти пошли навстречу русским морякам, закрыв глаза на законы империи. Это четвертое.

— Ну так закройте глаза еще раз!

— Простите, это невозможно.

«Заведу себе попугая, — подумал Лопухин, — и научу его говорить «простите, это невозможно». Будет напоминать мне о Японии.

— Ну хорошо, — сказал он после краткой паузы. — Я не спрашиваю, можно ли добиться разрешения властей на маленькую операцию с участием наших морских пехотинцев. Догадываюсь, что пока просьба будет рассматриваться, дичь преспокойно удерет. Я задам другой вопрос: русским морякам разрешено появляться в Токио?

— О, конечно!

— А как насчет личного оружия? Регистрировать револьверы в полицейском управлении, надеюсь, не требуется?

— Разумеется, нет.

— Тогда мы обойдемся без винтовок. Уважая законность и не посягая на обычаи страны.

— Извините меня, — Иманиши поклонился в сотый раз. — Японская полиция обязана будет вмешаться.

— Вмешавшись, она, вероятно, позволит преступникам скрыться. Вы этого хотите?

— Извините. — Новый поклон. — Полицейский офицер не может нарушать закон и порядок. Если не возражаете, этим делом займется токийская полиция.

«Вот спасибо, — подумал Лопухин. — Они сунутся в осиное гнездо и даже если положат ронинов, то сами потеряют половину своих. К тому же наверняка кто-нибудь сумеет уйти, а живьем не возьмут никого. Это еще в лучшем случае. В худшем — ронины будут предупреждены и уйдут по-тихому. Если не Иманиши, то какой-нибудь другой полицейский чин захочет отличиться и затеет масштабную операцию. Но чем больше масштаб, тем шире круг посвященных и вероятнее утечка. Нет, во что бы то ни стало надо действовать иначе...»

— Очень хорошо, — сказал он. — Я еще не говорил вам, что очень интересуюсь пригородами Токио, в особенности Комагоме? Эти пригородные гостиницы так экзотичны для европейца! А эти названия! «Увядаящий лист клена»... романтично, не правда ли? Наверное, славное заведение. Очень хочу посетить его.

И заметил: Иманиши, кажется, растерялся.

— Простите, это будет... неосторожно, — вымолвил японец.

— Вы хотели сказать — глупо? — перешел в атаку граф. — Что ж, я с вами согласен, это глупо. Но такой глупости они от меня наверняка

не ждут, и я намерен использовать это обстоятельство. Вопрос лишь в одном: будет японская полиция помогать мне?

— Простите, нет. Прошу вас не вмешиваться, мы все сделаем сами. Это японское дело.

— Это не только японское дело, Иманиши-сан! Под угрозой жизнь наследника российского престола. Я думаю, мы можем уладить наши разногласия. Мне ведь не запрещено гулять по токийским улицам?

— Конечно, нет.

— Спасибо и на том. Еще вопрос: японская полиция обязана защищать законопослушных иностранцев от бандитских нападений?

— Разумеется. Но...

— Прекрасно. Сегодня ночью я со своим слугой намерен совершить прогулку в Комагоме, несмотря на то, что у меня есть предчувствие: там небезопасно. Особенно возле гостиницы «Увядающий кленовый лист». Конечно, вы вправе считать мое предчувствие не заслуживающей внимания информацией, но оно меня редко подводило...

— Прошу вас, не делайте этого!

— А вы мне не указывайте. Я гуляю, где хочу. Попробуйте запретить мне это.

Иманиши еще долго упрашивал, но в конце концов уступил, правда, заметив с крайней озабоченностью, что ему придется взять на себя огромную ответственность и в случае неуспеха операции навлечь на себя не только гнев начальства, но и позор, с которым ему будет трудно жить.

— Одному статскому советнику тоже будет трудно жить в случае гибели цесаревича, — отвечал на это Лопухин и был, кажется, понят. Во всяком случае, Иманиши больше не возвращался к этой теме.

— Итак, Иманиши-сан, займемся разработкой операции, если вы не возражаете...

Ужинать граф не стал. Почистил и зарядил оба револьвера, проверил, легко ли вынимается клинок из трости, проделал несколько гимнастических упражнений. Когда за ним пришел камердинер цесаревича — поморщился, но принял приглашение зайти.

— Извини, Мишель, у меня всего несколько минут.

Цесаревич сидел за столом в халате и приканчивал бутылку коньяку. Пьяным он, однако, не выглядел, ну разве что самую малость. В другое время Лопухин удивился бы.

— Значит, не выпьешь со мной, Николас? — Брови Михаила Константиновича скорбно изогнулись. — А ты зачем одет в дорожное? Ты куда-то собрался? Вот так всегда: хочешь поговорить с человеком по душам, а он — фр-р! — исчез. Государственное, мол, дело. И ты такой же, как все. Скучный ты человек, Николас, уж не обижайся...

Ну разумеется. Нескучными цесаревичу казались лишь его всегдашние собутыльники Свистунов и Корнилович. Но оба мичмана обретались сейчас в Иокогаме, и цесаревич грустил.

— Выпей. — Тяжко вздохнув, Михаил Константинович налил коньяку на самое доньшко бокала. — Чуть-чуть, наверное, можно, а? Уважь меня, несчастного человека, Николас, уважь и пойми... Выпил? Ну вот и умница. А скажи-ка мне... стой, не смотри на меня так... сделай любезную физиономию... молодец... Скажи-ка мне вот что: как тебе понравилась госпожа Фудзико? Очаровательна, правда?

— Несомненно, — ответил Лопухин.

— Цветок! Цветок, а не девица! — с большим воодушевлением проговорил цесаревич и снова вздохнул. — Красавица среди макак. Ты ее прическу видел? Вот это изящество, вот это вкус! А уж умница какая! На пяти языках говорит, ты себе представляешь! Стихи пишет — и японские, и китайские, и наши, с рифмой. И любезна, и умна, и изящна до умопомрачения... Боюсь, погиб я, Николас, совсем погиб...

«Пока еще нет, — подумал Лопухин. — Знал бы ты, мил-друг Мишель, по какой тонкой жердочке ходишь! Увидел замечательную женщину — разве это погиб? Это называется попал в плен — и только».

— Неужели ты влюбился, Мишель? — спросил он с удивлением, наполовину деланым, наполовину настоящим. — Правда? Поздравляю. Жаль, конечно, что она японка, но, если рассуждать философски, нет худа без добра...

— Я в тебя, философа, сейчас подушкой кину, — посулил цесаревич. — Сам знаю, что мне на ней жениться нельзя. Подданные, свиньи такие, не поймут. Иначе женился бы! Честное слово! Веришь? Скажи, мне это надо знать: веришь?

— Верю, Мишель, верю, — утешил Лопухин.

Михаил Константинович шумно вздохнул. Даже неискушенному наблюдателю стало бы ясно, что произошло удивительное: пьяница, распутник и безобразник цесаревич влюбился, как мальчишка. Невероятно, но факт.

Порыв ветра ударил в окно. Жалобно закрипело дерево в саду. Охраняющие русскую миссию гвардейцы разом схватились за фуражки. Где-то зазвенело стекло. С востока бежали растрепанные тучи — неправдоподобно быстро и так низко, что, казалось, до них можно достать рукой, а горизонт был залит непроглядной зловещей чернотой. «Святая Екатерина» была, наверное, уже в Иокогаме, прочно став на якоря в безопасной бухте. С океана надвигался тайфун.

План был прост: Лопухин и Еропка поселяются в «Увядающем листе клена» под видом любопытствующих иностранцев. Тайфун объяснит, почему они не избрали для ночлега более презентабельную гостиницу. Если само присутствие гайдзинов спугнет убийц, то снаружи их будут ждать полицейские. Если ронины не покинут пределов гостиницы, то Лопухину придется вынудить их к этому.

— Простите, но вы наверняка умрете, — сказал Иманиши, исчерпав запас доводов против предложенного плана. — Я почтительно склоняюсь перед вашей доблестью. Вы человек долга.

И в самом деле поклонился ниже, чем обычно. Граф с шутливой церемонностью ответил на поклон.

— Но вы умрете, — повторил Иманиши.

— Вы тоже. Когда-нибудь.

— Я умру, если умрет ваш цесаревич, — не принял шутку Иманиши. — Я не смогу жить с таким позором.

«Значит, постарайтесь сделать так, чтобы он не умер, — сердито подумал Лопухин. — А главное, не мешайте мне».

Но вслух он ничего не сказал.

Рикшу наняли в двух кварталах от миссии. По причине дурной погоды негодяй запросил тройную цену, но торговаться Лопухин не стал. Представив себя в роли тягловой единицы, он поморщился. Бегом из центра миллионного города к периферии, да еще когда ветер норовит сбить с ног и вот-вот хлынет ливень...

И он хлынул — не сразу, а дав рикше донести двух ездовых почти до цели. Хлынул так, что дорожный сюртук Лопухина промок насквозь

в несколько секунд. Это была стена воды с косою штриховкой. Ветер не унимался — напротив, усиливался. В воздухе летали сорванные с деревьев листья и целые ветки, клочья, выдранные из соломенных крыш, всякий уличный сор... Потоки воды свирепо били всякого летуна и швыряли оземь. Немоощные улицы токийского пригорода мигом превратились в мутные реки. В наступившей тьме вспыхивали, ослепляя, ветвистые молнии.

Отпущенный рикша, сунув в рот заработанные монеты, что есть духу унесся прочь и в два счета растаял в бурлящей мокрой черноте, чему Лопухин только обрадовался. Он боялся, что парню придет в голову мысль поискать убежище от ударов стихии в том же «Увядавшем кленовом листе». Одной потенциальной жертвой меньше — уже хорошо.

А сколько их здесь — обыкновенных японцев, мужчин и женщин, старых и молодых, ни в каких убийствах не замешанных? Придется действовать очень осторожно...

Гостиницей управляла хозяйка — немолодая женщина необычной для японцев толщины. При виде двух насквозь мокрых гайдзинов, неистово колотящих в дверь, она в первый момент отшатнулась, но во второй уже кланялась низко-низко и спрашивала, чем она, ничтожная, может быть полезна господам. Мобилизовав заученный при помощи Кусимы запас японских слов, граф потребовал ужин и ночлег.

Возникла заминка. Ориентируясь больше на тон, чем на смысл, Лопухин дал хозяйке серебряный шиллинг и позвенел остальными в кармане. Заминка тотчас была устранена, и гостей, заставив снять обувь в прихожей, провели в помещение, являющееся, по-видимому, харчевней при гостинице.

— Опять сарачинскую кашу подадут, — пробурчал Еропка, усаживаясь по-турецки на дощатом помосте перед низким общим столом, и не ошибся — служанка поставила перед ним плошку с клейким рисом. — Я ложку забыл, барин. Неужто лучинами этими пищу цеплять? Гляньте-ка, опять маринованная слива. И рыба сырая... тьфу, пакость!

— Макай рыбу в соус, — посоветовал Лопухин.

— Вот еще, барин! Скажете тоже... Опосля изжога замучает.

— Тогда поголодай немного. Злее будешь.

— Куда уж злее... Так и хочется смазать кого-нибудь в рыло... Вон тех двоих видите? Ну чисто волки, даром что косоглазые. Да и заведеннице это мне не нравится...

Лопухину оно тоже не нравилось. Уместнее было назвать «Увядающий лист клена» не гостиницей, а постоялым двором далеко не первого разбора. Стол липкий, служанки неопрятны, при входе заставили разуться, а татами грязны, светильники коптят, большинство постояльцев — всевозможный сброд. Из несброта глаз Лопухина выделил двух торговцев, одного буддийского монаха и еще одного полупочтенного японца, по-видимому, бедного чиновника.

— Саке или чаю, господин? — согнулась в поклоне служанка.

— Чаю.

Чай, поданный в чашечке размером чуть больше наперстка, оказался, разумеется, зеленым и, по выражению драматурга Крохаля, пахнул рыбой, а не чаем. Еропка соорудил редкую по выразительности гримасу.

— Перестань, — сказал ему граф. — Комик. Лучше по сторонам поглядывай. наших клиентов здесь нет, но могут появиться. Если придется драться, ты знаешь, что делать.

— Как скажете, барин. Бить до смерти?

— Не всех. Я попытаюсь взять одного живьем, а ты прикрывай меня. И будь осторожен. Насчет подраться японцы такие мастера, каких ты еще не видывал.

— Поглядим, какие они мастера, — проворчал слуга, ковыряя «лучиной» рис. — А что хозяева? Одежку нашу разве не высушат? Мокро так сидеть-то.

— Раз не предложили, значит, суши сам как умеешь. Оно и лучше, что одежду не забрали. Драться ты голым будешь?

— Понадобится — могу и голым. Но не хочу.

— Тогда помалкивай. Отойди-ка по нужде и присмотришь к помещениям.

Еропка ушел. Слышно было, как он бранит непонятливую прислугу. Затем послышался негромкий короткий визг и следом за ним смешок — надо думать, слуга ущипнул служанку за мягкое. Ему не надо было внушать, чтобы он вел себя натурально, — Еропка иначе и не умел. Потом голоса стихли.

Лопухин допил чай и заказал саке. Качество напитка оставляло желать много лучшего, но граф со значением поцокал языком и закатил глаза: блаженство, мол. Роль дурня-чужеземца, изо всех сил пытающегося проникнуться японским духом, чтобы впоследствии написать о нем завиральную книгу для таких же, как он, европейских болванов, давалась ему легко. Как и положено дурню, он якобы не замечал иронических улыбок прислуги. Пожалуй, обыкновенный путешественник, не обучавшийся в Третьем отделении под руководством генерала Липпельта, в самом деле не заметил бы их. Осведомители, если они были у засевших в гостинице преступников, не донесли бы им ничего из ряда вон выходящего.

Впрочем, и с дрянного саке стало немного теплее.

Еропка вернулся, когда подали суп — некую зеленую субстанцию в пиале с плавающими либо затонувшими в ней кусками редьки и капустными стружками.

— А как ее есть, барин? — скорбно спросил он. — Эй ты, вертлявая, ложку тащи!

— Уймись, — велел граф. — Возьми палочки и вылавливай ими овощи. Потом выпей жижу через край.

Когда капустный лист, выскользнув из неверного захвата «лучинами», шмякнулся Еропке на штаны, за столом раздались смешки. Публика уже окончательно приняла двух гайдзинов за шутов и веселилась. Лопухина это более чем устраивало.

— Что здание? — спросил он.

— Большое, длинное, — доложил слуга, гоня палочками шустрый кусок редьки. — Как отсюда выйдете, направо по коридору спальни. Дюжины две, почти все крохотные. Стенки везде несерьезные — бумага на деревянной раме. Да и сам дом построен черт знает из чего, бамбук всякий и чуть ли не палочки для еды, столбы и стропила только настоящие... Это оттого, барин, что здесь земля трясется. Каменным домом японца завалит насмерть, а из-под бамбуковых развалин он выползет да еще своего бога поблагодарит, нехристь желтый... А нужник здесь при входе, словно как не у людей...

— Не растекайся мыслью по увядающему клену. Ты по всему коридору прошел? В других частях дома могут быть спальни?

— Нет, барин. Откуда же? Только там, больше негде им быть. Слепой я разве?

Изловленный в конце концов кусок вареной редьки выпал из палочек за вершок от раскрытого Еропкиного рта. Посетители харчевни захихикали громче. Один оборванец громко заговорил, смеясь и указывая на гайдзинов. Толстая хозяйка немедленно прикрикнула на него, в харчевне стало тише.

— Хэя. Нэтэ имас... — сказал Лопухин, выпив вторую чашку саке, и встал, не чувствуя ног с непривычки к сидению на японский манер. — Комната... Рум, ферштейн, нет? Нет, две комнаты, — показал он два пальца. — Две бэдрумз рядом.

— Вы бы, барин, поосторожнее с этими нехристями, — вполголоса молвил Еропка. — Рукусуй здесь не поможет, не поймут-с!

Лопухин только усмехнулся. Система рукопашного боя под названием «рукосуй» была одним из мифов Третьего отделения. Никто ничего не знал о ней наверняка. Поговаривали, будто в ней собраны все наиболее смертоносные тайные приемы десятка национальных школ единоборств, включая карпатскую, среднеазиатскую и отчасти китайскую; свел же их в систему раскаявшийся и прощенный абрек Тотем Шошонов, заодно присовокупивший к ней несколько совсем уже изуверских приемов, позаимствованных им во время скитаний среди диких курдов.

Воображение дорисовывало живописные и жутковатые подробности. О рукосуе уважительно шептались, чему Третье отделение нимало не мешало — напротив, поощряло шепотки. А на самом деле никакого рукосуя не было, как никогда не было и мифического абрека Тотема Шошонова. Было в общем-то немного: десятка полтора несложных приемов обороны от противника, вооруженного ножом, саблей и револьвером, и еще меньше китайских фокусов, основанных на знании особых точек человеческого тела. По чести говоря, при подготовке кадров для Третьего отделения куда более серьезное внимание уделялось стрельбе, фехтованию и верховой езде. Остальное — факультативно, если угодно. За свой счет.

Но рукосуй был полезен, как полезен всякий жупел при умелом его использовании. Рукосуя боялись. Существовая лишь в легендах, он тем не менее давал сотруднику Третьего отделения неоценимое психологическое преимущество в критические моменты. Иной раз противник бросал оружие еще до боя и слезно молил о пощаде.

Зато рукосуй ничем не мог помочь в стране, где о нем никто сроду не слыхивал.

Комнаты оказались в конце коридора — вторая и третья от тупика. Проводив постояльцев, служанка удалилась, над чем-то хихикая.

Комнатушки оказались крошечными — пеналы, а не комнаты. Никакой мебели, если не считать ящичков вдоль стен и деревянных чурбачков, служивших, вероятно, подушками и, значит, к мебели не относящихся. Тускло горела свеча в засиженном мухами стеклянном светильнике. Еропка открыл ящичек — из него выпало нечто похожее на спальный мешок, употребляемый полярными исследователями и адептами новомодного увлечения альпинизмом.

— Футон, — шепотом пояснил граф. — В нем спят.

— Басурмане, — определил Еропка. — А кровать-то где?

— Зачем тебе кровать?

Из крайней комнаты слышался храп. Тому, кто строил гостиницу, вероятно, и в голову не пришло бы, что решетчатые перегородки, затянутые бумагой с полинявшими хризантемами и цаплями, должны хотя бы в минимальной степени ослаблять ненужные звуки. Возможно, сейчас это было преимуществом. А возможно, и нет.

— Занимай эту, — приказал Еропке граф, указав на смежную с храпуном комнату. — И ни звука. Ты спишь, понял? Но не спи.

— Заснешь тут, как же...

Еропка ушел. Всей гостинице было слышно, как он шумно устраивается спать и недовольно бурчит, ругая косоглазых нехристей, кладущих голову на деревяшку вместо пуховой подушки. Потом начал охать и ворочаться. Даже храпун перестал выводить носом рулады, удивившись во сне. Слуга понимал задание творчески. «Ни звука» — это правильно, но лишь с определенного момента. До него можно и даже полезно пошуметь, дабы не насторожились те, кому настораживаться не следует.

Граф лег на футон прямо в мокрой одежде, рядом положил трость. Мерно задышал. Затих и Еропка по соседству, потом засопел носом. Храпун в крайней комнате резко хрюкнул, поворочался и затих. Стало хорошо слышно, как дикий ветер с ревом бросается снаружи на стены, как барабанит по кровле ядреная картечь дождя и как скрипят под напором стихии старые балки.

Ронины где-то здесь, Лопухин это чувствовал. Их не было в харчевне, но служанка понесла куда-то четыре порции лапши. Значит, их четверо? Очень может быть. Но столь же вероятно, что в «Увядавшем листе клена» остановилось почтенное семейство, посчитавшее ниже своего достоинства ужинать со всяким сбродом.

Хозяйка, вероятно, знает, кто они. Ронины хорошо платят ей за молчание — после двух убийств деньги у них есть. Можно не сомневаться: о двух остановившихся в гостинице иностранцах ронинам уже давно доложено.

Придут ли они взглянуть на странных гайдзинов?

Маловероятно.

Пришлют соглядатая? Или предпочтут затаиться в надежде на то, что незваные гости сами уберутся поутру?

А если не уберутся до тех пор, пока снаружи бесится тайфун?

У них мало времени, чтобы убить цесаревича. И с каждым часом его все меньше...

Крак! — порвалась бумага на решетчатой перегородке. В отверстие проник палец и исчез. Тотчас к отверстию приник чей-то любопытный глаз. Лопухин сделал недовольное движение — глаз мгновенно исчез. Дыра осталась. Поколебавшись, граф поднялся на четвереньки и заглянул в нее.

Японка. Она стояла на коленях и низко кланялась наблюдавшему за ней гайдзину, извиняясь за беспокойство, причиненное ее любопытством. Тьфу.

Он снова лег. Итак: слева — безопасно. Там Еропка. Справа — тоже. С одной стороны, это ободряет, но с другой — где искать убийц? Лопухин лежал уже час и начинал понимать: никто не придет. Ронины решили затаиться. Неприятное жжение возникшее сначала в области шеи и рук, а затем распространившееся по всему телу, не оставляло сомнений: в футоне обитали клопы.

В другое время Лопухин посочувствовал бы ронинам. Ведь что такое ронин в буквальном переводе? Человек-волна. Самурай без господина. Лишний человек. На Руси такого уподобили бы перекаати-полю, ну а здесь — волне. Кому что ближе. Он катится по дорогам всей Японии, пробаваясь случайными заработками, а то и грабежами на больших и малых дорогах. Он — воплощение абсолютной свободы от людей, но только не от бусидо. И он, как правило, тяготится этой

свободой. Он хочет служить. Раньше государство терпело его, а теперь говорит: ищи работу простолюдина, иди в рыбаки, иди на фабрику, иди в рикши. Или просись в новую армию, где таких, как ты, по три дюжины на одно фельдфебельское место. Никому отныне нельзя бродить с двумя мечами за поясом! Лишь отдельные даймиосы, не смирившиеся с новыми порядками и отважно, но бессмысленно отстаивающие любезную им старину в настоящей войне с правительственными войсками, набирают ронинов из-за убыли в самураях. Но их скоро передушат. Что остается несчастным? Братся за работу наемных убийц, идти на компромиссы со своим кодексом, сидеть в грязной гостинице, терпеть клопов...

Но разве враг перестает быть врагом оттого, что он несчастен?

Кому на самом деле стоит посочувствовать, так это полицейским под командой Иманиши, затаившимся в освещаемых лишь молниями окрестных проулках под диким ветром и потоками почти горизонтального ливня...

В наружную стену что-то ударило — возможно, сорванная с чьей-то крыши черепица. Пушечными залпами грохотал гром. Тайфун усиливался. Лопухин вынул из кармана часы. Они стояли. Механизм подмок, стрелки остановились на без четверти два. Сколько сейчас на самом деле? Вероятно, около половины третьего. Пора?

Пора.

Фусума сдвинулась бесшумно. Какой бы низкий разряд ни имела гостиница «Увядающий лист клена», а приказать подлить немного масла в пазы хозяйка не позабыла, за что граф мысленно поблагодарил ее. И уж заодно поблагодарил всех японцев с их привычкой ходить по дому в носках — звук шагов необутых ног по татами отсутствовал напрочь.

Ничего удивительного — гайдзин идет в уборную. А что с тростью, так некоторые гайдзины всегда ходят с тростью, спросите кого угодно. Конечно, гайдзин по своей природной дикости может не знать, где находится чаемый нужник, поэтому что же странного в том, что он раз-другой ошибется дверью, невольно потревожив покой мирных постояльцев? Правда, было бы хорошо ошибиться именно раз-другой, не больше...

Две дюжины спален. В которых искать?

Постояв с минуту на одном месте, граф мысленно обругал себя ослом. Ведь говорил же Еропка: спальни почти все крохотные. Почти! Значит, есть и большие. Да вот они — по сторонам двух фусума больше свободного пространства, чем везде. Значит, больших спален две. Служанка потащила четыре порции лапши. Могут ли в одной спальне ночевать четверо? Судя по ее размерам — несомненно.

Теперь оставалось только выяснить, в которой из двух спален находятся ронины. На сей раз Лопухин не стал предаваться дедукции, а молча рванул раздвижную перегородку.

Много ли удивительного в том, что при игре в рулетку шарик остановится на желаемом красном, а не на огорчительном черном?

Их действительно было четверо. Они не спали. Длинные свертки лежали у каждого под рукой.

Первым желанием Лопухина было осведомиться насчет уборной, но то дрожало тело, а управлял им сейчас дух. И посредством тела дух нащупал рукоять взведенного револьвера в левом кармане, после чего глумливо подмигнул напряженным, как струна, злодеям, и произнес:

— Коннити-ва, уважаемые! Бросайте оружие, выходите по одному.

Они поспешили выйти, но не по одному. Двое молча бросились на Лопухина, моментально выхватив мечи из свертков. Они бросились бы и вчетвером, но этому мешали размеры спальни.

Чего не было в специальной подготовке, так это умения побеждать столь прыткого и верткого противника. Стрелять пришлось сквозь карман, наугад. Два оглушительных выстрела перекрыли очередной громовой раскат. Один из нападавших зарычал зверем и на мгновение схватился за бедро. Второй был уже рядом с мечом на замахе.

Отступив вбок, Лопухин выпустил рукоять револьвера и едва успел выхватить из трости клинок. «Ножны» не бросил. Тесня графа в коридор, ронин хакал и бешено скалил зубы. Удары сыпались градом. Не могло быть и речи о том, чтобы отбить их тонкой рапирой, разве что изменить слегка направление удара. Но и это удавалось Лопухину с величайшим трудом.

Жаль... Ничего не поделаешь... Этого ронина не взять живьем.

О фехтовании на рапирах японец не имел никакого понятия. Молниеносный укол — и ронин захрипел, захлебываясь кровью. Сам

виноват...

Тотчас пришлось отпрыгнуть — сквозь бумажную перегородку молниеносно просунулось лезвие меча. Обожгло правый бок. Лопухин вытянул перед собой рапиру, вдавил пальцем резной выступ. Грохнуло так, что заложило уши. С той стороны перегородки послышался вопль.

Второй. Совсем плохо...

Два уцелевших ронина выскочили в коридор. В тусклом свете масляных плашек хищно блеснула сталь.

А гостиница уже наполнилась воплями разбуженных пальбой и криками, ополоумевших от страха людей. Кто-то визжал, как будто его резали, кто-то выскочил в коридор позади Лопухина и с дивной скоростью надал к выходу, и громко трещали решетчатые перегородки под чьим-то богатырским напором...

Едва успевая парировать удары, Лопухин отступал. Он мог бы справиться с одним противником, не знающим, что такое рапира, но с двумя мастерами фехтования на мечах не имел шансов и знал это. Чертовы японцы! Российские бандиты кинулись бы спасаться кто куда, если уложить половину банды, — эти нападали и нападали. Неважно, что гайдзин загораживал им выход, — много ли труда надо, чтобы проломить стену и уйти в грохочущую ночь с надеждой на успех?

Но они наседали, и Лопухин пятился. Теперь не могло быть и речи о переходе в атаку. Только оборона... которая вряд ли затянется.

Проще всего было пуститься наутек, надеясь на то, что люди Иманиши, несомненно, уже взявшие винтовки на изготовку, отличат европейца от японцев и не пристрелят его по излишнему рвению. Но отчего-то бегство казалось постыдным. И главное: хоть одного надо было взять живьем и заставить говорить!

Сказать легко. Куда труднее сделать.

Полой тростью граф делал обманные движения. Первые секунды боя это заставляло противника держаться настороже. Потом перестало действовать.

Снаружи грохотало небо. Внутри орали, визжали и громоподобно трещали чем-то. Лопухин отступал.

Еропка, черт бы его побрал! Неужели заснул, паршивец? Или... струсил?

Бабий визг за стеной — и дикий грохот! Перегородка рухнула, едва не придавив ронина. А вот от летящего в голову сундучка ронин

успел увернуться лишь отчасти, приняв удар плечом...

Упал, но сейчас же вскочил, обратясь против другого противника, — из разломанной стены, как медведь из берлоги, лез Еропка, швыряя в ронина чем ни попадя.

Вот оно что... Слуга не лодырничал. Он шел напролом, круша хлипкие стенки, шагая по постояльцам, и напал на противника внезапно. Ай, молодец!

Пора, понял Лопухин. Если брать, то сейчас. Из полой трости выскочила цилиндрическая гирька на коротком стальном тросике и тотчас оцетинилась короткими тупыми шипами, выскочившими из пазов. Описав полукруг, она задела о потолок, чуть отклонилась и ударила ронина в висок вместо темени.

Черт побери...

Он хотел лишь оглушить противника. Его ли вина, что потолки здесь низки, а противник движется вопреки здравому смыслу?

Его вина, его! Высоту потолка надо было учесть, а противника — изучить лучше. Найти время. Жаловаться на то, что в сутках всего-навсего двадцать четыре часа — удел беспомощных.

Последний ронин с проворством таракана кинулся наутек. Преследовать его, пожалуй, не имело смысла. Стрелять беглецу вслед Лопухин не стал. Гостиница окружена двойным полицейским кордоном — куда ему деваться? Быть может, полиция сумеет сделать то, что оказалось не по силам европейцу, — взять пленника?

Снаружи ударил хлесткий винтовочный выстрел, за ним еще несколько.

Понятно...

Визжащая от возмущения хозяйка гостиницы вылетела откуда-то раскаленной бомбой, часто-часто затараторила по-японски...

— Еропка, займись дамой...

Два ронина лежали в коридоре, третий — в спальне. Лопухин осторожно вошел. Нет, поздно... Этот третий, попотчеванный двумя пулями — в бедро и под сердце, — уже хрипел, умирая. «Говори! — кричал ему Лопухин, лихорадочно вспоминая японские слова. — Кто ты? Кто заплатил за убийство?» Все было напрасно. Ронин выгнулся в агонии, захрипел, пустил изо рта кровавую пену, дернул ногой и затих.

Загрохотали сапоги — в гостиницу ворвались насквозь промокшие полицейские. Теперь, когда вся работа была сделана за

них, они выглядели чрезвычайно воинственно. «Совсем как наши, — подумал Лопухин с унылым сарказмом. — Нет, все-таки есть между нашими цивилизациями что-то общее...»

— Поздравляю вас, Лопухин-сенсей, — весьма низко поклонился Иманиши, не скрывая удивления и восхищения. — Все четверо убиты, никто не ушел. Превосходная работа.

— Черт бы вас побрал, Иманиши-сан, — буркнул в ответ граф. — По меньшей мере одного надо было взять живьем!

— Сумимасэн... Мне нет прощения. Однако это очень трудно, почти невозможно...

— Невозможно?! Ваш предок взял в плен ниндзя! Неужели так трудно было схватить какого-то ронина?

— Очень, очень трудно! — Иманиши старался не показать виду, что обижен. — Но, простите... зачем вам живой ронин?

Лопухин только рукой махнул. Получилось до предела глупо. Вся операция была затеяна напрасно. Что толку истребить наемных убийц, если не найден заказчик? Не исключено, что он успеет найти других исполнителей. Не исключено, что УЖЕ существует вторая группа убийц, ожидающая только команды начать...

— Нижайше прошу извинить меня, сенсей, — молвил Иманиши, не дождавшись ответа, — но это дело окончено. Простите, я не мог сказать вам этого раньше... Тот человек на дагерротипном портрете был опознан одним из полицейских. В полицейской картотеке на него нашлось кое-что. Данных оказалось достаточно, чтобы выследить его. Вчера вечером его пытались арестовать. Он успел совершить харакири, но, пока он был еще жив, нам удалось получить от него информацию. Он действительно был связующим... как это будет по-русски... звеном? Да-да, он был связующим звеном между убийцами и человеком, который платил. Он назвал его имя: Гюнтер Брюкнер, советник германского посла фон Штилле. Потом ему позволили умереть. Простите, если что-то не так.

Помолчав, Иманиши добавил:

— Он был плохим самураем.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой Михаил Константинович обретает чаемую безопасность

Все стало на свои места — головоломка складывалась. Поздним утром, поспав самую малость, граф визитировал цесаревича, попросив присутствовать также и Корфа.

— Теперь я знаю, кто пытался убить ваше императорское высочество и почему, — сказал он, поведав в общих чертах о ночном приключении. — Я считаю, что ваше императорское высочество должны это знать.

— Заладил — высочество... — брюзгливо проговорил цесаревич, еще толком не проснувшийся, но уже страдающий по шампанскому. — Сколько раз повторять: для тебя я — Мишель. Что? Ты чего косишься? Ах, этот! — Он пренебрежительно махнул рукой в сторону посланника. — Валяй при нем, можно. А хочешь, он выйдет вон?

Ни один мускул не дрогнул на лице Корфа — напротив, лицо посланника окаменело. Униженный при постороннем, дипломат держал удар.

— Я долго не мог понять, почему Эймс снабдил меня сведениями, — продолжал Лопухин как ни в чем не бывало. — С чего бы джентльменам помогать нам? Особенно после того как они натравили на нас исландцев, а для пущей гарантии подослали агента-вредителя. Ответ здесь может быть только один: обстановка изменилась. Втравить Россию в войну с пиратской вольницей Британия теперь уже не в силах — она сама ведет эту войну. Помешать благополучному завершению нашей экспедиции? Устранить тебя, Мишель? Но какой в том смысл? Вопли европейской печати о «русском аркане» и реальная политика — не одно и то же. Влияние на Японию? Боюсь, здесь мы еще долго будем уступать британцам. Иное дело — немцы. Ответ следует искать не в японских делах, а в европейских.

Он перевел дух. Оба собеседника внимательно слушали. Как ни удивительно, Михаил Константинович молчал, не пытаясь нести обычную свою ахинею.

— Германия, господа, имеет огромные амбиции — как в самой Европе, так и в колониях. Колоний же у нее мало — два кусочка Африки, полдюжины никчемных атоллов в океане да еще выторгованный у Китая с помощью пушек участок вокруг Циндао. Дележ пирога произошел раньше, чем немцы к нему успели. Но молодая Германская империя быстро крепнет и усиленно вооружается. Особенно впечатляет немецкая программа строительства военного флота. Лет через десять противостоять ему сумеет лишь британский флот и, может быть, русский. Ослабить конкурентов в Европе — это ли не стратегическая цель?

— Вы хотите сказать, что... — начал Корф и покачал головой. — Нет, я все-таки не понимаю...

— А между тем все очень просто. Цесаревич гибнет в Японии, причем доказательств причастности к убийству именно японцев будет предостаточно, в этом можно не сомневаться. Японских оправданий никто и слушать не станет. Шутка ли — злодейское убийство наследника престола российского в азиатской, почти сопредельной стране! Что произойдет далее, как вы полагаете?

— Ну, войны-то не будет, — убежденно сказал Корф. — На Дальнем Востоке нам пока нечем всерьез воевать, да и Японии тоже.

— Верно. Не сейчас. Через несколько лет. Отношения между двумя державами испортятся прочно и надолго. Со временем война станет неизбежной. Не забудьте о территориальных спорах и японских аппетитах. Нарращивание сил будет стремительным с обеих сторон. Серьезных верфей на Дальнем Востоке у нас нет и когда еще будут. Японцы неминуемо опередят нас. Единственная для России возможность сравнять шансы — отправить через Великую Атлантику одну-две эскадры линейных кораблей с Балтики и, возможно, Черного моря, тем самым ослабив наши военно-морские силы в Европе. Что должно весьма устроить Германию на случай большой европейской войны. Будет и европейская война, уверяю вас. Она совсем не за горами. И Германия в этой войне будет нашим противником.

— Но у нас прекрасные отношения с Германией, — возразил Корф.

— О государстве, как и о человеке, судят по делам его, — отрезал Лопухин. — Нам хорошо знакомо британское коварство, теперь придется познакомиться и с германским. Чему дивиться? Немцы уличены. Иных выводов из их подлых делишек сделать невозможно... Или возможно? Попробуйте.

— Германия никогда не станет воевать на два фронта!

— Вы убеждены в этом? Я — нет.

— Но это губительно для нее!

— А что, если кайзер так не думает?

— Постой, Николас... — Михаил Константинович морщил опухшее лицо. Мало-помалу на нем проступало выражение детской обиды. — Да как же это? Мы с кронпринцем вот как с тобой... даже больше, ты ведь мало пьешь и по девочкам не очень... Катались вместе... Из пушек по щитам палили... Друг сердечный... Вот же сволочь, а?! Неужели убить меня хотел?

— Он, или кайзер, или германский генштаб — какая разница! Это, Мишель, уже не нашего ума дело. Им займутся другие. Надеюсь, к большой невыгоде кое для кого. Сам понимаешь, покушение на цесаревича прощать нельзя.

— Гм... Да уж... А точно займутся?

— Будь уверен.

— Меня все-таки одолевают сомнения, — раздумчиво проговорил Корф. — Что-то тут не так... Для чего было немцам убивать двух англичан?

— Это как раз проще всего, — ответил Лопухин, доставая портсигар. — Разрешешь закурить, Мишель? — Он зажег спичку, прикурил и с наслаждением затянулся дымом папиросы. — Немцам нужно, чтобы русская эскадра ушла с Балтики. Англичанам это, напротив, не нужно. Они тоже просчитали эту шахматную позицию. Ставлю в заклад свое годовое жалованье, дети Альбиона пришли к тем же выводам, что и я. В европейской войне нам волей-неволей придется союзничать с Британией против Германии. Естественное стремление противника — втравить Россию в ненужную ей войну на Дальнем Востоке, чтобы ослабить ее в Европе. Для достижения своей цели немцам нужно убить цесаревича — тебя, Мишель, — японскими руками. Англичанам, соответственно, надо во что бы то ни стало помешать этому. И вот где-то британцы наступили тевтонам на

мозоль... Вернее всего, попытались тем или иным способом предотвратить покушение. Результат известен.

— Но ведь Эймс... впрочем, понимаю. Решал свои проблемы чужими руками.

— По старой британской традиции. Впрочем, я на него не в обиде. Но если он хотел, чтобы я добрался до этого Брюкнера или до самого фон Штилле, то это уже не мое дело. Если японцы объявят обоих персонами нон-грата — замечательно. Если нет — последствия будут расхлебывать британцы и вы, господин барон. Расхлебаете?

— Нынче же передам министру ноту протеста. Теперь ее можно составить весьма аргументированно.

Корф выглядел озабоченным — как видно, уже обкатывал в уме формулировки ноты. Лопухин докурил и поднялся, собираясь уходить.

— Да, кстати. Какую программу вы наметили для цесаревича на сегодня?

— Неофициальный прием во дворце. Спектакль театра Но, коктейль, затем просмотр состязания борцов сумо, нарочно приглашенных чемпионов разных префектур.

— Это интересно. А на завтра?

— Мэр Токио, который прежде назывался бугё, приглашает русских моряков осмотреть парк Уено с его буддийским храмом. Он выражает сожаление, что более величественный храмовый комплекс в саду Асакуса недавно пострадал от пожара и еще не восстановлен во всем блеске. Мэр надеется, что его императорское высочество цесаревич Михаил Константинович также будет присутствовать.

— А он будет присутствовать? Что скажешь, Мишель?

Цесаревич, все еще негодуя на коварство германцев, раздраженно пожал плечами:

— Не знаю. Может быть.

— Госпожа Фудзико соблаговолила выразить намерение совершить прогулку в парк Уено в то же самое время, дабы полюбоваться хризантемами... — добавил Корф.

— А! Тогда буду.

— Только держись возле меня, Мишель, — сказал Лопухин. — Просто на всякий случай. Ты уже убедился, что плохого я не посоветую?

Вернувшись к себе, он обнаружил, что Еропка дрыхнет на господской кровати. Лодырь правильно понимал, за что граф терпит его непреодолимую лень. Если хотя бы раз в год на слугу можно положиться в ситуации шаткого баланса между жизнью и смертью, то такому слуге можно простить все остальное.

Шесть самурайских мечей — три длинный и три коротких — валялись у стены, как дрова. Вчера Иманиши уговорил графа принять ненужные трофеи: «Они ваши, Лопухин-сенсей. Это мечи убитых вами ронинов».

— Ну и что мне с ними делать? — озадаченно спросил тогда граф, но трофеи взял. Пригодятся для подарка кому-нибудь. Особенно в России.

Сейчас он уже знал, кому подарит один из мечей.

Со дня отъезда барина в Токио Нил ощущал глухую тоску. Отчего — сам не мог понять. Вроде все складывалось удачно. Оказавшись на «Победославе», он был обласкан всеми, от командира до простых матросов. Даже унтера не цеплялись к юнге, а боцман Зорич сказал, что вот этим кулаком вобьет в палубу любого, кто обидит мальчика не по делу. Потому как малец настрадался так, что на десятерых хватит, и вообще он хлопец геройский. Кормили сытно, работой донимали в меру. Учением тоже — барин уехал, а господам офицерам было недосуг. Нил подогнал под себя матросскую форму наименьшего размера, выданную ему баталером Новиковым, и почувствовал себя франтом хоть куда. В свой черед он ходил в увольнительные, дивился на японские домишки с загнутыми крышами, на бесстыжих японских теток, что купаются в бочках телешом у всех на виду, на влекомые людьми повозки и даже на черных воронов, не умеющих каркать и потому орущих с деревьев: «А! А! А!» Все было не так, все в диковину. Куда там Сандвичевым островам по части удивительного! Нил устал дивиться.

Небольшую Йокогаму он исходил вдоль и поперек — гулял без дела по улицам, покупал безделушки в крошечных магазинчиках, стоял подолгу на каком-нибудь особенно вычурном мостике над каналом, плюя от скуки в воду. Однажды нанял рикшу — просто посмотреть, как оно ездить на людях? Оказалось ничего себе, Нил даже ощутил себя господином, но повторить опыт отчего-то не

захотел. Просился на «Святую Екатерину», что повезла в японскую столицу сдутый дирижабль, — не пустили. Эх, скорее бы уж домой в Россию... хуже маринованной редьки надоели чужие края...

В тот день, когда, по слухам, летающее диво не удержалось в воздухе и грохнулось оземь, никого, к счастью, не убив, приезжал ненадолго барин. На Нила он не нашел времени — потрепал за отрастающий чуб, и только. Было обидно. Когда же снова в море? Добрый капитан-лейтенант Батеньков давал Нилу смотреть морские карты — выходило, что до Владивостока рукой подать.

Прошла буря и натворила в городе бед, но суда в гавани не пострадали. На берегу случилась нелепая ссора между матросами «Св. Екатерины» и «Победослава». Драка была остановлена пудовыми кулаками боцмана Зорича, твердо убежденного в том, что следует лечить подобное подобным, и матросы обоих судов, потирая синяки, отправились в японский кабак запить недоразумение, заказав, к восторгу и ужасу хозяина, четыре ведра sake. «Ты хоть и вольный, а все ж на службе, — гудел Зорич боцману «Св. Екатерины». Держи народец в узде. Пить — пей, а службу помни. Без строгости все твои люди на корм рыбам пойдут, ты понял?»

И все же, несмотря на лихую расправу с буянами, боцман не выглядел орлом. «Заболел, наверное, — с неожиданным сочувствием думал о нем Нил. — Хворает, а старается виду не казать. Вот человек!»

Нынче «Святая Екатерина» снялась с якоря, и сейчас же распространилась новость: послезавтра уходит и корвет. Но завтра! — завтра русские моряки приглашены в Токио полюбоваться каким-то из басурманских парков с храмами, ну и вообще. На борту сразу же случилось то, что ехидный мичман Свистунов окрестил Вавилоном местного значения. Каперанг приказал начать подготовку к отплытию. Нила же занимал только один вопрос: попадет ли он в число тех, кому предстоит увидеть японскую столицу? Иокогама давно надоела.

Хотел попросить старшего офицера — и не смог, застыдился. «Моряк я или не моряк?» — думал Нил. Клянчить себе поблажку мог сухопутный шкет, но не юнга российского флота. Отказать-то, может, и не откажут, но посмотрят так, что со стыда сгоришь...

Отбирали нештрафованных и тех, кто ростом поболее, лицом не урод, аккуратен и в запоях не замечен. Повезло — Нил попал в число счастливицков. Ему и невдомек было, что Батеньков держал с

Тизенгаузеном пари — попросит юнга себе поблажку или не попросит, — и Батеньков выиграл, после чего сам попросил Враницкого включить юнгу в состав командированных.

Простирнуть и выгладить матросскую форму — левое дело. Нил выглядел франтом.

До цели добирались морем на трех японских паровых катерах. Вошли в устье какой-то реки, с час двигались против течения, пристали к пропахшей рыбой деревянной пристани и дальше двинулись маршем — ать-два! Маршировать пришлось долго. Отовсюду лезли японцы — поглазеть. Народец этот, несмотря на его странности, нравился Нилу, хотя и смешил. Приветливые лица, рты до ушей и передние зубы наружу. Чему это японцы вечно радуются?

А Токио не понравился. Улицы узкие, кривые. Постройки такие же, как в Иокогаме, смотреть особенно не на что. Для чего они края-то крыш гнут? Чтобы оступившемуся кровельщику было за что ухватиться? Так ведь домишки сплошь одноэтажные, падать-то невысоко совсем...

Что до токийских жителей, то и они ничем не отличались от иокогамских. Те же уличные торговцы, семенящие женщины, рикши и носильщики с коромыслами странного вида... чепуха, словом. Иногда попадались смешные фигуры модников, нацепивших на голову цилиндр или котелок, но при том облаченных в японский халат и стучащих по мостовой деревянными туфлями. Нил приободрился и глядел орлом. Пусть он в последней шеренге, но всем видно, что он российский моряк. Это ли не повод держать голову выше?

Еще какой повод!

За матросами и гардемаринами маршировали морские пехотинцы в черной форме. Вел их черный полковник с таким страшным сабельным шрамом на лице, что японские обыватели взирали на него с большим уважением, а многие почтительно кланялись. То-то!

Возле парка пришлось подождать в тени деревьев самого что ни на есть японского вида. Между деревьями бродили парковые служители, собирая в корзины сорванную бурей листву и всякий сор. Строю скомандовали «вольно», но не «разойдись». Пыхачев, оставивший на корвете вместо себя Враницкого, нервно расхаживал перед строем взад-вперед и поминутно глядел на часы-луковицу.

Но ожидание кончилось, и вслед за каперангом вздохнул свободнее и Нил. Прибыл цесаревич, а с ним граф и целый взвод японских гвардейцев в придачу. Каперанг, скомандовав петушиным голосом «смирно», разлетелся было рапортовать, но цесаревич на него только рукой махнул и проследовал в парк. «Навеселе», — сразу определил Нил. Он мало видел цесаревича, но знал, что среди его прозвищ, втихомолку повторяемых матросами, «наш дурень» было одно из самых невинных. Случалось, что наследника российского престола именовали мешком дерьма и иными кличками, которые даже не хотелось повторять. Как же не похож был цесаревич на своего брата великого князя Дмитрия Константиновича, что однажды собственной великокняжеской рукой выловил Нила из чаши бассейна в Петергофе! Родные братья — а какая разница! Даже удивительно.

— Командуйте, боцман, — недовольно бросил Пыхачев и удалился в сопровождении офицеров.

— Цветов не рвать, веток не ломать, бумажек не бросать, к барышням не приставать, кукишей никому не казать — не так поймут, табаку не курить, куда попало не плевать! — внушал Зорич, расхаживая вдоль строя, как цирковой укротитель перед хищниками. — Сбор на этом же месте через час. Кто опоздает — глядите! Да вот еще что: ихнего Будду не замай, шкуру спущу! Ежели противно, так отвори рот и иди себе мимо. Понятно?

— Так точно, понятно! — радостно воскликнул матрос Репьев, балагур и затейник. В строю послышались смешки. — А креститься на Будду православным можно или грех?

Не дожидаясь, пока матрос скажет еще что-нибудь несуразное, Зорич поднес ему к носу кулак: вот, мол, на что крестись. Уничтожу.

Наконец прозвучало «разойдись», и Нил устремился вслед господам офицерам и графу. Дивиться по сторонам, с его точки зрения, было особенно не на что. Ну парк... Ну аккуратный... Даже странно, что у азиатов такое возможно. Ну торговые лавки, куда устремилось большинство матросов... Ну беседки всякие, часовни басурманские... Эка невидаль! Нил остановился только поглазеть на зверинец, устроенный на одной из аллей. Тоже ничего особенного: несколько чудных голенастых птиц, летучая белка, дикий кот, смешной бамбуковый медведь, привезенный из Китая, и обыкновенный бурый мишка, страдающий от жары. Господа офицеры жалели косолапого.

— Как я слышал, японцы хотят устроить здесь настоящий зоологический сад по образцу европейских, — вещал Канчелялов. — Удивительна все же способность этого народа перенимать полезное!

— С чьей точки зрения полезное, господин лейтенант? С точки зрения вот этого медведя? — поддел Корнилович.

— Оставьте ваши шутки! Я серьезно говорю.

— А если серьезно, то далеко не всё японцы перенимают. И правильно делают. Хотят построить новую Японию — но Японию, а не филиал Европы. Очень их понимаю. О, смотрите, господа, какая пагода! Ну разве не прелесть?

— Талантливый народ.

— И чувствительный. Взгляните-ка, господа, на того японца. Кустом любитесь. Четверть часа уже стоит и не шелохнется. А ведь куст как куст.

— Ну, японское — японцам. Европейцами им все равно не стать, да они и не хотят.

— Этого я и боюсь, — с неприятной миной на лице молвил Корнилович. — Когда Япония достаточно усилится, чтобы вести войны на континенте, она явит миру такие примеры азиатской жестокости, каких мы даже вообразить не можем. Не мы, так дети наши это увидят, помяните мое слово, господа!

Офицеры заспорили, а Нил пошел дальше, вертя головой во все стороны, пока не разглядел далеко впереди две знакомые фигуры во фраках и цилиндрах. Та, что повыше, принадлежала графу Лопухину, та, что пониже — цесаревичу.

Юнга прибавил шагу. Ему отчего-то было тревожно и не хотелось выпускать барина из виду. Объяснить сие он никак не мог, просто чувствовал: надо быть рядом.

А между цесаревичем и графом в это время шел ленивый разговор. Вспоминали спектакль японского театра, жалея, что ничегошеньки не поняли даже с переводом, а больше — состязания в борьбе сумо. Лопухин, получив сведения от Побратимко, уверял, что раскормленные сверх всякой меры сумотори питаются преимущественно рисом, — цесаревич же в рисовую диету не верил и выдвигал свою теорию: эти живые горы сала салом же и откармливаются. «У японцев нет сала, — втолковывал Лопухин. — Они вообще почти не едят мясного». — «Эти, стало быть, едят, — с не

совсем трезвым упорством доказывал цесаревич. — Точно говорю! Вот потому-то остальные японцы и питаются всякой дрянью, что эти... как их?... сумотори все мясо с салом пожирают. А что скота нет, то тьфу! Киты в море есть, а в них сала — ого-го! Забьют японцы кита, тянут тушу к берегу, а на берегу уж вторая туша стоит, двуногая... поджидает...» Доказать ему что-либо было невозможно.

— А что второй заговор? — нежданно спросил цесаревич, резко меняя тему, и сразу насупился, словно обиженный ребенок. — Ты мне о нем не говорил, Николас. Мне Корф сказал. Кто-то из наших хочет меня убить. Ты веришь, а? Я не верю.

Лопухин мысленно чертыхнулся по адресу посланника. А впрочем... Пусть. Еще вчера-позавчера болтливость Корфа могла бы иметь самые серьезные последствия. Теперь уже нет.

— Правильно делаешь, что не веришь, Мишель, — сказал граф самым обыкновенным тоном. — Заговора нет. Один человек, желающий тебя убить, — это не заговор. Мне известно, кто он.

— Как? — Цесаревич морщил лоб, хлопал глазами — пытался осознать сказанное. — Почему? Один человек? Один... этот... покуситель? А ты что же? Арестовать!

— А доказательства? Для ареста нужны основания. У меня их нет. Одна только голая логика, больше ничего.

Цесаревич непристойно выругался.

— Но я... в безопасности? — спросил он недоверчиво.

— В относительной. Пока я поблизости.

— Ты недостаточно большой щит от пули, — попробовал сострить цесаревич, не очень успешно пытаясь держаться молодцом, и вдруг начисто преобразился. Замер, глядя в одну точку, как сеттер, сделавший стойку на дичь. — Она? Фудзико?

По параллельной аллее грациозно семенили две японки в кимоно. За ними на почтительном расстоянии следовали четыре гвардейца охраны.

— Госпожа Фудзико с придворной дамой, — определил Лопухин, взглядевшись. — Постой, Мишель, куда ты?

Остановить терьера было бы, пожалуй, проще. Михаил Константинович вломился в куст и, мужественно преодолев его, устремился через газон к своей даме сердца. О чем они беседовали, Лопухин не слышал и не прислушивался, но видел, как цесаревич

горячо втолковывает что-то племяннице микадо, а та весело смеется и отмахивается от него веером.

— Какова! — с восхищением произнес Михаил Константинович, вернувшись к Лопухину. — Нет, я сейчас окончательно решился! Женюсь! Честное слово, женюсь на ней! Одобряешь?

— На девушке буддийского вероисповедания?

— Что? Она христианка, представь себе. Католичка, правда, но это ничего. Перекрестим.

— Это серьезный шаг, Мишель, — ответил граф, деликатно откашлявшись. — Очень серьезный. Серьезными будут и последствия.

— А, плевать! — Цесаревич вдруг захлопал глазами. — Ты о чем, Николас? О престоле, что ли?

— Вот именно. — Голос графа был спокоен и даже холодноват. — Японка не может стать русской императрицей. Через сто лет — может быть, но не сейчас. Тебя осудят все слои общества, и даже Третье отделение не сможет заткнуть рты всей стране. Обрадуются только мраксисты и подобные им господа. Попытаешься настоять на своем — жди революции.

— Тьфу! Престол? К чертям престол! — В сильном возбуждении цесаревич едва не подпрыгивал на ходу. — Понадобится — откажусь от своих прав! То есть что там «понадобится» — точно откажусь! Очень мне надо всякую минуту ждать покушения! Откажусь в пользу Митьки, пусть на него покушаются! А я с моей Фудзико сто лет проживу. Может, пить брошу. Знаю, о чем ты думаешь! По-твоему, я не смогу бросить? На пари, а? Нынче же пошлю папА каблограмму. Не знаешь, телеграф исправили?

— Нынче утром исправили. Однако, Мишель, ты подумай...

— Нечего тут думать! Не желаю! — Цесаревича несло. — Я решил, ясно? Кончено. Только что попросил ее руки. Не поверишь, прямо гора с плеч. А давай-ка мы с тобой, Николас, спрыснем это дело... — Михаил Константинович извлек из внутреннего кармана плоскую фляжку, свинтил колпачок, глотнул. — На, держи. Выпей за мое счастье. А я, пардон, отойду на минутку... нет, ты за мной не ходи, я мигом, тирьям-пам-пам...

— Постой, Мишель, неудобно, — воскликнул Лопухин, сообразив, что к чему, но цесаревич лишь махнул на него рукой.

Черт побери! Воспитанному человеку следовало бы отвернуться, когда другой человек справляет малую нужду у стенки беседки, но Лопухин отворачиваться не стал. «Кошмар, — метались в его голове панические мысли. — Позор! Скандал! И это наследник престола российского! Почти на глазах у всех!..» Потом он вспомнил, что японцы относятся к этому терпимо, и слегка успокоился. Авось сойдет. А еще через мгновение взглянул на беседку и обомлел.

Это строение с загнутой по японскому обыкновению двускатной крышей, вовсе не было беседкой. Оно было тем, что в русском языке обозначается словом «часовня», а как по-японски — Лопухин не знал и сейчас меньше всего хотел выяснить. И в ней, конечно же, есть изображение Будды, только отсюда его не видно... Боже, что делать? Кинуться, оттащить дурака в сторонку, пока не поздно?..

Яростный вопль ударил в уши, и Лопухин понял, что опоздал. К начавшему недоуменно оборачиваться цесаревичу с невероятной скоростью неся коротконогий японский полицейский с саблей на замахе. Рванувшись наперерез, Лопухин сразу же понял: он не успеет помешать убийству... не успеет!

И стрелять поздно. Просто-напросто нет времени извлечь из кармана проклятый револьвер. А трость?.. Трость сгоряча отброшена, и эта ошибка сейчас окажется фатальной.

Лопухин бежал со всей скоростью, на какую был способен. Мир вокруг него остановился. Вот некоторые гуляющие обернулись на дикий крик и замерли в оцепенении, вот японский гвардейский офицер указывает стеклом на грозящую цесаревичу опасность, но гвардейцы еще не осознали, что надо делать, вот два русских морских пехотинца проявили медленный интерес...

Поздно!

Крича нечто бессвязное, но, несомненно, гневное, японский городской стремительно набегал на цесаревича, а тот — Лопухин видел это отчетливо — лишь выкатил глаза и рот раскрыл, не то испугавшись, не то изумившись...

И как же глупо все это было! Уберечь цесаревича от одной беды, затем от другой, распознать вторую — и не суметь спасти наследника престола российского от обыкновенного японского полицейского, выведенного из себя кощунственным поведением заморского варвара! Преступно глупо...

Некая тень метнулась из-за угла «часовни» — невысокая, коренастая, почти квадратная. И в тот момент, когда японец уже не мог остановить удар, этот квадратный человек — Лопухин узнал боцмана Зорича — оказался точно на линии удара. Между японцем и цесаревичем.

И принял удар.

В следующее мгновение граф налетел на японца, сбил его с ног и, не удержавшись, покатился сам. Проворно вскакивая, вновь невольно запечатлел в памяти застывшую, как на фотографическом снимке, картину: замерший в падении навзничь боцман с тонкой красной полосой от ключицы до пояса, обернувшийся, но еще не застегнувшийся цесаревич с отвисшей челюстью, бегущие к месту покушения японские гвардейцы, спешащие на выручку морпехи во главе с неизвестно откуда взявшимся Розеном и с ними Нил, черти бы его взяли...

Японец тоже вскочил. Он не выпустил из рук саблю. Мгновенно обведя пространство вокруг себя диким взором, он издал еще один вопль и вновь бросился на цесаревича, в безумном гневе своем полностью игнорируя Лопухина. И напрасно.

Подсечка заставила его вновь упасть. Подняться ему уже не дали. Налетевшие гвардейцы с хриплым хаканьем полосовали безумца саблями, и звук был такой, какой бывает, когда хозяйка рубит секачом капусту в деревянном корыте.

— Ваше императорское высочество, вы живы? — кричал подбежавший Розен, а цесаревич в ответ только пялил глаза, не в силах произнести членораздельное слово.

— Полковник, уведите его! — крикнул Лопухин таким голосом, что никто не усомнился в его праве приказывать. — Быстро! Найдите врача. Все прочь отсюда! Все, я сказал!

Не дожидаясь, когда Розен исполнит требуемое, он опустился на колени и наклонился над Зоричем. С первого взгляда было понятно: с такими ранами не живут. Минуты боцмана были сочтены. Просто удивительно, что он еще дышал и, мало того, был в сознании.

— Почему? — тихо спросил его Лопухин.

Ему пришлось повторить вопрос, прежде чем боцман понял и шевельнул губами. Но сказать ничего не смог.

— Почему вы спасли жизнь цесаревича? — настаивал Лопухин. — Вы ведь хотели его убить. Почему вы не сделали этого раньше?

Губы боцмана судорожно шевелились. Он пытался говорить. Любой, кто не раз видел смерть, знает: в последний момент умирающим подчас надо сказать многое тем, кому еще суждено жить. Очень надо. Но не всегда получается.

— Слав... — с трудом выговорил Зорич. — Не глу...

— Все верно, — кивнул граф. — Так я и думал. Конечно, вы член «Русской рати», патриот и монархист. Настолько монархист, что ради идеи монархии готовы поднять руку на недостойного, с вашей точки зрения, наследника престола, не способного принести России ничего, кроме бед. Так?

Глаза боцмана показали: так.

— Но вас устраивала далеко не всякая смерть цесаревича. Смешной, глупый и уж тем более позорный вариант смерти никак не годились — они нанесли бы ущерб престижу монархии. Перед вами поставили задачу: убить, но так, чтобы гибель цесаревича выглядела возвышенно-героически. Во время боя с исландцами вам не удалось осуществить ваше намерение — цесаревич сидел взаперти. Позже не нашлось достойной причины для славной гибели. Временами вам мешал я. Ведь это вы копались в моей каюте? Хотели понять по моим заметкам, насколько близко я к вам подобрался, верно?

Зорич медленно опустил и поднял веки: все верно, все так.

— И в дирижабль стрелял тоже ваш человек? Вы в это время находились на судне, я знаю. Кто же стрелял?

— Не... — простонал боцман, мучительно пытаясь помотать головой. — Не...

— Не ваш? — Лопухин помолчал секунду. — Странно. Но я вам верю. Вы идеалист и служитель идеи. Возможно, даже благородной, — добавил он, понизив голос. — Сейчас вы чувствуете, что умираете полным дураком, ибо вы спасли цесаревича, вместо того чтобы убить его. Спасли от позорной смерти ради идеи. Не казнитесь: вы все сделали правильно и в некотором роде достигли своей цели. Цесаревич Михаил Константинович не будет царствовать. Он принял решение отказаться от своего права на престол.

Пузырящаяся кровь выступила на губах боцмана, и все же губы сложились в подобие улыбки.

— А теперь, когда ваша цель достигнута, дайте мне понять: кто из руководства «Русской рати» приказал вам совершить злодеяние? Такое решение не могло быть коллегиальным, это сделал один человек... один решительный человек в толпе болтунов. Кто он? Адмирал Грейгорович?

«Да», — показал глазами умирающий Зорич.

— Лично?

«Да».

— Спасибо.

Боцман закашлялся. Этого только и ждала струя крови, миглом хлынувшая изо рта. Тело боцмана выгнулось, глаза закатились. Начиналась агония.

Лопухин поднялся с колен. Немного кружилась голова. Вокруг него, держась на расстоянии нескольких шагов, стояли люди, много людей, русских и японцев. В сопровождении полицейского поспешал бегом какой-то японец в европейском сюртуке, котелке и с небольшим саквояжем в руке — наверное, врач. Он ничем не мог помочь умирающему — ни сразу после сабельного удара, ни тем более сейчас.

— Ваше сиятельство! — дискантом выкрикнул потрясенный Нил. — Николай Николаевич! Что же это?

Лопухин досадливо дернул щекой, и юнга замолк. С ощущением полной опустошенности граф подумал о том, что сейчас предстоит нудное многочасовое действие: составление протокола, официальные и неофициальные извинения японских властей, надоедливые душевные излияния цесаревича, вероятно, еще один прием во дворце микадо, бесчисленные пустые вопросы чиновных любопытствующих...

Сейчас больше всего на свете он хотел остаться один. Пусть ненадолго. Он хотел попытаться мысленно примерить на себя трагическую раздвоенность боцмана Зорича, вынужденного закрыть своим телом ничтожного человека, которого он презирал и ненавидел всей душой и которого без тени сомнения намеревался уничтожить в достойных его положения декорациях. Заговорщик, но ведь герой! Нет, поразмышлять об этом здесь не дадут... Потом, потом... Но пока никому ни полслова. Пусть боцман считается героем, пусть будет похоронен в японской земле с отдаванием всех воинских почестей.

Он ведь и в самом деле герой.

— На Митьку! Пусть на Митьку покушаются, — как сквозь вату услышал Лопухин срывающийся от запоздалого испуга голос цесаревича.

Тот все еще застегивался.

Он думал, что, вновь оказавшись на борту корвета, проспит чуть ли не до самого Владивостока, наверстывая упущенное. Но он проспал всего лишь десять часов и, проснувшись, ощутил себя бодрым и свежим, как будто не было хронического недосыпания последних недель. «Все будет хорошо, — сказал он себе. — Теперь все будет хорошо».

В кают-компании вслух обсуждали невероятное решение цесаревича, и Пыхачев лишь просил офицеров умерить пыл, но диспуту не препятствовал.

— Ничего не выйдет! — доказывал Канчелялов. — Государь, возможно, согласится с решением его императорского высочества передать право наследования... это будет только к лучшему... но принцесса Фудзико?! Нет и нет! Японки, господа, очень практичны. Согласится ли принцесса довольствоваться ролью великой княжны, не претендуя на большее? Вот уж вряд ли! Нет-нет, господа, этот брак не состоится из-за отказа самой принцессы Фудзико...

— Он состоится, — не очень-то вежливо, зато веско перебил Лопухин, и за столом мгновенно наступила тишина. — Он состоится именно потому, что японки очень практичны, как вы, господин лейтенант, верно подметили. Они прекрасно знают цену синице в руке, особенно если журавль недостижим. Госпожа Фудзико умна, она не станет бессмысленно гоняться за журавлем. — Он повертел в пальцах вилку и вдруг улыбнулся. — Леонтий Порфирьевич, не найдется ли у вас случайно парочки хаси? Представьте — привык. Японцы правы, что едят палочками, после них нож и вилка кажутся варварскими предметами...

Корвет ходко шел на норд, держась в виду японских берегов. В дымке проступали туманные очертания гор. На мелкой волне то здесь, то там качались рыбацьи джонки. Слабый ветер приносил облегчение от жары, но плохо надувал паруса. Никого это не волновало: до родной земли угля хватало с избытком. Менее чем через двое суток корвет

войдет в Сангарский пролив, а там и до Владивостока рукой подать. Только там можно будет счесть поручение государя выполненным. Не раньше.

Затем в Москву, если не поступит новых распоряжений. Или, может быть, сразу в Петербург? Да, сразу. Вновь увидеть Ее. Желанную и недостижимую. Мучиться — и быть счастливым!

На палубе кричал Враницкий, недовольный приборкой. Среди прочих палубные доски лопатил и Нил. Юнга старался. Лопухин, по обыкновению курящий у фальшборта, поманил его пальцем. Бросив опасливый взгляд на старшего офицера, Нил предстал. Враницкий отвернулся, сделав вид, что ничего не заметил.

— Скоро домой, правда? — сказал граф. — Соскучился по России?

— Очень соскучился, — признался Нил.

— Пора подумать о твоём будущем. Денег за службу дам, но деньги — вздор. Кем тебе быть — вот в чем вопрос. Из Владивостока я поеду по Транссибу. Хочешь со мной? Найду тебе дело.

Нил переминался с ноги на ногу, его загорелая физиономия выражала смятение чувств.

— Извините, барин... то есть Николай Николаевич... Я это... Я моряком хочу стать, вот! — выпалил он вдруг. — Как дядя Зорич!

«Только не как он», — хотелось сказать Лопухину, но он, разумеется, не сказал этого. Пусть в мальчишеской голове до поры до времени все будет ясно и просто: здесь свои, а там — враги. Пусть как можно дольше не мучит его раздирающие душу противоречия между долгом и убеждениями, и пусть только негодяи становятся врагами.

— Хорошо, поплавай, — сказал Нилу граф. — Я слышал, «Победослав» будет приписан к Тихоокеанской эскадре. Живи здесь, ходи в море. А лучше окончи заочно реальное училище. Оттуда прямая дорога куда угодно, хоть в Морской корпус. Я его начальнику письмо напишу. Гардемаринов видел? Сам таким же станешь, а потом и морским офицером. Годится такой план?

Нил застенчиво кивнул. Перспектива ошеломила. Не расстаться с морем и стать вдобавок ко всему благородием? Разве это возможно для деревенского мальчишки из села Горелова?

— Спасибо, — едва выговорил он, сразу осипнув.

— Ну вот и договорились. А теперь иди работай... будущий мичман флота российского! Да не забудь после вахты решить задачи по арифметике. Проверю!

Над мачтами кружилась чайка — крича, ждала помоев с камбуза. Форштевень корвета с легким шипением резал волны.

Пруд, живописно заросший ряской. Тихо-тихо журчащий ручей. Живописно изогнутый мостик над ним. Насыпной островок с глыбами серого гранита и старой кривой сосной. В граните интересные прожилки, будто вены, а сосна достойна кисти великого художника. Вокруг тишина, но не абсолютная. Если в мире и существует абсолютное, то оно не прекрасно. Прекрасна незавершенность, символизирующая бесконечное движение из тлена к жизни, из жизни в тлен. Все пройдет. Жизнь человека — лепесток сакуры. Несколько часов цветения, порыв ветра — и нет лепестка. Новый цикл, новый круг.

Иманиши медитировал.

То, что прошло, больше не касалось его напрямую. Уплыли русские гайдзины, избавив полицию, как явную, так и тайную, от непростой работы по охране наследника их гайдзинского престола. Иманиши не сомневался в том, что русский цесаревич в следующей жизни родится жабой или червем, но, конечно, исполнял свои обязанности как подобает. Достоинно служить, какова бы ни была служба, — вот главное для самурая. Пусть Япония меняется, пусть безвозвратно уходят в прошлое старые добрые времена, пусть приказано забыть о самом понятии «самурай», но нельзя забыть о самурайской доблести, и нельзя поступиться ею.

И все же с отбытием русских в их холодную страну стало гораздо легче жить.

По линии департамента полиции Иманиши получил орден Восходящего Солнца седьмого класса и обещание повышения по службе. В тайной полиции, служба в которой вот уже двадцать лет была для Иманиши главным делом жизни, он получил лишь устную благодарность господина Камимуры, но она стоила куда больше, чем деньги и ордена. По-видимому, высшее руководство не собиралось устранить его за излишнее знание. Иначе наверняка наградило бы его

деньгами, дабы семья после потери кормильца не нуждалась на первых порах...

А знание было. Умнейший из русских — Лопухин — определенно заподозрил что-то, недаром он так невежливо и так пытливо смотрел в глаза перед расставанием. Будто спрашивал: «Имеешь, что сказать? Так говори!» Конечно, Иманиши ничего не сказал и не подал виду, что понимает, о чем молчит русский граф.

И русский понял: Иманиши вынужден молчать. Плохо. Было бы куда лучше, если бы он ни о чем не догадался.

Впрочем, у русского все равно не было времени распутать историю о третьем заговоре. А как он удивился бы, узнав, что два выстрела по дирижаблю сделал не кто иной, как спасенный им от верной смерти Кусима Ясуо!

Его взяли через пять минут после учиненной им пальбы. Он не отпирался. В архиве токийской полиции на него нашлось дело трехгодичной давности. Иманиши вспомнил: тогда им интересовалась и тайная полиция. Слишком уж невероятным казалось дело.

Толстые карпы ходили в пруду, шевелили рыску, высовывали головы в надежде на подачку. Тишина, спокойствие... А как хорошо сменить проклятую душную форму европейского образца на приличную японцу одежду, а отвратительные сапоги, от которых мокнут и чешутся пальцы ног, — на простые гэта! Жаль, что это блаженство можно позволить себе не каждый день. Но если интересы службы требуют терпеть — надо терпеть. Начальство уверено: ношение пыточной европейской одежды побуждает подчиненных думать по-европейски. Иногда это действительно приносило плоды. Иногда, по мнению Иманиши, — наоборот. В тесной одежде и мысли тесны.

Обязательно надо будет найти время прийти сюда еще. Лучше всего в месяце хадзуки, когда несносная жара спадет, а листья кленов покроет благородный багрянец. Не в этом ли прекрасном месяце три года назад в управление токийской полиции был доставлен безумец Кусима?

Он удивил даже выдавших виды полицейских. Глупец искал встречи ни много ни мало с самим министром Тайго. Разумеется, попытка окончилась в полиции, где одетый в рванье безумец понес такое, что дежурный посчитал долгом доложить выше.

Кусимой занялись всерьез. Допросов с него было снято не меньше, чем со всех токийских преступников за месяц хадзуки, да и за нагацуки, пожалуй, тоже.

Для начала: так и не удалось выяснить, кто он и откуда. Ни в каких списках населения, тщательно составлявшихся при прежней власти, он не числился. В пору было поверить его клятвам о том, что он, сам того не желая, прибыл из совсем другого мира.

Фантазиям безумца мог бы позавидовать любой сочинитель европейских романов. В его вымышленном мире тоже существовала Япония, в чем еще не было ничего удивительного. Удивительно было то, что та Япония была совсем другая!

Огромные города-муравейники сплошь из стекла и бетона. Дома ростом до облаков. По улицам на бешеной скорости носятся автомобили — повозки вроде паровых, но гораздо совершеннее. Самые большие дома заняты бесчисленными конторами, по преимуществу торговыми. Есть фабрики и огромные заводы, на которых трудятся десятки тысяч человек. Днем улицы почти пустынные, зато вечером по ним трудно пройти — их заполняют бесчисленные толпы людей, возвращающихся домой с работы. Шумно. В безветрие трудно дышать. Зато Япония — передовая страна, во многом обогнавшая Европу и мало-помалу подгребающая под себя промышленно-финансовые империи Запада...

Да, но какой ценой?!

Армия — слаба и малочисленна. Почти полностью утрачен самурайский дух. Молодежь развращена. Японцы превратились в старательных, послушных рабочих муравьев с дряблыми мышцами, очками на носу и пристрастием к низкопробным развлечениям.

В таком-то мире и жил Кусима, если верить его словам. Любопытно было то, что ему не очень-то нравилась та, вымышленная им Япония. Был он в ней предпринимателем средней руки, владел небольшой, но преуспевающей рыболовной компанией. Для собственного удовольствия имел маленький парусник с английским названием «яхта» и путешествовал на нем в одиночку даже через океан. Нет, не через тот, что называется здесь Великой Атлантикой. Через Тихий океан, Пасифик. Нет, ничего особенно трудного. В случае беды придут на помощь. Рация — раз. Система спутниковой

навигации — два. Что еще нужно для путешествия, кроме любви к морю и денег?

В сотне миль от какого-то неведомого Сиэтла на яхту пал черный туман. Кусима не раз пытался его описать, но кроме непроглядной черноты ничего не мог припомнить. Вдобавок его внезапно затошнило так, что он, по его собственным словам, едва не выплюнул прямую кишку. Когда туман рассеялся, Кусима с удивлением обнаружил, что система спутниковой навигации перестала действовать, и на радиопризывы о помощи никто не отзывается. Он пошел в Сиэтл, однако не обнаружил ни порта, ни города, ни материка, хотя прошел по счислению не сто миль, а все триста. Тогда, несмотря на скудные запасы провизии, воды и топлива, он в полном отчаянии повернул на курс, упирающийся точно в Японские острова. Уж они-то наверняка остались на месте!

Невозможно передать, что он пережил один посреди океана, мучимый не столько голодом и жаждой (запасы приходилось экономить), сколько тревогой за судьбу мира. В шторм яхта разбилась о рифы близ крохотного островка с неизвестным Кусиме названием. Просто чудо, что он выбрался на берег живым, а не превратился в хорошо очищенный крабами скелет на морском дне. На этом островке Кусима просидел семь дней, жуя водоросли и глотая дождевую воду из углублений в скалах. На девятый день его заметили и подобрала рыбаки из Тоёхаси.

Поскольку он толковал о странных вещах, они решили, что он безумен, но так как он не был буйным, его все же отвезли на берег. Оказавшись на японской земле, он не придумал ничего лучшего, как отправиться пешком в Токио с целью непременно увидеться с министром Тайго. На вопросы, все ли у него в порядке с головой, Кусима отвечал: да, он отдает себе отчет в том, что его обязательно примут за сумасшедшего, и он знает, как трудно добраться до министра, однако чрезвычайная важность имеющихся у него сведений должна, по его мнению, искупить все.

Его не сильно пытали. Он говорил сам — охотно, много и не совсем бессвязно. Он рассказывал о совсем другой Японии в другом мире.

И в том мире уже состоялось то, о чем в этом только мечтали.

И многое сверх того, о чем думать — уже преступление.

Присоединение Формозы. Тесный союз с Британией. Успешная — кто бы мог подумать? — война с русским колоссом. Великая победа при Цусиме. Победы на суше. Захват Кореи. Захват Циндао. Вторжение в Китай и ссора с англичанами. Ссора с могущественной заокеанской страной, не существующей в этом мире, но существующей в том... Новая война. Славные победы, новые завоевания, сменившиеся жестокими поражениями и отступлением. Доблесть японского солдата, побежденная армадами кораблей плавающих и кораблей летающих. Японские города, обращенные в пепел. И капитуляция! — капитуляция, подписанная самим микадо, объявившим по требованию победителей о небожественности своего происхождения!..

Кусиму избили, он ползал по цементному полу в крови и рвоте, но стоял на своем. Смешно: жалкий рыбак вообразил себя спасителем Японии!

Союз с Англией, говорил он. Тесный военный союз с Англией и война против России. Чем скорее она начнется, тем лучше. Россия будет побеждена и волей-неволей смирится с сильным восточным соседом. Затем союз с Россией и Германией против Англии, Франции и Голландии. Отъем их колоний. Полное подчинение Китая, Индокитая и, возможно, даже Австралии. При отсутствии могущественной заокеанской страны это может получиться! Империя микадо расширится до физически возможных пределов!

Несомненно, то был вымышленный мир безумца, что и подтвердил вызванный в конце концов молодой врач-психиатр, обучавшийся в Европе у самого доктора Грейда. «Тяжелый случай шизофрении с полным замещением истинной памяти памятью ложной», — гласил его диагноз. Но и врач изумлялся связности бреда пациента, признав, что ничего подобного ранее не наблюдал, и просил разрешения на дальнейшую работу с больным и опубликование результатов наблюдения и лечения, какового разрешения, конечно, не получил. Больше всего поражало то, что у Кусимы на все находился мгновенный ответ и отнюдь не самый простой! Поражало и умение выдумывать небывалые слова, крепко их помнить и давать им подробные, хотя и бредовые, толкования.

В конце концов Кусиму выслали туда, откуда он появился — в Тоёхаси под негласный надзор. Там он сошелся с местными рыбаками,

вступил в артель простым матросом и более двух лет исправно ходил в море на промысел. Ни в чем предосудительном замечен не был. Бредни не распространял. Постепенно стал считаться здравомыслящим. Что он нашептал дурням-рыбакам, как сумел уговорить их попытаться найти в океане то место, где на море опускается черный туман, и проникнуть в иной, необыкновенный мир? Какие сказки плел?

Наверное, просто обманул глупцов. Не может же быть, чтобы они поверили его диким рассказам!

Теперь этого уже не узнать.

Лопухину он врал убедительно: течение Куроисио, несчастные рыбаки...

Быть может, Кусима не был безумным? Сейчас Иманиши ни в чем не был уверен.

Но Кусима был глупцом. Нанести оскорбление России! Испортить отношения на много лет вперед! Сейчас война почти невозможна, у обеих сторон недостаточно сил, но потом...

Если сорок или пятьдесят боевых единиц пересекут океан и вдобавок соединятся с теми кораблями, которые Россия к тому времени будет иметь здесь, близ японских берегов, то он останется только надеяться на божественный ветер, уже спасший однажды Страну восходящего солнца. Но вряд ли разумно передоверять судьбу своей страны богам — у тех могут быть совсем другие заботы.

И главное: как Кусима мог растоптать свою обязанность человеку, который спас его никчемную жизнь и которому он поклялся верно служить? Почему стрелял в дирижабль?

Из любопытства ему задали этот вопрос. Презренный червь болтал о долге перед Японией, осмеливался упоминать имя императора... Слова! Лишь поступки говорят о человеке все. Если предположить всего на одну минуту, что где-то существует мир, в котором японцы стали похожи на этого Кусиму, то хочется выть и сражаться.

Само собой разумеется, Иманиши не собирался делиться с Лопухиным бреднями сумасшедшего. Стенограммы допросов были отправлены господину Камимуре, интенданту тайной полиции. Очень скоро Иманиши получил недвусмысленный приказ. На завтра Кусима был найден повесившимся в камере на веревке, свитой из разорванной

на полосы одежды. В документах тоненького дела он остался как безымянный бродяга, скорее всего опустившийся ронин, арестованный по подозрению, покончивший жизнь самоубийством и похороненный за городом в общей яме вместе с такими же, как он. Дело было закрыто и ушло пылиться в архив.

Лопухин, несомненно, что-то заподозрил, но фактов у него не было. Свой долг он выполнил, а чисто японские дела должны остаться чисто японскими.

Русские гайдзины не нравились Иманиши, как не нравились никакие другие гайдзины. Он искренне восхищался их достижениями, но в глубине души презирал их, как и вся нация. Они невоспитанны. Они уродливы. От них дурно пахнет. Они способны ступить на чистые татами в грязной обуви. Они пьют разбавленный спирт и шипучее вино, от которого в животе образуются газы. Даже лучшие из них, как, например, Лопухин, иногда вызывают отвращение. А русский наследник престола хуже всех.

Впрочем, глупости! Гайдзины необходимы стране. Как хорошо, что они разные и враждуют друг с другом! От них страна многому научится. Только так, изменяясь, она может остаться Японией, хотя, разумеется, уже не той, что прежде. А потом она попросит чужаков убраться вон и выступит как самостоятельная сила. Но не так, как пророчил психопат Кусима, а гораздо умнее. Старая пословица гласит: мудрый ястреб прячет свои когти. Но им найдется применение. И в новой Японии для Иманиши найдется место, достойное его способностей!

Но хватит мыслей, хватит. Это не медитация. Нужно отвлечься от всего сущего, ощутить себя пылинкой и вселенной, ничем и всем, найти гармонию и познать совершенство...

Под слоем прудовой воды, шевеля ряску, плавали карпы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой каждому воздается по заслугам, а некоторым — и сверх того

— Ты уедешь в Петербург немедленно!

— Под конвоем? — Катенька смотрела на брата насмешливо-холодно. Нет, он не согнет ее! Надо только быть сильной. Сильнее, чем когда-либо. Сильнее, чем она была, решаясь на побег.

— Объяснись, — потребовал Дмитрий Константинович.

— Добровольно я не уеду. Ты можешь выслать меня, Митя. Под жандармским конвоем. Ты наместник. Но я буду вести себя так, как ведут арестанты. Сумею — сбегу. Никаких обязательств.

— Она еще говорит об обязательствах! — всплеснул руками великий князь. — Постыдись!

— Я не стыжусь, я удивлена. Почему ты хочешь выслать меня в Петербург? Шлиссельбург гораздо надежнее.

Дмитрий Константинович несколько раз глубоко вздохнул.

— Не мели чепухи. ПапА приказывает тебе выехать как можно скорее. До поры до времени я отговаривался твоей контузией. Но сейчас ты здорова. Неужели ты собираешься послушаться государя?

— Почему бы нет?

— Потому что ты его дочь и российская подданная!

— Подданство можно и поменять.

Великий князь помолчал. Возможно, считал про себя до десяти. Было слышно, как под высоким потолком жужжит оголтелая муха.

— Ну допустим, — сказал наконец Дмитрий Константинович. — Допустим, ты сумела настоять на своем. Если мне придет четкий и недвусмысленный приказ отправить тебя в Петербург под конвоем — отправлю, можешь не сомневаться. Но если такого приказа не последует... Скажи-ка, сестренка, как ты представляешь себе ваше с Лопухиным будущее? Ты хорошо подумала? Голова у тебя есть, вот и пусти ее в дело. Во-первых, вам придется покинуть Россию без надежды когда-либо вернуться. Хоть это ты понимаешь?

— Понимаю. — Голос великой княжны был тверд. Отступить хотя бы на полшага, показать слабинку? Никогда! Любезный брат Митенька тотчас воспользуется любой брешью в обороне.

— Боюсь, не до конца понимаешь. Со временем любовь превращается в привычку, а тоска по родной земле только усиливается. Ты не будешь счастлива.

— Я буду счастлива. А что во-вторых?

— Во-вторых? Ну, хотя бы стесненность в средствах. Твой Лопухин не богат. Ты же не получишь ничего, и это будет только справедливо. С какой стати давать тебе приданое?

— Значит, буду бесприданницей.

— Не надейся на блестящую жизнь. Вас не пригласят ни к одному европейскому двору. Вам придется вести жизнь частных лиц где-нибудь в маленьком приморском городке вроде Ниццы, считать сантимы и дуреть от скуки. Ты будешь поливать огород, а любопытные обыватели, глаза на тебя, скажут: «Она могла бы стать королевой Бельгии»...

— Пожалуйста, больше ни слова о Франце-Леопольде!

— Как скажешь. Я буду говорить о Лопухине. Известно ли тебе, что он уже был женат?

— Разумеется.

— Ходят слухи, будто он свел в могилу свою жену.

— Низкая клевета! Он не любил ее. Ему пришлось жениться по настоянию матери. Элен Салтыкова знала, что он ее не любит, и все же пошла замуж. Быть может, ее несчастье в любви помогло чахотке свести ее в могилу, я не знаю. Вот и подумай, Митя, какую участь ты мне готовишь, уговаривая выйти за Франца-Леопольда!

Великий князь усмехнулся:

— Сама же только что требовала: ни слова о нем. Ну ладно, молчу, молчу... А ты подумай. Ты очень хорошо подумай, но только недолго. Уже нет времени на долгие раздумья. Не люб этот жених — ну что ж, тебе подыщут другого. Но о Лопухине забудь! С ним ты будешь несчастлива, а я тебе брат и не допущу этого. Запомни.

— Я могу идти? — с сарказмом осведомилась Екатерина Константиновна.

— Можешь.

Сестра удалилась твердой походкой, с высоко поднятой головой. Не похоже было, чтобы она смирилась. Не попыталась оставить за собой последнее слово в споре — значит, что-то задумала. Дмитрий Константинович чертыхнулся про себя. Сегодня все шло как-то не так.

Он проводил за работой по восемнадцать часов в сутки и пока лишь нащупывал рычаги управления громадным Дальневосточным краем. Осторожно испытывал их на прочность. Смещал одних чиновников, назначал других. Вникал в застарелые головоломные проблемы, исподволь готовя перемены. Было трудно, иногда хотелось бросить все к черту, но в конце концов возвращалась уверенность: он справится. В конце концов, его готовили к этому с малолетства! И он не глупее других.

Но вчерашняя телеграмма от государя ахнула бомбой. Братец Мишенька пожелал снять с себя бремя государственных забот, вот как! ПапА спрашивал мнение младшего сына. ПапА был уже не тот, что раньше, — еще несколько лет назад он созвал бы Государственный Совет, выслушал мнения сановников и принял единоличное решение. И никто не посмел бы его оспорить!

Дмитрий Константинович был бы рад, если бы все поскорее кончилось — так или иначе. Стать со временем российским императором — великая честь, но совсем не великая радость. Радость сродни той, какую ощущает лошадь, впрягаемая в тяжеленный воз да еще в распутицу. Об ответственности и говорить нечего — и так всякому понятно.

Но вот беда: человеку почему-то свойственно карабкаться все выше и выше, примеряя свои силы ко все более сложным и масштабным делам. Зачем — непонятно. Не ради же пустого тщеславия!

Справится он или нет — вопрос так не стоял. Понадобится — придется справиться. Дмитрий Константинович верил в себя. Справляется же он с делами наместничества!

Тут, правда, много помогал морской министр адмирал Грейгорович, взявший на себя проблемы владивостокского порта и флота. Бывало, однако, что и тут приходилось вмешиваться. Только вчера суровый адмирал публично избил вора-подрядчика и отдал его под суд. Великий князь попенял адмиралу за рукоприкладство, а

распоряжение отдать вора под суд оставил без изменений. Были и иные флотские вопросы, требующие внимания наместника.

А все-таки Грейгорович, намеревающийся задержаться во Владивостоке до торжеств по случаю открытия Транссибирской магистрали, был как нельзя кстати. До вчерашнего дня. После телеграммы — как с цепи сорвался. Вошел без доклада и часа два уговаривал: не следует-де противиться воле государя, которая хоть и не высказана пока, но непременно будет ожидаемой и однозначной. Взывал к ответственности перед Россией, обещал всяческую поддержку, сулил беды в случае отказа.

В общем — надоел.

Возражая, Дмитрий Константинович пустил в дело едва десятую часть имеющихся у него аргументов. Закон о престолонаследовании по завещанию существует, но слыханное ли дело, чтобы престол на Руси передавался младшему сыну? Один раз это случилось и кончилось бунтом — правда, почти бескровным, но все-таки бунтом. Поймет ли народ? Кого поминают с церковных амвонов сразу за государем, при «многолетьи» царствующему дому? Брата Мишеньку. В один день этого не изменишь, нужна поддержка Церкви, и нужно время. И самое главное: нужна уверенность в том, что брат Мишенька не пойдет на попятный. Вот этой-то уверенности у великого князя Дмитрия Константиновича не было совсем.

Скорее, наоборот. В решимость брата жениться на японке, перечеркнув свое право занять престол, Дмитрий Константинович верил. Не верилось в другое — в то, что камарилья, окружающая цесаревича в Петербурге и Гатчине, позволит ему это сделать. Наиболее развитое после безответственности качество братца — внушаемость. Его еще заставят зубами вцепиться в свои права! Дурак «прозреет» и вцепится!

Положим, после Манифеста о престолонаследовании у него будет гораздо меньше возможностей сделать это, но в том, что он выкинет еще не один глупейший фортель, — нет сомнений.

В том-то и дело. Внутри себя Дмитрий Константинович уже решил. Нельзя было выбрать спокойную жизнь, отказаться от престола, зная, на что способен братец Мишенька!

Никакого виду он, конечно же, не подал, но мысли-то куда денешь? Роясь тучами, они мешали вникать в дела.

А тут еще упрямая сестра с ее фантазиями! Хоть кол на голове теши, как говорят в таких случаях в народе. Ну какое значение может иметь любовь, если на кону стоит спокойствие государства?

Пытался объяснить ей это — устал, бросил попытки. Начал приказывать. Прикажешь ей, как же! Не та порода. От раздражения усиленно вникал в вопросы подготовки к торжествам. Ездил на железнодорожные пути смотреть место, где не хватало одного рельса, вымерял сам рельс, дабы убедиться, что он не длиннее и не короче, чем нужно, осматривал золоченый костыль и кувалду, коей оный костыль должен быть забит под оркестр и орации, спорил со строителем трибун, вникал в меню банкета — словом, занимался делом большого политического значения вместо реально насущных дел. И оттого злился еще больше.

Отправить упрямую Катеньку под конвоем в Петербург без недвусмысленного приказа государя не представлялось возможным. Да и при наличии такого приказа возникли бы трудности. Последнюю надежду образумить сестру давало, как ни странно, само прибытие «Победослава» во Владивосток, ожидавшееся не сегодня завтра. Великий князь, влюбчивый в отрочестве, прекрасно знал по личному опыту, как благотворно действует разлука на неокрепшие чувства и такие же умы. Человек влюблен не в предмет своих мечтаний, а в свои представления о нем. Перед великой княжной предстанет не изящный кавалер, памятный ей по Царскому Селу, а огрубевший в походе и, главное, в пиратском плену человек средних лет с загорелым сверх меры лицом, глубокими морщинами, сединой в волосах... Возможно, и с выбитыми зубами. Тут-то и разлетятся на куски иллюзии. Вдребезги. Во всяком случае, должны. И где она, любовь? Ау! Ищи ветра в поле.

Малым ходом «Победослав» входил в Золотой Рог.

Ему оглушительно салютовали батареи мыса Голдобина, и, прерывая плавное скольжение над волнами, панически метались ошалевшие от грохота чайки. Впереди на Адмиральской пристани развевались флаги и сияла на солнце медь духового оркестра. Вся Корабельная набережная была черна от народа.

Никакая сила не ударжала бы в кубрике свободных от вахты матросов. Враницкий свиреп, больше для виду, косил на непорядок

глазом, но никого не шпынял и вахтенному начальнику на вид не ставил. Всякий, кто прослужил достаточно и при том не окончательный дурак, знает: бывают такие минуты, когда никакой пользы из строгости извлечь нельзя, хоть пополам разорвись.

Спокоен Враницкий. Знает, что никакая мелочь не упущена. Палуба чиста, как паркет перед балом, всякая медяшка сияет нестерпимым блеском, флаг и брейд-вымпел развеваются, как им положено. А ведет корвет к Адмиральской пристани, конечно, командир. Хорошо ведет. Значит, не только волнуется, но и гордится своим судном. Не самая мощная боевая единица «Победослав», но красив и величествен. Право руля! Все паруса долой!

Кончен поход.

И какой поход! Пусть европейские газеты кричат о затянувшемся вокруг планеты русском аркане! Что остается делать тем, кто не способен лишь брызгать слюной, не в силах помешать? Россия решает свои проблемы, вроде бы не ущемляя интересы заносчивых европейцев, но у тех иная логика: им кажется, что русские всегда неуместны, если только они не сидят сиднем в глубине диких лесов, торгуя своей страной по дешевке.

Бессмысленно пытаться разубедить их. Надо просто делать свое дело.

Скажем, Владивосток. Лопухин никогда не был здесь, зная о восточной окраине империи лишь по разговорам в кают-компании, но теперь видел настоящий город. Лет двадцать назад на окруженной тайгой поляне стояли две-три наскоро сколоченные казармы, несколько китайских фанз, низенькая деревянная церковь да черная баня, куда якобы однажды забрел любопытный тигр, мигом получивший по носу шайкой. Только это байка. Матерого тигра весом в двадцать пудов как-то раз застрелили прямо с паперти церкви, а все остальное — народное сказительство.

Теперь улицы, застроенные каменными домами в три и четыре этажа, широко разбежались вдоль бухты и вглубь, причудливо изгибаясь, охватывая сопки. Хороший город. Еще не лучше Вены, но уже не хуже Калуги. Цивилизация наступает на районы трущоб, где прежде селился уголовный сброд, державший в страхе городских обывателей. Теперь еще и железная дорога. Очень скоро вывоз товаров из Владивостока не будет ограничиваться морской капустой,

трепангом да древесными грибами для корейских и китайских чревоугодников. Чуть позже для города и для всего края наступит время самоокупаемости и процветания.

А как иначе? Империя обустривает свой второй фасад. Пришло время.

Враницкий вертит головой, смотрит придирчиво. Мало сказать, что у всех на палубе праздничное настроение. Ой, мало. Мальчишки-гардемарины в такой ажитации, что требуют присмотра. Орут, подлецы. Приструнить бы их так, как это умел делать Зорич, да некому. Ладно, пусть беснуются до построения, недолго осталось.

Кто кажется невозмутимым, так это Лопухин. Стоит на своем обычном месте у фальшборта, дымит папироской. Отутюженный сюртук, шелковый цилиндр, белые перчатки. Тросточка. Британский денди. Еропка тоже при параде, даже бороду расчесал и глядит орлом. Багаж собран. Написаны и зашифрованы две депеши: одна — короткая — государю, другая — с полным отчетом — генералу Сутгофу в Большой дом на Литейном. Осталось лишь отправить обе с телеграфа и ждать дальнейших распоряжений.

Цесаревич в порядке, пьет мало. Брюзжит, правда, но он всегда брюзжит. Хочет поскорее вновь увидеться со своей Фудзико-сан. Накануне отплытия из Японии принцесса лично посетила «Победослав» в Иокогаме и обедала в кают-компании, а Михаил Константинович свирепо вращал глазом: кому, мол, тут не нравится моя избранница? Принцесса понравилась офицерам милой непосредственностью и забавными построениями русских фраз. Отведав флотского борща, она сделала ему комплимент: «Приятная кисрота вызывает аппетит, и срадость овощей проникает в моем жерудке». Чуть ранее она присутствовала при похоронах Зорича и осеняла себя крестным знамением уже на православный манер, повторяя: «Миру — прах».

Словом, нравилась она цесаревичу чрезвычайно. Еще в Японии Корф ходил к Лопухину советоваться: как ему вести себя? Цесаревич официально сделал японке предложение, каковое было принято благосклонно с согласия микадо. И что теперь? Дело пахнет большим скандалом, а дать задний ход уже, пожалуй, поздно. Главное: как это отразится на карьере самого Корфа?

Никак. А может быть, даже положительно. Барон просто потерял голову. В конце концов, мирный договор между Россией и Японией прелиминирован, а за цесаревича посланник отвечает в третью очередь. Да и что цесаревич с его неожиданным фортелем? Все только к лучшему.

И смешил последний эпизод на японской земле. Когда причальная команда уже убирала сходни, на пирсе вдруг появилась низенькая, как карлица, гнутая в три погибели старая японка в выцветшем кимоно. Старая леди оказалась очень настойчивой. Консул Посконников, провожавший корвет, перевел ее речи. Пятьдесят лет назад Маико-сан из деревни Инасса, что близ Нагасаки, была временной женой будущего императора Александра Георгиевича во время его службы во флоте. Теперь же, узнав из японской газеты о том, что ко двору микадо прибыл внук ее русского мужа, она решила непременно увидеться с ним. Она только что прибыла пароходом и благодарит Будду Амида за то, что успела...

Михаила Константиновича уговорили спуститься на пирс. Старушка долго вглядывалась в него подслеповатыми глазами, затем поклонилась, сказала что-то по японски и засемила прочь. Ее слова Посконников осмелился перевести лишь шепотом на ухо Лопухину: она не думала, что могучий дуб может породить во втором поколении гнилой тростник.

Но что плохо для Маико-сан, то хорошо для Фудзико-сан. Простолюдинке был нужен красивый, сильный и щедрый муж, принцессе — великое княжение. И пусть будет так.

Корвет взбурлил винтом воду, давая задний ход. На пристань полетели причальные концы. Враницкий отдал команду, запищала боцманская дудка, и толпа матросов, гардемарин и морпехов мигом обернулась строем. С берега грянул бравурный марш.

Острый глаз Лопухина мигом различил великого князя Дмитрия Константиновича. Вокруг него — золотое шитье парадных мундиров, ордена, ленты, аксельбанты, ризы духовенства...

Чуть в стороне — платья дам. Много платьев и кружевных зонтиков от солнца. Цветник.

Весь свет здесь. Отцы города. Купечество. Военные. Блестящая свита нового наместника. Тьма гостей, съехавшихся на торжества по поводу завершения строительства Транссиба...

И вдруг взгляд Лопухина застыл, как примороженный. Эта дама... Неужели?!

Невероятно. Не может быть.

Газеты — во всяком случае, те из них, что были доступны в Японии, — не писали об этом...

Она?..

Она!!!

С пристани подавали сходни. Гремел марш.

— Не помешал? — раздался возле уха голос Розена. — Может быть, сейчас не время, но...

— Да? — Лопухин с трудом заставил себя обернуться.

— Я к вашим услугам. Помните наш разговор возле Монплезира в Петергофе?

Черный полковник выглядел спокойным и серьезным. Шрам, пересекавший его лицо, не багровел и не бледнел. В таком состоянии люди принимают хорошо обдуманное решение. Можно было лишь досадовать на то, что Розен избрал очень уж неподходящий момент.

— Разумеется, помню. — Лопухин слегка поклонился. — Милая была беседа.

— Я к вашим услугам, — повторил Розен.

— Гм... вы уверены, что вам хочется стреляться?

— Это не имеет значения, милостивый государь. — Голос полковника был холоден и оттого неприятен. — Вы меня вызвали. Я принял ваш вызов с отсрочкой до Владивостока. Мы во Владивостоке. Отступить нельзя.

Черт бы его побрал! Как не вовремя! И как глупо! Но Розен прав: отступить нельзя. Смешная штука честь! После всех опасностей, которые довелось вместе пережить, после успешной совместной работы, заставившей обоих недругов уважать друг друга, — изволь выйти к барьеру! Можно обратить все в шутку, да так оно, наверное, и случится, но только после обмена выстрелами. Вызов не был шуточным.

— Вы понимаете, что наша дуэль может быть только исключительной? — Лопухин старался говорить ровно, без просящейся наружу иронии. — Ведь вы нанесли оскорбление второй степени не мне лично, а корпорации. Все бы ничего, если бы эта корпорация не была Третьим отделением. Это первое. Кроме того, я

вас вызвал, скрыв от корпорации вызов и оскорбление, чем уже нарушил дуэльный кодекс. Как вам наверняка известно, в случае оскорбления корпорации она может выставить участника дуэли по своему усмотрению. Это второе. Помимо того...

— Мне тоже доводилось читать дуэльный кодекс, — оборвал Розен. — Разумеется, наша дуэль будет исключительной, и плевать на последствия. Вы, я, по одному секунданту с каждой стороны — больше не надо — и врач. Револьверы. Согласен удовлетвориться вашими. Что скажете насчет вида дуэли? Как насчет приближения по параллельным линиям? Это будет занятно.

— По параллельным так по параллельным, — пожал плечами Лопухин. — Сегодня же я пришлю вам своего секунданта. Любой из моих револьверов можете взять хоть сейчас. Вы ведь, вероятно, пожелаете его пристрелять?

— Вероятно, пожелаю.

Трубы на берегу заревели громче. Под шквал рукоплесканий на российскую землю перебирался по сходням великий князь цесаревич Михаил Константинович. Пока еще цесаревич.

Нумер первого класса в гостинице «Золотой Рог» был расположен удачно: с окнами на гору Орлиное гнездо. Вид на морскую ширь до предела стиснули каменные дома — ну и очень хорошо. После больших доз океана сухопутный человек нуждается в лицезрении тверди земной, как в целебном декокте из валерианы для восстановления душевного спокойствия. Твердь желательна всхолмленная. Япония в этом смысле была хороша, но только не для русского человека.

А здесь — дом родной. Отдыхай, блаженствуй, гляди в окно, лови свою глуповатую улыбку в отражении. Кто помешает?

Мысли. Такие же всхолмленные, как владивостокский рельеф. И самая главная мысль: «Дальше-то что?»

Великая княжна здесь. Официально считается: прибыла вместе с великим князем Дмитрием Константиновичем на торжества по случаю открытия движения по Транссибирской магистрали. Но ходят сплетни, подчас самые фантастические. Их разносят по городу обыватели, их охотно передает гостиничная прислуга, особенно говорливая при виде полтинника. С великой княжной-де не все чисто. В дороге чуть не

стала жертвой покушения бомбистов, едва, говорят, выжила. Оно и неудивительно: своенравная у государя старшая дочь, с замашками авантюристки...

Зайдя в жандармское управление, сдав с рук на руки бывшего машинного квартирмейстера Забалуева, покорного и безразличного ко всему на свете, поговорив о том, о сем с видом особы, облеченной доверием государя, но снисходительной к молодым ретивым офицерам, Лопухин узнал немногим больше. В местной жандармерии был порядок, лишнего не болтали. И все же из мелких штришков сложилась картина.

Катенька бежала из родительского дома! Ее искали и ловили по всей стране, а она бежала во Владивосток, где вернее всего мог появиться он, статский советник граф Лопухин!

Мелкий винтик в государственной машине. Ну статский советник... ну граф... Пропасть между влюбленными колоссальна, ее не перелететь и на воздухолетном аппарате лейтенанта Гжатского. Ее не засыпать чинами, орденами и титулами. Она раз и навсегда пропасть.

Не позволили даже обменяться двумя словами на пирсе — оттерли. Очень ловко оттерли — надо думать, готовились. Понятно, по чьему распоряжению...

Однако удалось обменяться взглядами, а это уже много.

Быть может, нарочно позволили это сделать?

— Нынче бал в городском собрании, — проинформировал Еропка, делая вид, будто рассматривает натюрморт в резном багете, а сам скопил глаза на барина: почему тот молчит уже который час? То присядет, то молча ходит по коврам, то, насупившись, как сыч, курит у окна. И молчит. — Я вот что спрашиваю, барин: фрак вам почистить?

Лопухин вынул изо рта папиросу.

— Бал, говоришь? Да, бал. В восемь. А ты пригласительный билет видел?

— Нет, — честно признал Еропка. — Но ведь принесут, верно я говорю?

Лопухин невесело усмехнулся.

— Не жди, не принесут. Я на балу не нужен.

— Это как же так? — возмутился слуга.

— Обыкновенно. Вычисти пепельницу, лодырь. И сделай милость, помолчи.

Еропка только вздохнул, сообразив, как видно: чем сильнее он будет надоедать барину, тем раньше барин вспомнит о непрочитанной слугой «Одиссее». И ведь погонит невинного человека в книжную лавку, и заставит купить, и посадит читать эту чепуховину, и проверит, действительно ли прочел или так, страницы листал... Барин — он такой!

Пускай лучше думает. Авось надумает что-нибудь. На это он мастер.

Так и вышло. Не успел Еропка добрести до кровати, вождедея всхрапнуть часок, а лучше два, как барин вновь обрел голос:

— Подай саквояж...

Великий князь Дмитрий Константинович не любил танцев. После полонеза с супругой градоначальника он посчитал свою миссию выполненной. Пусть гости веселятся, пусть маменьки высматривают женихов, а молодые щеголи во фраках и мундирах с аксельбантами сводят с ума местных простушек. И пусть любезный братец взбадривает себя шампанским в окружении подпевал и подхалимов — сильно поредевшем, надо сказать, окружении. Но он даже этого не замечает... Экий феномен природы!

Постаравшись незаметно выскользнуть из зала, великий князь поспешно направил стопы в кабинет, где на столе третий день лежал присланный адмиралом Грейгоровичем проект современного морского порта с планами, чертежами и сметами. Суммы потребных расходов приводили в ужас. При покрытии их только из отпускаемых краю казенных сумм строительство порта растянулось бы лет на двадцать пять. Где взять денег? Ввести в городе драконовские штрафы за нечистоту в трактирах, за курение на улице, за сквернословие в общественных местах?.. Капля в море. Увеличить налог на вывоз трепангов и морской капусты? Упадёт вывоз, останешься в убытке. Проще всего было бы договориться о лесных и рудных концессиях с иностранными компаниями, деньги появились бы сразу, но этот вариант Дмитрий Константинович берег на самый крайний случай. Пусти козла в огород...

Доносящаяся из залы музыка вдруг смолкла — кончился следующий танец. Только по этой причине великий князь расслышал шепот. Нет, даже два шепота — мужской и женский. Шуршание платья... Звук поцелуя...

Кому-то приспичило уединиться в одной из пустующих пока комнат. Ну что ж, бал есть бал, и нет ничего экстраординарного в том, что сюда залетел купидон... Великий князь прошел бы мимо, если бы не одна мысль: а где сестрица? К гостям она пока не выходила, объявила, что появится позже...

Он рывком распахнул дверь. Успел заметить в неосвещенной комнате две фигуры. Женская ахнула голосом великой княжны — мужская же в два прыжка достигла раскрытого окна, тенью перемахнула через подоконник и была такова. Дмитрий Константинович успел заметить лишь широкие штаны и косичку. Китаец? Что-то уж больно рослый...

— Ну и что все это значит? — спросил великий князь. Внутри у него все клокотало. — Целуешься? С китайцем целуешься? И что, любопытно мне знать, произошло бы дальше, если бы я не вошел?

— Не твое дело, Митенька. — Как обычно, Екатерина Константиновна мгновенно овладела собой. — С кем хочу, с тем и целуюсь. Разве китайцы не люди?

— Он такой же китаец, как я папуас. Не морочь мне голову. Говорить с тобой на эту тему я больше не желаю. Я уже все сказал. Приведи себя в порядок и ступай к гостям.

В этот вечер проект порта так и не дождался внимания наместника. Его мысли были заняты другим. А с причинами, вызывающими такие мысли, нужно разделяться как можно скорее, иначе не стоит браться ни за какое настоящее дело — эту истину Дмитрий Константинович усвоил еще в детстве.

Он вызвал Лопухина на следующий день. Был любезен, выслушал рассказ о походе, о пиратской неволе, о покушении на жизнь старшего брата, о японских обычаях. Задавал вопросы. Благодарил. Пообещал написать государю письмо с просьбой оценить по достоинству заслуги графа. Улыбался. А потом нанес удар:

— Не смею вас более задерживать во Владивостоке. Завтра после торжеств отправляется первый поезд, послезавтра — второй.

Поезжайте любым из них, лучше первым.

«Вон отсюда», — хотелось сказать ему. Катись в Москву, оттуда в Петербург, слушай колесный стук. А взбалмошная сестрица останется здесь еще по меньшей мере на месяц. Удержать — не ловить. Теперь за нею будут следить как следует.

— Простите, ваше императорское высочество, но я предпочел бы задержаться во Владивостоке, — поклонился наглец.

— Чего ради? — делано удивился великий князь. — Вы исполнили поручение государя, и исполнили превосходно. Забота о безопасности цесаревича теперь на совести подполковника Огуречникова. Не ваш ли прямой долг лично отчитаться перед государем? Нет-нет, поезжайте.

— В противном случае ваше императорское высочество прикажет выдворить меня силой? — учтиво осведомился граф, и великий князь невольно вздрогнул. Да, это противник! Идет ва-банк. Тем решительнее надо дать ему отпор. Понадобится — раздавить. Хотя и жаль.

— Возможно, — ледяным тоном произнес Дмитрий Константинович. — Остается, еще, однако, надежда на ваше благоразумие...

— Если вашему императорскому высочеству будет угодно, я могу подсказать выход из создавшегося положения, — ровным голосом проговорил Лопухин, сразу заметив, как заинтересовался великий князь. — Завтра у меня встреча с полковником Розеном. Вопрос чести. Мешать нам бесполезно, дуэль все равно состоится раньше или позже. Полковник — превосходный стрелок. Думаю, если я буду убит, он отделается легким наказанием, ведь так? Что-нибудь вроде выговора по службе и церковного покаяния? И превосходно. Я тоже ходатайствую о смягчении наказания. А главное, все вопросы будут решены однозначно и бесповоротно. Честь имею!

Резко повернувшись, он вышел.

К черту! К дьяволу! Плевать на поведение, граничащее с оскорблением члена императорской фамилии. Будь что будет. Теперь он чувствовал себя незащищенным, будто рачок-отшельник без своего домика, и вовсе не думал сокрушаться по этому поводу. Наоборот, стало очень легко. Удобный всем выход найден и подсказан, остальное зависит только от великого князя. Надо быть очень дремучим

человеком, чтобы не знать, что Дмитрий Константинович раз в сто умнее и талантливее Михаила Константиновича. Но унаследовал ли он порядочность государя, своего отца?

Если да, то завтрашняя дуэль скорее всего окончится ничем. Если нет, тогда и жить незачем. Племянники и кузены только обрадуются. А великая княжна... всплакнет и, надо надеяться, со временем забудет графа Лопухина.

— Я могу уделить вам только десять минут времени.

Морской министр Лазарь Спиридович Грейгорович не счел нужным подняться из-за заваленного бумагами громадного стола навстречу посетителю. Он лишь боднул воздух широким лбом и качнул обширной раздвоенной бородой, обозначая приветствие. Тот факт, что посетитель служил в Третьем отделении, не имел для адмирала никакого значения. Служишь? Вот и служи. Кто ты там? Статский советник? Служи, статский. Дослужишься до канцлера — тогда так уж и быть, я перед тобою встану. А пока ты никто. Молокосос. Да еще в гражданском чине. Бацилла мелкая.

— Я просил о беседе без свидетелей. — Лопухин покосился на секретаря.

— Ах, вы просили! — Голос прославленного адмирала был густ и могуч. Таким зычным басом он командовал во время артиллерийской дуэли с неприятельской эскадрой, и комендоры его слышали. Тем резче в его голосе звучал сарказм. — Скажите, пожалуйста! Вы просили! А что, Пахомов, может, уважим? Иди погуляй. Тут сам господин Не-Помню-Как-Вас-Там просить изволит. Не приказывает, заметь, просит. Видать, деликатный человек. Ступай, Пахомов, ступай...

Судя по тому, как глубоко секретарь втянул голову в плечи и как проворно он исчез за дверью, такие шуточки министра были ему не внове. Сейчас должен был грянуть шторм в двенадцать баллов. Или ударить главный калибр.

— Ну? — сердито прогудел Грейгорович.

Лопухин приблизился к необъятому столу. Оперся на него руками. Наклонился вперед. Одно мгновение молчал.

— Я пришел сюда лишь для того, чтобы посмотреть вам в глаза, ваше высокопревосходительство, — сказал он негромко. — Благодарю,

я это сделал. Еще я хотел спросить, не мучит ли вас совесть за моряков, павших в бою с пиратами. В бою, которого могло бы и не быть. За капитана Басаргина, погибшего, чтобы спасти нас. За всю команду «Чухонца» За простодушного и бесстрашного Зорича. Теперь вижу: не мучит. Больше мне нечего вам сказать, ваше превосходительство. Прощайте.

Уже у дверей он услышал «вернитесь-ка». Что ж, можно и уважить седины адмирала. Вернулся.

Грейгорович уже не сидел — стоял. Возвышался. Громоздился. Был он на голову выше Лопухина и держался неестественно прямо, будто аршин проглотил. Флотские остряки балагурили, будто адмирал при жизни пытается играть роль собственного памятника.

А ведь будет ему памятник. Даже теперь, после всего, что случилось. И тяжесть вины не согнет каменную спину.

— Что вы такое несете, милостивый государь? — Грейгорович пытливо смотрел на обвинителя, но голос его дрогнул, выдавая волнение. — Извольте объяснить!

— Как вам будет угодно, — бесцветным голосом произнес Лопухин. Он ощущал только усталость, ничего больше. — Вы рекомендовали для экспедиции не те суда, какие подошли бы для встречи с исландцами. Наверняка умные моряки возражали вам, но что они могли противопоставить вашему авторитету? Результат вам известен.

— Какая чушь! — В раздражении Грейгорович пристукнул костяшками кулака по столешнице. — Вы больны! Всем и каждому известно: встреча с исландцами состоялась по вине англичан, закрывших проливы!

— Держу пари, что встреча с ними состоялась бы вне зависимости от закрытия или открытия проливов, — усмехнулся граф. — Британия лишь облегчила задачу своим наемникам-пиратам. По этому эпизоду у меня к вам только один вопрос: откуда вам стало известно о британских намерениях? Либо флот обзавелся собственной агентурной разведкой, о которой не известно никому, включая государя, либо инициатива всей комбинации исходила от вас. Какое из этих предположений верное?

— Поделитесь вашими предположениями с психиатром, — буркнул адмирал, сверля Лопухина взглядом. — Вы ничего не

докажете. Копайте, если вам угодно терять даром время, вынюхивайте, жандармская ищейка! Посмотрим, много ли вынюхаете. Вы смешны!

Лопухин улыбнулся.

— А ведь вы боитесь, Лазарь Спиридович. Если бы вы не боялись, то не стали бы меня слушать и уж давно не пытались бы оскорбить. Объяснить вам, почему вы это делаете? Это очень просто. Вы пытаетесь заставить меня выложить карты на стол: что у меня есть против вас в запасе? Извольте, я выложу карты. Но имейте в виду: я разговариваю с вами, только снисходя к тем убеждениям, которые вами двигали. Я их уважаю, в отличие от ваших методов. Итак. Для начала вы выбрали два разнотипных судна: корвет, перестроенный из императорской яхты, и старую тихоходную канонерку с гребными колесами. Объединить их в один отряд — примерно то же самое, что впрячь в повозку призового рысака и вола. Весь опыт моряка говорил вам о том, что их встреча с серьезными неприятельскими силами кончится весьма плачевно. Отчасти вопрос решался подбором командира — человека храброго и глубоко порядочного, но недалекого ума. Уверен, что кандидатуру старшего офицера также выбрали лично вы — вам был нужен службист до мозга костей, не приученный мыслить. С экипажем вышло еще проще: люди новые, едва знающие друг друга, да еще мальчишки-гардемарины, убежденные, что так и надо. Скажите, вам не было жаль отправлять их на убой?

Грейгорович не ответил. Лишь тяжело дышал.

— Понимаю... Великая цель оправдывает любые жертвы, не так ли? Но план ваш не сработал: «Чухонец» погиб, а «Победослав» вырвался из западни. На этот случай, однако, на борту корвета находился ваш человек — боцман Зорич, которому вы приказали...

— Сего вздора вы никогда не докажете, — процедил адмирал, с ненавистью глядя на Лопухина.

— Возможно, нет, а возможно, и да... Продолжим? Вы убежденный монархист и патриот России. Зорич — тоже. Был. Ни за деньги, ни за что другое он не стал бы исполнять ваш приказ столь скрупулезно. Не проклиняйте беднягу. Боцман просто не имел ни одного случая убить цесаревича при обстоятельствах если не героических, то хотя бы не постыдных. И в конце концов Зорич погиб сам, спасая престиж российского императорского дома...

— Выдумки! — бросил адмирал.

— В последнюю минуту он сознался во всем...

— Чепуха! У вас есть свидетели? Если и есть, никто им не поверит. Моя репутация безупречна. Попробуйте только пискнуть, и вам никто не подаст руки. Скажут: ретивый жандарм со товарищи стряпает грязное дело, не гнушаясь самой подлой клеветой. Обнародуйте свои обвинения — и вашей карьере конец! Вы пришли не судить меня — вы пришли торговаться. Но что вы можете предъявить, кроме нелепых вымыслов? За вымыслы я не плачу. А теперь убирайтесь!

— Мальчишки, — задумчиво проговорил Лопухин.

— Что-о? — возопил шестидесятипятилетний адмирал.

— Мальчишки-гардемарины, — пояснил граф. — Двое. Они были убиты в бою с исландцами. Убиты в первом своем плавании, так и не узнав всей красоты этого мира. Один умер сразу, другой мучился. А еще матросы и морские пехотинцы с «Победослава». И почти вся команда героического «Чухонца». Они умерли, служа России так, как их учили понимать службу. Кто из них мог хоть на мгновение предположить, что морской министр понимает долг перед Отечеством иначе, чем они? Что он со спокойной совестью пожертвовал ими, как пешкой в игре? Нет, хуже того — он смахнул их, как пыль с шахматной доски...

— Ладно... — Грейгорович тяжело дышал. — Чего вы хотите? Я слушаю.

— Кроме того, вы ошибаетесь. — Лопухин, казалось, не слышал адмирала. — Моя миссия санкционирована лично государем императором, и он ждет от меня отчета. Таковой отчет уже послан, как послан и отчет генералу Сутгофу. Вы уже сделали свое дело. А я сделал свое.

— Накляузничали? — каркнул министр.

— Изложил подробности, не присовокупив выводов. Они не нужны. Тот, кто может сложить два и два, сделает их безо всякого труда. Разумеется, его величество желает России только добра, но также верно и то, что он любит беспутного старшего сына. Думаю, не ошибусь, если предреку, что вы попадете под негласное следствие. Догадайтесь сами, ваше высокопревосходительство, чем оно может для вас кончиться. Третье отделение умеет работать.

Мысли и чувства морского министра без труда читались на его лице. Шахматная партия. Или, вернее, маневрирование эскадр, осыпающих друг друга тяжелыми бомбами. Чья возьмет? И Лопухин видел, как по мере расчета вариантов ходов скорбно сдвигаются брови адмирала и твердеют скулы. Лучший морской тактик России не находил приемлемого варианта. Он мог уничтожить Лопухина, но себя спасти не мог. Позорная отставка... может быть, суд... Конечно, не по вопиюще скандальному делу о цесаревиче — этого не допустят, — а по какой-нибудь мелкой ерунде... скажем, найдут злоупотребления... А ведь найдут! Всегда можно найти. И громкая слава адмирала Грейгоровича увянет в болтовне присяжных поверенных, в шуршании полных сплетнями газет... А после всех вылитых на его седую голову помоев — царская милость в виде отставки, и даже с пенсией. Кому нужна пенсия, когда потерял смысл жизни?!

— Это вы прислали мне вчера самурайский меч? — спросил Грейгорович.

Лопухин ответил молчаливым поклоном.

— Для чего? Чтобы я по примеру японцев распорол себе живот? В своем ли вы уме?

— Кое-чему у японцев следовало бы поучиться, — ответил граф. — Но я подарил вам меч лишь для того, чтобы вы задумались. Неужели вам не о чем подумать?

— Чего вы хотите? — тусклым голосом повторил адмирал. — Моей головы?

Лопухин вновь взглянул ему прямо в глаза.

— Я не охотник за черепами. Благородство цели отчасти извиняет вас. Но лишь отчасти. Подайте в отставку с поста министра и члена Государственного Совета. Сами. Немедленно.

Адмирал грузно опустился в кресло. Казалось, он постарел лет на двадцать, и знаменитая раздвоенная борода выглядела сейчас не лихо, а жалко.

— Нет, — покачал он головой спустя минуту. — Сейчас — нет. Не могу. Я нужен в Петербурге... Собирался выехать немедленно по окончании торжеств... Вы не представляете, какая толпа сановной сволочи горой стоит за Михаила Константиновича, какая там камарилья... До подписания и, главное, обнародования Манифеста государя о назначении наследником Дмитрия Константиновича я не

имею права ослабить своим уходом патриотическую партию, не могу скрыться в тень... Камарилья одолеет, и Михаил Константинович с ее помощью погубит Россию. Вы же патриот, граф! Поймите меня! Мне нужно время... один месяц... Потом уйду. Сам.

— Слово чести? — спросил Лопухин.

— Слово чести. И просите у меня что угодно! Дам все, что только в моих силах!

Лопухин ничем не выдал волнения. Но только теперь наступило время прыжка в неведомое.

Прыгнуть? Или состорожничать, отступить?..

Печальные глаза государя... И полные надежды глаза любимой!

— Прикажете выдать команде «Святой Екатерины» призовые деньги из сумм министерства, — сказал он. — Отдельно премируйте мичмана Кривцова. Предложите ему службу, он того стоит.

— Сделаю. Это все?

— Нет. Мне нужно быстроходное судно до Шанхая. Завтра в три часа пополудни судно должно быть в полном моем распоряжении.

— Стало быть, во время торжеств? — проницательно осведомился министр.

— Да.

— Сколько пассажиров?

— Трое. Я, мой слуга и... еще один пассажир.

— Не спрашиваю вас, кто третий, — неприятно морщась, сказал Грейгорович. — Лучше выставить себя дураком, чем преступником. Я ни о чем не догадался и за ваши действия не отвечаю. Вы, милостивый государь, просили от имени Третьего отделения оказать вам содействие. Я не нашел причин для отказа. Судно будет. Без четверти три на городской пристани вас будет ждать шлюпка. Теперь всё?

— Да.

— Тогда ступайте. Надеюсь больше никогда вас не увидеть.

Граф вышел молча. Да и что он теперь мог сказать? Что судно ему скорее всего не понадобится? Это не аргумент и не оправдание...

Потрепанная извозчичья коляска катилась вдоль Золотого Рога. Ранний извозчик, нанятый за несусветные пять рублей, ежился на утренней прохладе и часто зевал с подвыванием, ляская зубами после каждого зевка, как матерый волчище. Окрина Владовостока,

известная под названиями Офицерской и Матросской слободок, не блистала великолепием: кое-как мощеные, а то и вовсе немощеные улицы, дощатые тротуары, скучного вида казармы, неприглядные домишки обывателей, грязные кабаки, даже снаружи напоминающие притоны...

Приятнее было глядеть на бухту. На воде во множестве замерли китайские лодки, именуемые здесь шампуньками. Ловили то ли краба, то ли морского гребешка, то ли и вовсе морскую капусту, охотно поедаемую за пределами России. Сильно пахло йодом.

За последним домиком-развалюхой потянулись луга. Еще раньше кончилась улица, и ржавые рессоры древнего экипажа закрипели на ухабах. Канчялов зевнул с прискуливанием, подобно ямщику, и сильнее вжал голову в воротник. Теплолюбивый лейтенант озяб на утренней прохладе. Владивосток не Токио: здесь осень уже подкрадывалась на мягких лапах, исподволь готовясь покончить с летом.

— Не опоздаем? — спросил Канчялов, только чтобы занять себя разговором, и хлопнул на щеке комара. — Сколько на ваших?

— Без четверти шесть, — ответил Лопухин, щелкнув крышкой часов. — Как раз успеем.

— Значит, мои спешат... Гм... Мне неудобно вас об этом спрашивать... э-э... Николай Николаевич, но я все же хотел знать ваши... э-э... намерения. Примирение возможно ли?

Лопухин пожал плечами.

— Если мой противник принесет извинения — вполне.

— Понятно, — вздохнул Канчялов. — Никаких извинений полковник Розен приносить, конечно, не станет. Значит, стреляться до результата, так?..

— Послушайте, кто выработывал условия дуэли — вы или я? Разумеется, до результата. Однако, я вижу, мы почти у цели — бухта кончается... Что это за дерево?

— Манчжурский орех, кажется.

— Логично. Я мог бы сам догадаться, что не кокосовый.

Канчялов с беспокойством покосился на графа, ожидая увидеть признаки нервного возбуждения — частые спутники юмора такого рода перед лицом опасности. Ничего не заметив, лейтенант все же остался в большом сомнении. На совещании с Враницким,

секундантом Розена, оба пришли к выводу, что дуэль скорее всего будет чисто ритуальной: два великолепных стрелка слегка поцарапают друг другу кожу, доктор Аврамов наклеит дуэлянтам по пластырю, тем дело и кончится. Неужели граф полагает иначе?

Тут задумаешься. Пустячную дуэль нетрудно скрыть, но за участие в незаконной дуэли с серьезным исходом можно загреметь и под суд, ибо сказано: «Секунданты, которые содействуют исключительной дуэли, нарушают дуэльное право и делают неосторожность, принимая на себя ответственность в случае смерти или поранения одного из противников». Хорошенькое дело! А самое неприятное, что пойти на попятный уже никак нельзя.

— Простите... — Канчялов покряхтел, прочищая горло. — Я должен спросить: вам уже приходилось дуэлировать?

— Один раз сразу по окончании балканской кампании, — неохотно признался Лопухин. — Глупая вышла история. Фанфаронистый мальчишка-корнет вызвал меня из-за сущей безделицы, и мне пришлось дать ему удовлетворение. К счастью, он выжил и, надеюсь, извлек урок.

Дорога свернула вправо, а затем влево, обходя болотистое устье речки Объяснения. Лопухин подумал, что так и не позаботился спросить у кого-нибудь из старожилов о причине такого названия речки. То ли парочки объясняются здесь в любви, то ли долина речки служит наиболее удобным местом дуэлей.

Скорее второе. Влюбленным нетрудно найти место поближе к городу.

— Глядите-ка, нас уже ждут, — указал лейтенант на почти такую же коляску, стоящую впереди на проселке. Возле нее переминались с ноги на ногу три фигуры.

— Не более пяти минут, — уверенно заключил Лопухин, и Канчялов не стал спрашивать, на основании чего граф пришел к такому умозаключению. Специалисту виднее.

Раскланялись учтиво, но холодно. Извозчики, получив приказ ждать, отнеслись к барским выдумкам со спокойствием философов. Баре — они, известно, с жиру бесятся, а ежели палить в друг дружку зачнут, так на кладбище места много, не жалко...

После нескольких ничего не значащих слов мрачный Враницкий указал направление, где, по его разумению, могла найтись подходящая

поляна. Лопухин закурил папиросу, отгоняя налетевших с болота комаров. Двинулись.

Ах, как хороша была природа, чуть тронутая лучами встающего из моря солнца! Как величественны старые кедры! Как ярки ягоды лимонника, вьющегося по стволам дубов и кленов, уже начинающих понемногу желтеть и краснеть! Японец непременно сложил бы хайку и был бы прав: неуловимый момент перетекания лета в осень — чудесное время! Одни капли росы на шиповнике уже достойны того, чтобы воспеть их в странных японских стихах.

Впрочем — вздор!.. Лопухин мысленно послал природу ко всем чертям. Мысли о природе хороши для того, кто почти уже покойник. Допустим, так и будет. Скорее всего. Вряд ли они упустят такой блистательный случай. Великий князь Дмитрий Константинович не сентиментален — он прагматик. Чего ради он станет играть в благородство себе во вред, когда ему выпал столь блистательный случай решить неприятную проблему раз и навсегда?

Охнул, оступившись, доктор Аврамов и тотчас заругался, уронив саквояж, — оказывается, в поисках равновесия ухватился рукой за шипастое «чертово дерево».

— Тяжела доля врача? — шутливо посочувствовал Лопухин.

— Уж не тяжелее, чем доля больного, — парировал эскулап, рассматривая ладонь. — Мне — что? Я отсюда уж точно на своих двоих уйду.

— Да вы просто завидуете, — поддразнил Лопухин. — Какие дуэли между разночинцами? Нонсенс. Вот когда заслужите дворянство, тогда и дуэлируйте на здоровье.

— Нет уж, благодарю покорно! Я всяких ран насмотрелся. На чужих людях — и то, бывает, душу надорвешь, а уж на себе... — Аврамов махнул рукой. — Помирились бы, право. Глупо все это...

Лопухин смолчал. Нет, милейший Спиридон Потапович, это вовсе не глупо! Для одной из сторон это наилучший выход из затруднения. Воспользуется ли она им — небезынтересный вопрос.

— Вот хорошая поляна, — указал Враницкий. — По-моему, как раз.

— Согласен, — кивнул Канчелялов. — Ровная, и солнце в глаза не светит. Комаров вроде немного. Что скажете, Николай Николаевич?

— Не все ли равно? — Лопухин пожал плечами.

— Мне не нравится ваше настроение, — с беспокойством сообщил лейтенант, но ответа не дождался.

Привязанными к кольшкам бечевками секунданты отметили две параллельные линии длиной тридцать шагов каждая и пятнадцать шагов одна от другой. Осмотрев револьверы, вышелкнули из барабанов все патроны, кроме одного. Враницкий, назначенный с общего согласия руководителем дуэли, подбросил монетку, определяя места дуэлянтов.

— Прошу вас приблизиться, господа. В последний раз япрашиваю: не угодно ли вам примириться?

— Не угодно, — отрезал Розен, в то время как Лопухин молча покачал головой.

— В таком случае напоминаю вам условия дуэли. По команде «сближаться» вы имеете право стрелять. Вы можете, но не обязаны идти навстречу друг другу, придерживаясь каждый своей линии. Для прицеливания и производства выстрела вы обязаны остановиться. Во время движения револьвер должен быть направлен дулом вверх. Противник, стрелявший первым, обязан ждать выстрела своего противника совершенно неподвижно на месте, с которого он стрелял. По истечении тридцати секунд после первого выстрела противник, стреляющий вторым, теряет право стрелять. Раненный первым выстрелом противник имеет право стрелять в течение одной минуты с момента получения раны. Осечка считается за произведенный выстрел. Стрелять в воздух имеет право противник, стреляющий вторым. В случае безрезультатного исхода дуэль начинается заново после десятиминутного перерыва, который может быть сокращен по обоюдному желанию противников. Понятно, господа? Теперь прошу вас снять с себя все предметы, могущие задержать пулю.

Лопухин положил на проплешину в траве часы и портсигар. Розен, явившийся без георгиевского креста, отдал Враницкому часы.

— Получите оружие, господа. Прошу занять исходные места. Команда на сближение последует после счета «три».

Лопухин лишь мельком взглянул на Розена. Ни по выражению лица полковника, ни по цвету его шрама нельзя было угадать, получил ли он какие-либо инструкции. Потомок шведского генерала был серьезен и невозмутим, как подобает достойному противнику, но и только.

На миг появился соблазн застрелить Розена — и был тотчас задушен в зародыше. Нет уж. Глупое тело хочет жить. Туловище пытается управлять мыслями и поступками. Зря. Никогда этого не было и не будет.

Он занял место у колышка. Заметил направление, чтобы не коситься вниз, на бечевку. Поднял револьвер дулом вверх.

— Готовы?

Кивнул.

— Раз... Два... Три... Сближайтесь!

Не торопясь, Лопухин прошел пять шагов. Розен тоже двинулся навстречу по своей линии, и столь же неспешно. Вот он остановился, прицелился... Нет, передумал стрелять сейчас, поднял дуло, прошел еще несколько шагов. Опять остановился. Ну что же вы, полковник, чемпион полка по стрельбе из револьвера? Желаете, чтобы я подошел еще ближе? Извольте. Или непременно хотите, чтобы первый втрел был сделан не вами? Пойду навстречу и в этом.

Лопухин остановился и выстрелил. Розен дернул головой, как лошадь, отгоняющая слепня. Неторопливо ощупал левую скулу. На пальцах осталась кровь. Полковник нехорошо усмехнулся.

Теперь пошла минута, долгая минута ожидания. Лопухин стоял у своей бечевки неподвижно, как требовали правила, вполоборота и не прикрываясь револьвером. Что толку? Хороший стрелок на двадцати шагах загонит пулю, куда захочет, а ведь вы можете приблизиться до пятнадцати шагов... Что же вы медлите, полковник? Отчего не даете понять, получен ли вами намек: некто высокопоставленный, чье имя не должно произноситься вслух, будет крайне признателен, если вы отправите графа Лопухина на тот свет? Это должно совпадать с вашим желанием: ведь вы до сих пор не смирились с тем, что чиновника Третьего отделения можно уважать! И, кажется, не намерены с этим мириться. Ах, как хотелось бы узнать еще до выстрела: был ли намек, не было ли? Десять к одному, что был. Это логично. Великий князь, наместник и в скором времени цесаревич Дмитрий Константинович успешно постигает науку властвовать. Со временем он станет превосходным государем — умным, деятельным, прагматичным и не отягощенным сантиментами. Все хорошо. Однако граф Лопухин, хоть и сам не ангел, служить такому государю не будет...

Да ведь и не сможет! Лопухин едва не расхохотался. Иной раз мысли заходят в смешные тупики. Его сейчас убьют, какая уж тут служба!

Внезапно Розен навел револьвер на Лопухина. Целился он недолго.

Потом выстрелил.

ЭПИЛОГ,

в котором ничего по-настоящему не кончается

«Св. Екатерина легко скользила Японским морем.

Молоденький офицер, на днях произведенный в капитан-лейтенанты и получивший в командование баркентину, отнесся к Лопухину и его спутнице с чрезвычайным почтением. Несомненно, он догадывался о многом, но не подавал виду. Приказ есть приказ. В Шанхай так в Шанхай.

С каменным лицом присутствовал он на венчании раба божьего Николая с рабой божьей Екатериной в освященной только накануне судовой церкви. В тесной комнатенке было душно, запах ладана кружил голову. Подслеповатый попик, никогда прежде не ходивший в море, отчаянно трусящий и страдающий от качки, провел обряд на удивление благочинно. Видать, не разобрал, кто венчается. А что Екатерина Романова, так мало ли на Руси Романовых?

Невеста сияла. А вот жених был странен: одет с изяществом, тут ничего не скажешь, зато с большим медицинским пластырем на скуле. Никто, конечно, не спросил, чирей у него там или синяк. Но было любопытно.

Мало кто мог предполагать, что жених фактически начинает жизнь заново и никак не может привыкнуть к тому, насколько она прекрасна. Теперь Лопухин твердо знал: великий князь и будущий государь Дмитрий Константинович не воспользовался удобным случаем, чтобы «решить проблему». Полковник Розен ответил выстрелом с абсолютно тем же результатом — снял пулей клочок кожи, и только. Секунданты нашли условие результативности дуэли выполненным, а вопрос чести исчерпанным, после чего дуэлянты тепло пожали друг другу руки.

Свадебный пир в тесной кают-компании был скромным. А потом, когда молодые остались наедине, Катенька первая подошла к нему со словами: «Ну же, скорее! Теперь ты мой...»

Всю ночь они провели вдвоем на тесной койке. А вторая ночь оказалась еще лучше первой.

В соседней каюте похрапывал Еропка, вообразивший, что наконец-то сможет дрыхнуть в свое удовольствие сколько угодно. Он даже багаж толком не распаковал. Лентяю еще предстояло найти среди сорочек и галстуков томик «Одиссеи» и проникнуться мировой скорбью. Но пока он спал и был счастлив.

У каждого ведь свое счастье.

Лентяй-то лентяй, но преданнее его нет. Сначала Лопухин, находясь в некотором затмении, хотел послать Еропку в Москву — продать дом на Гончарной, продать имения, — но слуга чуть ли не на коленях упрашивал барина оставить его при себе. И опять пошло в ход неизменное «без меня вы пропадете». Ну, это вряд ли. Однако в конце концов логика победила. Весьма вероятно, что оставленное в России имущество уже под секвестром. И что могла предложить верному Еропке Россия? Заключение под стражу и жандармского следователя?

Умудренному опытом Лопухину было ясно, что ни спасение жизни цесаревича — вдобавок теперь уже бывшего цесаревича, — ни раскрытие трех заговоров, ни вербовка французского консула в далеком Гонолулу ни в малейшей степени не оправдают его измену. А что бегство с великой княжной за границу будет сочтено изменой, в том нет сомнений.

Но тяжелые мысли возникали теперь редко и быстро улетучивались. Впервые за много месяцев Лопухин был свободен от службы, радовался сему, наслаждался отдыхом, но порой удивлялся: чего-то в жизни как будто не хватало. Привык напрягать все силы ума и тела, элементарно привык! Ничего, небольшой отдых не повредит...

А что потом?

На третий день, укрываясь от разыгравшегося не на шутку шторма, зашли в корейский Пхохан. Городишко оказался дырой, но с телеграфом. Оттуда Лопухин послал в Петербург «коммерческую» телеграмму, изобилующую цифрами. Ответ пришел спустя несколько часов и был длинен. Дешифровку пришлось отложить.

Ранним утром, когда Катенька еще спала, Лопухин выбрался из-под одеяла и, стараясь не шуметь, достал из саквояжа письменные принадлежности и шифровальные таблицы. Дешифровка не заняла

много времени, а вот над посланием пришлось задуматься. Текст гласил:

«Милостивый государь!

Полагаю, нет нужды говорить вам о том, насколько государь император удручен вашим отъездом за границу с известной вам особой. Это тем более некстати, что здоровье государя серьезно подорвано. Не думаю, что вы можете быть прощены им в скором времени. Мне стоило немалых трудов убедить Е.И.В. не обращаться в Синод с просьбой объявить ваш брак недействительным. О причинах моего ходатайства за вас вы догадаетесь сами, дочитав до конца.

Саксен-Кобургскому дому предложена великая княжна Ольга Константиновна, *par pari refertur* [4]. Вряд ли, однако, такое предложение будет радостно принято: возраст невесты не позволяет ей вступить в брак раньше, чем через шесть-семь лет, и сомнительно, чтобы Франц-Леопольд согласился ждать столько времени. Но это уже дело дипломатов, *patentia patitur omnia*. [5]

Государь склоняется к мысли разрешить великому князю Михаилу Константиновичу вступить в законный брак с японской принцессой, каковую предполагается назвать Марией Федоровной после восприятия ею православного крещения. Можно с уверенностью предполагать, что Манифест об изменении престолонаследования будет подписан в ближайшие дни.

Несмотря на ваше вопиющее самовольство, ваши заслуги не забыты. Извещаю вас о том, что согласно воле государя за блестящее исполнение вами трудной миссии вы произведены в чин действительного статского советника и награждены Владимиром второй степени, каковые орденские знаки будут вручены вам, как только представится такая возможность.

Вполне понимаю ваше недовольство по поводу участия в экспедиции мичмана Свистунова. Согласитесь, однако, с тем, что важность задачи, столь блистательно решенной вами, оправдывала любые средства для достижения цели, в том числе и присутствие тайного наблюдателя, каковой заменил бы вас, случись с вами несчастье. Впрочем, я искренне рад, что до этого не дошло.

И последнее по очередности, но не по значению. Согласно последним сведениям, британские войска, высадившиеся на Ньюфаундленде, успешно продвигаются вглубь острова, беспощадно

подавляя любые попытки сопротивления. Нет никаких сомнений в том, что в скором времени они овладеют всей житницей Исландии. Но еще меньше сомнений вызывает прогноз: на острове очень скоро начнется партизанская война. От потомков викингов ничего иного ждать не приходится; вы знаете, что это за публика. В отношении собственно Исландии британский флот ограничивается лишь блокадой и эпизодическими бомбардировками прибрежных городов, не дерзая начать десантную операцию. Почти все ярлы объединились в военный союз и пощипывают англичан на морях иногда довольно чувствительно. Вдобавок к тому в Ирландии набирает силу освободительное движение. До восстания там еще не дошло, но дойдет. Очень накалена обстановка в Австралии; недавно колонисты выбросили в море грузы, обложенные несправедливой, по их мнению, пошлиной, и созвали Ассамблею для выработки требований к метрополии, угрожая в случае их непринятия выходом из состава Британской империи и провозглашением Австралии независимой республикой. Похоже, англичане крепко увязли в колониальных проблемах и увязнут еще глубже. Очень скоро им станет не до Исландии, в связи с чем перед нами открываются любопытные возможности. По-видимому, попытка убедить альтинг в том, что стране необходима твердая монархическая власть, небезнадежна. Ни один из ярлов не имеет, однако, ни малейшего шанса стать королем — слишком велика конкуренция и глубоки раздоры. Иное дело — возвести на престол чужеземного принца или принцессу.

Вы, конечно, улавливаете мысль. При такой королеве был бы очень полезен супруг — умный и энергичный принц-консорт из хорошей семьи. Обдумайте это. В случае согласия неназываемой особы и вашего дайте мне знать. Поддержка России — дипломатическая, финансовая и по линии Третьего отделения — вам обеспечена. Первый взнос вы можете получить в банке Ротфельда в Шанхае. Но не спешите действовать: блюдо еще не поспело к столу.

Отдохните, вы это заслужили. Советую посетить Австралию, это удивительная страна. Она нуждается в свежем взгляде на нее, а еще больше в оружии и умелом руководстве Ассамблеей. Полагаю, вы сумеете приобрести определенное влияние на нее, найти достойную кандидатуру на пост ее председателя, а может быть, и — как знать? — на пост первого президента Австралийской республики.

Кстати. Вероятно, вам интересно будет узнать, что несколько исландских ярлов и среди них небезызвестный Рутгер Кровавый Бушприт, прорвав блокаду, покинули со своими флотилиями северные воды и направляются предположительно к австралийским берегам. Убежден, что вы лучше меня оцените сей факт.

Неизменно уважающий вас Сутгоф».

Прочитав послание дважды, Лопухин незло усмехнулся. Стало быть, ничего не кончено. Верно говорят: не бывает бывших чиновников Третьего отделения... И всякую неудачу можно со временем обратить к выгоде — кому это лучше знать, чем Сутгофу? Следовательно, действительный статский советник граф Лопухин все еще на службе?

Тем лучше. Тяжка жизнь частного лица, пуста и бессмысленна. А Катенька? Сейчас она счастлива, но надолго ли? Ее деятельная натура будет искать выход из сонной бездеятельности, любовь со временем обернется обыденностью, а счастье растает, как снег. Так вот же он, выход. Уже предложен, и нечего искать.

Жена спала и улыбалась во сне. «Хочешь стать королевой?» — так надо спросить ее, когда проснется. И она, конечно, ответит со смехом: «А разве я не твоя королева?» Тут надо согласиться и не раскрывать больше ничего по меньшей мере до Шанхая. И только заметив в любимой признаки нарождающейся скуки...

Да. Только тогда. На благодатную почву. Дело и цель. Но сколько всего предстоит!..

А тем лучше.

2006—2007 гг.

1

Часто от долгих раздумий пропадает случай (лат.).

2

Люди (яп.).

3

Доктрина о предопределении.

4

Равное равным возмещается (лат.).

5

Терпение все побеждает (лат.).